

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

DMITRY POZHARSKY UNIVERSITY

THE EARLIEST STATES OF EASTERN EUROPE

2017–2018

Early forms and functions
of writing

Editor of the volume
TIMOFEY V. GUIMON

Moscow
Dmitry Pozharsky University
2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2017–2018 год

Ранние формы и функции
письма

Ответственный редактор тома
Т.В. ГИМОН

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2019

УДК 94(481).01,02,021,022
ББК 63.3(3,4)
Д73

*Печатается по решению Ученого совета
Института всеобщей истории РАН*

*Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского*

Рецензенты:

Доктор исторических наук *М.В. Винокурова*
Член-корреспондент РАН *А.А. Гиппиус*

Редакционный совет:

д.и.н. *М.В. Бибииков* (Москва), проф. *Д. Домбровский* (Быдгощ, Польша),
д.и.н. *А.А. Кузнецов* (Нижний Новгород), проф. *Дж. Линд* (Оденсе, Дания),
д.и.н. *В.Я. Петрухин* (Москва), д.филол.н. *С.Ю. Темчин* (Вильнюс, Литва),
чл.-корр. РАН *Ф.Б. Успенский* (Москва), проф. *С. Франклин* (Кембридж, Великобритания),
проф. *Г.Р. Цецхладзе* (Мельбурн, Австралия), проф. *Х. Янсон* (Гётеборг, Швеция)

Редакционная коллегия:

д.и.н. *Е.А. Мельникова* (ответственный редактор серии),
д.и.н. *Т.В. Гимон*, д.и.н. *Т.Н. Джаксон*, д.и.н. *И.Г. Коновалова*, к.филол.н. *В.И. Матузова*,
д.и.н. *А.В. Назаренко*, д.и.н. *А.В. Подосинов*, д.и.н. *Л.В. Столрарова*, к.и.н. *А.С. Щавелев*

**Д73 Древнейшие государства Восточной Европы. 2017–2018 годы:
Ранние формы и функции письма / отв. ред. тома Т.В. Гимон. –
М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. – 000
с.: ил.**

ISBN 978-5-91244-253-7
ISSN 1560-1382

Очередной том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» посвящен ранним формам и функциям письменности в обществах Древности и Средневековья. Центральная проблема тома – письмо и становление государственности – рассматривается на материале ряда обществ Древности и Средневековья, включая Древнюю Русь. Разбираются и другие сюжеты, связанные с ранними функциями письма и соотношением устных и письменных практик на разных этапах становления письменной культуры; исследуются и публикуются источники, принципиально важные для понимания ранней истории письма в ряде регионов. Книга рассчитана на широкий круг историков, филологов и специалистов по смежным дисциплинам, а также на всех тех, кто интересуется историей письма и, шире, историей и культурой Древности и Средневековья.

УДК 94(481).01,02,021,022
ББК 63.3(3,4)

ISBN 978-5-91244-253-7
ISSN 1560-1382

- © Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2019
- © Гимон Т.В., составление, редактирование, 2019
- © Институт всеобщей истории РАН, 2019
- © Оформление, Русский фонд содействия образованию и науке, 2019

Т.В. Гимон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» посвящен ранней истории письменности и функциям письма на ранних стадиях политогенеза. Том в значительной мере основан на докладах, прозвучавших на XXVIII Чтениях памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто «Письменность как элемент государственной инфраструктуры» (Москва, 20–22 апреля 2016 г.)¹ и на II круглом столе памяти А.А. Молчанова «Silentium aurum est: Появление и ранние функции письма (Древность и Средневековье)» (26–27 февраля 2018 г.)². Тем не менее состав статей настоящего тома не сводится к докладам этих двух конференций; более того, некоторые авторы, участвовавшие в названных конференциях, для настоящего тома подготовили совсем другие работы.

Многие из статей предлагаемого тома посвящены разным аспектам связи письма и политогенеза – тому, как соотносятся политогенез и появление письма, каковы функции письменности на разных стадиях формирования государственности.

Две статьи посвящены письму в древнегреческих полисах. И.Е. Суриков затрагивает вопрос о появлении греческого алфавита, а также сопоставляет функции письма в ранних Афинах, на Крите и на Кипре, показывая важные различия в сферах применения письма и круге грамотных, обусловленные разницей в путях социально-политического развития. М.В. Скржинская анализирует уже сложившиеся практики документирования в греческих полисах Северного Причерноморья.

Три статьи посвящены функциям письма в «кочевых империях» Евразии. Как кажется, их авторы рисуют три характерных среза того, какую роль может играть письменность. В державе

¹ См. изданный к Чтениям сборник материалов: ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2016.

² Видео докладов см.: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLvcdy_6j2FAMNUf_oaqv8iiNyQk_Nzajt> (21.01.2019). Благодарим М.И. Дробышева и А.В. Тутунину за техническую помощь.

Аттилы (статья И.Е. Ермоловой) о письме знали, но использовали его исключительно для внешних сношений с «письменными» соседями. В тюркских каганатах (статья В.В. Тишина) имелись письменные практики (например, составление монументальных эпитафий правителей) и даже было изобретено собственное оригинальное письмо (тюркские руны), однако нет оснований говорить о широком круге его функций в кочевом обществе, равно как и о широком круге грамотных. Наконец, в державе Чингисхана и его преемников (статья Р.П. Храпачевского) письменные практики распространяются быстро, правители используют монгольское письмо в целом ряде сфер и проявляют заинтересованность в его развитии, равно как и в формировании круга грамотных.

В статье Т.В. Гимона ставится вопрос о функциях письма при Владимире Святом – первом русском князе, для правления которого у нас есть сведения о распространении письменности. Автор приходит к выводу, что, наряду с применением письма в богослужении, при Владимире письменность начинает восприниматься как престижное и сакральное средство репрезентации правителя – и это находит многочисленные типологические параллели.

В статье В.А. Арутюновой-Фиданян анализируется своего рода парадокс: в Армении изобретение оригинальной письменности (армянского алфавита) и расцвет литературы (включая историописание) приходится на время упадка и (очень вскоре) утраты независимой государственности. Речь не идет о том, что письменные практики возникли в момент утраты государственности (армяне до этого много веков использовали греческое и сирийское письмо), но о расцвете и появлении новых функций письма в условиях сопротивления иноземной власти.

В.И. Матузова анализирует ту роль, которую играли письменные памятники (историописание, поэтические переложения библейских книг) в становлении идеологии Тевтонского ордена, поддерживая и обеспечивая становление ордена как государства и как корпорации в процессе завоевания Пруссии в XIII–XIV вв.

Наряду с проблемой «письмо и политогенез» в настоящем томе разбираются и другие сюжеты, связанные с ранними функциями письма и соотношением устных и письменных практик на разных этапах становления письменной культуры.

Статья И.С. Архипова посвящена до сих пор мало исследованным «служебным отметкам» на ранних клинописных табличках, использовавшимся для проверки написанного, для соотнесения данных документа с действительностью и т.п. Автор обзорно характеризует основные формы и функции таких отметок в разных клинописных корпусах, систематически разбирая подобные значки в документах города Мари (XVIII в. до н.э.).

А.В. Короленков критически рассматривает свидетельства античных источников о том, что в Древнем Риме существовала практика уничтожения писем побежденных (в гражданском противостоянии) врагов – с тем, чтобы эти документы не послужили источником дальнейшей смуты.

Статья Т.Н. Джексон посвящена проблеме соотношения устной и письменной форм коммуникации в раннесредневековой Норвегии. Анализируя сообщения исландских королевских саг, исследовательница показывает: у Снорри Стурлусона (первая половина XIII в.) существовало четкое представление о том, что древние конунги для сношений использовали только гонцов, тогда как позднее появляются верительные знаки, а еще позже – обычай писать письма, однако устное слово всё равно остается приоритетным; Снорри также различает более «письменные» датский и английский дворы, и более «устный» – норвежский. В «Саге о Хаконе Хаконарсоне» Стурлы Тордарсона, охватывающей первую половину – середину XIII в., письменная коммуникация предстает уже полноценной, хотя и сосуществующей с устной.

А.И. Груша в своей статье анализирует ту роль, которую в Великом княжестве Литовском в XV в. в судебном процессе играли: обычай, ритуалы, письменные документы и нестандартные, идущие в разрез с традицией, решения.

В состав тома включено несколько статей, посвященных ранним памятникам письменности (или целым группам таковых) и носящих фундаментальный (обобщающий, каталогизирующий) характер.

Работа А.П. Гаврилова представляет собой сводку известных на данный момент предметов с условными значками (возможно, носящими прото-письменный характер и, как показывает автор, всегда связанных с элитой), происходящих с памятников рязанско-окской культуры (I тыс. н.э.).

Е.А. Мельниковой каталогизированы и обобщены известные на данный момент рунические надписи, происходящие с западной периферии скандинавского мира – с островов Северной Атлантики (Оркнейских, Шетландских, Фарёрских островов, Исландии и Гренландии). Статья задумана как первая часть сводного описания комплексов рунических надписей скандинавов, обнаруженных вне пределов собственно Скандинавских стран.

Е.В. Литовских систематически исследует круг источников (как письменных, так и устных) и приемы работы с ними уже упоминавшегося выше Стурлы Тордарсона – автора первой из дошедших до нас редакций «Книги о занятии земли» – важнейшего источника по ранней истории Исландии.

Работа С.М. Каштанова и Л.В. Столяровой содержит комплексный анализ древнейшего русского сохранившегося акта – Мстиславовой грамоты (ее палеографии, дипломатического формуляра, печати, юридической сути). В частности, обосновывается гипотеза о том, что дошедшая до нас грамота была вырезана из какой-то пергаменной книги, на чистом листе которой первоначально была написана. В приложении к статье дана новая дипломатическая публикация грамоты.

Статья М.М. Дробышевой посвящена историографии древнерусских настенных надписей-граффити с начала XIX в. и до наших дней. Библиографический список к этой статье, превышающий ее основной текст, является полезным пособием для изучающих этот тип древнерусских письменных источников.

Наконец, раздел «Публикации» представлен четырьмя материалами. Д.Е. Мишин публикует текст и перевод среднеперсидского (вероятно, эпохи Сасанидов) трактата «О том, как писать письма». Скорее всего, этот текст – сборник образцов, использовавшихся профессиональными писцами для составления писем по заказу клиентов. Т.М. Калининой подготовлен комментированный перевод известного фрагмента сочинения «Фихрист» Ибн ан-Надима (X в.), в котором речь идет о письменности ряда народов: тюрков, волжских болгар, хазар, русов, франков и др. О.А. Макушников и Е.А. Мельникова публикуют недавно найденное в Гомельской области (Беларусь) кольцо с рунической надписью, анализируют археологический контекст находки, особенности самого кольца и вырезанных на нём рун. А.Д. Щегловым подготовлен перевод одного из важных (и ранее на совре-

менные языки не переводившегося) памятника шведского средневекового историописания – «Прозаической хроники» XV в., интересной, помимо прочего, своей трактовкой ранних этапов шведской истории.

Ответственный редактор тома благодарит за помощь в его подготовке остальных членов редколлегии, в особенности – Е.А. Мельникову и А.С. Щавелева, а также Д.Д. Беляева и Л.М. Орлову-Гимон.

Ilya Arkhipov

ON THE USE OF “CHECK MARKS” IN CUNEIFORM WRITING¹

In cuneiform writing, there is a little-studied category of signs known as “check marks” (German *Merkzeichen* or *Archivvermerke*, French *coches* or *marques de contrôle*). They have the shape of simple horizontal, vertical, oblique and angular wedges or scratches, their repetitions, combinations or impressions of the round end of the stylus. The functions of the check marks may be divided into intratextual and extratextual ones. The intratextual marks helped the scribe to proofread the text after it had been composed. The extratextual marks pointed at some relation between the text and the real world. The check marks of both kinds appear as early as in archaic texts of Uruk, at the turn of the 3rd millennium BC, and remain in use until the 1st millennium BC. The first part of the study shall provide a brief overview of the check marks that were in use in different cuneiform corpora. The second part shall describe the use of check marks in a particular cuneiform corpus, the archives of Mari (Tell Hariri) dating to the early 18th century BC.

Keywords: Ancient East, Mesopotamia, cuneiform, palaeography, history of accounting and bookkeeping

In cuneiform writing, most signs function as either logograms, syllabograms or determinatives. In certain corpora and genres, cuneiform signs consisting of one or two wedges can serve as “punctuation marks,” i.e., word dividers, paragraph markers, word or column joining signs, gloss markers, and repeat signs². In addition, various simple impressions of the stylus were used as so-called “check marks” (German *Merkzeichen* or *Archivvermerke*, French *coches* or *marques de contrôle*). In the first part of the present study, I shall provide a brief overview of the check marks that were in use in different cuneiform corpora. This overview is intended as a selection of examples rather than a synthesis. In the second part, I shall describe the use of check marks in a particular cuneiform corpus, the archives of Mari (Tell Hariri) dating to the early 18th century BC.

¹ I express my gratitude to Grégory Chambon, Jan Gerrit Dercksen, Natalia Koslova, Camille Lecompte, Hervé Reculeau and Walther Sallaberger for their comments and suggestions. I am also indebted to Nele Ziegler for permitting me to reproduce the photograph of FM 4, no. 16, and to Sergey Loesov for helping me improve my English writing.

² For an overview of cuneiform “punctuation marks” see: Taylor 2011. P. 16–18; for individual signs see: Borger 2010. No. 576, 577, 592, 748, 825.

The check marks have the shape of simple horizontal , vertical , oblique and angular wedges or scratches, their repetitions (e. g.,) combinations (e. g.,) or impressions of the round end of the stylus (, ,). Those of the check marks that are identical in shape with logossyllabic cuneiform signs are often transliterated as the respective logograms (see below), though in most cases the identity of the shapes is a coincidence³.

The functions of the check marks may be divided into intratextual and extratextual ones. The intratextual marks helped the scribe to proof-read the text after it had been composed. The extratextual marks pointed at some relation between the text and the real world. The check marks of both kinds appear as early as in archaic texts of Uruk, at the turn of the 3rd millennium BC, and remain in use until the 1st millennium BC.

Intratextual marks

Lexical lists from archaic Uruk have check marks at the beginning of each line, probably as “visual and memory aids in counting the number of lines inscribed on tablets so as to be able to collate line totals on original and copies” (Englund 1998. P. 83)⁴. The mark is an oblique impression of the round end of the stylus, identical in shape with the sign for the number 1.

The practice was continued in the archaic texts from Ur (the early 3rd millennium) and expanded from lexical lists to literary texts in the Fara period (the mid-3rd millennium)⁵. Some scribes of the Fara period marked each line with round impressions of the stylus , which elsewhere rendered the number 10 (Krebernik 1998. P. 314)⁶.

In later periods, the vertical wedge , identical with the sign for 1, became an obligatory part of the layout of certain lexical lists (Krecher 1973. P. 164; Civil 1976. P. 124). From the early 2nd millennium on, the sign for U meaning 10 () was used for marking every tenth line

³ Except for the use of the angle wedge as the number 10 for counting lines or objects, see below.

⁴ An example is ATU 3. P. 36 (a photograph is available online in the CDLI database, no. P000014).

⁵ Krecher 1973. P. 164. In texts of the Fara period, line markers are identical with the signs for 60, which have the same shape as the sign for 1 but are larger (Englund 1998. P. 83, note 179).

⁶ An example is Fara 2, no. 20 (see the photograph in CDLI, no. P010595).

in literary compositions and school exercises⁷, or every tenth item in accounting documents (see the section on Mari texts).

Extratextual marks

In accounting documents from archaic Uruk, a small oblique stroke \ used to be added to certain signs, acting “as an accounting check-off that the entry had been successfully carried over” (Englund 1998. P. 192)⁸. In an accounting text of the Fara period, the oblique wedge ↘, made with a stylus different from that of the text itself, marked several entries, probably to cross them off; in one case, it was used to emend a number 3 into 2 (Krebernik et al. 2005. P. 47–51). In another Fara document (Fara 3, no. 28), there is a similar oblique wedge in some entries between the numbers and the names of the recipients. The “deletion” of entries or amounts obviously served for accounting purposes, but its exact import (clearing outstanding amounts? cancelling scheduled transactions?) is hard to establish. This mark is similar, and perhaps related, to the oblique stroke of archaic Uruk.

In the Presargonic period (the 24th century BC), there appears a new check mark, the diagonal cross ✕. In accounting and legal documents, it was in use from the Presargonic at least to the Old Babylonian period⁹. The mark is conventionally transliterated as PAP or kúr (a reading of PAP), though it is hardly related to a meaning of the homographic sign PAP. In accounting documents, the marks, one or several per tablet, appear at the beginning or the end of a line, between the quantity and the recorded item, between the quantity and the recipient, or even inside a word. In Sargonic contracts, the mark is placed at the end of a document (Edzard 1968. No. 36, 56, 81)¹⁰. The cross marks are often smaller than the logosyllabic signs, and written above or below the other signs of the line. The marks were impressed on tablets that had been already dried up.

⁷ Krecher 1973. P. 165; Ludwig 2009. P. 10; see also the section on Mari texts below.

⁸ An example is MSVO 3, no. 11 (see the photograph in CDLI, no. P005322).

⁹ Gelb 1952. P. 44 (with a list of examples for all periods). A good example (Sargonic) for the use of cross marks is MAD 1, no. 330 (see the photograph in CDLI, no. P215157). For the Presargonic and Sargonic periods, see numerous additional references and a literature review in: Schrakamp 2010a. P. 346; Brumfield 2013. P. 121–123. For the Ur III period, BDTNS contains dozens of additional examples for a similar use of “PAP” (or “kúr”). For the Old Babylonian period, OECT 15, no. 122 and the Mari attestations (see below) are to be added to Gelb’s list.

¹⁰ There is also at least one Sargonic accounting text containing the check mark after the last line (MDP 14, no. 85).

As for the meaning of the check mark \sphericalangle , there is an agreement that it was used “to check off various entries in a list” (Gelb 1952. P. 44)¹¹, but its functions in a given document have received different *ad hoc* explanations. Admittedly, scribes added a cross mark to point out that a transaction was entered into another account (Englund 1990. P. 103, note 328; Brumfield 2013. P. 123), a scheduled transaction was not executed (Selz 1993. P. 186), a scheduled transaction was executed (Selz 1999. P. 496), leased goods were restored (Schrakamp 2010a. P. 346), outstanding amounts were cleared (Schrakamp 2008. P. 697), a prisoner was released (Wilcke 2003. P. 118, note 385), or a legal case was closed (Schrakamp 2010b. P. 147).

The cross mark \sphericalangle was also used in literary and school texts. In catalogues of compositions, the marks \sphericalangle (“PAP”) or \sphericalangle (“NU”) may have indicated missing tablets (Michalowski 2011. P. 25; Maul 1994. P. 191). The large crosses appearing on two Old Babylonian school letters from Nerebtum may be the teacher’s marks (Greengus 1979. No. 12, 20). In the 1st millennium BC, cross-shaped marks \sphericalangle , \sphericalangle and \sphericalangle , conventionally transliterated as PAP, BAD and NU, were put by teachers on the margins of literary and scholarly texts to signal errors committed by apprentice scribes (Borger 2010. No. 92, 112, with literature).

There existed extratextual marks other than the cross. The vertical wedge \Uparrow (“DIŠ”) may have been used as a check mark in a couple of Presargonic accounting documents from Lagaš (Selz 1989. P. 181, 202). In an Old Assyrian list of persons (the 18th century BC), most *personenkeils* (vertical wedges at the beginning of personal names) are squashed by round impressions (Özgülç 1986. Pl. 61/3a–3b, no. kt 73/k 14). In two early 18th-century ration lists from Chogha Gavaneh (South-Western Iran), two kinds of check marks, small circles and angle wedges \sphericalangle , were added in different combinations between the amounts of grain and the names of the recipients (Abdi–Beckman 2007. No. 40, 47). In a mid-18th-century Old Babylonian list of female prisoners, found in Uruk, most entries are marked by small round impressions (Rositani 2003. No. II 4). In a list of beer rations, from 17th-century Sippar, some entries are marked by horizontal wedges \sphericalangle (Van Koppen 2017. P. 92, no. BM 86452). In Ugarit (the 13th century BC), single (\sphericalangle) or double (\sphericalangle) angle wedges appear at the right end of the lines in a list of deities. These wedges may have been used for accounting purposes¹².

¹¹ The functions of the marks would thus be similar to those of other “checking-off” techniques such as erasing signs (Taylor 2011. P. 19; Bauer 1975. P. 192–193), crossing-off lines with red ochre (Charpin 1984; Durand–Marti 2004. P. 132) and criss-crossing a whole tablet side (YOS 5, no. 15).

¹² For a recent discussion and literature review see: Tugendhaft 2010. P. 708.

A particular accounting practice was in use in Middle Babylonian Nippur (the 14th and 13th centuries BC). For the issuing of rations, recipient lists were prepared in advance. When the persons recorded in the list were receiving their rations, round ● or oblique ㄣ impressions were made by the round end of the stylus in the respective entries (Clay 1906. P. 16)¹³.

Various “holes” (deep impressions) appear on late 2nd- and 1st-millennium literary and scholarly tablets. Their functions are unclear, part of the marks may have had to do with a tablet’s status as invalid (Taylor 2011. P. 15–16, 19).

Check-marks on Mari tablets

Among intratextual marks, line markers were used in several school lists of personal names found in the so-called *Maison des Tablettes* of Mari (Nicolet 2016. P. 239–267). In these texts, each line contains one personal name preceded by a vertical wedge (*personenkeil*). Every tenth line was marked by an angle wedge ㄣ (identical to the U sign meaning 10) placed between the *personenkeil* and the personal name. In some of the tablets, apart from the marks ㄣ in every tenth line, there are also light angular impressions in all other lines, because the scribes touched the lines with the stylus when they counted them. In a list of deities found in the Great Palace of Mari (ARM 24, no. 263), the tenth line is marked with an angle wedge.

The same method was also used in a few accounting tablets. Several ration lists show the marks ㄣ in front of the recipients’ names (FM 4, nos. 9: iii 8’; 30: i 24’, ii 9, 22; 34: 19; 35: 12)¹⁴. They mark every tenth person in each group exceeding ten persons rather than every tenth line of the text (Ziegler 1999. P. 201, note 762; p. 213, note 782; p. 214, note 783). In one list of personnel (ARM 24, no. 248), the tenth line of the reverse is marked with ㄣ. Here the scribe counted neither the lines from the beginning of the text nor the persons recorded, because the running number of the line containing the mark ㄣ is 39, and the person mentioned is the 38th one.

¹³ Cf. most recently: Tenney 2011. P. 10, 25–30. An example is BE 14, no. 22 (see the photograph in CDLI, no. P259716).

¹⁴ The photographs are available in the edition (save for no. 30) and in the ARCHIBAB database (<http://pix.archibab.fr/4Dcgi/40584D2118.jpg>; <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/43629H7677.jpg>; <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/40593H2946.jpg>; <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/40594A6858.jpg>).

A case apart is a ration list in which check marks were used as a calculation aid (FM 4, no. 16)¹⁵. Lines 13–33 of this tablet contain the list of persons who received 1/3 kor of grain each. In every third line in the list, there is a mark between the quantity and the name of the recipient. That is, the scribe hit every third line when counting the number of complete kors. These marks are carelessly impressed and have various shapes (sloppy horizontal wedges \sphericalangle in most cases, but an angle wedge \sphericalangle in line 30 and what looks like \sphericalangle in line 33). This shows that the shape of the marks was not important.

As for the extratextual notation, at least one Mari document sticks to the tradition of cross marks. In a fragmentary list of vases kept in coffers (ARM 31, no. 154), most preserved lines contain \sphericalangle (“PAP”) marks between the determinatives and the words for vases¹⁶. According to the editor, the marks were put to check off the vases that actually were in the coffers during the inspection (Guichard 2005. P. 451). The absence of the mark would mean that a vase that had been expected to be in the coffer was not there.

In other texts, the horizontal wedge \sphericalangle (“AŠ”) must have functioned in a similar way. A list of chariots issued to Mari officials has \sphericalangle in front of most names (ARM 32, no. M.5092)¹⁷. The marks are clearly absent from lines 12 and 19, while several lines are damaged. This may mean that the list had been prepared in advance, and the marks were added when the chariots were actually delivered to the recipients. The persons who were not checked off must have never received the chariots. In a list of vases, all preserved lines contain horizontal wedges \sphericalangle between the numbers and the terms for vases (ARM 24, no. 91 = ARM 31, no. 214).

Two fragments of muster rolls have horizontal \sphericalangle and angle \sphericalangle wedges in front of names (ARM 22, nos. 40 and 41)¹⁸. A fragmentary list of personnel contains horizontal wedges \sphericalangle in front of all preserved names but one or two (ARM 24, no. 223). A list of women displays angular marks \sphericalangle with all names but one (M.7754, published in Durand 1985. P. 393). A list of palace servants has small round marks

¹⁵ See Fig. 1. The photograph was published in the edition and ARCHIBAB (<http://pix.archibab.fr/4Dcgi/40588W4363.jpg>).

¹⁶ See the photograph in the edition and ARCHIBAB (<http://pix.archibab.fr/4Dcgi/17700G6273.jpg>; <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/17701A2452.jpg>). All intact lines save ll. 8', 9' and 5'' have the marks.

¹⁷ See the photograph in ARCHIBAB (<http://pix.archibab.fr/4Dcgi/22066V8128.jpg>).

¹⁸ Perhaps fragments of the same tablet.

in front of each name (ARM 24, no. 221); this is also the case of all preserved lines of the fragments ARM 24, no. 222 and 224. It is not clear whether the shape of the marks is meaningful. As the majority of the names have the marks, they may have checked off the persons who were *present* at a roll call.

Horizontal wedges \sphericalangle were also put in front of some names in a list of female slaves sent as gifts to foreign rulers (ARM 22, no. 27⁺, see Bardet et al. 1984. P. 504–505). In two fragmentary lists of soldiers, some names are marked with angular marks \sphericalangle (ARM 24, no. 229 and 256). In a short list of craftsmen, one name is marked with a cross \sphericalangle (ARM 21, no. 374: 3)¹⁹. As in these cases the names so marked are a minority, we may speculate that the marks checked off the persons which were *absent* in some way.

In other texts, the function of check marks is obscure. In a dowry list, lines 38–50 have careless horizontal or angular wedges between the numbers and the objects (ARM 22, no. 322: 38–50)²⁰. It is not clear why only these items of the dowry were marked²¹. The fragment of a textile ration list has angle wedges in front of some names of the recipients (FM 4, no. 24: 3'–5')²². Similar angle wedges are also present in some school copies of lists of personal names (Nicolet 2016. P. 270–272). In both cases, the marks are not line markers, because their placing does not correspond to multiples of ten. In a list of female palace personnel who took oaths of loyalty, some names are marked with double angle wedges \sphericalangle for no apparent reason (FM 4, no. 31: i 41, 58, ii 48, 60, iii 7', 1'', 21'', 28'')²³. In an inventory of belongings of a merchant, ARM 24, no. 212, there is an angle wedge mark \sphericalangle in line 2 mentioning a slave.

For one document containing check marks (ARM 21, no. 56)²⁴, one may hypothetically reconstruct the editing history. The contents and the layout of the document are presented in the following table.

¹⁹ For the handcopy see TCM 5, no. 374.

²⁰ Lines 44, 47, 48 contain angle wedges, while the other lines are marked with horizontal wedges. See the photo in ARCHIBAB (<http://pix.archibab.fr/4Dcgi/17235A2232.jpg>; <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/17234U8282.jpg>).

²¹ Two duplicates of this text, ARM 31, no. 27 and ARM 32, no. M.5237⁺, do not contain check marks.

²² See the photograph in ARCHIBAB (<http://pix.archibab.fr/4Dcgi/43623F4250.jpg>).

²³ See the photograph in the edition and ARCHIBAB (<http://pix.archibab.fr/4Dcgi/40591E3283.jpg>). Line ii 60 seems to have \sphericalangle rather than \sphericalangle .

²⁴ For the handcopy see TCM 5, no. 56.

Table 1. The structure of ARM 21, no. 56²⁵

Line number	Column			
	I	II	III	IV
1	5 rams	2 clothes	1 silver vase	PN
2	2 rams	1 cloth		PN from GN
3	1 {x} ²⁶ ram			PN
4	1 𐎶 𐎶			PN from GN
5	1 𐎶 𐎶			PN from GN
5-bis	1 𐎶			PN [...]
6	1 𐎶 𐎶			PN (from) GN
7	1 𐎶			PN
8	1 𐎶			PN from GN
9	1 [𐎶]			PN [...]
10	1 𐎶			PN [(from)] GN
10-bis	1 𐎶			PN from GN
11	1 𐎶			PN (from) GN
12	1 𐎶			PN (from) GN
13	1 𐎶			PN
14				(from) GN
15	1 𐎶			PN
16				(from) GN
17	1			(erasure)
(indent)				
18				20 rams
19				3 clothes

The outward appearance of the tablet makes it clear that a draft of the text did not have lines 5-bis and 10-bis, and contained a personal name in line 17. In this draft, the number of rams matched the total recorded in line 18, i.e. 20 rams. At the issuing of rams, the persons who received them were being checked off with 𐎶 marks. Lines 5-bis and 10-bis were inserted to take into account two persons who had not been on the draft list. The name of the person who eventually did not receive a ram was erased, and the check mark was not added to the line. As a result, the real number of the rams issued (21) did not come to match the draft total, which, however, was not corrected. It remains unclear, firstly, why

²⁵ PN = personal name, GN = geographic name. As lines 5-bis and 10-bis are very narrow, they must have been inserted between the lines that had been written earlier.

²⁶ The number is followed by a weird combination of wedges or strokes.

the scribe used double horizontal wedges in lines 4, 5 and 6, and single wedges in the other lines (including the inserted line 5-bis), and, secondly, why the first three lines got no check marks²⁷.

Fig. 1. FM 4, no. 16.
© Archives royales de Mari

²⁷ As the lines are densely written, the marks may be difficult to discern. There seem to be some unusual strokes in line 1 (in particular under the number 2) and in line 3 (see the previous footnote).

REFERENCES

- Abdi K., Beckman G.* An early second-millennium cuneiform archive from Chogha Gavaneh, Western Iran // *Journal of Cuneiform Studies*. 2007. Vol. 59. P. 39–91.
- Bardet G., Joannès F., Lafont B., Soubeyran D., Villard P.* Archives administratives de Mari I. P., 1984. (*Archives royales de Mari* 23).
- Bauer J.* Darlehensurkunden aus Girsu // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1975. Vol. 18. P. 189–218.
- Borger R.* Mesopotamisches Zeichenlexikon. Zweite, revidierte und aktualisierte Auflage. Münster, 2010.
- Brumfield S.* Imperial methods: Using text mining and social network analysis to detect regional strategies in the Akkadian empire: PhD thesis. University of California, 2013.
- Charpin D.* Une pratique administrative méconnue // *Mari: Annales des recherches interdisciplinaires*. 1984. Vol. 3. P. 258–259.
- Civil M.* Lexicography // *Sumerological studies in honor of Thorkild Jacobsen on his 70th birthday*. June 7, 1974 / Ed. by S.J. Lieberman. Chicago; L., 1976. P. 123–157.
- Clay A.* Documents from the temple archives of Nippur: dated in the reigns of Cassite rulers. Philadelphia, 1906. (*Babylonian expedition of the University of Pennsylvania*; 14. Series A: Cuneiform texts).
- Durand J.-M.* Les dames du palais de Mari à l'époque du royaume de Haute Mésopotamie // *Mari: Annales de recherches interdisciplinaires*. 1985. Vol. 4. P. 385–436.
- Durand J.-M., Marti L.* Chroniques du Moyen-Euphrate. 3. Les documents du Tell Bi'a // *Revue d'Assyriologie*. 2004. Vol. 98. P. 121–150.
- Edzard D.O.* Sumerische Rechtsurkunden des III. Jahrtausends aus der Zeit vor der III. Dynastie von Ur. München, 1968.
- Englund R.K.* Organisation und Verwaltung der Ur III-Fischerei. B., 1990.
- Englund R.K.* Texts from the Late Uruk period // *Mesopotamien: Späturuk-Zeit und frühdynastische Zeit. Annäherungen 1* / Ed. by P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg; Göttingen, 1998. P. 15–233.
- Gelb I.J.* Old Akkadian writing and grammar. Chicago, 1952.
- Greengus S.* Old Babylonian tablets from Ishchali and vicinity. Leiden, 1979.
- Guichard M.* La Vaisselle de luxe des rois de Mari. P., 2005. (*Archives royales de Mari*; 31).
- Krebernik M.* Die Texte aus Fāra und Tell Abū Ṣalābīḥ // *Mesopotamien: Späturuk-Zeit und frühdynastische Zeit. Annäherungen 1* / Ed. by P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg; Göttingen, 1998. P. 237–627.
- Krebernik M., Marzahn J., Selz G.* Eine Fara-zeitliche "Tabelle" // *Archiv für Orientforschung*. 2005. Bd. 51. P. 45–52.
- Krecher F.* Neue sumerische Rechtsurkunden des 3. Jahrtausends // *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie*. 1973. Bd. 63. P. 145–271.

- Ludwig M.-Ch.* Literarische Texte aus Ur: Kollationen und Kommentare zu UET 6/1–2. B.; N.Y., 2009.
- Maul S.* Zukunftsbewältigung. Eine Untersuchung altorientalischen Denkens anhand der babylonisch-assyrischen Löserituale (Namburbi). Mainz, 1994.
- Michalowski P.* The Correspondence of the kings of Ur. Winona Lake, 2011.
- Nicolet G.* La ‘Maison aux tablettes’ et l’enseignement à Mari à l’époque paléo-babylonienne (ca. 1800 av. J.-C.): PhD thesis. University of Geneva, 2016. Vol. 2.
- Özgülç T.* Kültepe-Kaniş II. New researches at the trading center of the Ancient Near East. Ankara, 1986.
- Rositani A.* Rim-Anum texts in the British Museum. Messina, 2003. (Nisaba 4).
- Schrakamp I.* [Rev. of:] *Pomponio F. et al.* Le tavolette cuneiformi di Adab. Le tavolette cuneiformi di varia provenienza. Roma, 2006 // *Bibliotheca orientalis*. 2008. T. 65. P. 661–712.
- Schrakamp I.* Krieger und Waffen im frühen Mesopotamien. Organisation und Bewaffung des Militärs in Frühdynastischer und Sargonischer Zeit: PhD thesis. University of Marburg, 2010. (a)
- Schrakamp I.* [Rev. of:] *Wilcke C.* Early Ancient Near Eastern law. A history of its beginnings. The Early Dynastic and Sargonic periods. Revised edition. Winona Lake, 2007 // *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie*. 2010. Bd. 100. P. 142–163. (b)
- Selz G.* Die altsumerischen Wirtschaftsurkunden der Eremitage zu Leningrad. Stuttgart, 1989.
- Selz G.* Altsumerische Wirtschaftsurkunden aus amerikanischen Sammlungen. 1. Abschnitt. Stuttgart, 1993.
- Selz G.* Vom “vergangenen Geschehen” zur “Zukunftsbewältigung”. Überlegungen zur Rolle der Schrift in Ökonomie und Geschichte // *Munuscula Mesopotamica*. Festschrift für Johannes Renger / Ed. by B. Bock, E. Cancik-Kirschbaum, Th. Richter. Münster, 1999.
- Taylor J.* Tablets as artefacts, scribes as artisans // *The Oxford handbook of cuneiform culture* / Ed. by K. Radner, E. Robson. Oxford, 2011. P. 5–31.
- Tenney J.S.* Life at the bottom of Babylonian society. Servile laborers at Nippur in the 14th and 13th centuries B.C. Leiden; Boston, 2011.
- Tugendhaft A.* On *ym* and ^dA.AB.BA at Ugarit // *Ugarit-Forschungen*. 2012. Bd. 42. P. 697–712.
- Van Koppen F.* The early Kassite period // *Karduniaš*. Babylonia under the Kassites. The Proceedings of the symposium held in Munich 30 June to 2 July 2011 / Ed. by A. Bartelmus, K. Sternitzke. B.; Boston, 2017. P. 45–92.
- Wilcke C.* Early Ancient Near Eastern law. A History of its beginnings. The Early Dynastic and Sargonic periods. München, 2003.
- Ziegler N.* Le Harem de Zimri-Lim. P., 1999. (FM; 4).

О «СЛУЖЕБНЫХ ОТМЕТКАХ» НА КЛИНОПИСНЫХ ТАБЛИЧКАХ

В клинописи существует слабо изученная категория знаков, которую можно определить как «служебные отметки». Такие знаки имеют вид простых горизонтальных, вертикальных, наклонных и угловых клинов или черточек, их простых комбинаций, а также оттисков круглого конца писцового стиля. По функциям «служебные отметки» можно разделить на внутритекстовые и внетекстовые. Внутритекстовые отметки помогали писцу проверить текст после записи. Внетекстовые отметки указывали на определенное отношение между содержанием текста и внешними обстоятельствами. Отметки обоих видов появляются уже в архаических клинописных текстах из Урука на рубеже IV–III тыс. до н.э. и используются по меньшей мере до середины I тыс. до н.э. Первая часть исследования представляет собой краткий обзор «служебных отметок», применявшихся в разных клинописных корпусах. Во второй части подробно рассматриваются «служебные отметки», встречающиеся на клинописных табличках из архивов города Мари (Телль-Харири) первой половины XVIII в. до н.э.

Ключевые слова: Древний Восток, Месопотамия, клинопись, палеография, архивоведение, история бухгалтерского учета

И.Е. Суриков

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПИСЬМЕННОСТЬ В АНТИЧНОМ ГРЕЧЕСКОМ МИРЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОРРЕЛЯЦИИ ДВУХ СФЕР

В статье указывается на связи, которые существовали в античной Греции между политогенезом и эволюцией систем письменности, отмечается фактически параллельный характер соответствующих процессов как в общем плане, так и на материале сравнительного анализа ситуации в трех регионах (Аттика, Крит, Кипр), имевших в обеих сферах принципиальное отличие друг от друга.

Ключевые слова: письменность, алфавит, силлабарий, греки, финикийцы, Аттика, Крит, Кипр, демократия, олигархия, монархия

Для нас совершенно несомненно, что специфика политогенеза в каждом конкретном социуме находится в определенном соотношении со спецификой функционирования письменности в том же социуме (имеются в виду тип письма, сферы его применения, степень распространенности). Говоря пока в самой общей форме, обратимся хотя бы к такому примеру.

Отнюдь нельзя считать чисто случайным совпадением по хронологии тот факт, что в античной Греции абсолютно в одно и то же время имели место два чрезвычайно важных явления: с одной стороны, формирование государственности в уникальной по мировым масштабам полисной форме, с другой же стороны – появление и распространение алфавитной письменности, тоже вещи для тех времен абсолютно беспрецедентной.

Можно данный тезис даже конкретизировать путем сопоставления диахронного развития двух процессов. В IX в. до н.э. оба они, так сказать, «балансируют на грани возникновения»: в сфере политогенеза протополисы еще не оформились в полисы, но уже близки к тому, а в сфере письменности греческий алфавит тоже еще не сложился, но всё к тому идет (возможно, его появление следует-таки отнести к самому концу этого столетия, см. ниже);

во всяком случае, в некоторых регионах Эллады (например, на Крите, см.: Coldstream 2003. P. 405; Stampolidis, Kotsonas 2006) греки уже сталкиваются с письмом финикийцев, которое потом легло в основу их собственного.

Далее, в VIII в. до н.э., начинается процесс становления полиса (Snodgrass 1981; Starr 1986; Morris 1989; Hall 2014), и в том же столетии памятники греческой алфавитной письменности уже однозначно зафиксированы, но пока они еще весьма редки. Во всяком случае, они весьма редки в первой половине века; но и это закономерно: «старт» процесса формирования полиса в развитых регионах тогдашней Греции (таких как Афины, Аргос, Коринф) относят как раз к периоду около 750 г. до н.э. (Morris 1989; Kōiv 2003; Суриков 2013а).

Наконец, в VII в. до н.э. полис (пока как архаический полис, см. к типологии: Суриков 2010. С. 14 сл.) уже вполне сложился, и опять же совершенно не случайно, что тогда же в греческом мире начинает несравненно более широко употребляться письменность, причем для самых разных целей – от фиксирования законов и вплоть до досужих «туристских» надписей на достопримечательностях в духе «Киса и Ося были здесь» (да, это не шутка; см. наш комментированный перевод того, что понаписали греки в начале VI в. до н.э. на ноге колоссальной статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле, на юге Египта: Суриков 2014. С. 232).

Кстати, возвращаясь к вопросу о конкретном времени появления алфавита, попробуем данный момент несколько уточнить и прояснить (формулируемые ниже положения ранее частично высказывались нами в тезисной форме: Суриков 2013б; 2016; 2018). Если еще в фундаментальном труде Л. Джеффри (Jeffery 1963) однозначно утверждалось, что интересующее нас событие следует относить ко второй половине VIII в. до н.э., то теперь ясно, что его надлежит несколько «удревнить».

Здесь необходимо отметить, что, хотя только что упомянутый труд является в полной мере классическим и среди литературы о греческой письменности поныне не имеет себе равных по богатству приводимого источникового материала (главная заслуга Джеффри – в исключительно скрупулезном изучении локальных и диалектальных вариантов букв в ранних эллинских надписях), с точки зрения концептуальной оригинальности нам наиболее импонируют сделанные позже выкладки Б. Пауэлла. Последний вначале опубликовал интереснейшую статью «Почему был изобретен

греческий алфавит?» (Powell 1989), а затем развил свою аргументацию в монографии «Гомер и происхождение греческого алфавита» (Powell 1991). Немалое место занимает интересующая нас проблематика и в его общих работах о гомеровском эпосе (Powell 1997; 2004. P. 1–61).

Тем временем была открыта древнегреческая надпись, которая ныне признается самой-самой ранней (о ней см.: Ridgway 1996); ее датируют самым началом VIII или, может быть, даже рубежом IX–VIII вв. до н.э. Сам Б. Пауэлл считает наиболее вероятным временем появления алфавита первые десятилетия VIII в. до н.э.

Пауэлл – решительный приверженец теории моногенеза в спорах о происхождении греческого алфавитного письма. Иными словами, он настаивает, что алфавит – не продукт долгих и трудных усилий многих поколений (как полагала, например, та же Л. Джеффри), а дело ума и рук некоего конкретного человека (в связи с этим он и припоминает известное выражение великого Виламовица о «творце алфавита» – *ein unbekannte Wohltäter*, «неведомый благодетель»: Wilamowitz-Moellendorff 1884. S. 289).

Правда, относительно личности этого конкретного человека нам трудно согласиться с Пауэллом. Его «кандидатура» на роль творца алфавита – эвбейский герой Паламед. Но не будем забывать о том, что Паламед – мифологический персонаж, участник Троянской войны. А война эта имела место не позже первой четверти XII в. до н.э., и, соответственно, если у Паламеда имелся исторический прототип, он должен был жить именно тогда. Но для тех времен об алфавите еще не может быть и речи.

Вообще говоря, Б. Пауэлл в своих работах очень многое пишет как бы «в пику» Джеффри. В частности, Джеффри не считала, что греческий алфавит – первый в мире, поскольку признавала западносемитские письменности (в том числе финикийскую, непосредственную предшественницу греческой) тоже уже алфавитными. Однако Пауэлл, опираясь на наблюдения И. Гельба (Gelb 1963; русский перевод см.: Гельб 1982), четко демонстрирует, что письменности западных семитов в действительности представляли собой не алфавит, а финальную, наиболее совершенную стадию развития слогового письма (силлабария). В них знак деноотирует сочетание «конкретный согласный плюс любой гласный» (например, b^x , g^x , d^x и т.п.).

В результате, например, у финикийцев было 22 знака, и это может восприниматься (несколько превратно) как «алфавит из одних

согласных». Греки же ввели специальные знаки для гласных, что было воистину прорывом. Только письменность, имеющая знаки (буквы) для каждого звука использующего его языка, может считаться в полном смысле алфавитной.

Еще один принципиальнейший тезис Б. Пауэлла: если для Джеффери, как и для подавляющего большинства других специалистов, главной причиной введения греками алфавита была экономическая необходимость (ведение купеческих записей), то Пауэлл настаивает, что алфавит был создан для записи поэм Гомера. Парадоксальная, но глубоко импонирующая идея! Впервые она была высказана в середине XX в. видным антиковедом Г. Уэйд-Гери (Wade-Gery 1950), но скорее мимоходом и без детальной системы доказательств, а Пауэлл как раз такую систему и предлагает. Не будем здесь подробно останавливаться на этом вопросе, поскольку планируем посвятить ему отдельное исследование. Лишь вкратце отметим два момента.

Во-первых, среди самых ранних древнегреческих надписей (VIII в. до н.э. и начала VII в. до н.э.) очень велик процент стихотворных, причем сделанных именно эпическим гекзаметром, а вот хозяйственных документов нет вообще. Во-вторых, вернемся к проблеме введения гласных. Для купеческих записей они, строго говоря, не нужны, и ведь обходились же веками финикийские торговцы без гласных, не ощущая ни малейшего дискомфорта. А вот греческую поэзию с ее метрикой и просодией, основанной на различении долгих и кратких гласных, просто нельзя было адекватно фиксировать в письменном виде без наличия особых букв для гласных звуков. Прочитируем новейшую работу: «Эпос Гомера, безусловно, не мог бы быть записан в его существующей форме без использования алфавитного письма» (Janko 2015. P. 27).

Что касается конкретного места появления греческого алфавита, то, если говорить в самом общем виде, ясно, что это – зона ионийских диалектов. Например, заметим, со своей стороны, что только этим может объясняться отсутствие у греков букв для [ā] и [h] (последний звук позже обычно передавался посредством *spiritus asper*, но, например, в староаттическом алфавите для него использовалась *эта*). Дело в том, что именно в ионийских диалектах [ā] переходил в [ē], а [h] элиминировался в результате так называемого силосиса.

Если говорить конкретнее, то Б. Пауэлл не сомневается, что нужно искать корни алфавитной письменности где-то в ареале

деятельности эвбейцев (тем более что их диалект как раз относился к ионийским). В X–VIII вв. до н.э. именно Эвбея шла, так сказать, в авангарде всей Эллады (Суриков 2017. С. 86 сл., 119 сл.). Эвбейские мореходы, с одной стороны, первыми из эллинов после «темных веков» возобновили плавание к восточному побережью Средиземного моря, где процветали западносемитские письменности. С другой стороны, они первыми же в ту эпоху начали плавать и на запад, в Италию. Оговоримся в связи со сказанным, что именно из Италии, из Лация, происходит самая ранняя греческая алфавитная надпись, о которой упоминалось выше, – ΕΥΛΙΝ, т.е., видимо, εὐλίνο(ς). В ту весьма давнюю эпоху у итальянских берегов из греков бывали только эвбейцы, чуть позже основавшие в соседней с Лацием Кампанией свои первые колонии.

Одним словом, против «эвбейской» локализации происхождения алфавита, на наш взгляд, трудно что-либо возразить. Тем не менее возражения раздавались. В частности, чуть позже Б. Пауэлла собственные концептуальные построения на ту же тему предложил Р. Вудард (см. прежде всего монографию: Woodard 1997; ср. также: Woodard 2010).

Этот исследователь датирует появление греческого алфавита несколько более ранним временем, нежели Пауэлл, а именно второй половиной IX в. до н.э. Такой хронологии действительно нельзя полностью исключать, а вот относительно места, где произошло это событие, мы решительно не можем согласиться с Вудардом. Он считает, что здесь следует говорить не об Эвбее или каком-либо из основанных эвбейцами поселений, а о Кипре.

Подобное предположение представляется нам неприемлемым, и вот почему. Об особенностях ситуации с письменностью на «острове Афродиты» будет подробно говориться ближе к концу настоящей статьи. Пока же вкратце отметим следующее. У греков-киприотов имела хождение не алфавитная, а слоговая письменность, причем, что особенно интересно, они оказались привержены ей даже тогда, когда у эллинов Эгеиды уже возник алфавит, и не перешли на него, а продолжали упорно пользоваться своим силлабариумом вплоть до рубежа эпох классики и эллинизма.

Было бы в высшей степени удивительно, если бы киприоты изобрели алфавитное письмо, но не для себя самих, а для других, – так сказать, «на экспорт», – для собственных же нужд удержав письмо более примитивного и неудобного типа. Попытка Р. Вударда объяснить постулируемый им феномен фактически сводит-

ся к набору общих фраз и совершенно не выглядит убедительной (ср. критику: Gates 2010. P. 45).

В высшей степени характерен, в частности, вот какой факт. Эгейские греки, как только изобрели алфавит, сразу же, уже в VIII в. до н.э., начали записывать гексаметры. Киприоты этому примеру отнюдь не последовали – ни тогда, ни позже. Известна всего лишь *одна-единственная* кипрская силлабическая надпись, содержащая гексаметрические строки (Powell 1991. P. 110 ff.), и это, между прочим, как раз такого рода исключение, которое только подтверждает правило: упомянутый памятник с предельной ясностью демонстрирует, насколько все-таки слабо пригодна силлабика для передачи античной поэзии. Да и в целом отмечалось (Sherratt 2003. P. 238), что пути эволюции систем письменности в Греции как таковой и на Кипре были принципиально разными.

* * *

Итак, эвбейские города (Левканди, затем Эретрия и Халкида) являлись в период самой ранней архаики наиболее развитыми во всем греческом мире, и в то же время с наибольшей степенью вероятности следует признать именно Эвбею (или, точнее, зону деятельности ее жителей) родиной алфавита. Таким образом, определенная корреляция уже налицо.

Можно ли придать сделанному наблюдению обобщающий характер? В категоричной форме – скорее нет. Сразу хотим подчеркнуть: пожалуй, нельзя усматривать в имеющемся материале прямой и однозначной зависимости по принципу «чем развитее регион – тем употребительнее в нём письменность». Тем не менее, если подходить к проблеме более тонко, все-таки и на конкретном уровне можно уловить некую системную связь между особенностями политогенеза и особенностями письменной традиции. Далее как раз на этом мы и остановимся, проведя сопоставительный анализ трех очень непохожих друг на друга примеров.

1. Аттика. Территория афинского полиса относится, судя по всем данным, к тем регионам, в которых алфавитная письменность получила распространение весьма рано. В распоряжении ученых есть аттические надписи VIII в. до н.э., в том числе, например, самая ранняя сохранившаяся греческая надпись на камне (конца VIII в. до н.э.); она, впрочем, плохо сохранилась, и смысл ее невразумителен (текст см.: Jeffery 1963. P. 401; Powell 1991. P. 150).

В подавляющем же большинстве первые памятники греческой эпиграфики представляют собой граффити на керамике. Один из примеров – текст, который Б. Пауэлл назвал «самой знаменитой из ранних греческих надписей» (Powell 1991. P. 158). Это так называемая Дипилонская надпись, именуемая так потому, что была найдена близ Дипилонских ворот в афинском Керамике, квартале гончаров. Точнее, в будущем Керамике, поскольку в VIII в. до н.э. эта зона еще не была жилой и использовалась для некрополя.

Интересующее нас граффито, сделанное на ойнохое позднегеометрического стиля (направление букв – справа налево, как часто бывает в древнейших греческих надписях), ныне надежно датируется 730-ми годами до н.э. (текст см.: Jeffery 1963. P. 401; Powell 1991. P. 159). Надпись содержит гекзаметрический отрывок (одну полную строку и начало второй), который имеет смысл привести:

ἄος νῦν ὄρχηστον πάντων ἀταλότατα παίζει | τὸ τὸδε

Для большей легкости восприятия преобразуем староаттические написания в привычные ионийские:

Ἄος νῦν ὄρχηστῶν πάντων ἀταλότατα παίζει,
Τὸ τὸδε...

Кто ныне из плясунов резвится всех веселее,
Этот тому...

Явно имеется в виду, что самому резвому танцору достанется в награду надписанный сосуд. Гекзаметр не окончен, и далее следует несколько букв, в совокупности не дающих смысла. В любом случае ясно, что перед нами надпись частного характера (именно таковые, а не официальные, безусловно преобладали почти во всех греческих центрах на первом этапе функционирования алфавитной письменности), и практически нет сомнения в том, что она имеет отношение к симпозиальной тематике.

Удивляться столь раннему появлению алфавита в Аттике не приходится, если признавать эвбейский приоритет в изобретении самого этого новшества. Афины как минимум с начала I тыс. до н.э. поддерживали тесные связи с находившейся совсем неподалеку Эвбеей; в частности, на эвбейцев повлияли аттические протогеометрические и геометрические вазописные стили, и не исключено, что в тот период афинские расписные сосуды развозили

по разным местам именно эвбейские торговцы (Coldstream 2003. P. 384).

Позже, в VI в. до н.э., Афины в результате реформ Солона встали в полном смысле слова на путь «модернизации» (о значимости солоновской деятельности для этого процесса см., например: Raaflaub, Ober, Wallace 2007. P. 49–82; Dmitriev 2018. P. 128–167). В результате данный полис с какого-то момента начал сильно отличаться по своей государственной инфраструктуре от всех остальных. Особенно сильно это ощущалось в V–IV вв. до н.э., когда функционировала классическая афинская демократия. В тот же период и судьбы письменности в Афинах были, в общем-то, тоже иными, нежели в каком-либо другом месте Эллады.

Письменных памятников, происходящих из Афин, сохранилось, как известно каждому, чрезвычайно много. Речь идет о памятниках практически всех возможных категорий. Если говорить о древнегреческой нарративной традиции, то ведь львиную долю в ней (во всяком случае, если говорить о доэллинистическом времени, а только оно нас здесь и интересует) занимают сочинения афинских авторов (афинских если не по месту рождения, то, по крайней мере, по факту многолетнего пребывания в «городе Паллады» – вспомним Анаксагора, Протагора, Лисия, Аристотеля, Эфора, Феопомпа – да имя им легион).

Если говорить об эпиграфических памятниках, перед нами аналогичная ситуация – ни из какого иного центра не происходит столь же много лапидарных надписей, сколь из Аттики. Вспомним хотя бы о знаменитых декретах (псефисмах) афинского народного собрания, которые являются воистину украшением любого издания лучших образчиков греческой эпиграфики. Не случайно в обобщающем труде о псефисмах в эллинических государствах (Rhodes, Lewis 1997) материал из Афин занимает наиболее видное место. Постановления экклесии, в огромном количестве выставленные повсюду на территории города (особенно в общественных местах, таких как агора и ее окрестности) и потому легко доступные для ознакомления каждому желающему, выполненные часто стойхедоном, что придавало им особую стройную красоту, являлись одним из главных зримых символов величия, мощи и свободы демократического афинского полиса.

Есть, правда, точка зрения (ее наиболее убежденно, из работы в работу отстаивает Ч. Хедрик: Hedrick 1993; 1994; 2006; ср. также: Thomas 1991), согласно которой эти псефисмы только символом

и были. По мнению Хедрика, большинство афинских граждан якобы не могло прочесть надписи общественного характера. Тем более что стойхедон вообще трудно читается: ведь в нём не делалось разрывов между словами. Эти надписи, таким образом, вырезались не для того, чтобы их читали, а с чисто символическими целями. Но тут перед нами явно утрированное суждение. Изготавливать монументальные эпиграфические памятники, размером порой в сотни строк, и при этом предназначенные не для чтения, а для чего-то другого? Это отдаёт абсурдом.

Кроме того, действительно массовое распространение грамотности в Афинах подтверждается большим процентом надписей частного характера (даже уже в архаическую эпоху). А уж самым блестящим свидетельством, говорящим о том же, является обилие таких уникальных и в то же время характерных памятников малой эпиграфики, как остраконы для остракизма (о них наиболее подробно см. в нашей книге: Суриков 2006), каковых на сегодняшний день открыто более десятка тысяч, и это лишь малая толика от того их количества, которое наличествовало в V в. до н.э. Само учреждение процедуры остракизма – голосования надписанными черепками – не могло не исходить из той предпосылки, что *каждый* гражданин достаточно грамотен, чтобы нанести такую надпись. А кто умеет писать, тот, естественно, умеет и читать.

Тезис же о том, что стойхедон трудно читать, – вопиюще субъективен. Из того, что его с трудом читает современный ученый, отнюдь не вытекает, что над ним так же мучился древний грек. В рамках любой письменной культуры достаточно легко читать те формы письма, к которым представители данной культуры приучены с детства, и, соответственно, нелегко – те, к которым они не приучены. Европейцу, изучающему, скажем, арабский язык, с немалыми усилиями дается его алфавит, а сами арабы, естественно, понимают его знаки без каких-либо проблем, но, с другой стороны, надо думать, испытывают аналогичные сложности при овладении латиницей.

Развитая демократия (а вряд ли кто-нибудь будет спорить с тем, что классическая афинская демократия была развитой) немислима без массовой грамотности. Участие в политической жизни, занятие магистратур, которое в V–IV вв. до н.э. было доступно всем членам гражданского коллектива афинского полиса, предполагало владение в тех или иных пределах искусством чтения и письма. Неграмотность служила предметом шуток, высмеивания в комедиях

и т.п. (например, Aristoph. Equ. 188 sq.; ср.: Burns 1981. P. 385). Отнюдь не случайно, что в надписях на остраконах мы находим большое разнообразие. Используются различные направления письма, от обычного до бустрофедона, буквы различных алфавитов (староаттического, ионийского). Всё это свидетельствует о широком распространении грамотности в различных слоях населения, не только в кругу элиты. И пусть порой надписи выглядят неуклюже, встречаются ошибки и фальстарты – дело здесь не только (пожалуй, даже не столько) в малограмотности, но и в трудности процарапывания букв на глиняных черепках. А самое главное – сколько бы ошибок ни делали те или иные граждане, писать они все же умели. Пусть их грамотность находилась на невысоком уровне, но назвать их неграмотными всё же никак нельзя.

По заслуживающему доверия свидетельству Платона (Plat. Apol. 26de), в Афинах второй половины V в. до н.э. существовали книжные лавки, в которых можно было купить (и недорого) сочинения Анаксагора. Нужно полагать, что ради одного Анаксагора торговлю устраивать бы не стали, и, значит, наряду с ним продавались произведения и других авторов – философов, историков, поэтов. А коль скоро это так, стало быть, эта продукция находила спрос среди афинских граждан. Теперь зададимся несложным вопросом: многие ли из наших современников готовы читать – ну, пусть не архаичного Анаксагора, а хотя бы кого-нибудь из современных мыслителей, Хайдеггера, например? Ответ, думается, ясен, и ответ этот явно не в нашу пользу. Не так-то и далеко ушли мы от греков (и еще неизвестно, в какую сторону), чтобы позволить себе смотреть на них свысока. В демократическом полисе, каким были Афины, интеллектуальная жизнь буквально бурлила (а иначе и быть не могло), захватывая отнюдь не только элиту, но и широкие слои гражданства. Ярко демонстрирует это аттическая трагедия Эсхила, Софокла, Еврипида, которая ставила глубочайшие этические, религиозные, философские проблемы и при этом была в полном смысле слова массовым жанром¹. Это было бы вряд ли возможно без повсеместного распространения грамотности.

Граждане классического афинского полиса представляли собой в некотором отношении, так сказать, «социум писцов» (ср.: Суриков 2013в). В высшей степени закономерно, что именно в

¹ Иначе как безответственным не можем назвать утверждение Р. Уоллеса о том, что афиняне V в. до н.э. якобы «не понимали» свою драматическую поэзию (Wallace 1996. P. 204).

Афинах, на Агоре, существовал Метроон (о нем см.: Sickinger 1999. 114 ff.) – самый знаменитый для доэллинистического времени архив, т.е. помещение, специально приспособленное для хранения письменных документов.

2. Крит. Полисы самого южного и самого крупного острова Эгеиды характеризовались, по резкому контрасту с Афинами, олигархическим, даже крайне олигархическим характером государственного устройства (Willetts 1955). Не случайно, например, такой враг демократии, как Платон, видел именно в критских политических режимах один из главных образцов для создаваемой им модели утопического идеального государства, и в его итоговом труде «Законы» место действия – как раз Крит (Effenterre 1948). Последний, впрочем, отличался от Кипра, о котором речь пойдет чуть ниже (анализ различий см.: Peltenburg, Iacovou 2012), прежде всего тем, что критские политии были хотя и олигархическими, иерархичными, но всё же республиканскими, а кипрские – монархическими.

Соответственно, у критян и с письменностью наблюдается весьма специфическая ситуация. Остров часто считался в литературе одним из возможных «мест рождения» греческого алфавита (Jeffery 1963. P. 310), но это все-таки представляется сомнительным, да и алфавитных надписей VIII в. до н.э. на нём, кажется, пока не обнаружено.

Однако несомненен приоритет Крита в одной конкретной сфере – в юридической эпиграфике. Речь идет о законах и сводах законов; тексты такого характера начинают появляться именно в данном регионе эллинского мира ранее, нежели в каком-нибудь ином (Gagarin 2011). В частности, самый древний закон происходит именно с Крита, из города Дрероса. Он датируется второй половиной VII в. до н.э. и гласит следующее (переводим по тексту, приведенному в: Meiggs, Lewis 1989. P. 2):

Бог...² Следующее постановил город: если кто-то исполнил должность косма, ему десять лет не занимать должности косма. Если же он займет должность косма, то, что бы он ни присудил, он должен отдать в двойном размере, и он пожизненно теряет свои права на эту должность, и занятие им этой должности вменяется ни во что. Об этом должны принести клятву косм, представители демоса и двадцать от города.

² Далее вроде бы прочитывается слово, которое, вообще-то, обозначает «губительное», но такое значение сюда никоим образом не подходит. Мейггс и Льюис переводят «добрый», со знаком вопроса.

Перед нами – реалии типичной аристократической республики: запрещается одному и тому же лицу часто становиться космом (таково было название высшего магистрата в критских полисах). Цель принятой меры предельно ясна: воспрепятствовать концентрации власти в руках одного человека (несомненно, представителя высшей политической элиты) во избежание перерастания этой его власти в монархию.

Крит и в дальнейшем славился своим законодательством. Закономерно, что именно на нём была составлена самая большая, воистину гигантская древнегреческая надпись правового характера – свод законов из Гортины (известный как «Гортинская правда», о ней см.: Gagarin 2004; Davies 2005). Последний, правда, относится уже к классической эпохе.

Дж.-П. Вильсон в связи с социумами типа критского говорит о «писцовой грамотности» (*scribal literacy*), которая определяется так: «Грамотность фактически ограничивается небольшой группой специалистов, для которой умение писать является специализированным (и иногда передающимся по наследству) мастерством» (Wilson 2009. P. 561). Это значительно ближе к древневосточным обществам, чем та ситуация, которая была налицо в Афинах. С указанным обстоятельством напрямую связано другое – на Крите публичные надписи (особенно законы) преобладают над частными³, даже в чисто количественном отношении. В Афинах всё в точности наоборот, больший контраст трудно себе представить.

Для иллюстрации данного положения дадим в сопоставлении некоторые цифровые данные (по: Wilson 2009. P. 560). Для хронологического отрезка, охватывающего вторую половину VI в. до н.э., известны следующие эпитафические памятники из Аттики: 101 посвящение, 66 надгробных надписей, 32 граффити, 531 дипинти (всё это надписи частного характера) – и при этом 4 закона. А вот соответствующие данные для того же хронологического отрезка на Крите: 2 посвящения, 1 надгробная надпись, 4 граффити, 0 дипинти – и при этом 16 законов! Иными словами, законов в два с лишним раза больше, чем всех остальных надписей, вместе взятых. Числа говорят сами за себя. Но, может быть, данный период являет собой исключение? Что ж, приведем данные для предыдущего, охватывающего первую половину VI в. до н.э. Аттика: 35 посвящений,

³ К частным письменным документам относятся, например, письма. Совсем недавно появилась интересная монография (Sarrì 2018), в которой феномен античного письма (ἐπιστολή) рассматривается именно как компонент культуры письменности.

12 надгробных надписей, 63 граффити, 45 дипинти – и при этом 0 законов. Крит: 0 посвящений, 0 надгробных надписей, 0 граффити, 0 дипинти – и при этом 7 законов. Как видим, перед нами не какие-то случайные соотношения, а устойчивая тенденция.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов фактор неполной (мягко говоря!) сохранности памятников. Так, в Афинах в первой половине VI в. до н.э. был принят знаменитый свод законов Солона. Если бы какие-то его фрагменты дошли до нашего времени, то числа в вышеприведенной аттической статистике были бы иными. Но, увы, таких фрагментов нет в распоряжении ученых, и солонские законы приходится реконструировать по упоминаниям и цитатам в письменных источниках (наиболее авторитетные из таких реконструкций: Ruschenbusch 1966; Leão, Rhodes 2016).

Логично все же исходить из того, что утраты коснулись примерно в равной пропорции всех основных сфер эпиграфики. Соответственно, числовые данные, которые мы имеем, следует считать в целом репрезентативными, и их сравнение дает основания для достаточно далеко идущих выводов. Письменная культура критян со всей очевидностью характеризовалась такими чертами, как дисциплина и законопослушание.

3. Кипр. Ситуация же в эллинских полисах «острова Афродиты» и вовсе беспрецедентна. С одной стороны, с точки зрения государственных структур на Кипре мы имеем положение, не встречающее близких параллелей у других греков: в государствах данного региона вплоть до начала эпохи эллинизма сохранялась традиционная царская власть (Mehl 2004; Евдокимов 2016). Это, подчеркнем, воистину уникальный феномен, ибо древнегреческий полис в целом уже с архаического периода конституировал себя как подчеркнуто республиканская организация. Повсюду монархии были рано ликвидированы, а на Кипре – нет, там они удержались.

Цари городов греков-киприотов отличались необыкновенным консерватизмом. Они на протяжении многих столетий сознательно придерживались древних традиций, весьма напоминающих те реалии, которые, в частности, отражены в гомеровских поэмах. «Эпический стиль жизни» этих басилеев ярко проявился, в числе прочего, и в тех роскошных погребениях, которым они подвергались после кончины (см., например, на материале из Саламина Кипрского – крупнейшего греческого центра на острове: Karageorghis 1969).

Перейдем теперь к сфере письменности. И тут тоже встречаем необычное положение. Из всех греков только киприоты вплоть

до начала эллинистического времени не перешли на алфавит, а пользовались силлабарием. Кипрское слоговое письмо и созданные при его помощи эпиграфические памятники были в свое время детально изучены в классическом труде О. Массона (Masson 1961), а о современном состоянии проблемы наиболее полное представление дает недавно вышедшая коллективная монография (Syllabic Writing 2013).

Рассматривать данный круг вопросов надлежит в общем эгейском и – шире – восточносредиземноморском контексте (в связи с этим контекстом см.: Morpurgo Davies 1986; Morpurgo Davies, Olivier 2012). В результате получаем следующую картину. Силлабарии бытовали на Кипре уже во II тыс. до н.э. Ранее в науке употреблялись термины «кипро-минойское письмо» или даже «линейное письмо С». Ныне же можно считать установленным, что речь следует вести не об одной, а о нескольких параллельно существовавших системах слоговой письменности, хотя родственных друг другу, но имевших и различия. Все они произошли в конечном счете от крито-минойского линейного письма А, а использовались для передачи слов догреческого субстратного «этеокипрского» языка.

Казалось бы, в том, что именно на основе этих кипро-минойских письменностей возник, в свою очередь, кипрский силлабарий I тыс. до н.э., употреблявшийся уже греками острова, никаких сомнений априори быть не должно. Однако же этот тезис долгое время фигурировал в литературе всего лишь как «весьма вероятная гипотеза», и причиной тому – нередкая в науке проблема «недостающего звена»: не прослеживался континуитет, не удавалось опознать «промежуточных» между двумя письменностями памятников, которые относились бы к периоду «темных веков».

Но на сегодняшний день можно смело говорить, что этой проблемы больше не существует: искомые надписи стали известны. И пусть они буквально единичны – дело не в количестве: в любом случае они позволяют ответственно говорить о прямой, непосредственной связи кипрских слоговых письменностей двух тысячелетий. Наиболее показательна так называемая надпись Офельта (о ней см.: Egetmeyer 2013), относительно которой даже среди специалистов нет единого мнения: то ли это самый поздний кипро-минойский текст, то ли самый ранний кипро-силлабический. Стало быть, он является в полной мере переходным. Упомянутое же в нем имя Офельт, бесспорно, является греческим (Pape 1911. S. 1099; Fraser, Matthews 1987. P. 355).

Как нам представляется, сохранение эллинами-киприотами слогового письма и как бы игнорирование алфавита, уже вполне развитого у греков Эгеиды, – явление того же порядка, что и сохранение ими монархий, т.е. проявление всё того же консерватизма, о котором говорилось выше. Не случайно также, что время ликвидации кипрских греческих царств и отказа от силлабария фактически совпадает. Весь этот набор фактов опять же однозначно производит впечатление взаимосвязанных элементов целостного комплекса, говорит о корреляции сфер политического и культурного менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

- Гельб И.Е.* Опыт изучения письма. М., 1982.
- Евдокимов П.А.* Цари доэллинистического Кипра: между богами и людьми, между бронзой и железом, на перекрестке Востока и Запада // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб., 2016. С. 76–118.
- Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006.
- Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: курс лекций / под ред. В.В. Дементьевой, И.Е. Сурикова. М., 2010. С. 8–54.
- Суриков И.Е.* Афины в VIII–VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013. № 4. С. 23–43 (а).
- Суриков И.Е.* Были ли экономическими причины появления алфавитной письменности в античной Греции? // ВЕДС-XXV: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. М., 2013. С. 245–249 (б).
- Суриков И.Е.* Афинские граждане архаической и классической эпох как писцы // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. 2013. № 17 (118). С. 181–204 (в).
- Суриков И.Е.* Многоликая Клио: Антология античной исторической мысли. СПб., 2014. Т. 1: Возникновение исторической мысли и становление исторической науки в Древней Греции.
- Суриков И.Е.* Письменность и политогенез в античном греческом мире: сравнительный анализ трех разнохарактерных вариантов (Аттика, Крит, Кипр) // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 272–277.
- Суриков И.Е.* «Молчат гробницы»? Археология античной Греции. М., 2017.
- Суриков И.Е.* «Неведомый благодетель»: к вопросу о появлении алфавита // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном зна-

- нии: Материалы XXXI Международной научной конференции. М., 2018. С. 36–40.
- Burns A.* Athenian Literacy in the Fifth Century B.C. // *Journal of the History of Ideas.* 1981. Vol. 42, no. 3. P. 371–387.
- Coldstream J.N.* *Geometric Greece: 900–700 BC.* 2 ed. L.; N.Y., 2003.
- Davies J.* *The Gortyn Laws* // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law* / Ed. by M. Gagarin, D. Cohen. Cambridge, 2005. P. 305–327.
- Dmitriev S.* *The Birth of the Athenian Community: From Solon to Cleisthenes.* L.; N.Y., 2018.
- Effenterre H. van.* *La Crète et le monde grec de Platon à Polybe.* P., 1948.
- Egetmeyer M.* From the Cypro-Minoan to the Cypro-Greek Syllabaries: Linguistic Remarks on the Script Reform // *Syllabic Writing on Cyprus and its Context* / Ed. by P.M. Steele. Cambridge, 2013. P. 107–131.
- Fraser P.M., Matthews E.* *A Lexicon of Greek Personal Names.* Oxford, 1987. Vol. 1: The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica.
- Gagarin M.* The Rule of Law in Gortyn // *The Law and the Courts in Ancient Greece* / Ed. by E.M. Harris, L. Rubinstein. L., 2004. P. 173–183.
- Gagarin M.* Writing Sacred Laws in Archaic and Classical Crete // *Sacred Words: Orality, Literacy and Religion* / Ed. by A.P.M.H. Lardinois, J. Blok, M.G.M. van der Poel. Leiden; Boston, 2011. P. 101–111.
- Gates C.* Greeks in the East: A View from Cilicia // *Archaic Greek Culture: History, Archaeology, Art & Museology. Proceedings of the International Round-Table Conference June 2005, St-Petersburg, Russia* / Ed. by S. Solovyov. Oxford, 2010. P. 41–45.
- Gelb I.J.* *A Study of Writing.* Chicago, 1963.
- Hall J.M.* *A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE.* 2nd ed. Oxford, 2014.
- Hedrick C.W.* Writing and the Athenian Democracy // *The Birth of Democracy* / Ed by J. Ober, C.W. Hedrick. Athens, 1993. P. 7–11.
- Hedrick C.W.* Writing, Reading, and Democracy // *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis* / Ed. by R. Osborne, S. Hornblower. Oxford, 1994. P. 157–174.
- Hedrick C.W.* *Ancient History: Monuments and Documents.* Oxford, 2006.
- Janko R.* From Gabii and Gordion to Eretria and Methone: The Rise of the Greek Alphabet // *Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London.* 2015. Vol. 58, no. 1. P. 1–32.
- Jeffery L.H.* *The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C.* Oxford, 1963.
- Karageorghis V.* *Salamis in Cyprus: Homeric, Hellenistic and Roman.* L., 1969.
- Kōiv M.* *Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth.* Tallinn, 2003.

- Leão D.F., Rhodes P.J.* The Laws of Solon: A New Edition with Introduction, Translation and Commentary. L.; N.Y., 2016.
- Masson O.* Les inscriptions chypriotes syllabiques: Recueil critique et commenté. P., 1961.
- Mehl A.* Cypriot City Kingdoms: No Problem in the Neo-Assyrian, Late Egyptian and Persian Empires, but why were they Abolished under Macedonian Rule? // *Επετηρίδα του Κέντρου Επιστημονικών Ερευνών (Λευκωσία)*. 2004. Vol. 30. P. 9–21.
- Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxford, 1989.
- Morpurgo Davies A.* Forms of Writing in the Ancient Mediterranean World // *The Written Word: Literacy in Transition* / Ed. by G. Baumann. Oxford, 1986. P. 51–76.
- Morpurgo Davies A., Olivier J.-P.* Syllabic Scripts and Languages in the Second and First Millennia B.C. // *Parallel Lives: Ancient Island Societies in Crete and Cyprus* / Ed. by G. Cadogan, M. Iacovou, K. Kopaka, J. Whitley. L., 2012. P. 105–118.
- Morris I.* Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Cambridge, 1989.
- Pape W.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3 Aufl., neu bearbeitet von G.E. Benseler. Ht. 2: Λ – Ω. Braunschweig, 1911.
- Peltenburg E., Iacovou M.* Crete and Cyprus: Contrasting Political Configurations // *Parallel Lives: Ancient Island Societies in Crete and Cyprus* / Ed. by G. Cadogan, M. Iacovou, K. Kopaka, J. Whitley. L., 2012. P. 345–363.
- Powell B.B.* Why was the Greek Alphabet Invented? The Epigraphical Evidence // *Classical Antiquity*. 1989. Vol. 8, no. 2. P. 321–350.
- Powell B.B.* Homer and the Origin of the Greek Alphabet. Cambridge, 1991.
- Powell B.B.* Homer and Writing // *A New Companion to Homer* / Ed. by I. Morris, B.B. Powell. Leiden; N.Y.; Köln, 1997. P. 3–32.
- Powell B.B.* Homer. Oxford, 2004.
- Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W.* Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley, 2007.
- Rhodes P.J., Lewis D.M.* The Decrees of the Greek States. Oxford, 1997.
- Ridgway D.* Greek Letters at Osteria dell’Osa // *Opuscula Romana*. 1996. Vol. 20. P. 87–97.
- Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwertes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966.
- Sarri A.* Material Aspects of Letter Writing in the Graeco-Roman World 500 BC – AD 300. B.; Boston, 2018.
- Sherratt S.* Visible Writing: Questions of Script and Identity in Early Iron Age Greece and Cyprus // *Oxford Journal of Archaeology*. 2003. Vol. 22, no. 3. P. 225–242.
- Sickinger J.P.* Public Records and Archives in Classical Athens. Chapel Hill; L., 1999.

- Snodgrass A.M.* Archaic Greece: The Age of Experiment. Berkeley, 1981.
- Stampolidis M.C., Kotsonas A.* Phoenicians in Crete // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer / Ed. by S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos. Edinburgh, 2006. P. 337–360.
- Starr C.G.* Individual and Community: The Rise of the *Polis* 800–500 B.C. Oxford, 1986.
- Syllabic Writing on Cyprus and its Context / Ed. by P.M. Steele. Cambridge, 2013.
- Thomas R.* Literacy and the City-State in Archaic and Classical Greece // Literacy and Power in the Ancient World / Ed. by A.K. Bowman, G. Woolf. Cambridge, 1991. P. 33–50.
- Wade-Gery H.T.* The Poet of the Iliad. Cambridge, 1950.
- Wallace R.W.* Speech, Song and Text, Public and Private. Evolutions in Communications Media and Fora in Fourth-Century Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr / Hrsg. von W. Eder. Stuttgart, 1995. S. 199–217.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Homerische Untersuchungen. B., 1884.
- Willets R.F.* Aristocratic Society in Ancient Crete. L., 1955.
- Wilson J.-P.* Literacy // A Companion to Archaic Greece / Ed. by K.A. Raafaub, H. van Wees. Oxford, 2009. P. 542–563.
- Woodard R.D.* Greek Writing from Knossos to Homer: A Linguistic Interpretation of the Origin of the Greek Alphabet and the Continuity of Ancient Greek Literacy. Oxford, 1997.
- Woodard R.D.* *Phoinikēia Grammata: An Alphabet for the Greek Language // A Companion to the Ancient Greek Language / Ed. by E.J. Bakker.* Oxford, 2010. P. 25–46.

Igor E. Surikov

STATEHOOD AND WRITING IN ANCIENT GREEK WORLD:
SOME ASPECTS OF CORRELATION OF THE TWO SPHERES

The author demonstrates the existence in Ancient Greece of a system of correlations between the political formation of states and the evolution of writing systems. It is possible to speak of a virtually parallel character of relevant developments in the two spheres. In the most general aspect, the emergence of the Greek *polis* and the birth of the Greek alphabet took place at the same time, and that was by no means an accidental coincidence. As to the question of concrete time and purposes of the invention of alphabetic writing, the author mostly follows points made by B. Powell, a consistent supporter of the monogenetic theory (alphabet appeared not as a result of long work of generations but was invented at some moment by a single person). According to Powell, the Greek alphabet was really the first one in the world, as he considers preceding

West Semitic scripts to be not of alphabetic but of syllabic type. Powell believes that the place of the invention of the alphabet was the island of Euboea, or, to be more strict, it happened somewhere in the very wide area of the early Euboeans' naval, commercial and colonizing activities. There is an alternative view (by R. Woodard), that the Greek alphabet was invented in Cyprus, but it seems much less probable.

In the second part of the article, the author turns to a comparative analysis of situations in three Greek regions (Attica, Crete, Cyprus), which were principally different as regards both to political evolution and to the functioning of writing. Athens, beginning with Solon's reforms, went the way of "modernization", which led eventually to the creation of classical democracy. In its conditions, the collective body of Athenian citizens proved to be a community of mass literacy (as can be seen particularly from inscriptions, such as assembly decrees, ostraka, etc.). To be a citizen of Athens meant, as a matter of fact, to be literate. In Crete, Greek states were, by contrast, of oligarchic character, being republics ruled by aristocrats. Correspondingly, in Cretan cities we find another kind of literacy that can be called "scribal literacy", limited to a small group of specialists. Another characteristic feature of Crete is the manifest prevalence of public inscriptions (mostly laws) over private ones, while in Attica the opposite was true even for the Archaic period. As for Cyprus, a unique phenomenon of the island was the conservation of monarchies, which had disappeared early in all other parts of the Greek world. Conservatism in general was very characteristic of the Cypriots, and it manifested itself also in the sphere of writing. When Aegean Greeks had already for a long time been using alphabet, Cyprian Greeks did not follow them and continued to use a syllabic script of the Bronze Age origins. Elimination of both, this script and Cyprian monarchies took place at the same time, during the Early Hellenistic period, and that, again, could not be a simple coincidence. To conclude with, on various levels, in Greek world as a whole as well as in its particular regions, there was a correlation between the political sphere and the sphere of writing and literacy.

Key words: writing, alphabet, syllabary, Greeks, Phoenicians, Attica, Crete, Cyprus, democracy, oligarchy, monarchy

М.В. Скржинская

РОЛЬ ПИСЬМЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В статье рассмотрены известные к настоящему времени типы государственных документов из Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора. Автор анализирует ряд образцов декретов в честь местных и иностранных граждан, а также выделяет редчайшие надписи с клятвой херсонеситов, с текстами межгосударственных договоров и законов. Особое внимание уделяется роли секретарей в оформлении решений, принятых боспорскими царями или Советом и Народным собранием в государствах с демократической формой правления.

Ключевые слова: античность, Греция, Северное Причерноморье, Тира, Ольвия, Херсонес, Боспорское царство, документ, письменность, государство, полис

В VI в. до н.э. в процессе формирования древнегреческих полисов на северных берегах Черного моря возникла необходимость ведения государственной документации: требовалось составлять списки полноправных граждан, записывать различные постановления, законы и договоры, фиксировать права на владение землей и разными видами имущества. Уже в начальный период греческой колонизации черноморского побережья сложилась устойчивая традиция составления документов. Их писали должностные лица, в основном секретари, которые, как правило, принадлежали к влиятельным и наиболее образованным слоям граждан (Доватур 1957. С. 13).

Колонисты в Северном Причерноморье стали вести документацию по известным им образцам. О времени появления записей государственных постановлений и архивов, где они хранились, можно судить лишь по косвенным археологическим свидетельствам; к ним относятся разнообразные граффити архаического времени и наличие ольвийской агоры уже во второй половине VI в. до н.э. Среди древнейших граффити наряду с отдельными словами есть довольно пространные письма жителей Борисфена, Ольвии и Фанагории; они писали их на обломках керамических сосудов и свинцовых пластинках (Скржинская 2014. С. 56–57).

Это указывает на значительное число грамотных граждан, способных записать принятые постановления. Агора служила местом проведения Народных собраний, где обсуждались дела полиса и принимались решения, которые следовало письменно закрепить.

Одним из первых документов в колонии становился список имен и отчеств полноправных граждан, т.е. мужчин, обладавших всеми правами, предоставляемыми данным государством. Список следовало постоянно изменять: вычеркивать умерших, включать имена законных сыновей граждан и учитывать иностранцев, получивших права гражданства. Редкий образец списка полноправных ольвиополитов относится к III в. до н. э. (IOSPE I². № 201; Яйленко 1990. С. 282–283). Больше сохранилось надписей со списками граждан, составленными по иным поводам. Таковы, например, перечни победителей на атлетических, конных и мусических агонах, сопровождавших праздники в честь разных богов. Известно, что греческие государства заботились о проведении главных религиозных праздников, а в колониях их начинали справлять вскоре после основания апойкии. В милетских апойкиях Северного Причерноморья так чествовали Аполлона Врача, покровителя колонистов, а позже государство стало проводить и другие праздники. Таковыми в Ольвии и Херсонесе были Дионисии, во время которых в театре вручали государственные награды и читали почетные декреты (Скржинская 2010. С. 40, 41, 168).

В Херсонесе обнаружены фрагменты надписей с перечислением победителей в различных видах бега, в борьбе, кулачном бою и в пятиборье (IOSPE I². № 434, 435, 620; НЭПХ. № 20; Соломоник 1988. С. 47), а также в мусических состязаниях (НЭПХ. № 127). Самая крупная надпись такого рода найдена на азиатской стороне Боспора в Горгииппии (совр. Анапа). В III в. до н.э. на большой мраморной стеле были записаны имена нескольких сот победителей в беге на празднике в честь Гермеса, проходившем на протяжении нескольких десятилетий, начиная с конца IV в. до н.э. (КБН. № 1137). Надпись является ярким примером того, как греки чтити рекорсменов и заботились о том, чтобы их имена соотечественники долго помнили (Берзин 1961. С. 115–118).

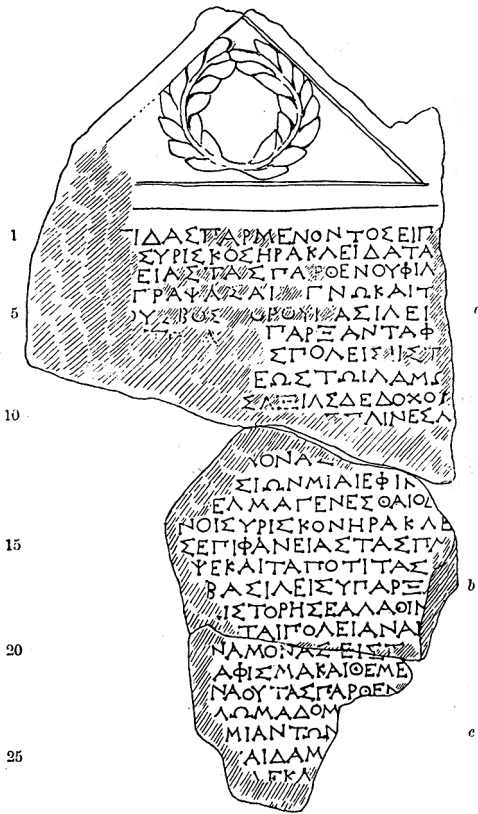
Оригиналы государственных постановлений записывали на папирусе и хранили в архивах, где, вероятно, складывали в отдельный отсек документы одного года. Во многих полисах до римского времени летосчисление велось по ежегодно избиравшимся архонтам, дававшим имя году, или по именам ежегодно сменяемых

жрецов главного бога местного пантеона. Так было в Ольвии, но такие даты присутствуют далеко не на всех документах. Вероятно, это объясняется тем, что сначала все помнили год издания, позже время определялось по тому месту, куда ежегодно складывали в архиве все документы определенного года и даже месяца. Текст постановления при передаче его резчику по камню не редактировался. Поэтому в ольвийских надписях нередко отмечено лишь число и месяц, или только число. Например, знаменитый декрет III в. до н.э. в честь Протогена начинается словами: «Совет и Народ постановили двадцатого числа, архонты и коллегия Семи предложили...» (IOSPE I². № 32). В то же время в декрете точно обозначены предыдущие годы, когда Протоген совершал свои благотворительные акции; они датированы по именам жрецов-эпонимов, давших название году.

Тексты различных государственных постановлений, издававшихся в Элладе и ее колониях, известны сейчас по множеству эпиграфических памятников и по сочинениям античных авторов. Например, Демосфен и другие ораторы в судебных речах постоянно ссылались на письменные документы, просили прочесть их перед аудиторией в суде, а при записи речи вставляли в нее тексты законов, договоров и других документов. Из государств Северного Причерноморья уцелели лишь постановления, которые считались особо важными, и потому принималось решение записать их на каменных стелах: таковы различные решения Совета и Народного собрания, а также указы боспорских царей.

Среди интересующих нас надписей большинство составляют почетные декреты в честь соотечественников и иностранных граждан, оказавших разнообразные услуги государству. Такое количество подобных документов не случайно, т.к. наряду с другими отличиями решение начертать текст постановления на каменной стеле или на пьедестале статуи служило почетной наградой (Скржинская 2010. С. 305–310).

Ольвийский декрет в честь Каллиника (IOSPE I². № 25 и 31) представляет собой один из немногочисленных хорошо сохранившихся почетных декретов с перечислением заслуг соотечественника, который способствовал гражданскому примирению, реорганизовал городские финансы и урегулировал вопрос о налогах и долгах граждан. В последней четверти IV в. до н.э. глашатай прочел в театре во время празднования Дионисий постановление о награде Каллиника золотым венком и статуей, от которой частично сохранился

Илл. 1. Стела с декретом в честь историка Сирика. Херсонес. III в. до н.э.

мраморный пьедестал с текстом декрета и следами ног бронзовой скульптуры (Скржинская 2010. С. 288–289).

В III в. до н.э. херсонеситы издали декрет в честь своего соотечественника историка Сирика. Как и в Ольвии, постановление читали в театре во время Дионисий и венчали Сирика золотым венком (IOSPE I². № 344), затем его изобразили на фронте мраморной стелы с декретом в честь историка (илл. 1). Это единственное в Северном Причерноморье и вообще весьма редкое свидетельство о награждении писателя. Из уцелевшей надписи мы узнаем, что Сирик литературно обработал все сведения о чудесах Девы, верховной богини

Херсонеса, а также изложил отношения государства с другими полисами и с царями Боспора. Вероятно, Сирик читал свой труд в театре, где была хорошая акустика и могли собраться все граждане. Им очень понравились правдивое изложение истории и патриотическая окраска всего сочинения, и потому херсонеситы решили отметить историка наградами, которые давали тем, кто оказал особо ценные услуги государству. Это постановление косвенно указывает на достаточно высокий уровень образования граждан Херсонеса, способных оценить подобное произведение.

Почетные декреты от имени государства издавали также в честь иностранцев. Такова найденная в Ольвии разбитая на три

части мраморная стела III в. до н.э. (Виноградов 1989. С. 216–217). В надписи отмечены деяния херсонесита Аполлония и трех его сыновей, неоднократно оказывавших Ольвии важные финансовые услуги. Во время празднования Дионисий декрет огласили в театре и увенчали херсонеситов золотыми венками, а позже на Центральном теменосе поставили их статуи и поместили декрет на мраморной стеле (НО. № 28).

Другой редкий образец почетного декрета в честь иностранца представляет не полностью уцелевшая ольвийская надпись конца II в. до н.э. Совет и Народ выразили благодарность гражданину Амиса (IOSPE I². № 35). Будучи капитаном корабля, он, несмотря на штормовую погоду, доставил для помощи городу армянских лучников и провиант, а также ольвийских послов, которые просили помощи у царя Митридата, и тот послал ее на корабле от важного капитана.

Приведенные надписи показывают, сколь различны бывали поводы для государственных наград, сопровождавшихся решением о постановке стел с текстами почетных декретов.

В эллинистический период в Ольвии появился обычай посмертно чествовать выдающихся граждан золотым венком и установкой стелы с текстом, в котором говорилось о деяниях умершего. При выносе тела на торжественных похоронах такого гражданина венчали золотым венком, и глашатай читал текст почетного декрета с подробным перечислением заслуг покойного. В качестве особой благодарности ольвиополиты постановляли ежегодно оглашать такой декрет во время государственных праздников или народных собраний. Так было на рубеже III–II вв. до н.э., когда хоронили неизвестного теперь по имени гражданина, отдавшего жизнь за родину (НО. № 34), и в первой половине II в. до н.э., когда погиб Никерат, в сражении с варварами, нападшими на греков, возвращавшихся с праздника на Ахилловом Дроме (IOSPE I². № 34).

Подробное перечисление разнообразных заслуг Никерата перекликается с еще более обстоятельным рассказом в декрете о деятельности Протогена на благо Ольвии во второй половине III в. до н.э. (IOSPE I². № 32). Это самый крупный среди известных сейчас документов античного Северного Причерноморья, хотя конец надписи утрачен и неизвестен ее полный текст. В декрете обстоятельно повествуется о многократной финансовой помощи богатого ольвиополита своему государству, которое в III в. до н.э. постоянно испытывало недостаток средств на различные

неотложные нужды. Автор текста, несомненно, обращался к архивным документам, которые датировались по имени жреца-эпонима года. Поэтому точно определены голодные годы при жрецах Гиеродоре и Плейстархе, когда Протоген давал беспроцентную ссуду на покупку хлеба. Он неоднократно помогал Ольвии выплачивать дань царю варварских племен Сайтафарну и его вельможам, выкупил заложенные у ростовщика драгоценные священные сосуды, давал деньги на ремонт и строительство новых оборонительных сооружений; предоставлял гражданам отсрочки по задолженным ему суммам, а иногда и прощал долги, а также «честно и справедливо» исполнял должность казначея города. В утраченной заключительной части декрета находилось постановление Народного собрания и Совета о награждении Протогена за заслуги перед отечеством; наверное, там говорилось о венчании Протогена золотым венком во время торжественных похорон и о ежегодном чтении почетного постановления перед большим собранием граждан. Декреты в честь покойных ольвиополитов Дада, Карзоаза и Посидея свидетельствуют о существовании такого ритуала и в римское время (IOSPE I². № 39, 51, 52).

В античных полисах, начиная с классического периода, для иностранцев существовала особая награда, называвшаяся проксенией. Она в первую очередь способствовала улучшению торгового обмена между государствами. В римский период проксения постепенно утрачивала свое первоначальное значение и часто превращалась в почетный титул.

Старшей по времени в Северном Причерноморье является ольвийская проксения первой половины V в. до н.э. (НО. № 1). В ней сказано о предоставлении ателии, т.е. свободы от уплаты налогов, Иатроклу и его потомкам, гражданам Синопы. В доримский период ольвийские стелы с текстами таких декретов помещали, как правило, около храма Аполлона Дельфиния на Центральном теменосе (Леви 1985. С. 85–88). Многие из отмеченных проксениями иноземных купцов привозили товары со своей родины. К ним относятся граждане Афин, Родоса, Синопы, Гераклеи и некоторые другие. Это подтверждается находками амфор и черепиц с клеймами, разнообразных сосудов и других изделий, несомненно произведенных в этих центрах. Некоторые проксении предоставлялись купцам, успешно занимавшимся посреднической торговлей. По-видимому, к их числу принадлежали Аристандр, гражданин небольшого города Орхомена в Аркадии, и неизвестный сейчас по

имени гражданин Фив в Беотии (НО. № 4, 14). Ведь о контактах Ольвии с этими государствами нет никаких свидетельств. Пример такой предпринимательской деятельности граждан небольших греческих городов описан в речи Демосфена «Против Лакрита». В середине IV в. до н.э. Артемон и Аполлодор, уроженцы малоазийского города Фаселида, взяли денежный кредит в Афинах, наняли корабль и загрузили его вином в Менде, намереваясь продать этот товар в Ольвии или на Боспоре (Dem. XXXV, 10; Скржинская 1998. С. 177–179).

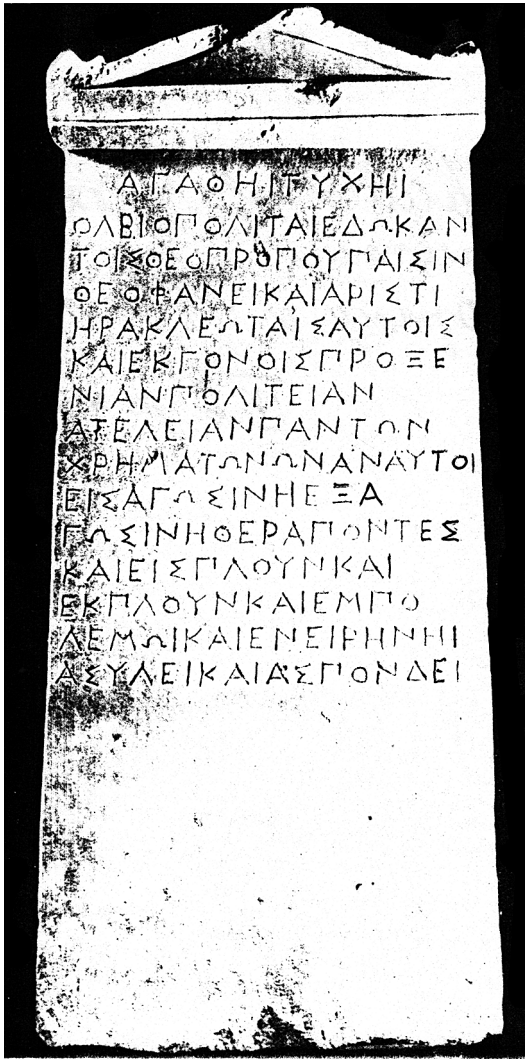
Наиболее обширная проксения предоставляла иностранцу права местного гражданства наряду с разными торговыми льготами. Проксении получали за выдающиеся финансовые, дипломатические, торговые и некоторые другие услуги государству. Сопоставление текстов проксений разных полисов показывают, что они очень схожи и для них существовали строго определенные формулы, которые незначительно изменялись на протяжении многих веков (Guarducci 1969. P. 28–33).

Сходство и различие в оформлении проксений в античных государствах Северного Причерноморья можно проследить на примере двух надписей IV в. до н.э. Первая проксения дана в Ольвии двум гражданам Гераклеи (илл. 2), а вторую получил в Пантикапее гражданин города Амиса, который одно время назывался Пиреем.

В добрый час! Ольвиополиты дали сыновьям Феопропа, Теофану и Аристе, гераклеотам, им самим и их потомкам проксению, право гражданства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы не ввезли или не вывезли они сами или их слуги, и право въезда в гавань и выезда во время войны и во время мира, без конфискации и без необходимости договора (НО. № 6).

...сыну Дионисия проксения. Перисад и (его) сыновья... сыну Дионисия, пирейцу, и (его) потомкам дали проксению и свободу от пошлин на все товары во всем Боспоре, им самим и их слугам, и право въезда в гавань и выезда во время войны и во время мира, без конфискации и без необходимости договора (КБН. № 1).

В этих документах мы видим схожие формулировки относительно предоставления льгот, и в то же время различаются те, кто предоставляет проксению: Совет и Народное собрание в демократической

Илл. 2. Стела с проксенией гераклеотам Феофану и Аристе. Ольвия. IV в. до н.э.

Ольвии, а в Боспорском царстве – царская семья.

Вплоть до первых веков нашей эры Ольвия и Херсонес давали проксении купцам и лицам, исполнявшим различные дипломатические поручения, причем оба вида деятельности в античности зачастую совмещали одни и те же люди (Тюменев 1950. С. 11–25). Они приезжали в Северное Причерноморье с берегов Понта, из Элады и Малой Азии (IOSPE P. № 26–28, 30, 33, 35, 227; НО. № 1–27, 45). Ольвиополиты и херсонеситы особо отмечали заслуги проксенов, оказывавших им на своей родине содействие в разных обстоятельствах. Деятельность ряда проксенов, начиная с эллинистического периода, можно сравнить с обязанностями современных консулов (IOSPE P. № 20, 21, 23, 26–28,

30; НО. № 19, 24–26). Во второй половине III в. до н.э. эти обязательства на Родосе выполнял Агасикл, которому ольвиополиты дали проксению и права гражданства за то, что он оказывал услуги обращающимся к нему ольвиополитам (НО. № 24). Его

современник Навтим получил у ольвиополитов проксению за подобную деятельность в Каллатии (IOSPE I². № 27), а в III–II вв. до н.э. ольвиополиты давали проксению за те же заслуги херсонеситу Дионисию и не известному сейчас по имени гражданину Смирны (НО. № 24, 26).

Особый интерес представляет редкая для классического времени ольвийская проксения, полученная не рядовым гражданином, а правителем, имя которого – Сатир. Немногочисленные примеры подобных проксений известны из античной литературы (Her. VIII, 136) и из надписей (SIG. № 221, 439, 430). Ю.Г. Виноградов и В.В. Крапивина (1995. С. 69–78), издавая эту надпись, датировали ее по шрифту IV в. до н.э., а чествуемое лицо назвали боспорским царем Сатиром I, правившим в 433–389 гг. до н.э. До находки рассматриваемой проксении не было никаких известий о контактах Ольвии и Боспора в доримское время, поэтому издатели оценили декрет как важное свидетельство о связях двух государств. Более убедительным представляется мнение В.П. Яйленко (2010. С. 84–92), показавшего, что речь идет о гераклейском тиране Сатире, который правил с 352 по 345 г. до н.э.; в пользу этого говорят многочисленные археологические находки, указывающие на оживленные связи Гераклеи Понтийской и Ольвии в IV в. до н.э. Повидимому, проксения была дана за успешное политическое соглашение между государствами. Так, по крайней мере, можно понять по уцелевшей части текста с дополненными утратами, предложенными В.П. Яйленко (2010. С. 93):

Ольвиополиты делают Сатира проксеном и гражданином, его самого и детей, а также благодетелем, и даруют ему самому и детям беспопытность всего достояния и право влиять и выплывать в военное и мирное время без ущерба и заключения договора. В добрый час, заключает договор с ольвиополитами по благосклонности Сатир; быть друзьями...

Среди более поздних проксений есть несколько, полученных за успешную политическую деятельность. Во II в. до н.э. гражданин Синопы Менофил получил такую благодарность в связи с заключением договора между Херсонесом и понтийским царем Фарнаком, а посла Митридата Евпатора (его имя не сохранилось) наградили за то, что он уладил отношения Херсонеса с этим царем перед тем, как тот отправил свое войско во главе с

Диофантом на помощь херсонеситам (IOSPE P. № 349, 351; Соломоник 1973. С. 13–17). Во время правления Августа римлянин Прудент удостоился проксении за деятельность в пользу Херсонеса; за сходные заслуги были награждены два гераклеота (IOSPE P. № 356, 362). В 174 г. херсонеситы дали проксению и права гражданства заместнику Мёзии Аврелию Кальпурниану и его жене за их деятельность, направленную на благо Херсонеса; в этой надписи запечатлен редчайший случай награждения женщины проксенией и золотым венком (Антонова, Яйленко 1995. С. 58–86).

На Боспоре проксении давали цари. Сейчас известно 17 подобных документов, все они написаны в промежутке от начала IV до начала III в. до н.э. (Яйленко 2010. С. 55–79), что разительно отличается от распределения по времени ольвийских и херсонесских проксений. Вряд ли боспоряне, имевшие в эллинистический и римский периоды обширные экономические и политические связи с греческим миром, перестали давать иностранцам проксении; вероятно, цари, правившие после Селевка, сына Евмела, не желали устанавливать памятные стелы с такими текстами.

По находкам проксений ясно, что большинство заслуживших почести иностранцев, отправляясь на Боспор, прибывали в Пантикапей, реже они появлялись в Фанагории и Горгиппии, где также найдены стелы с проксениями. Их граждане обращались к царю или в его канцелярию с просьбой дать проксению тому или иному иностранцу, и в столице решали, поддержать ли такую просьбу. В случае согласия проксения давалась от имени царя. Он определял, какие и в каком объеме дать привилегии тому или иному иностранцу: в особых случаях предоставлялось боспорское гражданство, а обычно – права въезда и выезда из гавани в мирное и военное время, право беспошлинного ввоза и вывоза товаров, возможность приобретать землю и дома, и др.; кроме того, монарх решал, может ли пользоваться предоставленными льготами только сам иностранец или также его потомки и доверенные слуги.

Греческие колонии, начиная с первых лет своего существования, активно общались со своей метрополией и другими полисами, с которыми заключали различные договоры. В Северном Причерноморье таких документов уцелело немного. Примером межгосударственного договора может служить декрет об исполнении Ольвии и Милета (МИС. № 35). Соглашение, принятое в

последней трети IV в. до н.э., вырезали на двух стелах, которые поставили в обоих городах, но уцелела лишь плита, стоявшая у храма Аполлона Дельфиния в Милете. Ольвийская стела, вероятно, так же занимала почетное место у Дельфиниума на Центральном теменосе. Уцелевший договор, по-видимому, подтверждал существовавшее прежде соглашение, которое метрополия и ее колония заключили вскоре после основания Ольвии. Косвенно это подтверждается словами Геродота (IV, 18) о том, что ольвиополиты называют себя милетянами. Составитель документа четко сформулировал, в чем состояли одинаковые права милетян и ольвиополитов: они освобождались от налогов, выплачиваемых иностранцами, могли занимать государственные должности в дружественном полисе, но тогда обязывались платить местные налоги, как и прочие граждане. Кроме того, в дружественном городе граждане получали возможность скорее, чем прочие иностранцы, разобрать претензии в местном суде, а также иметь доступ к участию в различных религиозных ритуалах. Сходные договоры Милет заключал и с другими своими колониями (Жебелев 1953. С. 38–41; Виноградов 1989. С. 169–170).

Другим полностью сохранившимся образцом международного договора является херсонесская надпись с точной датой: 157 год месяца Даисия, т.е. 179 г. до н.э. по современному летосчислению (IOSPE I². № 402). Это клятвенное обещание царя Понта Фарнака I и правительства Херсонеса помогать друг другу, совместно отражать нападения врагов и охранять политический строй обеих сторон. Позже, соблюдая это обещание, понтийский царь Митридат Евпатор послал в конце II в. до н.э. своего полководца Диофанта помочь Херсонесу в войне со скифами.

Деятельность греческих государств всегда сопровождалась изданием законов и наблюдением за их исполнением. Хорошее представление об этом дает декрет о деньгах, изданный в Ольвии во второй половине IV в. до н.э. (IOSPE I². № 24). Стела с текстом ольвийского закона стояла около храма Зевса Урия, находившегося в поселке на берегу пролива Босфор, где останавливались все корабли, следовавшие в Понт Евксинский. Здесь купцы могли ознакомиться с правилами торговли в большинстве городов, расположенных на берегах Понта. В ольвийском законе четко определялось требование торговать на территории полиса, используя исключительно местные деньги. Строго устанавливался курс обмена только для кизикинов, служивших в

то время международной валютой: золотой кизикинский статер приравнивался к 10,5 ольвийских серебряных статеров. Прочие золотые и серебряные монеты обменивались у местных трапезитов по обоюдному соглашению. С нарушителей закона взыскивался штраф, конфисковались весь товар и уплаченные за него деньги.

От других законов уцелели лишь отрывки или упоминания об их существовании. Например, в декрете III в. до н.э. в честь ольвиополита Антестерия говорится об изгнании из полиса граждан, преступивших закон (Виноградов 1989. С. 194). Остается неизвестным, о каком законе идет речь, однако ясно, что за нарушение некоторых ольвийских законов карали изгнанием, одним из самых страшных наказаний для любого эллина, лишившегося родины, всех прав и защиты государства. Близким по времени был и частично уцелевший херсонесский закон о возвращении политических изгнанников (Соломоник 1984. С. 72–81).

Уникальной для Северного Причерноморья является надпись с текстом клятвы, которую давали граждане Херсонеса на рубеже IV–III вв. до н.э. (IOSPE I². № 401; Жебелев 1953. С. 217–247; Виноградов, Щеглов 1990. С. 334–350). В греческих городах юноши, достигшие совершеннолетия и вступавшие в ряды полноправных граждан, клялись в верности своему родному полису. В переломные исторические моменты клятву верности заново произносили все граждане. Именно такое положение сложилось в Херсонесе на рубеже IV–III вв. до н.э. в результате попытки ниспровергнуть демократический строй, за которой последовало изгнание заговорщиков и наступило гражданское примирение. Тогда была написана эта клятва и вырезана на стеле, стоявшей на видном месте, чтобы напоминать всем о данных обязательствах. Граждане клялись именами своих главных богов не предавать Херсонес, города и укрепления на территории государства и его хору, не вступать в заговоры против демократической власти и оповещать власти о таковых, не давать и не принимать даров «во вред государству и гражданам», нигде не продавать выращенный на хоре хлеб, кроме как в самом городе Херсонесе.

Присяга написана по образцу, который использовался во многих греческих городах (Жебелев 1953. С. 221–222); благодаря хорошей сохранности она стала важным источником, по которому восстанавливают утраченные части на надписях с присягами из других греческих государств.

В эллинистический период у греков появился новый тип документов – письма монархов, имевшие полноценное юридическое значение (Welles 1934. P. 27). Сейчас их принято называть рескриптами (от латинского *rescriptum* – «ответное письмо», а также «императорский указ»). В римское время теми же юридическими правами стали пользоваться письма императоров и наместников провинций, которые, придавая особое значение некоторым своим распоряжениям, рекомендовали выставить на видном месте в городе копии некоторых своих писем.

Среди эпиграфических памятников Боспора есть несколько фрагментов писем местных царей (IOSPE I². № 704; КБН. № 836, 1050, 1207), но полностью сохранились лишь найденные в Горгииппии два рескрипта Аспурга, написанные в апреле-мае 15 г. н.э. (Блаватская 1965). Они составлены по принятым в то время трафаретам: текст от первого лица начинается с обращения монарха к своим чиновникам, затем излагается основание для издания распоряжения, потом – само постановление, а в конце документа помещаются приветствие и дата. Оба документа закрепляли юридические и экономические привилегии, данные царем гражданам Горгииппии, по-видимому, за лояльное отношение к царю во время волнений в других боспорских городах, когда Аспург уезжал в Рим.

Анализируя язык рескриптов, Т.В. Блаватская (1965. С. 198–202) отметила отличное качество стиля и языка надписей, в которых имеется лишь одна орфографическая погрешность. Это указывает на высокую образованность составителей писем: они обладали хорошей профессиональной выучкой, употребляли специальные формулы и термины, встречающиеся во многих документах разных греческих государств, и в то же время вырабатывали собственные термины.

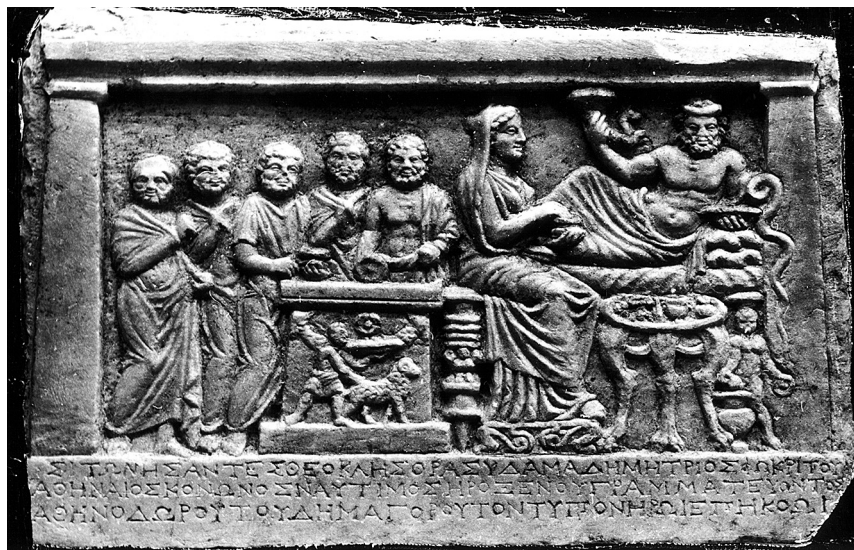
Две надписи из Херсонеса и Тиры представляют образцы официальной переписки (IOSPE I². № 4; Соломоник 1983. С. 20–27). В конце II в. н.э. херсонеситы пожаловались наместнику провинции Нижняя Мёзия на то, что легионеры самовольно увеличили установленную ранее сумму, которую они забирали из местного проституционного налога; эти деньги шли римскому гарнизону на оплату за защиту города. В ответ наместник приказал римлянам подчиняться ранее изданному императорскому рескрипту. Для соблюдения выработанных правил он распорядился записать на мраморной стеле его переписку с херсонесскими властями и

двумя начальниками римского гарнизона, чтобы обе стороны постоянно видели, как они должны соблюдать взаимные обязательства. В переписке властей Тиря с наместником Нижней Мёзии в начале III в. н.э. речь шла о подтверждении права беспошлинной торговли, а также о решении давать права гражданства лишь с согласия наместника.

Большинство упомянутых документов писали хорошо образованные люди. Обычно это были молодые граждане, исполнявшие обязанности секретарей. Эта должность появилась в колониях Северного Причерноморья во время формирования государственного аппарата. Название должности секретаря *γραμματεὺς* происходит от слова *γράμμα* (буква), т.е. подразумевает грамотного человека, способного в сжатой и точной форме излагать всевозможные постановления, законы, договоры и тому подобное. Аристотель в «Афинской политике» (54, 3) писал, что государственный секретарь составлял текст документов, хранил постановления Народного собрания, подписывал все государственные акты и присутствовал на заседаниях Совета.

Безусловно, при исполнительных органах власти секретари появились в античных городах Северного Причерноморья уже в V в. до н.э., когда здесь стали вести подробную документацию. Секретари редактировали и записывали по определенным формулам постановления Народного собрания, законы и другие документы, которые поступали в городской архив. Если в документе шла речь о предоставлении каких-либо прав или привилегий, то секретарь вручал копию лицу, упомянутому в постановлении; на основании этих документов можно было претендовать на различные льготы. Древнейшее известное сейчас упоминание секретаря в Северном Причерноморье сохранилось в надписи первой половины III в. до н.э. на стеле коллегии ситонов, которые заботились о снабжении Ольвии хлебом в голодные годы. Стелу украшало изображение пятерых членов коллегии, в числе которых мы видим секретаря (илл. 3). Внизу под рельефом начертаны слова:

Бывшие ситонами Феокл, сын Фрасидама, Деметрий, сын Фокрита, Афиней, сын Конона, Навтим, сын Героксена при секретаре Афинодоре, сыне Демагора, (это изображение) Герою Внемлющему (посветили) (НО. № 72).

Илл. 3. Мраморный рельеф с изображением секретаря Афинодора в составе коллегии ситонов. Ольвия. III в. до н.э.

Наверное, Афинодор составил надпись, нанял скульптора и следил за исполнением изображения и за нанесением текста на мраморную плитку. Имя секретаря поставлено последним, что характерно также и для более поздних надписей. Как и его старшие коллеги, секретарь назван с отчеством, из чего следует, что он полноправный гражданин, а его должность была не чисто вспомогательной: он изображен на стеле наравне с остальными членами коллегии, которые все одеты в парадную греческую одежду – большие плащи-гиматии. Наверное, Афинодором надо считать того, кто стоит у края рельефа дальше всех от алтаря, и по росту он несколько ниже остальных; это, вероятно, указывает на его роль секретаря.

Хотя сейчас это самый ранний в Северном Причерноморье эпиграфический документ с упоминанием секретаря, нет сомнений, что такая должность появилась здесь гораздо раньше. Однако до эллинистического времени в надписях не было принято упоминать имена секретарей. Сначала, наверное, эту функцию, наряду с другими, поручали одному из членов Совета или коллегии, которые осуществляли практическую власть в государстве. Но с увеличением количества всевозможных документов

для их оформления и хранения стали выделять отдельного человека.

Кроме упомянутого ольвиополита Афинодора, сохранилось несколько имен секретарей, служивших в Херсонесе, Тире и в боспорских городах. Первый по времени из известных сейчас херсонесских секретарей Совета и Народного собрания – Дамасикл, сын Афиней (IOSPE I². № 352); во второй половине II в. до н.э. он передал мастеру почетный декрет, текст которого поручил вырезать на постаменте статуи полководца Диофанта. Имена других секретарей можно прочесть в надписях римского времени: это Аполлонид и Теоген (IOSPE I². № 357, 360), а также Тит Флавий Агеполис, Флавий, сын Аристана (НЭПХ. № 112, 113), и Тит Флавий Аттіан (Антонова, Яйленко 1995. С. 58–86). Три последних имени указывают на принадлежность их носителей к херсонесской знатной семье Флавиев, члены которой имели римское гражданство и во II в. н.э. неоднократно занимали руководящие должности в Херсонесе (Соломоник 1973. С. 28–31, 40). Исполнение обязанностей секретаря Совета (γραμματεὺς τῆς βουλῆς. – IOSPE I². № 359, 363, 396) было одной из первых ступеней, с которых начиналось восхождение по служебной лестнице. Не случайно во всех надписях имена секретарей пишутся в самом конце, вслед за более важными должностными лицами.

О круге обязанностей государственного секретаря (γραμματεὺς τῆς πόλεως) можно прочесть в одной частично сохранившейся надписи римского времени из Тире (IOSPE I². № 2). Там написано, что секретарь Валерий Руф редактировал постановление о награждении золотым венком сына Коккея. Вероятно, тот умер к моменту издания декрета, в котором сказано, что секретарь вручал отцу копию декрета, а оригинал передавал в городской архив. По надписям Тире и Херсонеса известно, что в первые века нашей эры государственные документы скреплялись печатями нескольких должностных лиц, и последним из них был секретарь. Оттиски печатей прилагались к документу, написанному на папирусе или пергаменте. Но их нельзя увидеть на копиях декретов, запечатленных на каменных стенах.

Древнейшее упоминание секретаря на Боспоре находится в плохо сохранившейся надписи эллинистического времени (КБН. № 823). В царской канцелярии служили несколько секретарей; в III в. н.э. Фанн был главным, а Менестрат – рядовым секретарем.

рем (Там же. № 36). В боспорских надписях римского времени имена секретарей постоянно присутствуют в списках имен членов различных религиозных объединений, называвшихся фиасами; они существовали не только в столице Пантикапее (Там же. № 82, 89, 93), но и в других городах Боспора; документально это известно по надписям из Гермонассы и Танаиса (Там же. № 1054, 1263, 1264, 1268). В списках подобных объединений перечислялись в строго определенном порядке, соответственно рангам, должностные лица фиаса; имя секретаря стояло на последнем месте, а далее, после слов «остальные члены фиаса», шел перечень рядовых членов объединения.

В древнегреческих полисах суд был одним из важнейших государственных органов. Вероятно, к государственному секретарю обращались за выписками из законов, которые требовались при разрешении различных тяжб. Древнейшие письменные и археологические свидетельства о судах в Ольвии и в Пантикапее относятся к IV в. до н.э. (Скржинська 2009. С. 20). Наряду с судьями и присяжными в судебных заседаниях непременно участвовал секретарь. В его обязанности входило чтение законов, свидетельских показаний и других документов, которые принесли в суд истец и ответчик. Заседание суда начиналось с молитвы богам, после чего секретарь вызывал истца и ответчика, просил их назвать свои имена и читал текст жалобы. Затем истец выходил на специальное возвышение, бему, и произносил свою речь. Вслед за ним выступал ответчик. Оба неоднократно обращались к секретарю, чтобы он прочел соответствующий документ из тех, которые они предоставили суду.

О секретарях в судах Северного Причерноморья не осталось прямых свидетельств. Однако основные черты судопроизводства у всех греков были сходными. Поэтому, чтобы представить роль судебного секретаря, можно обратиться к речам Демосфена, в частности к 34-й речи против боспорского купца Формиона. Она была написана для истцов, обвинивших купца в отказе отдать деньги, взятые в долг для проведения торговых операций на Боспоре. Перечисляя претензии к Формиону, истцы несколько раз обращались к секретарю с просьбой прочесть соответствующий закон (параграфы 37, 42), свидетельские показания (параграфы 9, 10, 11, 15, 20, 38, 40), таможенную запись (параграф 7) и текст прошлогоднего обвинения ответчика.

На основании рассмотренных эпиграфических источников можно утверждать, что деятельность секретарей сопровождала почти всю тысячелетнюю историю античных государств Северного Причерноморья. Как и прочие государственные должности, эту обязанность исполняли исключительно мужчины, полноправные граждане. Работа секретарей, составлявших различные документы, нашла отражение в копиях постановлений и законов, которые вырезали на каменных стелах. В основном это рядовые тексты, написанные по сложившимся трафаретам.

Несмотря на то, что уцелела ничтожная часть государственных документов из античных государств Северного Причерноморья, нам известно достаточное количество их образцов. Они сохранились в надписях с текстами законов, договоров, официальных писем. Наиболее многочисленные примеры документов составляют почетные декреты в честь соотечественников и иностранцев, оказывавших различные услуги государству. Уникальными для античных колоний в Северном Причерноморье являются гражданская клятва и почетный декрет как благодарность за исторический труд. Рассмотренные надписи дают возможность представить, какую роль письменные постановления играли во внутренней и внешней политике Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора. Упоминания секретарей в ряде эпиграфических памятников донесли нам через два тысячелетия имена граждан, оформлявших документы по нормам, принятым во всей греческой ойкумене.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова И.А., Яйленко В.П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4.
- Берзин Э.О.* Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1.
- Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // ВДИ. 1965. № 2.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
- Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О.* Каллиник, сын Евксена // ВДИ. 1982. № 4.
- Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
- Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В.* Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местные поселения Причерноморья. Севастополь, 1995.

- Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.
- Леви Е.И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- Скржинская М.В.* Быт ольвиополитов в VI–I вв. до н.э. // Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999.
- Скржинська М.В.* Судочинство в античних державах Північного Причорномор'я // Український історичний журнал. 2009. № 5.
- Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Скржинская М.В.* Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2014.
- Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964–1972. Т. 1–2.
- Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса. М., 1983.
- Соломоник Э.И.* Древние надписи Крыма. Киев, 1988.
- Тюменев А.И.* Херсонесские и ольвийские проксении // ВДИ. № 2. 1950. № 4.
- Яйленко В.П.* Боспорские проксении; Мнимая проксения Ольвии боспорскому царю Сатиру // Тысячелетний Боспорский Рейх. М., 2010.
- Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М., 1990.
- Guarducci M.* Epigrafia Greca. Roma, 1969. Т. 2.
- Welles C.B.* Royal correspondence in the Hellenistic period. New Haven, 1934.

Marina V. Skrzhinskaya

THE ROLE OF WRITTEN DOCUMENTS IN THE LIFE OF ANTIQUE STATES OF NORTH BLACK SEA COAST

In the 6th century B.C., when Greek poleis of the North Black Sea Coast emerged, a necessity in keeping official records arose: the new polities needed to keep lists of citizens, to record various decrees, laws, agreements, or title-deeds. Certain rules of composing documents had already been established in the metropole, and so the colonists started to follow examples they knew.

From Tyras, Olbia, Chersonesus, and the Bosphoran Kingdom only those state documents survived, which had been treated as especially significant and so were decided to be copied on stone. Most of such inscriptions contain decrees in honor of local citizens or foreigners who had rendered valuable services to the state. Such services were rewarded with statues, golden crowns, or various exemptions. The big quantity of such documents is not occasional: the very decision to incise

a decree on a stone stele or on a pedestal of a statue was an honorary reward (e.g. IOSPE I². № 31, 352).

Foreigners most frequently were rewarded with proxenies, which gave them various exemptions (mostly in the sphere of trade) as well as the rights of citizenship. The earliest known document of this sort is an Olbian proxenia to the citizens of Sinope of the early 5th century B.C. All North Black Sea proxenies are written according to the rules established in all over the Greek world.

Other kinds of official documents survived only sporadically. A unique document is the oath given by the citizens of Chersonesus *c.* 300 B.C. (IOSPE I². № 401). It follows the pattern attested in other Greek poleis. There are examples of international agreements: the decree of isopoliteia between Miletus and Olbia (МИС. № 35), and the treaty of mutual support between the authorities of Chersonesus and King Pharnaces of Pontus (IOSPE I². № 402). The Olbian decree on money (Ibid. № 24) is an example of a law incised on stone: it clearly defines the rules of trade in Olbia's territory (in local currency only), specifies the exchange rate as well as the fines from those who violate the decree. Several rescripts of Bosporan kings as well as the official correspondence of the authorities of Olbia and Chersonesus with the governor of Province Moesia survive from the Roman time.

Scholars highly appreciate the quality of the language of the North Black Sea inscriptions. It points at a good level of education of those who composed the documents, their professionalism, the knowledge of legal formulas and terms used throughout the Greek world. At the same time, they established some terms of their own.

The author pays a special attention to the role of secretaries. At early time, probably, the composing of documents was entrusted to one of the members of Council or Collegium which ruled the polis in question. Already in the 5th century B.C., when the quantity of documents increased, a special person started to be appointed for their keeping. However, in pre-Hellenistic time there was no custom to mention secretaries in inscriptions. The post of the secretary of the Council (γραμματεὺς τῆς βουλῆς. – IOSPE I². № 359, 363, 396) was one of the lowest steps in the career of officials; names of secretaries were placed in later documents at the very end, after more significant persons. The earliest mention of a secretary in the North Black Sea Coast is known in an inscription of the second half of the 3rd century B.C., a stele of the Collegium which organized bread supplies to Olbia in the years of famine. The stele is ornamented with the depiction of all the five members of the Collegium. The names of all are written below the relief, and the last one mentioned is Secretary Athenodoros, son of Demagoros (see ill. 3). Names of some secretaries (of Tyra, Olbia,

Chersones, and the cities of the Bosporan Kingdom) are known from the inscriptions of the Hellenistic and the Roman periods.

The surviving inscriptions represent a small part of the total of documents once in existence. However, the available material allows us to imagine quite well the process of keeping records in the states of the North Black Sea Coast (the bulk of which was probably on papyrus), as well as to understand better various aspects of political and economic life of those Greek colonies.

Key words: Antiquity, Greece, North Black Sea Region, Tyra, Olbia, Chersonesus, the Bosporan Kingdom, document, writing, state, polis.

А.В. Короленков

СОЖЖЕНИЕ ПИСЕМ ВРАГОВ В РИМЕ И *CLEMENTIA*: ОТ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ

В статье через призму представлений о *clementia* рассматриваются эпизоды сожжения писем врагов (или иных бумаг, способных скомпрометировать уважаемых лиц) после победы над ними, начало чему положило, как считается, уничтожение переписки Сертория Помпеем. Если поступок Помпея не оценивается как проявление *clementia*, то об аналогичных действиях Цезаря Сенека пишет, что тот повел себя *clementissime*. Несомненно, такое представление возникло уже во времена Империи, когда принцепсы взяли на вооружение лозунг *clementia*, при Республике воспринимавшийся верхушкой отрицательно. Однако интерес древних авторов к таким поступкам сравнительно невелик, и излюбленным сюжетом античной литературы они не стали.

Ключевые слова: Древний Рим, сожжение писем в Риме, римская политика, гражданские войны в Риме, *clementia*, Помпей, Цезарь, Октавиан, Калигула, Клавдий, Марк Аврелий, письменность

Одной из непременных черт идеального правителя в Риме была *clementia*. Первоначально она рассматривалась как качество, проявлявшееся римлянами по отношению к иноземным народам (Caes. BG. II.14.5; 31.4), однако со временем, уже в последние десятилетия Республики, стала упоминаться и при характеристике отношений между римскими политиками (Cic. Rab. Perd. 13)¹, а Цезарь, как считается, взял ее на вооружение в качестве лозунга (Hellegouar'h 1963. P. 261–263). Среди случаев ее проявления римлянами к римлянам же мы встречаем упоминание у Цицерона *clementia* Помпея, который щадил сдававшихся ему воинов Сертория (Verf. V.153). Но будущий противник Цезаря во время Серторианской войны позволил себе еще один широкий жест в отношении сограждан, который запомнится как проявление великодушия

¹ Многочисленные ссылки Ж. Эллегуара на *clementia* у Плавта и Теренция (Hellegouarc'h 1963. P. 261, note 8) не вполне корректны – как на существительное на него ссылается лишь Теренций, да и то лишь раз (Ter. Adelph. 861).

и благоразумия, а потому станет одним из образцов поведения *vir bonus* позднее, в эпоху Империи (тогда лишь нарождавшейся). Речь идет о последнем сражении Помпея с армией повстанцев, в котором он разгромил и взял в плен их командующего Марка Перперну. Тот умолял пощадить его и обещал выдать переписку Сертория с влиятельными людьми (в том числе и консулярами)², будто бы призывавшими вернуться его в Италию (*δυναμένων αὐτογράφους ἐπιστολάς, καλούντων Σερτώριον εἰς Ἰταλίαν, ὡς πολλῶν ποθοῦντων τὰ παρόντα κινήσαι καὶ μεταβαλεῖν τὴν πολιτείαν* [Plut. Sert. 27.3] – «Жалкий человек хотел спасти свою жизнь³ выдачей переписки Сертория, которая компрометировала бы многих уважаемых людей в Италии» [Моммзен 1995. С. 29]), т.е., очевидно, тех, кто, как полагают ученые, симпатизировал делу марианцев⁴. Помпей, однако, всё равно казнил Перперну, а переписку, захваченную им и без помощи незадачливого убийцы Сертория, предал огню. За это, если верить Плутарху, он заслужил немалую похвалу современников, ибо оглашение имен тех, кто поддерживал контакты с Серторием, могло привести к новой смуте – ту же цель, по мнению греческого автора, преследовала и казнь Перперны⁵. М. Гельцер отмечает в связи с похвалой, которую снискал своим поступком Помпей, что многие, напротив, осуждали его за бессудную казнь Перперны, как прежде – за расправу с Гнеем Папирием Карбоном, Гнеем Домицием Агенобарбом, Марком Юнием Брутом⁶. Сложно сказать, раздавались ли такие голоса уже именно тогда, но ясно, что сожжение переписки (полное или частичное) являло собой, в отличие от упомянутых казней, акт примирения, и стало, как полагает К.Ф. Конрад, излюбленным топосом римской историографии (Konrad 1994. P. 218)⁷.

² По мнению Ф.О. Спанна, это могли быть максимум трое консуляров – М. Перперна (отец убийцы Сертория), Г. Валерий Флакк и Г. Кассий Лонгин, не считая к тому времени умерших (Spann 1987. P. 210, note 76).

³ Или хотя бы отсрочить свою гибель (Spann 1987. P. 136).

⁴ Leach 1978. P. 52; Southern 2002. P. 48. Суждение спорное: корреспонденты Сертория могли не симпатизировать ему, а руководствоваться холодным политическим расчетом. Другое дело, что при желании ничто не мешало их обвинить в таких симпатиях.

⁵ Plut. Sert. 27.5; Pomp. 20.7–8; App. BC. I.115.537. О переписке самого Перперны в источниках не упоминается, но ее, надо думать, постигла та же участь.

⁶ Gelzer 1973. S. 52. Валерий Максим (VI.2.8), на которого ссылается Гельцер, пишет об обвинениях Помпея в *saevitia*.

⁷ К.Ф. Конрад в связи с этим напоминает об уничтожении Эвменом Кардийским своей переписки, чтобы содержащиеся в ней сведения не могли послужить поводом для обвинений корреспондентов (Plut. Eum. 16.4; Konrad 1994. P. 218).

Следующий такой случай античные авторы относят ко времени гражданской войны 49–45 гг. до н.э. После сражения при Фарсале письма, обнаруженные в сундуках Помпея, Цезарь не стал ни читать, ни снимать с них копии, хотя мог узнать из них, кто хорошо относится к Помпею и дурно – к самому Цезарю. Он немедленно предал их огню (Sen. De ira. II.23.4; Plin. NH. VII.94; Dio Cass. XLI.63.5). Сообщают источники также о сожжении Цезарем переписки Метелла Сципиона после победы при Тапсе в 46 г. до н.э. (Plin. NH. VII.94; Dio Cass. XLIII.13.2).

Аппиан (BC. V.132.548) рассказывает, как в 35 г. до н.э., после разгрома Секста Помпея и Эмилия Лепида, Октавиан уничтожил какие-то документы (очевидно, кого-то компрометировавшие), которые относились ко времени гражданской войны (γραμματαίᾱ, ὅσα τῆς στάσεως σύμβολα, ἔκαε)⁸. В 29 г. до н.э., чтобы успокоить тайных и явных сторонников Антония, Октавиан объявил об уничтожении бумаг, найденных в сундуках последнего, хотя, как добавляет тут же Дион Кассий (LII.42.8), бóльшую часть из них в действительности сохранил и не гнушался использовать в дальнейшем. Можно ли то же сказать о документах, уничтожение которых упоминает Аппиан, судить трудно.

Аналогичную историю рассказывают античные авторы и о Калигуле: «Бумаги, относившиеся к делам его матери и братьев (*commentarios ad matris fratrumque suorum causas pertinentis*), император принес на Форум и сжег, призвав богов в свидетели, что ничего в них не читал и не трогал» (Suet. Cal. 15.4; пер. М.Л. Гаспарова)⁹. Правда, Дион Кассий (LIX.4.3) уверяет, что сожжению подверглись не подлинники, а только копии, изготовленные самим принцепсом (οὐ μέντοι κάκεῖνα τὰ αὐτόχειρα <τὰ> τὸν ἀκριβῆ ἔλεγχον ἔχοντα, ἀλλὰ ἀντίγραφα αὐτῶν ποιήσας). Сжег он будто бы и записи Тиберия относительно дел по оскорблению величия (LIX.6.3). Однако затем оказалось, что бумаги эти целы, и император, подобно Августу, также пустил их в дело, не только используя их в качестве улики против неугодных¹⁰, но якобы даже

⁸ В. Гардтхаузен (явно под влиянием аналогичных историй о Помпее и Цезаре) утверждает, будто Октавиан сжег их не читая (Gardthausen 1891. S. 286), однако в источнике об этом не говорится.

⁹ Речь, по-видимому, шла о документах, находившихся в личном распоряжении Тиберия, а не сената (Barrett 2001. P. 68).

¹⁰ Их обвиняли в причастности к гибели родителей принцепса (Dio Cass. LIX.10.7–8), так что можно говорить о сохранении как минимум первой группы документов.

не стесняясь показывать окружающим (Suet. Cal. 30.2; Dio Cass. LIX.10.8).

Эпилогом этой истории стало то, что впоследствии Клавдий, наконец, уничтожил сохранные Калигулой доносы, дав предварительно прочитать их и тем, кто таковые написал, и тем, против кого они были направлены (Dio Cass. LX.4.5)¹¹. О каких-либо последствиях столь экстравагантного поступка (включая отрицательные) не сообщается¹². Вполне возможно, что ознакомились с доносами лишь некоторые из лиц, которых они касались.

Наконец, после выступления Г. Авидия Кассия в 175 г. н.э. Марк Аврелий сжег его переписку и вообще бумаги, относившиеся к этому делу, чтобы, как утверждают древние авторы, не проникнуться враждой к тем, кого эти документы могли скомпрометировать¹³ (Dio Cass. LXXII.29.4; 30.1¹⁴; Amm. Marc. XXI.16.11).

Примечательно, что если милостивое обращение Помпея с уцелевшими серторианцами Цицерон расценивает как проявление *clementia*, то в связи с сожжением им же писем серторианцев подобные оценки не звучат¹⁵. Не исключено, что это отражает позицию близких по времени к событию источников: тогда поведение полководца вряд ли осмысливалось в категориях *clementia* (заслуга Помпея была не в том, что он проявил милосердие, а в том, что он, как считалось, предотвратил новую смуту). Более того, *clementia* подчас воспринималась в последние

¹¹ Для Диона Кассия это, возможно, пример двойственности Клавдия, поскольку тут же сообщается о том, что он помешал сенату принять решение о *damnatio memoriae* Клавдия (Barrett 2001. P. 172), но повелел отовсюду убрать его изображения. Светоний (Claud. 11.3), кстати, излагает факты в аналогичном духе: «Хотя все постановления Гая [Клавдий] отменил, однако день его гибели и своего прихода к власти запретил считать праздником».

¹² К.Ф. Конрад не учитывает этот эпизод в списке случаев сожжения компрометирующих бумаг (Konrad 1994. P. 218).

¹³ Среди этих людей могла быть и сама императрица Фаустина (SHA. Avid. Cass. 9–10; Birley 2001. P. 189).

¹⁴ В другом месте (LXXII.29.2) сожжение переписки Авидия Кассия Дион Кассий приписывает наместнику Каппадокии Марцию Вери (он поступил так, взяв ответственность на себя), что В. Кроль принимает как безусловный факт (Kroll 1930. Sp. 2025). Возможно, он прав: дальнейшее молчаливое или явное одобрение императором поступка Вера сочли равносильным тому, как если бы он сам его совершил.

¹⁵ Пусть даже и в аналогичных греческих терминах (например, ἐλεῖκεια: Plut. Caes. 15.4; 54.4; 57.4), учитывая, что в латинских источниках о сожжении Помпеем переписки Сертория не сообщается.

десятилетия Республики применительно к отношениям между представителями римской верхушки как нечто нежелательное: Саллюстий в описании спора о судьбе катилинариев предпочитает говорить о *misericordia* и *mansuetudo*¹⁶, да и то в отнюдь не однозначном контексте (Cat. 51.1; 52.11, 27)¹⁷, слова же *clementia* избегает, по-видимому, вполне сознательно, поскольку оно подразумевало прощение низшего высшим¹⁸, что, как известно, «привело к непопулярности *clementia* Юлия Цезаря в среде римского высшего класса» (Dowling 2006. P. 30). И у Саллюстия *clementia* упоминается всего лишь раз¹⁹, причем в ироническом контексте²⁰, а у самого Цезаря в «Записках о гражданской войне» и вовсе ни разу (Collins 1959. P. 123), если не считать наречия *clementer*²¹. Это заставляет думать, что Цезарь сознательно уклоняется от использования слова *clementia*²² – даже его друзья предпочитают говорить, причем в письмах, о *temperantia* и *humanitas*²³. Поэтому одно дело, когда Помпей щадил воинов Сертория, явно не равных ему по рангу, и совсем другое, когда речь шла о сенаторах, которых могла скомпрометировать переписка Сертория – ведь сам Помпей тогда вообще не входил в их число.

¹⁶ Поставлены рядом, очевидно, ради аллитерации (Ramsey 2007. P. 207). Ср. *clementia ac mansuetudo* у Цезаря (Caes. BG. II.14.5; 31.4) и *clementia et mansuetudo* Цицерона (Phil. V.40); Ж. Эллегуар ошибочно усматривает это словосочетание и в Cic. Off. I.88 (Hellegouarc'h 1963. P. 261, note 9), но там говорится о *placabilitas atque clementia*.

¹⁷ В частности, Цезарь призывает как раз не поддаваться *misericordia* (Ramsey 2007. P. 208), что не мешает Катону критиковать его именно за призыв к ней. Впрочем, и сам Саллюстий считает *misericordia* качеством, присущим Цезарю (Cat. 54.2).

¹⁸ Ramsey 2007. P. 215. Согласно чеканной формулировке Дж. Коллинза, «*clementia* – добродетель легитимного монарха» (Collins 1959. P. 123).

¹⁹ Ж. Эллегуар пишет, что в Cat. 54.2–3 Саллюстий говорит о *clementia* как особой политической тактике Цезаря (Hellegouarc'h 1963. P. 262), не обращая внимания на то, что писатель использует слова *mansuetudo*, *misericordia*, но не *clementia*.

²⁰ Этим словом начинается речь Лепида к народу: оратор выражает опасение, что *clementia* и *probitas* его сограждан способствуют укреплению тирании Суллы (Hist. I.55.1).

²¹ BC. III.20.2. Речь идет о том, как, по мнению городского претора Требония, следовало вершить суд (*clementer et moderate*).

²² Collins 1959. P. 123. Тем не менее, как замечает Дж. Коллинз, вторые мемуары Цезаря некоторые в шутку предлагали называть *Bellum civile, sive de Caesaris clementia*.

²³ См.: Cic. Fam. VIII.15.1; IX.9.3; Collins 1959. P. 123. Стоит заметить, что и знаменитая сентенция Цезаря об открытии им способа побеждать с помощью *clementia* содержится в частном письме (Cic. Att. IX.7c.1). Впрочем, еще за неделю до этого послания, 4 марта 49 г. до н.э., Цицерон уже писал о *insidiosa clementia* Цезаря (Att. VIII.16.2; также см.: Cic. Phil. II.166), так что тайной его «лозунг» не являлся с самого начала.

Вернемся к эпизоду с Цезарем. Эпизоды с уничтожением писем Помпея и Метелла Сципиона не вызвали интереса у исследователей, которые обходят их молчанием; М. Гельцер упомянул лишь первый из них, не сомневаясь в том, что он имел место (Gelzer 1968. P. 243). Между тем сам Цезарь, лицо, казалось бы, наиболее заинтересованное, о нём ничего не пишет; то же можно сказать и об авторе «Африканской войны», когда он рассказывает о битве при Тапсе. Предполагать, что оба писателя опустили этот факт по той же причине, по которой они не пользуются словом *clementia*, не приходится: ведь сожжение писем Помпея, если оно имело место, являлось пропагандистским жестом и, стало быть, подлежало широкой огласке, а не замалчиванию. Всё это заставляет серьезно усомниться в том, что оба эпизода имели место в действительности. В пользу такого вывода говорит среди прочего и тот факт, что Цезарь, уничтожая корреспонденцию поверженного врага, в точности повторял бы аналогичный поступок Помпея после разгрома Перперны. Подобная параллель вряд ли была бы ему на руку.

Означает ли это, что за описанными эпизодами ничего не стояло? На сей счет нам остается лишь строить предположения. Возможно, Цезарь (точнее, его воины или слуги) сжигал после сражения какие-то вещи из шатра Помпея, и это было истолковано как уничтожение писем, тем более что позднее Цезарь, судя по всему, не использовал корреспонденцию покойного зятя для борьбы с неудобными. В то же время случившееся, по-видимому, не получило широкой известности, коль скоро ни Плутарх, ни Аппиан о нём не сообщают – и это притом что первый был очень падок до ярких подробностей такого рода. Да и второй, сообщив о сожжении Помпеем переписки Сертория, вряд ли умолчал бы о таком же поступке Цезаря. Последнее обстоятельство само по себе могло породить слухи о ее сожжении в более поздних исторических трудах уже во времена Августа.

Однако нашлись и те, кто об этой истории читал и у кого она вызвала интерес. Свою роль сыграло и то, что принцепсы взяли лозунг *clementia* на вооружение (Hellegouarc'h 1963. P. 262), ибо они уже не стеснялись признавать себя вышестоящими по отношению к прочим жителям империи, даже самым знатным и высокопоставленным²⁴. Неудивительно, что Сенека (De ira. II.23.4)

²⁴ Поэтому здесь не рассматриваются эпизоды с сожжением бумаг, возможно, ком-

охарактеризовал сожжение писем Помпея Цезарем в превосходных степенях (*clementissime*). Дион Кассий (XLI.63.5) пишет в данном случае о его φιλάνθρωπία и ἀρετή. Уничтожение переписки Авидия Кассия «идеальным императором» Марком Аврелием он связывает с его неприязнью ко всякому кровопролитию (LXXII.29.3: Μάρκος γὰρ μὴν οὕτω τι φόβος οὐκ ἔχαρεν ὥστε). В то же время аналогичный поступок Клавдия историк никак не комментирует: судя по всему, он видел в этом проявление не высоких моральных качеств императора, а склонности к причудам, которой тот был так известен.

Что же касается достоверности описанных эпизодов, сам факт сожжения компрометирующих бумаг являлся лишь символом (и не столь уж важно, имело ли оно место в действительности). Главным же в глазах античных писателей, надо думать, было то, что Помпей, Цезарь или Марк Аврелий не воспользовались письмами врагов для репрессий, хотя имели полную возможность сделать это. Мотивация такого поведения могла быть различной, но здесь уже никто не мешал древним авторам дать волю фантазии.

Оборотная сторона подобных поступков – профанация со стороны Августа и Калигулы, которые (надо полагать, демонстрируя свою *clementia*), объявляют об уничтожении компрометирующих бумаг. Затем оказывается, что это лишь слова, и такое поведение, естественно, не встречает одобрения у античных авторов.

И еще одно обстоятельство: ни в одном из рассмотренных случаев не сообщается, что кто-то из названных исторических деятелей, уничтожавших соответствующие документы и тем самым как бы прощавших тех, кого они компрометировали, руководствовался примером предшественников. Любопытно, что и сами античные писатели параллелей между лицами, совершавшими такой поступок, не проводят. Да и упоминают они их сравнительно редко. «Излюбленным топосом римской историографии», да и античной литературы вообще, этот сюжет, вопреки мнению К.Ф. Конрада, так и не стал.

прометировавших Агриппину, Нарциссом и писем Л. Антония Сатурнина А. Лаппием Максимом (Dio Cass. LX.34.5; LXVII.11.1–2), поскольку речь не шла о проявлении *clementia*: в первом случае Дион Кассий указывает, что в них могли содержаться данные, компрометировавшие Агриппину, стоявшую, естественно, выше Нарцисса, во втором – что Лаппий Максим спасал этим тех, кто пострадал бы от Домициана, узнай император об их связях с мятежником Сатурнином (среди них наверняка могли быть люди, которым Лаппий уступал по положению); см. также о возможной неисторичности этого эпизода (Jones 1979. P. 30–36).

Подведем итоги. Сожжение компрометирующих бумаг как знак примирения впервые происходит всего за три десятилетия до падения Республики, если считать таковым разгром Брута и Кассия при Филиппах. Оно, по-видимому, рассматривалось лишь как признак благоразумия Помпея, уничтожившего таким образом опасность нового политического скандала и даже смуты, о *clementia* же речи пока не шло. Иначе подобный шаг начал расцениваться в первые десятилетия Империи, когда *clementia* становится одним из лозунгов нового режима. Однако далеко не каждый принцепс готов был идти в соответствующих ситуациях на столь широкий жест, являвшийся частью амнистии. Очевидно, и ждали этого от них далеко не все, в связи с чем, надо думать, акции такого рода, видимо, так и не стали популярным сюжетом у античных писателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. 2.
Barrett A. *Caligula. The Corruption of Power*. L.; N.Y., 2001.
Birley A. *Marcus Aurelius. A Biography*. N.Y., 2001.
Collins J.H. On the Date and Interpretation of the *Bellum civile* // *American Journal of Philology*. 1959. Vol. 80. P. 113–132.
Dowling M. *Clemency and Cruelty in the Roman World*. Ann Arbor, 2006.
Gardthausen V. *Augustus und seine Zeit*. Leipzig, 1891. Tl 1, Bd. 1.
Gelzer M. *Caesar. Politician and Statesman*. Cambridge (Mass.), 1968.
Gelzer M. *Pompeius*. München, 1973.
Hellegouarc'h J. *Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République*. P., 1963.
Jones B.W. *Domitian and the Senatorial Order. A Prosopographical Study of Domitian's Relationship with the Senate, AD 81–96*. Philadelphia, 1979.
Konrad C.F. *Plutarch's Sertorius. A Historical Commentary*. Chapel Hill; L., 1994.
Kroll W. *Martius (6)* // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: Neue Bearbeitung* / G. Wissowa; W. Kroll; K. Mittelhaus; K. Ziegler. Stuttgart, 1930. Hbd. 28. Sp. 2024–2025.
Leach J. *Pompey the Great*. L., 1978.
Ramsey J.T. *Sallust's Bellum Catilinae*. Oxford, 2007.
Southern P. *Pompey the Great*. Stroud; Charleston, 2002.
Spann Ph.O. *Quintus Sertorius and the Legacy of Sulla*. Fayetteville, 1987.

THE BURNING OF THE UNWANTED ENEMIES' LETTERS IN ROME
AND *CLEMENTIA*: FROM THE REPUBLIC TO THE EMPIRE

The cases of burning letters whose unveiling could result in political scandals and repressions is analyzed in the article. The first action of this kind is attributed to Pompey who annihilated the correspondence of Sertorius after Perperna's defeat in Spain. According to ancient authors, Caesar, Octavian, Caligula, Claudius, Marcus Aurelius destroyed documents which compromised other persons (it later became known that Octavian Augustus and Caligula kept those papers and used them for the persecution of unwanted persons).

It is also doubtful whether Caesar in fact burned Pompey's letters after the battle at Pharsalus, and those of Metellus Scipio after the battle at Thapsus because neither he nor the author of *Bellum Africanum* mentioned that fact.

But the authenticity of some or other episode does not matter; what does matter is the refusal of the ruler to use the incriminating papers against disloyal persons, not the very fact of destroying letters. It is important that ancient authors believed those cases to be authentic. According to Seneca, Caesar who burned Pompey's letters acted *clementissime* – but we do not see such a characteristic of Pompey in a similar situation. It is understandable, as in this case Pompey was praised for the prevention of a new turmoil but not for *clementia* – by no means a republican virtue. The situation changed with the beginning of the principate when emperors started using the slogan of *clementia*. But the mentions of cases in question are still relatively rare, and ancient authors never report such actions of two different persons at once. Thus, contrary to the opinion of C.F. Konrad, this theme did not become a favorite *topos* of Roman historiography.

Key words: Ancient Rome, burning of the letters in Rome, Roman politics, civil wars in Rome, *clementia*, Pompey, Caesar, Augustus, Caligula, Claudius, Marcus Aurelius, writing

В.А. Арутюнова-Фиданян

АРМЯНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И РАННЕЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В отличие, например, от англо-саксонских королевств, Польши, Чехии или Руси, где письменная культура была, в основном, заимствована извне вместе с христианством и церковными институтами и, в определенной степени, соотносилась со становлением государственности, в Армении такая связь не может быть однозначно прослежена. Доэллинистическая государственность Армении, принятие христианства в начале IV в., и только через сто лет после этого события – изобретение алфавита, переводная литература и возникновение оригинальных произведений ставят Армению вне вышеупомянутого типологического ряда. Изобретение письменности и возникновение оригинальных богословских, догматических, литургических трудов было инициировано церковью. Первые переводчики стали первыми историографами, все они были учеными монахами (вардапетами), тесно связанными с домами Армении (Мамиконянами и Багратидами), которые играли ведущую роль в стране после упразднения Армянского царства и по заказу которых историки писали свои труды. Памятники V в. – целостный корпус исторической прозы Армении – являются началом христианского историописания. Защита веры и обычаев, сопротивление культурной и религиозной ассимиляции органично сочетались в трудах вардапетов Армянской церкви с борьбой за государственную независимость, за возрождение древнего Армянского царства.

Ключевые слова: Армения, историописание, письменность, христианизация, феномен «золотого века», философия истории

Первые политические образования возникли на Армянском нагорье на основе протоармянских племенных союзов в VII–VI вв. до н.э., а во второй половине II – начале I в. до н.э. династия Арташесидов создала объединенное армянское государство, где, по свидетельству Страбона, «все говорят на одном языке», иными словами, политические границы Армянского царства совпадали с этническими. К IV в. н.э. армянская государственность опиралась на устойчивые институты управления: «хазарапетутюн» ведало экономикой, финансами и торговлей, «мардпетутюн» – царское

казначейство, «малхазутюн» возглавляло царскую гвардию, «сенекапетутюн» ведало царской канцелярией и архивами; специальное ведомство «Великое судейство» осуществляло правосудие. Эти институты перешли почти без изменений от Арташесидов к Аршакидам (а через пять веков и к Багратидам). В III – начале IV в. в Армении закрепляется нахарарский строй не только как политическая, но и как социально-экономическая система, Армения становится раннефеодальной монархией.

В период расцвета дохристианской цивилизации (интенсивное градостроительство, архитектура, скульптура, фресковая живопись, литература и театр) Армении нельзя было назвать бесписьменной, поскольку армянская государственность, восходившая к доэллинистическим временам, не могла бы обходиться без письменности, обслуживающей нужды царства (армия, фиск, дипломатия и т.п.). В Армении существовали греческие и сирийские школы. Греческим и сирийским (арамейским) языками пользовались не только знать и интеллектуалы, но и широкие слои населения (письменное оформление документов о тяжбах, договоров, завещаний и т.д.). Придворные и храмовые истории записывались на сирийском и греческом языках, языческие храмы были хранителями духовной культуры и обладателями иноязычных источников об армянской истории.

Армения была тесно связана с иранской цивилизацией, до первой половины III в. входила в сферу влияния Парфянской державы с высоким политическим статусом. В семейной иерархии Аршакидов армянские цари занимали второе место, армянские Аршакиды были родственниками и вассалами парфянских царей. Обе страны были близки по общественному строю, экономической системе, социальному делению, культуре, быту и религии. Основными параметрами иранско-закавказской цивилизации были наследственная власть царя и нахарарский (родо-феодальный) социальный строй. В Армении эпохи ранней государственности Арташесиды еще были полновластными монархами, однако при Аршакидах, с развитием нахарарства и частной собственности на землю, в условиях натурального хозяйства географически разобщенных регионов, усилились центробежные тенденции, что вело к ослаблению государства и постепенному переходу земельного фонда к знатым фамилиям.

В конце III – первой половине V в. Армянское царство было децентрализованной монархией.

Царь *de jure* был верховным собственником всей территории царства, в его руках была сосредоточена законодательная, судебная и административная власть, но *de facto* и внутренняя, и внешняя политика контролировалась духовенством и нахарарами. Царь был верховным сюзереном нахараров (перс. *нахабар*), вначале обладавших лишь региональной административной и военной властью, полученной от царя, а затем превратившихся в крупных землевладельцев, присваивавших управляемые ими территории. Каждое нахарарство пользовалось внутренней автономией и обычно именовалось «домом» (тун) или «родом» (азг), нахарары именовались танугерами или азгапетами. Самые влиятельные нахарары входили в царский совет и возглавляли ведомства в аппарате управления, со временем их должности становились наследственными: Мамиконяны, чаще всего, были спарапетами, хазарапетами – Гнуни и Амадуни, венцевозлагателями – Багратиды, и т.д. (Сукиасян 1963. С. 202 и сл.).

Началом цивилизационного сближения между Византийской империей и Арменией, изначально принадлежавшими к разным цивилизационным типам (греко-римскому и ирано-закавказскому: Новосельцев 1980. С. 173–247), следует считать появление в III в. политических и конфессиональных факторов отчуждения Армении от иранского мира. В 224–226 гг. Ардашир Папакан, внук Сасана, правитель провинции Парс на юге Ирана, сверг Артабана V Аршакида, Сасаниды объявили себя наследниками Ахеменидов и лелеяли планы завоевания Римской империи. Новая династия сделала зороастризм государственной религией и начала жестокое преследование инакомыслящих. Следует отметить, что зороастризм, широко распространенный в иранском мире, никогда не имел существенного влияния в Армении, поскольку армянская теологическая мысль не восприняла основополагающий принцип зороастризма: дуализм добра и зла, равноправно участвующих в созидании мира, а также веру в силу очищающего огня. Армяне никогда не уравнивали силы созидания и силы разрушения, что, очевидно, и послужило одной из главных причин отхода Армении от Ирана. Устранив парфянских Аршакидов, Сасаниды вовлекли Армению в длительную войну, и потому в противостоянии Ирана и Рима армянские Аршакиды приняли сторону Римской империи. В 298 г. Трдат III (287–330) прибыл в Армению в сопровождении римских войск, Сасаниды, в свою очередь, активно поддерживали центробежные устремления армянских нахараров. В 299 г. персы

были вынуждены подписать в Нисибине мирный договор с Римом на сорок лет, который обеспечил влияние Римской империи в Армении, закрепленное утверждением христианства в обеих странах.

Христианизация Армении в начале IV в. была длительным и сложным процессом, история первых христианских общин и имена первых просветителей неизвестны, их затмила личность Григория Партева, проповедника и миссионера, связанного с Кесарийской церковью. Широко распространена и принята Армянской церковью дата крещения Армении – 301 г. (обращение царя Трдата III и его окружения). Существует и другая дата: 314 г. – рукоположение Григория епископом-первосвященником Армянской церкви в Кесарии Каппадокийской, через год после того, как император Константин I Великий (306–337) утвердил Миланским эдиктом (313 г.) веротерпимость, уравнив христианство с другими конфессиями.

Языческие верования долго жили и среди народа, и среди знати Армении, часть нахараров выступала против христианства и против царя, принявшего эту веру. Новая религия провозгласила единую веру как коррелят единой родины и единого царства и стала знаменем борьбы с мятежными нахарарами – приверженцами «древних богов». Переход к новой религии означал крушение блистательной дохристианской культуры Армении, изменение общественного менталитета, что и привело к внутренней смуте, к «войне с язычниками» (Агафангел 1903; Иоанн Мамиконян 1941; Арутюнова-Фиданян 2012. С. 266–269).

События первых этапов христианизации демонстрируют определенную симфонию древнего государства и новой христианской церкви во внешней и внутренней жизни Армении. Однако согласие между светской и церковной властями не было прочным, и борьба между ними нередко проявлялась в форме противостояния язычества и христианства (сторонников Ирана и Рима). Христианство долго оставалось «новой» религией, армянские авторы V в. жаловались на устойчивость старых обрядов, на то, что армяне любят «свои мифические песни, свои сказания, на них воспитываются, им верят» (История 1953. С. 29, гл. XIII)¹. Разгром языческих святилищ и возведение на их месте христианских

¹ В конце IX в. Багратиды, восстановившие армянскую государственность, собирали народные сказания, дабы укрепить возобновленное Армянское царство по образцу Армении Аршакидов, наследниками которых считала себя новая династия (Арутюнова-Фиданян 1994. С. 98–100).

храмов, христианизация языческих обрядов, креолизация культов святых и т.п. не обеспечивали безоговорочной победы христианства. Первые жития христианских мучеников относятся к периоду утверждения новой религии. И даже через сто лет после обращения страны в христианскую веру Месроп Маштоц и его сподвижники пытались в одной из центральных областей Армении (Гохтн) «вызволить всех [жителей] из под влияния преданий предков и дьявольского поклонения сатане» (Корюн 1962. С. 87–88).

Рецепция византийской духовности, преломление христианских традиций в армянском обществе в соответствии с новыми политическими, социальными и идеологическими задачами продолжались несколько веков². Принятие христианства не только как государственной, но и как народной религии, а также дистанцирование от иранского мира было затруднено отсутствием собственной письменности. В течение нескольких столетий в Армении пользовались (не считая урартской клинописи) арамейской (во времена Ахеменидов) и греческой (в эллинистический период), сирийской (вариант арамейской), парфянской и персидской письменностями. Мовсес Хоренаци, укоряя «прежних царей и правителей» за их «нелюбознательность и нежелание оставить миру память о себе», отмечает, что письменность в Армении всё же была, хотя и чужая:

...и персидское и греческое письмо, на котором написаны хранящиеся у нас по сей день многочисленные книги; [документы], содержащие сведения о собственности в деревнях и областях и в каждом доме, об общественных тяжбах и сделках, особенно же, о наследственных состояниях (Мовсес Хоренаци 1990. С. 8, кн. III).

К IV в. Армения становится раннефеодальной монархией, при этом государство, торговля и образование обеспечивались в основном сирийской и греческой письменностями. По логике событий Григорий Просветитель³ вслед за крещением Армении должен был озаботиться созданием армянской письменности. Проповедники христианства для перевода Библии и письменной пропаганды

² Setton 1941; Zekiyan 1982. О Константине Великом см.: Jones, Martindale, Morris 1971. Т. 1. Р. 223–224.

³ Мурадян 2012а. С. 8–10. Общий обзор редакций «Жития Григория Просветителя» и литературу об этом памятнике см.: Анасян 1959. Т. 1. С. 151–213; van Esbroeck 1985. Col. 239–248; Thomson 1995. Р. 90–95; Арутюнова-Фиданян 2004. С. 203–209.

новой веры становились иногда и создателями алфавита. В Армении, однако, этого не произошло ни при Григории Просветителе, ни при его ближайших преемниках, т.к. царский двор, знать, духовенство, чиновничество и интеллектуалы по традиции продолжали получать греческое (или сирийское) образование и читали богослужебные книги на этих языках. Расширение круга неофитов потребовало хотя бы устного изложения элементарных основ христианского учения на армянском языке. Г.Х. Саркисян выдвинул гипотезу о гетероэпическом чтении или «произнесении» проповеди: аудитории предлагался устный перевод Библии (в особенности Нового Завета), сочинений отцов церкви и т.д. с оригиналов, находящихся под рукой или в памяти проповедника. Гетероэпическое чтение, заменяя в какой-то мере письменную грамоту, препятствовало литеризации армянского языка. В то же время непосредственное общение с аудиторией способствовало развитию богословской терминологии (Саркисян 1980. С. 15–27; Мурадян 2012б. С. 228, 242–243).

Сирийские и греческие богословские труды и даже гетероэпическое чтение не могли должным образом способствовать широкому распространению христианского учения, в особенности в периоды обострения разногласий между церковью и Аршакидами. Филиппики католикосов и вардапетов, обличавших неискорененные «древние языческие обычаи» (самоубийства и убийства как часть похоронных обрядов, беззаконие, блуд, кровосмешение и кровопролитие, ненависть и месть и т.п.), не воспринимались народом, а царь и его приближенные физически уничтожали проповедников (убийство католикосов Иусика и Нерсеса, старца Даниила и других). Один из авторов «Бузандарана» пишет:

В то время люди брали дурной пример с царя... хотя они издавна приняли христианство, но лишь как какую-то человеческую религию, которую они приняли по принуждению без ревностной веры. Они приняли [ее] не сознательно, не с надеждой и верой, как подобало, и только немногие, знакомые с греческой или сирийской письменностью, понимали эту [религию]. Что же касается до тех, кто не был посвящен в искусство грамоты, т.е. до всей остальной разношерстной народной массы, будь то нахарары или шинаканы, то если бы учителя сидели с ними день и ночь и изливали бы на них свет учения, наподобие обильных дождей из облаков, – всё равно никто из них ни слова, ни полслова, ничего не мог понять, и крупичицы из того, что слышал, не мог бы запомнить (История 1953. С. 28–29).

Первый церковный Собор в Аштишате, созданный в 356 г. Нерсесом I (353–372), принял каноны, обязательные как для духовенства, так и для мирян (о содержании больниц и странноприимных домов, о порядке монашеской жизни, об отношениях между слугами и господами и т.п.), и целый ряд постановлений, осуждающих «языческие обряды». Нерсес I основал также по всей стране школы с преподаванием на греческом и сирийском языках (Тер-Саркисянц 2005. С. 143–144). Однако широкое распространение христианства и церковных институтов требовало собственного алфавита.

Появление армянской письменности, таким образом, было вызвано прежде всего нуждами христианской религии. Изобретатель армянского алфавита и основоположник армянской письменности Месроп Маштоц получил начальное образование в греческой школе, основанной католикосом Нерсесом I, и продолжил обучение в антиохийской школе известного ритора Либания. В 391 г. Маштоц был рукоположен хорепископом и направлен для насаждения христианства в восточные области Армении. Эта миссия вновь поставила перед Маштоцем вопрос о необходимости введения армянской письменности, впервые возникший перед ним в годы его службы в царской канцелярии (388–391 гг.), где дела приходилось вести не на родном и даже не на греческом языке, как это было до раздела Армении (387 г.), а на сирийском и персидском языках (Адонц 1962. С. 229–230; Маркварт 1962. С. 125). Результатом работы в городах византийской Сирии – центрах науки и просвещения – было изобретение тридцати шести знаков армянского алфавита. Маштоц ввел наименования этих знаков и установил их порядок соответственно греческому алфавиту⁴. В основу литературного языка был положен «останский» говор, т.е. язык домена Аршакидов (Айрарата), на котором говорили в столицах – Арташате и Валаршапате. В пределах единого государства – Великой Армении – стирались языковые особенности, и преобладающим становился «останский» говор, на котором существовала большая устная литература, целые циклы эпических и поэтических произведений, которые постоянно совершенствовались в устах профессиональных сказителей (гусанов и випсанов). В первой половине V в. из «останского» говора возник единый литературный язык (грабар) нахарарской Армении.

⁴ Дата изобретения алфавита — предмет длительной дискуссии в арменоведении. Крайним сроком создания армянской письменности может считаться начало V в. (Тер-Саркисянц 2005. С. 199–206).

Армянская литература начинается в первые десятилетия V в. с переводов богословских сочинений с сирийского и греческого языков. Действовала плеяда переводчиков: Месроп Маштоц, католикос Саак I и их ученики Корюн, Езник Колбацци, Иосиф Вайоцзореци, Левон, Иоанн Екелецци и др. Армянская переводная литература V – начала VIII в. включает в себя классические переводы (V в.) и переводы грекофильской школы (с конца V до начала VIII в.).

Переводная литература прежде всего должна была направить идейную и литургическую деятельность церкви и обеспечить религиозное образование (изучение Библии, литургики, патристика, герменевтика, апологетика, история, каноника, агиография). Усилиями первых переводчиков на армянский язык были переведены произведения отцов церкви: толкования, речи и каноны Афанасия Александрийского, Василия Кесарийского, Григория Назианзина и др., «Церковная история» и «Хроника» Евсевия Кесарийского, а также целый ряд литургических книг – Литургиарий, Часослов, Бревиарий и др.

Во второй период на армянский язык переводятся «Искусство грамматики» Дионисия Фракийского, «Книга Хрий» (или «Книга полезных знаний») Афтония, произведения Аристотеля и Платона, «О риторических упражнениях» Феона Александрийского, «Введение в категории Аристотеля» Порфирия Финикийского, философские толкования неоплатоников, произведения Григория Нисского и Немесия Эмесского, богословские и догматические труды Филона Еврея, Иренея Лионского, Тимофея Элура, Дионисия Ареопагита и т.д. Переводы охватывали все области наук Средневековья: грамматику, риторику, философию, естествознание, богословие, демонстрируя целеустремленность представителей грекофильской школы⁵.

Древнеармянские переводы Аристотеля, Платона, Порфирия, Филона Александрийского и других принадлежат к числу древнейших в мировой философской литературе. Высокая степень точности этих переводов позволяет вносить коррективы в дошедшие до нас греческие оригиналы (Аревшатян 1973. С. 141–227; Terian 1982. Р. 175–186). Переводы с греческого языка постепенно теснят переводы с сирийского. Историко-филологический анализ

⁵ Последовательность переводов грекофильской школы: I этап (с середины 450-х до начала 480-х годов); II этап (с 480-х до 520-х годов); III этап (с 520-х до 600-х годов); IV этап (с 610-х до 720-х годов) (см.: Тер-Петросян 1984. С. 7–11).

переводов библейских книг утвердил в науке неоспоримое мнение, что изначальный армянский перевод св. Писания осуществлен на основе сирийской редакции (Анасян 1976. Т. 2. С. 309–668). В начале 30-х гг. V в. армянские интеллектуалы во главе с Сааком Партевом сверили и отредактировали книги Писания на основе греческой редакции семидесяти толковников. И с этого времени начинается литературная ориентация армян на Византию (Мурадян 2012б. С. 243–245).

Первые переводчики-эллинофилы в то же время являлись и основоположниками армянской оригинальной литературы: богословской, философской и историографической. В этот период были написаны: сочинение ученика Месропа Маштоца Корюна «История жизни и смерти блаженного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика» (между 443 и 450 гг.); «История Армении» (или «Житие Григория Просветителя»), приписываемая Агафангелу (возможно, 60-е гг. V в.); «История Армении» Фавстоса Бузанда (или «Бузандаран») – сборник «эпических историй», записанный, очевидно, во второй половине V в.; сочинение Елишэ «О Вардане и армянской войне», написанное очевидцем и охватывающее небольшой период (середина V в.); «История Армении» Лазара Парпеци – изложение событий 387–485 гг. (конец V в.); наконец, «История Армении» Мовсеса Хоренаци – первая целостная история армянского народа от его появления на исторической сцене до 40-х гг. V в.

Историографии V в. посвящена огромная литература, и обозначен широкий круг проблем⁶. Феномен «золотого века» – высочайшего взлета армянской словесности непосредственно вслед за изобретением алфавита – объясняется, прежде всего, существованием огромной устной литературы, гибкостью и богатством армянского языка, столетиями совершенствовавшегося сказителями циклов устных преданий. Модель мира ранних историографов: борьба армян за родину, за духовную и государственную независимость, за создание надежных и устойчивых опор страны, государственности и общества – унаследована ими от безвестных авторов устной истории, которая входила в их произведения в соответствии с задачами того или иного автора. Агафангел, писавший о ходе христианизации Армении, использовал церковные предания, Елишэ и Лазар Парпеци – певцы освободительной борьбы против Ирана –

⁶ Список основной литературы см.: Акопян 2016. С. 4–6.

широко цитировали героический эпос, Мовсес Хоренаци построил на этно-социогенетических преданиях «Начальную историю» армянского народа. Авторы «Бузандарана» – и сказители, и первые историографы, творившие на рубеже устной и письменной традиции, – четко и последовательно выделяют понятия, определяющие вековые приоритеты социальной и духовной жизни армян: общину и *orenk'* – полисемантический термин, обозначающий и традиции, и обычаи, и нравы, и уклад жизни (Фавстос Бузандаци 1883; Арутюнова-Фиданян 2016. С. 306–311).

Мовсес Хоренаци констатирует крушение дохристианской армянской цивилизации, но вместе с тем он сохраняет, в определенной степени, часть ее духовной культуры – армянскую мифологию и некие апелляции к мифологическим временам для доказательства сакральной природы социально-политических структур и генеалогий⁷. Устная история, вошедшая в раннюю историографию, закрепила в ней историческую память, создавая преемственность истории народа (Арутюнова-Фиданян 2016).

Второй составляющей феномена «золотого века» было осуществленное переводчиками и писателями погружение в мир античной литературы. Армянские историографы V в. – знатоки античных авторов – знали и по большей части выполняли жесткие требования к исторической прозе: предмет изложения – значимые события; автор – очевидец их или участник; тщательное литературное оформление (метафоры, сравнения и т.п.); четкая композиция, т.е. структурирование нарратива по правилам, наиболее эффективным для изложения; интерполяция в текст писем, документов, речей; стремление писать для пользы, а не развлечения читателя; и т.п. По Лукиану, авторы исторических сочинений должны обладать политическим и военным опытом. Все армянские историографы были монахами, учеными вардапетами, принадлежали к интеллектуальной элите армянского общества, были тесно связаны с правящими домами Армении и высшим духовенством и почти всегда принимали участие в важнейших событиях армянской истории (Арутюнова-Фиданян 1994. С. 12).

Армянские писатели успешно освоили античные техники исторического описания, однако античные или византийские исторические сочинения (исключая «Церковные истории») не оказали сколько-ни-

⁷ Moses Khorenatsi 1978. P. 10–61. О древнейшей истории армянского народа у Мовсеса Хоренаци см.: Мовсес Хоренаци 1990. С. XXXVI–XLI; Арутюнова-Фиданян 2016. С. 317–318.

будь заметного влияния на содержание армянской историографии. Мовсес Хоренаци, используя труды предшественников, оставляет вне круга своих интересов основные греко-римские сочинения, которые и доныне служат фактической базой для восстановления истории древней Армении (труды Ксенофонта, Полибия, Страбона, Тацита, Плутарха, Диона Кассия, Аммиана Марцеллина), исключение составляют Иосиф Флавий и ряд второстепенных памятников.

Историческая мысль Армении V в. является исключительным явлением не только национальной, но и мировой культуры, т.к. на это столетие приходится и взлет армянской историографии, и упадок греко-римской, и лишь первые шаги византийской историографии (Мовсес Хоренаци 1990. С. VIII). Эллинофилы не только не восприняли, например, отстраненный «аисторизм» эллинов⁸, но сделали «историоцентризм» ведущей константой армянской историографии, а исторические повествования – ответом на запросы общества. В V–VII вв. единственными хранителями эллинизма, синтезированного с христианством, были армяне (Культура 1980. С. 8). К.А. Мирумян, исследуя трансформацию античного наследия в явление национальной культуры, рассматривает эллинистическое начало в качестве одного из факторов, обусловивших самобытность армянского народа (Мирумян 1994. С. 71–85).

Небывалый расцвет армянской историографии в V в. совпадает по времени не с зарождением государства (как в других регионах), а с утратой почти тысячелетней армянской государственности. В 428 г. в процессе византийско-персидского противостояния была упразднена царская власть в Армении, и церковь взяла на себя некоторые функции государства и утверждение христианского самосознания. «Столкновение языческого Востока и христианского Запада не только развертывалось в Армении, но происходило при участии ее обитателей, беззаветных борцов за Крест. Известная “борьба за веру” в феодальной Армении V–VI вв. не есть случайный эпизод с результатом, замирающим в географических пределах армянской земли. Это звено в цепи непрерывных столкновений двух различных религиозно-социальных миров» (Марр 1995. С. 44–45).

⁸ Исследователи древней истории отмечали, что греки — первооткрыватели исторической науки — были народом с «аисторическим» сознанием, без обостренного чувства времени (Карсавин 1993. С. 214 и сл.; Коллингвуд 1980. С. 19 и сл.; Бычков 1981. С. 22–23; Суриков 2016. С. 196–201).

Редакторы сборника, посвященного зарождению историописания в обществах Древности и Средневековья, поставили в предисловии ряд вопросов, и в их числе: на каком этапе развития институтов власти и управления возникает историописание? кто был инициатором составления этих текстов (государство, церковь, знать и т. д.)? можно ли появление историописания связать с определенным уровнем политического развития (Беляев, Гимон 2016. С. 5–6)? Т.В. Гимон, подытоживая этот коллективный сравнительно-исторический труд, отметил, что на Руси, например, «зарождение историописания четко соотносится, с одной стороны, с христианизацией, а с другой – с переходом к новой стадии ранней государственности» (Гимон 2016. С. 792). В англо-саксонских королевствах, в странах Восточной Европы (Польша, Чехия), как и на Руси, письменная культура была в основном заимствована извне вместе с христианством и церковными институтами и, в определенной степени, соотносилась со становлением государственности.

Доэллинистическая государственность Армении, принятие христианства в начале IV в., и только через сто лет после этого события изобретение алфавита и появление историографии, ставят Армению вне вышеупомянутого типологического ряда.

Изобретение письменности и возникновение оригинальных богословских, догматических, литургических трудов было инициировано церковью. Первые переводчики стали первыми историографами, все они были учеными монахами (вардапетами), тесно связанными с правящими домами Армении (Мамиконянами и Багратидами), по заказу которых писали свои труды.

Памятники V в. – целостный корпус исторической прозы Армении – являются началом христианского историописания. Защита веры и обычаев, сопротивление культурной и религиозной ассимиляции органично сочетались в трудах вардапетов Армянской церкви с борьбой за государственную независимость, за возрождение древнего Армянского царства⁹. Идеи, заложенные первыми армянскими историографами, их философия истории определили последующее развитие историографии в Армении.

⁹ Наследственная власть правителей, иерархия общественных страт, власть закона – приоритеты «идеального общества» Мовсеса Хоренаци – это утраченный «золотой век» (Акопян 2016. С. 17–18).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Агафангел.* История Армении / ред. Г. Тер-Мкртчян и С. Канаянц. Тифлис, 1903 (на арм. яз.).
- Адоңц Н.* Маштоц и его ученики по иностранным источникам // Месроп Маштоц. Ереван, 1962 (на арм. яз.).
- Акопян П.А.* Армянское историописание в V–VII вв.: возникновение, развитие, специфика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2016.
- Анасян А.* Армянская библиология V–VIII вв. Ереван, 1959. Т. 1; 1976. Т. 2 (на арм. яз.).
- Аревшатян С.С.* Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван, 1973.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Божество Куар и «северные племена» // Цивилизация и варварство: Трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 266–296.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Повествование о делах армянских (VII в.). Источник и время. М., 2004.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Устная традиция в ранней армянской историографии: к вопросу о механизмах культурной преемственности // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 303–323.
- Беляев Д.Д., Гимон Т.В.* Предисловие // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 5–24.
- Бычков В.В.* Эстетика поздней античности (II–III вв.). М., 1981.
- Гимон Т.В.* К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 748–800.
- История Армении Фавстоса Бузанда / пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геворгияна; под ред. С.Т. Еремяна. Ереван, 1953.
- Иоанн Мамиконян.* История Тарона / крит. текст и предисл. А. Абрамяна. Ереван, 1941 (на арм. яз.).
- Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Корюн.* Житие Маштоца / пер. с др.-арм. Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Оганджаняна. Ереван, 1962.
- Культура раннефеодальной Армении (IV–VIII вв.) / под ред. С.Т. Еремяна, Э.Л. Даниеляна, С.С. Аревшатяна. Ереван, 1980.
- Маркварт И.* Происхождение армянского алфавита и биография св. Маштоца // Месроп Маштоц. Ереван, 1962 (на арм. яз.).
- Марр Н.Я.* Кавказский культурный мир и Армения // *Марр Н.Я.* Кавказский культурный мир и Армения / сост. и ред. П.М. Мурадян. Ереван, 1995.

- Мирумян К.А.* Культурная самобытность в контексте национального бытия. Ереван, 1994.
- Мовсес Хоренаци.* История Армении / пер. с др.-арм., введ. и примеч. Г.Х. Саркисяна. Ереван, 1990.
- Мурадян П.М.* Кавказский культурный мир и культ Григория Просветителя // *Мурадян П.М.* Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 2012. Вып. 2. С. 5–20. (а)
- Мурадян П.М.* К предыстории литературного полиглотизма в средневековой Армении // *Мурадян П.М.* Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 2012. Вып. 2. С. 237–250. (б)
- Новосельцев А.П.* Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980. С. 173–247.
- Саркисян Г.Х.* К предыстории армянской письменности // *Кавказ и Византия.* 1980. Вып. 2.
- Сукиасян А.Г.* Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма (III–IX в. н.э.). Ереван, 1963.
- Суриков И.Е.* «В круге первом»: Появление древнейших памятников европейского историописания (Греция VI–V вв. до н.э.) // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 168–202.
- Тер-Петросян Л.* Древнеармянская переводная литература. Ереван, 1984.
- Тер-Саркисянц А.Е.* История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М., 2005.
- Фавстос Бузандаци.* История Армении. СПб., 1883 (на др.-арм. яз.).
- Esbroeck M. van.* Agathangelos // *Reallexikon für Antike und Christentum.* Stuttgart, 1985. Supplementband $\frac{1}{2}$.
- Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971. Vol. 1.
- Moses Khorenatsi.* History of the Armenians / Transl. and comment. R.W. Thomson. Cambridge (Mass.); L., 1978.
- Terian A.* The Hellenizing School: Its Time, Place and Scope of Activities Reconsidered // *East of Byzantium. Dumbarton Oaks Papers Symposium* / Ed. N.G. Garsoian. Washington, 1982. P. 175–186.
- Thomson R.W.* A Bibliography of Classical Armenian Literature to 1500 AD. Turnhout, 1995.
- Setton K.M.* Christian Attitude toward the Emperor in the Fourth Century. N.Y., 1941.
- Zekiyan L.B.* Elišē as Witness of the Ecclesiology of the Early Armenian Church // *East of Byzantium. Dumbarton Oaks Symposium* / Ed. N.G. Garsoian. Washington, 1982. P. 187–197.

STATE AND EARLY HISTORICAL WRITING IN ARMENIA: ASPECTS OF INTERACTION

First polities emerged in the Armenian Highlands on the base of proto-Armenian tribes in the 7th–6th centuries B.C. In the second half of the 2nd and the early 1st century B.C. the Artašecides created the united Armenian State with sustainable institutes of government which later were transferred to the Aršacides without significant changes. By the early 4th century A.D. the Nakharar system was established in Aršacid Armenia which became an early feudal monarchy.

It is difficult to call pre-Christian Armenia an illiterate society: the Armenian state, going back to pre-Hellenistic times, could not function without writing (which was used in army, taxation, diplomacy, etc.). For several centuries the Aramaic, Greek, Syriac (variant of Aramaic), Parthian, and Persian writing systems were in use in Armenia.

The appearance of the Armenian alphabet *c.* 400 was caused, first of all, by the needs of the Christian church. The translated literature was necessary for the ideological and liturgical activity of the church, as well as for religious education. Later translations embraced all the disciplines of medieval education: grammar, rhetoric, philosophy, natural science, theology, so demonstrating the determination of the Philhellene school.

The first translators-Philhellenes were at the same time the founders of the original Armenian literature. The first historiographers were learned monks (vardapets) closely linked to the dominating kins of Armenia, who patronized their work.

The 5th-century historical thought of Armenia is a unique phenomenon not only for the national but also for the world culture, as the 5th century was the time of decline of the Antique historiography, and the Byzantine one only was doing its first steps.

The ‘Golden Age’ of the Armenian historiography in the 5th century coincides not with the emergence of the state (as in many other regions), but, to the contrary, with the loss of the state sovereignty which had existed for almost a millenium. In 428, as a result of Byzantine-Persian rivalry, the royal power in Armenia was abolished, and the church take over some of the functions of the state, as well as the securing of the Christian self-consciousness.

The corpus of 5th-century Armenian historical prose initiated the Christian historical writing in Armenia. The works by 5th-century vardapets combined the defence of the faith and Christian rites, the resistance to attempts of religious assimilation, with the struggle for state sovereignty and the revival of the ancient Armenian Kingdom.

Key words: Armenia, historical writing, writing, Christianization, the phenomenon of the “Golden Age”, the philosophy of history

И.Е. Ермолова

ГУННЫ И ПИСЬМЕННОСТЬ

В статье рассматривается вопрос о наличии письменности у гуннских племен в IV–VI вв. Данные источников свидетельствуют, что в указанный период искусство письма осталось им неизвестным. Отсутствие письменности у гуннов является одним из аргументов в пользу того, что «держава Аттилы» не была и не стала государством. Для дипломатических целей Аттила использовал римских специалистов, хорошо писавших и по-гречески, и по-латыни, и понимавших «скифский» язык.

Ключевые слова: Аттила, Аэций, Римская империя, гунны, письменность, писец, секретарь, письмоводитель, переговоры

Письменность является неперенным элементом любой цивилизации. Ее появление отражает и знаменует собой определенный этап развития общества. Как писал И. Фридрих, «письменность как частное проявление культуры тесно связана со всем культурным развитием человечества. Поэтому вполне естественно, что наряду с другими высшими достижениями ранней истории человечества она весьма рано начинает играть важную роль» (Фридрих 2001. С. 48).

Гунны, появившиеся на границах Европы в 370 г., не имели письменности, так же как и 60–70 лет спустя (Хизер 2011. С. 468), во время существования грозного союза племен под властью Аттилы.

С конца IV в. главная опасность для римских границ исходила от гуннских племен, прокатившихся по степям Причерноморья и на некоторое время осевших там. Но, несмотря на то, что Восточная Римская империя стремилась проводить активную политику в среде кочевников, никаких следов письменных сношений римского государства с гуннскими племенами не находится. «История» Олимпиодора свидетельствует о том, что в начале V в. к гуннам эпизодически, а, может быть, и регулярно отправляли посольства (Olymp. Fr.18), целью которых были дипломатические контакты. Но все эти контакты, по-видимому, осуществлялись в устной

форме. Точно так же строились отношения римских властей и со всеми вождями гуннов, и с правителями акациров в 30-х гг. V в. (Prisc. Pan. Fr. 8). Вождь Руа, дядя Атиллы и Бледы, неоднократно отправлял к римлянам своих приближенных, но, вероятно, только с устными указаниями, тем более что они часто вели переговоры верхом на лошадях, а в соблюдении выработанных условий мирного договора римляне и гунны клялись «по обычаю своих предков» (Prisc. Pan. Fr. 1).

В том числе и по причине отсутствия письменной культуры гунны, по мнению Сидония Аполлинария, казались варварами даже окружавшим их варварским народам: «*sed Scythicae vaga turba plagae, feritatis abundans, / dira, rapax, vehemens, ipsis quoque gentibus illic / barbara barbaricis...*» (Sidon. Carm. II. 239–241)¹. Сидоний, так же как и Приск Панийский, называет их скифами. Традиция обозначать современные народы древними этнонимами хорошо известна. В ее основе лежат представления греков и римлян о различных племенах Центральной и Восточной Европы как о народах очень похожих, ведущих одинаковый образ жизни, а то и генетически связанных друг с другом. Причиной недифференцированного подхода к различным народам, вероятно, является выделение античными авторами главного, по их мнению, признака – резкого отличия и, может быть, даже противоположности варваров и цивилизации (Strabo IV. 4. 3). Суть этой противоположности – в степени культурного развития. Особенной популярностью пользовались именно скифы, которые были символом варварства (Ле Гофф 1992. С. 14). Кого только так не называли. В. Гоффарт видит в этом не только литературный прием, но и реальное содержание: напряженная ситуация на римских границах не менялась веками, менялись только инициаторы этого напряжения (Goffart 1981. P. 281).

И в VI в. родственные гуннам племена утигуров и кутригуров (Буданова 2011. С. 229–234) оставались бесписьменными, о чем сообщает Прокопий Кесарийский:

Когда узнал об этом Сандил, царь утигуров, он пришел в сильное раздражение и гнев: ведь этих кутригуров, родственников ему по крови, мстя им за обиду, нанесенную ими римлянам, он выгнал из их родных пределов, а теперь они, принятые самим императором, поселились на

¹ «...Но кочевая толпа Скифской страны, выходящая за пределы дикости, ужасная, алчная, беспощадная, даже для самих варварских народов, притом варварская».

землях римлян и будут жить еще лучше, чем прежде. Поэтому он отправил к императору послов с упреками за такой поступок, не вручив им никакого письма, так как и до сих пор гунны совершенно безграмотны, не слышат ничего о науках и не занимаются ими, нет у них даже простых учителей, и дети растут у них, не изучая грамоты (Proc. VIII. 19. 7–8).

Исключением является Атила, самый известный и самый опасный для Рима гунн.

Атила на пике своего могущества установил интенсивные дипломатические отношения и с Западной, и с Восточной Римской империей. Во фрагментах труда Приска Панийского, участника одного из официальных посольств в ставку Атилы, есть сведения о десяти поездках должностных лиц в ставку Атилы в период с 433 по 452 г. (Prisc. Pan. Fr. 1; 2; 4; 5; 7; 8; 13; 18). Восточным римлянам приходилось принимать в Константинополе посланцев Атилы без счета (Ibid. Fr. 6), но и западное правительство не скупилось на переговоры (Ibid. Fr. 8, 15). В отличие от вождя утигуров Атила снабжал своих послов письменными указаниями. Так, требуя, чтобы римляне вернули перебежчиков из его народа, которых у них было множество, Атила «велел секретарям прочесть бумагу², в которой записаны были имена беглых» (Ibid. Fr. 8). Можно только предполагать, чем объясняется это исключение. Скорее всего, оказали влияние различные факторы. Несомненно, Атила обладал выдающимися умственными способностями, но развивался он в обществе, не имевшем письменной культуры. Вероятно, решающими стали внешние связи, которые он приобрел еще в юности. Известно, что Аэций, который, будучи ведущим политическим деятелем Западной Римской империи, активнейшим образом взаимодействовал с гуннами, в молодости был у них заложником (Greg. Tur. Hist. Franc. II. 8). Более конкретных сведений о племени и вожде или вождях, во власти которого или которых Аэций находился несколько лет, не сохранилось, но, может быть, тогда и познакомились Атила и Аэций. Возможно, Атила был в Италии с Аэцием в 433 г. (Anon. Val. 8. 38; Thompson 1948. P. 163). Некоторые историки предполагают, что судьба заложника постигла в юности и Атилу (Акунов 2017. С. 209),

² Так Г.С. Дестунис переводит употребленное в тексте Приска Панийского слово, обозначающее лист папируса для письма: «τὰ ὀνόματα ἐγγεγραμμένα χαρτε».

и тогда он имел возможность убедиться в пользе письменности очень наглядно.

Для того чтобы вести деловую переписку, нужны были грамотные люди, которых среди гуннов найти было нельзя.

Иногда писцами и секретарями у гуннов, вероятно, служили люди случайные, такие как некий Рустиций, родом из Верхней Мезии, «взятый в плен в одном сражении, но по отличному образованию употребляемый Аттилой для писем» (Prisc. Pap. Fr. 8). Но сохранившиеся фрагменты труда Приска Панийского позволяют предположить, что Аэций, будучи дальновидным политиком, старался окружить Аттилу своими людьми, потому что все остальные письмоводители, известные по именам, целенаправленно были присланы гуннам именно Аэцием. Наверное, найти таких людей было не так уж легко, поскольку Аэций должен был им доверять, они должны были обладать определенными умениями и знаниями, в частности, кроме латинского и греческого языков знать еще и «скифский» (Ibid. Fr. 8), тот, на котором говорили Аттила и его окружение (Maenchen-Helfen 1973. P. 373–377).

Вопрос о характере гуннского языка является дискуссионным с середины XVIII в. (Pritsak 1982. P. 429; Кляшторный, Савинов 2005. С. 33–43). На основании исследования ономастики (всех имен родственников и ближайшего окружения Аттилы) О. Прицак пришел к выводу, что этот язык представлял собой нечто среднее между тюркским и монгольским, возможно, ближе к тюркскому, чем к монгольскому (Pritsak 1982. P. 470). Ничего необычного в этих выводах нет. В науке общепризнано, что западные гунны изначально были гетерогенными, состояли из прототюркских и протомонгольских племен (Гумилев 1961. С. 103; Бенциг 1986. С. 12; Ковычев 1982. С. 149; Шервашидзе 1989. С. 129; Dauge 1981. P. 313), к которым добавился угро-финский элемент (Веселовский 1882. С. 98; Иностранцев 1926. С. 110; Серебрянников 1957. С. 38; Артамонов 1962. С. 68; Гумилев 1989. С. 74; Кляшторный 1989. С. 252).

Вряд ли можно согласиться с мнением А. Голдсуорти, что стремление западного римского полководца и политика окружить Аттилу своими людьми «не обязательно свидетельствует о чем-то, кроме желания смягчить могущественного вождя» (Голдсуорти 2014. С. 527). Более верной представляется точка зрения Э.А. Томпсона. Он считает, что, помимо выполнения своих основных обязанностей по составлению писем, адресованных римским императорам, и списков беглых гуннских аристократов (Prisc. Pap.

Fr. 8), секретари Аттилы были нужны Аэцию, чтобы своевременно информировать его о намерениях варваров (Thompson 1948. P. 127, 166).

Первого из делопроизводителей, чьи имена сохранились, Аэций послал к Аттиле, видимо, в 30-х гг. V в., во время его галльских кампаний (Ibid. P. 127). Это был Констанций, происходивший из Западной Галлии (Prisc. Pan. Fr. 8). Те, кого направлял Аэций, были не просто письмоводителями, хотя Приск использует по отношению к ним только один термин: ὑπογραφεύς, а людьми, способными в той или иной степени оказать влияние на политику вождя гуннов и активно участвовавшими в дипломатической деятельности. Так, названный выше секретарь ездил по каким-то делам в Рим, где заложил ростовщику церковные сосуды епископа Сирмия. Эти фиалы оказались у Констанция не случайно, т.к. епископ надеялся с его помощью сохранить свободу при взятии города гуннами (Ibid. Fr. 8). Впоследствии, будучи заподозренным Аттилой и его братом Бледой в предательстве, Констанций был ими казнен (Ibid.).

Другой Констанций, родом из Италии, присланный Аттиле Аэцием, не просто сопровождал посольство в Константинополь в 449 г., но, возможно, вел самостоятельные переговоры с императором, поскольку при условии заключения брака с богатой и знатной римлянкой обещал Феодосию II устроить долговременный мир между римлянами и гуннами (Prisc. Pan. Fr. 8). По-видимому, он имел определенный вес при особе Аттилы, т.к. последний неоднократно настойчиво напоминал Феодосию о его обещании и добился того, что за Констанция выдали замуж римскую аристократку (Prisc. Pan. Fr. 13, 14).

Еще большими возможностями, вероятно, обладал Орест, римлянин из Паннонии. Родственные связи Ореста, женатого на дочери Ромула, одного из послов из Равенны, и имевшего достоинство комита (Prisc. Pan. Fr. 8), равно как и его дальнейшая карьера: достижение звания патриция и должности магистра армии при императоре Юлии Непоте, а затем свержение этого императора и возведение на престол своего сына Ромула (Marc. Com. s.a. 475; Anon. Val. 8. 37–38; Iord. Get. 241; PLRE II. 1980. P. 811), – свидетельствуют о его высоком положении в римском обществе. На службе у Аттилы он вращался в среде «важнейших (τῶν ἐν αὐτοῖς λογάδων) скифов» (Prisc. Pan. Fr. 8) и сам входил в число этих «избранных», неоднократно был в составе посольств (συμπρεσβευτῶν) в Восточную Римскую империю (Ibid.).

Fr. 7; 12) и, может быть, – в Западную (Anon. Val. 8. 38), наряду с природными гуннами наделялся теми же дарами, что и остальные дипломаты (Ibid. Fr. 8). На фоне этих сведений стремление переводчика Вигилы выставить Ореста лишь слугой (ὀπάονά) Аттилы, совершенно неравным по своему положению гуннскому посланнику Эдекону, объясняется его желанием сгладить справедливое недовольство Ореста тем, что в Константинополе его не пригласили на пир вместе с Эдеконом (Ibid. Fr. 8).

Дополнительным подтверждением того, что секретари, присланные Аттиле Аэцием, были людьми более влиятельными, чем случайно оказавшиеся в стане гуннов, служит вскользь брошенное Приском замечание о том, что Рустиций находился при Констанции и обслуживал одного из приближенных Аттилы – Онигисия, при котором были и другие писцы. Рустиций участвовал в совещании Онигисия с другими сановниками и составлял письма, которые нужно было отправить римскому императору (Prisc. Pan. Fr. 8).

В отличие от Аттилы, вождя могущественного союза племен, державшего античный мир в напряжении в течение двух десятков лет, глава утигуров не мог позволить себе такой роскоши, как держать штат секретарей. Скорее даже, он не видел в этом никакой необходимости, ограничиваясь устными посланиями, адресованными римскому императору.

Подводя итоги, следует констатировать, что гуннское общество не испытывало внутренней потребности в письменной фиксации чего бы то ни было ни раньше, ни во времена Аттилы, ни позже. Использование навыков письма в окружении Аттилы объясняется исключительно внешними обстоятельствами: необходимостью поддержания дипломатических отношений с римлянами, а также, вероятно, личным опытом этого вождя и целенаправленными действиями Аэция. Немного странной представляется оценка Ж. Ле Гоффом уровня развития культуры гуннов, которые якобы испытывали восторженные чувства перед образованностью и роскошью. Источники этого не подтверждают. В качестве доказательства Ле Гофф приводит один из фактов истории первой половины V в.: «хотя в изображении двора Аттилы, привлекавшего якобы даже философов, есть нечто от легенды, тем не менее показательным, что именно к гуннам бежит в 448 г. известный врач галльского происхождения Евдоксий, уличенный в сношениях с багаудами» (Ле Гофф 1992. С. 19). О бегстве Евдоксия сообщает Галльская хроника (Chron. Gall. 133), но при чем тут цивилизованность

гуннов? Куда можно было бежать человеку, безразлично – хорошо образованному или не очень хорошо, если он оказался в опасном положении на римской территории, как не к врагам Рима? Никакой информации о культурном состоянии гуннского общества данная хроникальная запись не содержит.

Отсутствие письменности у гуннов является одним из аргументов в пользу того, что «держава Аттилы» не была и не стала государством (Буданова 2011. С. 204–212), как иногда пытаются утверждать отдельные исследователи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Акунов В.* Гунны. М., 2017.
- Артамонов М.И.* История хазар. М., 1962.
- Бенциг И.* Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1. С. 11–28.
- Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011.
- Веселовский Н.И.* Несколько новых соображений в связи с пересмотром вопроса о гуннах // ЖМНП. 1882, сент. С. 92–102.
- Голдсуорти А.* Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. М., 2014.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Гумилев Л.Н.* Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. М., 1961. Вып. 2. С. 103–113.
- Гумилев Л.Н.* Хунны в Азии и Европе // ВИ. 1989. № 6. С. 64–78.
- Иностранцев К.И.* Хунны и гунны (разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). Л., 1926.
- Кляшторный С.Г.* Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // История древнего мира. М., 1989. Т. 3. С. 243–254.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Ковычев Е.В.* К вопросу о древних связях племен Восточного Забайкалья с тюркоязычными соседями в I тыс. н.э. // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 148–156.
- Серебренников Б.А.* Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957.
- Фридрих И.* История письма. М., 2001.
- Хизер П.* Падение Римской империи. М., 2011.
- Шервашидзе И.Н.* Attila – Авитохоль // Лингвистическая реконструкция в истории Востока. Тезисы конф. М., 1989. Ч. 3. С. 127–129.

- Anonymus Valesianus, pars prior // MGH. AA. B., 1892. T. 9: Chronica minora. Saec. IV–VII, vol. 1.
- Chronica Gallica a 452 et 511 // MGH AA. B., 1892. T. 9: Chronica minora. Saec. IV–VII, vol. 1.
- Goffart W.* Rome, Constantinople, and the Barbarians // The American Historical Review. 1981. Vol. 86, no. 2. P. 275–306.
- Gregorius Turonensis.* Historia Francorum // MGH SM. Hannover, 1884–1885. Vol. 1, pars 1.
- Dauge Jv.A.* Le Barbare: Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. Bruxelles, 1981.
- Iordanes.* De origine actibusque Getarum // *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) / вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб., 1997.
- Maenchen-Helfen O.J.* The World of the Huns. Studies in their History and Culture. Berkeley; Los Angeles; L., 1973.
- Marcellinus Comes.* Chronicon // MGH AA. B., 1894. T. 11: Chronica minora. Saec. IV–VII, vol. 2.
- Olympiodori Fragmenta // Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870. Vol. 1.
- Priscus Panitus.* Fragmenta // Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1870. Vol. 1 (перевод по изд.: Сказания Приска Панийского / пер. Г.С. Дестуниса // Ученые записки II отд. Имп. АН. Кн. VII, вып. 1. СПб, 1861).
- Pritsak O.* The Hunnic Language of the Attila Clan // Harvard Ukrainian Studies. 1982. Vol. 6, no. 4. P. 428–476.
- Procopii Caesariensis De bellis libri I–VIII // Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Havry, G. Wirth. Lipsiae, 1962–1963. Vol. 1–3 (перевод по изд.: *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. О постройках / пер. С.П. Кондратьева. М., 1996).
- The Prosopography of the Later Roman Empire / By Y.R. Martindale. Cambridge, 1980. Vol. 2: A.D. 395–527.
- Gai Sollii Apollinaris Sidonii Carmen II // MGH AA. B., 1887. T. 8.
- Strabo.* The Geography / With an Engl. transl. by H.L. Jones. In 8 vol. Cambridge; L., 1969.
- Thompson E.A.* A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948.

Irina E. Ermolova

THE HUNNS AND THE WRITING

The author discusses the possibility of the usage of writing by the Hunns in the 4th and the 5th centuries A.D. No one source, neither explicitly, nor implicitly,

says that the Hunns were literate. No traces of any Hunnic writing are found in Europe. Probably the Hunnic society felt no need of writing down anything, neither in Attila's time, nor later. The absence of writing speaks in favor of the opinion that 'Attila's empire' was not yet a state.

The usage of writing at Attila's court is indeed attested, but must be explained by external circumstances only: the need of maintaining diplomatic relations with the Romans, as well as, probably, the personal experience of Attila and the efforts of Aëtius.

Most of secretaries at Attila's court were persons helpfully recommended by Aëtius. Being well educated and, sometimes, high-rank (in the Roman Empire), those people not only maintained the diplomatic correspondence of Attila, but also were influential at his court. One can suppose that Aëtius gave to those his trustees some other tasks, sometimes life-threatening, and some of them really lost their lives when fulfilling those tasks.

Keywords: Attila, Aëtius, the Roman Empire, the Hunns, writing, writer, secretary, negotiations

А.П. Гаврилов

ЗНАКИ НА ПРЕДМЕТАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

В статье представлен перечень предметов культуры рязано-окских могильников I тыс. н.э., на которых были нанесены загадочные знаки. Автор показывает, что предметы с такими знаками чаще всего использовались элитой местного сообщества: они либо нанесены на дорогие престижные артефакты, либо происходят из комплексов, которые такие артефакты содержат. Можно полагать, что появление системы таких знаков было результатом контактов местного населения с народами, обладавшими разными письменностями и парapiсьменными знаковыми системами (римлянами, германцами, сарматами, тюрками).

Ключевые слова: археологическая культура рязано-окских могильников, Великое переселение народов, погребальный обряд, письменность, парapiсьменность

В конце XIX в., на заре изучения памятников материальной культуры Рязанского края, такие видные ученые, как А.И. Черепнин, А.В. Селиванов, В.А. Городцов и А.А. Спицын, начали исследование археологической культуры рязано-окских могильников. И уже тогда В.А. Городцов на сосуде, найденном на Алехановской дюне, расположенной на левом берегу реки Оки, обнаружил первые загадочные «знаки» (Городцов 1897. С. 385–390). Серия этих знаков была нанесена на глиняный сосуд III–IV вв. н.э. (рис. 1.2). С тех пор коллекция предметов с различными знаками значительно пополнилась, однако больше внимания всегда уделялось местным орнаментальным и петрографическим изображениям (Белоцерковская 2003. С. 72–74), а группы непонятных знаков привлекали мало внимания исследователей. Из последующих работ отметим публикацию берестяного туска с изображением таких знаков (рис. 1.1) из могильника Ундрих (Гаврилов 1983. С. 50).

В I тыс. н.э. в Среднем Поочье сформировалась и существовала археологическая культура рязано-окских могильников (Ахмедов 2007; 2012; Макаров, Красникова, Зайцева 2012. С. 151–161).

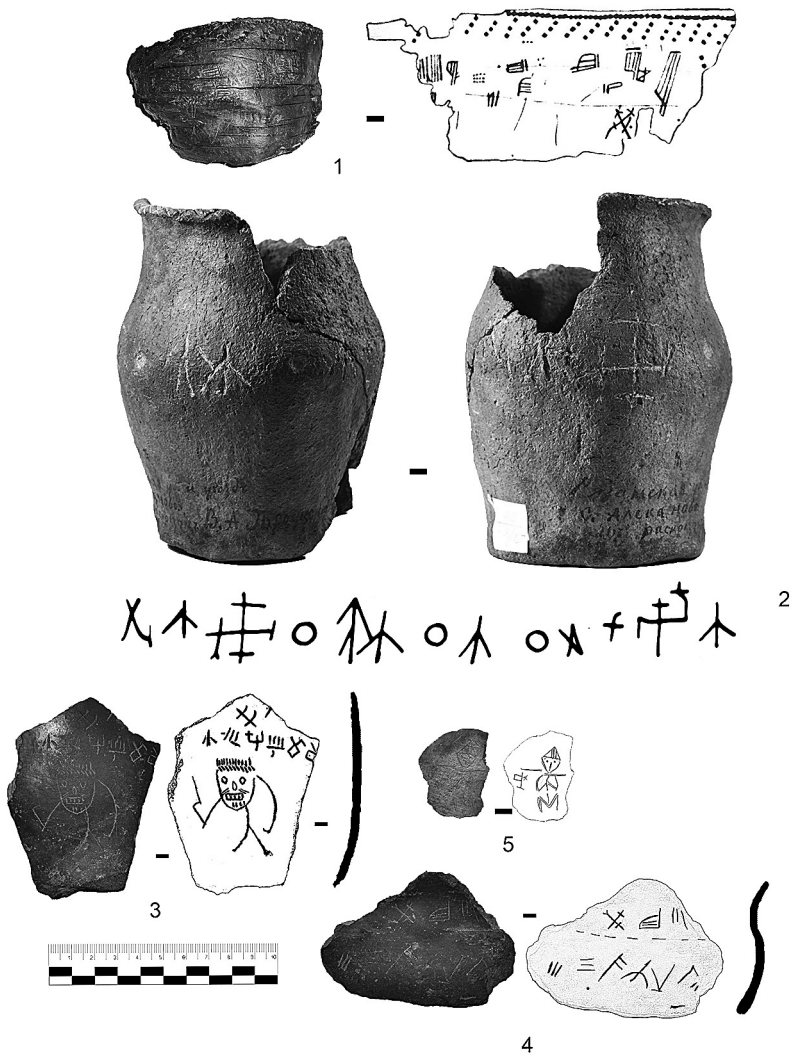

Рис. 1. Неметаллические предметы со знаками

Археологические изыскания последних лет показали высокую степень вовлеченности представителей этой археологической культуры в исторические процессы, происходившие в Восточной Европе в период Великого переселения народов, а также нали-

чие контактов с лимесом Римской империи (Гавритухин, Обломский 2007. С. 391). Можно осторожно предположить, что рязано-окская система знаков могла испытать влияние знаковых систем сарматов, германцев (готов и др.), тюрков, а также латинского алфавита.

Наша работа является своего рода прологом к составлению каталога знаков, которые использовали носители рязано-окской археологической культуры; разнообразных предметов с нанесенными знаками найдено гораздо больше, чем представлено в данной статье. Мы, прежде всего, пытаемся показать нахождение в одних и тех же комплексах предметов со знаками и воинского вооружения, престижных артефактов, а также предметов импорта, полученного за счет дальних трансконтинентальных связей. На этой основе можно предварительно констатировать, что предметы со знаками были прерогативой элиты местного общества. Для публикуемого в статье перечня мы выбрали наиболее показательные предметы.

Берестяной туесок (рис. 1.1) был найден в погребальной яме № 33 могильника Ундрих Рязанской области (Гаврилов 1983. С. 50). Сохранившейся фрагмент туеска представляет из себя часть тулова с верхней частью. По венчику он орнаментирован тремя линиями наклонных вдавлений подквадратной формы. По тулову прочерчено несколько групп знаков. Туесок, видимо, был вместилищем ритуальных предметов. Погребение датируется по инвентарю концом V – началом VI в.

Керамический сосуд (рис. 1.2) был обнаружен В.А. Городцовым на Алехановской дюне, расположенной на левом берегу реки Оки (Городцов 1897. С. 385–390). Изображения знаков выстроены в строки по тулову и разделены на группы тремя кружками. Сосуд, скорее всего, происходит из погребения, однако его датировка затруднена; возможно, его можно датировать III–IV вв. н.э.

Фрагмент чернолощеной керамики (рис. 1.3) с прочерченными знаками происходит из подъемного материала на могильнике Борок 2 (найден в 1989 г.). По классификации О.С. Румянцевой это – часть тулова лощеной миски, подобная посуда крайне малочисленна в рязано-окских могильниках (Румянцева 2007). Вероятно, это – фрагмент миски с биконическим туловом с «зигзагообразным профилем» по терминологии А.М. Обломского (2005. С. 32). Этот сосуд происходит с территории Восточной Европы позднеримского времени и связан с керамическими традициями

зарубинецкой, пшеворской и вельбарской археологических культур (Там же. С. 38). Сосуд сходных пропорций найден в погребении № 5 (6) могильника Ундрих (Румянцева 2005. Рис. 8.5).

Фрагмент чернолощеной керамики (рис. 1.4) с «зигзагообразным профилем» из засыпки ямы погребения № 8 могильника Борок. В данном погребении была похоронена девушка, при ней были найдены: двухлезвийный мечевой клинок длиной около 70 см; литой венчик из колодочек, чередующихся с пронизьями из проволоки и зооморфными привесками-колокольчиками «дубровицкого» типа IV в.; ажурная застежка III – третьей четверти IV в. (об аналогиях и датировках предметов см.: Белоцерковская 2015. Рис. 1.9, 1.20, 1.21; часть 3.3, рис. 7). Примечательно, что в данном погребении был найден сосуд, близкий по форме тому, что был найден В.А. Городцовым на Алектановской дюне.

Фрагмент костяной пластины с граффити и едва различимыми знаками (рис. 1.5) был найден у села Тырново в 1978 году.

Пластина с ровным «основанием», прямоугольно-округлым «верхом» и двумя отверстиями для крепления (рис. 2.1) была найдена в непосредственной близости от погребения № 222 могильника Борок (Белоцерковская 2014. С. 269); видимо, она находилась в засыпке погребения, датированного концом IV – началом V в. В погребальный инвентарь входило много более древних предметов, что может свидетельствовать об особом социальном статусе погребенной (Белоцерковская 2014. С. 277).

Прямоугольная пластина с граффити и знаками (рис. 2.3) является случайной находкой 1979 г. на могильнике Ундрих.

Псевдопряжка округло-рамчатая с вытянутым прямым щитком, на лицевой поверхности которого расположены две строчки знаков (рис. 2.2) найдена в погребении № 111 могильника Борок. Эта псевдопряжка, вероятно, входила в состав портупейи меча. Погребение было частично разрушено в верхней части, из погребального комплекса сохранился полный поясной набор, состоящий из прямоугольных накладок с вогнутыми сторонами, чередующихся с псевдопряжками с округлым щитком. Это интереснейший тип поясов двойной конструкции, когда из-под более широкого основного пояса выходит узкий ремень, в то время как наконечник ремня широкого пояса, по сути, является противостоящей пластиной, но с широким ремнем внутри. Детали оформления сходных поясов находят соответствия в дунайских памятниках середины V в. и отражают новый облик поясного набора пост-гуннского времени

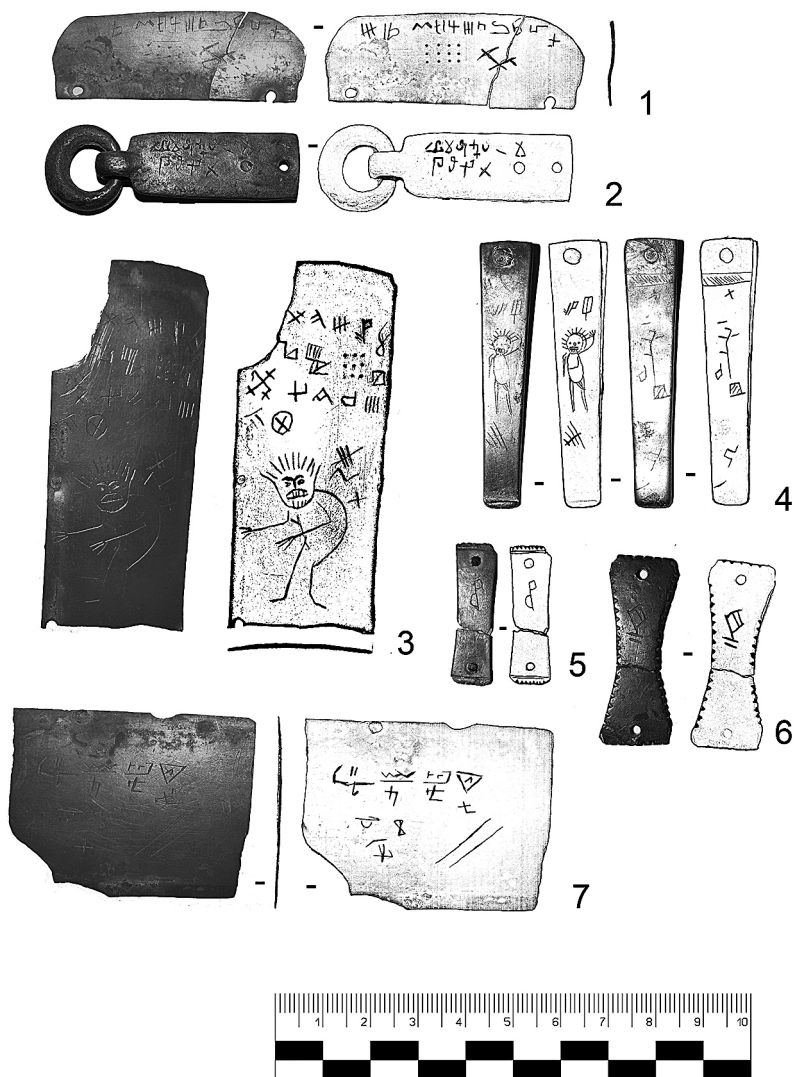

Рис. 2. Металлические предметы со знаками

(Ахмедов 2007. С. 147). В погребении также найдены двулезвийный меч длиной свыше 75 см, второй однолезвийный меч длиной около 40 см, наконечники копья и дротика и кельт. Погребение датируется серединой V в.

Наконечник ремня со знаками и граффити с обеих сторон (рис. 2.4) найден в выбросах ямы «нелегальных кладоискателей» на могильнике Ундрих в 1983 г. Там же были найдены несколько краснопастовых бисеринок, височное кольцо, два перстня и три конусовидных подвески, а также половинка чернолощеной миски (Румянцева 2005. Рис. 8.6). Хотя на сохранившейся части чернолощеного сосуда знаков нет, он, несомненно, аналогичен двум фрагментам керамики со знаками (рис. 1.3, 4).

Поясная накладка геометрического стиля со знаком (рис. 2.5) была найдена в 1989 г. на могильнике Ундрих в погребении № 36. Из всего комплекса сохранился рисунок поясного набора, сочетающего в себе геометрические и геральдические накладки; вероятно, он должен датироваться VI в. Точная дата погребения – вопрос открытый.

Поясная накладка, сломанная в средней части, со знаком (рис. 2.6), происходит из комплекса с могильника Ундрих, переданного Дмитрием Деревцовым. В комплекс входят еще несколько накладок, элементы ножен и рукояти меча, а также сам однолезвийный меч свыше 75 см длиной, дамаскированный с каждой стороны клинка тремя полосами дамасской стали. По элементам ножен и особенностям дамаскировки меч датируется VI–VII вв. В то же время поясная накладка, как и поясной набор из погребения № 111 могильника Борок 2 (см. выше), датируется серединой V в.

Пластина (рис. 2.7) происходит с территории жертвенной площадки могильника Ундрих. Датировать ее пока невозможно.

Наконечник ремня (рис. 3) с двусторонним граффити и знаком под ним происходит из погребения № 265 могильника Борок 2 (Ахмедов 2007. Рис. 20.14). В составе погребального инвентаря этого захоронения находились: бронзовая гривна, изготовленная из трубки с обмоткой и округлым щитком (близка находкам пшеворской культуры и восточнопруссских памятников горизонта D1 по К. Годловскому); фрагменты деревянной чаши с бронзовыми оковками; длинный меч дамасской стали; боевой нож в бронзовых ножнах; детали обувных наборов с пряжками, умбововидными и ромбическими накладками; а также бронзовая литая ложка с изображением двух стоящих фигур. Погребение датируется рубежом IV–V вв. (Ахмедов 2007. С 145).

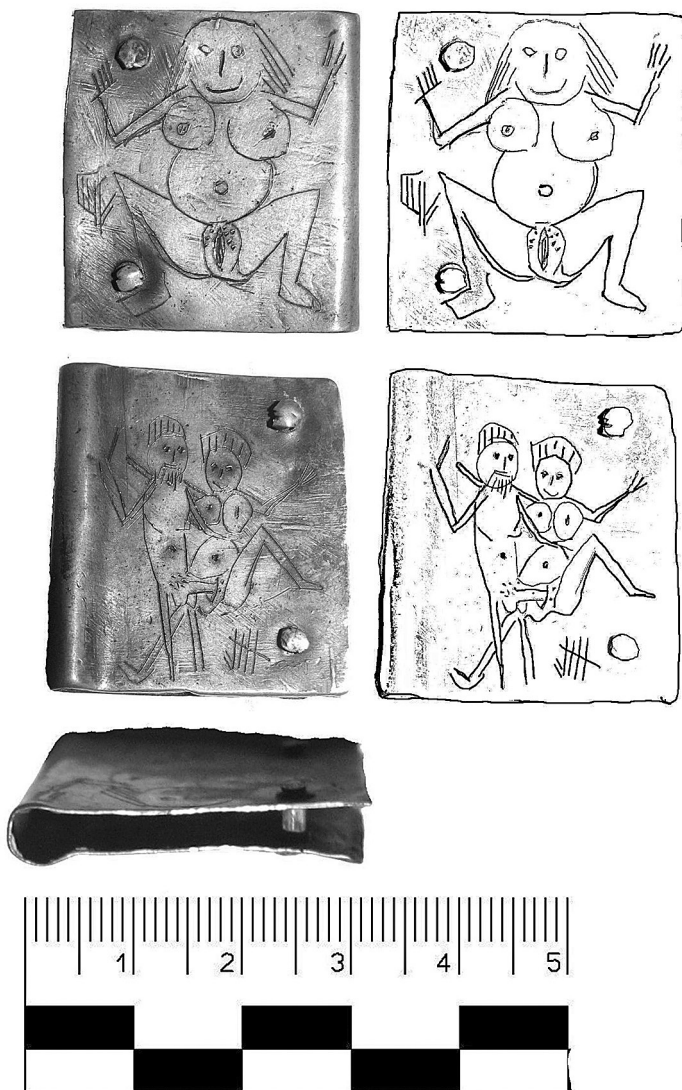

Рис. 3. Наконечник ремня с граффити и знаком под ним

Публикуемые группы знаков преимущественно ориентированы на линейное нанесение, однако в них присутствуют и округлые элементы, что позволяет предположить, что носителями культуры рязано-окских могильников использовались не только

процарапанные, но и нарисованные краской знаки. В связи с этим же отметим находки в погребениях «свиткообразных» отрезков бересты, иногда даже разлинованных, но без процарапанных знаков.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедов И.Р.* Инвентарь мужских погребений // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М., 2007. Вып. 9: Восточная Европа в середине I тыс. н.э. С. 137–185.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.* Культура рязано-окских могильников. К реконструкции исторических процессов // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М., 2007. Вып. 9: Восточная Европа в середине I тыс. н.э. С. 273–275.
- Белоцерковская И.В.* О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И.И. Гушиной. М., 2012. (Тр. Гос. ист. музея; Вып. 191). С. 27–37.
- Белоцерковская И.В.* Женский костюм окских финнов V–VII вв.: традиции и новации // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М., 2014. Вып. 15: Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. С. 184–235.
- Белоцерковская И.В.* Уникальный сосуд из рязано-окского могильника Заречье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В.А. Городцова. Тезисы конф. М., 2003. Ч. 2. С. 72–74.
- Гаврилов А.Н.* Работы в Шиловском, Путятинском и Чучковском районах Рязанской области // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 50–51.
- Гаврилухин И.О., Обломский А.М.* Заключение // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М., 2007. Вып. 9: Восточная Европа в середине I тыс. н.э. С. 389–393.
- Городцов В.А.* Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками // Археологические известия и заметки. М., 1897. Т. 5, № 12. С. 385–390.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е.* Финские древности первой половины – середины I тыс. н.э. в Суздальском ополье // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 151–161.
- Обломский А.М.* Новая концепция киевской культуры Верхнего Поднепровья // Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005. С. 137–156.
- Румянцева О.С.* Культура рязано-окских могильников. Керамика центральной группы могильников // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М., 2007. Вып. 9: Восточная Европа в середине I тыс. н.э. С. 246–272.

Aleksandr P. Gavrilov

SIGNS ON OBJECTS OF THE CULTURE OF RYAZAN-OKA BURIAL SITES

The paper contains a preliminary list of objects of the Archaeological Culture of Ryazan-Oka Burial Sites (the 1st millennium A.D.) inscribed with signs. The author shows that objects with signs were associated with local elite: they are either placed on valuable, prestigious artifacts, or found in complexes which contain such artifacts. One can suppose that the emergence of those signs was a result of contacts of local population with groups using various systems of writing or para-writing (the Romans, the Germanic, the Sarmats, the Turks).

Key words: the Culture of Ryazan-Oka Burial Sites, the Migration Period, burial rite, writing, para-writing

В.В. Тишин

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

Статья посвящена вопросу возникновения древнетюркской рунической письменности как историко-культурного феномена, нетипичного для кочевнических обществ. Автор соглашается с теми исследователями, которые не считают возможным рассматривать древнетюркские рунические тексты Второго Тюркского каганата как памятники историографии, оставляя за ними роль политических манифестов, опыт создания которых имел место уже в Первом Тюркском каганате. Но, по мнению автора, и эта их функция не могла быть успешно реализована ввиду невозможности широкого распространения грамотности среди кочевого населения. Монументальный характер памятников имел скорее символическое значение, будучи попыткой подражания китайской традиции установки эпитафий. Будучи племенными объединениями, базировавшимися на кочевой скотоводческой экономике, Тюркские каганаты оказались эфемерными образованиями, как и все их достижения. Здесь имеет значение сама попытка создать универсальное письмо для различных тюркоязычных групп. В итоге более практическое применение оно нашло в период Уйгурского каганата и затем в других уголках Центральной Азии, но уже в тех условиях, где распространению грамотности способствовал именно оседлый быт. В условиях кочевнического быта исторически оказались более жизнеспособными другие практики хранения и передачи информации.

Ключевые слова: древнетюркская руническая письменность, государство, племенная организация, кочевники Евразии, историография, устная традиция.

Значение памятников древнетюркской рунической письменности как исторических и лингвистических источников давно уже признано научным сообществом. Однако до сих пор не получил однозначного объяснения сам феномен возникновения и бытования письма, уникальный для кочевнических народов степной

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Элита древних тюрок Центральной Азии (комплексный анализ археологических и письменных источников)» (№16-31-01029a2).

Евразии, не знающий ни прецедентов, ни повторений². Вопрос о древнетюркской рунической письменности как историко-культурном феномене был поставлен уже В.В. Бартольд, сомневающимся в практическом назначении монументальных орхонских надписей, которое могло бы свидетельствовать о «довольно большом распространения грамотности» среди древних тюрков³, чего, по справедливому его замечанию, «трудно ожидать в условиях кочевого быта». Поэтому исследователь не сомневался, что появление древнетюркской письменности – результат культурного влияния оседлых соседей (Бартольд 1968. С. 430).

Увеличение количества известных памятников в последующие годы и их жанровое разнообразие, в частности наличие, помимо монументальных текстов, коротких надписей на мелких бытовых предметах, предметах вооружения, а также наскальных (т.н. посетительских) надписей, приводили ученых, в основном, к мысли о довольно широком распространении грамотности в древнетюркской среде (Васильев 1983. С. 10–15, 73; Кызласов 1994. С. 146, 224; 1999; Кляшторный 2016. С. 246). Вопрос о происхождении и природе древнетюркской рунической письменности также не раз обсуждался в научной литературе, и на данный момент по нему нет единого мнения (см. обзоры: Васильев 1983. С. 5–9; Щербак 2001. С. 32–38; Кляшторный 2003. С. 35–42, 231–236). Тем не менее исследователи преимущественно соглашались с тем, что создание древнетюркского, как и любого другого, письма было связано с определенным этапом генезиса (если избегать дискриминационной формулировки «уровень развития») общества, а именно – с возникновением государства (Клосон 1986. С. 135–136; Кызласов 1994. С. 220, 221; Щербак 2001. С. 46–47; Кляшторный 2006. С. 564).

С.Г. Кляшторный, кроме того, рассматривал наличие письменности (и в том числе факт существования собственной историографической традиции, историописания) в качестве одного из признаков древнетюркской цивилизации, четко локализуемой в определенном пространственно-временном континууме, обладающей уникальными лингвистическими и культурными характери-

² Старомонгольская письменность, как известно, была изобретена на основе уйгурской.

³ Здесь и далее под «древними тюрками» понимается вся совокупность тюркоязычного населения Центральной и Средней Азии в период VI–X вв., т.е. собственно тюрки (*түрк*), уйгуры, кыркызы и другие племенные группировки.

стиками, собственными социально-политическими традициями и идеологическими установками (Кляшторный 2006. С. 564–570).

Не вдаваясь в теоретические дискуссии о существовании государства у кочевников, отметим, что в современной политической антропологии допускается, что, даже при рассмотрении исторического процесса в эволюционистском ключе, сам факт наличия письменности у того или иного общества не всегда четко коррелирует с другими выделяемыми показателями его уровня развития (лучше сказать – степени сложности), чтобы можно было рассматривать его как государственное или безгосударственное, как и, следовательно, употреблять или не употреблять в его отношении понятие *цивилизация* (Крадин 2007. С. 82).

Одним из вариантов функционального применения письменности является создание собственной историографической традиции, – концептуального осмысления исторического прошлого, – которая, несомненно, выступает признаком устойчивой государственности.

В свое время уже Г.В.Ф. Гегель считал, что «историография возникает одновременно с историческими в собственном смысле этого слова деяниями и событиями: существует общая внутренняя основа, которая их вместе порождает». При этом «семейные воспоминания, патриархальные традиции представляют некоторый интерес в семье и в племени; однообразная смена их состояний не является предметом, достойным воспоминаний; но выдающиеся подвиги и превратности судьбы могут побуждать Мнемозину [греческую богиню памяти. – В.Т.] к изображению картин этих событий, подобно тому как любовь и религиозные чувства побуждают фантазию к приданию определенного образа этим вначале не имеющим формы стремлениям. Но исключительно государство создает такое содержание, которое не только оказывается пригодным для исторической прозы, но и само способствует ее возникновению. Вместо чисто субъективных распоряжений, достаточных для удовлетворения потребностей данной минуты, община, возвышающаяся до того, чтобы стать государством, нуждается в предписаниях, законах, общих и общеобязательных определениях. Благодаря этому в ней пробуждается интерес к таким действиям и событиям, которые имеют разумный смысл, сами по себе представляются определенными и влекут за собой прочные результаты, а затем эти события и действия становятся предметом исторического изложения» (Гегель 2000. С. 109).

Рассуждая о видах (фактически – качественных формах) исторического описания, простейшим Г.В.Ф. Гегель считает «первоначальную историю», основанную на сенсуальном восприятии происходящих событий их участником или очевидцем, но «к такой первоначальной истории не относятся легенды, народные песни, предания, так как всё это еще неясные способы представления, свойственные непросвещенным народам. Мы же имеем здесь дело с такими народами, которые знали, что они собою представляли и чего они желали» (Там же. С. 57–58). Именно такими «непросвещенными народами» и должны выступать здесь кочевники.

Уже в связи с этим немецкий философ попутно отметил некоторые важные особенности кочевнических обществ, косвенно связывая статичный характер их быта и присущих им социальных отношений с природно-географическими условиями обитания (Там же. С. 135–136).

В другом месте Г.В.Ф. Гегель пишет: «Эти народы сами не настолько развились, чтобы у них существовала история, но у них уже имеется могучий импульс, побуждающий их к изменению их образа жизни, и хотя у них еще нет исторического содержания, однако начала истории следует искать у них» (Там же. С. 145–146).

Несколько десятилетий спустя казахский исследователь Ч.Ч. Валиханов, сам выходец из кочевой среды, возражая против господствующих в Европе стереотипов об отсталости кочевников, указал на существование у многих кочевых народов литературы и сказаний, «письменных или изустных». Он писал о поэтической традиции как о характерной черте кочевнической культуры (Валиханов 1985б. С. 304). Сам он признавал отсутствие у кочевников исторического сознания, отмечая, что «история народов кочевых и вообще народов, не имеющих письменности, заключается [прежде всего] в их полубаснословных преданиях, нежели на фактах», поскольку «все кочевые племена имеют обыкновение сохранять в поэтической форме предания о деяниях своих героев и о важных происшествиях [в] народе и передавать их в виде домашних воспоминаний позднему потомству. Почетное сословие рапсодов [– главный носитель этих преданий]» (Валиханов 1985а. С. 45–46). Другим источником этих «полубаснословных преданий» служили сочинения, написанные в среде оседло-земледельческих народов, с которыми кочевники имели контакты, по-своему переосмысленные (Там же. С. 48–49).

В XX в. среди ученых возникло мнение о возможности охарактеризовать форму осмысления степными кочевническими народами своего прошлого как особый феномен, именуемый «кочевая историография» (Бира 1978. С. 9) или «степная устная историография» (Юдин 1992а. С. 25–26; Юдин 1992б. С. 57, 64–65).

Как считал Ш. Бира, и тюрки, и монголы имели традицию преемственности исторических знаний через устное творчество, в том числе от народов предшествующих эпох (Бира 1978. С. 15, 18, 26, 29). Практика устной передачи посланий или произведения устного творчества в некоторой степени заменяла использование письменных документов (Там же. С. 24). Д. Кара указал, что традиция передачи устных преданий ограничивалась пределами рода или племени и существовала в степи до создания государства (Кара 1972. С. 13).

Ш. Бира, отмечая общность мотивов генеалогических легенд *то-ба* 拓拔, тюрков и монголов (Бира 1978. С. 15–18), не отрицал здесь и роли таких факторов, как «одинаковый образ жизни, более или менее общие исторические судьбы, а также сходный уровень общественно-исторического развития» (Там же. С. 18, 29).

Ученый допускал, что к монголам «историографические достижения» тюрков передались через уйгуров (Там же. С. 31). Интересно, что сами уйгуры, судя по сведениям Рашīд ад-Дīна ат-Табībа, также хранили какие-то полуполюгендарные сведения о своем историческом прошлом (Радлов 1893. С. 40–41). По-видимому, отрывки многих произведений устного творчества в рамках тюркской культуры донесли до нас такие памятники, как словарь Махмуда ал-Кāшгарī «Дīвāн Лугāt ат-Турк» или поэма Йўсуфа ал-Баласāгўнī «Кутадгу билиг», но при этом, судя по всему, без увязки отдельных фрагментов с конкретными историческими событиями (см.: Стеблева 1971). Однако в обоих случаях имеет место ситуация, когда представители оседло-земледельческой культуры в качестве каких-то далеких преданий сохраняют отголоски сюжетов из кочевнического прошлого, связанных с теми историческими событиями, с которыми ее представители осознают свое родство и преемственность.

Ю.А. Зуев, обращая внимание на случаи, когда народы на определенном хронологическом этапе рассматривают в качестве своих прямых предков народы, жившие на этой же территории прежде или сыгравшие значимую роль в их политогенезе, даже если они принадлежали к совсем иной этнической и культурной среде,

справедливо напомнил, что «“чистых” этносов не бывает» (Зуев 2002. С. 6–8). Он верно указал на неразрывность для истории Центральной Азии таких понятий, как политогенез, этногенез, культурогенез, идеогенез (Там же. С. 8–9). Отмечая сходства мифологических систем различных народов, среди прочих вопросов, Ю.А. Зуев задавался следующими: «До какого хронологического потолка действует инерция идеологической преемственности? Где же проходит грань между стадиальностью исторического процесса и конвергентностью?» (Там же. С. 9).

Письменная историография подразумевает наличие исторического сознания и исторического мышления, что позволяет обществу аккумулировать и транслировать накопленный опыт из поколения в поколение, способствуя социальным и мировоззренческим трансформациям. Так ли было у кочевников? Какое место занимает здесь устная традиция? Как соотносятся значение устной традиции передачи информации и возможности письма? Может ли в данном случае сам факт наличия письменности служить критерием для оценки степени сложности общества?

Как указывал Дени Синор (Денеш Шинор), хронологический разрыв между крупнейшими памятниками степной письменности, древнетюркскими стелами долины р. Орхон и «Тайной историей монголов», составляет 500 лет, но автор второго источника ничего не знает о создателях первых. Эти народы фиксировали только свою историю – историю своего народа (Sinor 1970. P. 107). Л.Н. Гумилёв также специально отмечал, что тюрки ничего не знали о *сюн-ну* 匈奴, монголы – о тюрках (Гумилёв 1967. С. 340).

Ш. Бира связывает начало новой традиции, возникновение уже, собственно, письменной историографии у монголов с новым этапом их социальной истории – установлением централизованной власти хаганов. При этом «всё, что было связано с историческим прошлым побежденных племен, предавалось забвению, а предания победителей, наоборот, не только были сохранены, но и стали господствующей памятью всех монголов, объединенных под властью могучего хагана» (Бира 1978. С. 19). «Вот почему до нас дошло так мало образцов устного исторического творчества монголов в те отдаленные времена, когда эти произведения [т.е. предания, связанные с историей других родов и племен. – В.Т.] еще не получили письменной фиксации и устно передавались из поколения в поколение» (Там же. С. 19–20). Теперь в основу традиции легла идея о сверхъестественном происхождении

основателя правящего рода, что было связано со стремлением династии увековечить свое господство (Там же. С. 22). Говоря и о тюрках, и о монголах, ученый отмечает, «что историография у них и возникла-то главным образом из стремления возвеличить хаганов и увековечить их деяния» (Там же. С. 29).

Со становлением государства и соответствующих сложных структур у кочевников появление письменности связывает и Д. Кара (1972. С. 13–14). Создание государства сопровождалось принятием надплеменной идеологии, чаще всего в виде одной из мировых религий, что влекло за собой утрату шаманистскими культурами своих позиций, а шаманами – своих функций; они «стали преследуемыми знахарями», и в то же время «хранители устной традиции превращались в сказителей, в их песнях звучала уже не история, а лишь фольклор». Появлялись письменная культура и канцелярия (Там же. С. 15).

Насколько безупречны все эти объяснения вне эволюционистской модели политогенеза?

В свое время Г. Вамбери и В.В. Радлов независимо друг от друга указали на надэтнический характер кочевнических объединений, признав основной социальной единицей в степи *аул* (кочевую группу от одной до нескольких семей). Слияние и разделение аулов, выделение новых в связи с экологическими, демографическими, социальными или политическими факторами были постоянным процессом социальной жизни кочевых скотоводов, обеспечивавшим динамичность и текучесть социальной организации (Vámbéry 1885. S. 181–185; Радлов 1989. С. 337).

В.В. Радлов предложил модель политогенеза для степных кочевников, которая сводилась к следующему. Несколько кочевых групп (аулов) сплачивались вокруг богатого и влиятельного скотовода, который мог улучшить условия их жизни путем справедливых решений и обогащения за счет удачливых походов. Объединение кочевников, получавшее название, как правило, по его имени или названию его кочевой группы, разрасталось за счет включения в него новых групп, а власть предводителя основывалась на его удачных действиях, вызывавших поддержку соплеменников, удовлетворенных обогащением и получением социальных привилегий. После смерти правителя такое объединение могло распасться, а кочевые группы – вернуться к прежнему состоянию до тех пор, пока новый влиятельный лидер (из той же или другой группы) вновь не сплотит их. Название бывшего объединения исчезало,

заменяясь названием новой доминирующей группы (Радлов 1893. С. 68–75; 1989. С. 338–340).

Йожеф Деер дополнил эту концепцию двумя существенными деталями. Описывая ситуацию, когда покоренные племена занимают место внизу социальной организации образующегося кочевнического объединения, что вызывает перегруппировку в иерархии племен, Й. Деер ввел понятие «переупорядочивание» (*rendbeszedése*) (Deér 1938. 15. о.). Й. Дееру наука обязана указанием на стремление вождя, заинтересованного в сохранении власти за своим родом, возглавить религиозные культы и создать идеологию, приписывающую ему и его роду божественную благодать (харизму), что подкреплялось соответствующим генеалогическим мифом (Ibid. 19–20, 22–28. о.).

С этими построениями об эфемерном характере и циклическом ритме образования крупных кочевнических объединений перекликается следующее наблюдение французского тюрколога Ж.-П. Ру. Он обратил внимание на то, что верования (или религия) тюрко-монгольских кочевников имеют две формы: первая – имперская, национальная, государственная (*impériale, nationale, étatique*), и вторая – народная и семейная (*populaire et familiale*). Первая возникает, когда создаются крупные племенные союзы, и тогда возрастает значение культа *Tängri* (Roux 1962a. P. 7). Возглавлявший объединение каган выполнял роль Небесного посланца и первосвященника, укрепляя свою власть путем создания идеологии универсального бога (Ibid. P. 20). Этот уровень тюрко-монгольской религии был назван ученым «Тэнгризм» (*Tängrisme*). Данная форма существовала и исчезала вместе с крупными степными империями, воспроизводясь каждый раз заново (Roux 1962b. P. 206–207).

Специфика неустойчивого, экзависимого скотоводческого хозяйства определила особенности как социальных процессов в кочевнических обществах Центральной Азии (Масанов 1995. С. 155–160), так и их мировоззренческих установок, что нашло яркое отражение в памятниках древнетюркской рунической письменности.

В Хушо-Цайдамских текстах начало истории трактуется как возникновение между голубым небом (*kök täŋri*) и бурой землей (*jayız jir*) «сынов человеческих» (*kiši oylı*) во главе с Бумын каганом и Истэми каганом, названными предками Бильге кагана, от лица которого ведется повествование (КТБ, стк. 1 = БК, X, стк. 2–3). Здесь

важны два момента: во-первых, декларирование преемственности власти нынешних каганов (Кормушин 1981. С. 144); во-вторых, отчет тюрками так называемого Второго Восточно-тюркского каганата своей истории не от сложения племени *түрк*, а с периода его возвышения среди остальных племен степной Евразии, эпохи его политического доминирования. В то же время в Терхинской (Тариатской) надписи уйгурского Элетмиш Бильге кагана, второго правителя Уйгурского каганата, среди его предшественников также упоминается Бумын каган (Тер, Вост, стк. 1).

Это может показаться странным, учитывая, что, судя по китайским летописям, племя *уйгур* имело собственную генеалогическую легенду, отличную от таковой у племени *түрк* (Sinog 2000. P. 187). Однако письменная фиксация традиции одного рода/племени, который на конкретный момент времени является правящим, отнюдь не означает автоматического забвения традиций остальных. Например, если говорить о целенаправленном разрушении родоплеменной структуры степного населения Чингисханом, то у того же Рашїд ад-Дїна записано множество преданий о различных родах и племенах, дошедших до него спустя более ста лет после официального создания Монгольской империи. Это же отмечал, писав о казахах, А.И. Левшин: «Разнообразие и противоречия сих преданий не должны удивлять нас, ибо в состав народа киргиз-казачьего... влилось множество разных племен, и, следовательно, весьма естественно, что потомки каждого из сих племен имеют отличные от прочих понятия о своем происхождении», притом что «различие их в порядке рассказа, в хронологии событий, в родословии, в именах лиц и в названиях мест так велико и истинные происшествия затемнены столь многими выдумками, что принятием оных за основание мы обратили бы все сочинение сие в собрание исторических мечтаний» (Левшин 1996. С. 148). Очевидно, что существовавшие в устном виде племенные истории никуда не исчезали.

Как подметил С.Г. Кляшторный, рунические памятники Уйгурского каганата сохранили память о «об их собственной древней истории» – о предыдущих уйгурских царствах, о периодах их упадка и господства над собой иноплеменников, – что, по его мнению, говорит о более глубоком восприятии времени и пространства (Кляшторный 2006. С. 567), тем не менее и Хушо-Цайдамские стелы точно так же дают немного информации об истории «тюркского народа» в период, предшествующий созданию так называемого Второго Тюркского каганата.

Упоминание в Терхинской (Тариатской) надписи среди предшественников правящего уйгурского кагана имени *Бумын* (Тер, Вост, стк. 1) объясняется тем, что и сами кочевники воспринимали политическую историю Степи как цикличную смену господствующих племен, – фактически, династий, – без акцентирования внимания на их происхождении. Вероятно, упоминанием о предыдущих правителях объединения, распространившего свою власть фактически на все кочевнические племена Центральной Азии, новое главенствующее племя просто стремилось заявить свою преемственность и тем самым обосновать свою легитимность (см.: Батсүрэн 2009. 134–143 дугаар тал.).

В рамки этих наблюдений четко ложатся концептуальные разработки ленинградского археолога А.Д. Грача, введшего в науку понятие «древнетюркское время». Под ним подразумевается исторический период с VI по первую четверть X в., когда в Центральной Азии существовали Первый и Второй Тюркские, Уйгурский и Кыркызский каганаты (период «кыргызского великодержавия», по выражению В.В. Бартольда), когда «смена одного каганата другим сводилась в основном к смене политической гегемонии». Население региона характеризовалось этнолингвистической близостью, общими чертами материальной культуры («формой оружия, бытовых предметов, конской сбруи, украшений, сосудов»), использованием древнетюркской рунической письменности, сходными чертами погребальной обрядности. Особенности погребального ритуала выступают территориальным маркером расселения отдельных племен и показателем миграций (Грач 1966).

И.Л. Кызласов, говоря о перенимании уйгурами от тюрков «композиционного построения эпитафий», также отмечает, что в совокупности с различными элементами политической культуры этот факт свидетельствует о преемственности культурно-государственной традиции, в качестве показателя которой принятый канон теперь выступает, будучи лишен «этноопределяющего значения» (Кызласов 1994. С. 227). Единство языковой принадлежности населения, расположения политических центров, социальных институтов и политической номенклатуры, а также продолжение традиций использования рунической письменности и возведения монументальных памятников, в текстах которых прямо декларируется преемственность *уйгурских* от *тюркских* каганов (Терхинская или Тариатская стела, надпись Могойн Шинэ Усу), дали вполне обоснованный повод Д. Синору охарактеризовать Уйгурский ка-

ганат не иначе как «третью Тюркскую империю» (Sinor, Geng Shimin, Kuchanov 1998. P. 192).

В свое время Л. Базен отметил очень важный момент, характерный как для енисейских, так и для орхонских памятников: мемориант или лицо, от которого ведется повествование в эпитафии, не осознает своего существа в отрыве от племенного сообщества, к которому принадлежит (Базен 1986. С. 346–347, 350, 351, 352, 353–354, 358). Еще раньше Р. Жиро указал на признаки бытования «коллективного сознания» у тюрков (Giraud 1960. P. 109). Само по себе это объясняется необходимостью трудовой кооперации и взаимопомощи у кочевников, обусловленных самой спецификой их производственной деятельности (Масанов 1995. С. 123–130, 133–135).

Как *уйгуры* не смешивали себя с *тюрками* (племя *türk*), также выделяя среди остальных племен объединения *токуз огуз*, так и тюркский каган выделяет *токуз огузов* среди внимающих его речи (КТ, Хб, стк. 2), в другом месте четко разделяя *тюрков* и *огузов* (КТб, стк. 22 = БК, X, стк. 18). Однако при этом он также заявляет, что «токуз-огузов народ сам моим народом был» (*toquz oquz bodun kántü bodunum ärti*) (Кб, стк. 4 = БК, X, стк. 29). Не касаясь здесь статуса последних в возглавляемом тюркскими каганами политическом образовании, следует подчеркнуть лишь то, что их выделение в памятниках доказывает существование в восприятии авторов текстов двух уровней их идентификации – как «своих», являющихся составной частью империи, но как «чужих», принадлежащих к другому племени.

Таким образом, памятники древнетюркской рунической письменности отражают параллельное существование двух традиций осмысления истории – на племенном уровне, ограниченном рамками конкретной общности, и надплеменном, «имперском», условно «государственном».

В обстоятельном исследовании Д.В. Рухлядева, посвященном вопросам жанровой принадлежности памятников древнетюркской рунической письменности, были приведены последовательные аргументы в пользу того, что они не могут рассматриваться как полноценные памятники историографии, если понимать под последним термином именно критическое историописание (Рухлядев 2005. С. 62–64, 211). В частности, «в тюркских надписях сравнительно небольшую роль играет абсолютная хронология, повествование сосредоточено на одном или нескольких лицах, а не на судьбе всего народа» (Там же. С. 73, 136).

В этих текстах в той или иной форме можно найти отголоски различных жанров, но доминирующими выступают элементы риторики, дидактики и даже полемики, и потому это скорее политические декларативные документы, ориентированные на ту реальность, которая окружала автора и предполагаемых читателей, на те исторические условия, в которых они существовали. Отдельные отсылки к прошлому ограничены полем зрения самого автора и читателей (Базен 1986. С. 348; Кляшторный 2003. С. 62, 80–83, 367, 368, 491; Гумилев 1967. С. 332–333, 336; Кормушин 1981. С. 142; Рухлядев 2005. С. 105–108, 115).

Так, развивая мысль Л. Базена (Bazin 1991. P. 222), здесь можно отметить, что, когда речь идет уже об отдаленных событиях прошлого, цифры, фиксирующие длительность сроков в годах, по-видимому, «округлены», хотя и близки к действительным (Кляшторный 2003. С. 238; 2006. С. 153–155, 567).

Среди известных памятников Второго Тюркского каганата значительная часть связана с высокопоставленными лицами, не являвшимися членами правящего дома, но отмеченными высокими заслугами перед империей (надписи Тоньюкука и Кюли чора, а также, с некоторыми оговорками, Онгинский памятник). Сама традиция возведения монументальных стел восходит к китайской традиции сооружения эпитафий – притом как в плане собственно внешнего оформления (Кореняко 2001. С. 365–366), так и с точки зрения композиции и построения текста (Кызласов 1994. С. 227), однако стиль и содержательное наполнение тюркских текстов имеют свои отличия. Описание в текстах заслуг меморианта, в принципе, характерно для эпитафийного жанра вообще (Рухлядев 2005. С. 122–123). Традиционно считается, что это должно служить увековечению его имени, т.е. отражать стремление авторов текстов оставить посыл в будущее, представление о котором у тюрков было ограничено восприятием настоящего. Однако при этом для тюрков сама форма биографического повествования была, по-видимому, оптимальным способом выражения их собственного восприятия истории (Там же. С. 135, 145).

Все эти соображения приводят исследователей к мнению, что эпоха создания памятников древнетюркской рунической письменности отражает у тюрков лишь зарождение исторического сознания и историографии как жанра (Базен 1986. С. 358; Кляшторный 2003. С. 238; Рухлядев 2005. С. 7–8, 63, 73, 103, 145, 197, 211, 215–216, 234–235, 239–240).

В той или иной степени сказанное относится и к памятникам периода так называемого Первого Тюркского каганата – Бугутской надписи и надписи Нири кагана, написанным на согдийском языке (Yoshida, Moriyasu 1999; Ôsawa 2006. P. 475–476). Представление о том, что памятники Уйгурского каганата фиксируют некий этап эволюции восприятия древними тюрками времени, базируются на том факте, что здесь последовательно используется более четкая хронология – основанная на китайском календаре (Bazin 1991. P. 222–226; Бира 1978. С. 32; Кляшторный 2006. С. 567). Однако эта практика имела место уже в период Первого Тюркского каганата, хотя не прижилась, по-видимому, по причинам, скорее, политическим – ввиду противодействия определенных антикитайски настроенных групп населения (Bazin 1991. P. 125, 151). По политическим же мотивам, как считается, она использовалась уйгурами с самого начала образования Уйгурского каганата, правители которого хотели заручиться поддержкой южного соседа (Ibid. P. 227). Точно так же факторами политического характера объясняется и мнимый более архаичный характер енисейских эпитафий, содержательно ограниченных жизнью одного человека, в рамках этапов которой происходит восприятие времени, а его счет ведется в категориях «живой хронологии» (Ibid. P. 97–98, 101, 108–109, 115–116). Енисейские племена были разрознены и в этом состоянии не нуждались в общей «национальной» истории, потому увековечения деяний отдельных личностей, значимых для каждого из этих племен, было достаточно (Рухлядев 2005. С. 78–79, 123, 240).

Таким образом, если процесс зарождения исторического сознания действительно связан с введением письменности (Там же. С. 209–210, 234–235), то в отношении кочевников он имеет свою специфику.

Как и в случае с адаптацией и использованием китайского календаря – пусть и несистемным, – применение письменности – пусть и согдийской, – в период Первого Тюркского каганата завершилось фактически с его падением. Эта модель была вновь воспроизведена спустя время, при династии, ставшей во главе Второго Тюркского каганата, с той лишь разницей, что в этот раз практиковалось использование рунического письма⁴. Однако дальнейшего импульса в Центральной Азии эти явления не получили – после падения

⁴ Мы не касаемся здесь Западно-тюркского каганата, где, судя по многочисленным нумизматическим материалам, согдийское письмо очень широко использовалось в течение очень продолжительного времени.

уйгурской династии среди енисейских племен руническое письмо осталось, но восприятие времени вернулось к традиционному. Впоследствии эти же процессы повторились у монголов: письменность появилась фактически одновременно с адаптацией китайского календаря, отразившей новое восприятие времени – историческое (Bazin 1991. P. 388, 389–390). Какая-то дальнейшая эволюция собственно древнетюркских традиций нашла место лишь в ганьсуйских и восточно-туркестанских княжествах уйгуров, но уже в условиях оседлого образа жизни. Выходит, что у кочевников все эти трансформации были столь же цикличны и эфемерны, как и, собственно, их политические образования, а потенциал развития исторического сознания в условиях кочевого быта был ограничен.

Факт использования в монументальных надписях тюрков согдийского языка в период Первого Тюркского каганата возвращает нас к другому вопросу. Кто должен был стать читателем этих надписей? Сложно представить, что значительная часть простого населения владела согдийским языком.

Между тем об использовании именно тюркского языка в правительственных целях говорит не только тот факт, что сохранившиеся в китайских анналах тексты писем суйскому императору от Ша-болюэ 沙鉢略 кагана (584 г.) и Ци-минь 啟民 кагана (607 г.) стилистически выглядят, скорее, как перевод с тюркского оригинала (Lung 2008. P. 173–177). Известно, что в 574 г. То-бо 佗鉢 каган получил от императора Северного Ци 北齊 выполненный по его желанию китайскими монахами перевод на тюркский язык *Nirvānasūtra* (Васильев 1983. С. 11; Lung 2008. P. 182). Пока нет убедительных свидетельств, что в тот период древнетюркская руническая письменность уже существовала, но, вероятно, отмеченный факт может трактоваться как косвенное указание на существование у тюркской элиты идеи создать письмо для собственного языка.

В памятниках периода Второго Тюркского каганата в качестве адресата каганских посланий выступает весь народ (*bodun*), среди которого, однако, выделяется наиболее приближенный к кагану круг лиц из его родственников, уполномоченные лица (*bujuq*) и представители элиты (*bāglār*) (КТ, Хб, стк. 1 = БК, Хб, стк. 1; Кб, стк. 10; БК, Ха, стк. 13–14). Именно уполномоченным (*bujuq*) приписываются те же качества, что и каганам, при достижениях или бедах тюрков: они могут быть «мудрыми» (*bilgä*) и «храбрыми» (*alp*) (КТб, стк. 3 = БК, Х, стк. 4), а могут – «неразумными» (*bilgäsiz*) и «скверными» (*jablaq*) (КТб, стк. 6–7 =

БК, X, стк. 6). Возможно, как раз они и были теми, кто должен быть транслировать «в массы» заветы кагана. С другой стороны, тексты енисейских эпитафий, создававшиеся в рамках отдельных племен, должны были быть адресованы явно более ограниченной в количественном отношении аудитории. Явилось ли бытование рунической письменности здесь следствием «подражательства» практике, существовавшей у тюрков, или же ее распространение имеет религиозную подоплеку (Щербак 2001. С. 93), не столь важно, учитывая, что долина Енисея более пригодна для ведения оседлого образа жизни, благоприятствующего распространению грамотности. К тому же енисейские эпитафии структурно, содержательно и стилистически стоят гораздо ближе к ряду традиционных, т.е. более «народных» жанров устного фольклора (обрядовые плачи) (Рухлядев 2005. С. 87–99).

Единство характера письменных памятников периодов Первого и Второго Тюркских каганатов – текстов, нанесенных на монументальные стелы, созданные в честь крупнейших представителей элиты, – позволяет внимательнее отнестись к предположению, что большей, неграмотной, частью населения эти массивные конструкции воспринимались лишь как «один из атрибутов правящего дома» (Клосон 1986. С. 145).

Это мнение может быть подтверждено недавним открытием. Речь идет о двух мемориальных комплексах древнетюркской эпохи на территории Монголии – Шороон Дов (Шороон Бумбагар-I) и Майхан-Уул (Шороон Бумбагар-II), относящихся ко второй половине VII в. Композиция сооружений и богатый инвентарь свидетельствуют о явном подражании китайской погребальной практике (Серегин 2017). В состав первого комплекса входила эпитафия, написанная на китайском языке, позволившая установить, что это гробница находившегося на службе у танской империи вождя племени *пу-гу* 僕固, по имени Пу-гу И-ту 僕固乙突, умершего в 678 г. (Ло Синь 2011). Соответственно, возникает вопрос: кто мог читать этот текст? Если допустимо предполагать знакомство с китайским языком каких-то представителей племенной элиты, то представить распространение таких знаний среди простого кочевого населения сложно. К тому же две плиты с эпитафией находились внутри погребальной камеры, из чего следует вывод, что текст вообще не был рассчитан на читателя.

Практичность древнетюркской рунической письменности, состоящая в простоте очертаний графем и в то же время продуманных

составе графического фонда и нормах орфографии, отвечающих фонетическим особенностям тюркских языков, в совокупности с другими факторами экстралингвистического характера, приводит к мысли, что ее создание было, скорее всего, актом разовым, единовременным, вероятно, связанным с заказом кого-то из правителей, – письмо было создано в определенный момент времени, в определенном месте, с определенными целями (Клосон 1986. С. 138–140; Щербак 2001. С. 47, 49, 72–73, 78, 93). В этом случае обладание грамотностью на первых порах могло стать достоянием весьма узкого круга лиц – каких-то чиновников и представителей элиты (Клосон 1986. С. 139–140, 145; Щербак 2001. С. 49, 93). Простота начертаний знаков и их комбинаций ясно свидетельствует о том, что письмо создавалось в первую очередь для использования в эпиграфике (Щербак 2001. С. 52; Кормушин 2004. С. 27). Опыт создания эпиграфических памятников уже имел место в период Первого Тюркского каганата.

Э.Р. Тенишевым было предложено рассматривать язык памятников древнетюркской письменности как литературный, своеобразное наддиалектное койне, а случаи вариативности в выражении грамматических форм и орфографии не считать системными, объясняя каждый их них в отдельности невысоким уровнем грамотности составителей текстов, особенностями жанра, индивидуальными особенностями писца, в том числе характерным для него диалектом (Тенишев 1976. С. 27–30, 33; 1979. С. 81–82). Широкое распространение письма в географическом диапазоне и, соответственно, среди представителей разных племенных группировок, действительно могло найти отражение в графических и орфографических особенностях надписей (Васильев 1983. С. 12, 73, 75; Tryjarski 1997. Р. 373), вплоть до, возможно, сознательного стремления авторов памятников отдельных групп подчеркнуть особенности своего произношения (Кормушин 2004. С. 267). Однако вместе с тем на эти моменты, несомненно, оказывали влияние и субъективные факторы. Вариативность графического фонда может быть объяснена за счет таких обстоятельств, как неровность поверхности, на которую наносился текст, случайность инструмента, возможные срывы руки (Васильев 1983. С. 19, 20), в конце концов – какие-то творческие проявления индивидуальных особенностей авторов (Васильев 1983. С. 73; Tryjarski 1997. Р. 373). В целом же, в отличие от монументальных каганских памятников и более поздних рукописных текстов, манера исполнения большей

части надписей свидетельствует об их явно непрофессиональном характере, о том, что авторами выступали в ряде случаев лица случайные, имевшие неглубокие представления о грамотности (Клосон 1986. С. 145–146; Васильев 1983. С. 12, 18, 73; Щербак 2001. С. 43–44, 47, 60, 104). Региональное разнообразие и в то же время характерное для определенных местностей локальное единство в начертаниях отдельных графем, в оформлении текста и даже в использовании каких-то словесных формул может объясняться постепенным укоренением и превращением в норму проникших однажды и ставших привычными образцов (Васильев 1983. С. 73–74). Всё это как раз является показателем того, что древнетюркская письменность, несмотря на свою самобытность и практичность, не прижилась в кочевнической среде. Объясняется это, по-видимому, тем, что письменность не смогла найти функционального применения в рамках повседневного кочевнического быта, а ее распространение в условиях отсутствия мотивирующего воздействия «сверху» происходило скорее по инерции.

Присутствующее уже в орхонских текстах нерегулярное следование общим закономерностям сочетания сонантов со смычными по звонкости и глухости (Тенишев 1976. С. 29; Кормушин 2004. С. 271–272), равно как и непоследовательная пунктуация (Васильев 1983. С. 46; Rybatzki 1999. P. 220, 222), отражают, скорее, черты, характерные для устной речи, что может говорить о несформировавшемся орфографическом каноне письма. На постепенный характер его формирования может указывать и тот факт, что даже в Хушо-Цайдамских надписях, начертанных одним автором, Йоллыг тегингом, в текстуально совпадающих фрагментах, – из-за которых они оба, в сущности, могут рассматриваться как «две редакции одного текста» (Кормушин 1981. С. 139), – наблюдаются расхождения в орфографии (Mert 2010; Mert, Albayrak 2013). При этом текст надписи Бильге кагана представляет собой явно несколько отредактированный, содержательно и стилистически, вариант исходной версии (Mert 2016). Точно так же два памятника, связанных с именем уйгурского Элетмиш Бильге кагана, Терхинская (Тариатская) надпись и стела Могойн Шинэ Усу, местами содержательно пересекающиеся (Кормушин 2004. С. 148), имеют довольно разные как орфографические, так и фонетические характеристики, причем первая в этом отношении примыкает, скорее, к Хушо-Цайдамским текстам, а вторая – к Тэсийнской надписи (Erdal 2004. P. 12; Aydın 2007. S. 22–23).

В свете всего сказанного вполне логичным выглядит предположение о существовании в Тюркском каганате неких «правительственных школ», в которых проходили обучение представители знати и осуществлялась подготовка профессиональной группы резчиков-писцов (Клосон 1986. С. 144). Можно лишь предполагать, насколько эта тенденция получила продолжение после падения тюркской династии, т.е. в Уйгурском каганате. Официальное распространение в пределах последнего манихейства и начало интенсивного градостроительства, а, следовательно, и значительное увеличение доли оседло-земледельческого населения (Mackerras 1990. P. 329–340), сами по себе создавали все условия для сохранения здесь письменных традиций и распространения навыков письма среди более широких слоев.

В любом случае, о некоторой жанровой эволюции каганских текстов в уйгурский период говорит тот факт, что ни один из связанных с именем Элетмиш Бильге кагана памятников не является эпитафийным. В этих текстах присутствует не только более четкая хронология, но и бóльшая «историчность»: основное внимание уделено деяниям кагана (ср.: Бира 1978. С. 32), а экскурсы в прошлое (Тер, Вост, стк. 3; МШУ, Сев, стк. 3–4) выглядят, скорее, как историческая преамбула (или дополнение) к основному повествованию и не переплетены с морализаторскими посланиями в настоящее. Лишь «исторический» пассаж в плохо сохранившейся Тэсийнской надписи (Тэс, Сев, стк. 1–5), связанной с именем следующего правителя, Бёгю кагана, в чем-то перекликается с Хушо-Цайдамскими памятниками тюрков, возводя преемственность правящей династии к неким уйгурским каганам, правившим за триста (!) лет до нее (Кляшторный 2006. С. 153 сл.; 2010. С. 84–85). Возможно, здесь отражена новая концепция легитимации власти: через замалчивание периода доминирования племени *түрк* над объединенным конгломератом племен, уйгуры тем самым вписывают собственную племенную историческую традицию в традицию «государственную», т.е. подразумевающую формат всего возглавленного ими теперь политического образования.

Таким образом, возникновение древнетюркской письменности может рассматриваться как событие, лишь задавшее тенденцию к усложнению политической системы. Тюркские каганаты, базировавшиеся на кочевом скотоводческом хозяйстве, оставались племенными объединениями. Опыт изобретения письменности не мог состояться без влияния оседло-земледельческих обществ, но

в итоге дело ограничилось узкой сферой применения письма – создававшиеся тексты были элементом возведенных монументальных сооружений, в первую очередь тешивших самолюбие элиты. Содержательно все они, так или иначе, пропитаны идеей незыблемости власти правящей каганской династии – как над собственно племенем *түрк*, так и над конгломератом степных племен в целом. Система письма обладала определенным потенциалом для широкого использования в тюркоязычной среде. Однако реализован он был уже в период Уйгурского каганата, где распространению грамотности и, следовательно, большему практическому применению письма способствовало распространение манихейства и, в еще большей степени, увеличение оседлого элемента в образе жизни населения. Именно в Уйгурском каганате появляются первые зачатки историописания. Дальнейшее развитие жанрового разнообразия памятников древнетюркской письменности происходит уже в обществах со значительным элементом оседлости. В среде же собственно кочевых племен эта тенденция продолжения не находит. Среди них продолжали бытовать традиционные формы хранения и передачи информации, по-видимому, наиболее отвечавшие потребностям их хозяйства, условиям быта и особенностям социальной организации.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ НАДПИСЕЙ

- БК, X – большая надпись на восточной стороне стелы Бильге кагана
БК, Ха – продолжение большой надписи на левой боковой (южной) стороне стелы Бильге кагана
БК, Хб – малая надпись на северной стороне стелы Бильге кагана
Вост – восточная сторона
Кб – боковая надпись на правой боковой (северной) стороне стелы Кюль тегина
КТб – большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль тегина
КТ, Хб – малая надпись на левой боковой (южной) стороне стелы Кюль тегина
МШУ – стела Могойн Шинэ Усу (Селенгинский камень)
Сев – северная сторона
Тер – Терхинская (Тариатская) стела
Тэс – Тэсийнская стела

ЛИТЕРАТУРА

- Базен Л. Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии в VIII веке // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1: Древние тюркские языки и литературы / отв. ред. А.Н. Кононов. С. 345–360.
- Бартольд В.В. Обзор истории тюркских народов // Бартольд В.В. Соч. М., 1968. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 425–437.
- Батсүрэн Б. Өндөр тэрэгтнүүд ба эртний түрэгүүд (VI–IX зуун). Улаанбаатар, 2009.
- Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М., 1978.
- Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 7–89. (а)
- Валиханов Ч.Ч. [Заметки по истории южносибирских племен] // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 1. С. 294–305. (б)
- Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М., 1983.
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 2000.
- Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова / ред. кол.: С.Г. Кляшторный (отв. ред.), Ю.А. Петросян, С.С. Цельникер. М., 1966. С. 188–193.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
- Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972.
- Клосон Дж. Происхождение тюркского «рунического» письма // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1: Древние тюркские языки и литературы / отв. ред. А.Н. Кононов. С. 135–158.
- Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.
- Кляшторный С.Г. Рождение древнетюркской историографии: Рунические памятники Великой степи // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 241–258.
- Коренько В.А. Об изображении на Бугутской стеле // Мировоззрение древнего населения Евразии / отв. ред. М.А. Дэвлет. М., 2001. С. 355–369.
- Кормушин И.В. Текстологические исследования по древнетюркским руническим памятникам. I // Тюркологический сборник, 1977 / ред. кол.:

- А.Н. Кононов (отв. ред.) С.Г. Кляшторный (отв. ред.), Ю.А. Петросян, С.С. Цельникер. М., 1981. С. 139–149.
- Кормушин И.В.* Древние тюркские языки: уч. пособие. Абакан, 2004.
- Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
- Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. 1999. № 4. С. 99–118.
- Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996.
- Ло Синь 羅新.* Мэнгу го чуту дэ тан дай пугу иту мучжи 蒙古国出土的唐代仆固乙突墓志 // Чжунюань юй юйвай. Цинчжу чжангуанда цзяошоу баши сун шу яньтао хуэй луньвэнь цзи 中原與域外：慶祝張廣達教授八十嵩壽研討會論文集 / Отв. ред. Люй Шаоли 呂紹理, Чжоу Хуэйминь 周惠民. Тайбэй, 2011. С. 56–67.
- Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы; М., 1995.
- Радлов В.В.* К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. Приложение к LXXII-му тому Записок Императорской Академии Наук № 2. СПб., 1893.
- Радлов В.В.* Из Сибири: страницы дневника. М., 1989.
- Рухлядев Д.В.* Древнетюркские рунические надписи VIII–IX вв. как памятник историографии: генезис жанра и структура текста: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.
- Сергеев Н.Н.* «Элитные» погребальные комплексы тюркского времени в Монголии: итоги и перспективы исследований // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2. С. 60–74.
- Стеблева И.В.* Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971.
- Тенишев Э.Р.* Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // Советская тюркология. 1976. № 1. С. 27–33.
- Тенишев Э.Р.* Язык древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте // ВЯ. 1979. № 2. С. 80–90.
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002.
- Щербак А.М.* Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб., 2001.
- Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 14–56. (а)
- Юдин В.П.* Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукагимуридов в Казахских степях в XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 58–75. (б)
- Aydın E.* Şine Usu Yazıtı. Çorum, 2007.

- Bazin L.* Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest, 1991.
- Deér J.* Pogány magyarság, keresztény magyarság. Budapest, 1938.
- Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston, 2004.
- Giraud R.* L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680–734). Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale. P., 1960.
- Lung R.* Was it Translated: Türkish Diplomatic Correspondence to China in Medieval Times // TTR: traduction, terminologie, redaction. 2008. Vol. 21, no. 2. P. 163–190.
- Mackerras C.* The Uighurs // The Cambridge History of Early Inner Asia: From Earliest Times to the Rise of the Mongols. Cambridge, 1990. Vol. 1 / Ed. by D. Sinor. P. 317–342.
- Mert O.* Köl Tigin ve Bilge Kağan Yazıtlarında Yer Alan Ortak Metinlerde Ünsüzleri Karsılayan Karakterlerin Kullanımıyla İlgili Karsılaşılın Farklılıklar // I. Uluslararası Uzak Asya'dan Ön Asya'ya Eski Türkçe Bilgi Söleni, 18–20 Kasım 2009. Afyonkarahisar, 2010. S. 169–190.
- Mert O.* Köl Tigin ve Bilge Kağan Yazıtlarının Ortak Metinlerinde Anamlı Elemanlar Düzeyinde Karşılaşılın Farklılıklar // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi. 2016. Cilt 42. S. 137–152.
- Mert O., Albayrak F.* Köl Tigin ve Bilge Kağan Yazıtlarının Metinlerinde Ünlülerin Yazımıyla İlgili Karşılaşılın Farklılıklar // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. 2013. Sayı 2/2. S. 86–115.
- Ôsawa T.* Aspects of the relationship between the ancient Turks and Sogdians – Based on a stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris II'iç Marşak on the Occasion of his 70th Birthday / Ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. Venezia, 2006. P. 471–504.
- Roux J.-P.* La religion des Turcs de l'Orkhon, des VIIe et VIIIe siècles // Revue de l'histoire des religions. 1962. T. 161, N 1. P. 1–24 (a); 1962, N 2. P. 199–231 (b).
- Rybatzki V.* Punctuation rules in the Toñuquq inscription? // Studia Orientalia. 1999. Vol. 87: Writing in the Altaic World. P. 207–225.
- Sinor D.* Central Eurasia // Orientalism & History / Ed. by D. Sinor. 2nd ed. Bloomington; L., 1970. P. 93–119.
- Sinor D.* The Uighur Empire of Mongolia // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / Ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. B., 2000. P. 187–204.
- Sinor D., Geng Shimin, Kychanov Y.I.* The Uighurs, the Kyrgyz and the Tangut (eight to thirteenth century) // History of Civilizations of Central Asia. P., 1998. Vol. 4: The age of achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Pt. I. The historical, social and economic setting / Ed. by M.S. Asimov, C.E. Bosworth. P. 191–214.
- Tryjarski E.* The Unity or Multiplicity of Runic Scripts: An Account of the Attempt to Isolate a South Yenisei Alphabet // Studia Uralo-Altaica. 1997. Vol. 39. P. 365–374.

Vámbéry H. Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.

Yoshida Y., Moriyasu T. The Bugut Inscription (ブグト碑文) // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告) / Ed. by T. Moriyasu, A. Ochir. Toyonaka, 1999. P. 121–125.

Vladimir V. Tishin

A SOCIO-POLITICAL BACKGROUND OF THE ORIGIN OF OLD TURKIC RUNIC WRITING

The article is concerned with the problem of the origin of Old Turkic runic writing as a socio-cultural phenomenon. Some scholars regard the emergence of writing among the Old Turkic peoples as an attribute of a certain level of complexity of society. However, it is not easy to justify the necessity and practical usage of writing in the nomadic societies. Large political units, established by nomads, were based upon tribal organization and, therefore, were fragile and ephemeral. Historical experience was preserved by oral tradition within each tribe. The strength and durability of a political unity under the rule of one of those tribes could be maintained with the help of force of arms or ideology. The conception of over-tribal power is not convincing. The same can be said about the political unity which included most of Turkic-speaking tribes and was headed by the tribe Türk. The qaghans of the so-called First Türk Empire used Sogdian writing system. However, it is difficult to imagine any practical importance of inscriptions on stone made in Sogdian for common nomadic people. It seems that the installation of monuments with inscriptions in Old Turkic during the period of the Second Türk Empire was nothing more than the reproduction of the same practice. These were texts of political content, justifying the greatness of the Türk qaghans. Those who were destined to listen to the speeches of the qaghan included his own relatives, ministers (*buyruq*), and tribal chiefs (*bäg*). It is hardly probable that wider circles of nomadic population used any writing. It is possible that those ministers and, partly, tribal chiefs could transmit to the people the words of the leader. At the same time, inscriptions of the Second Türk Empire were primarily epitaphs. Originally being borrowed from the Chinese, the custom of perpetuation of famous persons in practice put aside the value of these constructions as monuments of writing. These inscriptions reflect the views of the Türk elite on historical realities relevant to the period in which their life and activities took place. They were not a product of historiography as to imply the presence of historical memory and historical consciousness. Also, these texts reflect a nomadic vision of the possibility of the existence of tribal unions under the primacy of only one of them, with which all the other identify themselves. One

can see here a reverberation and a written expression of stereotypes typical for traditional nomadic world view. After the decline of the dynasty of Türk qaghans the chiefs of the Uighur tribe adopted all political traditions of the nomadic empire and continued the development of its institutions. So, a new stage of Old Turkic statehood and Old Turkic culture started. In Uighur period of the history of the steppe empire the writing tradition had a better chance to develop. The early inscriptions of Uighur qaghans are more restrained than those of the Türk ones, in their style and content, but they use the system of time counting based on the Chinese calendar more successively, and the presentation of historical events is more consistent. It is reasonable to assume that the development of written culture in the Uighur period was caused by the adoption of Manichaeism and, even more, by the increase of agriculture and the growth of settled population. It also can be assumed that the Uighurs developed a written tradition using the potential laid by Türk qaghans who could not realize it. The Türks only set the trend, promoting the possibility of the spread of original writing system among the Turkic-speaking population of Steppe Eurasia, which eventually found application in its various corners, but never became the official writing of nomadic empires.

Key words: Old Turkic runic writing, state, tribal organization, Eurasian nomads, historiography, oral tradition

Р.П. Храпачевский

МОНГОЛЬСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ КАК ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ДЕРЖАВЫ ЧИНГИСХАНА И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ

Статья посвящена проблеме государственности у монголов Чингисхана и роли письменности в ее создании. Рассматриваются сведения синхронных монгольских и китайских источников XIII в. касательно данной проблемы. Исследуется их аутентичность, а также приводится критика использования данных источников в литературе без надлежащего анализа. Дается хронология развития письменности у монголов, ее применения в государственной практике в Монгольской империи и в ранний период существования империи Юань.

Ключевые слова: письменность, государство, монголы, уйгурица, письмо Пагсба, «Юань ши», Чингисхан, Хубилай, Монгольская империя, империя Юань

Вопрос о создании монгольской письменности является составной частью дискуссии о характере государства Чингисхана, т.к. наличие полноценно функционирующего государственного аппарата (несомненного признака состоявшейся государственности) невозможно без развитой письменности. Соответственно, решение вопроса о месте письменности у монголов Чингисхана является одновременно и вкладом в дискуссию о характере их государственности. Поэтому так важно рассмотреть имеющиеся спорные моменты. Высказывающиеся иногда мнения об отсутствии ранней письменной фиксации Великой Ясы (например: «в Китае ее текст не был известен». – Скрынникова 1997. С. 44) или, например, об уйгурском как основном рабочем языке писцов Чингисхана и его первых преемников (Там же. С. 41–42) базируются на слабом изучении всего комплекса первоисточников, отражающих ранний этап создания и применения монгольской письменности в начале – середине XIII в.

В настоящей статье в качестве основных источников использованы монгольские и юаньские нарративные памятники и документы:

«Сокровенное сказание монголов» (1240 г., далее: СС, вместе с его китайским переводом 1370-х гг. «Юань-чао биши», ЮЧБШ), собрание сочинений юаньского государственного деятеля и историографа Юй Цзи (1272–1348), свод официальных документов династии Юань «Да Юань шэн-чжэн гочао дянь-чжан» (1257–1322 гг., ЮДЧ); а также династийная история «Юань ши» (1370 г., ЮШ) и записки побывавших в Монголии в 1230-х годах китайских дипломатов Пэн Да-я и Сюй Тина «Хэй-да шилюэ» (1237 г., ХШ). Как дополнительные материалы использованы: династийная история «Ляо ши» (1344 г.), мемориальный текст юаньского литератора Яо Суя (1238–1313), а также исторические записки южносунского автора Ли Синь-чуаня (1167–1243) и сообщения венгерских миссионеров (1237 г.).

Первое упоминание о введении Чингисханом письменности в 1204 г. находится в жизнеописании Тататунги в «Юань ши». Но сведения из него толкуются в литературе двояко: 1) предполагается, что было приказано писать монгольские тексты уйгурскими буквами (большинство исследователей принимает такое толкование); 2) оно понимается так, что монголы стали тогда писать по-уйгурски, т.е. на уйгурском языке (подробнее об этих точках зрения исследователей см.: Кара 1972. С. 17–18; Скрынникова 1997). В действительности в основной части приказа сказано, что Чингисхан

...приказал [Тататунге] после этого обучить царевичей и князей крови писать на государственном языке уйгурскими буквами (ЮШ. С. 3048).

А «государственным языком» в тексте ЮШ, как и в юаньских текстах, назывался монгольский язык. Аналогичный вывод следует из оригинального текста указа Хубилая «О хождении монгольских знаков», что был «собственноручно дан императором» 17 марта 1269 г. Полный текст этого указа сохранился в составе свода документов династии, в так называемом «Да Юань шэн-чжэн гочао дянь-чжан». Дело в том, что текст указа, приведенный в жизнеописании буддийского наставника Пагсбы в «Юань ши», дан в сокращении и с большими ошибками, что также способствовало сохранению мнения об уйгурском языке как языке канцелярии Чингисхана у ряда исследователей (ниже будет приведен пример ключевого искажения этого указа в версии ЮШ сравнительно с его оригинальным текстом). Примечательно, что Хубилай дает

в этом указе и предысторию введения письменности во времена Чингисхана. Так, указ начинается с момента создания государства Чингисхана «в Северных странах», когда «нравы были просты» и «не было времени создать» собственную письменность, и именно «поэтому взяли для письма образец, то есть уйгурские буквы» (ЮДЧ. С. 3–4). А в тексте жизнеописания Пагсбы в ЮШ последний фрагмент передан искаженно: «поэтому пользовались китайским письмом *кайшу* и уйгурскими знаками» (ЮШ. С. 4518). Именно эта фраза из «Юань ши» и приводила многих исследователей, не обращавшихся к оригинальному тексту указа в ЮДЧ, к неверному пониманию характера той письменности, которой пользовались писцы канцелярии первых каанов (Чингисхана, Угэдэя и т.д.).

Таким образом, с учетом рассказа ЮШ о Тататунге, а также самого заглавия указа, становится очевидным: монголы Чингисхана писали по-монгольски, но уйгурскими буквами, которые «взяли за образец». В анналах правления Хубилая, находящихся в цзюанях 4–17 «Юань ши», приведено резюме этого указа Хубилая, данного во 2-й луне 6-го года Чжи-юань:

В день *цзи-чоу* [17 марта 1269 г.] последовал высочайший указ – обнародовать и ввести в действие по всей Поднебесной изобретенные новые монгольские буквы (ЮШ. С. 121).

Здесь важно отметить, что речь идет именно о «монгольских буквах», хотя это уже второй, после уйгурицы, алфавит для письма у монголов (так называемое квадратное письмо, она же письменность Пагсба, которая мыслилась ее изобретателем, тибетским буддийским наставником Пагсба, как универсальный алфавит для всех основных языков империи – монгольского, китайского, тибетского, тюркского, тангутского и прочих). А использованное здесь слово «новые» не позволяет усомниться, что первый алфавит, т.е. уйгурица (якобы придуманная Тататунгой), тоже считался именно монгольской письменностью (т.е. первой монгольской письменностью и, как далее выяснилось, и ее основной, вплоть до перехода на кириллицу в Монголии в XX в.). В дальнейшем квадратное письмо усиленно продвигалось каанами Юань как основное государственное, но так и не прижилось в качестве монгольской письменности (даже в период Юань, несмотря на множество грозных указов каанов о прекращении пользования уйгурицей в

государственном документообороте, та всё равно широко использовалась вместо письма Пагсба). Поэтому далее по тексту статьи под «монгольской письменностью» всюду будет подразумеваться уйгурица, или, как ее иногда называют в литературе, «уйгуро-монгольское письмо» (Кара 1972. С. 15).

Хубилай, который лично занимался составлением этого указа, хорошо понимал значение письменности не только как важной составной части механизма функционирования государственного аппарата, но и как атрибута независимого государства в рамках сложившихся в китайской ойкумене представлений. А такими атрибутами с самого начала китайской цивилизации и государственности считались название династии, собственная письменность и собственный календарь. Именно по этой причине и кидани, и чжурчжэни, и тангуты создавали свои собственные письменности и календари. Обращение к династийным историям «Ляо ши» (истории государства киданей Ляо) и «Цзинь ши» (истории государства чжурчжэней Цзинь) показывает, что и кидани, и чжурчжэни в самом начале существования своих династий стремились продемонстрировать собственную письменность и делать на ней монументальные и мемориальные надписи. Монголы Чингисхана, в окружении которого были образованные кидани и чжурчжэни (не говоря уже о китайцах), отлично понимали всё это и действовали аналогично. Значение документооборота для функционирования государственного аппарата было быстро усвоено владыками монгольской империи. Так, о каане Мэнгу (правил в 1251–1259 гг.) нам известно из «Юань ши», что

...когда составлялся любой указ или [священное] повеление, государь обязательно смотрел черновики, много раз переделывал [их], пока последний [вариант] не становился приемлемым для него (ЮШ. С. 54).

Сам же Чингисхан сразу после великого курултая 1206 г., объявившего его кааном, по сообщению «Сокровенного сказания», дал такое поручение своему ближайшему соратнику и родственнику Шиги-Хутуху:

Пусть записывают в Синюю роспись «Коко Дефтер-Бичик», связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных «гур-ирген», а равным образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено

мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге (СС. С. 160).

Следующим важным аспектом рассматриваемой проблемы является изучение процессов внедрения, использования и обучения монгольской письменности в интересах государства. Уже в приведенном первом свидетельстве о ней, т.е. в тексте жизнеописания Тататунги, говорится о поставленной Чингисханом задаче обучения монголов письменности с помощью уйгуров, владевших как монгольским языком, так и своей графической системой. Разумеется, на первом этапе это обучение касалось сыновей самого Чингисхана и его ближайших родственников, как следует из приведенной выше цитаты. Но позже есть известия и о других, кроме Тататунги, уйгурских учителях при дворе Чингисхана. Так, об уйгуре Кара-Икачибере и его сыне рассказывается в их жизнеописаниях в «Юань ши» (ЮШ. С. 3046), что они обучали следующее молодое поколение (т.е. внуков Чингисхана и других знатных монголов, их ровесников). Косвенные свидетельства о монголах, владевших письменностью еще до 1204 г., имеются в XIII и некоторых других источниках. Так, кэрэит Чинкай, занимавший при Чингисхане высокое положение и ведавший канцелярией, владел уйгурицей (XIII. С. 2а–2б). Следует отметить, что, по свидетельству очевидца, использовалась она, например, в предельно практических, управленческих целях – для контроля за другими чиновниками, в лояльности которых могли быть сомнения:

Кроме того, на задней стороне листов [документов], после даты Чинкай лично пишет уйгурскими буквами: «Передать тому-то и тому-то». Вероятно это специальная мера предосторожности к [Елюй] Чуцаю, потому что эти слова, [записанные] уйгурскими буквами, являются контролем. Если их не имеется, то официальный документ недействителен. Вероятно, так хотят использовать это визирование со стороны Чинкай, чтобы было возможным вести взаимопроверку (XIII. С. 8б).

Выше уже цитировался пассаж из СС о Шиги-Хутуху, из которого следует, что тот не только владел монгольской письменностью, но и уверенно пользовался ею для важных административных и судебных дел уже в первом десятилетии XIII в. Отметим также, что монгол Хо Юаньцзе, создавший ЮЧБШ, дал там свой пересказ данного фрагмента СС по-китайски в таком виде:

...то, что было решено [на суде], – записывать на синих тетрадах, так чтобы потом не было никого, кто бы изменил [решение] (ЮЧБШ. С. 396).

Таким образом он подчеркнул одну из главных причин необходимости вести записи: чтобы решения власти никто не мог произвольно толковать и менять. Очевидно, это отражает и соображения самого Чингисхана в пользу обучения грамоте своих детей и ближнего окружения.

Создавая свое государство как, в первую очередь, военную машину, Чингисхан, разумеется, не мог не воспользоваться возможностями, которые давала письменность для военного и разведывательного дела. Есть очень интересное и подробное сообщение об этом, которое сохранено южносунским автором Ли Синь-чуанем. В своем собрании исторических заметок «Цзянь-янь илай чао-е цзацзи» («Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] произошедших с периода правления Цзянь-янь»), которые базировались на сунских официальных документах, он сообщает следующее:

В третью ночную стражу [11 часов ночи] 9-го дня *цзя-суй* начальной луны 7-го года [девиза правления] Цзя-дин [20 февраля 1214 г.]... обнаружили 3 всадника, переплывшие реку Хуайхэ и направлявшиеся на юг. Пристав береговой [пограничной] службы уезда (*шуйлу сюнь-цзянь*) Лян Ши допросил их о причинах [нарушения границы]. Эти же трое, достав официальные бумаги из кожаного мешка и одну карту земель, нарисованную на шелке, сказали: «Направлены татарским государем Чингисом, чтобы проникнуть в [вашу] землю и спрашивать о войсках» (Ли Синь-чуань. С. 848).

Далее там сообщается, что старшим из этих троих был монгол-переводчик, а остальные двое – чжурчжэнь и китаец (Там же). О понимании монгольской элитой важности карт, письменных реестров войск и тому подобных документов свидетельствуют и сохранившиеся в анналах Хубилая цитаты из победных реляций монгольских полководцев, которые, хотя и относятся к более позднему времени, явно имеют своим образцом преемственную традицию, восходящую к временам Чингисхана и Угэдэя. Так, Ачжу, внук знаменитого Субэдэя, полководца этих двух первых каанов, аналогичным образом докладывал Хубилаю, внуку

Чингисхана, что при сокрушительной победе 18–19 марта 1275 г. при Динзьячжоу у побежденной армии Сун были захвачены «карты, реестры [войск], верительные бирки и печати из ставки главнокомандующего» (ЮШ. С. 162).

Так называемый Чингисов камень (хранится в Эрмитаже) с высеченной надписью о собрании всего рода Чингисхана, датированный 1225 или 1226 г. (о нём см.: Кара 1972. С. 56, 186), представляет другое важное применение письменности – мемориальное. Создание Чингисова камня вызвано ровно теми же соображениями, что были и у Абаоцзи, основателя киданьской империи Ляо, когда он, установив свою власть в районе будущего Каракорума, «приказал стесать древнюю стелу Пиэ-кагана и киданьскими, тюркскими и китайскими письменами [заново] записать его подвиги» (ЛШ. С. 20). Заметим еще, что перенесение на камень не только мемориальных записей, но текста различных документов было в Монгольской империи и в Юань обычным делом. До нашего времени в камне сохранились не только тексты различных иммунитетных грамот (в основном для религиозных и вероучительных общин и храмов-монастырей – их сохранность на камне вызывалась чисто практическими соображениями), но и тексты эдиктов ханов в адрес конкретных подданных, которые хотели навечно их сохранить из престижных побуждений (библиографию о корпусе этих текстов см.: Зограф 1984. С. 6).

Таким образом, развитый документооборот каанской канцелярии на монгольском языке неплохо отражен как в нарративных памятниках, так и в сохранившихся актовых материалах (на бумаге или каменных стелах). Поэтому не удивительно, что уже в 1220-х гг. уйгуро-монгольским письмом создавались тексты большого объема – в 1228 г. был записан начальный вариант СС (так называемая «Летопись Чингисхана»), а в 1240 г. он был дополнен так называемой «Летописью Угэдэя» и сведен в единый текст памятника. Первый письменный свод законов также фиксируется под 1229 г., о чем сказано в цзюани 2 ЮШ: «была опубликована Великая Яса» (ЮШ. С. 29), причем из нее приведены значительные выдержки. Письменная фиксация норм права в виде своего рода «кодексов», или исторических фактов в виде летописей, хроник или поденных записей деяний каанов («Дневник двора» и т.п.), – всё это отражало серьезное развитие государственности у монголов первой половины – середины XIII в. Каан Хубилай уже оперировал аналогиями из китайской истории при принятии управленческих решений. И это

не выдумка юаньских панегиристов, а реальные факты, подтверждаемые независимыми источниками. Так, в эпитафии крупному юаньскому сановнику Цзя Цзюй-чжэню (1218–1280), написанной Яо Суем в конце XIII в., говорится про события 1260–1261 гг.:

Последовал [за Хубилаем] в карательную экспедицию на мятежных *ванов* и пересек пустыню, [в ходе чего] имел свободное время и только лишь занимался подробными пересказами Ши-цзу [храмовое имя Хубилая. – *P.X.*] содержания «Цзы-чжи тунцзянь». Этим заслужил доброе отношение от господина [т.е. Хубилая] (Яо Суй. С. 645).

А ведь «Цзы-чжи тунцзянь» («Всеобщее зеркало, правлению помогающее») – это огромный исторический свод, созданный коллективом китайских историков под руководством Сыма Гуана в 1084 г. (он охватывает события периода с 403 г. до н.э. по 959 г. н.э., изложенные в сплошном хронологическом порядке). При этом Цзя Цзюй-чжэнь излагал эти сведения на монгольском языке, что зафиксировано в том же источнике:

Из-за того, что [Цзя Цзюй-чжэнь] отлично говорил на государственном языке, то все, большие и малые, дела государственного управления докладывал на приеме у государя, не пользуясь толмачами (Там же. С. 642).

Понятно, что для таких докладов (как на управленческие темы, так и с историческими экскурсами) требовался уже развитый понятийный аппарат на монгольском языке, а также письменная фиксация огромных объемов информации из переводимых с китайского языка письменных памятников (вроде гигантского труда Сыма Гуана и его сотрудников). Все эти факты иллюстрируют еще один аспект использования монгольскими каанами опыта государств с развитой письменной культурой, перелагаемый в соответствующие монгольские тексты, – понимание ими необходимости знать факты истории в целях более эффективного управления.

Несомненным показателем распространения к 1230-м гг. монгольского письма как в официальном документообороте, так и в частном, является рост потребности в подготовке кадров, т.е. в школах. В 1236 г. Сюй Тин отмечает наличие школ, где учат «уйгурскому письму» и переводам с монгольского (XIII. С. 86).

Поэтому неудивительно, что венгерские миссионеры встречают в 1237 г. монгольского посла, знающего помимо монгольского еще пять языков и имеющего письма к королю Венгрии «языческими буквами... на татарском языке» (Аннинский 1940. С. 84). Степень развития как письменности монголов, так и сложности используемого понятийного аппарата можно оценить по деятельности Чжао Би, одного из высших сановников при каанах Мэнгу и Хубилае. В докладе императору о заслугах Чжао Би юаньский сановник Юй Цзи приводит в том числе сообщение, что, поскольку «в то время государственный язык еще не полностью понимался в Китае, то и не учились еще понимать канонические книги», и потому Чжао Би перевел на монгольский язык «Лунь юй» и другие книги конфуцианского канона (Юй Цзи. С. 43). Иными словами, монгольский язык и письменность уже достигли такого уровня, что могли адекватно передавать сложные литературные и понятийные конструкции китайских классических текстов. В жизнеописании Чжао Би в ЮШ, автор которого использовал иные, нежели Юй Цзи, первоисточники, есть и другие важные детали: Чжао Би специально изучил монгольский язык по приказу Хубилая, в то время еще не бывшего кааном, а потом сделал перевод указанных книг, чтобы по ним обучать монгольских юношей на их родном языке (ЮШ. С. 3747). Иными словами, в этих сообщениях отражается наличие школы, где монголам из властной верхушки Монгольской империи преподавали переведенные на монгольский язык основы китайской классики, заточенной на обучение искусству государственного управления.

Сличение вышеприведенных данных с сообщениями «Основных записей» жизни Хубилая в ЮШ позволило определить дату этих событий – около 1244 г. Позднее школы уже стали массовыми, о чем есть сообщение в анналах Хубилая:

В день *цзи-сы* [24 августа 1269 г.] [Хубилай] учредил во всех областях училища монгольской письменности (ЮШ. С. 122).

Также появилось специальное училище для элиты, причем не только из монголов:

В день *гуй-ю* [28 августа 1269 г.] [Хубилай] учредил Государственное училище (Там же).

Для последнего Хубилай

...[приказал] зачислить в ученики тех, кого избрать из числа сыновей и внуков придворных, различных чинов, близких к государю монголов и ханьцев, а также из обладающих талантами (Там же. С. 135).

Немного позже дело дошло и до академии Ханьлинь, где в 1275 г. Хубилай

...учредил подразделение специально ведающее монгольской письменностью, назначив его главой придворного советника и действительного члена академии Ханьлинь (*сюэши чэнчжи*) Садамэдэра (Там же. С. 165).

Причем тем же указом предписывалось:

...готовить к изданию династийные истории (*гоши*), редактировать и проверять [на точность] высочайшие указы и рескрипты, подготавливать советников [государя]; ее главой ставился придворный советник и действительный член академии Ханьлинь (*сюэши чэнчжи*) Харахасун, который одновременно отвечал и за составление «Дневника событий двора» (*цицзюйчжу*) (Там же).

Оба названных лица, Садамэдэр и Харахасун, были монголами, и осуществление их обязанностей, названных в указе Хубилая, велось на монгольском языке и фиксировалось монгольским письмом.

Таким образом, сведения источников позволяют выстроить следующую хронологию событий, связанных с использованием монгольской письменности в государственных целях, ее развития и системы обучения:

1204 г. – приказ Чингисхана Тататунге об обучении письменности членов «золотого рода»;

после 1206 г. – уже используются книги для фиксации повинностей и судебных дел;

1225/26 г. – мемориальный Чингисов камень;

1228–1229 гг. – записана «Летопись Чингисхана» и опубликована Великая Яса;

1236 г. – китайские дипломаты отмечают наличие школ, где обучают письменности и переводу на монгольский язык;

1240 г. – скомпонован полный текст «Сокровенного сказания»;
после 1244 г. – ведутся переводы на монгольский язык книг конфуцианского канона и обучение по ним молодежи из монгольской элиты и окружения каана в специальных школах и училищах;

в 1269 и 1275 г. учреждено высшее Государственное училище, а при академии Ханьлинь создано подразделение, ведающее монгольской письменностью и занимающееся созданием династийных историй, документов двора и правительства на монгольском языке.

Приведенные данные позволяют считать, что Чингисхан стал внедрять письменность среди элиты монголов для практических, государственно-административных и военных нужд фактически одновременно с объявлением в 1206 г. своей военной державы *Еке Монгол улус* (т.е. «государства всех монголов»). Преемники Чингисхана активно продолжали и развивали этот процесс.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3.

Зограф И.Т. Монголо-китайская интерференция. М., 1984.

Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972.

Ли Синь-чуань – 李心傳 建炎以來朝野雜記, 北京: 中華書局出版, 2010 (*Ли Синь-чуань*. Цзянь-янь илай чао-е цзацзи [Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] произошедших с периода правления Цзянь-янь]. Пекин 2010).

ЛШ – 遼史, 北京: 中華書局出版, 2013 (Ляо ши. Пекин 2013).

ХШ – 膨大雅, 徐霆 黑韃事略 // 海寧王靜安先生遺書, 第37冊 (*Пэн Да-я, Сюй Тин*. Хэй-да ши-люэ [Краткие известия о черных татарах] // Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина. Чанша, 1940. Т. 37).

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.

СС – *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un niġuġa tobġiyan*. Юань чао би ши (Монгольский обыденный сборник). М.; Л., 1941. Т. 1: Введение, перевод, тексты и глоссарии.

ЮДЧ – 大元聖政國朝典章 (Да Юань шэн-чжэн гочао дьянь-чжан. Пекин, 1998).

Юй Цзи – 虞集 文集 // 全元文, 第26冊, 南京: 鳳凰出版社, 2004 (*Юй Цзи*. Собрание сочинений // Цюань Юань вэнь [Полное собрание литературных текстов Юань]. Нанкин, 2004. Т. 26).

- ЮШ – 元史, 北京: 中華書局出版, 1997 (Юань ши. Пекин, 1997).
- ЮЧБШ – Юань-чао би-ши (Секретная история монголов) [元朝秘史]. 15 цзюаней / Изд. текста и предисл. Б.И. Панкратова. М., 1962. Т. 1.
- Яо Суй – 姚燧 參知政事賈公神道碑// 全元文 第9冊, 南京: 江蘇古籍出版社, 1999 (*Яо Суй*. Цаньчжи чжэнши Цзя-гун шэньдаобэй [Стела на пути духа советника канцлера по политическим делам господина Цзя] // Цюань Юань вэнь [Полное собрание литературных текстов Юань]. Нанкин, 1999. Т. 9.

Roman P. Khrapachevsky

THE MONGOLIAN WRITING AS A STATE-FORMING FACTOR FOR THE POLITY OF GENGHIS KHAN AND HIS SUCCESSORS

The paper is dedicated to the beginnings of the Mongolian State under Genghis Khan and his successors, and to the role of writing in the establishment of this state. The evidence of 13th-century Mongolian and Chinese sources is analyzed. The reliability of this evidence is checked, and some attempts at its uncritical usage are criticized. For example, the author argues that there is a difference between the phrasings of *Yuan shi* basically used by the scholars, and the original text of Kubilai's decree on the introduction of Phags-pa script (with its preface retelling the story of the development of Uighur-Mongolian writing system). This helps the author to more accurately define the character of the Mongolian writing introduced in the first decade of the 13th century. The author also collects the earliest written evidence on the usage of writing in Genghis Khan's Mongolian State: in warfare and intelligence, in courts, for immunity charters, for commemoration, for recording the events at rulers' court, for historiography. Most of fragments of Chinese sources are translated into Russian for the first time. In conclusion, the author presents a chronological table of the main events in the development of writing in the Mongol State and the early Yuan Empire.

Key words: writing, state, Uighur writing system, Phags-pa writing system, *Yuan shi*, statehood, the Mongols, the Mongolian script, Genghis Khan, Kubilai, the Mongolian Empire, the Yuan Empire

Е.А. Мельникова

РУНИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ
НА ПЕРИФЕРИИ СКАНДИНАВСКОГО МИРА.
ЧАСТЬ I: ОСТРОВА СЕВЕРНОЙ АТЛАНТИКИ¹

Исследование памятников рунической письменности, сохранявшейся на островах Северной Атлантики, колонизованных скандинавами в IX–X вв., вплоть до конца XV в. (в Исландии – до XX в.), показывает, что ее распространение и широкое применение происходит в XII и особенно в XIII в. Известно лишь около 10 надписей предшествующей эпохи. В результате тесных экономических, политических и культурных связей с Норвегией на островах усваиваются норвежские средневековые практики использования рунического письма как бытового (прагматического) средства коммуникации. Так же, как в Норвегии, на островах возникает практика вырезания рунических надписей на надгробиях (особенно в Исландии), на бытовых предметах, на деревянных стержнях и плашках. Так же, как в Норвегии, происходит смешение национальных и латинского языков – особенно в надгробных надписях и в молитвенных текстах. Изменения в графике рун и модификации рунического алфавита в островных надписях отражают соответствующие явления в Норвегии. Вместе с тем в каждом из регионов использование рунического письма имеет свои особенности. Наиболее широкое применение оно нашло в Гренландии, где известно около 160 надписей, монограмм и отдельных рунических знаков по преимуществу на бытовых предметах и деревянных стержнях. Подавляющее большинство надписей и монограмм носит молитвенный характер. В Исландии треть надписей составляют надгробные, на Оркнейских островах представлены прежде всего надписи на камне – мемориальные стелы и граффити на стенах неолитической гробницы Мейсхау. Угасание рунической письменности на островах синхронно ее исчезновению в Норвегии.

Ключевые слова: письменность, руническое письмо, Скандинавия, Норвегия, Исландия, Гренландия, Фарёрские острова, Шетландские острова, Оркнейские острова

Экспансия скандинавов в эпоху викингов (конец VIII – середина/конец XI в.) имела одним из результатов распространение скандинавских культурных традиций в областях их расселения.

¹ Статья написана в рамках работы по гранту РФФИ № 18-09-00519.

Это в первую очередь касается незаселенных или почти незаселенных до того островов Северной Атлантики: Исландии, Гренландии, Фарёвских, Шетландских и Оркнейских островов, которые были обжиты по преимуществу выходцами из Норвегии, но также и территорий, где скандинавы основали свои колонии: Ирландии (наиболее устойчивым было поселение в Дублине), восточной (севернее Темзы) и северной (с центром в Йорке) Англии, северо-восточной Шотландии (графство Кейтнесс), северо-восточной Франкии (Нормандия), а также в Поморье и Восточной Европе. Наряду с материальными свидетельствами пребывания здесь скандинавов, и в Ирландии, и в Англии, и во Франкии сохранились следы культурного влияния скандинавов в топонимии и ономастиконе, в Англии – также в лексическом составе, морфологии и синтаксисе древнеанглийского языка. Среди других проявлений скандинавской культуры значительное место занимает скандинавская руническая письменность.

Зародившееся, вероятно, уже в I в. н.э. и широко распространившееся в Европе во II–III вв., германское руническое письмо к началу эпохи викингов претерпело существенные изменения: рунический алфавит сократился с 24 до 16 знаков, изменилась графика многих рун и их фонетические значения, расширились функции письма, возникли локальные (англо-фризские) и, видимо, функциональные (полноветвистые, коротковетвистые, «хельсингские» руны) варианты письма. На протяжении IX–XI вв. руническое письмо продолжает развиваться, и в XII в. приобретает новые, средневековые формы, частично под влиянием латинского письма.

Распространение рунической письменности в разных Скандинавских странах и в разные отрезки времени было неравномерным. В VIII–X вв. в Дании и в принадлежавших Дании южных областях современной южной Швеции, Сконе и Блекинге, возникает практика установки мемориальных (но, как правило, не связанных с погребениями) камней с формульными надписями: «X установил (велел установить) этот камень по Y, своему отцу (брату, сыну)», иногда дополненными какими-либо сведениями об умершем (Moltke 1985). В Норвегии и Швеции в это время памятников мало, однако в Швеции, и особенно в Свеаланде, количество памятников резко увеличивается с конца X в. Известно около 3000 шведских мемориальных стел конца X – XI в., из которых более 1000 происходят из Уппланда (Jansson 1987). К X–XI вв. относится около 50 мемориальных камней из Норвегии (Spurkland 2005). В XII в. практика воздвижения стел выходит из употребления, однако руническое письмо продолжает

использоваться, но уже в другом культурном контексте. С IX в. появляются первые «бытовые» («прагматические»: Schulte 2012) надписи на деревянных стержнях², костях животных, бытовых предметах, число которых резко увеличивается в XII–XIV вв. Они сосредоточены в городских центрах, прежде всего Норвегии: в Бергене найдено около 650 рунических стержней и бирок, несколько десятков обнаружено в Тронхейме. Наиболее поздние из них датируются XV в. В Швеции бытовых надписей на деревянных стержнях и костях значительно меньше: немногим более 10 в Сигтуне, около 20 в Лунде, Лёдесе и др. Их датировка не выходит за пределы XIII в. Еще раньше руническая письменность выходит из употребления в Дании. Уже в XII в. она здесь практически не используется, хотя известны и более поздние «антикварные» попытки ее употребления: так, ок. 1300 г. руникой был записан на пергамене судебник области Сконе (Frederiksen 2003. P. 819–823). В XV в. руническое письмо полностью теряет свое значение как прагматическое, хотя иногда продолжает использоваться как тайнопись, «антикварное» письмо (Hagland 2013), а также на рунических календарях (вплоть до XVIII в.), и доживает до XIX в. в шведской области Даларна и в Исландии.

На территориях расселения скандинавов в эпоху викингов распространение рунического письма в определенной степени зависело от его бытования на родине переселенцев: норвежцев на островах Северной Атлантики и в Ирландии, данов – в средней Англии и Нормандии, свеев – в Восточной Европе. Однако далеко не только исконными традициями определялось использование руники на периферии, оно зависело от многих других факторов, в том числе от взаимодействия с местными культурными традициями.

В результате интенсивных археологических исследований областей расселения скандинавов в Западной Европе к настоящему времени собран богатый материал, который позволяет делать некоторые выводы о распространении, функционировании и особенностях рунической письменности на периферии скандинавского мира. Представляется целесообразным разделить этот материал на две группы: 1) рунические памятники из областей, заселенных только скандинавами (острова Северной Атлантики), где скандинавская культура не приходила в прямое соприкосновение с культурами других народов; 2) рунические памятники из мест расселения скандинавов среди других народов: на

² Наиболее ранние из них – на стержне из Старой Ладogi, датируемом стратиграфически началом IX в., и две надписи IX в. на деревянных стержнях из Хедебю.

о. Мэн, в Ирландии, Англии, Франкии, Восточной Европе, где были возможны инокультурные влияния и где процессы ассимиляции скандинавов быстрее привели к утрате ими собственной письменности. В настоящей статье будет представлен предварительный обзор памятников рунической письменности первой группы. Интенсивные археологические раскопки последних десятилетий на Оркнейских о-вах, в Исландии и Гренландии в несколько раз увеличили количество памятников рунического письма, что делает возможным некоторые обобщения о его функционировании на периферии скандинавского мира.

* * *

Заселение островов Северной Атлантики началось в VIII–IX вв. в ходе викингских походов в Англию и Ирландию. Большинство островов к моменту появления скандинавов не было заселено или было заселено весьма скудно. Скандинавские колонисты были по преимуществу земледельцами и скотоводами, выходцами из Норвегии. Они принесли на острова западноскандинавский язык, на основе которого в Средневековье развились, наряду с норвежским, самостоятельные фарёрский, оркнейский (норн, который существовал до XVIII в.) и исландский языки, а также социальное устройство и культуру Норвегии эпохи переселения. Общественные и культурные традиции поддерживались на протяжении нескольких столетий тесными связями с Норвегией, включая политическое подчинение ей Фарёрских, Шетландских и Оркнейских о-вов, но и претерпевали со временем определенные изменения. Особенно самобытным было развитие Исландии до ее вхождения в состав Норвегии в 1262 г. Среди других явлений культуры на острова Северной Атлантики была принесена руническая письменность.

1. Фарёрские острова

Уже с начала VII в. острова были заселены выходцами из Северной Шотландии (скоттами) и, возможно, Ирландии, а также из Норвегии. Однако массовое переселение скандинавов на Фарёрские о-ва началось ок. 800 г.³ Первыми скандинавские колонисты прибыли из

³ О заселении и последующей истории скандинавов, поселившихся на Фарёрах, рассказывает исландская «Сага о фарёрцах» начала XIII в. (Færeyinga saga 1987; рус. пер.: Сага о фарёрцах 2007).

Норвегии и из областей по побережью Ирландского моря, северной Шотландии, Оркнейских о-вов. Немногочисленное предшествовавшее скандинавской колонизации население, как считается, покинуло острова в начале IX в. Фарёрские острова стали связующим звеном в системе транспортных коммуникаций между Скандинавией и колониями викингов в Шотландии и Ирландии. В самом конце X в. население островов приняло христианство под давлением норвежского конунга Олава Трюгвасона и вплоть до конца XIV в. оставалось под властью Норвегии (Schei, Moberg 1991).

К 2006 г. на островах было найдено девять предметов с руническими надписями разного времени, от X до XV в. (Stoklund 2005). Две надписи выполнены на мемориальных камнях, еще три – на фрагментах каменных плит (?), три – на деревянных плашках и одна на деревянном «епископском» кресле.

Вероятно, древнейшими, датируемыми палеографически, являются две стелы, сохранившиеся фрагментарно. Первая из них (FR 1)⁴, найденная в Kirkjubøur, содержит надпись, которая читается ...???? **in/āuikuf(i)uniruā** (в Samnordisk runtextdatabas: **----i- uikuf(i) uni ruo**) «...даровал Вигульву мир» (Stoklund 2005. P. 111–112). Контекст надписи неизвестен. М. Стоклунд предположительно датирует ее временем ок. 1000 г., И.С. Йонсен – началом X в. (Ibid. P. 112; Jonsson 1968. S. 214). Вторая происходит из Sandvágur (FR 2). Надпись на ней относится ко времени ок. 1200 г. и сохранилась значительно лучше: **porkæl : onondarsun / austmaþrafruha / lande×bygþe (:) þe(n) / a : sap : fyst** («Торкель Онундсон, человек с востока (*austmaðr*) из Рогаланда, поселился первым на этом месте»: Stoklund 2005. P. 113–114). Поскольку заселение Sandvágur началось несколькими столетиями раньше, то предполагается, что потомки первопоселенца на рубеже XII и XIII столетий увековечили память о своем предке и, возможно, тем самым подтвердили свои права на занимаемый ими участок (Sawyer 1988).

На двух небольших каменных фрагментах, назначение которых неизвестно, сохранились лишь небольшие обрывки надписей. На первом из них (FR 5, из Skúvoy) осталась часть надписи, которую М. Стоклунд приводит в своем чтении: **...isli / ...gisl(a) / ...mer** и в чтении Х. Уильямса **isli / gisl(a)... / ...mer** (Stoklund 2005. P. 116)⁵. В обоих случаях уверенно читается имя *Gísli* (в асс.) и

⁴ Обозначения надписей приводятся по шведскому электронному каталогу рунических надписей Samnordisk runtextdatabas (<http://www.nordiska.uu.se/forskn/samnord.htm>).

⁵ Чтение Х. Уильямса было предложено им устно при осмотре памятника.

предположительно глагол *merka* «помечать». Поскольку на камне левее надписи вырезан крест, то предлагаемые интерпретации надписи – «Исли Гисласон пометил [крест] (или: написал)» или «Исли/Ислей[в] [и] Гисла/Гисласон пометил/пометили (или написал/написали)». На втором фрагменте (FR 7, из Leirvík) высечена надпись + **olafr** – личное имя Олав (Ibid. P. 119). Возможно, надпись связана с захоронениями на близлежащем средневековом церковном кладбище. Третий фрагмент камня, утерянный, но вновь обнаруженный в 2003 г., из Froðba (FR 9), содержит несколько хаотически расположенных обрывков надписей и руноподобных знаков, среди которых читаются **lini**, **?arkr**, **(t)a(i)** и **fu**. Все три надписи относятся к средневековому периоду, но их более узкая датировка невозможна.

В отличие от мемориальных камней Дании, Швеции и Норвегии ни одна из обнаруженных стел не связана с увековечиванием памяти об умершем жителе Фарёрских о-вов. Первые две надписи запечатлевают некие события, важные для островитян, третья, согласно предложенным чтениям, – является распространенной «авторской» формулой, удостоверяющей сам факт нанесения надписи.

Наряду с камнями, рунические надписи выявлены на трех деревянных предметах, найденных при археологических раскопках и потому имеющих достаточно точные стратиграфические датировки. Две небольшие плашки были обнаружены в 1980 г. при раскопках в местечке Eíði на о. Эстурой. Старшая из них (FR 4) и, возможно, древнейшая на Фарёрских о-вах, была найдена в развалах длинного дома, вероятно, XI в. На ней вырезана часть коротковетвистого футарка: **fuþorkhniastb(l)...** (Stoklund 2005. P. 114–115). На второй (FR 3), вероятно, несколько более поздней и представлявшей собой бирку, была прорезана серия рун **mklobi u**, от которой после консервации сохранилась лишь одна руна **u** (Ibid. P. 115). Надпись не поддается интерпретации. Третий предмет, вероятно, стержень (FR 8), обнаружен при раскопках в Leirvík, также на о. Эстурой, в настилах пола, предварительно датированных 1100–1200-ми гг. (Stoklund 2005. P. 119–120; 1996). Надпись сильно повреждена. На стороне А сохранились руны **...iksharþr**, возможно, личное имя *Vigsharðr*, неизвестное по другим источникам. На стороне В имеются следы знаков, прочитать которые не удастся.

Средневековая надпись имеется также на внутренней стороне «епископского кресла» из Kirkjubøur (FR 6): **(g)(e)fasamik** «**(g)(e)fas** владеет мной» – типичная владельческая надпись, распространенная со старшерунического времени (Stoklund 2005. P. 117–118).

Наряду с читаемыми надписями, имеется некоторое количество предметов с отдельными руноподобными знаками, владельческими знаками (?), крестами и т.п.

2. Шетландские острова

Шетландские о-ва были заселены с эпохи мезолита (1500 лет до н.э.), в конце III в. н.э. вошли в состав королевства пиктов вместе с северной Шотландией. В конце VIII – начале IX в. норвежцы приступили к колонизации островов, в которой участвовали и мужчины, и женщины. Норвежские колонисты занимались земледелием и овцеводством, но острова служили также базой для нападений викингов на северную Шотландию и Ирландию. Судьба предшествующего населения (пиктов по преимуществу) неясна. В самом конце X в. население островов приняло христианство под давлением норвежского конунга Олава Трюгвасона и оставалось под властью Норвегии вплоть до 1266 г. (договор в Перте), когда формально острова перешли под власть короля Шотландии (Schei 2006).

Согласно Samnordisk runtextdatabas, на Шетландских о-вах известно семь рунических надписей, все на небольших фрагментах камня. Две из них не могут быть интерпретированы даже предположительно в силу малого количества сохранившихся рун (Sh 2, Sh 5). Остальные содержат от двух до пяти слов. Важной особенностью читаемых шетландских надписей является употребление в них слова *steinn*⁶ и формул, позволяющих предполагать, что они высекались на мемориальных стелах: A: **...þi----** (+) **-ftir + foþur (:)** **sin (:)** **þurbio-...** / B: **f** (A: «... по отцу своему Турбьёрну») (Sh 3 из Cunningsburgh, о. Мейнленд); **...r : ra(i)s(t)(i) : s...** «...воздвиг камень...» (Sh 4, из Papil, о. Уэст Беппа); + **þenna staen --...(n)-(n) (i)o-...** «...этот камень...» (Sh 6, из Eshanness, о. Мейнленд). На последнем фрагменте имеется также часть надписи латинским алфавитом, возможно HEIC JACET «Здесь покоится». Еще одна надпись (Sh 7, с п-ова Gungstie, о. Носс), возможно, также была высечена на памятном камне: в небольшом сохранившемся фрагменте – **...-þkǫktu...** – М. Барнс предположительно выделяет два слова: *ok* – союз «и» и *dó* – прет. 3 л. ед. ч. от глагола *deyja* «умереть» (Barnes

⁶ Наиболее характерное для скандинавских мемориальных надписей слово (Palm 1992. S. 233–234).

1996). Последний фрагмент (Sh 1, из Cunningsburgh, о. Мейнленд) содержит только личное имя ... **(k)(r)(i)(m)(r)** + ... *Grímr* – Грим.

3. Оркнейские острова

Заселение островов началось по крайней мере в неолите, о чем свидетельствуют многочисленные памятники, в том числе каменная гробница коридорного типа (каирн) Мейсхау на о. Мейнленд. В первой половине – середине I тыс. острова входили в состав пиктского королевства. Их сельскохозяйственное освоение норвежцами началось в конце VIII – начале IX в., одновременно Оркнейские острова стали важнейшей базой для нападений на северо-восток Шотландии (Кейтнесс) и Ирландию⁷. С конца IX в. и до 1468 г. поселения были объединены под властью ярлов, подчинявшихся норвежским конунгам (Crowford 2003; Thomson 2008. P. 24–27). Христианство было принято под давлением норвежского конунга Олава Трюгвасона в самом конце X в.

На настоящий момент известны 33 рунические надписи-граффити на стенах гробницы Мейсхау (Barnes 1994) и 25 отдельных надписей⁸. Топография отдельных находок отражает систему заселения островов: большая их часть сконцентрирована на о. Мейнленд. Из них 17 высечены на камне (шесть – фрагменты мемориальных стел), шесть надписей вырезаны на костях и две – на металлических пластинках. Сохранность памятников плоха: не найдено ни одной цельной надписи, 13 – содержат лишь несколько рун, часто читаемых предположительно, и их интерпретация невозможна. Таким образом, помимо комплекса из Мейсхау, оркнейский комплекс составляет 12 читаемых надписей.

Одна из надписей на камне была, возможно, сделана на мемориальном памятнике того же типа, что были распространены в Швеции и Норвегии в X–XI вв., однако сохранившиеся крайне незначительные фрагменты позволяют интерпретировать ее и как надпись рунографа (OR 18 из Skail Home Farm, о. Мейнленд). На стороне А читается **þurfinr : r--- ---- : --n- : --... ..**, на стороне В – одна руна **k**, при том, что очевидны части еще 15 рун, предшествующих

⁷ О заселении и последующей истории Оркнейских о-вов рассказывается в «Саге об оркнейцах» начала XIII в. (Orkneyinga saga 1913–1916).

⁸ Публикация 20 из них в кн.: Barnes, Page 2006. P. 153–212. Обозначения надписей совпадают в данном издании и в Samnordisk runtextdatabas.

ей. В надписи на стороне А определенно представлено личное имя Торфинн, и по первой руне может быть восстановлен глагол *reisti* «установил» или *risti* «вырезал». Последующая руна **n** может принадлежать как слову *steinn*, так и слову *rúnar*. В первом случае текст гласит «Торфинн установил [этот] камень...», во втором – «Торфинн вырезал ... руны». Предположительная датировка надписи – первая половина XI в. (Barnes, Page 2006. P. 206–210). Надпись OR 6 (о. Brough of Birsay) содержит, наряду с руноподобными знаками, два читаемых слова, выполненных коротковетвистыми рунами: **????? filibus rānru** «Филипп [вырезал] руны». Имя Филипп – христианское, не встречающееся в XI в. и написанное в латинизированной форме (с окончанием *-us*). Датировочных признаков надпись не содержит, и может быть отнесена к Средневековью (Ibid. P. 172). Сходный, но лучше сохранившийся текст содержит OR 14 (Tuquoу, о. Уэстрей): **þorst–n (æ)inar(s) (s)unr : ræist : ru-ar þ(i)sar** «Торстейн, сын Эйнара, вырезал эти руны». Памятник датируется концом XI – началом XII в. (Ibid. P. 200). Аналогичен, видимо, текст на камне OR 17 (из Little Isegarth, о. Сандей): **...n × in : osk(a)-- : r... ..** «...а Асг... вырезал (?)», от которого сохранились лишь первые руны личного имени, вероятно, *Ásgautr* или *Ásgeirr* (Ibid. P. 203–205). Надпись OR 13 (Skara Brae, о. Мейнленд) состоит из трех ветвистых рун (тайнописи) и – другой строкой – трех рун **r-r**. Традиционная интерпретация ветвистых рун основывается на расположении и количестве ветвей: слева расположено число ветвей, соответствующее группе (*æt*) рун, справа – порядковый номер руны в группе (впрочем, этот порядок может меняться). Ветвистые руны надписи могут соответствовать рунам **iba**. Датировка в высшей степени затруднительна, и М. Барнс не исключает возможности того, что надпись была сделана в Новое или Новейшее время (Ibid. P. 193–107). Ветвистыми рунами выполнена также надпись на одном из вертикально поставленных монолитов доисторического круга из камней Ring of Brogar (OR 4, о. Мейнленд). Надпись состоит из двух строк, вторую из которых занимает крест. Поскольку порядок обозначений группы и номера руны в группе мог меняться, а чтение надписи было возможно как слева направо, так и справа налево, то М. Барнс отмечает несколько возможных интерпретаций, указывая, что ни одна не является полностью удовлетворительной (Ibid. P. 161–164). По интерпретации М. Ольсена, тайнопись может быть расшифрована как **biorn**, личное имя Бьёрн (Olsen 1954. P. 164–165). Последняя из надписей на фрагментах камней (OR 23, приход Orphir, о. Мейнленд)

была обнаружена в 2013 г. Она выполнена руническим письмом, но содержит латиноязычный текст: ... **-(s) in silis|santifi(t)s(i)tor** ×... [e]s in caelis sanctificetur «...в небесах освященный...» и датируется средневековым периодом (Samnordisk runtextdatabas // <<http://www.nordiska.uu.se/forskn/samnord.htm>>).

Три фрагмента (OR 8, 9 и 16), возможно, принадлежали одному руническому камню, но несколько рун –...(r)(a)-(s)... *reisti?* «установил» – сохранилось только на первом из них (Barnes, Page 2006. P. 174–176). К надписям на рунических камнях относится также текст OR 10 (приход Ogrþir, о. Мейнленд). Фрагмент был обнаружен рядом со средневековой Круглой церковью (Round Kirk) (Hagland 1993. P. 373). Надпись нанесена на каменную плитку 25 × 12 × 6,4 см, правая часть которой обломана. Надпись **ikirgirgiakopliufsu--**, в которой используется пунктированная руна (**g**), читается вполне отчетливо, однако ее интерпретация затруднительна. В ней с определенностью выделяются три слова: *kirkja* «церковь», *góð* «добрый, хороший» и *liúf* «мягкий, милостивый». Я.Р. Хагланд предложил два возможных чтения ее начальной части **ikir**: *ek er* «я есть церковь хорошая, милостивая [как]...», при котором не согласуются лицо местоимения (1-е л. ед. ч.) и глагола (3-е л. ед. ч.), или *ekki er* «не добра церковь, милостива [как]...». В обоих случаях чтение представляется сомнительным и по содержанию: высказывание от лица церкви (здания) не имеет аналогий, еще менее вероятно поношение церкви (здания? института?). М. Барнс предложил более вероятное чтение, которое, по его мнению, всё же остается предположительным: *eng er kirkja goð[i] ljúf s[em]*... «никакая церковь не угодна Богу [так,] как...» (Barnes, Page 2006. P. 181–187). Надпись, вероятно, датируется второй половиной – концом XII в. (Barnes, Page 2006. P. 187; Hagland 1993. P. 373).

На двух металлических пластинках надписи практически не сохранились: на первой (OR 21, о. Мейнленд) остались следы рун (Gerrard, Barrett 2010. P. 10–11), на второй (OR 22, о. Мейнленд), использованной с обеих сторон, читаются группы рун, которые не поддаются интерпретации: сторона А: **...-rasab-...**, сторона В: **...-iþik-...** Первая пластинка может датироваться XI в., вторая – средневековым временем (Barnes 2011).

В публикации оркнейских надписей на костях животных М. Барнса и Р. Пейджа и, соответственно, в Samnordisk runtextdatabas представлено четыре надписи, однако в предварительном сообщении М. Барнса отмечается, что еще несколько костей, найденных при раскопках

в Earl's Bu (приход Orphir, о. Мейнленд), несут руны или резы, сопоставимые с рунами (Barnes 1998). Из них он приводит три, на которых нанесены более очевидные рунические знаки, которые, однако, не могут быть интерпретированы. Две из этих надписей в сводные публикации не внесены. Таким образом, в Earl's Bu в общей сложности найдено шесть фрагментов костей с руническими знаками.

Надпись (OR 15) выполнена на фрагменте ребра крупного рогатого скота. В первой ее публикации Д. МакКиннелл предложил чтение *-?a : bain : uas : ip.u??-*, которое было затем уточнено М. Барнсом: *...-ta : bain : uas · (i)-(u)-...* «...кость была в...». Последнее слово, от которого сохранились буквы **(h)u**, интерпретировано Д. МакКиннеллом как др.-исл. *þvesti* «плоть, мясо», т.е. «эта кость была в мясе» (MacKinnell 1989). По мнению М. Барнса, сочетание рун **(i)-(u)** допускает большое количество различных толкований, ни одно из которых не может быть признано предпочтительным (Barnes, Page 2006. P. 200–203). Надпись можно датировать XI в. На другом фрагменте ребра крупного рогатого скота (OR 19) сохранились три вырезанные руны: *---ssr*, ни интерпретация, ни датировка которых невозможны (Ibid. P. 210–212). На не включенных в сводные публикации фрагментах костей представлены на одном – руна **o** или **f**, на другом – лигатура **kf** и еще одна руна **k** (Barnes 1997. P. 23).

Начальная часть рунического алфавита **fubork-** нанесена на зуб медведя (OR 11, из Birsay, о. Brough of Birsay). Археологически зуб происходит из ямы с отходами слоя конца IX – X в. и в таком случае является одним из древнейших памятников скандинавского рунического письма на Оркнейских островах. Однако нельзя исключать возможность того, что зуб мог попасть в ранний слой существенно позже, в XII и даже XIII в. (Barnes, Page 2006. P. 187–191). Наконец, на булавке из оленьего рога (OR 12, из Westness, о. Раузи) нанесены три руны **a** или **k** (Ibid. P. 192–193). Датировка неясна, но Samnordisk runtextdatabas относит надпись к эпохе викингов (т.е. до 1200 г.).

Комплекс надписей на стенах неолитической гробницы Мейсхау характеризуется их публикатором М. Барнсом как «легкомысленные средневековые граффити, и то, что в них сообщается, должно приниматься со скепсисом» («most, if not all [the Maeshowe texts], are light-hearted medieval graffiti and... what they say is to be taken with a large pinch of salt»: Barnes 1994. P. 38). Все граффити датируются М. Барнсом, как и его предшественниками, серединой XII в. (Barnes 1994. P. 39), однако М. Барнс с большой осторожностью относится к жесткой привязке надписей к двум случаям

возможного проникновения скандинавов в гробницу. Херманн Пальссон связывал по крайней мере часть граффити с описанной в «Саге об оркнейцах» остановкой отряда ярла Харальда Маддассона (ок. 1134–1206) на Рождество 1153 г. в Orkhaugr (Оркнейском кургане, т.е. Мейсхау) из-за снежной бури⁹. Второй вероятный случай пребывания скандинавов в гробнице – на пути оркнейского ярла Рёгнвальда Кали в Иерусалим в 1151–1153 гг.¹⁰, с чем, вероятно, связана группа из по меньшей мере трех надписей, упоминающих «путешественников в Иерусалим» (*Jórsalafari*): № 14 «Путешественники в Иерусалим вскрыли (*brutu*) курган (*haug*)»¹¹; № 24 «Путешественники в Иерусалим вскрыли Оркхаугр. Хлиф, домоправитель ярла, высек»; и, вероятно, № 22 «Бенедикт сделал этот крест» (Ibid. P. 114–118, 186–190, 165–170). Поскольку в двух надписях говорится о «вскрытии» гробницы, можно предполагать, что крестоносцы ярла Рёгнвальда были первыми, кто проник в Мейсхау, и сделали они это на пути в Святую Землю, т.е. в 1151 г. Археологическое исследование 1861 г. показало, что гробница была вскрыта на вершине холма, в результате чего образовался доступ в ее центральную камеру, где и были сделаны надписи.

О проникновении в гробницу говорится также в надписи № 1, но соотнести этот случай с другими не представляется возможным: «Это викинг (или: Викинг – личное имя)... тогда сошел вниз в это место» (Ibid. P. 61–64).

Значительно менее очевидно соотнесение каких-либо надписей с остановкой ярла Харальда Маддассона двумя годами позже, которая была, судя по описанию «Саги об оркнейцах», весьма короткой: застигнутые бурей, оркнейцы пережидали ее несколько часов и к ночи уже добрались до места назначения. Поэтому следующие группы надписей могли быть оставлены как спутниками ярла Харальда, так и какими-то другими людьми. Первая и самая значительная группа – из семи, по М. Барнсу, – надписей касается некоего «сокровища» (*fǿ*), которое, как полагали писавшие, было скрыто в гробнице или где-то поблизости от нее. Надписи образуют нечто вроде обсуждения проблемы несколькими людьми (возможно, в разное время), причем

⁹ Orkneyinga saga, k. 93. См.: Hermann Pálsson 1962; 1970.

¹⁰ Эта поездка подробно описана в «Саге об оркнейцах» (Orkneyinga saga, k. 86–89) и коротко – в «Саге о сыновьях Харальда Гилли» (гл. XVII) в «Круге Земном» Снорри Стурлусона (Snorri Sturluson 1951). Однако ни в одном из рассказов остановка в Мейсхау не упоминается.

¹¹ Нумерация надписей приводится по изданию: Barnes 1994.

пять из них нанесены на два соседних блока. Надпись № 8 сообщает: «...рассказано мне, что сокровище спрятано здесь достаточно хорошо. Немногие говорят, как Одд, сын Орки, в этих рунах, которые он высек» (Ibid. P. 84–95). Надпись расположена в северо-западной части стены, а в северо-восточной части надпись № 4 утверждает: «Это правда то, что я говорю, что сокровище было унесено. Сокровище было унесено за три ночи до того, как они вскрыли (или: вломились в) этот курган» (Ibid P. 71–77). Обсуждение «сокровища» продолжилось на юго-восточной стене. № 23 говорит о происхождении гробницы: «Этот курган был построен до [кургана?] Лодброка¹². Ее сыновья (?)... Они были отважными; такими были мужами, как они сами» (т.е. такими, какими и следует быть мужам) (Ibid. P. 178–186). Следующая надпись, № 25, переходит непосредственно к теме «сокровища»: «На северо-западе спрятано большое сокровище» (Ibid. P. 190–193); неясно, в северо-западной части самой гробницы или снаружи, к северо-западу от нее. Надпись № 26 уточняет: «Это было давно, когда большое сокровище было спрятано здесь» (Ibid. P. 193–195). Автор надписи № 28 полагает, что «Хакон один унес сокровище из этого кургана» (Ibid. P. 197–203), а автор надписи № 27 как бы завершает обсуждение: «Счастлив тот, кто сможет найти большое богатство (*auð hinn mikla*)» (Ibid. P. 195–197). В какой бы последовательности не были вырезаны эти надписи, они рисуют яркую картину надежд и разочарований «искателей кладов» середины XII в.

Особняком стоит надпись № 20, вырезанная, возможно, исландцем: «Человек, наиболее искусный в рунах на западе океана, вырезал эти руны топором, которым владел Гаук, сын Трандиля, на юге страны» (Ibid. P. 144–158).

Три надписи посвящены женщинам. № 21 восхваляет достоинства некоей Ингигерд: «Ингигерд – самая прекрасная...» (Ibid. P. 159–165). Вторая (№ 9), вероятно, намекает на любовные отношения: «Ингиборг, прекрасная вдова. Много женщин приходили, наклоняясь, сюда внутрь. Большой хвастун. Эрлинг»; мужское имя вырезано ветвистыми рунами (Ibid. P. 95–102). Третья носит откровенно обценный характер: «Торни *. Хельги высек» (Ibid. P. 102–105).

Значительное число (6) надписей составляют личные имена: Торир **fomir** (№ 3), Симон (№ 29), Сигрид или Сигрэд (№ 30), Сигрид (№ 32), вероятно также плохо сохранившиеся № 11 и 31, а также формулы, отмечающие сам факт вырезания рунической

¹² Имеется в виду, очевидно, Рагнар Кожаные Штаны, легендарный викинг X в.

надписи – 10 надписей: «Х вырезал [руны]» (№ 2, 5, 7, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19). В одном случае высечен рунический алфавит **fuporkhniastbynu** (№ 6) (Ibid. P. 79–81).

Большое число рунических надписей на Оркнейских о-вах, основная масса которых не связана с мемориальными камнями, а является спонтанными бытовыми текстами, зачастую не предназначенными для длительного хранения (как, например, на костях), свидетельствует о широкой распространенности здесь рунической письменности в повседневной жизни. Ее употребление охватывает широкий диапазон от XI в. до развитого Средневековья. Графика рун и язык надписей в основном следуют норвежской средневековой практике, что естественно в силу теснейших политических, экономических и культурных связей Оркнейских островов с Норвегией.

4. Исландия

Согласно «Книге о занятии земли» Ари Торгильссона Мудрого, написанной в 1120-е годы, после нескольких случаев, когда норвежцы непреднамеренно оказывались на острове, знатный норвежец Ингольв Арнарсон вместе со своими родичами и домочадцами отплыл на нескольких кораблях к Исландии, чтобы поселиться там постоянно. Он занял землю на юго-западе острова в Заливе Дымов (Reykjavík). По сведениям Ари, переезд Ингольва состоялся в тот год, когда был убит викингами король Восточной Англии Эдмунд Святой, т.е. в 870 г.¹³ К моменту переселения остров был практически необитаем. По сообщениям Ари и саг, здесь жило лишь небольшое число отшельников–кельтов (ирландцев?).

¹³ «Исландия была заселена из Норвегии в дни Харальда Прекрасноволосого, сына Хальвдана Черного, в то время, когда – по мнению и подсчетам Тейта, моего воспитателя (ок. 1044–1110 гг. – *Е.М.*), мудрейшего человека, которого я знал, сына епископа Ислейва, и брата моего отца Торкеля, сына Геллира, который многое помнил, а также Турид, дочери Снорри Годи, которая была очень умной и нежной женщиной, – Ивар, сын Рагнара Кожаные Штаны, велел убить английского конунга Эдмунда Святого. А это было через восемьсот семьдесят лет после рождения Христова, по тому, как написано в саге о нём» («Ísland byggðist fyrst ór Norvegi á dögum Haralds ins hárfagra, Hálfðanarsonar ins svarta, í þann tíð, at ætlun ok tölu þeira Teits, föstra míns, þess manns, er ek kunna spakastan, sonar Ísleifs byskups, ok Þorkels, föðurbróður míns, Gellissonar, er langt munði fram, ok Þuríðar Snorradóttur goða, er bæði var margspök ok óljúgfróð, er Ívarr Ragnarssonr loðbrókar lét drepa Eadmund inn helga Englakonung. En þat var átta hundruð ok sjau tígum vetra eftir burð Krists, at því er ritit er í sögu hans»: Íslendingabók, k. 1).

На протяжении последующего столетия остров был заселен по преимуществу норвежцами, но также скандинавскими колонистами из Северной Шотландии и Ирландии, многие из которых были христианами. Однако их потомки вернулись к язычеству, и христианство было признано официальной религией островитян на альтингге 999 или 1000 г. под давлением норвежского конунга Олава Трюгвасона.

Руническое письмо, как и другие традиционные культурные явления, было принесено на остров норвежцами, однако ни в эпоху викингов, ни в Средневековье широкого распространения в Исландии оно не получило. В каталоге исландских рунических надписей Торгуннур Снайдаль (Þórgunnur Snædal 2002. Bls. 5–67)¹⁴ из 96 текстов только 30 могут быть датированы временем от XI до XV в., остальные 66 относятся к XVI–XIX вв. Подавляющее большинство надписей выполнено на надгробных камнях – к ним относятся практически все поздние и ок. 20 средневековых. Почти все эти тексты содержат начальную формулу *Hér hvilir...* «Здесь покоится...», за которой следует имя покойного¹⁵. Формула «Здесь покоится...» является переводом на исландский язык латинского «*Hic jacet...*», и ее употребление свидетельствует об усвоении исландцами общехристианской погребальной традиции. В нескольких случаях надпись сопровождается просьбой молиться о душе усопшего (№ 15, 16, 29, 41, 47, 51), иногда развернутой: «Здесь покоится Сигрид, дочь Хравна, жена бонда Бьярна, сына Сэмунда. Да украсит Бог ее душу благими надеждами. Тот, кто прочтет написанное, пусть молится о милости для души, поет освященные крестом гимны» (№ 51).

Только семь надписей нанесены на разнообразные предметы и не связаны с погребениями. Древнейшей из них, и вообще среди исландских рунических надписей, является фрагмент текста на обломанном с обеих сторон деревянном стержне из Vídey, Reukjávík, найденном в 1993 г. (№ 56)¹⁶. Надпись расположена на трех выровненных сторонах четырехгранного стержня (четвертая сторона была отщеплена еще в Средневековье, но засечки

¹⁴ Нумерация надписей приводится по этому изданию. Более развернутое описание и исследование надписей см.: Væksted 1942.

¹⁵ Из средневековых надписей таковы № 11, 13, 14, 18, 20, 24–27, 34, 36, 40. Несколько фрагментов надписей содержат только имена (№ 19, 28, 45, 52), но вероятнее всего, это также фрагменты надгробий.

¹⁶ Первое сообщение о находке: Knirk 1994. S. 20. Подробная публикация: Knirk 2011.

на сторонах А и С указывают, что и она была использована для письма). Предложенное Дж. Книрком в первой публикации чтение было пересмотрено Тогуннур Снайдадь, однако в последующем издании надписи, основанной на ее обстоятельном изучении, Дж. Книрк подтвердил свое первоначальное чтение лишь с небольшими уточнениями. Привожу чтения Дж. Книрка и Торгуннур Снайдадь:

А.	– ab:fer:kui:?	ab : fer : kui
В.	– (u)el(þe:)f(uf?)-	iiluek--
С.	– ??at(e):ast:	-ati : ast
	(Knirk 2011. P. 262)	(Þórgunnur Snædal 2002. Bls. 34–35)

Ни первое, ни второе чтение не позволяет надежно интерпретировать надпись, за исключением последнего слова *ást* «любовь». По мнению Дж. Книрка, на стороне А могла быть латиноязычная надпись: *fer qui...* «Принеси! Он...» или «Принеси ему» или *ab-fer...* «Унеси!...». В конце строки В, возможно, сохранилось начало рунического алфавита **fuf**.

Обломок стержня был найден при археологических раскопках на поселении, которое начало функционировать уже в X в. Однако присутствие в надписи пунктированной руны *e* не позволяет датировать ее временем ранее середины XI в. (Knirk 2011. P. 263).

К XII в. относятся две надписи: на деревянной лопате из *Indriðastaðir, Borgarfjarðarsýsla* (№ 69), и на деревянной двери из церкви в *Valþjófsstaður, Norður-Múlasýsla*, упомянутой епископом Брюньельвом в 1641 г. (№ 88). Первая надпись состоит из двух предложений: **boattiamik . inkialtŕ . kærþi** «Пал заказал меня. Ингьяльд сделал» (Þórgunnur Snædal 2002. Bls. 40). Церковная дверь богато украшена резьбой (сама церковь построена ок. 1190 г.)¹⁷. В двух больших медальонах изображены сцены из популярной в Средневековье легенды о рыцаре, убивающем дракона и освобождающем льва, который становится его верным помощником. Легенда была известна в Исландии по роману Кретьена де Труа «Ивейн рыцарь льва», переработанному в виде рыцарской «Саги об Ивейне» (*Ivens saga*)¹⁸. Этот же сюжет включен и в другие рыцарские саги, в том числе в «Сагу о Тидреке Бернском» (Bæksted 1942. S. 189–191). Руническая надпись расположена горизонтально между медальонами и гласит: **----rikiakonong :**

¹⁷ См. подробно историю церковной двери и описание изображения на ней: Bæksted 1942. S. 181–202; Harris 1970.

¹⁸ См. о ней: Blaisdell 1977.

hergrapin : eruadrekaþæna «...могучий конунг здесь вырезан¹⁹, который убивает этого дракона» (Þórgunnur Snædal 2002. Bls. 49–50).

На оселке из Hvammur, Dalasýsla (№ 72), датированном XII–XIII вв., сохранилась часть футарка: **...khniastbmly**. Две другие надписи, относящиеся к XIII в., сделаны на глиняных конических пряслицах. Первая надпись из Hruni, Árnessýsla (№ 60), – владельческая: **þoða : a mig** «Тора владеет мной», типичная для всех периодов существования рунического письма. Вторая, из Stóramörk, Rangárvallasýsla (№ 65), содержит имя *Maria* и полный рунический алфавит: **: mari-afuporkhniastbmly**. Последняя прагматическая надпись – на свинцовой пластинке из Stóraborg, Rangárvallasýsla (№ 66), – состоит из одного слова **bly** «свинец» (Ibid. Bls. 41, 36–37, 38–39, 39).

Надписи XIV–XV вв. в основном являются надгробиями с той же формулой, что и более поздние: *Hér hvilir...* «Здесь покоится...», также с дополнениями (например, № 16: «Здесь покоится Йон, сын Гиля сына Финна. Прочти *Pater noster* один раз за его душу») (Ibid. Bls. 19). Первые слова популярной молитвы написаны рунами, но на латинском языке: **p-ter . noster**). На трех фрагментах камней сохранилось одно личное имя: Торстейн (№ 19), Грим (№ 28), повторенное дважды, и Хельга (№ 46). Еще одна надпись настолько повреждена, что ее интерпретация невозможна (Ibid. Bls. 20, 24, 30).

Таким образом, принесенное норвежцами в Исландию руническое письмо в повседневной жизни распространения не получило: сохранилось лишь семь бытовых надписей разного содержания (две содержат рунический алфавит) от пяти столетий, что несопоставимо мало в сравнении с самой Норвегией. Однако к XIV в. сложилась устойчивая традиция использования рунического письма в иной сфере – погребальном обряде. Наряду с большим числом латиноязычных надписей на надгробиях (нередко с дополнениями на исландском языке), сохраняется практика выполнения исландскоязычных надписей, выполненных руническим письмом. Эта практика, в отличие от всех Скандинавских стран, доживает до XX в.

¹⁹ Слово **grapin** является причастием *grafinn* от глагола *grafa* «копать», которое имело также значения «хоронить» и «вырезать».

5. Гренландия

Заселение Гренландии²⁰ началось ок. 985 г., когда осужденный на изгнание из Исландии за убийство Эйрик Рыжий с семьей, домочадцами и скотом отправился на незаселенный (лишь в северной части освоенный эскимосами) остров, видимый с вершин гор западной Исландии (280 км от исландского берега). Льды заставили его высадиться на юго-западном побережье Гренландии, где он основал усадьбу Браттахлид, вокруг которой впоследствии разрослось обширное Восточное поселение (совр. Юлианехоб, или Какортук) вблизи г. Нарсарсуак. На протяжении XI в. к северу от Восточного сложилось второе, Западное поселение (Готхоб до 1979 г., сейчас Нуук), между ними позднее возникло Среднее поселение. На этих поселениях археологически исследовано ок. 600 усадеб и пять приусадебных церквей, где обнаружено большинство предметов с надписями. В период расцвета население Гренландии насчитывало ок. 2500 жителей одновременно. Христианство было принесено на остров исландскими поселенцами, и в 1126 г. в Гардаре (совр. Игалику) было учреждено епископство. Вероятно, из-за изменения климата (похолодания) гренландские поселения частично вымерли (чему особенно способствовала эпидемия чумы середины XIV в.), частично были оставлены жителями во второй половине XIV – XV в. из-за миграции эскимосов на юг (Karlsson 2000).

Традиции рунической письменности были перенесены в Гренландию исландскими поселенцами, т.е. восходят к норвежской практике. Значительная часть надписей сохранилась фрагментарно или состояла из 1–3 рун и потому не может быть интерпретирована. Поддающийся же интерпретации корпус надписей (55, по подсчету Л. Имер: Imer 2017. P. 35) свидетельствует, что развитие и распространение письма пошло иным путем, нежели в Исландии. Во-первых, сохранилось значительно большее количество предметов с руническими надписями или руноподобными знаками: ок. 160 за время существования скандинавских колоний, что, впрочем, может быть в определенной степени результатом интенсивных археологических исследований скандинавских поселений

²⁰ О заселении и ранней истории гренландских поселений рассказывается в исландских «Саге об Эйрике Рыжем» (Eiríks saga rauða; рус. пер.: Сага об Эйрике Рыжем 1999) и «Саге о гренландцах» (Grœnlendinga saga; рус. пер.: Сага о гренландцах 1999).

в Гренландии последних десятилетий (Ibid. P. 9–35). Во-вторых, гренландское руническое письмо отличается от исландского сферой его применения: весьма малым количеством надмогильных сооружений, надгробий (всего 7) и надмогильных крестов (12; в Исландии не найдены). Подавляющее большинство надписей сделано на бытовых предметах (93) и деревянных стержнях и плашках, реже – на костях животных (35 и 4 соответственно). В-третьих, по содержанию доминируют «христианские» тексты: обращения к Деве Марии, Иисусу Христу, святым, фрагменты молитв и т.п. В-четвертых, здесь сравнительно много латиноязычных рунических надписей (например, GR 34²¹: **auē : mar : io : grasiabl(e)na** «Радуйся, Мария, благодати полная!»; GR 89: **...(o)ra pr[o nob(i) s | (i)(a)(g)(t)(t)+(l)(g)ran || -(i)(r)-u-- | rfae-l** «Молись за нас... Рафаэль») или надписей, сочетающих латинский и исландский тексты: **(s)jigur a a maria + / m** «Сигвёр владеет. Радуйся, Мария! / М[ария]», GR 37). Наконец, в Гренландии, более чем в любой другой области скандинавского мира, распространились сложные лигатуры, состоящие из трех, а иногда и более знаков, своего рода монограммы имен Девы Марии (крест + руна **m**) и Иисуса Христа (крест + руны **ki**) – по определению Л. Имер (ранее они рассматривались как владельческие знаки).

Надписи на надмогильных памятниках весьма разнообразны. Наряду с принятой в Исландии формулой *Her hvílir*, может быть просто указано имя почившего (GR 63: *Dórfinna*) или принадлежность захоронения (GR 2: «Могила Ингибьёрг»). Надпись на надгробии из Herjolfsnes 12 выполнена латинскими буквами: ...R...N...I...ALPE...EP, но содержала текст на исландском языке: сочетание -ALPE соответствует др.-исл. *hjalpi* «да поможет...» (Imer 2017. P. 236). Надгробия, тем более с латиноязычными надписями, традиционно датируются XIII–XIV вв. (Ibid. P. 56–58). Поминальные стелы, типичные для Швеции и Норвегии XI в., не представлены совсем.

Деревянные кресты получили в Гренландии широкое распространение. Только в Herjolfsnes, где было раскопано большое христианское кладбище, найдено 58 крестов, из которых на девяти были нанесены рунические надписи на исландском и латинском языках (Ibid. P. 58–62). Позднейшие находки в местах,

²¹ Нумерация надписей приводится по Samnordisk runtextdatabas. В случае отсутствия надписи в Samnordisk runtextdatabas указывается страница издания: Imer 2017, в котором надписи не имеют сквозной нумерации.

не связанных с захоронениями, показали, что деревянные кресты устанавливались не только на кладбищах. Исходя из норвежских аналогий (в Швеции и Дании подобных находок нет), практика воздвижения деревянных крестов возникла, возможно, в XII в., но большинство известных гренландских крестов датируются XIII и XIV вв. Радиоуглеродные датировки кладбища в Herjolfsnes относят его функционирование к концу XIII – первой половине XV в. Надписи на крестах разнообразны. Пять из них содержат только имя «Мария», три – перечни святых и другие христианские надписи (например, GR 13: «Мария, Элохим, Иоаннес, Отец, Иисус, мой Бог, Элои. И сын и Дух»). Надпись на кресте GR 9 сообщает: «Торлейв сделал этот крест, чтобы восхвалить и почтить всемогущего Бога». Молитвы представлены на двух крестах: GR 8 («Всемогущий Бог, хорошо защити Гудлейва», вероятно, покойного, на чьей могиле был поставлен этот крест) и GR 14 («Да поможет [Иисус Христос]. Христос был рожден для нас» на исландском и латинском языках: «... *hjalpi. Kristus natus est nobis*»).

Шесть деревянных молитвенных стержней (типа четок) (Imer 2017. P. 68–69) содержат имена, видимо, их владельцев (*Þórr, Þórðr, Laðvarðr*), латинскую букву М (заменяющую имя Maria?) и две латиноязычные молитвы, обращенные к Деве Марии: «Радуйся, Мария, благодати полная» (GR 34) и «Мария, ты внимаешь словам твоего раба, / чем дала мне надежду (?)» (GR 51).

На предметах домашнего обихода (сосудах, рукоятках ножей и других предметах, крышках и т.п.), пряслицах из стеатита, стеатитовых грузиках для ткацкого станка (в общей сложности 93) и перфорированных стеатитовых плитках неясного назначения (7) подавляющее большинство надписей состоит из сложных лигатур или одной-трех отдельных рун (ок. 65), среди которых есть монограммы, передающие *Ave Maria, Jesus Kristus* (в древнеисландском написании), возможно, имена святых, например Петра или Бенедикта. На стеатитовой ручке вырезана латиноязычная надпись: «Молись небеса Бог / Радуйся, Мария» (GR 62). Вторую по численности группу составляют личные имена (7) и владельческие формулы *X á [mik]* «X владеет мной» (8). На трех предметах вырезаны их названия: «дубинка», «ложка», «днище» (?). Единственная пространная надпись нанесена на шиферную плитку (GR 1), найденную далеко на севере (73° северной широты)

на о. Kingittorsuaq: «Эрлинг, сын Сигвата, и Бьярни, сын Торда, и Эйриди, сын Одда, построили эти гробницы в субботу перед молебственным днем и...». Заканчивается надпись шестью лигатурами (?). По особенностям передачи звуков /p/ и /ð/ ее предположительная датировка – 1200–1250 гг. или позже (Imer 2017. Р. 243).

Надписи на деревянных стержнях, плашках и костях в основном носят тот же характер, что и норвежские бытовые тексты: на них представлены алфавиты (4), возможно, силлабарий с дополнительными словами (GR 76) (Ibid. Р. 251). На другой стороне того же стержня вырезан рунический алфавит, на третьей – повторяющаяся руна **a** и еще какие-то неясные знаки. Он был найден в древнейшей части дома, основание которого датируется временем ок. 1000 г., но который существовал более 100 лет. Не исключено, что упражнение в письме представляет собой надпись на стержне из Qorlortup Itinnera 3 (Ibid. Р. 276): на одной его стороне повторяются руны **(t)tiiiiuiuit(p) iiiiuii(i)**²², на другой – руны **(s)mir(e)n**, которые, по мнению Л. Имер, могут быть искаженным написанием слов *S[ancta] Maria*. На стержне из Garðar 23 на стороне А вырезано слово **runar** «руны», на стороне В – две руны **fi** (Ibid. Р. 194). Китовый череп, попавший во Францию, несет владельческую надпись: «Орм Коза (?) владеет этим черепом кита» (Ibid. Р. 87–88, 244). Три текста имеют христианское содержание: «Он зовется моим единственным Богом всех стран на небе и на земле» (GR 56); «во имя Отца и... / святой Иоаннес» (на древнеисландском языке, Garðar 21); «...благословен плод твоего чрева» (Garðar 22) (Imer 2017. Р. 192–193). Возможно, стихотворный характер (повторяются начальные звуки /h/ и /l/) имеет надпись на двух сторонах стержня из Qorlortup Itinnera 2, интерпретация которой затруднительна. М. Стоклунд предложила следующее условное чтение: *Hér (?) hafa (?) hæliforvar (?) hart... / ...á'k (?) láðgota lyðum (?)... Ræfils (?)* «Здесь хвалебные древа (=воины) имеют... / Я владею людьми лошадей суши (=морскими воинами)... Рэфилс» (Stoklund 1998. S. 10; Imer 2017. Р. 275). Чрезвычайный интерес представляет надпись GR 15, вырезанная на двух соседних сторонах четырехгранного деревянного стержня.

²² Привожу транслитерацию М. Стоклунд (Stoklund 1998. S. 11), отличающуюся от чтения Л. Имер (Imer 2017. Р. 276) только отсутствием в большинстве случаев знака сомнительности чтения – круглых скобок.

Он был найден в углу пустого гроба, захороненного у церкви в Herjolfsnes. Надпись гласит: A: +þæsi : kona : uar : lagþ : firi : borþ : i : groan B: laz : hafe : ær : gupueih : het «Эта женщина была сброшена за борт [корабля] в Гренландском море, которую звали Гудвейг» (Imer 2017. P. 62, 234). Очевидно, Гудвейг умерла во время плавания в Гренландию, но ее родственники (?) имитировали ее погребение, положив в гроб стержень с объяснительной надписью.

Остальные надписи или сильно повреждены, или состоят из нескольких рун, что делает их нечитаемыми.

Датировка надписей крайне затруднительна и неизбежно весьма широка. Подавляющее большинство тех из них, время происхождения которых может быть условно определено по палеографическим данным, норвежским аналогиям или стратиграфии находки (их Л. Имер насчитывает 54: Ibid. P. 33), относятся ко времени после 1200–1250 гг. Лишь одну надпись, на деревянной ручке с вырезанным именем *Helgi*, можно датировать 1000–1150 гг. Шесть надписей на деревянных стержнях из Narsaq, в том числе GR 76, Л. Имер относит к XI–XII вв., и 18 – ко времени от XII–XIII вв. и позже (Ibid. P. 33).

* * *

Судя по опубликованным находкам, руническое письмо на островах Северной Атлантики распространяется лишь через несколько столетий после их заселения – в XII–XIII вв. Количество надписей предшествующего времени ничтожно мало (18?). Древнейшей, может быть, является часть футарка, вырезанная на зубе медведя (OR 11): зуб был найден в слое IX–X вв., но в прорезавшей слой яме, т.е. мог оказаться в ней значительно позже, в XII и даже XIII в. Концом X – началом XI в. датируется мемориальная надпись (но не в честь умершего) на стеле с Фарёрских о-вов (FR 1), первой половиной XI в. – мемориальная стела (в память об умершем или «авторская» подпись) с Оркнейских о-вов (OR 18), серединой XI в. – деревянный стержень из Исландии (№ 56). В целом к XI в. относятся две находки на Оркнейских о-вах: металлическая пластинка с нечитаемой надписью (OR 21), фрагмент ребра с надписью «Эта кость была в...» (OR 15), футарк на деревянном стержне с Фарёрских о-вов (FR 4), две надписи на мемориальных камнях с Шетландских о-вов (Sh 2 и 4) и гренландская надпись с именем Хельги на

рукояти. Концом XI – началом XII в. датируется мемориальный камень OR 14. Наконец, XI–XII вв. датируются семь стержней из Гренландии. Показательно, что среди ранних (XI в.) надписей 5 сделаны на мемориальных камнях, в том числе установленных в память об умершем родственнике, и 11 – на деревянных стержнях и костях, т.е. отражают одновременные формы использования рунического письма в Норвегии.

Хронологическое распределение надписей, как кажется, может свидетельствовать о том, что скандинавы-переселенцы не принесли с собой руническое письмо, хотя, вероятно, некоторые из них владели или, по крайней мере, были знакомы с ним. О том же говорит и почти полное отсутствие широко распространенных уже в X в. в Дании и в XI в. в Швеции и Норвегии мемориальных рунических камней в память об умерших родственниках, но не связанных с захоронениями. Лишь на Шетландских и Оркнейских о-вах найдено четыре (или пять) и один (или два), соответственно, памятника, сопоставимых со шведско-норвежскими. Практика установления надгробий с надписями на национальных и латинском языках (иногда в сочетании того и другого) возникает в Норвегии в XII в., и именно она усваивается островитянами, прежде всего исландцами и гренландцами.

В XII в. на островах, как и в Норвегии, существенно расширяется сфера применения рунического письма – оно проникает в быт, что отражается в увеличении количества «спонтанных» надписей разного содержания на различного рода предметах, в том числе на деревянных стержнях. Показательно, что те изменения в языке и в самом руническом алфавите, которые нашли отражение в островных надписях, в целом соответствуют изменениям, происходившим в самой Норвегии.

Таким образом, распространение рунического письма на островах Северной Атлантики с XII в. и его особенности теснейшим образом связаны с его развитием в Норвегии. Интенсивные экономические и политические связи островитян с «прародиной» обеспечили не только внедрение рунической письменности, но и ее достаточно широкое распространение в крестьянской среде.

Вместе с тем содержание и типы надписей обнаруживают существенные различия в использовании рунического письма в разных регионах.

Типы рунических надписей¹

Материал / тип предмета	Содержание	1	2	3	4	5
Камень	Надгробия				ок. 20	7
	Намогильные стелы ²		4 (+ 1?)	1 (+ 1?)		
	Мемориальные стелы	2				1
	Молитвенные надписи ³			1		
	«Авторские» надписи			3		
	Имена	1			3	
	Разное			1 + 33 (Maeshowe)		
Металлические пластинки			2	1		
Бытовые предметы, в том числе:	Владельческие надписи	1				8
	«Авторские» надписи				1	
	Имена					7
	Молитвенные					1
	Алфавит				1	
	Разное				1	5
Пряслица и формы для их изготовления	Владельческие надписи				1	4
	Имена					1
	Молитвенные надписи					3
	Алфавит				1	
Грузики	Владельческие надписи					1
	Имена					1
	Молитвенные надписи					7
	Отдельные руны					26

Стеатитовые плитки (нечитаемые)						7
Деревянные стержни, плашки и др. предметы из дерева	Алфавиты и силлабарии	1				4 + 1(?)
	Намогильные кресты					12
	Молитвенные надписи					14
	Стихи					1
	Разное				1	2
Кость	Владельческие надписи					1
	Алфавит			1		
	Разное			2		
Всего		9 (-4)	7 (-2)	25 (-13) + 33 (Maeshowe)	30 (-1)	160 (-48)

Примечания

1. Указанные в таблице цифры (особенно гренландских надписей) подчас условны, поскольку плохо сохранившиеся надписи допускают различные интерпретации их содержания. В скобках со знаком минус указано число нечитаемых надписей. 1 – Фарёрские о-ва; 2 – Шетландские о-ва; 3 – Оркнейские о-ва; 4 – Исландия; 5 – Гренландия.
2. Рунические памятники, типичные для Швеции и Норвегии XI в., с формулой «X установил камень (вырезал руны) по...».
3. Собственно обращения к Деве Марии и/или святым, а также лигатуры и сокращения христианского содержания.

На Фарёрских, Шетландских и Оркнейских о-вах главной областью использования рунического письма стали мемориальные стелы разного назначения: намогильные и мемориальные, увековечивающие различного рода события: как смерть родственника, так и основание поселения, получение «мира», воздвижение самого памятника. Практически все надписи на них сделаны на древнорвежском языке – лишь одна (OR 23) содержит латинский текст. Большинство надписей носит светский характер, молитвенной является лишь одна – единственная латиноязычная.

Совершенно иной характер имеет употребление рунического письма в Исландии и, особенно, в Гренландии. На обоих островах письмо находит чрезвычайно широкое применение: находки предметов с руническими надписями не концентрируются в каком-

либо одном-двух местах, а охватывают все заселенные скандинавами области, т.е. руническое письмо здесь становится массовым. Однако если в Исландии после 1200 г. воспринимается норвежская традиция высекания рунических надписей на надгробиях, и они становятся доминирующей сферой применения руники (эта традиция сохраняется вплоть до XX в.), то в Гренландии руническое письмо в полной мере переходит в бытовую сферу: около 80% надписей и отдельных знаков нанесены на предметы домашнего обихода и деревянные стержни. Вместе с тем и в Исландии, и в Гренландии, как и в Норвегии, происходит проникновение латинского «церковного» языка в руническую письменность. Надписи, выполненные руникой, включают, а иногда и полностью состоят из латинских фраз, чаще всего заимствованных из церковного обихода: фрагментов наиболее популярных молитв, обращений к Деве Марии, Иисусу Христу, святым. В Гренландии такие надписи, часто в виде монограмм, занимают особенно большое место.

Синхронно и затухание рунической письменности в Норвегии и на островах: к концу XV в. она повсеместно (кроме Исландии) выходит из употребления, уступив место латинскому письму – именно в это время в Европе распространяется новый материал для письма – бумага (Burns 1996).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Сага о гренландцах / пер. М.И. Стеблин-Каменского // Исландские саги / под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. 1. С. 451–472.
- Сага о фарёцах // Исландские саги / под общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. М., 2007. Т. 2. С. 142–211.
- Сага об Эйрике Рыжем / пер. М.И. Стеблин-Каменского // Исландские саги / под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. 1. С. 473–500.
- Bæksted A.* Islands Runeindskrifter. Kaupmannahöfn, 1942.
- Barnes M.P.* Bone Fragments with Runes from Earl's Bu at Orphir, Mainland // *Nytt om runer.* 1998 (for 1997). № 12. P. 22–23.
- Barnes M.P.* Deerness Runic Inscribed Plate // *Orkney Archaeological Society Newsletter.* 2011. 06 November. S. 7.
- Barnes M.P.* The Runic Inscriptions of Maeshowe, Orkney. Uppsala, 1994. (Runrön; 8).
- Barnes M.P.* Two Runic Inscriptions from the Northern Isles // *Nytt om runer.* 1996 (for 1995). № 10. P. 12–13.
- Barnes M.P., Page R.I.* The Scandinavian Runic Inscriptions of Britain. Uppsala, 2006. (Runrön; 19).

- Blaisdell F.W., Jr.* Introduction // *Erex Saga and Ivens Saga: The Old Norse Versions of Chretien De Troyes's Erec and Yvain* / Transl. by F.W. Blaisdell, M. Kalinke. Lincoln (Na), 1977.
- Burns R.I.* Paper Comes to the West, 800–1400 // *Europäische Technik im Mittelalter. 800 bis 1400. Tradition und Innovation* / Hrsg. U. Lindgren. 4. Aufl. B., 1996. P. 413–422.
- Crawford B.E.* Orkney in the Middle Ages // *The Orkney Book* / Ed. D. Omand. Edinburgh, 2003.
- Eiríks saga rauða / Guðni Jónsson bjó til prentunar // <www.hemskringla.no> (20.12.2018).
- Færeyinga saga / Ólafur Halldórsson bjó til prentunar. Reykjavík, 1987.
- Frederiksen B.* The History of Old Nordic manuscripts IV: Old Danish // *The Nordic Languages: An International Handbook of the History of the North Germanic Languages* / Ed. O. Bandle et al. B., 2003. Vol. 1. P. 819–823.
- Gerrard J., Barrett J.* The Brough of Deerness Excavations 2009. Annual Data Structure Report. University of Cambridge, 2010.
- Grœnlendinga saga (Eiríks saga rauða ok Grœnlendinga þáttur) / Guðni Jónsson bjó til prentunar // <www.hemskringla.no> (20.12.2018).
- Hagland J.R.* Popular Usage of Runic Script in a Local Community in Late 19th Century Central Norway – an Educational Tool or Just a Parade of Secrets? // *Studia historyczne*. 2013. R. 56, z. 3 (223). P. 401–406.
- Hagland J.R.* Two Runic Inscriptions from Orphir, Orkney // *The Viking Age in Caithness, Orkney, and the North Atlantic* / Ed. C.E. Batey, J. Jesch, Chr.D. Morris. Edinburgh, 1993. P. 370–374.
- Harris R.L.* The Lion-Knight Legend in Iceland and the Valbjófsstaðir Door // *Viator*. 1970. Vol. 1. P. 125–145.
- Hermann Pálsson.* Öxi Gauks Trandilssonar // *Samvinnan*. 1962. B. 56/11–12. Bls. 4–5, 42–43.
- Hermann Pálsson.* Farmaður frá Bræðatungu // *Hermann Pálsson. Tólfa öldin*. Reykjavík, 1970. Bls. 44–54.
- Imer L.M.* Peasants and Prayers. The Inscriptions of Norse Greenland. Odense, 2017. Íslendingabók / Guðni Jónsson bjó til prentunar // <www.heimskringla.no> (28.12.2018).
- Ívens saga / Ed. F.W. Blaisdell. Copenhagen, 1979.
- Jansson S.B.F.* Runes of Sweden. Stockholm, 1987.
- Johnsen I.S.* Stuttruner i vikingtidens innskrifter. Oslo, 1968.
- Karlsson G.* The History of Iceland. University of Minnesota Press, 2000.
- Knirk J.E.* Runepinnen fra Viðey, Island // *Nytt om runer*. 1994. № 9. S. 20.
- Knirk J.E.* Runepinnen fra Viðey: Iceland's Earliest Runic Inscription // *Viking Settlements and Viking Society. Papers from the Proceedings of the Sixteenth Viking Congress* / Ed. S. Sigmundsson et al. Reykjavík, 2011. P. 260–270.
- McKinnell J.* A New Find from Orkney // *Nytt om runer*. 1989. № 4. S. 15.
- Moltke E.* Runes and their Origin: Denmark and Elsewhere. Copenhagen, 1985.

- Olsen M.* Runic Inscriptions in Great Britain, Ireland and the Isle of Man // Viking Antiquities in Great Britain and Ireland / Ed. H. Shetelig. Oslo, 1954. Part 6.
- Orkneyinga saga / Udg. ved Sigurður Nordal (Samfund til udg. af gammel nordisk litteratur). København, 1913–1916.
- Palm R.* Runor och regionalitet. Uppsala, 1992. S. 233–234. (Runrön; 7).
- Sawyer B.* Property and Inheritance in Viking Scandinavia: the Runic Evidence. Alingsås, 1988.
- Schei K.L., Moberg G.* The Faroe Islands. L., 1991.
- Schei L.K.* The Shetland Isles. Grantown-on-Spey, 2006.
- Schulte M.* Pragmatic Runic Literacy in Scandinavia c. 800–1300: With a Particular Focus on the Bryggen Material // Epigraphic Literacy and Christian Identity / Ed. K. Zilmer, J. Jesch. Turnhout, 2012. P. 155–182.
- Snorri Sturluson.* Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1951. B. 3. (ÍF; 28).
- Spurkland T.* Norwegian Runes and Runic Inscriptions. Woodbridge, 2005.
- Stoklund M.* Et færøsk runefund // Nytt om runer. 1995 (publ. 1996). № 10. S. 6–8.
- Stoklund M.* Faroese Runic Inscriptions // Viking and Norse in the North Atlantic. Select Papers from the Proceedings of the 14th Viking Congress / Ed. A. Mortensen, S.V. Arge. Tórshavn, 2005. P. 109–124.
- Stoklund M.* Runefund fra Grønland // Nytt om runer. 1998. № 13. S. 10–11.
- Thomson W.P.L.* The New History of Orkney. Edinburgh, 2008. P. 24–27.
- Þórgunnur Snædal.* Rúnaristur á Íslandi // Árbók hins Íslenska fornleifafélags 2000–2002. Reykjavík, 2002.

Elena A. Melnikova

RUNIC WRITING IN THE PERIPHERY OF THE SCANDINAVIAN WORLD. PART 1: THE ISLANDS OF THE NORTH ATLANTIC

The study of runic inscriptions produced up to the end of the fifteenth century on the islands of the North Atlantic colonized by Scandinavians in the ninth and tenth centuries showed that the spread of runic literacy and its wide usage started in the twelfth century only. C. 18 inscriptions are known to be dated to the Viking Age. As a result of tight economical, political and cultural connections with Norway, these are Norwegian medieval practices of the usage of runes that were adopted on the islands. Like in Norway, runes were used to make inscriptions on grave-stones (especially in Iceland), on utensils, on wooden sticks and plates. Like in Norway, the vernacular and Latin languages were mixed in the inscriptions especially in those containing prayers or on grave-stones. Changes in the graphics of runes and the modification of the rune row reflect similar phenomena

in Norway. At the same time the usage of runic literacy in each region has its own peculiarities. It spread widest in Greenland where *c.* 160 objects with inscriptions, bind-runes and individual runes have been found. The predominant number of inscriptions represents different forms of prayers. In Iceland one third of the inscriptions were made on grave-stones. In the Orkney most of the inscriptions are made on memorial stones or on the walls of the Maeshowe cairn. The extinction of runic literacy on the islands is synchronous with its decay in Norway.

Key words: literacy, runic writing, Scandinavia, Norway, Iceland, Greenland, the Faroe, the Shetlands, the Orkney

Т.Н. Джаксон

ОТ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ К ПИСЬМЕННОЙ:
СИТУАЦИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ НОРВЕГИИ
В ОСВЕЩЕНИИ ИСЛАНДСКИХ САГ

На материале «Саги о Хаконе Хаконарсоне» Стурлы Тордарсона (1263–1265 г.), королевской саги «о современности», по классификации Сигурда Нордаля, и пятнадцати саг свода королевских саг «Круг земной» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.), относящихся к «сагам о прошлом», речь в статье пойдет о том, как постепенно в обиход норвежских правителей входило использование писем взамен устных сообщений. Автор ставит своей целью выяснить, как создатели саг в XIII в. ощущали переход от устной коммуникации к письменной, а также сколь глубоко в дописьменное время они относили этот процесс.

Ключевые слова: коммуникация устная и письменная, исландские королевские саги, Норвегия, Исландия, письма, Снорри Стурлусон, Стурла Тордарсон

Крещение Норвегии, начатое конунгом Олавом Трюггвасоном (995–1000), было завершено его преемником и троюродным племянником Олавом Харальдссоном (1014–1028). По выражению автора саги о первом Олаве, монаха Одда Сноррасона, «следует признать, что первый Олав собрал материалы и заложил основы христианства своим трудом, а второй Олав возвел стены» (ÓTóddr. Bls. 272: «Svá er at virða sem Óláfr konungr hinn fyrri efnaði ok setti grundvöllinn kristninnar með sínu starfi, en hinn síðari Óláfr reisti vegg»). В течение XI в. новая религия и христианская церковь постепенно укрепили свое положение в стране, а вместе с ними в страну пришла письменность, сначала на латыни, а затем и на древненорвежском языке. Латинский язык – как язык церкви – стал письменным языком в Скандинавии и в течение некоторого времени оставался единственным (за исключением руни) письменным языком Скандинавских стран. Синонимичными стали понятия «латынь» и «письменность». Для письма на народном языке – исландском, норвежском, датском и шведском – латинский алфавит был применен не сразу после введения христианства. Не поддается

установлению, когда именно это произошло, т.к. древнейшие рукописи на народном языке не сохранились ни в одной скандинавской стране. Но есть основания полагать, что латинский алфавит впервые был применен в Исландии для письма на родном языке в начале XII или даже в конце XI в. (Guðvarður Már Gunnlaugsson 2008. P. 87). Вскоре после 1056 г. епископом Ислейвом была основана первая упоминаемая в источниках школа в Исландии, в Скальхольте. Известно, что в XII в. при кафедральных соборах Нидароса, Бергена и Осло в Норвегии существовали школы, развивались письменная культура и книжность (Mortensen 2000; 2006). Как установил Гудвардур Мар Гуннлаугссон, латынь в Норвегии продолжала использоваться в Средние века параллельно с народным языком. Самая ранняя из сохранившихся норвежских рукописей на латинском языке относится к 1170-м гг., а на древненорвежском языке – примерно к 1210 г. От XIII в. дошло порядка 80 рукописей на народном языке, а от XIV в. – более полутора тысяч (Guðvarður Már Gunnlaugsson 2008. P. 88–89). Что касается внедрения письменности в делопроизводство, то это был процесс небыстрый (см.: Bagge 2010). Как отметил С.Ю. Агишев, «ранний норвежский документальный корпус (до 1 января 1301 г.) представлен 993 грамотами», и только с XIV в. рост количества документов «становится лавинообразным» (Агишев 2016).

Первым норвежским королем, получившим систематическое школьное образование, был живший в XIII в. Хакон Хаконарсон (годы жизни: 1204–1263, годы правления: 1217–1263). Находясь в Бергене на воспитании у вождя биркебейнеров¹ ярла Хакона Галена (1170–1214), будущий конунг с семи до одиннадцати лет посещал Бергенскую кафедральную школу (основанную, как принято считать, в 1153 г. Николасом Брейкспиrom, будущим папой Адрианом IV), а после смерти ярла, при его сводном брате, конунге Инги Бордарсоне (1204–1217), племяннике конунга Сверрира (1184–1202), продолжил обучение в основанной годом ранее Тронхеймской кафедральной школе (Helle 1995; 2009). Этот правитель оставил заметный след в истории своей страны. Он не только положил конец гражданским войнам и привел страну к «золотому веку», но и всячески споспешествовал развитию культуры, литературы, образования.

¹ Биркебейнеры («берестеники») – одна из противоборствующих сторон в эпоху гражданских войн в Норвегии (конец XII – первая половина XIII в.).

Сага об этом короле («Hákonar saga Hákonarsonar»), написанная исландцем Стурлой Тордарсоном (1214–1284 гг.) по приказу сына Хакона, конунга Магнуса Исправителя Законов (1263–1280), охватывает 1203–1263 гг., а в особенности годы правления Хакона. Стурла, как теперь убеждены историки, имел в своем распоряжении богатые и хорошо организованные архивные материалы королевской канцелярии, включавшие более сотни писем, списки участников различных официальных встреч и проч. (Knirk 1993. P. 36), а также использовал воспоминания очевидцев о конунге Хаконе (de Vries 1967. S. 305–306). Первым источник саги проанализировал Х. Кут (Koht 1927), показавший, что ряд фактов в начальной части саги (до 1225 г.) основывается на информации, полученной от окольного конунга Магнуса и законоговорителя Гулатинга, некоего Дагфинна Бонде, умершего вскоре после 1233 г. При этом Х. Кут выявил существование организованной королевской канцелярии в Норвегии примерно с 1204 г. и проиллюстрировал материалом саги, какие именно документы могли быть в этой канцелярии: резюме официальных писем, отправленных и полученных, списки участников официальных мероприятий, отчеты об этих мероприятиях, перечни назначений должностных лиц, дневники королевских путешествий, итинерарии, некрологи и многое другое².

Самое раннее использование слова *bréf* «письмо, послание» (см.: ONP) фиксируется в недатированном (предположительно, 1224 г.) документе от имени короля Хакона Хаконарсона, написанном на древненорвежском языке и содержащем указ о том, что рыболовные угодья в коммуне Эвре-Эйкер, ранее принадлежавшие короне, переходят в собственность церкви, и что отныне крестьянам воспрещается чинить епископу и обитателям монастыря какие-либо препятствия. Король начинает свое распоряжение такими словами: «H[akon] konongr sun H[akonar] konongs sendir bondom oc buþeignum. ollum guðs vinnum. oc sinum þeim er þetta bref sea eða h[oe]yga a Eikium quæðiu guðs oc sina» («Конунг Х[акон], сын конунга Х[акона], посылает привет от бога и от себя всем друзьям бога и своим, тем, кто это письмо увидит или услышит в Эйкьяр») (DN. V. 2. S. 6). Судя по наблюдениям М.В. Панкратовой, эта формула постепенно становится

² О становлении и развитии канцелярий в Норвегии см.: Kongsrud 2011; Агишев 2018.

стандартным зачином королевских посланий на древненорвежском языке; с нее же начинается пролог к судебнику 1274 г. «Ландслову» (Панкратова 2018. С. 219). По подсчетам исследовательницы, в собрании норвежских средневековых документов («Diplomatarium Norvegicum») на период правления Хакона Хаконарсона приходится 27 документов (Там же. С. 215). Это письма «государственного содержания», написанные как на латыни, так и на древненорвежском языке. Их авторами и адресатами выступают короли Хакон IV, Генрих III, Людовик IX, папы римские Григорий IX и Иннокентий IV, норвежский ярл Скули, норвежский архиепископ и различные епископы.

В статье речь пойдет о письмах, но не в значении указа или распоряжения, а в более узком значении частной коммуникации. Источником информации нам послужат «Сага о Хаконе Хаконарсоне» Стурлы Тордарсона (1263–1265 гг.), королевская сага «о современности», по классификации Сигурда Нордаля, и пятнадцать саг свода королевских саг «Круг земной» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.), которые Сигурд Нордаль относил к «сагам о прошлом» (Sigurdur Nordal 1953). Хотелось бы понять, как авторы саг в XIII в. ощущали переход от устной коммуникации к письменной, а также сколь глубоко в дописьменное время Снорри Стурлусон, повествующий о событиях с IX в. по 1177 г., относил этот процесс.

«Сага о Хаконе Хаконарсоне»

В «Саге о Хаконе Хаконарсоне» (Hák) письма упоминаются многократно. По подсчетам Н. Бьёргу, в ней фигурирует 99 писем, из которых 30 адресованы конунгу Хакону, 41 отправлено от его имени, а 28 – это письма других персонажей саги. Исследователь, приводя как внутри-, так и внетекстовые аргументы, утверждает, что большинство из этих писем существовало в действительности и Стурла имел к ним доступ (Bjørge 1967. S. 197–207). С. Багге справедливо подчеркивает, что у нас нет безусловных доказательств существования означенных писем, но тем не менее отмечает стоящий за их упоминанием в саге бесспорный факт: в XIII в. письма стали нормальным (привычным) способом передачи информации (Bagge 2010. P. 374–375). Посмотрим, как письма сочетаются в рассказе Стурлы Тордарсона с устной передачей информации. Обратимся к конфликтной ситуации 1239–1240 гг.,

когда герцог Скули³ провозгласил себя единоличным правителем и короновался в Тронхейме, а затем был убит Хаконом.

Начинается рассказ с того, что двадцать первую зиму своего правления, когда отношения между ним и герцогом только начали обостряться, конунг встретил в Бергене (Hák 215). Зимой он «отправил слово» («sendi ord») на север в Тронхейм герцогу Скули, приглашая того летом встретиться в Бергене, и просил его приплыть с небольшим количеством людей на легких кораблях. Весной конунг перебрался в Вик, и к нему туда приехали друзья. От них он узнал новости («kongr tok þar frettir») с севера страны и среди прочего то, что герцог Скули отпустил двух исландцев, которым конунг пока не разрешал покидать Норвегию. Как только конунг узнал об этом, он тотчас написал письма на север («giordi hann nordr bref») с запретом. Письма пришли («þessi bref komu»), когда эти двое уже были готовы к отплытию, и запрет конунга их не остановил. Итак, согласно саге, приглашение от короля к герцогу уходит устное (видимо, со специально посланными людьми), равно как и информация о герцоге доходит до короля в устных рассказах (на этот раз – его собственных друзей). Ситуация, требующая более официального вмешательства короля – его слова против слова герцога, – вынуждает короля обратиться к письменной коммуникации.

К конунгу приплыл с севера аббат Бьёрн, посланный к нему герцогом Скули, и в ответ на вопросы конунга подтвердил, что герцог приплывет весной, как его о том просил конунг. Аббат пробыл с конунгом долго, «пока готовились те письма, которые конунг собирался отправить» («medan bref þau voru buinn, sem kongr sende»). Но тут к конунгу приплыл один бонд из Тронхейма и рассказал такие новости («ok sagdi þau tidende»), что герцог собирается в Берген с большим войском на многих боевых кораблях. Тогда отъезд аббата был задержан, «потому что ему были сделаны другие письма, нежели те, что ранее были подготовлены» («fuiat honum voru gior onnur bref en þau, sem adr voru buinn». – Hák 216). Итак, опять письменная корреспонденция перемежается с устной.

³ В 1217 г., когда после смерти Инги Бардарсона (1204–1217) было три претендента на норвежский престол – Хакон Хаконарсон, сын Инги Гутгорм и брат Инги ярл Скули, – Хакон был избран королем, а Скули остался ярлом и советником при юном короле, правителем одной трети Норвегии. В 1225 г. они породнились – Хакон женился на Маргрет, дочери ярла Скули. В 1237 г. Хакон на Эйрартинге пожаловал ярлу Скули титул герцога.

Ответ на свое устное приглашение конунг получает тоже устно, через специально посланного к нему аббата. Что-то вынуждает конунга послать герцогу письмо, и на подготовку письма требуется время (!). Когда же устная информация (от вполне случайного бонда) опровергает предыдущую, конунг готовит новое письмо (в значении «подготовить» используются глаголы *búa* – IED. P. 87: «make ready», и *göra* – IED. P. 224: «make, prepare, get ready»).

Конунг, узнав о войске герцога Скули, собрал свое войско и отправился на север ему навстречу. Герцог, в свою очередь, двинулся в Берген с севера из Тронхейма с большим войском, но «узнал он такие новости» («*spurdi hann þau tidende*»), что конунг идет с юга из Вика с много большим войском, и потому повернул назад (Hák 217). Придя в Берген, конунг встретился там с архиепископом Сигурдом, который предложил перемирие на зиму между конунгом и герцогом. «С этим посланцы отправились на север» («*Fóru sendemenn vid þat norðr*»). Архиепископ получил от конунга полномочия в этом деле, и написал он тотчас герцогу («*ritadi byskup þegar til hertuga*»), чтобы тот ничего не предпринимал до встречи с ним (Hák 218). Герцог тем временем вернулся в Тронхейм, и тут к нему подошли еще воины, «в соответствии с посланным им ранее словом» («*eptir þui sem hann hafdi ord til sent*»), но поскольку ему пришлось нести большие расходы из-за большого числа людей, он повелел отправить в Тронхейм приказ о военном призыве («*þa let hann giora vtbodabref jnn j Þrandheim*»), который в данном случае он хотел получить продовольствием. Местные жители поначалу отказались, к тому же конунг Хакон прислал им письма («*Након kongr hafdi ok giort bref*»), в которых требовал, чтобы они не платили больших налогов, чем те, что взимал со своих подданных он. Однако герцог, при поддержке войска, получил желаемое (Hák 219). Вскоре (6 ноября 1239 г.), собрав Эйрартинг, он организовал избрание себя конунгом. В Тронхейм, ничего не зная заранее об этом, приехал архиепископ Сигурд. Он тотчас отправил письма конунгу Хакону, чтобы сообщить ему новости («*Giordi hann þegar bref til Наконаr kongs at segia honum þessi tidende*») (Hák 227). Однако узнал конунг о случившемся не из письма, отправленного, судя по всему, со специальным человеком, а из рассказа своего дружинника по имени Грим, который был в Тронхейме во время того тинга, а затем скакал к конунгу во весь опор (Hák 223). Итак, в изложении Стурлы Тордарсона устный способ получения информации соседствует с письменным

и иногда оказывается даже более эффективным, если ее носитель прикладывает к этому соответствующие усилия.

Кстати, Стурла дает понять, что для передачи писем существовали специальные люди. Так, он рассказывает, что той же осенью, раньше чем герцог Скули объявил себя конунгом, Хакон послал к нему двух своих дружинников с письмами («hafdi giort... hirdmenn sina... med brefum»), уточняя, что они оба были их слугами и часто ездили между ними («þeirra þionostumenn, ok hofdu optliga farit mille þeirra»). Посланцы вручили герцогу письма («hofdu fengit hertuga brefin») и несколько дней ждали, а как только получили ответ герцога («jafnskiott sem þeir fengu annsuor af hertuga»), стали собираться в обратный путь (Hák 225). В тот день, когда Скули повелел дать себе имя конунга, он отправил двоих своих письмонош («sendi hann brefasueina skutu sina») вдогонку за людьми Хакона, чтобы их убить (Hák 226). Итак, мы имеем термин *bréfasveinn* «письмоноша» и знаем, что это дружинник (*hirdmaðr*) или слуга (*þjónostu-maðr*), регулярно используемый для такого рода поручений.

Как следует из «Саги о Хаконе Хаконарсоне», письма играли немалую роль и, так сказать, в идеологической борьбе. Стурла рассказывает вот такую историю (Hák 237). Епископ Арни послал, раньше чем началось это противостояние, одного священника с письмами («med brefum») к архиепископу. Священник приехал в Берген, где герцог велел забрать у него все письма, однако, как только тот собрался назад, герцог попросил его взять с собой письма и велел прочитать перед конунгом («bad hertugi hann taka vid sinum brefum ok let lesa fyrir konunginum»), и в них не было ничего, кроме требований о возврате долгов жителям Бергена. Когда же подошло время запечатывать (т.е. скреплять печатью) письма («er insigla skylldi brefit»), герцог велел их подменить. К счастью для себя, конунг Хакон перехватил их, и ему стали известны содержащиеся в них ложные обвинения против него и его людей.

Архиепископ Сигурд предал анафеме некоего аббата Бьёрна, который знал о замыслах герцога Скули и помогал ему. Аббату это не понравилось, и он отправил жалобу на архиепископа папе («appelladi hann erkibyskup til pauans»). Надо думать, это была письменная апелляция. Более того, «аббат отправился по поручению герцога с его письмами в другие земли, в Данмарк и Германское государство, и в те земли, что там рядом, и так вплоть до Курии» («tok aboti vid erindum hertuga ok brefum til annarra landa, Danmerkr

ok þydeska Ēiki ok þau lond, er þar eru nær, ok sua ut til kuriam») (Hák 243). Скули отправил также скальда Ятгейра с письмами на восток в Емтланд, Хельсингаланд и Свитьод («hafdi giort austr j Jamtaland med brefum Jatgeir skalld ok sua j Helsingialand ok þadan j Suiþiod»), однако письма удалось перехватить посланному Хаконном его родичу Гуннару (Hák 244). Когда Хакон приехал в Берген, он приказал разыскать те письма, которые вез с собой Бьёрн («let hann ransaka bref þau, er Biorn æboti for med»). Там оказались письма от имени герцога к папе, к императору и ко многим правителям за пределами страны («Var þar bref til pauans ok keisarans ok margra hofdingi vt í l'ndum af hertuga hende»), которые, как он думал, будут лучше всего продвигать его дело (Hák 257).

Герцог Скули был убит 24 мая 1240 г. в монастыре Хельгисетр (в пределах современного Тронхейма), о чем конунг узнал из писем Асольва («brefum Asolfs»), возглавлявшего последнее нападение на герцога. Когда конунг прочитал письма («er kongr hafdi yfir lesit brefin»), он сказал: «В этих письмах – две большие новости» («Aa brefi þessu eru mikil tidende tuenn»); и плохая новость та, что сгорел монастырь Хельгисетр, а вторая новость, что умер его тесть герцог Скули (Hák 283).

Последнее, на чем хотелось бы остановиться в связи с письмами в саге о Хаконе, это рассказ о его коронации. Как повествует Стурла, в какой-то момент в страну вернулся аббат Бьёрн и просил передать Хакону, что везет хорошие новости. И когда конунг принял его, передал он ему привет от папы и благословение (папа римский, о котором идет речь, – это Иннокентий IV, 1243–1254), вместе с письмами и такими прекрасными посланиями, равные которым едва ли когда приходили в Норвегию от пап («bar [hann] honum kuediu pauans ok blezan med brefum ok sua fogrum ordsendingum, at varla hefir komit jafnfagurt bref j Noreg af pauanum») (Hák 288). Шла, согласно саге, двадцать восьмая зима правления конунга Хакона (т. е. зима 1244/45 г.). Поразмышляв над тем прекрасным письмом, которое ему написал папа, конунг Хакон «отправил слово» («En er Hakon kongr hugsadi eptir vm bref þat hit fagra, er Innocencius pauí hafdi ritad til hans, þa sendi hann ord») архиепископу Сигурду и другим епископам, чтобы написать вместе с ними папе («rita med ser til paua») и просить папу прислать кого-нибудь, чтобы короновать Хакона. Они согласились, но выставили свои условия, которых Хакон не принял, и потому отправил людей к папе сам и про-

сил («giordi Hakon kongr menn til pauans ok beiddizt») оказать ему такую честь и прислать какого-нибудь кардинала, чтобы венчать его короной (Hák 289). Получается, что на письмо папы конунг отвечает устным посланием через своих людей. Можно думать, что именно эти посланцы названы в письме папы Иннокентия к королю Хакону от 30 октября 1246 г. (о чем см. ниже). Зиму 1245/46 г. конунг провел в Бергене, а зиму 1246/47 в Тронхейме, и когда прошла эта зима, пришли послания из Рима от посланцев конунга, и в них говорилось («komu ordsendingar utan fra Roma af sendim¹num kongs ok sogdu»), что уже в этом году приедет в страну один из кардиналов и окажет конунгу все возможные почести в соответствии с повелением папы (Hák 290). Весной Хакон вернулся в Берген. Кардинал Вильгельм Сабинский (1244–1251), после остановки на пути в Англии у короля Генриха III, приплыл в Норвегию в день святого Ботольфа (17 июня 1247 г.) («Uilhialmr kardináli kom til Noregs Botolfsvokudag») (Hák 292). Коронация была намечена на день св. Олава («Vjgsla þessi var ætlud^a Olafsvokudag») – 29 июля 1247 г. (Hák 296) – и в этот день состоялась.

Надо отметить, что сохранилось четыре письма от папы Иннокентия IV конунгу Хакону Хаконарсону, однотипно начинающихся таким обращением: «Innocentius episcopus etc. Carissimo in Christo filio Naquino illustri regi Norwegie» («Иннокентий епископ и проч. Дражайшему сыну во Христе, Хакону, прославленному королю Норвегии»). В них папа Иннокентий объявляет королю Хакону, что в ответ на его письмо и просьбы, переданные через его посланников, аббата Лаврентия из Ховедё и Бьярни Канника, он отправляет кардинала Вильгельма в качестве апостольского легата в Норвегию и Швецию и просит оказать ему достойный прием (DN. B. 1. S. 25: № 30 от 30 октября 1246 г.), принимает короля Хакона под апостольскую опеку из-за крестового похода, который тот намерен предпринять (DN. B. 1. S. 27: № 33 от 6 ноября), признает *jus patronatus* короля Хакона в церквях, которые тот ставит на границах своего королевства для искоренения язычества (DN. B. 1. S. 29: № 37 от 7 ноября), и, наконец, освобождает короля Хакона Хаконарсона от порока его рождения, давая тем самым разрешение на его коронацию: «Итак, поскольку светлой памяти Хакон, король Норвегии, твой отец, насколько нам известно, будучи вне брака, воспринял тебя от внебрачной женщины, мы, удостоивая твое высочество особым благоволением, чтобы тебе такого рода дефект не помешал быть допущенным к достоинству королевского

престола и ко всем легитимным действиям и чтобы твои законные наследники тебе наследовали во власти и почете, мы, посовещавшись с нашими братьями, освобождаем тебя [от него] апостолическим авторитетом»⁴.

«Круг земной», часть первая

Обратимся к сагам, посвященным конунгам с середины IX в. до 1000 г. – года гибели Олава Трюггвасона, года принятия христианства в Исландии. Это – саги о Хальвдане Черном (Hálfdr Sv), Харальде Прекрасноволосом (Hárf), Хаконе Добром (Hák Góð), Харальде Серая Шкура (HGráf) и Олаве Трюггвасоне (ÓT)⁵. «Саги повествуют о походах конунгов внутри страны и за ее пределами, об их отношениях со знатью и с сельскими жителями-бондами, о постепенном объединении страны и ее христианизации» (Гуревич 1980. С. 612). Речь идет о многочисленных походах и сражениях, налаживании дружественных отношений и конфликтах. Во всех этих ситуациях получение информации (о состоянии и расположении войска противника, о готовящемся нападении, о приближении вражеского войска) и передача информации (распоряжений, команд, созыва войска) крайне важны, и Снорри регулярно и детально говорит об этом.

Hálfdr Sv 2 начинается так: «Хальвдан Черный проведал, что в Раумарики идет война» («Hálfdr svarti spurði, at ófriðr var á Raumaríki»), – и далее следует рассказ о том, как конунг собрал войско и пошел в Раумарики против конунга Эйстейна, как последний проигрывал одну битву за другой и бежал, а потом отправил одного своего родича к Хальвдану попытаться восстановить дружеские отношения («sendi hann Hallvarð skálk, frænda sinn, á fund Hálfdranar konungs at leita um sættir»), что тому и удалось (Hkr 1. Bls. 85–86). Основной способ передачи информации, согласно саге (см. также Hálfdr Sv 5), – это отправка человека с каким-либо поручением (используется гла-

⁴ DN. В. 1. S. 29–30. № 38 от 8 ноября: «Cum itaque clare memorie Haquinus, Norwegie rex pater tuus, te, prout accepimus, solutus suscepit de soluta, nos tuam celsitudinem speciali benivolentia prosequentes, ut huiusmodi non obstante defectu ad regalis solii dignitatem et omnes actus legitimos admittaris, nec non quod heredes tui legitimi tibi in dominio et honore succedant, fratrum nostrorum communicato consilio, tecum auctoritate apostolica dispensamus». (Перевод А.В. Подосонова.)

⁵ Генеалогическую таблицу и условные даты правления норвежских конунгов династии Харальда Прекрасноволосого см. в Приложении.

гол *senda* «посылать, отправлять». – IED. P. 522–523). А получение информации обозначается в данном случае (а также в *Hálfdr Sv* 1, 3, 5, 10) при помощи глагола *spyrja* со значением «отслеживать, расследовать, выяснять» (IED. P. 585: “to track, investigate, find out”). Перевод М.И. Стеблин-Каменского – «до Хальвдана Черного дошел слух» (КЗ. С. 38), – как кажется, несколько искажает ситуацию: до конунга доходит не случайный слух, а информация от его лазутчиков (разведчиков), *njósarmenn* (IED. P. 456), хоть и не названных в этой саге, но фигурирующих далее в повествовании Снорри. Ср. в *HákGóð* 23: разведчики пришли к конунгу Хакону и говорят ему о том, что им удалось узнать («*Njósarmenn kómu til Hákonar konungs ok sǫgðu honum sín ærendi*». – *Hkr* 1. Bls. 177). В *ÓT* 38 Снорри описывает еще один способ получения информации. Когда йомсвикинги начали грабить и опустошать побережье Норвегии, к ярлу Хакону Сигурдарсону приплыл на быстроходном корабле один человек и «рассказал ярлу новости» («*ok sagði jarli tíðendi*») о том, что на юг страны пришло войско из Дании. Ярл сначала не поверил ему, но тот показал руку с отрубленной кистью, сказав, что это может служить доказательством того, что чужое войско уже здесь («*segir, at þar váru jartegnir, at herr var í landinu*»). Тогда ярл детально выяснил у него всё об этом войске («*Síðan spyrt jarl inniliga at um her þenna*») (*Hkr* 1. Bls. 277).

В *HNárf* Снорри повествует о конунге, который правил чуть ли не семьдесят лет, ок. 858–928 гг., и стал основателем династии норвежских королей и единого Норвежского государства. Историчность этой информации вызывает у исследователей вполне естественные сомнения (см.: Джаксон 2011), но ничто не мешает на основании саги прояснить представления Снорри о способах коммуникации в означенное время. Начало создания единого Норвежского государства связано в саге с одной красивой историей, показательной как раз с интересующей нас точки зрения. Здесь рассказывается (*HNárf* 3), как вскоре после того как Харальд стал конунгом, он послал своих людей за одной девушкой («*Haraldr konungr sendi menn sína eptir meyju einni*»), которую звали Гюда, дочь конунга Эйрика из Хордаланна, намереваясь взять ее в наложницы. Посланцы Харальда приехали к ней и изложили то, что им было поручено («*en er sendimenn kómu þar, þá báru þeir upp ærendi sín fyrir meyna*»). Но она отказалась ехать с ними, и они засобирались в обратный путь. Тут Гюда заговорила с посланцами и просила передать конунгу Харальду такие слова («*Þá mælti*

Гуда við sendimenn, það þá bera þau orð sín Haraldí konungi»), что она согласится стать его женой не раньше, чем он подчинит себе ради нее всю Норвегию (Hkr 1. Bls. 96). Последовавшая затем серия завоевательных походов приводит Харальда к единовластию, и в конечном итоге он женится на Гюде. «Изображение политики объединения страны в виде подвига ради получения руки девицы» придает саге «дополнительную привлекательность и занимательность» (Гуревич 1972. С. 147). Мы же вновь видим, как работает механизм передачи информации – изустно, при помощи неких специально посылаемых людей. Глагол *senda* «посылать, отправлять» относится не только к посланцам, но и соединяется с существительным *orð*, п «слово, слова» в выражение *senda orð* «послать слово» в значении «отправить сообщение» (IED. P. 467). Ср. Hákgóð 3: «Адальстейн, конунг англов, отправил сообщение Эйрику и просил его принять от него владения в Англии, говоря, что...» («Aðalsteinn Englakonungr sendi orð Eiríki ok bauð honum at taka af sér ríki í Englandi, sagði svá, at...»). – Hkr 1. Bls. 152); Hákgóð 19: конунг Хакон «послал слово ярлу Сигурду, чтобы тот пришел к нему» («sendi hann þá orð Sigurði jarli at koma til sín». – Hkr 1. Bls. 173) или, в лаконичном переводе М.И. Стеблин-Каменского, «он послал за Сигурдом ярлом» (КЗ. С. 77). Наряду с *senda orð* Снорри использует синонимичное словосочетание *senda boð* (*boð*, п «предложение» – IED. P. 71): «конунг Хакон послал им сообщение и предложил им сойти на берег...» («Hákon konungr sendi þeim boð ok bauð þá á land ganga». – Hkr 1. Bls. 178) (Hákgóð 24). Корень *send-* фигурирует также в двух композитах: *sendimenn* «посланцы» (мн. ч. от *sendimaðr*) и *orðsending* «словесное (т.е. устное) послание». В ННárf 31 (если перевести буквально) говорится: «тогда отправились люди и устные послания между конунгом и ярлом» («Þá fóru menn ok orðsendingar millum konungs ok jarls». – Hkr 1. Bls. 134) (ср. литературный перевод М.И. Стеблин-Каменского: «конунг и ярл вступили в переговоры через гонцов». – КЗ. С. 59; ср. в НGráf 1: «отправились слова и посланцы» («fóru orð ok sendimenn». – Hkr 1. Bls. 198). Еще один глагол, обращающий на себя внимание в данном контексте, – *bera* «нести», означающий в соединении с *orðsending* «послание» или *erendi* «поручение, сообщение» – «передавать, рассказывать» (IED. P. 58–59): «bað þá bera þau orð sín Haraldí konungi». – Hkr 1. Bls. 96).

Число примеров можно умножить, но результат останется тем же – во всех сагах первой части «Круга земного» отмечается один

и тот же способ передачи информации: Снорри последовательно говорит об отправленных посланцах, передаваемых ими словах, просьбах, приказах, устных посланиях, уверениях в дружбе, поручениях, новостях и проч. В тех случаях, когда его (возможные) источники, допуская анахронизм, упоминают письма (*bréf*), Снорри в одном случае заменяет «письмо» на «устное послание», а в другом вообще опускает соответствующую часть рассказа.

Так, согласно «Красивой коже» (Fask, ок. 1220), умирающий Хакон Добрый послал письма («sendi bréf») сыновьям Гуннхильд, в которых передал своему родичу Харальду всё свое королевство, а когда письма пришли («en þá er bréf kómu») к Харальду с братьями, те отправились к конунгу Хакону, но уже не застали его в живых (Fask. Bls. 94–95). Переводчик этого текста А. Финли тоже отмечает, что упоминание писем в данном контексте – анахронизм (Fask/Finlay. P. 72, n. 118). Надо сказать, что более ранний источник, «Обзор саг о норвежских конунгах» (Ágrip, ок. 1190), утверждает, что норвежцы избрали Харальда конунгом по совету Хакона Доброго («tóku Norðmenn eptir ráði Hákonar konungs Harald gráfeld til konungs í Nóregi». – Ágrip. Bls. 12). Снорри не следует в этом случае ни одному из возможных источников (HákGóð 32), а сообщает, что Хакон перед смертью отдал распоряжение «отправить слово» («bað þá senda þau orð») сыновьям Эйрика, что они должны стать конунгами над страной (Hkr 1. Bls. 192).

Целому ряду источников – от ранних («История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха, 1177–1180 гт., Ágrip, «Сага о Йомсвикингах», ок. 1200 г.) до весьма поздних (XIV в.) редакций «Саги об Олаве Трюгвасоне» – известна некрасивая история смерти Гуннхильд, матери конунгов. Теодорик рассказывает, как Хакон (имеется в виду хладирский ярл Хакон Сигурдарсон, правитель Норвегии в 974–975 гт.) придумал хитроумный план: он попросил короля Дании (который в то время всё еще был язычником, а потому в дружеских с ним отношениях) послать Гуннхильд тайное письмо с просьбой стать его женой («rogat ut mittat litteras ad Gunnildam occulte petatque sibi eam in matrimonium»). Получив письмо («Succcepit itaque mulier regias litteras...»), Гуннхильд поспешила в Данию, где король велел схватить ее и утопить в болоте (Theod. P. 12–13). Теодорику вторит и автор Ágrip, утверждая, что ярл Хакон попросил датского конунга Харальда обманом выманить Гуннхильд из страны и отправить ей письмо и посланцев с предложением руки («at hann sendi henni rit sitt ok sendi menn at biðja hennar»). Тот послал ей письмо и сказал («hann sendi

henni rit ok kvað»), что хорошо будет, если немолодая она станет женой немолодого конунга. Конец здесь тот же самый (Ágrip. Bls. 15). Снорри (как и автор Fask) просто выпустил эту историю из своего повествования.

«Круг земной», часть вторая

Вторая, центральная, часть «Круга земного», равная по объему первой и третьей частям, содержит только одну сагу – об Олаве Харальдссоне (ОН), объединителе и христианизаторе Норвегии, ее святом покровителе и *rex perpetuus Norwegiæ*. Сын Харальда Гренландца, мелкого конунга в Вестфолле, Олав родился в 995 г., а в двенадцать лет отправился в свой первый викингский поход. Снорри говорит, что он воевал в Дании и Швеции, в землях финнов и эстов, во Франции и Испании. Только осенью 1014 г., по хронологии Снорри, Олав вернулся в Норвегию. Он тут же изгнал из страны ярла Хакона Эйрикссона, сражался в битве у Несьяра с ярлом Свейном Хаконарссоном и победил его, став с 1015 г. единовластным правителем Норвегии. Согласно Снорри, Олав прилагает усилия к разрешению норвежско-шведских пограничных споров, что заканчивается, среди прочего, тем, что к 1019 г. он становится зятем Олава Шведского. Снорри подробно рассказывает о христианизации Олавом Норвегии, о подчинении Оркнейских островов, об отношениях с Исландией, Гренландией и Фарерскими островами. Снорри фиксирует перемещения конунга Олава по стране; время и место пиров, тингов и пр.; остановки на зиму. Естественно, в процессе этой кипучей деятельности Олав постоянно собирает сведения о происходящем вокруг, о перемещениях и состоянии войск противников, сносится с людьми (другими правителями и подчиненными), рассылает команды, приказания, назначает места встречи и сбора войска, вызывает людей к себе, договаривается о совместных действиях и проч. Олав – центральный персонаж саги. Но так же, как и он, коммуницируют с ним и друг с другом его сторонники и противники. Сюжетика королевских саг такова, что обмен информацией занимает в ней весьма важное место. В «Саге об Олаве Святом» Снорри в целом ведет речь об устной коммуникации, используя ту же лексику, что и в первой части «Круга земного». Здесь фигурируют многочисленные *njósnamenn* «лазутчики», получение информации от которых выражается глаголом *sprýja* «выяснять» (см. также оборот *halda njósnum* «вести

слежку»); и *sendimenn* «посланцы», с которыми посылают (глагол *senda*) и которые несут (*bera*) и говорят (*segja*) слова (*orð*), послания (*orðsending*), поручения (*erendi*), новости (*tíðindi*) и проч.

Но есть у Снорри в этой саге и одно существенное «новшество»: многократно (вплоть до пятнадцати раз) в ней фигурируют сопровождающие устное послание и подтверждающие его достоверность *jartegnir* «верительные знаки» (от *jartegn*, n – «a token, wring, knife, belt, sword, or the like; properly, ‘a word’s token’, which a messenger had to produce in proof that his word was true». – IED. P. 324). Какого рода эти знаки, Снорри дает понять лишь единожды (ÓН 69) – в рассказе о том, как Олав Харальдссон посылает Бьёрна Окольного к гаутландскому ярлу Рёгнвальду Ульвссону (женатому на Ингибьёрг Трюгвадоттир, сестре Олава Трюгвасона) с тем, чтобы они вместе встретились с Олавом Шведским и передали ему, что он хочет установить мир между странами и ту границу, которая была до него при Олаве Трюгвасоне (Hkr 2. Bls. 88). Отправляя своего посланца, Олав «вынул украшенный меч и золотой перстень, передал Бьёрну. “Я даю тебе меч. Его дал мне летом ярл Рёгнвальд. К нему ты должен поехать и передать ему мое слово, чтобы он помогал вам советами и оказывал поддержку, чтобы ты смог выполнить мое поручение... А этот перстень ты передашь Рёгнвальду ярлу. Эти знаки он должен узнать”» («Þá tók hann upp sverð búið ok fingrgull ok seldi Birni. “Sverð þetta gef ek þér. Þat gaf mér í sumar Rognvaldr jarl. Til hans skuluð þér fara ok bera honum þau mín orð, at hann leggi til ráð ok sinn styrk, at þú komir fram órendinu... En fingrgull þetta fær þú Rognvaldi jarli. Þessar jartegnir mun hann kenna». – Hkr 2. Bls. 88). Еще один раз (ÓН 91) – без уточнения, какие именно это были предметы, – Снорри говорит о том, что племянник скальда Сигвата и один из его слуг отправились с тайным поручением к ярлу Рёгнвальду и «предъявили они ярлу те знаки, о которых ярл и Сигват условились между собой при расставании» («Þá báru þeir fram fyrir jarl jartegnir þær, er þeir jarlinn ok Sigvatr höfðu gort með sér at skilnaði». – Hkr 2. Bls. 145–146). Ни в Ágrip, ни в Fask – в главах, посвященных Олаву Харальдссону, – ничего подобного нет. Я склонна думать, что сопровождающие устное послание «знаки» (*jartegnir*) выступают, в представлении Снорри Стурлусона, аналогом сопровождающих письменное послание «печатей» (*innsigli*, n), появившихся в этот период времени в Норвегии и отмеченных им в той же «Саге об Олаве Святом».

На фоне этих рассказов Снорри о верительных знаках и устных посланиях удивляет упоминание им нескольких писем Ингигерд,

дочери Олава Шведского. Одно из них (ÓН 72) – относительно возможного брака с Олавом Харальдссоном – написано ею и исландским скальдом Хьяльти и адресовано ярлу Рёгнвальду и его жене Ингибьёрг («bréfum þeim, er Ingigerðr konungsdóttir ok þau Hjalti sendu jarli ok Ingibjörgu». – Нкр 2. Bls. 100). Другие (ÓН 91) – описывающие приезд к Олаву Шведскому послов-сватов от Ярослава Мудрого – присланы всё тому же ярлу Рёгнвальду, а получает из них информацию (не ясно, читает сам или ему пересказывают) гостящий у ярла скальд Сигват («Sigvatr skáld kom til Rognvalds jarls ok var þar í góðum fagnaði langa hríð. Þá spurði hann þat af ritsendingum Ingigerðar konungsdóttur...»). – Нкр 2. Bls. 144). В Ágrip, Fask и «Легендарной саге об Олаве Святом» (ÓНLeg, начало XIII в.) рассказ о попытке сторонников Олава Харальдссона организовать брак между ним и Ингигерд и о последующем ее браке с Ярославом Мудрым гораздо лаконичнее, и интересующих нас подробностей не содержит. Так что, похоже, авторство здесь принадлежит лично Снорри. Кстати, существительное *ritsending*, n (букв.: «написанное послание») нигде более в древнескандинавской прозе не зафиксировано (IED. P. 498; ONP).

Что касается печатей, то Снорри рассказывает (ÓН 131), как к норвежскому конунгу Олаву в Тунсберг прибыли из Англии послы конунга англов и данов Кнута Великого (*Knutr inn ríki Sveinsson*)⁶. У них были с собой письмо и печать конунга англов («höfðu þeir bréf ok innsigli Englakonungs»). «И когда они получили разрешение говорить с ним, вышли они перед конунгом и предъявили письмо конунга Кнута, и озвучивают (букв.: говорят) те сообщения, которые в нём содержались, что конунг Кнут объявляет всю Норвегию своим владением...» («En er þeir fengu lof til at mæla við hann, þá géngu þeir fyrir konung ok báru fram bréf Knúts konungs ok segja øtendi þau, sem fylgðu, at Knútr konungr kallar sína eign á Nóregi öllum...»). «Затем они предъявили письмо и сказали, что в нём всё то же самое» («Síðan báru þeir bréf fram, ok sögðu þau allt slíkt it sama». – Нкр 2. Bls. 223). Как можно понять, наличие письма вовсе не означает, что кто-то должен его читать. Из слов Снорри следует, что ни послы, ни адресат не читали письма: оно лишь было дважды продемонстрировано – сначала вместе с печатью конунга Кнута и затем (видимо, для создания большего эффекта точности произнесенного) после устного озвучивания его содержания. Важно и то, что в ответ Олав шлет

⁶ Кнут Великий – король Англии (1016–1035) и Дании (1018–1035).

Кнуту устное послание: «Тогда отвечает конунг Олав: “...Теперь вы должны сказать ему такие мои слова, что я буду защищать Норвегию с оружием в руках до конца своих дней и никому не стану платить подати с моего государства”» («Nú skuluð þér segja honum þau mín orð, at ek mun verja oddi ok eggju Nóreg, meðan mér endask lífdagar til, enda gjalda engum manni skatt af ríki mínu». – Hkr 2. Bls. 224). Посланцы отправились назад и, встретившись с конунгом Кнутом, рассказали ему о результате своей поездки («ok sǫgðu honum ørendislok sín») и о тех заключительных словах, что конунг Олав сказал им напоследок («þau álykðaoṛð, er Óláfr konungr mælti síðast við þá». – Hkr 2. Bls. 223–225). В ÓHLeg 47 присутствует рассказ о посланцах Кнута, требующих податей с Норвегии, но ни о каких письмах речи там не идет. Снорри сам – в дополнение к тому, что сообщают его источники, – удивительным образом обрисовывает встречу письменной и бесписьменной культур, причем нисколько не приукрашенную в пользу его главного героя. Он явно не относит грамотность к числу *íþróttir* – неперменных достоинств конунга.

Аналогичная ситуация с рассказыванием написанного текста повторяется у Снорри (ÓH 148) в истории о том, как ярл Ульв Спракалеггссон, которого конунг Кнут, отправившись в Англию, оставил своим наместником в Дании, собирает тинг и объявляет, что якобы Кнут дал ему распоряжение сделать так, чтобы конунгом Дании признали его сына Хёрдакнута. Сначала рассказав собравшимся бондам об этом, «ярл затем предъявил письмо и печать конунга Кнута, подтверждавшие всё то, о чем ярл говорил» («Síðan bar jarl fram bréf ok innsigli Knúts konungs, þau er sonnuðu allt þetta, er jarl bar upp»). Ярла поддержали и другие знатные люди, и их совместные уговоры убедили народ признать Хёрдакнута конунгом, что и было сделано на том же тинге. Весьма любопытно разъяснение этой ситуации, которое предлагает Снорри. Оказывается, главной в этой затее была королева Эмма. «Это она велела подготовить письмо и скрепить печатью. Она тайком взяла печать конунга, а сам он был в неведении относительно всего этого» («Hafði hon látit gera bréf þessi ok látit innsigla. Hafði hon með brögðum nát innsigli konungs, en hann sjálfir var leyndr þessu öllu». – Hkr 2. Bls. 275).

Несколько иначе эта история излагается в Fask, откуда, слегка изменив, ее мог позаимствовать Снорри. Главное отличие заключается в том, что ярл на тинге не ограничивается собственными словами, как бы заверенными предъявлением письма с печатью. Здесь, напротив, ярл сначала «показывает печать конунга Кнута

и письма, которые были вместе с ней» («bergr jarlinn fram innsigli Knúts konungs ok bréf þau, er þar fylgðu»), а затем «приводит своего капеллана, чтобы прочитать их вслух перед [собравшимися] людьми» («fær til karalín sinn at lesa upp fyrir alþýðu». – Fask. Bls. 202). Суть от этого, впрочем, не меняется. И сам Снорри, и его источник фиксируют использование писем Кнудом Великим и его ближайшим окружением, противопоставляя его по-прежнему устной форме общения при его собственном датском дворе (как в предыдущем примере – при норвежском).

«Круг земной», часть третья

Третья часть «Круга земного» посвящена событиям норвежской истории с 1035 г. – года избрания королем Магнуса I Олавссона Доброго – до 1177 г., с которого начинается изложение в написанной раньше сводов «Саге о Сверрире».

В «Саге о Магнусе Добром» (MGóð 36–37) Снорри рассказывает о том, что после смерти Хёрдакнута (Хардекнуда, короля Дании, 1035–1042, и Англии, 1040–1042) Магнус (по заключенному с ним несколькими годами ранее договору, что тот из них, кто переживет другого, не оставившего к тому же наследников, будет править обеими державами) в 1042 г. стал королем не только Норвегии, но и Дании. И тут же заявил свои претензии на Англию. Он отправил своих людей к «конунгу Ятварду», английскому королю Эдуарду Исповеднику (1042–1066), а получив его ответ, произнес: «Я думаю, наиболее разумным и верным решением будет дать конунгу Ятварду мирно владеть своей державой, насколько это зависит от меня, а мне держать это государство, которым бог мне дозволил владеть» («Ek ætla hitt munu vera sannast ok bezt fallit at láta Eatvarð konung hafa ríki sitt í ró fyrir mér, en halda þessu ríki, er guð hefir mik eignask látit». – Hkr 3. Bls. 66–67). Нас интересует, как осуществлялась эта коммуникация. Здесь у Снорри два источника – «Гнилая кожа» (Msk, 1217–1222 гг.) и отчасти повторяющая ее в этом описании Fask. Оба они утверждают, что Магнус «отправил людей с письмами на запад в Англию» («sendi hann menn með bréfum til Englands vestr» (Msk 1. Bls. 77; ср.: Fask. Bls. 216). Msk далее повествует о том, как посланцы прибыли к конунгу Ятварду, изложили то, что им было поручено, и предъявили письмо («En er sendimenn Magnúss konungs kómu í England

á fund Játvarðar konungs báru þeir fram erendi sín ok bréf Magnúss konungs». – Msk 1. Bls. 78). В Fask пересказ содержания письма вводится словами: «и такое было сообщение в письме» («ok var sú orðsending í bréfum»). – Fask. Bls. 216). А дальше оба свода дают понять, что сам английский король письма не читал. В Msk говорится, что, «когда конунг Ятвард посмотрел на письмо, подготавливает он другое письмо – конунгу Магнусу» («Ok er Játvarðr konungr hafði yfir litit bréfin Magnúss konungs þá gærir hann önnur bréf í móti til Magnúss konungs»). – Msk 1. Bls. 78), а Fask выражается еще яснее: «когда конунг Ятвард услышал это письмо, он велел подготовить другое в ответ. Он сначала сказал о том, что...» («þá er Játvarðr konungr heyrði þessi bréf, lét hann gæra þegar önnur í mót. Hann sagði fyrst í frá því...»). – Fask. Bls. 217). Скорее всего, за словосочетанием «gæra bréf» («подготовить письмо») скрывается процесс записи каким-то грамотным человеком того, что говорит/диктует конунг. А дальше Msk и Fask представляют дело по-разному: в первом своде читаем: «когда конунг Магнус услышал и прочитал эти слова конунга Ятварда» («er Magnús konungr heyrði ok las þessi orð Játvarðar konungs...»). – Msk 1. Bls. 79), во втором: «когда конунг Магнус услышал это послание конунга Ятварда» («þá er Magnús konungr heyrði þessa orðsending Játvarðar konungs...»). – Fask. Bls. 218). Слова «ok las» в более раннем своде видятся мне позднейшей (ошибочной) вставкой, на что указывает нелогичность соединения двух указанных действий – прослушивания и чтения, причем не письма (*bréf*), а послания (*orð*). Если принять это мое предположение, то получается, что оба источника Snorри воспринимают письма в процессе обмена информацией между английским и норвежским правителями ок. 1042 г. как подтверждение устных сообщений.

Snorри эта ситуация видится иначе, а именно – в том же ключе, в каком он представил выше контакты Олава Харальдссона, отца Магнуса, и Кнута Великого. Здесь посланцы из Норвегии отправляются в Англию с «письмом и печатью конунга Магнуса» («þá gerði hann sendimenn vestr til Englands. Fóru þeir á fund Játvarðar konungs ok fluttu honum bréf ok innsigli Magnúss konungs»). – Hkr 3. Bls. 65), т.е. не письмо удостоверяет слова, а печать удостоверяет письмо. Отправленное письмо адресовано английскому правителю, т.е. *homo legens*. Нам не говорится, кто написал исходное письмо Магнуса. Надо думать – какой-нибудь клирик из его окружения. Но вот что важно: прочитав его письмо, ответ ему,

согласно Снорри, английский король не пишет вовсе, а произносит, да к тому же завершает всё это просьбой передать (а буквально – «сказать») Магнусу его слова («en er Játvarðr konungr hafði lesit bréf þessi, þá svaraði hann svá... Segið honum svá mín orð»), и далее уточняется, что посланцы передали Магнусу то, что услышали («Fóru þá sendimenn aprt ok kómu á fund Magnúss konungs ok sögðu honum alt sitt ørendi». – Hkr 3. Bls. 66).

Следующее упоминание писем встречаем у Снорри веком позднее. «Сага о сыновьях Харальда Гили» (Hsona 1) начинается с рассказа о событиях, последовавших за убийством (в 1136 г.) Сигурдом Слембидьяконом конунга Харальда Гили. Вдова конунга Ингирид и лендрманны предприняли усилия для одновременного провозглашения конунгами двух малолетних сыновей Харальда – его законного сына, Инги Горбуна (1136–1161), которому тогда шел второй год, в Вике и незаконнорожденного малолетнего сына, Сигурда Рот (1136–1155), в Тронхейме. Для этого сама Ингирид отправилась в Вик, где воспитывался Инги, а на север в Тронхейм было решено послать быстроходный корабль с сообщением о смерти Харальда и с указанием, что трэнды должны провозгласить конунгом Сигурда («at segja fall Haralds konungs ok þat með, at Þrændir skyldu taka til konungs son Haralds konungs Sigurð»), который был тогда там на воспитании у Гюрда Сеятеля (Hkr 3. Bls. 303). Когда в Северный Мёр приплыл Сигурд Слембидьякон, там уже были получены письма и знаки («váru allt komin fyrir honum bréf ok jartegnir». – Hkr 3. Bls. 304) тех влиятельных мужей, которые перешли на сторону сыновей Харальда, и Сигурд никакой поддержки там не встретил. Похоже, что вся описанная ситуация разрешается с помощью устных сообщений, и даже названные сагой «письма» могли бы быть переданы устно, поскольку сопровождались «знаками».

Практически к тому же времени относится вполне курьезная ситуация, связанная с письмом от трехлетнего конунга Инги к пятилетнему конунгу Сигурду в момент военной угрозы со стороны Сигурда Слембидьякона, содержащаяся в Msk. Лакуна в тексте не сохранила для нас обозначения письма («Þa sendi Ingi konungr... bræðr sínum norðr til Þrándheims»), но всё равно ясно, что это было письменное послание («Þat var á ritinu at». – Msk 2. Bls. 199). Автор Fask лишь лаконично сообщает, что «Инги послал письмо Сигурду с большой просьбой прийти с войском к нему на помощь» («í þann tíð sendi Sigurði rit Ingi með áskoru mikilli, at hann kvæmi til liðs við hann». – Fask. Bls. 333). Снорри, напротив,

говорит (Hsona 8), что конунг Инги отправил на север в Каупанг письмо («sendi bréf»), хотя в этот раз и не уточняет, что письмо было с печатью, и далее, указав, что «в нём были такие слова» («þar stóðu þessi orð á»), воспроизводит полный его текст в соответствии с Msk. Описав свою и брата беспомощность («Всеми людям известны те трудности, которые мы испытываем, и наш юный возраст, то, что тебе всего пять лет, а мне три. Мы ничего не можем предпринять, кроме как с помощью наших друзей и добрых людей»), Инги указывает в этом письме, что ему и его друзьям угрожает большая опасность, и просит Сигурда как можно скорее прибыть к нему с как можно большим войском (Hkr 3. Bls. 314). Очевидно, что письмо написано не малолеткой-конунгом – тут даже не в грамотности дело, а в том, что сама политическая игра была для него сложна. При этом Снорри даже не пытается дать понять, что кто-то из лендрманнов в окружении конунгов в первой трети XII в. был грамотен. Он вкладывает ответ конунга Сигурда, которого, по словам саги, принесли на тинг, в уста одного могущественного лендрманна («Тогда отвечает Оттар Кумжа и встал на тинге, и произнес: “Вот слова конунга Сигурда, которые он [хочет] сказать своему брату, конунгу Инги...”» – «Þá svarar Óttar birtingr ok stóð upp á þinginu ok mælti: “Þat er mál Sigurðar konungs at mæla til Inga konungs, bróður síns...”»). – Hkr 3. Bls. 315), который затем быстро переходит к изложению собственного взгляда на ситуацию. Никто никаких ответных писем при этом не пишет.

Наконец, в «Саге о Магнусе Эрлингссоне» (MErl), последней саге «Круга земного», Снорри говорит о письмах датского короля Вальдемара I Великого (1157–1182), претендующего (на основании более раннего договора) на часть норвежской территории, к норвежскому королю Магнусу V (1162–1184) и его отцу ярлу Эрлингу, реальному правителю при малолетнем конунге (MErl 23), а также о письмах их противников среди норвежских магнатов, выражающих свою верность датскому королю (MErl 25–26). Сначала Вальдемар отправил людей с письмами («sendi konungr menn sína með bréfum»). – Hkr 3. Bls. 399), в которых высказал свои претензии на «весь Вик до Рюгьярбита на севере». Вновь Снорри дает понять, что письма Эрлингом (Магнусу-то в это время всего шесть лет) не были прочитаны, а только показаны ему («sendimenn kómu fram ok sýndu Erlingi bréf Danakonungs»). Эрлинг, не давая сразу посланцам ответа, обратился к своим советчикам (а в Fask 108 письма еще читались на тингах и собраниях

людей: «þá váru þau bréf upp lesin á þingum ok á mótum». – Fask. Bls. 349), а затем предложил посланцам поехать с ним осенью в Вик, где он хотел посоветоваться с умнейшими мужами. Те же в конечном итоге отказались принять датское владычество.

Следующей зимой, после неудачи этой официальной миссии, датский конунг предпринял нечто иное. Отправленные им несколько датчан пришли в Тронхейм под видом паломников к святому Олаву, но в действительности они искали встречи с могущественными мужами с целью заручиться их дружбой на случай, если Вальдемар прибудет в страну. «Это устное послание сопровождалось письмом и печатью конунга датчан, а вместе с тем просьбой, чтобы бонды прислали в ответ свои письма и печати» («Þessarri orðsending fylgði bréf ok innsigli Danakonungs ok þat með, at þeir bændrnir skyldi senda í mót sín bréf ok innsigli». – Нкр 3. Bls. 401). Они так и сделали. Однако вскоре ярл Эрлинг собрал Эйрартинг и обвинил трёндов в измене, а в ответ на их попытку оправдаться предъявил им «много писем и печатей» («helt upp bréfum mǫrgum ok innsiglium»), спрашивая, узнают ли они там свои печати («ef þeir kenndi innsigli sín þar»), а письма к тому же были прочтены вслух («váru þá ok lesin upp bréfin»). Дело в том, что Эрлингу удалось задержать тех датчан, которые зимой ехали с этими письмами («er með bréfum höfðu farit um vetrinn». – Нкр 3. Bls. 402). Заимствуя эту историю из Fask, Снорри четче, чем его источник, дает понять, что, несмотря на наличие письма и печати датского конунга, информация до норвежских лендрманнов была донесена устно. Как они создали свои ответные письма, он не говорит, но на тинге, уличая их в измене, Эрлинг просил их узнать не письма, а печати, после чего письма были (кем-то специальным) прочитаны.

* * *

Итак, приведенный выше материал саг демонстрирует следующее. По представлениям Снорри Стурлусона, за более чем полтора века после принятия христианства в Норвегии не появилось грамотных правителей или магнатов. К сожалению, он ни разу не говорит, кто пишет письма, которыми норвежская сторона обменивается с датскими правителями, хотя можно думать, что это кто-то из приближенных к королю священнослужителей. У Снорри норвежские правители вплоть до 1170-х годов, в отличие от правителей английских и датских, остаются в рамках бесписьменной культуры.

Описанные его племянником Стурлой Тордарсоном норвежские правители и духовенство середины XIII в. уже прибегают как к устной, так и к письменной форме коммуникации, хотя написание писем требует усилий и времени. В целом же представленное сагами небыстрое развитие частной коммуникации вполне коррелирует с развитием делопроизводства в Норвегии, равно как и со скачкообразным ростом от начала XIII к XIV в. количества рукописей на древненорвежском языке.

ИСТОЧНИКИ

- КЗ – *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- DN – *Diplomatarium Norvegicum*. Oldbreve til Kundskab om Norges indre og ydre Forholde, Sprog, Slægter, Sæder, Lovgivning og Rettergang i Middelalderen / C.R. Unger et al. Christiania, 1849–1976. B. I–XXI (<https://www.dokpro.uio.no/dipl_norv/diplom_field_eng.html>).
- Fask – *Fagrskinna*. Noregs konunga tal / Bjarni Einarsson. Reykjavík, 1984. (ÍF, 29) Bls. 55–364.
- Fask / Finlay – *Fagrskinna*. A Catalogue of the Kings of Norway / A Transl. with Intr. and Notes by A. Finlay. Leiden; Boston, 2004.
- Hák – *Det Arnamagnæanske håndskrift 81a fol.* (Skálholtsbók yngsta). Inneholdende Sverris saga, Bøglunga søgur, Hákonar saga Hákonarsonar / A. Kjær og L. Holm-Olsen. Kristiania, Oslo, 1910–1987.
- Hkr – *Snorri Sturluson*. Heimskringla. 1–3 / Bjarni Aðalbjarnarson. 1941–1951. (ÍF; 23–24).
- ONP – *Ordbog over det norrøne prosasprog* // (<http://onpweb.nfi.sc.ku.dk/wordlist_d_adv.html>).
- ÓTOddr – *Óláfs saga Tryggvasonar eptir Oddr munk Snorrason* / Ólafur Halldórsson. 2006. (ÍF; 25).
- Theod – *Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium* // *Monumenta historica Norvegiæ*. Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen / G. Storm. Kristiania, 1880. P. 1–68.

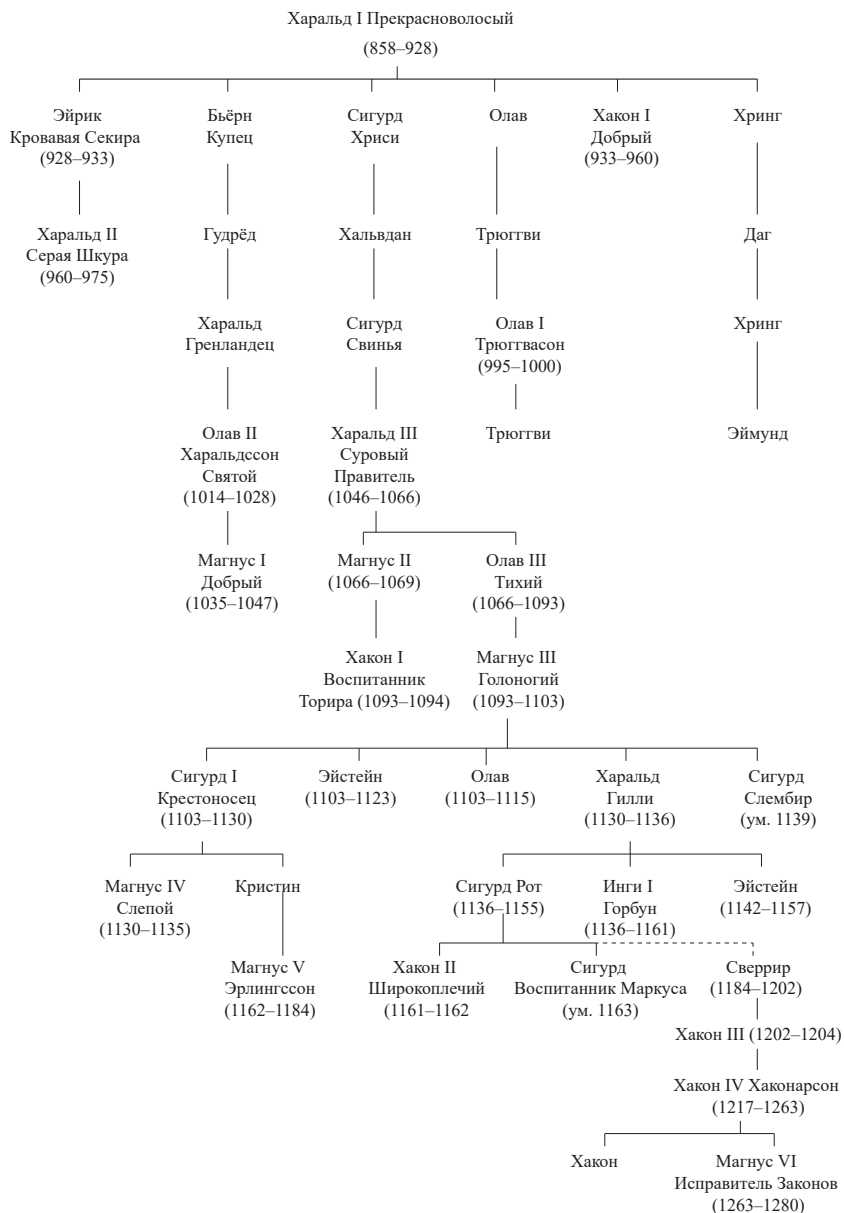
ЛИТЕРАТУРА

- Агишев С.Ю.* Роль делопроизводства в раннесредневековой Норвегии (до конца XIII в.) // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 3–7.
- Гуревич А.Я.* «Круг Земной» и история Норвегии // КЗ. С. 612–632.

- Джаксон Т.Н.* О юбилеях, памятниках, политогенезе и историческом мифотворчестве // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 81–88.
- Панкратова М.В.* Эволюция королевской канцелярии в Норвегии в XIII в. // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 215–221.
- Bagge S.* Administrative Literacy in Norway // *Along the Oral-Written Continuum: Types of Texts, Relations and Their Implications.* Turnhout, 2010. P. 371–395.
- Bjørge N.* Om skriftlege kjelder for Hákonar saga // (Norsk) Historisk tidsskrift. 1967. B. 46. S. 185–229.
- Guðvarður Már Gunnlaugsson.* The origin and development of Icelandic script // *Régionalisme et Internationalisme. Problèmes de Paléographie et de Codicologie du Moyen Âge. Actes du XVe Colloque du Comité International de Paléographie Latine (Vienne, 13–17 septembre 2005) / O. Kresten, F. Lackner.* Wien, 2008. P. 87–94.
- Helle K.* Hákon 4 Hákonsson // *Norsk biografisk leksikon; Store norske leksikon* at URL: <https://nbl.sn�.no/H%C3%A5kon_4_H%C3%A5konsson>; sist oppdatert 13. februar 2009 (06.02.16).
- Helle K.* Under kirke og kongemakt 1130–1350 // *Aschehousgs Norgeshistorie.* Aschehoug, 1995. B. 3.
- Hreinn Benediktsson.* Early Icelandic Script as Illustrated in Vernacular Texts from the Twelfth and Thirteenth Centuries. Reykjavík, 1965.
- Knirk J.E.* Old Norwegian Literature // *A History of Norwegian Literature / H.S. Naess.* Oslo, 1993. (A History of Scandinavian Literatures; Vol. 2 / S. H. Rossel). S. 1–38, 375–377.
- Koht H.* Um kjeldegrunnlage for saga um Hákon Hákonsson // *Historisk tidsskrift* utgitt av Den norske historiske forening. 1927. R. 5. B. 6.
- Kongsrud H.* Det norske kanslerembetet. Kompetanse, funksjoner, arkivdannelse og overleveringsveier (Skriftserie 34). Oslo, 2011.
- Mortensen L.B.* Sanctified Beginnings and Mythopoeitic Moments: The First Wave of Writing on the Past in Norway, Denmark, and Hungary, c. 1000–1230 // *The Making of Christian Myths in the Periphery of Latin Christendom (c. 1000–1300) / L.B. Mortensen.* Copenhagen, 2006. P. 247–273.
- Mortensen L.B.* The Nordic Archbishoprics as Literary Centres around 1200 // *Archbishop Absalon of Lund and His World / K. Friis-Jensen, I. Skovgaard-Petersen.* Roskilde, 2000. P. 133–157.
- Sigurður Nordal.* Sagalitteraturen // *Nordisk kultur.* Uppsala, 1953. B. VIII: Litteraturhistorie. B. Norge og Island. S. 180–273.
- Vries J. de.* Altnordische Literaturgeschichte. 2. Aufl. B., 1967. B. II.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНУНГИ ДИНАСТИИ ХАРАЛЬДА ПРЕКРАСНОВОЛОСОГО

FROM ORAL COMMUNICATION TO WRITTEN:
SITUATION IN MEDIEVAL NORWAY
IN THE LIGHT OF ICELANDIC SAGAS

On the basis of *Hákonar saga Hákonarsonar* written by Sturla Þórðarson between 1263 and 1265, a royal saga “of modern times”, according to Sigurður Nordal’s classification, and fifteen “sagas of the past” forming *Heimskringla*, a large compendium of the kings’ sagas written by Snorri Sturluson c. 1230, the article investigates how Norwegian rulers were gradually starting to use letters instead of oral messages. The author aims to find out how the saga authors in the thirteenth century felt about the transition from oral communication to written, as well as how deeply in the time preceding the development of writing they attributed the existence of a written private act.

The Christianization of Norway, initiated by King Olav Tryggvason (995–1000), was completed by his successor and second cousin Olav Haraldsson (1014–1028). During the eleventh century a new religion and the Christian church gradually strengthened their position in the country, and with them came writing, first in Latin and then in Old Norse. The Latin language, as a language of the church, became the written language in Scandinavia and for some time remained the only (with the exception of the runes) written language of the Scandinavian countries. The Latin alphabet did not start being used for writing in the national language immediately after the introduction of Christianity. It is impossible to establish when exactly this happened, since the oldest manuscripts in the national languages have not been preserved in Scandinavian countries. But there is reason to believe that the Latin alphabet was first used in Iceland for writing in the native language in the early twelfth or even late eleventh century. Soon after 1056, the first school mentioned in the sources was founded by Bishop Ísleifr in Skálholt in Iceland. It is known that in the twelfth century there existed schools at the cathedrals of Nidaros, Bergen and Oslo in Norway. The earliest surviving Norwegian manuscript in Latin dates to the 1170s, while in Old Norse to c. 1210. About 80 manuscripts in vernacular reached us from the thirteenth century, and more than a thousand from the fourteenth century. Introduction of writing into business correspondence was also slow: the early Norwegian documentary corpus, before January 1, 1301, is represented by 993 letters only, while beginning with the fourteenth century the number of documents snowballs.

The paper demonstrates that, according to Snorri Sturluson, for more than a century and a half after the adoption of Christianity in Norway, there were no literate rulers or magnates. Unfortunately, Snorri never mentions who writes those letters that the Norwegian side exchanges with the Danish rulers, although it might easily be someone of the clergy close to the king. In Snorri Sturluson’s opinion, Norwegian rulers prior to the 1170s, unlike Danish or English rulers, remain within the framework of oral culture. Norwegian rulers and clergy of the mid-thirteenth century, as described by Snorri’s nephew Sturla Þórðarson, resort

to both oral and written communication, although writing letters takes time and effort. On the whole, the slow development of private communication represented by sagas can be considered as parallel to the state of office work in Norway, as well as to the abrupt increase, from the early thirteenth to the fourteenth century, of the amount of manuscripts in Old Norse.

Key words: writing, oral and written communication, Icelandic kings' sagas, Norway, Iceland, letters, Snorri Sturluson, Sturla Þórðarson

Е.В. Литовских

МАСТЕРСКАЯ СТУРЛЫ ТОРДАРСОНА: УСТНЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ «STURLUBÓK»

Стурла Тордарсон в работе над первой из дошедших до нас редакций «Книги о занятии земли» – так называемой «Книгой Стурлы» – использовал различные типы источников. К ним можно отнести ранние исторические труды его предшественников, родовые саги и семейные предания (сохранившиеся до нашего времени или нет), местные топонимические легенды и свидетельства очевидцев или «мудрых людей». При видимой отстраненности от имеющегося материала и непредвзятости, Стурла произвел его отбор и компоновку в соответствии со своим литературным замыслом и создал произведение с четкой структурой и выверенной композицией.

Ключевые слова: Исландия, «Книга о занятии земли», Стурла Тордарсон, источниковедение, устная традиция, исландские родовые саги

Стурла Тордарсон (1214–1284), автор первой из пяти дошедших до нас редакций «Книги о занятии земли» (*Landnámabók*) – так называемой «Книги Стурлы» (*Sturlubók*), – был видным политиком, писателем и историком своего времени. Сведений о его жизни и творчестве на порядок больше, чем об авторе второй редакции этого труда Хауке Эрлендссоне (1312–1334). Как известно из саг, Стурла был одним из представителей влиятельного рода Стурлунов, младшим признанным сыном Торда Стурлусона от его наложницы Торы. Обучением и воспитанием Стурлы занимался его дядя, также широко известный писатель и политик Снорри Стурлусон (1179–1241). После смерти отца в 1237 г. Стурла был вынужден возглавить род и принять активное участие в политической борьбе, шедшей в это время среди исландских хёвдингов. В 1251–1253 гг. он занимал должность всеисландского законоговорителя, а в 1272–1276 гг. по приказу норвежского конунга был назначен лагманом¹.

В своих исторических трудах Стурла Тордарсон не прошел мимо такого важного этапа в развитии его родины, как заселение острова. Поэтому после написания по заказу норвежских конунгов

¹ Подробнее о биографии Стурлы см.: Stefán Karlsson 1988; Sturla Þórðarson 2017.

Хакона Хаконарсона Старого (1204–1263) и Магнуса Исправителя Законов (1238–1280) саг и поэм о них, а также «Саги об исландцах», где описаны события так называемой эпохи Стурлунгов, происходившие на его глазах и даже при его непосредственном участии (Guðrun Ása Grímsdóttir 1988; Циммерлинг 2007), Стурла обратился к начальному этапу исландской истории. «Книга Стурлы» была написана ок. 1275–1280 гг., т.е. в последние годы его жизни, когда он отказался от полномочий лагмана и уступил контроль над округой своему сыну Снорри.

«Книга Стурлы» сохранилась в единственной бумажной рукописи середины XVII в. (AM 107 fol), являющейся списком Йоуна Эрлендссона из Потока с пергаменного протографа (ок. 1400 г.), который сгорел в Копенгагенском пожаре 1728 г.²

В «Книге» последовательно рассказывается о первопоселенцах и территориях, которые они заняли по всему острову от района современной столицы Исландии Рейкьявика – места прибытия Ингольва Арнарсона (849–910), считающегося первым постоянным поселенцем, – по часовой стрелке вдоль всего побережья. Делится «Книга» на пять частей по исландским административным единицам – четвертям (первая и пятая части рассказывают о заселении Южной четверти). В конце каждой части перечисляются наиболее выдающиеся поселенцы данной четверти, а в конце «Книги» подводятся общие итоги периода заселения.

«Книга о занятии земли» приводит подробные топографические и генеалогические сведения о первопоселенцах. Всего в ней упоминаются ок. 1500 усадеб и 3500 человек, объединенных примерно в 430 крупных родов (Kristmann Guðmundsson 1932. S. 616). По характеру и типу содержащейся в ней информации «Книгу» можно считать своеобразным кадастром исландских земель и их владельцев: генеалогии в ней доведены до времени ее написания, что позволяло с высокой степенью точности определять или подтверждать наследственные права на ту или иную территорию. Эти сведения изложены сухим формульным языком, однако в некоторых случаях встречаются более развернутые топонимические легенды и жизнеописания первопоселенцев. Последние выделяются стилистически, и их можно условно считать «пряжами», поскольку они точно так же вставлены в текст «Книги Стурлы», как «пряжи

² Подробнее о редакциях «Книги о занятии земли», их соотношении и имеющих-ся списках см.: Varði Guðmundsson 1938; Jón Jóhannesson 1941. Bls. 140–180; Sveibjörn Hafnæsson 1974.

об исландцах» – в состав королевских саг (Гуревич 2004. С. 6–41; о прядях в «Книге о занятии земли» см. С. 34).

В своей работе над «Книгой о занятии земли» Стурла Тордарсон использовал весь арсенал доступных ему источников, соединяя устные сведения с письменными материалами (о существовании части из которых мы можем только строить предположения), перерабатывая их и выстраивая в соответствии со своим замыслом.

В Предисловии, написанном в лучших ученых традициях своего времени, Стурла ссылается на письменные английские источники, в том числе сочинение Беда Достопочтенного (ок. 673–735) «Об исчислении времен» (*De temporum ratione*), говоря: «в той книге об исчислении времен, которую написал священник Беда Святой, упоминается остров, который называется Тили, и в книге говорится, что он лежит в шести днях плавания на север от Бретланда. Он говорил в ней [Беда в своей книге. – *Е.Л.*], что там не наступает день зимой, а ночь – летом, когда день самый длинный»³. Далее в том месте Предисловия, где речь идет об ирландских монахах, живших на острове еще до его массового заселения, имеется ремарка: «в английских книгах говорится»⁴.

Исследователи пришли к выводу, что Стурла Тордарсон также использовал утраченные произведения историков и писателей Сэмунда Сигфуссона Мудрого (1056–1133), Ари Торгильссона Мудрого (1067/68–1148), и, возможно, священника Стюрмира Карасона (1170 (?) – 1245), автора несохранившейся проторедакции «Книги о занятии земли».

Священник Сэмунд Мудрый, по праву считающийся первым исландским историком, жил на родовом хуторе Стурлунгов Одди и писал на латинском языке, однако его труды, в том числе исторические, не сохранились, и об их содержании мы можем только догадываться (о творчестве Сэмунда см.: Sveibjörn Hafnæsson 1974. Bls. 37–44; Глазырина 2016). Можно утверждать, что раздел о викинге Наддоде, приплывшем к Исландии вместо Фарёрских островов, в первой главе «Книги о занятии земли» создан с опорой на произведения Сэмунда, поскольку Стурла прямо ссылается на него: «так об этом рассказал священник Сэмунд Мудрый»⁵. Ученые

³ «Í aldarfarsbók þeirri, er Beda prestur heilagur gerði, er getið eylands þess er Tili heiter ok á bókum er sagt, at ligi 6 dægra sigling í norðr frá Bretlandi; þar sagðe hann eigi koma dag á vetr ok eigi nótt á sumar, þá er dagur er sem lengstr» (Landn. Formáli. Bls. 1).

⁴ «Enn er ok þess getit á bókum enskum» (Landn. Formáli. Bls. 1).

⁵ «Svo sagðe Sæmundur prestur en fróði» (Landn. K. 1. Bls. 1).

также сходятся во мнении, что Стурла использовал работы Сэмунда при написании Предисловия к «Книге». Вывод об этом делается на основании оборотов, которые Стурла использовал, поясняя читателям, что Беда имеет в виду под островом Тиле («поэтому ученые люди решили, что это Исландия называется Тиле»⁶), и сообщая, что первые поселившиеся на острове люди были ирландцами («люди думают, что они прибыли морем с запада»⁷). Под «учеными людьми» Стурла в этом случае подразумевал, как полагают, Сэмунда⁸.

В отличие от Сэмунда Ари Торгильссон, также живший в Одди, писал уже на древнеисландском языке. Этот средневековый ученый известен своей «Книгой об исландцах» (*Íslendingabók*) – небольшим историческим трудом, состоящим из 12 глав и занимающим 10 листов в рукописи *in folio*. «Книга» была написана в 1122–1132 гг. В ней кратко повествуется о первом периоде исландской истории, заселении Исландии и Гренландии, крещении страны и учреждении епископатов, т.е. ее материал частично пересекается с «Книгой о занятии земли». Стурла был знаком с этой работой Ари, а быть может, и с другими, несохранившимися трудами этого ученого. Тем не менее выделить заимствования из произведений Ари из-за отсутствия прямых цитат и отсылок достаточно сложно. Возможно, Ари Мудрым были составлены первые письменные генеалогические перечни, на которые опирался Стурла. Из этих перечней два дошли до нас в составе «Книги об исландцах»: собственного рода Ари и перечень епископов, но вполне могли существовать и другие. Исследователи предполагают также, что скрытая ссылка на «Книгу об исландцах» содержится во фрагменте, описывающем заселение Гренландии: «Как говорят мудрые люди, тем летом отправилось двадцать пять кораблей в Гренландию... Это было за пятнадцать зим до того, как христианство было провозглашено в Исландии»⁹. Принято считать, что под «мудрыми людьми» Стурла здесь подразумевает как раз Ари (о предполагаемых связях «Книги о занятии земли» с трудами Ари Мудрого см.: Halldór Hermannsson 1948).

⁶ «Til þess ætla vitrir menn það haft at Ísland sé Thile kallat» (Landn. Formáli. Bls. 1).

⁷ «Hugja menn, at þeir hafi verit vestan um haf» (Landn. Formáli. Bls. 1). О том, почему на ментальной карте средневековых исландцев Ирландия находится к западу от Исландии, см.: Джаксон 2014. С. 87–92.

⁸ Общий анализ использования произведений Сэмунда Сигфуссона в последующих исландских исторических произведениях см.: Ellehøj 1965. S. 16–25.

⁹ «Svo segja fróðir menn, at þat sumar fóru 25 skipa til Grænlands... Það var 15 vetrum fyrr en kristni var í laug tekin á Íslandi» (Landn. K. 35. Bls. 21).

Работой еще одного выдающегося деятеля исландского средневековья Стюрмира Карасона несомненно пользовался Хаук Эрлендссон, что он не преминул отметить в своей редакции «Книги о занятии земли». Учитывая незначительный характер расхождений между редакциями Стурлы и Хаука, равно как и то, что Стюрмир являлся помощником Снорри Стурлусона и тоже жил в Одди, можно с высокой степенью вероятности предполагать, что с «Книгой Стюрмира» (что бы она из себя ни представляла) был знаком и Стурла. Именно этой точки зрения придерживались исландские исследователи Йоун Йоуханнессон и Якоб Бенедиктссон (Jón Jóhannesson 1941. Bls. 174; Jakob Benediktsson 1968. Bls. LXIII–LXIV). Барди Гюдмундссон полагал также, что из «Книги Стюрмира» была позаимствована «Прядь о Гейрмунде Адской Коже» (Barði Guðmundsson 1938. Bls. 17). Однако категорично утверждать, что «Книга Стюрмира» была первой полноценной редакцией «Книги о занятии земли», в виду скудости имеющегося материала нельзя.

Кроме того, при написании четвертой части «Книги о занятии земли» (описывающей заселение Восточной четверти Исландии) Стурла пользовался информацией еще одного исландского ученого – Кольскегга Асбьёрнссона Мудрого (ум. ок. 1130), что он сам отмечает перед началом новой главы следующим образом: «теперь, как уже говорилось, Кольскегг поведает о занятии земли»¹⁰. Однако однозначно установить, существовали ли сведения Кольскегга в письменной форме или устной, не представляется возможным, остается лишь предполагать по форме ссылки, что Стурлой был использован какой-то вариант именно письменного труда Кольскегга Мудрого.

В целом обороты «мудрые люди говорят» / «ученые люди говорят», применяемые с одинаковой частотой, встречаются в «Книге о занятии земли» неоднократно¹¹. При этом определить, на кого именно ссылается Стурла, в большинстве случаев проблематично (Halldór Hermannsson 1948. Bls. 60; Guðrun Ása Grímsdóttir 1988. P. 8–13), поскольку в качестве информантов, скрытых за этими оборотами, выступают не только Сэмунд Сигфуссон, Ари Торгильссон и Стюрмир Карасон, но также Кольскегг Асбьёрнссон и некоторые другие его современники, также именовавшиеся *inn fróði* («Мудрый» / «Мудрец»).

¹⁰ «Nú hefir Kolskegur fyrer sagt héðan frá um landnám» (Landn. K. 78. Bls. 57).

¹¹ «Svo segja vitrer menn» (Landn. K. 1. Bls. 1; K. 41. Bls. 26; K. 87. Bls. 63; K. 102. Bls. 76); «svo segja fróðer menn» (Landn. K. 35. Bls. 21; K. 54. Bls. 37; K. 102. Bls. 75).

Вставляя в текст ссылки на конкретных лиц или – чаще – на общеизвестность событий, Стурла не только выделяет источники своей информации, но и верифицирует ее. Если рассмотреть сведения, которые следуют за подобными вставками, то выясняется, что это особо значимая для «Книги» (и для древнеисландского общества в целом) информация, которая касается, прежде всего, наиболее влиятельных первопоселенцев. При этом своего мнения (согласия или несогласия с «мудрыми людьми») Стурла не высказывает, некоторым образом дистанцируясь от приводимых фактов.

Другим важнейшим источником Стурлы были саги, родовые и королевские. Многие из них были записаны в то же время, что и сочинение Стурлы, или чуть позже¹², поэтому невозможно надежно установить, какими сагами, устными или письменными, пользовался Стурла: во всех случаях автор применяет похожие обороты «о чем говорится / рассказывается в саге»¹³. Лишь единожды, начиная рассказ о заселении Северной четверти, Стурла отмечает достоверность информации и письменный характер саг: «о ней сложены самые большие саги древности и современности, о чем написано и что можно проверить»¹⁴.

Соотношение сведений «Книги о занятии земли» и конкретных родовых саг изучалось неоднократно (см. обзор: Blackall 1982. P. 7–15). В родовых сагах и «Книге Стурлы», прежде всего, совпадают генеалогии исландцев и, что естественно, называются одни и те же лица. Однако нередко в «Книге» либо появляются выпавшие в сагах генеалогические колена, либо уточняются колена, имена и родственные связи, что может предполагать использование Стурлой иных вариантов семейных родословных, бытовавших в устной традиции.

Однако сюжеты саг, как правило, Стурлой не пересказываются. Автор «Книги» ограничивается лишь отсылкой к имеющимся сагам (не все из которых дошли до нас): в тексте упоминаются пятнадцать известных родовых и королевских саг, такие как, на-

¹² Точные даты создания родовых саг – предмет постоянных дискуссий. См. об этом: Andersson 1964. P. 61–64.

¹³ «Sem segir í sögu hans» (Landn. K. 37. Bls. 22); «þaðan af giorðist saga Bauðmóðs gerpis ok Grímólfs» (Landn. K. 52. Bls. 35); «af því gjaurðist Þorskirðinga saga» (Landn. K. 40. Bls. 26); «þar hafa margar stórar saugur geyrst» (Landn. K. 87. Bls. 63).

¹⁴ «Stærstar saugur hafa giorst bæði at fornu ok nýju, sem enn mun ritat verða ok raun ber á» (Landn. K. 54. Bls. 37).

пример, «Сага о Харальде Прекрасноволосом»¹⁵. Кроме того, в «Книге» имеются ссылки еще на пять саг, не сохранившихся до наших дней¹⁶.

Даже в тех случаях, когда о событиях, описываемых в «Книге Стурлы», рассказывается и в родовых сагах, текстуального совпадения не наблюдается, что усложняет решение вопроса о направлении заимствований – из «Книги о занятии земли» в саги или из саг в «Книгу»¹⁷. Наиболее ярко это видно на примере эпизода о занятии земли Ауд Глубокомудрой (*Audr djúruðga*), дочерью Кетилия Плосконосого (Landn. К. 36–40. Bls. 82–88). В «Книге» подробнее и последовательно описывается передвижение Ауд и сопровождавших ее родственников и домочадцев по побережью, что имеет важное значение для целей данного произведения, ибо в ходе рассказа объясняются причины появления тех или иных топонимов, большинство из которых как раз и были даны самой Ауд. Будучи прародительницей разветвленного и знатного рода, Ауд, что естественно, упоминается не только в «Книге о занятии земли». Ее имя присутствует в генеалогических перечнях и называется в связи с земельными владениями родственников или

¹⁵ «Haraldr enn hárfagri herjaði vestur um haf, sem ritat er í saugu hans» («Харальд Прекрасноволосый грабил на западе в море, о чем было написано в саге о нём» – Landn. К. 11. Bls. 5); «Ok er þat spurði Haraldr kongur, sendi hann vestr Ketil flatnef» («Как это рассказывается [в саге] о конунге Харальде, он послал на запад Кетилия Плосконосого». – Landn. К. 11. Bls. 5). Харальд Прекрасноволосый (858 – ок. 940), сын Хальвдана Черного, был норвежским конунгом в 863–928 гг.

¹⁶ «Trúðu þeir því, at þeir dæi í hólana, ok þar var Þórður gellir leiddur í, ádr hann tók manvirðing, sem segir í sögu hans» («они верили в то, что они умрут в чести, как это было с Тордом Ревуном, которого все уважали, о чем говорится в саге о нём». – Landn. К. 37. Bls. 22); «Vébjörn var vígamaðr mikill, ok er saga mikil frá honum» («Вебьёрн был выдающимся бойцом, и о нём есть большая сага». – Landn. К. 50. Bls. 32); «þar af gerðist saga Ísfríðinga ok víg Þorbjarna» («об этом рассказывается в Саге о людях с Ледяного Фьорда и убийстве Торбьёрна». – Landn. К. 50. Bls. 33); «Þaðan af giorðist saga Vaudmóds gerpis ok Grímólfs» («об этом рассказывается в Саге о Бедмоде Воине и Гримольве». – Landn. К. 52. Bls. 35); «Hallstein, er þetta kvað, þá er hann sigldi af hafi ok frá andlát faður síns» («Халльстейн, о котором говорится, что он приплыл из моря, почуяв смерть своего отца». – Landn. К. 71. Bls. 50).

¹⁷ Зачастую «Книга о занятии земли» используется историками именно для уточнения датировок саг и событий, в них описываемых. При этом в случае расхождения сведений саг и «Книги» предпочтение отдается информации последней, поскольку в течение долгого времени исследователями признается высокая степень исторической достоверности «Книги» и считается, что именно она предвосхитила создание многих родовых саг (Kristmann Guðmundsson 1932. S. 606–622; Whaley 2000. P. 61–72; Gisli Sigurðsson 2011. P. 88–90).

домочадцев (которыми она их наделила) в «Саге о Ньяле», «Саге об Эйрике Рыжем», «Саге о Греттире», «Саге о людях с Песчаного Берега» (где Ауд ошибочно названа *djúraiddga* «Глубокобогатая») и в «Саге о Харальде Прекрасноволосом», но самый развернутый сюжет посвящен ей в «Саге о людях из Лососьей Долины» (где она фигурирует под именем Унн). Оба сюжета (в «Книге» и в «Саге о людях из Лососьей долины») заканчиваются смертью и похоронами Ауд Глубокомудрой, но они не совпадают в описании этих событий. В саге основное внимание уделяется действиям ее внука Олава Фейлана, а в «Книге о занятии земли» Стурла Тордарсон подчеркивает незаурядность характера Ауд, ее щедрость и выдержку до последней минуты. И это – едва ли не единственный рассказ «Книги», никоим образом не касающийся проблем заселения Исландии, а просто освещающий жизнь несомненно выдающейся личности¹⁸.

Возможно, большинство других прядей в «Книге о занятии земли» также являются пересказами саг (или их частей), либо несохранившихся до нашего времени, либо бытовавших только в устной традиции и никогда не записанных. Некоторые исследователи еще в XIX в. предполагали, что именно из прядей произошли родовые саги (Báath 1885). В начале XX в. В.Х. Фогт рассматривал пряди «Книги о занятии земли» в качестве не успевших до конца сформироваться на момент их записи в «Книгу» «прото-рассказов» (*frásagnir*) об отдельных первопоселенцах. Он считал, что они соответствуют тому типу устного повествования, который должен был бытовать в Исландии с X в. и впоследствии трансформировался в саги (Vogt 1921). Итоги развития этой теории подвела в конце XX в. К. Кlover, причем она особо подчеркивала доминирующую роль пряди как «малой литературной формы» (Clover 1986). Кlover считает, что в долитературной стадии саги существовали в виде «коллективно-мыслимого целого», к которому принадлежали отдельно исполняемые пряди, причем их набор и последовательность могли варьироваться (Clover 1986. P. 34). Г.В. Глазырина также полагала, что это были отдельные сказания, бытовавшие в устной традиции и впоследствии трансформировавшиеся в саги (Глазырина 2003).

Больше всего прядей в «Книге о занятии земли» приходится на вторую часть, в которой описывается заселение Западной

¹⁸ Подробнее об описаниях Ауд в источниках см.: Jochens 1986; Литовских 2011.

четверти Исландии. Эта часть – самая объемная в «Книге», и она содержит больше всего глав. Скорее всего, это связано с тем, что Западная четверть – родина Стурлы Тордарсона, и окрестности хутора Грязное Жилье были зоной его влияния. Историю и устные предания этой области он должен был знать лучше всего, и они интересовали его больше, чем сведения о других исландских четвертях. Соотношение кратких формульных сообщений о первопоселенцах и территориях, ими занятых, и развернутых топонимических легенд и жизнеописаний знаменитых первопоселенцев во второй части «Книги Стурлы» явно перевешивает в пользу последних. При этом выделяются своей подробностью и сведения о тех усадьбах Северной четверти, в которых проживали свояки Стурлы: именно в связи с ними Стурла приводит топонимические легенды и жизнеописания первопоселенцев (например, топонимическую легенду о Болоте Летуни. – Landn. K. 62. Bls. 43).

У Стурлы имелись и другие, безусловно устные (в отличие от саг) источники. На их использование, в первую очередь, указывают ссылки на общеизвестность и доступность информации («как мы слышали», «теперь можно услышать» и т.п.¹⁹).

Помимо этого автор активно ссылается на сведения других исландцев, возможно, очевидцев, используя при этом такой оборот, как *svá er sagt* («говорят»²⁰). По мнению Г.В. Глазыриной, эта формула, маркирующая устный источник информации, призвана выполнять одновременно несколько функций: отсылать к коллективной памяти о важных событиях истории Исландии, подтверждать достоверность исторических фактов и в то же время вводить в текст сведения свидетелей-современников (Глазырина 2011. С. 114). Ссылаясь на слова очевидцев, Стурла перечислял всех трансляторов приводимого им рассказа, даже если такая ссылка получалась многоступенчатой: «Так, по словам Торкеля Геллиссона, рассказывали те исландцы, которые слышали, как [ярл] Торфинн на Оркнейских островах рассказывал о том, что

¹⁹ «Eg vér höfum heyrð» (Landn. K. 102. Bls. 75); «sem nú mátti heyra» (Landn. K. 53. Bls. 37).

²⁰ Landn. K. 1. Bls. 1; K. 12. Bls. 6. Употребление этой формулы было проанализировано Т. Андерссоном на материале родовых саг (Andersson 1964. P. 127–149) и Г.В. Глазыриной в «Книге об исландцах» Ари Мудрого (Глазырина 2011; там же на с. 102 см. историографию по устойчивым оборотам как признакам устной или письменной формы источника).

Ари был известен в Земле Белых людей»²¹. Отдельно Стурла отмечает рассказы Хравна Ездока-в-Хлимрек²² и Торфинна²³, поименовав своих информантов.

Следующая группа – это фольклорные и мифологические сюжеты. Предположительно они взяты из устных источников, поскольку неизвестны их записи, в какой-либо форме существовавшие на момент создания «Книги о занятии земли» (об обращении Стурлы к устной традиции см. также: Литовских 2010). Использование этих сюжетов в «Книге Стурлы» – отдельная и обширная тема для специального исследования, поэтому при рассмотрении наших вопросов ограничимся лишь их общим перечислением. Сюда можно отнести те пряди «Книги», в которых речь идет о водяном (Landn. К. 26. Bls. 14), о призраке в железной лодке (Landn. К. 26. Bls. 14) и о волшебных конях (Landn. К. 31. Bls. 17; Landn. К. 62. Bls. 43). Автор допускает существование в языческие времена заселения Исландии оборотней (Landn. К. 74. Bls. 53; Landn. К. 92. Bls. 67), ясновидящих (Landn. К. 92. Bls. 67), великанов (Landn. К. 40. Bls. 24), призраков (Landn. К. 35. Bls. 21) и злых духов (Landn. К. 68. Bls. 48). Как распространенное и обычное явление воспринимается им присутствие в исландском обществе колдунов (Landn. К. 30. Bls. 16; К. 35. Bls. 20), равно как и наличие у людей сочетания мудрости и колдовского дара²⁴ – распространенное общее представление, отраженное также и в сагах. Больше всего подобных фольклорных и фантастических сюжетов находится опять-таки во второй части «Книги о занятии земли». Стурла предельно нейтрально относится к сверхъестественным, сказочным и мифологическим – в нашем понимании – мотивам. Автор «Книги», будучи христианином, никак не выражает свое отношение к описываемому, ограничиваясь лишь пересказом.

²¹ «Svo kvað Þorkell Gellisson segja íslenska menn, þá er heyrð haufðu frá segja Þorfin [jarl] í Orkneyjum, at Ari hefði kendur verit á Hvítamannalandi» (Landn. К. 43. Bls. 27). *Hvítamannaland* («Земля Белых людей») – дословный перевод на исландский д.-ирл. топонима *Finn galliath*, обозначающего Северную Америку и весь регион к западу от Ирландии.

²² «Þessa saugu sagði fyrst Hrafn Hlymreksfari, er lengi hafði verit í Hlymreki á Írlandi» («Эту историю первым рассказал Хравн Ездок-в-Хлимрек, который долго был в Хлимреке в Ирландии». – Landn. К. 43. Bls. 27). Хлимреком исландцы называли город Лимерик в Ирландии.

²³ См. выше: Landn. К. 43. Bls. 27.

²⁴ «Loðmundur var rammaukinn mjök ok fjölkunigur» («Лодмунд был большим мудрецом и колдуном». – Landn. К. 79. Bls. 57).

Э.-М. Лонг рассматривает «Книгу Стурлы» как попытку конструирования культурной памяти и одновременно презентации и интерпретации прошлого, с чем нельзя не согласиться. Однако коллективная память о ранних колонистах, по ее мнению, передается в «изменчивых текстуальных формах», взятых Стурлой из устной традиции. Такая изменчивость текста дает, как считает Лонг, большой простор и вариативность в соотношении между «историзмом» и вымыслом (Long 2017. P. 56–59). Воспринимая «Книгу о занятии земли» скорее как некую культурную конструкцию, чем как собрание исторических фактов, Э.-М. Лонг подвергает сомнению общепринятую достоверность ее сведений. При этом непонятно, следует ли считать вымысел свойством использованных Стурлой источников или результатом его собственного творчества. Неясно также, имеет ли Лонг в виду под «изменчивыми текстуальными формами» генеалогические перечни (которые в силу выполнявшихся ими функций должны были передаваться в устной традиции максимально точно) или только «пряди». Следовательно, в рамках этого определения из-за его размытости, с одной стороны, нет возможности выделить группы источников «Книги», а с другой, нивелируется ясно видный, по нашему мнению, авторский вклад Стурлы в литературную обработку имевшегося у него разнопланового (а не только «устно-коллективного») материала.

Мы можем смело говорить о том, что Стурла существенно переработал свои источники, добавил к ним другие известные ему сведения и последовательно изложил имевшийся материал. В том случае, когда родственные связи или передвижение первопоселенцев по стране вынуждали автора повторно упоминать одно и то же лицо, он использовал перекрестные отсылки, краткие или более развернутые²⁵.

Авторским вкладом Стурлы безусловно можно считать рамочную композицию «Книги о занятии земли», имеющую вводный и заключительный разделы и одинаковые начала и окончания частей с подведением итогов заселения каждой четверти и общих итогов «Книги»:

²⁵ «Sem áður var ritat» («о которых уже писалось выше». – Landn. K. 49. Bls. 31; Landn. K. 80. Bls. 58; Landn. K. 87. Bls. 63); «sem fyrr var getit» («о чем уже упоминалось». – Landn. K. 50. Bls. 32); «Önundr bílldr, er fyrr var geteð, nam land fyrer austan Hróarslæk ok bjó í Aunundarholti; frá honum er margt stórmenni komit, sem fyrr er ritat» («Энунд Клинок, о котором уже шла речь, занял землю восточнее Ручья Хроара и жил в Лесу Энунда; от него пошло много знатных людей, о чем уже писалось». – Landn. K. 96. Bls. 71).

	Начало части	Конец части
Вторая часть	<p>Hér hefur upp landnám í Vestfirðingafjórðungi [выделено киноварью в рукописи. – <i>Е.Л.</i>], er mart stórmenni hefir bygðan</p> <p>(«Здесь рассказывается о занятии земли в Западной четверти, где поселились многие знатные люди». – Landn. K. 22. Bls. 11).</p>	<p>Nú eru ritut landnám flest í Vestfirðingafjórðungi, efter því sem fróðer menn hafa sagt. Má það nú heyra, at þan fjórðung hefer mart stórmenni bygt, ok frá þeim eru margar gaufugar ætter komnar, sem nú mátti heyra. Þesser landnámsmenn eru gaufgastir í Vestfirðingafjórðungi... En þá er bændr voru taldir á Íslandi, þá voru 900 bónda í þessum fjórðungi</p> <p>(«Здесь было описано множество поселений в Западной четверти так, как об этом рассказывали мудрые люди. Теперь можно услышать, что четверть была заселена многими выдающимися людьми, и от них пошло много известных родов, о которых теперь можно услышать. Следующие первопоселенцы из Западной четверти были знамениты [список имен]. Когда были подсчитаны бонды в Исландии, то в этой четверти было 900²⁶ бондов». – Landn. K. 54. Bls. 37).</p>
Третья часть	<p>Nú hefur upp landnám í Norðlendingafjórðungi, er fjölbygðastr hefer verit af aullu Íslandi ok stærstar saugur hafa giorst bæði at fornu ok nýju, sem enn mun ritat verða ok raun ber á</p> <p>(«Здесь рассказывается о заселении Северной четверти, которая была самой густонаселенной во всей Исландии, и о ней сложены самые большие саги древности и современности, о чем написано и что можно проверить». – Landn. K. 54. Bls. 37).</p>	<p>Nú eru ritut landnám í Norðlendingafjórðungi, ok eru þesser þar ágætastir landnámsmenn... En þar voru 1200 bónda, þá er talit var</p> <p>(«Здесь было описано заселение Северной четверти, и самыми известными поселенцами там были [список имен]. Там было двенадцать сотен бондов, как подсчитано». – Landn. K. 74. Bls. 53).</p>

²⁶ Здесь имеется в виду подсчет населения, проведенный епископом Скальхольта Гицуром Ислейвссоном (1042–1118) ок. 1097 г. Счет велся так называемыми большими сотнями, т.е. по 120 человек. Таким образом, по итогам первой исландской переписи в Западной четверти насчитывалось ок. 1080 человек.

<p>Четвертая часть</p>	<p>Þessir menn hafa land numit í Austfirðingafjórðungi, er nú munu upp talder. Ok fer hvað af hendi norðan til fjórðungamóts frá Langanesi á Sólheimasand, ok er það saugn manna, at þessi fjórðungur hafi fyrst albygður vorðit</p> <p>(«Эти люди заняли землю в Восточной четверти, которые теперь будут перечислены, и перечисление пойдет с севера к границе четвертей от Длинного Мыса в Песках Солнечного Края, и, как говорят, эта четверть была первой полностью заселена». – Landn. K. 74. Bls. 53).</p>	<p>Nú eru ritut landnám í Austfirðingafjórðungi, efter því sem vitrer menn ok fróðer hafa sagt. Hefir í þeim fjórðungi mart stórmenni verit síðan, ok þar hafa margar stórar saugur gefrst. En þessir hafa þar stærstir landnámsmenn verit...</p> <p>(«Здесь было описано заселение Восточной четверти, как об этом говорят мудрые и знающие люди. В этой четверти потом было много знатных людей, и о многих рассказывается в сагах. Эти люди были там крупнейшими первопоселенцами [список имен]». – Landn. K. 87. Bls. 63).</p>
<p>Пятая часть</p>	<p>Hér hefjast upp landnám í Sunnlendingafjórðungi, er með mestum blóma er alls Íslands fyrir landskosta saker ok haufðingja þeirra, er þar hafa bygt, bæði lærðir ok ólærðer</p> <p>(«Здесь рассказывается о заселении Южной четверти, самой процветающей во всей Исландии, и хёвдингах, ученых и неученых, которые там жили». – Landn. K. 87. Bls. 63).</p>	<p>[начало последней главы, заканчивающей пятую часть «Книги»:]</p> <p>Nú er yfer farit um landnám þau, er vér höfum heyrt, at verit hafi á Íslandi, en þessir landnámsmenn hafa gaufgastir verit í Sunlendingafjórðungi... Svo segja fróðer menn, at landit yrði albyggt á 60 vetra... Svo segja vitrer menn, at naukkurir landnámsmenn hafi skírðer verit, þeir er bygt hafa Ísland...</p> <p>(«Так происходило заселение земли [Исландии], как мы слышали, что было в Исландии, и эти поселенцы были самыми выдающимися в Южной четверти [список имен]. Как говорят мудрые люди, весь остров был заселен за 60 лет... Как говорят умные люди, некоторые из первопоселенцев, живших в Исландии, были крещеными [список имен]». – Landn. K. 102. Bls. 75).</p>

Некоторые крупные разделы внутри частей «Книги» также начинаются обобщающими вводными фразами, такими как: «Теперь, как уже говорилось, Кольскегг поведает о занятии земли»²⁷ или «Теперь речь пойдет о земле, занятой Ингольвом. Те люди,

²⁷ См. сноску 10.

которые здесь перечислены, поселились в его владениях»²⁸. Глава, завершающая большой тематический раздел, заканчивается фразой: «Здесь мы перечислили людей, которые стали жить на земле, занятой Скаллагримом»²⁹. Этими обобщениями Стурла структурирует свой текст, переходя от простого описательного повествования к систематическому, упорядоченному изложению собранного материала.

Авторское начало в «Книге о занятии земли» проявляется в способах датировок тех или иных событий. С одной стороны, Стурла, как и большинство составителей саг, отсчитывает время от «опорных» событий собственно скандинавской истории: правления Харальда Прекрасноволосого (Landn. K. 56. Bls. 38; K. 73. Bls. 51) и официального принятия христианства на всеисландском тинге 999 или 1000 г. С другой стороны, стремясь вписать историю Исландии в мировой контекст, он соотносит начало заселения Исландии с системой европейского летосчисления: «В то лето, когда Ингольв и его люди отправились на поселение в Исландию, Харальд Прекрасноволосый был двенадцать лет конунгом в Норвегии; от сотворения мира тогда прошло 6073 зимы. А от Рождества Христова – 874 года»³⁰. Использует Стурла и другие важные даты европейской истории – правления наиболее известных исландцам английских и франкских королей, византийских императоров и папы римского: «Когда Исландия была открыта и заселена из Норвегии, римским папой был Адриан, а после него – Иоанн, который был пятым с этим именем на апостольском престоле; Хлэдвер, сын Хлэдвера, был кесарем к северу от гор [Альп. – *Е.Л.*], Лео и сын его Александер – в Миклагарде. Харальд Прекрасноволосый был тогда конунгом Норвегии; Эйрик Эймундарсон и его сын Бьёрн – конунгами в

²⁸ «Nú er komit at landnámi Ingólfs. En þeir menn, er nú eru talder, hafa bygt í hans landnámi» (Landn. K. 100. Bls. 75).

²⁹ «Nú eru þeir menn talder, er laund hafa bygt í landnámi Skallagríms» (Landn. K. 25. Bls. 13).

³⁰ «Sumar það, er þeir Ingólfr fóru til at byggja Ísland, hafðe Haralldur hárfagri verit 12 ár konungr at Noregi; þá var liðit frá upphafe þessa heims 6 þúsundir vetra ok 73 vetur. En frá holldgan dróttins 874 ár» (Landn. K. 6. Bls. 3). Ср.: «En Beda prestr andaðist 735 árum efter hollgan dróttins vors, at því er ritað er, ok meir en hundraði ára fyr en Ísland byggðist af Norðmönnum» («А священник Беда умер через 735 лет после Рождества Господа нашего, как это записано, и более чем за сто лет до того, как Исландия была заселена норвежцами». – Landn. Formáli. Bls. 1).

Швеции, Горм Старый – в Дании, Эльврад Могучий и его сын Ятвард – в Англии; Кьярваль – в Дублине, а ярл Сигурд Могучий – на Оркнейских островах»³¹.

Внутри разделов Стурла уточняет время описываемых событий, соотнося его с ходом заселения, употребляя обороты «в начале заселения»³² и «в конце заселения»³³. Вместе с тем дата начала заселения Исландии не стала отправной точкой для формирования собственно исландской системы летосчисления: в источниках (не только в «Книге о занятии земли», но и в сагах и др.) отсутствует систематическая привязка именно к ней.

Помимо этого, события, описываемые в «Книге Стурлы», соотносятся также с заселением Гренландии («когда землю [Гренландию] заселял Эйрик Рыжий»³⁴) и крещением Исландии. Последняя точка отсчета может использоваться и применительно к событиям, произошедшим до нее. В этом случае говорится, что, например, «это было за 15 зим до того, как христианство было провозглашено в Исландии»³⁵.

³¹ «Þá er Ísland fannst ok byggðist af Nóregi, var Adriánús páfi í Róma ok Jóhannes eftir hann, sá er inn fimmti var með því nafni í postulligu sæti, en Hlöðver Hlöðvesson keisari fyrir norðan fjall, en Leó ok Alexander, sonr hans, yfir Miklagarði. Þá var Haraldr hárfagri konungr yfir Nóregi, en Eiríkr Eymundarson í Svíþjóð ok Björn, sonr hans, en Gormr inn gamli at Danmörk, en Elfráðr inn ríki í Englandi ok Játvarðr, sonr hans, en Kjarvalr at Dyflinni, Sigurðr jarl inn ríki í Orkneyjum» (Landn. K. 1. Bls. 1). Римский папа Адриан – папа Адриан II (867–872); Иоанн – Иоанн VIII (872–882); Хлэдвер – король Восточно-Франкского государства Людовик II Немецкий (855–875), сын Людовика I Благочестивого; Лео и Александр – византийские императоры Лев VI Мудрый (886–912) и Александр (886–913); Эйрик и Бьёрн – конунги Свеаланда (Средней Швеции) Эйрик Эймундарсон (ок. 859 – ок. 873 гг.) и Бьёрн Эйрикссон (ок. 873 – ок. 923 гг.); Горм – датский конунг Горм Старый (883–941); Эльврад и Ятвард – английские короли Альфред Великий (871–899) и Эдуард Старший (899–924); Кьярваль – предположительно ирландский король Кеарбал Мак Дунгал (*Cearbhall Mac Dunghall*, 842–887/888), который правил с 847 г. в Оссори (южная Ирландия); ярл Сигурд – Сигурд Могучий (ок. 875 – ок. 892 гг.), сын Эйстейна Гремуски.

³² «Til Íslands byggðar snemma» (Landn. K. 98. Bls. 73). Cp.: «síð landnámatíðar» («со времени заселения»). – Landn. Formáli Bls. 1; K. 6. Bls. 3; K. 45. Bls. 28; K. 68. Bls. 48; K. 72. Bls. 50; K. 98. Bls. 73).

³³ «Út at albyggðu landi» (Landn. K. 48. Bls. 30; K. 86. Bls. 62). Cp.: «þá er byggt var allt með sjó» («когда все побережье уже было заселено»). – Landn. K. 99. Bls. 74; K. 100. Bls. 75).

³⁴ «Þá er Eiríkr inn rauði byggði landit» (Landn. K. 35. Bls. 21).

³⁵ «Það var 15 vetrum fyrr en kristni var í laug tekin á Íslandi» (Landn. K. 35. Bls. 21). См. также: «Sextán vetrum fyrir kristni» («за 16 зим до провозглашения христианства в Исландии»). – Landn. K. 70. Bls. 49).

Наконец, Стурла обязательно более или менее подробно описывает события первой зимы после переселения как важный рубеж в освоении новой территории, используя при этом оборот «первую зиму [такой-то провел]»³⁶. Все дальнейшие события не требуют такой детальной точности, и автор ограничивается обозначением крупных временных промежутков.

Отсчет времени в тексте «Книги о занятии земли» может вестись относительно жизни/смерти человека («пока был жив [такой-то]»³⁷ и «после смерти [такого-то]»³⁸) и его возрастной категории («в старости»³⁹ и «в молодости»⁴⁰), а также относительно какого-либо известного события: «когда вернулся из набега»⁴¹ и «когда поехал на тинг»⁴². По одному разу упоминаются дни осеннего и весеннего перехода и середина года⁴³. В «Книге Стурлы» наибольшее количество подобных хронологических ориентиров встречается, как правило, в тех фрагментах, где события описываются достаточно подробно, а, следовательно, представляют для автора особый интерес. В связи с этим становится важно и время происходившего, и хронологическое упорядочение событий. В тех же ситуациях, где автор ограничивается лишь сухим перечислением имен первопоселенцев и занятых ими земель, временные указания, как правило, отсутствуют, поскольку общие временные рамки – время заселения страны – остаются прежними. В расширенных жизнеописаниях первопоселенцев обычно употребляются осязаемые человеком промежутки, время остается «событийным», конкретным и различимым взглядом. Это – естественные для средневекового исландца единицы счета

³⁶ «Inn fyrsta vetr» (Landn. K. 11. Bls. 5; K. 12. Bls. 6; K. 17. Bls. 7; K. 20. Bls. 9; K. 34. Bls. 19; K. 35. Bls. 20; K. 45. Bls. 28; K. 47. Bls. 30; K. 52. Bls. 34; K. 55. Bls. 37; K. 77. Bls. 55; K. 83. Bls. 60; K. 98. Bls. 73; K. 99. Bls. 74; K. 101. Bls. 75).

³⁷ «Meðan [hann] lifði» (Landn. K. 58. Bls. 40). Ср.: «í landnámi Ketils hængs» («во время поселения Кетили Лосося». – Landn. K. 95. Bls. 70).

³⁸ «Eftir andlát» (Landn. K. 34. Bls. 19; K. 70. Bls. 49; K. 73. Bls. 51; K. 97. Bls. 71). Ср.: «en er [hann] andlaðist» («когда умер [такой-то]» – Landn. K. 33. Bls. 18; K. 69. Bls. 48).

³⁹ «Í elli sinni» (Landn. K. 15. Bls. 7; K. 74. Bls. 52). Сюда же можно отнести оборот «þá hann var gamall» («когда состарился». – Landn. K. 16. Bls. 7; K. 26. Bls. 14; K. 27. Bls. 15; K. 40. Bls. 24; K. 79. Bls. 57).

⁴⁰ «Í ungi» (Landn. K. 74. Bls. 52, 53; K. 95. Bls. 70).

⁴¹ «En er kom ór hernaði» (Landn. K. 69. Bls. 48).

⁴² «En er fór af þingi» (Landn. K. 62. Bls. 43).

⁴³ «Um várit at fardögum» («весной в дни перехода». – Landn. K. 51. Bls. 3); «Haustboð» («в дни осеннего перехода». – Landn. K. 49. Bls. 31); «Þau missari» («в середине года». – Landn. K. 7. Bls. 4).

времени (об этом см., например: Jón Jóhannesson 1974. P. 161–202), и определить, взяты они из устных или письменных источников, или же привнесены самим Стурлой, невозможно.

Таким образом, Стурла Тордарсон использует все имеющиеся в его распоряжении источники, как письменные, так и устные, Стурла не показывает своего авторского отношения к этим сведениям, пересказывает информацию максимально нейтрально. Однако он всё же иногда находит нужным указать использованный источник, особенно если речь идет о значимых (в свете заселения Исландии) событиях и явлениях. Важность последних он подтверждает ссылкой на «мудрых людей», тем самым снимая с себя ответственность за достоверность изложенных фактов. При этом Стурла одинаково относится к письменным и устным источникам, никак специально их не разграничивая и даже зачастую не отмечая, какие из них он использовал. На взгляд Стурлы, устная информация равноценна письменной и не требует дополнительной верификации. Вся она подвергается авторской переработке в соответствии с замыслом «Книги». Стурла излагает материал в строгой географической последовательности, вставляет стереотипные введения и перекрестные ссылки и подводит итоги в конце частей. Наибольшее же количество преданий, топонимических легенд и развернутых жизнеописаний первопоселенцев касаются Западной четверти – родины Стурлы, события в пределах которой ему, по-видимому, были более близки и знакомы.

ЛИТЕРАТУРА

- Глазырина Г.В.* Сказитель в Исландии // ВЕДС-ХV: Автор и его текст. М., 2003. С. 66–70.
- Глазырина Г.В.* Формула *svá er sagt* в «Книге об исландцах» Ари Мудрого // Висы дружбы. Сб. статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 101–114.
- Глазырина Г.В.* Первый историограф Исландии Сэмунд Мудрый // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 527–551.
- Гуревич Е.А.* Древнескандинавская новелла: поэтика «прядей об исландцах». М., 2004.
- Джаксон Т.Н.* Многозначность терминов стран света в средневековой Исландии // Книга картины земли: сб. ст. в честь И.Г. Коноваловой / под ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова. М., 2014. С. 76–92.

- Литовских Е.В.* Отношение Стурлы Тордарсона к устным преданиям: устная традиция в *Sturlubók* // ВЕДС-XXII. М., 2010. С. 170–173.
- Литовских Е.В.* Женщины в формировании политической элиты древнеисландского общества: Ауд Глубокомудрая в «Книге о занятии земли» // ВЕДС-XXIII. М., 2011. С. 167–173.
- Циммерлинг А.В.* Стурла Тордарсон и «Сага об исландцах» // Сага об исландцах / пер. с древнеисл. языка, общ. ред., вступ. ст. и коммент. А.В. Циммерлинга. СПб., 2007. С. 9–64.
- Andersson Th.M.* The Problem of Icelandic Saga Origins: A Historical Survey. L., 1964.
- Barði Guðmundsson.* Uppruni Landnámabókar // Skírnir. Reykjavík, 1938. Bd. 112. Bls. 5–22.
- Blackall S.E.* A stylistic study of the sagas of Sturla Þórðarson and their relationship to some other thirteenth century Icelandic historical and literary sagas. Thesis/dissertation. Oxford, 1982.
- Bååth A.M.* Studier öfver kompositionen i några isländiska ättsagon. Lund, 1885.
- Clover C.I.* The Long Prose Form // ANF. 1986. Bd. 101. S. 10–39.
- Ellehøj S.* Studier over den ældste norrøne historieskrivning. København, 1965.
- Gísli Sigurðsson.* Greenland in the Sagas of Icelanders: What Did the Writers Know – And How Did They Know It? // Висы дружбы: сб. статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. P. 83–100.
- Guðrun Ása Grímsdóttir.* The Works of Sturla Þórðarson // Sturlustefna: ráðstefna haldin á sjö alda ártíð Sturlu Þórðarsonar sagnaritara 1984. Reykjavík, 1988. P. 8–19.
- Halldór Hermannsson.* Ári Þorgilsson og Landnámabók // Ársrit Skógræktarfélags Íslands. Reykjavík, 1948. Bls. 58–63.
- Jakob Benediktsson.* Formáli // ÍF. Reykjavík, 1968. Bd. 1: Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út. Bls. LXIII–LXXI.
- Jochens Jenny M.* The Medieval Icelandic Heroine: Fact or fiction? // Viator. Berkeley, 1986. Vol. 17. P. 35–50.
- Jón Jóhannesson.* Gerðir Landnámabókar. Reykjavík, 1941.
- Jón Jóhannesson.* A History of the Old Icelandic Commonwealth. L., 1974.
- Kristmann Guðmundsson.* Landnam // Samtiden. Oslo, 1932. Vol. 43. S. 606–622.
- Landnámabók: Ljósprentun handrita / Jakob Benediktsson gaf út // Íslenzk Handrit. Ser. in folio. Reykjavík, 1974. Bd. 3.
- Long A.-M.* Sturlubók and Cultural Memory. Leiden, 2017.
- Stefán Karlsson.* Alfræði Sturlu Þórðarsonar // Sturlustefna: ráðstefna haldin á sjö alda ártíð Sturlu Þórðarsonar sagnaritara 1984. Reykjavík, 1988.
- Sturla Þórðarson. Skald, chieftain and lawman / Ed. By Jón Viðar Sigurðsson and Sverrir Jakobsson. Boston, 2017. (Northern World; Vol. 78).

- Sveibjörn Hafnæsson*. Studier i Landnámabók. Lund, 1974.
- Vogt W.H.* Frásagnir der Landnámabók. Ein Beitrag zur Vergeschichte der isländischen Saga // ZDA. 1921. Bd. 58. S. 161–204.
- Whaley D.* A Useful Past: Historical Writing in Medieval Iceland // Old Icelandic Literature and Society. København, 2000. P. 161–202.

Elena V. Litovskikh

THE WORKSHOP OF STURLA ÞORÐARSON: ORAL AND WRITTEN SOURCES OF *STURLUBÓK*

Sturla Þorðarson, the author of the first extant version of the *Book of Settlements* (*Landnámabók*) – *Sturlubók*, – used various types of sources in his work. These include historical works of his predecessors both European (Bede the Venerable) and Icelandic (Ari Þorgilsson the Wise, Sæmundr Sigfusson the Wise, Kolskeggr Asbjörnsson the Wise, Styrmir Karason), family sagas and family legends (preserved and not preserved up to our time), local toponymic legends, and testimonies of “wise men” and eyewitnesses.

Landnámabók is a systematic survey of the first settlers of Iceland and the territories they occupied, all over the island from the area of the modern capital of Iceland, Reykjavík (the place of landing of Ingólfr Arnarson, considered to be the first settler), clockwise along the entire coast. It is divided into five parts according to Icelandic administrative units – *ffjórðungur* (the first and the fifth parts reporting the settlement of the Southern *ffjórðungur*). The information of *Landnámabók* is presented in a fairly dry formulaic language, but in some places toponymic legends and detailed biographies of the first settlers are supplied. The latter stand out stylistically, and they can be compared with *þættir*.

The largest number of such *þættir* is found in the second part of the work which describes the settlement of the Western *ffjórðungur* of Iceland, and which is the longest one in *Sturlubók*. Most likely, this is due to the fact that the Western *ffjórðungur* was the homeland of Sturla Þorðarson. The neighborhood of his farm Saurbær was the area under his influence, and therefore its history and oral traditions were of greatest interest for him, and he should have known them better than the history of other *ffjórðungar*. As a rule, Sturla does not retell the plots of family sagas he uses. He makes only short references to twenty family and kings' sagas, five of which have not survived.

The structure and the composition of *Sturlubók* correspond to Sturla's historical and literary concepts, and they are consistent and clear: there are introductory and final chapters, the material is presented in a strict geographical sequence, all parts have similar introductions and ends summarizing the results of the settlement in each *ffjórðungur* and in the whole island. In cases where family ties or the movement of the first settlers around the country compelled the author to repeatedly mention the same person, cross-references are supplied.

Sturla Þórðarson intentionally does not show his author's attitude to the information borrowed from different sources, he presents the information as neutrally as possible. He makes no distinction between written and oral sources, and probably he does not realize it. He nevertheless finds it necessary to name the source he has used, especially when it comes to significant events (in the light of the settlement of Iceland) and phenomena.

Key words: Iceland, *Landnámabók* (the *Book of Settlements*), Sturla Þórðarson, source criticism, oral tradition, Icelandic family sagas

Т.В. Гимон

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР И ПИСЬМЕННОСТЬ¹

Статья посвящена вопросу о древнейших функциях письма на Руси. Автор стремится показать, что уже в княжение Владимира Святого, вскоре после крещения, письмо стало восприниматься как престижное и сакральное средство репрезентации князя, его деяний и его благочестия. Именно этой цели служат надписи на монетах, печатях (?), грамота Владимира Десятиной церкви, а также гипотетическая «царская надпись» Владимира (по мнению автора, так может быть обозначен источник исторических заметок из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха). Автор рассматривает этот круг текстов в сравнительно-историческом свете, а также останавливается на вопросах о копировании наследниками Владимира некоторых из его письменных практик, о функции древнейших анналистических записей и о возможных ранних функциях письма вне непосредственного княжеского окружения.

Ключевые слова: письменность, Древняя Русь, Владимир Святой, монеты, печати, летописи, грамоты, царские надписи, компаративистика

Ученые много спорили о том, что послужило первоначальным стимулом к распространению письменности в Древней Руси: принятие христианства или административно-хозяйственные потребности. Гипотеза о том, что письмо и грамотность пришли на Русь вместе с крещением, богослужебными книгами, школами, основанными Владимиром и Ярославом, является, так сказать, базовой, наиболее простой и очевидной (см., например: Истрин 2003. С. 22, 93; Живов 2017. Т. 1. С. 76 и сл.²). В то же время не раз делалась попытка связать появление письма на Руси с потребностями развивавшегося общества, такими, например, как сбор дани, внешняя торговля или развитие общинного самоуправления. Сторонники

¹ Сердечно благодарю Е.В. Литовских, Е.А. Мельникову, С.М. Михеева, А.В. Назаренко, Л.В. Столярову и А.С. Щавелева за ценные замечания и подсказки. Все ошибки и излишне смелые аналогии – мои.

² Коль скоро есть данные о христианстве на Руси до Владимира, можно предположительно говорить и о некотором распространении письма (см.: Живов 2017. Т. 1. С. 80–87).

этого взгляда придают особенное значение немногочисленным свидетельствам использования письма на Руси до 988 г., а также появлению уже в XI в. берестяных грамот, граффити и других форм «нецерковного» письма (Лихачёв 1951. С. 30–36; 1952. С. 14–24; Тихомиров 1969; Фроянов и др. 1995; Медынцева 2000. С. 252–255). Определённым компромиссом является точка зрения С. Франклина, по мнению которого, письменность «третьего разряда» (т.е. надписи на предметах, не предназначенных специально быть материалом для письма) появилась на Руси раньше письменности «первого разряда» (на пергамене, бересте или воске). Если распространение последней связано с христианизацией, то первая появлялась стихийно, уже в X в., как «результат сугубо индивидуальных, не связанных друг с другом решений» (Франклин 2010. С. 151–152, цит. с. 152).

Данный вопрос, на мой взгляд, вполне убедительно разрешен А.А. Гиппиусом (по крайней мере, при нынешнем состоянии источниковой базы). Первоначальным толчком к распространению письма послужило все-таки крещение (все данные о письменных практиках на Руси ранее 988 г. до крайности проблематичны). Как следствие введения христианства образовался, пусть поначалу и небольшой, слой грамотных людей. И эти люди, сравнительно быстро, начали использовать технологию письма не только для культовых, но и для повседневных нужд. Самые ранние из берестяных грамот (относящиеся ко времени примерно с 1030-х годов) позволяют проследить, как, вначале, письмо использовалось в повседневных целях клириками. Две древнейших берестяных грамоты (№ 591, 915и) – это азбука и иконка. В самых ранних из берестяных *писем* идет речь о вопросах, связанных с церковью (№ 246, 247), – как и в значительной части других документов XI в., хотя далеко не во всех. «Светская» письменность на Руси возникла, таким образом, как «побочный продукт» письменности церковной, и долгое время сохраняла с ней тесную связь. Кириллическое письмо воспринималось как нечто сакральное даже в XII в., когда оно, конечно, уже всю использовалось в самых разных повседневных ситуациях и далеко не только клириками (Gippius 2012, цит. р. 248; то же коротко: Гиппиус 2004. С. 187–189)³.

³ Очерк развития деловой письменности, появления новых видов и разновидностей текстов в Новгороде в XI–XIV вв. (главным образом, тоже на материале берестяных грамот) см.: Гимон 2016б.

Соглашаясь с этим, хочу отметить: целый ряд древнерусских письменных текстов нельзя в полной мере отнести ни к одному из этих двух пластов – ни к «культовому», ни к «деловому» («повседневному»). Это и летописание, и монументальные надписи (на каменных крестах и т.д.), и большинство граффити, и записи писцов на книгах, и надписи на ремесленных изделиях, и др. Какое место занимают эти тексты среди ранних опытов использования письма на Руси? И сводится ли история распространения на Руси письма после 988 г. только к двум факторам – потребностям церкви и повседневным нуждам?

В настоящей статье пойдет речь об использовании письма при Владимире Святославиче (978⁴–1015), а также – немного – при его наследниках. Я постараюсь показать, что княжеская власть и ее потребности были еще одним, третьим (или даже, скорее, вторым – перед «повседневностью») фактором в становлении древнерусской письменной культуры.

А.А. Гиппиус в нескольких работах справедливо подчеркивает, что есть целый ряд свидетельств достаточно быстрого утверждения письменных практик после крещения Руси: монеты Владимира и его наследников, Новгородская псалтырь, древнейшие печати и надписи, вероятные ранние архетипы правовых и летописных текстов⁵. В значительной мере об этом же круге текстов пойдет речь в настоящей статье, однако под другим углом зрения: я ставлю вопрос о круге ранних функций письма на Руси, отличных как от нужд церкви, так и от потребностей повседневного ведения дел.

Помимо восковой Новгородской псалтыри – яркого свидетельства появления слоя грамотных клириков на Руси уже на рубеже X–XI вв. (см., например: Живов 2017. Т. 1. С. 89–91) – и ряда кратких надписей, датировка которых неопределенна (см. ниже), реально сохранившимися памятниками письменности владимирова времени являются исключительно надписи на монетах.

⁴ Такова наиболее вероятная дата начала его правления в Киеве (Назаренко 2016. С. 618); летописная дата: 980 г. В настоящей статье, по понятным причинам, пойдет речь исключительно о периоде после крещения Руси (987 или 988 г., о дате см.: Там же. С. 618–623).

⁵ Гиппиус 2001. С. 177, примеч. 33; 2004. С. 187; 2009. С. 263, примеч. 16; Gippius 2009. P. 230–231. Ученый затрагивает эту тему в связи с двумя вопросами: во-первых, в связи с полемикой с С. Франклином относительно того, насколько 988 г. является рубежным в развитии письменной культуры (здесь точка зрения Гиппиуса представляется более обоснованной, см. выше); во-вторых, в связи с вопросом о гипотетическом древнейшем памятнике русского историописания (об этом см. ниже).

Известны золотые и серебряные монеты Владимира (11 экземпляров златников и 245 – сребреников⁶). Древнейшие типы этих монет (златники, а также сребреники типа I) копируют византийские образцы (Гайдуков, Калинин 2012. С. 413). Твердо датировать разные типы монет Владимира невозможно (естественно, все они были выпущены между 988 и 1015 гг., крещением и смертью Владимира), но предполагают, что между выпуском златников и сребреников типа I и выпуском сребреников типов II–IV мог пройти значительный перерыв (см.: Гайдуков, Калинин 2012. С. 421). На всех монетах имеются кириллические надписи, хотя и не всегда качественно исполненные. Надписи включают в себя имя князя: «Владимиръ на столѣ», «Владимиръ, а се его злато», «Владимиръ, а се его сребро». У ранних монет одна из этих надписей находится на одной стороне, а надпись «Исусъ Христосъ» (или «ИС ХС») – на другой. Соответственно, на аверсе изображен князь, а на реверсе – Христос. У поздних монет на одной стороне написано «Владимиръ на столѣ», а на другой – «А се его сребро». При этом на аверсе изображен князь, а на реверсе – княжеский знак (трезубец). На одной из монет типа IV сребреников (при тех же изображениях) выбита уникальная надпись: «Владимире сребро + съвятаго Василя» (Гайдуков, Калинин 2012. С. 413–421).

Неоднократно высказывалась мысль, что выпуск монет Владимиром был мотивирован, в первую очередь, соображениями политического престижа, а не потребностями экономики (Сотникова, Спасский 1983. С. 5–6, 9; Франклин 2010. С. 101; Гайдуков, Калинин 2012. С. 435). Возможно, чеканка монет осуществлялась спорадически, в связи с конкретными событиями или церемониями (Androshchuk 2016. P. 71). В отличие от византийских образцов монеты Владимира (особенно их поздние типы) больше сосредоточены на репрезентации князя, нежели христианских символов (Ibid. P. 58–64). Ранние монеты выражают мысль: Владимир – христианин, равный по статусу византийскому императору (Ibid. P. 59), а на некоторых из поздних (сребреники типа III) христианским символам места вообще почти не нашлось – монеты репрезентируют Владимира только как правителя (Ibid. P. 63–64).

⁶ Числа даны по: Гайдуков, Калинин 2012. С. 413, которые, в свою очередь, основываются на каталоге М.П. Сотниковой и И.Г. Спасского (2-е изд. см.: Сотникова 1995), предпочитая не учитывать плохо учтенные и зачастую подозрительные более поздние находки (Гайдуков, Калинин 2012. С. 411).

Еще одной вероятной сферой применения письма при Владимире могли быть металлические печати. Ни одной печати Владимира – в отличие от монет – до сих пор не обнаружено. Печать, атрибутированная В.Л. Яниным Изяславу – сыну Владимира, умершему при жизни отца (в 1001 г.), – по-видимому, относится к намного более позднему времени (см.: Михеев 2014. С. 52–55; 2017. С. 18, примеч. 5). Однако известны печати Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого (Янин, Гайдуков 1998. С. 13–19, № 2а–2б; Гайдуков, Янин 2007. С. 141, № 2б-2; Сотникова 2013), что может косвенно говорить о появлении печатей с надписями уже при Владимире. Более того, печати Святополка и Ярослава похожи друг на друга (Янин, Гайдуков 1998. С. 19), что делает еще более вероятным восхождение обеих к владимирову прототипу (ср. ситуацию с монетами, см. ниже). Следовательно, весьма вероятно, что существовали металлические печати Владимира⁷, в свою очередь, ориентированные на византийскую сфрагистическую традицию и, подобно монетам, репрезентировавшие фигуру князя. Однако отсутствие реально обнаруженных экземпляров наводит на мысль, что практическое значение печати в это время было невелико; по крайней мере, им придавалось меньшее значение, нежели монетам.

Об одном письменном тексте, созданном по инициативе Владимира, сообщает «Повесть временных лет» (ПВЛ). После освящения Десятинной церкви Владимир, помолившись,

...рекъ сице: «Даю церкви сеи святѣи Богородици от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть». И положи написавъ клятву въ церкви сеи, рече: «Аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ». И вдасть десятину Настасу Косунянину (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124).

Итак, в представлении летописца Владимир издал грамоту («написавъ клятву»), которой подтвердил свое пожалование десятины (не забыв про санкцию – «да будет проклятъ») и которую разместил в Десятинной церкви.

⁷ Вероятно существование еще более ранних русских княжеских печатей. «Печати» и «грамоты», которые должны были предъявлять русские послы в Византии, упоминаются в договоре Игоря с Византией 945 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 48). Известна печать с плохо читаемой греческой (?) надписью и двузубцем, которую предположительно атрибутировали Святославу Игоревичу или княгине Ольге (см. историю вопроса: Михеев 2014. С. 51–52). Отмечу в связи с этим, что употребление письменных практик в сношениях с «письменными» соседями не обязательно означает использование таковых во внутренней жизни – ср. статью И.Е. Ермоловой в настоящем томе.

Я.Н. Шапов, анализируя дошедшие до нас редакции Устава Владимира, пришел к выводу, что их архетипом являлся сравнительно небольшой текст, основа которого, вероятно, действительно восходит к правлению Владимира (Шапов 1972. С. 115–127). Согласно реконструкции ученого (Там же. С. 120–121, 126), в этом древнейшем тексте говорилось о крещении Руси и строительстве Десятинной церкви, о даровании десятины, об отказе князя (от своего имени и от имени потомков) в пользу церкви от суда по ряду категорий дел. Самый ранний пласт текста этого архетипа, по мнению Шапова, – это та самая грамота, которую Владимир, согласно ПВЛ, выдал Десятинной церкви (Там же. С. 126–127). Ученый считает, что первоначальных актов было два: Десятинной церкви – о даровании десятины (в связи с освящением храма в 995–996 гг.⁸) и всем епископским кафедрам – о праве церковного суда (вероятно, позже, но до 1011 г., когда умерла княгиня Анна, совет Владимира с которой упомянут в тексте). Архетип Устава Владимира возник «на основе» этих двух актов и окончательно сложился уже в XII в. (Там же. С. 127).

Вывод Я.Н. Шапова о том, что древнейшим пластом устава Владимира была грамота, упоминаемая в ПВЛ под 996 г., представляется убедительным. Не знаю, обязательно ли разделять эту грамоту и документ Владимира о церковных судах (если таковой был): статья 6504 (996) г. ПВЛ содержит общую характеристику правления Владимира, к тому же данную, вероятно, ретроспективно, не без использования устной традиции (ср.: Гимон 2016а. С. 767–768). Поэтому летопись могла зафиксировать под этим годом акт Владимира, в действительности имевший место позже, равно как и не обязательно должна была перечислить *все* его постановления.

Как бы то ни было, в совокупности известие ПВЛ и приведенные Я.Н. Шаповым соображения в пользу древности архетипа Устава Владимира говорят о том, что этим князем был издан в пользу церкви *письменный документ* (возможно, не один). Документ жаловал церкви доходы (и права?), содержал санкцию и был размещен в самой Десятинной церкви как важная реликвия. Летописное сообщение оставляет впечатление устного, публично оглашенного пожалования, которое, однако, для большей убедительности было еще и облечено в письменную форму: «рекъ сице... И положи написавъ клятву». При этом память об этом пожаловании (именно

⁸ Летописная дата: 996 г., однако 995 г. вполне вероятен (см.: Гимон 2019. С. 79).

как о торжественном акте и одновременно о написании грамоты и ее положении в соборе) дошла до летописца. Когда бы ни работал этот летописец⁹, ясно, что он воспринимал данный акт как нечто общезначимое, достойное занесения в летопись.

Теперь поговорим о самой летописи, точнее, о наиболее ранних формах историописания, которые ученые иногда датируют (разумеется, гипотетически) временем Владимира. Большинство исследователей раннего летописания сходятся на том, что у его истоков стоял сравнительно пространный текст, еще не разбитый на погодные статьи (Древнейший свод, «ядро», Древнейшее сказание – см. обзор историографии: Гимон 2016а. С. 761–768). Чаще этот текст датируют временем Ярослава или Ярославичей, но не раз высказывалась мысль о его создании вскоре после строительства Десятинной церкви, т.е. на рубеже X–XI вв. Впервые такую идею высказал Л.В. Черепнин, основывавшийся на том, что ПВЛ подробно рассказывает о правлении Владимира вплоть до строительства Десятинной церкви, тогда как последние 20 лет его пребывания у власти почти не заполнены событиями. Поскольку аналогичная картина присутствует в кратких заметках о Владимире из «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакова Мниха (далее: ПП; текст этих заметок я воспроизвожу в приложении к настоящей статье), их общий источник должен был доходить только до освящения Десятинной церкви (Черепнин 1948а. С. 332–333).

В том, что общий источник ПВЛ и ПП доходил до освящения Десятинной церкви и был составлен вскоре после этого события, я тоже не сомневаюсь. С одной стороны, ПП и ПВЛ явно не независимы друг от друга. С другой – в ПП имеется ряд уникальных сведений и, что даже более важно, отличные от ПВЛ и, как оказывается, исторически достоверные хронологические указания (Назаренко 2016. С. 616–626; см. также: Гимон 2019. С. 79–80)¹⁰. Однако обязательно ли этот общий источник ПВЛ и ПП был Древнейшим сказанием – пространным памятником историописания, созданным

⁹ В реконструкции А.А. Шахматова этот фрагмент принадлежит Древнейшему своду 1030-х гг. (Шахматов 2002. С. 387). В реконструкции С.М. Михеева он отнесен к дополнениям Никона 1070-х гг. (Михеев 2011. С. 111, 236), которому исследователь атрибутирует все фрагменты, касающиеся Десятинной церкви. Не вдаваясь здесь в тонкости столь зыбкой материи, как стратификация ПВЛ, отмечу, что в любом случае запись этого известия была произведена спустя 50–70 лет после самого акта дарования десятины (о дате Древнейшего сказания см. ниже).

¹⁰ Критику мнения В.Ю. Аристова (2016. С. 69–82) о вторичности ПП по отношению к ПВЛ см.: Гимон 2019. С. 75–76.

в столь раннее время? Серьезный аргумент в пользу датировки Древнейшего сказания рубежом X–XI вв. предложил А.А. Гиппиус (2001; 2009), который указал на некоторые лингвистические характеристики, разделяющие текст до и после статьи 996 г. Этот рубеж может разграничивать работу двух авторов, но, строго говоря, не дает прямого основания для датировки первой части рубежом X–XI вв. Древнейшее сказание могло быть написано и позже, и более поздняя датировка предпочтительнее хотя бы из соображений научной осторожности. В других государствах на северной и восточной периферии Европы первые пространные исторические нарративы появлялись спустя значительное время после христианизации (см. обзор: Гимон 2016а. С. 781–784). Недавно А.С. Щавелёв выдвинул ряд соображений в пользу датировки Древнейшего сказания последними годами правления Ярослава¹¹.

Высказывалась также гипотеза о прижизненной биографии (энкомии) Владимира. А.В. Назаренко обратил внимание на очень любопытное совпадение в характеристике Владимира в хронике Титмара Мезебургского (ум. 1018) и ПВЛ: в связи с женолюбием Владимира оба источника говорят о «препоясывании чресел» и «горящем светильнике» (Назаренко 1993. С. 136, 141; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81). И, хотя эти образы помещены в двух источниках в разный контекст, само по себе данное совпадение вряд ли может быть случайным: скорее, речь должна идти об общем источнике. Если первоначально Назаренко предполагал здесь «отзвуки древнего устного предания об обращении Владимира» (Назаренко 1993. С. 176–177, примеч. 68), то позднее ученый обосновал гипотезу о том, что Титмар был знаком (вероятно, через посредство устной передачи) с древнейшим агиографическим сочинением о Владимире, существовавшим, следовательно, уже в 1015–1017 гг. (Назаренко 2001. С. 435–450; 2000). Н.И. Милютенко, отталкиваясь от данного наблюдения Назаренко и добавляя к нему свои соображения, реконструирует прижизненную биографию Владимира, которая и была, по мнению исследовательницы, общим источником ПВЛ и ПП (Милютенко 2008. С. 51–80, 93–103).

Рассуждение А.В. Назаренко очень убедительно. Однако реконструируемый им ранний житийный текст о Владимире вряд ли мог быть тождествен как общему источнику ПП и ПВЛ, так и вообще

¹¹ Ссылаюсь на устный доклад А.С. Щавелёва на заседании центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН 15 октября 2018 г.

древнейшему ядру повествования ПВЛ о Владимире. Сам Назаренко пишет о том, что в ПП, с одной стороны, и в этом реконструируемом агиографическом памятнике, с другой, отразились разные взгляды на Владимира. ПП (подобно Илариону и Нестору-агиографу) считает славным всё правление Владимира, в том числе и период до крещения. Наоборот, предполагаемый Назаренко житийный текст, судя по всему, подчеркивал полное нравственное преображение Владимира в результате крещения: из блудника и женолюбца он превратился в подателя щедрой милостыни (Назаренко 2001. С. 437, ср. с. 448). В ПВЛ нашли отражение оба взгляда, но ПВЛ – сравнительно поздний и, главное, сложносоставный текст. Считать, что оба взгляда сосуществовали уже в каком-то очень раннем памятнике, написанном чуть ли не при жизни Владимира, было бы явной натяжкой. И наоборот: было бы естественным разнести эти два текста во времени: если общий источник ПВЛ и ПП, как уже говорилось, должен был быть составлен вскоре после освящения Десятинной церкви, то наиболее вероятным временем создания *агиографического* текста следует признать время после смерти Владимира (15 июля 1015 г.), но до смерти Титмара (1 декабря 1018 г.)¹². Десятинная церковь, разумеется, могла быть местом создания обоих – но мотивы создания и конкретные авторы, скорее всего, были совершенно разными¹³. Кроме того, как я уже писал (Гимон 2019. С. 83–84), гипотеза Н.И. Милютенко о прижизненной биографии Владимира как об источнике летописных статей о нём сомнительна хотя бы потому, что, вопреки автору, неясно, чем рассказ ПВЛ о Владимире принципиально отличается – как в плане стиля, так и в плане исторической точности – от рассказов, скажем, о Святославе: и там и там есть явно легендарные сюжеты,

¹² А.В. Назаренко пишет так: «уже в самые первые годы после кончины Владимира... в Киеве существовала так или иначе литературно оформленная традиция о его крещении, которая сложилась, возможно, еще при жизни князя...» (2001. С. 440). По-моему, коль скоро Титмару его мотивы этого текста стали известны *после* смерти Владимира, а сам этот текст носит отчетливо агиографический характер, наиболее вероятно его составление уже после 1015 г.

¹³ В отличие от А.В. Назаренко, я бы не стал называть взгляд, согласно которому Владимир полностью преобразился в результате крещения (подобно ап. Павлу) «более архаичным», а взгляд на Владимира как на изначально хорошего правителя (подобно Константину) – «более продвинутым» (Там же. С. 448). Тут именно разные подходы: в одном случае, сугубо церковный (вульгарно рассуждая, я бы предположил здесь автора-грека), в другом – «общейсторический» или «политический», при котором крещение – важное событие, но не менее важно прославление правителя и его предков (ср. об отношении к языческому прошлому в историописании: Гимон 2018б).

но при этом и там и там многое подтверждается византийскими источниками.

Исторические заметки о Владимире, входящие в состав ПП, – это очень краткий текст. Поэтому, соглашаясь с тем, что у ПП и ПВЛ должен был быть письменный источник, созданный при жизни Владимира, я отнюдь не считаю, что этот источник должен был быть развернутым историческим либо биографическим нарративом. Достаточно гипотезы о *кратком* тексте, не сильно превышавшем по объему дошедшие до нас в составе ПП исторические заметки. Некоторые ученые уже писали о том, что источник исторических заметок ПП мог быть не чем иным, как подобной же серией *кратких* заметок (Бахрушин 1987. С. 18–19; Łowmiański 1948. S. 284; Насонов 1969. С. 31; Poppe 1976. P. 210; ср.: Михеев 2011. С. 56–57). Преимущество такой гипотезы – в ее экономности. Ведь речь идет, напомню, о времени Владимира, т.е. об эпохе, когда письмо и грамотность на Руси только-только начали распространяться.

В другой работе я постарался обосновать мысль, что общий источник ПП и ПВЛ – это краткий текст, излагавший историю прихода Владимира к власти, перечислявший его победоносные походы до крещения, сообщавший о крещении и ряде событий после него (датируя их годами «по крещении»), последним из которых было дарование Десятинной церкви десятины (Гимон 2019; см. также текст заметок ПП в приложении).

Я условно обозначил жанр этого текста как *царскую надпись*, имея в виду жанр царской надписи как он известен на Древнем Востоке: надпись об одном или ряде деяний правителя – о победоносных походах, строительстве и т.д. При этом я не имел в виду материал: «надпись» Владимира не обязательно была выбита на камне – это вполне мог быть текст, вписанный, скажем, на чистом листе напрестольного Евангелия, принадлежавшего Десятинной церкви. Здесь мне хотелось бы несколько развить эти соображения.

Царская надпись – вид архаичных текстов, встречающийся у многих народов и зачастую представляющий собой одно из самых ранних (если не древнейшее засвидетельствованное) применение письменности. У шумеров письмо выросло, как известно, из административно-хозяйственных потребностей. Однако, как только оно стало настолько совершенным, что смогло передавать полностью звучание языка (а не только понятия, имена и числа), появилась царская надпись. Вначале эти тексты сообщали о каком-то одном деянии правителя (военной победе, строительстве храма,

рытье канала, изготовлении конкретного предмета, посвященного божеству, и т.д.). Примерно с середины III тыс. до н.э. царские надписи начинают перечислять разные достижения конкретного царя (см.: Cooper 1986; Michalowski 2011. P. 6–14). В государстве Урарту, где письменность, очевидно, была (как и на Руси) заимствованием, первым ее засвидетельствованным применением стали надписи о деяниях царей (древнейшие сообщают об отдельных деяниях, а со временем появляются развернутые обзоры военных побед и прочих достижений: Арутюнян 2001). Очень важны царские надписи в доколумбовой Мезоамерике, где целью их создания «являлось запечатление истории как реализации деяний царей и царских династий, что обеспечивало благополучное настоящее и существование будущего» (Беляев 2016. С. 210); при этом древнейшие письменные памятники региона – это как раз вырезанные на камне сообщения о деяниях и воцарениях правителей, на которых изображение постепенно начинает дополняться иероглифами (Там же. С. 212–234). Ряд можно продолжать¹⁴.

Есть и более близкие аналогии – территориально, хронологически и культурно. От Первого Болгарского царства до нас дошел целый ряд надписей VIII–IX вв. на греческом языке, сообщающих о военных победах и строительных предприятиях болгарских ханов (Бешевлиев 1992. С. 33, 39, 97–152, 206–226, № 1–15, 55–58; рус. пер. ряда надписей см.: Польшванн 2018. С. 327–329).

В Скандинавии уже в VI–VII вв. известна группа камней с руническими надписями (из Блекинге, юго-западная Швеция), которые сообщают о деяниях вождей (?): возведении ими данных памятников, а также обеспечении урожайных лет при помощи жертвоприношений (Мельникова 2006. С. 190–193). Впоследствии традиция возведения камней с руническими надписями получила в Скандинавии весьма бурное развитие, но преобладающими здесь стали памятники, поставленные в память об умершем, часто, впрочем, сообщавшие о деяниях умершего, изредка – того, кто поставил памятник (см.: Мельникова 2001. С. 15–21)¹⁵.

¹⁴ См. также: Беляев, Гимон 2016. С. 12–13. Прецедент сопоставления древнерусского памятника («автобиографии» Владимира Мономаха – перечня его военных и охотничьих деяний в составе «Поучения») с древними текстами подобного рода см.: Иванов 2004.

¹⁵ Со скандинавскими мемориальными камнями сопоставлялся другой ранний древнерусский памятник – Воймерцкикий крест (Рождественская 2011. С. 386, 390; Михеев 2012. С. 23), который, возможно, отражает прямое скандинавское влияние. Согласно С.М. Михееву (2012) крест датируется первой половиной XI в.

Интересно, что и в Скандинавии, и в Первом Болгарском царстве имеются надписи о крещении. Руническая надпись из Еллинга (Дания) № 2, поставленная конунгом Харальдом (ок. 958–985) в память о своих отце и матери, сообщает, что Харальд подчинил себе целиком Данию и Норвегию, а также крестил данов. Рунический камень XI в. из Фрёсё (Frösö, Емтланд, Северная Швеция, ранее – Норвегия) сообщает, что некий «Человек с востока» (*Austmaðr*), т.е., вероятно, из Средней Швеции, велел воздвигнуть этот камень и построить этот мост, а также крестил Емтланд. Крещение упоминает еще один рунический памятник: камень из Кули (Kulí, Норвегия, вероятно, 1030-е годы), после обычной мемориальной формулы он сообщает, что христианству в Норвегии – уже «двенадцать зим» (см.: Gräslund, Lager 2008. P. 69; Barnes 2012. P. 71–75). Как минимум первые две из этих трех надписей представляют некоторую аналогию реконструируемой мной «надписи Владимира», сообщая о крещении в ряду других деяний правителя. Сделанная по-гречески надпись из Бельша (Балши, ныне Албания) сообщает о крещении болгарского царя Бориса вместе с народом в 865/66 г. (Бешевлиев 1992. С. 151–152, № 15).

Однако и в Скандинавии, и в Первом Болгарском царстве традиция создавать подобные надписи возникла задолго до принятия христианства. Для Руси сведений о дохристианских «царских надписях» у нас нет. Скорее, это была новация Владимира. Получив в свои руки такой новый инструмент, как письмо, он (или кто-то в его окружении) посчитал нужным не только начать чеканить монеты с надписями и выдать Десятинной церкви грамоту о десятине, но и создать текст, перечисляющий славные деяния князя.

Если образцом для златников и сребреников послужили византийские монеты, а для грамоты о десятине – вполне возможно, византийские жалованные грамоты (а подсказать идею, естественно, могли сами клирики-греки¹⁶), то идея «царской надписи» могла быть подсказана скандинавской, или болгарской, или какой-то еще аналогичной практикой. Проверить это невозможно, но даже если идея возникла совершенно независимо или опиралась на какие-то византийские образцы, типологически «царская

¹⁶ Ср. гипотезу П. Шапле о том, что уже первый церковный иерарх в Англии, св. Августин Кентерберийский, на рубеже VI–VII вв. предложил королю Кента издавать жалованные грамоты в пользу церкви (Chaplais 1973). Сама десятина находит себе параллели не в Византии, а у западных славян и в Скандинавии (Живов 2000. С. 595–596).

надпись» Владимира (если она и впрямь была), находит себе яркие параллели в указанных странах.

Таким образом, Владимир использовал письменность как средство демонстрации своего величия и благочестия как правителя, как способ зафиксировать его выдающиеся деяния и пожалования. Этой цели служили и надписи на монетах, и грамота Десятинной церкви, и (если она была) «царская надпись». Такова, на мой взгляд, одна из древнейших функций кириллического письма в древнерусском обществе – вероятно, вторая по древности после собственно литургической. И эта вторая функция дает о себе знать сразу после первой – вскоре после освящения Десятинной церкви (995 или 996 г.), а в случае с монетами, может быть, даже раньше.

Естественный вопрос, который здесь может возникнуть: кто мог быть адресатом этой «пропаганды»? Существовал ли уже в правление Владимира круг грамотных людей, которые были в состоянии читать эти тексты и таким образом убедиться в величии Владимира? Конечно, такой круг был крайне узок. Об этом говорит, помимо общих соображений, тот факт, что даже некоторые из резчиков штемпелей монет Владимира явно не понимали смысла вырезаемой ими надписи (Гайдуков, Калинин 2012. С. 415, 417).

Однако ряд исторических примеров показывает, что для ранних царских надписей отнюдь не обязательно наличие широкой аудитории. Древнейшие царские надписи Урарту выполнены на ассирийском диалекте аккадского языка, и только впоследствии цари перешли на урартский, для которого была приспособлена клинопись (Арутюнян 2001. С. 9). Надписи (эпитафии) каганов Первого Тюркского каганата выполнены по-согдийски, и лишь во Втором Тюркском каганате для этой цели стали использоваться тюркские руны и тюркский язык¹⁷. Большинство надписей Первого Болгарского царства сделаны по-гречески. У надписей на иностранном языке (зачастую на языке могущественного соседа и даже врага) вряд ли могла быть значительная местная аудитория. С другой стороны, многие надписи расположены так, что их чтение было затруднительным, если вообще возможным (см., например, о болгарских надписях: Иванов 2009. С. 15).

Кому бы ни были адресованы тексты (современникам? потомкам? богам?), принципиален сам факт, повторяющийся у многих

¹⁷ См. статью В.В. Тишина в этом томе.

народов: правители, познакомившись с искусством письма, считают необходимым заказывать надписи о своих деяниях и, шире, воспринимают письмо (пусть даже и на иностранном языке) как достойное средство демонстрации их величия и заслуг.

Именно это, как я думаю, и определяло взаимоотношения Владимира с письменностью. Владимир (и/или его окружение) воспринимали письмо как новый, престижный, сакральный атрибут князя – могущественного и, теперь уже, крещенного. Наверное, письменность стояла в восприятии Владимира где-то в одном ряду с чеканкой монеты, строительством церквей и тому подобными действиями, посредством которых он демонстрировал свое величие, благочестие и равенство с другими христианскими правителями¹⁸. В последнем – отличие ситуации на Руси от скандинавской или болгарской: схожее применение письма начинает практиковаться здесь уже после крещения, и, вероятно, письмо как таковое ассоциируется именно с христианством¹⁹.

* * *

Два примера говорят о том, что письменные практики Владимира копировались его наследниками. Один пример бесспорный. Монетный чекан был продолжен Святополком Окаянным и Ярославом Мудрым. К владимировым образцам восходят надписи как ранних монет Святополка, так и всех монет Ярослава: «Святополкъ на столъ / А се его сребро», «ОГЕОРГЮ / Ярославле сребро» (см.: Гайдуков, Калинин 2012. С. 421–431). Как уже говорилось выше, вполне вероятно, что, подобно монетам, к владимирову прототипу восходят и печати Святополка и Ярослава.

Второй пример менее очевиден, но, по-моему, тоже ярок. Подобно тому, как ПВЛ сообщает о грамоте Владимира в пользу

¹⁸ Ср. стадиально отличную, но типологически в чем-то схожую картину возникновения рунического письма у германцев в начале нашей эры: «Материальные и духовные знаки приобщенности к римской культуре выделяли вождей и военную знать. При этом... письмо было абсолютно чуждо германским обществам и потому оно должно было обладать особой привлекательностью как высоко престижный маркер римской цивилизации. Практическая нужда в нём отсутствовала, но создание собственного письма отвечало потребностям элиты в маркировании своего статуса (ср. такие “престижные” знаки, как “большие дома”, отдельные некрополи, погребальная обрядность, ритуалы, украшения и др.)» (Мельникова 2016. С. 183). Ср. также в статьях В.В. Тишина и А.П. Гаврилова в настоящем томе.

¹⁹ Ср. замечание А.А. Гиппиуса о различиях в восприятии кириллического письма на Руси и рунического – в Скандинавии (Gippius 2012. P. 250).

Десятинной церкви, новгородская традиция упорно приписывает Ярославу Мудрому издание грамоты (или грамот) в пользу Новгорода. Вопрос о «Ярославлих грамотах» – дискуссионный (см. историографический очерк: Петров 2003. С. 71–87). Несомненно, традиция о «Ярославлих грамотах» фиксируется в начале XIII в. (когда князья присягают на этих «грамотах»²⁰). На мой взгляд, вероятно, что древнейшие сообщения о «грамоте», выданной Ярославом новгородцам восходят к текстам конца XI в. (см.: Гимон 2012. С. 687–691; 2018а. С. 161–165). Часть исследователей, в соответствии со статьей 1016 г. Новгородской I летописи младшего извода, видит в «Ярославлей грамоте» Древнейшую Правду, что кажется и мне довольно вероятным. По крайней мере, многое в самом этом тексте хорошо согласуется с летописной версией о выдаче этого документа новгородцам в 1016 г. (см.: Черепнин 1948б. С. 242–249; Зимин 1999. С. 89–98; Гринёв 1989. С. 34–41; Никольский 2008).

В любом случае «Ярославова грамота» (что бы она собой не представляла) составляет яркую параллель к грамоте Владимира о десятине. Как в случае с грамотой о десятине, так и в случае с «грамотой Ярослава» (а также с Древнейшей Правдой – вне зависимости от того, тождественна ли она «грамоте Ярослава» или нет) довольно очевидно, что письменная фиксация княжеского постановления не диктовалась практическими потребностями. Трудно представить себе, что в конце X или начале XI в. при возникновении спорных вопросов или на суде «юристы» обращались к письменным записям княжеских постановлений для выяснения того, какое решение следует принять; или что записанный текст юридически считался более значимым, чем изустный (ср.: Франклин 2010. С. 275–276). Маловероятно, чтобы эти документы тиражировались для широкого употребления. Наверняка и решение князя о передаче церкви десятой части доходов, и нормы, вошедшие в Древнейшую Правду, и любые другие княжеские постановления общего характера транслировались изустно, составляли часть, так сказать, общедоступного знания. Письменная запись, следовательно, носила, скорее, символический характер. Князь запечатлевал свое постановление в престижной, сакральной и долговечной форме – на письме. Но именно этот акт запечатления на письме сохранила историческая

²⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 67–68, 70, 350 (под 1228, 1229, 1230 и 1339 гг.).

память – как в случае с грамотой Десятинной церкви, так и в случае с новгородской «Ярославовой грамотой».

* * *

Между 997 и 1014 гг. в ПВЛ нет ничего, кроме «пустых годов» и нескольких очень кратких сообщений о смертях ближайших родственников Владимира (а также не очень ясного: «Пренесени святии в святую Богородицу»: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 129–130). Относительно происхождения этих записей высказывались разные соображения, однако к настоящему времени более или менее утвердился консенсус, что перед нами – остаток древнейших анналистических записей, делавшихся при Десятинной церкви (см. обзор: Гимон 2016а. С. 770–772). О том, что ведение анналов продолжилось после смерти Владимира, красноречиво говорит тот факт, что точность целого ряда годовых дат ПВЛ за первую половину XI в. подтверждается зарубежными источниками (Назаренко 2016. С. 603–614, 633–638, 641–644). Мною была высказана гипотеза, что эти ранние анналы – не что иное, как продолжение «царской надписи» Владимира, о которой шла речь выше: ведь анналы (записи о смертях с 1000 г.) начинаются практически там же, где заканчивается «надпись Владимира» (доведена до 994 или 995 г.) (Гимон 2019. С. 84–85).

При жизни Владимира, в отличие от более позднего времени, в анналах фиксировались почти только смерти членов правящего рода. В христианских странах, конечно, запись о смерти может быть связана с церковным поминанием (ср., например, известные уже с середины XI в. древнерусские поминальные граффити). Однако идея записи о смерти могла возникнуть и вне литургического контекста. К первой половине XI в., вероятно, относится поминальный Воймерицкий крест, который, в свою очередь, находит себе яркую аналогию во множестве скандинавских мемориальных рунических камней²¹. Но наиболее любопытной параллелью, как мне кажется, является здесь серия болгарских поминальных надписей, в каждой из которых хан Омуртаг (ок. 815–831) как бы объявляет о кончине кого-либо из своих приближенных (Бешевлиев 1992. С. 38, 227–238, № 59–68; рус. пер. двух из них см.: Польшванный 2018. С. 328). Эти надписи имеют единый формуляр и явно отражают устойчивую практику письменной фиксации

²¹ См. выше, примеч. 15.

кончин; еще одна схожая надпись сделана от имени следующего хана, Маламира (831–836. – Бешевлиев 1992. С. 238–240, № 69). Подобная практика – в сочетании с уже упоминавшимися надписями о военных и строительных деяниях ханов – составляет выразительную аналогию гипотетическому тексту о деяниях Владимира и его «некрологическому» продолжению.

* * *

У нас практически нет данных о письменных практиках эпохи Владимира, не связанных ни с церковной сферой, ни с фигурой князя. А.А. Медынцева предположительно относит ко времени Владимира надпись «Илия» на корчаге из Белгорода и надпись «слав...» на обломке меча из-под Киева (Медынцева 2000. С. 33–36, 93–95, 262). В обоих случаях датировка нестрогая. Однако интересно, что обе надписи содержат только имена. Имя владельца (или, в случае с мечом, изготовителя), написанное на вещи, – тоже одно из самых ранних и едва ли не повсеместно встречаемых применений письма. Например, среди наиболее ранних германских рунических надписей (II–IV вв. н.э.) большинство (29 из примерно 50) содержит только личные имена, что явно имело какое-то символическое значение (Мельникова 2016. С. 181, 184). Подобные надписи, как кажется, составляют некоторую «низовую» параллель к использованию письма правителем: люди рангом пониже, делая (или заказывая) такие надписи, не только фиксируют свои права на вещь, но и приобщаются к той же самой престижной и сакральной технологии²².

К владимирову времени могут относиться древнейшие из новгородских цилиндров – деревянных пломб с надписями (см. их своды: Янин 2001. С. 93–51; НГБ-12. С. 137–145). Для цилиндров с надписями № 6 и 7 стратиграфическая дата обозначена издателями как «последняя четверть X – первая половина XI в.», для цилиндра № 50 – 10–30-е гг. XI в. (см.: НГБ-12. С. 139–141, 145). Во всех этих случаях, как видим, цилиндры могут реально относиться ко времени уже после смерти Владимира²³. Однако всё же имеет

²² См. также выше, примеч. 18.

²³ Несколько раньше В.Л. Янин приводил такие даты: № 6 и 7 – «973–1051 гг., предположительно 973–991 гг.»; № 50 – «первая четверть XI в.» (2001. С. 95–50). Однако тяготение № 6 и 7 «к тому же мощному комплексу деревянных цилиндров XI – нач. XII в., который был обнаружен на той же усадьбе Е Троицкого раскопа в 1999 г.», делает предпочтительной более позднюю датировку (НГБ-12. С. 139; ср.: Янин 2001.

смысл задуматься над функцией этих предметов с надписями в свете сказанного в настоящей статье. Цилиндры, с одной стороны, это яркий пример использования письма в практической, повседневной сфере: в надписях указывалась, кому предназначены ценности, их количество (выраженное как кириллической цифирью, так и зарубками), место сбора и т.п. При этом на некоторых из цилиндров упоминается князь (№ 2: «княж[ь]») или имеется княжеский знак (двузубец или трезубец) (№ 1, 4, 6, 7, 11, 19, 25, 36, 43, 45). Другие упоминают княжеского представителя – емца (№ 1, 5) или мечника (№ 6, 19, 21, 30, 50), а также изображают меч – очевидно, символ мечника (№ 6, 19, 20, 30, 32, 35, 36, 40, 45) (см.: Янин 2001. С. 31–65, 93–150). Таким образом, цилиндры не просто выполняют практическую функцию (запирая мешки с ценностями и обозначая их содержимое), но зачастую посредством надписи или изображений подчеркивают, что то, что находится в мешке, принадлежит князю или его представителю. И в этом смысле они относятся отчасти к той же сфере применения письма, что и монеты, и гипотетические тексты владимирова времени, – репрезентируют князя и служат обозначением тех или иных его прав и полномочий. В то же время наличие таких же цилиндров без надписей, или только с зарубками, обозначающими количество ценностей, или только с символическими изображениями говорит о том, что использование письма в данном случае было факультативной новацией.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ИЗ «ПАМЯТИ И ПОХВАЛЫ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ»

Текст приводится по публикации А.А. Шахматова, подготовленной к печати Н.И. Милютенко (Шахматов 2014. С. 181–184). В основу этой публикации положена копия начала XIX в. древнейшего, пергаменного списка ПП, написанного в 1414 г. и сгоревшего в 1812 г. В примечаниях я отмечаю существенные разночтения с другими

С. 61). В.Л. Янин отмечает сходство княжеского знака на цилиндре № 6 с трезубцем Владимира, известным по монетам (2001. С. 90, примеч. 110). Однако С.М. Михеев атрибутирует двузубец на цилиндре № 7 Изяславу, сыну Ярослава Мудрого (2017. С. 31–32). О трезубце на цилиндре № 6 Михеев специально не пишет, но, на мой взгляд, он одинаково далек от трезубцев Владимира и Ярослава, чтобы уверенно атрибутировать его одному из них; вполне вероятно, что это тамга кого-то еще из новгородских князей XI в. (см. о княжеских знаках: Михеев 2014; 2017).

списками. Глубокую древность этих заметок признает большинство исследователей. На мой взгляд, они восходят к небольшому тексту о Владимире, составленному вскоре после освящения Десятинной церкви (995 или 996 г.), который я условно называю «царской надписью» Владимира. Более поздним добавлением является известие о смерти Владимира и о продолжительности его правления после крещения. Более чем вероятно, что данные заметки, в том виде, в каком они до нас дошли, не совсем точно соответствуют первоначальному тексту (в нём сообщалось как минимум еще о двух военных походах Владимира; иным, более логичным, мог быть порядок изложения; какие-то из церковных сентенций могли быть добавлены уже агиографом). Однако всё же эти заметки дают представление о том, как «надпись Владимира», вероятно, выглядела (см.: Гимон 2019, а также в тексте настоящей статьи).

<...> Тако же пребывающу князю Володимерю въ добрыхъ дѣлехъ, благодать Божия просвѣщаше сердце его и рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя, и бояхутся его вси. Идѣже идяше, одолѣваше: радимицѣ побѣди и дань на нихъ положи, вятичи побѣди и дань на нихъ положи на обоихъ²⁴, и ятьвягы взя, и среберенныя болгары побѣди, и на козары, шедь, побѣди я²⁵ и дань на нихъ положи. Умысли же и на грѣчкыи градъ Корсунь и сиче моляшеся князь Володимерь Богу: «Господи²⁶ Владыко всихъ, сего у тебе прошю: даси ми градъ, да прииму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю, и да научать люди закону крестьянскому». И послуша Богъ молитвы его; и прия градъ Корсунь, и взя²⁷ съсуды церковныя, и иконы и мощи святаго священномученика Климента и иныхъ святыхъ. И въ ты дни бѣаста цесаря два въ Цесариградѣ, Костянтинъ и Василѣи, и посла къ нимъ Володимерь, прося у нихъ сестры оженити ся, да ся бы болма на крестьянскыи законъ направилъ. И даста ему сестру свою, и дары многы присласта к нему, и мощи святыхъ даста ему. <...>²⁸

По святомъ же крещеньи пожи[ве]²⁹ блаженны князь Володимерь 28 лѣтъ. На другое лѣто по крещеньи к порогомъ ходи, на третее Корсунь городъ взя, на четвертое лѣто церковь камену святыя

²⁴ «На обоихъ» нет в ряде списков, но во всех трех списках XV в. эти слова присутствуют.

²⁵ Пассажа о хазарах нет в двух поздних списках.

²⁶ В списках 1470-х гг. и 1494 г.: Господи Боже.

²⁷ В списке 1494 г.: вся.

²⁸ Здесь мною опущен фрагмент текста, который, как показывает Н.И. Милютенко, в том числе и кодикологически, является вставкой (см.: Шахматов 2014. С. 67–68).

²⁹ В квадратных скобках – из списка 1494 г.

Богородица заложит, а на пятое лѣто Переяславль заложит; въ девятое лѣто десятину блаженный христоролюбивый князь Володимиръ вѣда церкви святѣи Богородицѣ от имѣнья своего. О томъ бо и самъ Господь рече: «Идѣже естъ скровище ваше, ту и сердце ваше будетъ»³⁰. Блаженный князь Володимиръ имяше скровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы, тамо и сердце его бѣ въ царствѣи небеснѣмъ.

И Богъ поможе ему, и сѣде въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святъслава и деда своего Игоря. А Святъслава князя печенѣзѣ убиша, а Ярополкъ сѣдѣше въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святъслава; и Олегъ идый с вой у Вруча града, мость ся обломи с вой, и удавиша Олга въ гребли, а Ярополка убиша въ Киевѣ мужи Володимировѣ. И сѣде въ Киевѣ князь Володимиръ въ-смое лѣто по смерти отца своего Святъслава, мѣсяца июня в 11, въ лѣто 6486. Крести же ся князь Володимиръ въ 10-е лѣто по убьенѣи брата своего Ярополка. Каяшеса и плакашется блаженный князь Володимиръ всего того, елико створи в поганьствѣ, не зная Бога. Познавъ же Бога истиннаго, творча небесѣ и земли, покаяся всего и отвержеса дьявола и бѣсовъ, и всея службы его, и послужи Богу добрыми дѣлы своими и милостынею. Успе съ миромъ мѣсяца июля в 15 день, въ лѣто 6523, о Христѣ Исусѣ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнян Н.В.* Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001.
- Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 15–35.
- Беляев Д.Д.* Зарождение историописания в древней Мезоамерике // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 203–240.
- Беляев Д.Д., Гимон Т.В.* Предисловие // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 5–24.
- Бешевлиев В.* Пръвобългарски надписи (второ преработено и допълнено издание). София, 1992.
- Гайдуков П.Г., Калинин В.А.* Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 403–436.
- Гайдуков П.Г., Янин В.Л.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология (Мат-лы науч. конф.), Новгород, 23–25 января 2007 г. В. Новгород, 2007. С. 138–164.

³⁰ Мф. 6:21; Лк. 12:34.

- Гимон Т.В.* События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703.
- Гимон Т.В.* К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 748–800. (а)
- Гимон Т.В.* Развитие деловой письменности в Новгороде в XI–XIV вв. // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 72–78. (б)
- Гимон Т.В.* Устная традиция о событиях XI в. в средневековом Новгороде // ДГ, 2016 год: Памяти Г.В. Глазыриной. М., 2018. С. 157–183. (а)
- Гимон Т.В.* Предки-язычники в раннем историописании Англии и Руси // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. М., 2018. № 3 (36). Ч. 2: Arbor mundi = Мировое древо; вып. 25. С. 248–263. (б)
- Гимон Т.В.* Исторические заметки из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и зарождение древнерусского историописания // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: юбилейный сб. в честь А.В. Назаренко. М., 2019. С. 73–89 (в печати).
- Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игоревы...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // RL. 2001. Vol. 25. P. 147–181.
- Гиппиус А.А.* Социокультурная динамика письма в Древней Руси (О книге: *Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus*, с. 950-1300. Cambridge, 2002) // РЯНО. 2004. № 1 (7). С. 171–194.
- Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игоревы... – 3: Ответ О.Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, no. 2. P. 248–287.
- Гринёв Н.Н.* Краткая редакция Русской Правды как источник по истории Новгорода XI в. // НИС. 1989. Вып. 3 (13). С. 20–42.
- Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 586–617.
- Живов В.М.* История языка русской письменности. М., 2017. Т. 1–2.
- Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999.
- Иванов Вяч.Вс.* Типология автобиографического поучения царя как жанра // Славяноведение. 2004. № 2. С. 69–79.
- Иванов С.А.* Болгарская общественная мысль эпохи раннего Средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 2009. С. 9–30.
- Истрин В.М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). [2-е изд.] М., 2003.
- Лихачёв Д.С.* Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы // ВИ. 1951. № 12. С. 30–54.
- Лихачёв Д.С.* Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952.

- Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М., 2000.
- Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации: Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.
- Мельникова Е.А.* Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // Историческая память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 180–222.
- Мельникова Е.А.* Письменность без государства и государство без письменности: Германское руническое письмо во II–XV вв. н.э. // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 178–185.
- Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008.
- Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Михеев С.М.* Надпись на каменном кресте из Воймериц на реке Мсте – памятник начальной истории древнерусской письменности // ВЭ. М., 2012. Вып. 6. С. 7–30.
- Михеев С.М.* К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // ДРВМ. 2014. № 4 (58). С. 45–63.
- Михеев С.М.* Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII вв. // ДРВМ. 2017. № 4 (70). С. 17–41.
- Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- Назаренко А.В.* Крещение св. Владимира в устной и письменной традиции древнейшей поры (XI в.) // ВЕДС-XII: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 42–48.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- Назаренко А.В.* Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 593–654.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: очерки и исследования. М., 1969.
- Никольский С.Л.* «Древнейшая правда» Ярослава: дружинное право в становлении государственного законодательства // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 55–67.
- Петров А.В.* От язычества к святой Руси: Новгородские уособицы: К изучению древнерусского вечового уклада. СПб., 2003.
- Польвянский Д.И.* Культурная идентичность, историческое сознание и книжное наследие средневековой Болгарии. М.; СПб., 2018.
- Рождественская Т.В.* О надписи на Воймерицком кресте // Висы дружбы: сб. ст. в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 382–390.

- Сотникова М.П.* Древнейшие русские монеты. Каталог и исследование. М., 1995.
- Сотникова М.П.* Печать Ярослава Мудрого (1019–1025) // Сфрагистический меридиан: Київ – Корсунь/Херсон – Κωνσταντινούπολις, Киев, 13–16 сентября 2013 г. Київ; Севастополь, 2013. С. 70–72.
- Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983.
- Тихомиров М.Н.* Начало славянской письменности и Древняя Русь // *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 185–194.
- Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В.* О социальных основах развития письменности и грамотности в Древней Руси // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С. 114–127.
- Черепнин Л.В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 293–333. (а)
- Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. М., 1948. Т. 1. (б)
- Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.
- Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. В. Новгород, 2001.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.
- Шахматов А.А.* Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / подгот. текста Н.И. Милютенко. СПб., 2014.
- Androshchuk F.* Images of Power: Byzantium and Nordic Coinage, с. 995–1035. Kyiv; P., 2016.
- Barnes M.P.* Runes: A Handbook. Woodbridge, 2012.
- Chaplais P.* Who Introduced Charters into England? The Case for Augustine // *Prisca Munimenta: Studies in archival & administrative history presented to Dr A.E.J. Hollaender.* L., 1973. P. 88–107.
- Cooper J.S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. New Haven (Co.), 1986. Vol. 1: Presargonic inscriptions.
- Gippius A.* Birchbark Literacy and the Rise of Written Communication in Early Rus' // *Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North.* Turnhout, 2012. P. 225–250.
- Gräslund A.-S., Lager L.* Runestones and the Christian Missions // *The Viking World.* Abingdon, 2008. P. 629–638.
- Łowmiański H.* [Rec. на ks.:] *Лухачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947 // *Przegląd Historyczny.* Warszawa, 1948. Т. 38. S. 279–288.
- Michalowski P.* Early Mesopotamia // *The Oxford History of Historical Writing.* Oxford, 2011. Vol. 1. P. 5–28.

Timofey V. Guimon

PRINCE VLADIMIR AND WRITING

There has been a long-standing discussion concerning the origin of writing in Rus: whether its spread had been caused by the introduction of Christianity, or by some inner needs of the society such as trade, administration, self-government, or the like. The question seems to have been convincingly resolved by Alexey Gippius: the first impulse for writing was indeed the conversion and the needs of the church, but relatively soon this technology started to be used for practical purposes (such as writing letters or making business notes), first, by clergy, and later by laymen. However, there is a number of early Rus written texts which do not belong to neither of those two domains (liturgy and everyday practical needs): the annals, most of graffiti, etc.

It is argued in this paper, that already in the time of St Vladimir, the Prince of Kiev (978–1015) who baptized Rus in 987 or 988, writing started to be used for the representation of the ruler: as a sacred and prestigious mean of showing the ruler's greatness, achievements, and piety. This function of writing (which was second after the liturgical one, but quite probably pre-dated the practical, everyday usages of writing) can be traced in Vladimir's coinage (in which the visual presentation of the prince and the inscription about him were certainly more important than any economic role those coins could play), probably in his seals (no seals of Vladimir are found, however, those of his successors Svyatopolk and Yaroslav must go back to Vladimir's example), in his charter to the Desyatinnaya Church of Kiev (the charter is mentioned in the *Primary Chronicle*, and, according to Yaroslav Shchapov, can be reconstructed from the text of later legal code known as *Vladimir's Statute*), and, finally, in Jacob the Monk's *Memory and Eulogium (Pamyat' i pokhvala) for Prince Vladimir*, a piece of hagiography which incorporates very archaic notes on Vladimir's deeds. According to the author's hypothesis those notes go back to a short text describing the deeds of Vladimir and composed soon after 995 or 996. It is possible to label this text Vladimir's *royal inscription* (not necessarily on stone, quite probably in a Gospel-book or the like), and so to compare it to the inscriptions commemorating the deeds of rulers of many states of Ancient East, as well as (a closer analogy) of the First Bulgarian Empire, and to some early Norse runestones. In general, one can assume that, after the conversion, Vladimir appreciated writing as a prestigious technology for glorifying ruler and showing his piety – perhaps in one row with the building of churches, the striking of coins, and so on.

It can be shown that Vladimir's successors followed some of Vladimir's usages of writing. Firstly, they minted coins and had seals. Secondly, Yaroslav was

long remembered to have issued a charter to the city of Novgorod – exactly as Vladimir was remembered for his charter to the Desyatinnaya Church.

Also, it is argued in the paper, that the annalistic notes of the *Primary Chronicle* for 1000–1011 (probably going back to an annalistic continuation of Vladimir's 'royal inscription'), which are dedicated to deaths of Vladimir's relatives, can be paralleled to necrological inscriptions of the rulers of the First Bulgarian Empire, in which the khans announced the deaths of their most powerful subjects. Together with the inscriptions commemorating military and building achievements of the khans, those form a good analogy to the hypothetical Vladimir's 'royal inscription' with its annalistic continuation.

Finally, the question of writing around the year 1000 outside the princely court is raised. None of the earliest examples of such writing (personal names inscribed on portable objects, and wooden cylinder seals with inscriptions) can be dated so precisely as to be sure that the inscription was made in Vladimir's time, and not later. However, the circle of functions of those early inscriptions can be paralleled to that of princely texts mentioned above.

Keywords: writing, Old Rus, St Vladimir, coins, seals, annals, charters, royal inscriptions, comparative studies

М.М. Дробышева

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ НАСТЕННЫХ НАДПИСЕЙ-ГРАФФИТИ (XI–XIV вв.)¹

В статье предпринимается попытка проанализировать историю изучения древнерусских надписей XI–XIV вв., процарапанных на стенах архитектурных сооружений. С этой целью была исследована научная литература, выходящая в свет с начала XIX в. («История российской иерархии» епископа Амвросия (Орнатского), «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях» Макария (Миролубова) и др.) по 2018 г. (статьи и монографии современных эпиграфистов: А.А. Медынцевой, Т.В. Рождественской, А.А. Гиппиуса, С.М. Михеева, И.Л. Калечиц, В.В. Корниенко и др.).

Ключевые слова: эпиграфика, граффити, настенные надписи, Древняя Русь, историография

Интерес к надписям и рисункам на твердых поверхностях всегда в той или иной мере присутствовал у любителей древности, но всё же появление первых подробных исследований этого вида источников относится к XVIII в., когда началось изучение латинских граффити (Фёдорова 1982. С. 24). К этому же времени можно отнести формирование эпиграфики как отдельной исторической дисциплины. Несколько позже данный процесс коснулся российской исторической науки. Не ставя перед собой задачи восстановить всю историю изучения древнерусских эпиграфических источников, я ограничусь анализом тех работ, которые так или иначе связаны с исследованием надписей, выцарапанных на стенах церквей (или других архитектурных памятников). О какой-либо системности их изучения не приходится

¹ Работа выполнена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания Минобрнауки России (проект № 33.1221.2017/ПЧ «Этапы развития деловой письменности: Русь/Россия в сравнительно-исторической перспективе»). Выражаю большую признательность Л.В. Столяровой, Т.В. Гимону и Н.В. Коваленко за комментарии и ценные замечания, А.А. Гиппиусу и С.М. Михееву – за возможность ознакомиться с их новыми работами до выхода в печать. Отдельная благодарность С.М. Фельдман и М.А. Подгаецкой за помощь в поиске нужного материала к статье.

говорить вплоть до начала XX в., хотя в отдельных трудах историков искусства, краеведов или собирателей старины встречаются краткие упоминания об обнаруженных на стенах текстах.

Пожалуй, первое такое упоминание сделал епископ Амвросий (Орнатский) в четвертой части своей «Истории российской иерархии», вышедшей в свет в 1812 г. Рассказывая о Георгиевском соборе в Старой Ладогe, Амвросий сообщает, что в 1780 г. новгородский митрополит Гавриил приказал сбить в этой церкви в некоторых местах позднюю штукатурку, чтобы проверить, есть ли там какие-нибудь надписи. В результате под поздней обмазкой был обнаружен еще один фресковый слой «довольно изрядной работы», но он не был первоначальной росписью, поэтому было решено сбить и его. И уже под этим слоем в алтарной части собора были обнаружены различные поминальные и молитвенные надписи-граффити. Амвросий приводит текст четырех из них, условно датируя их XII–XIII вв. (Амвросий 1812. С. 137–138). В 1847 г. во время обширной реставрации храма бóльшая часть старой штукатурки была сбита, а граффити уничтожены, поэтому в 1896 г. новому исследователю Георгиевского собора Н.Е. Бранденбургу приходится только дублировать сообщения Амвросия о находках здесь древнерусских надписей (Бранденбург 1896. С. 233, примеч. 2). Успешнее в этом отношении оказались открытия Бранденбурга на раскопках других старолadoжских храмов, где обнаружилось большое количество фрагментов штукатурки с процарапанными надписями. Содержание и изображения некоторых из них Бранденбург приводит в своем труде (Там же. С. 47, 49, табл. LIX, LX). Часть текста наиболее пространной из этих надписей чуть позже упомянет в своих лекциях И.А. Шляпкин, ошибочно обозначив ее как граффити Георгиевского собора (Шляпкин 1916. С. 9)².

В Киеве и его окрестностях тем временем стали обнаруживаться многочисленные пещеры, связанные с пустынножительством древнерусских монахов. Так, в 1853 г. во время строительных работ была найдена пещера с выцарапанными на ее стенах надписями (Павлов 1853. С. 17–19). Наиболее легко различимые из них упоминают имена Феодосия, Феофила и Ивана «грешного». Последний, судя по содержанию двух надписей, жил и был похоронен в этом месте. Н.М. Сементовский считал, что данное

² Эти конспекты были опубликованы с согласия И.А. Шляпкина, хотя и не проверялись им, поэтому нельзя исключить, что ошибка принадлежит составителю текста, а не лектору.

сооружение является одним из рукавов Ближних пещер Киево-Печерского монастыря (Сементовский 1864. С. 168–170), но позже стало понятно, что обнаруженные помещения находятся отдельно от них. В историографии можно встретить разные варианты названия последнего пристанища Ивана: «Пещера Ивана Грешного и Феофила» (Срезневский 1859. Стб. 1–7; 1885. С. 162), «Пещера у Аскольдовой могилы» (Антонович 1879. С. 247), «Иванова пещера у Цепного моста» (Закревский 1868. С. 708), «Пещера у Николаевского моста» (Эртель 1913. Табл. 6) или «Никольская пещера» (Каманин 1914. С. 14). Временем написания упомянутых граффити исследователи, ориентируясь на мнение И.И. Срезневского, называют XII в.

В последней трети XIX в. в Киеве была обнаружена еще одна система искусственных пещер, на стенах которой имеется большое количество выцарапанных древнерусских надписей, – Зверинецкий монастырь. Ему посвятили специальные работы А.Д. Эртель (1913) и И. Каманин (1914). В алтарной части пещерной церкви можно найти граффито, перечисляющее игуменов монастыря, а в крипте – поминальные надписи с именами упокоенных.

Собиратель материалов об истории новгородских земель архимандрит Макарий (Миролюбов) в одном из публичных писем редактору «Известий Второго отделения Императорской Академии наук» (им был И.И. Срезневский) сообщал о различных найденных им древнерусских текстах на антиминсах, иконах, крестах, фресках и т.п., и в том числе цитирует два поминальных граффити из церкви Спаса на Нередице (Макарий 1857. Стб. 376–381; 1860. С. 502). Эти надписи вряд ли были единственными, которые видел Макарий в данном храме, по крайней мере, на нижнем ярусе, почти полностью испещренном древнерусскими граффити. Но для неподготовленного исследователя эти две эпиграфические находки были, во-первых, наиболее простыми для чтения и понимания содержания; во-вторых, содержали в себе точные даты. Первая надпись сообщала о смерти 29 января 1254 г. некоего Козмы Ивановича, а вторая – о двух умерших друг за другом в октябре 1279 г. супругах Кюриле и Оксинии. И.И. Срезневским эти надписи – как и вышеупомянутые граффити из Старой Ладogi (Срезневский 1863. С. 60) и Никольской пещеры (Там же. С. 40, 219) – были включены в издание «Древних памятников русского письма и языка (X–XIV вв.)» (Там же. С. 233, 236).

Для историков XIX в. не было характерно пристальное внимание к древнерусским граффити. Очарованные новыми находками – древних слоев фресковой живописи или архитектурного сооружения в целом – исследователи обнаруженные надписи использовали, скорее, для примерных датировок сделанных ими открытий. У них не было цели собрать как можно больше информации об этом источнике, а в публикации попадали наиболее легко читающиеся образцы письма. Факт наличия в исследуемом архитектурном сооружении других надписей в лучшем случае упоминался. Рисунки, фотографии или прориси надписей если и прикладывались, то довольно неточные. Добуквенно точное воспроизведение текста тоже не всегда было приоритетной задачей публикаторов. И всё же данные работы представляют не только историографический интерес. Некоторые из упомянутых историками XIX в. надписей не сохранились к настоящему времени или сохранились частично, поэтому современным исследователям таких граффити приходится обращаться к этим работам как к единственному источнику, содержащему данные об интересующем их эпиграфическом материале.

Между тем к концу XIX в. историками всё больше осознавалась необходимость специальных эпиграфических исследований. А.В. Прахов, занимавшийся в 1881–1882 гг. раскрытием первоначальной фресковой живописи в киевской Кирилловской церкви, одной из задач своей работы ставил сбор текстов обнаруженных надписей, как дипинти на фресках, так и «всех случайных речений, нацарапанных во многих местах церкви» (Прахов 1883. С. 5; 1887. С. 13). Делая копии фресковой живописи этого памятника, он фиксировал и обнаруженные граффити, хотя никак и не комментировал их. А.В. Прахов подчеркивал, что надписи (а многие из них, по его словам, содержали дату) могут пролить свет на историю Кирилловской церкви и послужить ценным материалом для истории языка. Но научным сообществом вызов не был принят, и следующая работа по изучению граффити этого памятника архитектуры будет опубликована только спустя почти сто лет.

Н.В. Покровский, рассуждая о возможных в древности поновлениях фресок в церкви Спаса на Нередице, сетовал, что факт наличия вышеупомянутых поминальных надписей этого храма не может иметь решающего значения в изучении поднятого им вопроса, так как «нацарапанные на внутренних стенах Нередицкой церкви многочисленные надписи не были доселе никем проверены

критически ни со стороны внутреннего содержания, ни стороны палеографической». Научный анализ граффити ученый называл «одной из неотложных частных задач русской археологии» (Покровский 1900. С. 291–292).

Появление первой работы, полностью посвященной древнерусским надписям-граффити, было связано с реставрацией, проходившей в новгородском Софийском соборе в 1890-х годах. Тогда в результате понижения уровня пола и снятия слоев позднейшей живописи обнаружилось большое количество выцарапанных надписей и рисунков. В монографии А.А. Медынцевой приводится предположительная реконструкция событий, в результате которых начатые было многообещающие работы по фиксации и анализу источников так толком и не были реализованы (Медынцева 1978. С. 6–10). И единственной сделанной тогда публикацией стала статья В.Н. Щепкина, изучавшего присланные В.В. Сусловым из Новгорода в Московское Археологическое общество 42 слепка с надписями. На их основе В.Н. Щепкин составил перечень прочитанных им кириллических и глаголических граффити, сопроводив их подробным палеографическим и лингвистическим комментарием (Щепкин 1902. С. 26–46). И.А. Шляпкина также заинтересовали настенные надписи Софийского собора (Шляпкин 1916. С. 5, 9, 14–15), которые должны были войти в готовившийся им к публикации свод древнерусских граффити, но многолетняя работа исследователя над «вещевой палеографией» не была закончена из-за смерти автора в 1918 г.

Еще одно сочинение дореволюционного периода, касающееся темы древнерусских граффити, о котором стоит упомянуть, – это монография львовского археолога и искусствоведа И. Пеленского. В этой работе, посвященной архитектуре Галича, сообщалось о наличии в церкви святого Пантелеймона большого числа латинских, польских, армянских и древнерусских надписей. Некоторые из них были в этой же работе опубликованы (Peleński 1914. S. 31–43), а за консультацией по тексту наиболее пространной древнерусской надписи этого храма автор обратился к А.А. Шахматову и А.И. Соболевскому (Ibid. S. 32, przyr. 1). В анализе содержания надписи И. Пеленский, пожалуй, первым в историографии древнерусских неофициальных настенных надписей осуществил попытку идентификации указанных в граффито лиц, предположив, что в нём упоминается Мстислав Мстиславич Удатный.

Дальнейшее развитие исторических событий не способствовало прогрессу в изучении древнерусских граффити, как и эпиграфики в

целом. Некоторые источники были уничтожены. Так, в Первую мировую войну исчезла плита с надписью XII в. со стены Васильевской церкви во Владимире Волынском, рисунок которой был опубликован в «Памятниках русской старины в западных губерниях», и теперь это единственная публикация, по которой можно представить, как данное граффито выглядело (Памятники 1868. Лист 6).

В раннесоветской исторической науке не нашлось места работам по систематизации и описанию археологических находок, а введенное понятие «вещеведение» по отношению к таким исследованиям использовалось с обязательной негативной коннотацией. Публикации и анализ новых настенных надписей надолго прекратились.

В тот же год, когда началась активная кампания против еще недавно царившей в советской науке школы Покровского, А.С. Орлов, проводивший свои исследования древнерусских источников еще в дореволюционный период, издает «Библиографию русских надписей XI–XV вв.» (Орлов 1936). Составление библиографического списка стало возможным благодаря многолетней работе А.С. Орлова в Музее книги, документа и письма Академии наук (Орлов 1952. С. 3). Научным сообществом эта публикация была принята с энтузиазмом, хотя и не без некоторых мелких замечаний (Рыбаков 1938. С. 250–257). «Библиография» оказалась очень востребованной, и потому в 1952 г. была переиздана с дополнениями М.П. Сотниковой (Орлов 1952).

С 1935 г. в Георгиевском и Михайловском приделах киевского Софийского собора стали проводиться реставрационные работы. Уже после войны, в 1947 г., Б.А. Рыбаков опубликовал несколько особо интересных обнаруженных здесь граффити: бытовые записи с требованием отдать «козу», надпись о клирике Десятинной церкви, узорчато написанная молитва об архиепископе Мартирии и др. (Рыбаков 1947). В 1954–1964 гг. реставрация и раскрытие первоначальных слоев штукатурки были продолжены и в других частях храма, что позволило С.А. Высоцкому издать отчеты о находках еще некоторых граффити (Высоцкий 1959а; 1959b; 1960; 1962; 1963; 1964; 1966а; Высоцкий 1966а; 1966b), а к 1966 г. подготовить первую часть свода киевских надписей, где была собрана информация о 99 источниках (Высоцкий 1966b). Развитие технических средств освещения и фотографии позволило автору отказаться от метода фиксации граффити на слепках из скульптурной глины, использовавшегося В.В. Суловым и И.А. Шляпкиным. Вместо этого

С.А. Высоцкий производил фотосъемку надписей при боковом скользющем освещении, а затем по фотографии создавал прорисовку текста. Структура подготовленного им свода киевских надписей определила то, как строились и многие последующие корпусные издания граффити. В первой части свода присутствует перечень текстов граффити, по каждой надписи приводится анализ содержания, обоснование датировки по стратиграфическим и палеографическим признакам, историографический разбор, сопоставление с информацией из других источников. Во второй части монографии для каждой надписи приводятся фотография и прорисовка.

За два года до выхода первой части свода киевских граффити Б.А. Рыбаков подвел итоги своих эпиграфических исследований в книге «Русские датированные надписи XI–XIV вв.» (Рыбаков 1964а), куда автором были включены все известные исторической науке на тот момент надписи, содержащие точную дату либо датируемые по косвенным признакам (впрочем, не всегда надежно). Среди них было и несколько древнерусских граффити со стен церковей: надписи Киевской Софии, новгородской церкви Спаса на Нередице и так называемого Собора на Протоке – архитектурного памятника, обнаруженного во время раскопок Н.Н. Воронина в Смоленске. Надписи смоленского храма становились объектами изучения и в других работах (Воронин 1964; Рыбаков 1964б).

Публикации Б.А. Рыбакова (к указанным выше можно добавить еще две: Рыбаков 1959; 1963) и С.А. Высоцкого вызвали большой научный интерес, свидетельством чему является немалое количество проведенных на основе этих источников исследований (см., например: Янин 1963; Поппе 1968; Иванова 1972; и др.). В 1976 г. С.А. Высоцкий было издано дополнение к первой книге (Высоцкий 1976с), а через десятилетие – и третий труд (Высоцкий 1985а). Всего Высоцким было опубликовано более трехсот надписей. Отличие последней монографии от предыдущих состоит в том, что здесь анализируются надписи не только Софии Киевской (к промежуточным публикациям С.А. Высоцкого в 1967–1985 гг. о надписях Софии Киевской можно отнести следующие работы: Высоцкий 1970; 1973; 1974; 1975а; 1975б; 1976а; 1985б; 1985с; Высоцкий 1967; 1968а; 1968б; 1970; 1972а; 1972б; 1974; 1975а; 1975б; 1976; 1978), но и других памятников древнерусской архитектуры в Киеве: церкви Спаса на Берестове, Золотых ворот (Высоцкий 1967), Михайловского собора Выдубицкого монастыря (Высоцкий 1976б), Успенского собора Киево-Печерской лавры,

Ближних пещер Киево-Печерской лавры (Высоцкий, Мовчан 1984) и Кирилловской церкви, первоначальную фресковую живопись которой когда-то раскрывал А.В. Прахов.

Не все выводы С.А. Высоцкого относительно чтения и предполагаемого содержания граффити были поддержаны другими учеными. В разное время с замечаниями и комментариями к его публикациям выступали В.И. Борковский (Борковский 1966), В.В. Нимчук (Німчук 1967), Л.Е. Махновец (Махновець 1971), В.В. Колесов (Колесов 1978), В.Г. Пуцко (Пуцко 1978), Т.А. Иванова и Т.В. Рождественская (Иванова, Рождественская 1979), О.И. Прицак (Pritsak 1982; Прицак 1988), В.К. Зиборов (Зиборов 1988; 1995. С. 13–21), В.Э. Орел (Orel 1993; 1995; 1996; Орел 1997; Орел, Кулик 1995), А.Б. Страхов (Страхов 1995), К. Лефевр (Le Feuvre 1997), А.В. Поппэ (Поппэ 1996), С.В. Белецкий (Белецкий 1997), А.С. Щавелев (Щавелев 2001), А.П. Толочко (Толочко 2013), И.Ф. Тоцкая (Тоцька 2013). Многие из опубликованных возражений надо признать справедливыми, но стоит отметить, что предложенная С.А. Высоцким подача материала располагала к изучению фотоснимков и прорисовок граффити всеми желающими, а потому предложений по корректровке версий чтения тех или иных надписей поступило немало. Сам автор трехтомного свода, за редким исключением (Высоцкий 1972с; 1998), не вступал в полемику и в последующих публикациях учитывал наиболее удачные поправки коллег.

Находки граффити в Киевской Софии способствовали возрождению интереса к поиску источников этого вида уже в Софии Новгородской. В 1961–1966 гг. здесь проходили реставрационные работы, в ходе которых А.А. Медынцевой было выявлено большое количество новых надписей (Медынцева 1969; 1970; 1974а; 1974б; 1975; Куза, Медынцева 1976), и в 1978 г. вместе с данными из архива В.В. Сулова и частично сохранившегося архива И.А. Шляпкина они были опубликованы в монографии исследовательницы «Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора» (Медынцева 1978). В издание вошли 253 надписи, включая интересный комплекс надписей строителей и художников, расписывавших собор. Рецензировавший работу В.П. Яйленко, не обойдя вниманием некоторые сделанные А.А. Медынцевой, по его мнению, огрехи в публикации, назвал монографию хорошим фундаментом для создания корпуса граффити Новгорода и его земель (Яйленко 1983).

Корпусные издания С.А. Высоцкого и А.А. Медынцевой положили начало серьезным изменениям в отечественной эпиграфике.

С конца 1960-х и до начала 1990-х годов вышло в печать немало работ с публикацией новых граффити: Золотых ворот во Владимире (Воронин 1968), церкви Спаса или церкви Климента в Старой Ладоге (Рождественская 1972а, 1975), собора на Протоке (Воронин, Раппопорт 1979. С. 309, примеч. 7) и церкви Петра и Павла в Смоленске (Там же. С. 89), церкви Покрова в Пскове (Медынцева 1981), Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке (Рождественская 1983), церкви Бориса и Глеба в Новогрудке (Гуревич 1986), Спасо-Преображенской церкви в Чернигове (Німчук 1982; Висоцький 1984), церкви святых Бориса и Глеба в Старой Рязани (Медынцева 1988), церкви Федора Стратилата в Новгороде (Медынцева 1985b), церкви Спаса на Нередице (Яйленко 1987а, 1987b), Рождественского собора в Суздале (Седова 1987). Сразу в нескольких работах зарубежных исследователей сообщалось о наличии кириллических надписей в Софии Константинопольской (Mango 1954; Horbatsch 1977; Kalavrezou-Maxeiner, Obolensky 1981), а Д. дел'Агата опубликовал две древнерусские надписи из собора св. Мартина в итальянском городе Лукка (Dell'Agata 1973–1974; Дел'Агата 1978).

Накопление источниковой базы способствовало появлению примерно с конца 1980-х гг. обобщающих исследований, частично или полностью касающихся древнерусских надписей-граффити. В первую очередь подобные работы принадлежат Т.В. Рождественской, которая, наряду с изучением характерных для всего корпуса источников особенностей, продолжала публикации новых находок и корректировала версии чтения предыдущих публикаторов (Рождественская 1972b; 1973; 1985; 1987; 1989; 1990; 1991а; 1991b; 1991с; 1991d; 1993; 1996; 1998; 1999; 2002; 2003b; 2006а; 2007а; 2008b; 2009b; 2010а; 2012а; 2012b; 2012с; Васильев, Рождественская 2002; Rozhdestvenskaja 2012). Особого упоминания заслуживает изданная ей в 1992 г. монография «Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв.» (Рождественская 1992), где можно найти информацию о граффити новгородских церквей (Георгиевского собора Юрьева монастыря, Спаса на Нередице, Николая на Липне, Федора Стратилата на Ручью), церквей Старой Ладogi, церкви святого Пантелеймона в Галиче и церкви Спаса Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Кроме этого, как отметил в рецензии В.Б. Крысько, данная работа стала первой монографией по эпиграфике, автором которой является лингвист, способный оценить языковые особенности граффити (Крысько

1994). Изучению темы грамотности в Древней Руси по материалам эпиграфических находок посвятила несколько публикаций А.А. Медынцева (Медынцева 1985а; 1997; 1999; 2000; Медынцева, Мельникова, Артамонов 2014). В трудах Ю.И. Никитиной (Никитина 1990), Н. Овчарова (Овчаров 1995; 1996) и Б.Г. Васильева (Васильев 1996; 1997; 2000а; 2000б) проводится анализ граффити-рисунков из древнерусских архитектурных памятников.

Одновременно с этим начался процесс серьезного пересмотра версий чтений и датировок ряда настенных надписей (споры относительно чтения конкретных надписей имели место и раньше, но именно в 1990–2000-х гг. они достигли невиданного прежде масштаба). Начало этого процесса логично связывать с выходом в 1992 г. «Эпиграфических заметок» В.Л. Янина, который сетовал, что фонд древнерусских надписей пока остается вне поля лингвистики, а потому «транскрипции и истолкования, предлагавшиеся исследователями, которые не имели специальной филологической подготовки, надо думать, вызывают недоверие, а порой и усмешку, – вероятно, во многих случаях вполне заслуженную» (Янин 1992. С. 21). Автором был скорректирован ряд прочтений и датировок, сделанных в публикациях С.А. Высоцкого о граффити из Софии Киевской и А.А. Медынцевой о надписях из церкви Федора Стратилата на Ручью в Новгороде. Эта работа была продолжена А.А. Туриловым, который также уделил большое внимание исправлениям в чтениях киевских граффити (Турилов 2000). Наконец, А.А. Зализняк провел подробный лингвистический разбор предложенных С.А. Высоцким, А.А. Медынцевой и Б.А. Рыбаковым прочтений граффити (Зализняк 2004а; 2004б; 2005; 2006). Кроме того, А.А. Зализняком на материале граффити была успешно опробована новая система датировки по палеографическим признакам, разработанная им на основе данных берестяных грамот. Эта система лежит в основе большинства современных исследований о древнерусских надписях.

И вот, в последние 10–15 лет можно наблюдать очень существенный рост публикационной активности на тему древнерусских надписей-граффити. Это связано сразу с несколькими факторами. Во-первых, с развитием цифровой и компьютерной техники, упрощающей процесс фотофиксации источника и обработки снимка. Во-вторых, с повсеместным проведением реставрационных и археологических работ в памятниках древнерусской архитектуры на постсоветском пространстве. В результате этой деятельности

открываются древнейшие слои штукатурки и, соответственно, новые граффити. Фрагменты сбитой когда-то обмазки стен церквей, на части которых присутствуют выцарапанные надписи, обнаруживаются и в ходе археологических работ. Но и до этого в публикации попадали не все открытые для наблюдения надписи, т.к. для существенной части сохранившегося фонда граффити у исследователей не получилось придумать логичной трактовки. Но, как показали работы В.Л. Янина, А.А. Турилова и А.А. Зализняка, накопленный опыт в изучении берестяных грамот и другой некнижной восточноевропейской письменности мог продуктивно отразиться и на подготовке новых сводов граффити (Гиппиус, Михеев 2013с. С. 152). Появление подобного опыта можно назвать третьей причиной резкого увеличения количества научных исследований в эпиграфике.

С 2006 г. В.В. Корниенко ведется работа над повторным изданием корпуса граффити Киевского Софийского собора (Нікітенко, Корнієнко 2007; 2009; 2011a; 2011b; 2016; Никитенко, Корниенко 2009; 2010a; 2010b; 2011; 2014; Корнієнко 2008a; 2008b; 2008c; 2008d; 2009b; 2009c; 2009d; 2009e; 2010a; 2010e; 2010f; 2011a; 2011b; 2011c; 2011d; 2011f; 2011g; 2011i; 2012a; 2012b; 2012c; 2013b; 2013c; 2013d; 2013e; 2013f; 2014b; 2016a; 2016c; Корниенко 2009a; 2009b; 2010a; 2010b; 2012b; 2012c; 2012d; Корнієнко, Нікітенко 2008; 2009; 2010; 2012; Корниенко, Никитенко 2009; 2010; Kornienko 2011; Корниенко, Остапчук, Колодницкий 2012). На данный момент опубликовано уже семь частей свода надписей и рисунков XI–XVIII вв. (последняя часть разделена на два тома). Количество опубликованных граффити из этого архитектурного памятника уже перевалило рубеж в 4000 надписей (Корнієнко 2010c; 2010d; 2011e; 2014a; 2015a; 2015b; 2016b; 2017b). На первые две части нового свода, посвященные двум северным приделам храма, Т.А. Бобровским были написаны резко негативные рецензии, в которых подверглись критике как методика фиксации граффити, примененная В.В. Корниенко, так и множество конкретных примеров интерпретации текста источников и их датировок (Бобровский 2010a; 2012). Ряд других исследователей также не согласился с ученым по множеству сделанным им выводов (Толочко 2010; Архипова 2010; Михеев 2011; 2012c; Виноградов, Михеев 2012; Гиппиус 2016c). Сенсационную известность В.В. Корниенко и его коллеге Н.Н. Никитенко принесла публикация исследований, где на основе пересмотра чтения некоторых

граффити делался вывод об основании Софийского собора не в 1017 или 1037 г., как об этом сообщается в летописях, а еще при жизни Владимира Святого в 1011 г. (а закончено создание памятника при Ярославе Мудром в 1018 г.). Многие ученые выступили с критикой этого утверждения (Михеев, Виноградов 2010; Евдокимова 2010; Медынцева 2010b; Рождественская 2010b; Бобровский 2010b; Жарких 2010). В свою очередь, В.В. Корниенко и Н.Н. Никитенко не согласились ни с одним из доводов оппонентов (Нікітенко, Корнієнко 2010; Никитенко, Корниенко 2012; Корнієнко 2011h; 2012d; Корнієнко, Нікітенко 2012; Маврін 2012). Также перу В.В. Корниенко принадлежит несколько работ по исследованию граффити в двух других киевских храмах: Спаса на Берестове (Корнієнко 2009a; 2009d; 2010b; 2011c; 2013a; Корниенко 2012a) и Кирилловской церкви (Корнієнко 2011d; 2011i; 2016d; Марголина, Корниенко 2012; Марголіна, Корнієнко 2012).

Упомянутый выше Т.А. Бобровский осуществил ряд исследований о граффити киевских пещер (Бобровський 2002; 2007; Бобровский 2013). Возвращаясь к трудам о граффити Софии Киевской, необходимо упомянуть специальную работу А.А. Евдокимовой о греческих надписях этого собора (Евдокимова 2008). Также комплексом греческих надписей данного храма (и, кроме этого, Софии Новгородской и Борисоглебского собора в Старой Рязани) занимался А.Ю. Виноградов, сделавший некоторые поправки к прочтениям А.А. Евдокимовой (Виноградов 2013).

Неутихающий интерес к кириллическим надписям в Софии Константинопольской (Mango 1993; Алексеев 1999; Толочко 2008) получил дополнительный импульс после того, как в 2007 г. началась систематическая работа по выявлению, фиксации и описанию этих надписей, проводимая Ю.А. Артамоновым, И.В. Зайцевым и А.А. Гиппиусом (Артамонов, Зайцев 2008a; 2008b; 2009a; 2009b; Артамонов, Гиппиус, Зайцев 2009; 2010; 2012; Артамонов, Гиппиус 2012; Артамонов 2011). Эта же группа исследователей занималась изучением записей древнерусских паломников на стенах базилики Рождества Христова в Вифлееме (Гиппиус, Артамонов, Зайцев 2013; Артамонов, Гиппиус, Зайцев 2016). Расширение комплекса паломнических настенных записей, сделанных на древнерусском языке, произошло после находок во французском аббатстве Сен-Жиль (Brun, Hartmann-Virnich, Ingrand-Varenne, Mikheev 2014; Гордин 2017) и в церкви Сен-Вивьен в г. Понсе (Рождественская 2016c; Гордин, Рождественская 2016). Здесь были обнаружены

кириллические граффити, подтверждающие практику хождения древнерусских паломников к мощам св. Иакова в Сантьяго-де-Компостела.

Публикация надписей Софии Новгородской вновь началась в 2004 г., после изучения Т.В. Рождественской стен Мартирьевской паперти (Рождественская 2004), приостановилась на дискуссии вокруг надписи № 199 (Михеев 2006; Чернов 2006; Зализняк 2006; Медынцева 2006) и продолжилась позже уже С.М. Михеевым, который в настоящий момент вместе с А.А. Гиппиусом готовит к изданию новый свод надписей XI–XVII вв., где будет опубликовано около 800 граффити этого памятника (Михеев 2010a; 2010b; 2016a; 2016b; 2017; 2018; 2019; Гиппиус, Михеев 2011; Гиппиус 2015; 2016b; 2017a; Gippius, Gzella, Mikheev, Schaecken 2012; Gippius 2018). А.А. Медынцева также посвятила несколько новейших работ граффити Софии Новгородской (Медынцева 2014a; 2015a; 2016). В следующих выпусках упомянутого корпуса будут опубликованы еще и настенные граффити других новгородских храмов: церкви Спаса на Нередице (Рождественская 2013a; 2015b; 2016a), церкви Федора Стратилата на Ручью (Рождественская 2007b; 2015a), церкви Благовещения на Городище (Гиппиус, Михеев 2019a), церкви Николая на Липне (Рождественская 2009a; 2013a; 2013b; 2016b), церкви Успения Пресвятой Богородицы на Волотовом поле (Рождественская 2006b; 2016d) и Георгиевского собора Юрьева монастыря (Рождественская 2002; 2003a; 2008a; 2011; Гиппиус 2017b). Одной из первых подобных публикаций станет комплекс надписей собора Рождества Богородицы Антониева монастыря, уже несколько раз становившихся объектом исследования (Гиппиус, Зализняк 2004; Медынцева 2011b; Гиппиус, Михеев 2019b). Для всех изданий разработан специальный формуляр, несколько расширенный по сравнению с публикациями С.А. Высоцкого, А.А. Медынцевой и В.В. Корниенко. Здесь, помимо традиционных сведений о номере надписи, местоположении граффито, типе надписи, ее текста, датировки и т.п., приводится еще и информация об оформлении текста (описания сопутствующих изображений, исправлений, смен почерка и размера букв, и т.п.), материале, на котором сделана надпись, источниках, важных для прочтения надписи, а также производится анализ орфографии текста. Важно отметить, что в новгородский свод граффити издатели включают настенные записи с хотя бы одним надежно читаемым словом и отдельные декоративно расписанные буквицы, представляющие палеографический интерес. В этом отличие от корпуса киевских граффити

В.В. Корниенко, где публикуются все выявленные исследователем надписи и рисунки, включая многочисленные выцарапанные кресты и отдельные фрагменты плохо сохранившихся надписей.

Несколько публикаций было сделано в рамках исследования фрагментов штукатурки, хранящихся в фондах Новгородского объединенного музея-заповедника: церкви Бориса и Глеба в Новогрудке (Гиппиус, Михеев 2013а) и собора на Протоке в Смоленске (Гиппиус, Михеев 2013б; Рождественская 2014). А.А. Гиппиус и С.М. Михеев планируют в будущем издать полный каталог надписей-граффити данного фонда, в который войдут надписи из новгородских церквей святой Софии, Благовещения на Городище, Рождества Богородицы в Антониеве монастыре, Рождества Богородицы в Перыни, св. Иоанна на Опоках, Михаила Архангела на Прусской улице, из новгородской Грановитой палаты, из Переяславля Южного, Киева, Вышгорода, Смоленска, Полоцка, Новогрудка и Ладоги (Гиппиус, Михеев 2013б. С. 175, примеч. 2). Некоторые из подобных надписей уже были изданы С.М. Михеевым в рамках исследования глаголических граффити (Михеев 2012а; 2012б; 2013; 2014; 2015).

В совместных работах А.А. Гиппиуса и Вл.В. Седова разбираются надписи-граффити из алтарной части Георгиевского собора Юрьева монастыря, обнаруженные в 2014 г. на кусках сбитой со стен штукатурки, когда в ходе археологических работ в соборе были вскрыты два поздних пола, рубежа XVII–XVIII и начала XIX в. Большинство из таких граффити – надписи поминального и летописного характера. Одна из них, в частности, сообщает о смерти сыновей новгородского князя Ярослава Владимировича в июне 1198 г. (Гиппиус, Седов 2015а; 2016). Другим примером совместной работы двух исследователей является анализ граффито из Николо-Дворищенского собора со специфичным написанием слова «сентябрь» (Гиппиус, Седов 2015б).

Долгое время на периферии интересов эпитафистов оставались граффити храмов Северо-Восточной Руси, но не так давно А.А. Медынцева и С.Н. Вахтанов провели планомерную работу по выявлению на штукатурке храмов этого региона надписей и рисунков-граффити. Результатом данного труда стала серия публикаций новых неофициальных надписей Золотых ворот (Медынцева 2008б; 2015с; Вахтанов 2010) и Успенского собора во Владимире (Медынцева 2010а; 2011а; Вахтанов 2012), церкви Покрова на Нерли (Медынцева 2010а; 2015б; Вахтанов 2011, 2014), Рождественского собора в Суздале (Вахтанов 2006; Медынцева

2015с), Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (Медынцева 2008а; 2012; 2013), церкви святых Бориса и Глеба (Вахтанов 2007; Медынцева 2014b). Но, пожалуй, самая интересная эпиграфическая находка на территории Владимиро-Суздальского княжества была сделана в 2015 г. на внешней стене Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, где находится запись об убийстве Андрея Боголюбского с перечислением имен его убийц (Гиппиус, Михеев 2017). Несмотря на ценность этой находки, высказывались и более скептические оценки ее значимости (Сукина 2018).

Еще одним центром современных эпиграфических исследований стал Полоцк, где настенные надписи Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиньевского монастыря продолжает изучать И.Л. Калечиц (Калечиц 2006; 2011а; 2012; 2016а; 2016b; Калечиц 2011; 2012; 2013а; 2013b; 2013с; 2014а; 2014b; 2014с; 2015b; 2016; 2017). В 2011 г. вышла монография исследовательницы, посвященная эпиграфическим находкам X–XIV вв., сделанным на территории Беларуси, куда вошел и комплекс граффити упомянутого храма (Калечиц 2011b). В более поздней работе И.Л. Калечиц разбирает еще и граффити церкви Бориса и Глеба в Гродно (Калечиц 2015а). Независимо от И.Л. Калечиц надписи Спасо-Преображенской церкви изучал И.З. Залилов, издавший по итогам работы монографию «Граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке XII–XVII вв.» (Залилов 2014).

Своеобразная полемика в последние два года развернулась вокруг граффити документального содержания в церкви святого Пантелеймона в Галиче. Всего таких надписей в храме, по-видимому, четыре, но особенное внимание исследователей заострилось на одной из них, находящейся на юго-западной стороне западной стены храма. Впервые сообщение об этой надписи можно встретить в статье В. Вуйцика, изданной в 1996 г., где исследователь смог прочесть только отдельные части плохо сохранившегося граффито (Вуйцик 1996). Долгое время граффито оставалось без внимания, пока спустя 20 лет после публикации В. Вуйцика А.А. Гиппиус не предложил свой вариант прочтения текста. Согласно версии исследователя, надпись, содержащая в себе древнейшее упоминание термина «могоричь», являлась записью судебного решения времени княжения Даниила Романовича Галицкого (Гиппиус 2016а). Вскоре одновременно вышли две работы, в которых по-разному оспаривались выводы ученого. В.В. Корниенко, не согласившись с прочтением некоторых символов в версии А.А. Гиппиуса,

склоняется к несколько другой интерпретации текста документа и датирует его временем княжения Мстислава Мстиславовича Удатного (Корнієнко 2017а). Более радикальный пересмотр содержания надписи был проделан В.М. Слободяном и А.М. Гусаком, обвинившими А.А. Гиппиуса, в том числе, «в попытке в очередной раз очернить имя Даниила Романовича» (Слободян, Гусак 2017; Гусак 2018). Несколько версий прочтения и интерпретации другого документального граффито из Галича, впервые изданного еще И. Пеленским и сообщающего о прекращении суда в отношении некоего Ляха, было предложено в работах Т.В. Рождественской и О.М. Иоаннисяна (Иоаннисян, Рождественская 2007; 2009), А.А. Гиппиуса (Гиппиус 2016а), В.В. Корниенко (Корнієнко 2017а). Последний в 2018 г. издал новую монографию, посвященную граффити Галича и включающую надписи из церкви святого Пантелеймона (Корнієнко 2018). По всей видимости, дискуссию вокруг граффити этого храма пока нельзя назвать законченной.

В конце ноября 2018 г. прошла презентация монографии С. Подлевского, где разбираются все эпиграфические находки X–XVII вв., сделанные в районе Чернигова (Подлевський 2018). Отдельного внимания в этом исследовании заслуживает граффито первой половины XIV в. Спасо-Преображенского собора об обеде «с пирогами» и большая надпись XII в. из Михайловской церкви в Остере, определенно являющаяся выдержкой из богослужебной книги (Подлевський 2017).

Неофициальные надписи-граффити, которые сначала по большей части использовались учеными для установления древности найденных слоев живописи в древнерусских церквях, сейчас представляют собой интереснейший фонд для исторических, искусствоведческих и лингвистических исследований. Почти четверть века назад В.Б. Крысько отмечал назревшую необходимость составления полного свода древнерусских надписей с корректной лингвистической интерпретацией и грамотными обобщениями взамен разрозненных по географическому признаку публикаций (Крысько 1994. С. 152). С того момента количество обнаруженных граффити увеличилось в разы, и процесс пополнения базы этих источников активно продолжается, поэтому в настоящее время реализация обозначенной задачи требует всё большей неординарности в подходе к ее исполнению. Но составление полного свода древнерусских надписей-граффити по-прежнему нельзя назвать неосуществимой мечтой эпиграфистов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.А.* Русские граффити цареградской Софии // ТОДРЛ. 1999. Т. 51. С. 321–323.
- Амвросий (Орнатский).* История российской иерархии / Собранный Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием. Ч. 4: [Полный именная список всех грекороссийских церкви лавр и монастырей...; Словарь исторический, содержащий по азбучному порядку описание всех епархиальных... монастырей и пустынь грекороссийских церкви: Д–К]. М., 1812.
- Антонович В.Б.* Археологические находки и раскопки в Киеве и Киевской губернии в течение 1876 года // Чтения в Историческом Обществе Нестора-Летописца при Университете Св. Владимира. Киев, 1879. Кн. 1. С. 244–261.
- Артамонов Ю.А.* Письменные и эпиграфические источники о древнерусском паломничестве в Константинополь // Церква – наука – суспільство: питання взаємодії: Матеріали Дев'ятої Міжнародної наукової конференції (25–27 травня 2011 р.). Київ, 2011. С. 64–68.
- Артамонов Ю.А., Гиппиус А.А.* Древнерусские надписи Софии Константинопольской // Славянский альманах, 2011. М., 2012. С. 41–52.
- Артамонов Ю.А., Гиппиус А.А., Зайцев И.В.* Из древнерусской эпиграфики Константинопольской Софии // Ruthenica. 2009. Т. 8. С. 228–244.
- Артамонов Ю.А., Гиппиус А.А., Зайцев И.В.* Русские паломники «у святых страстей» (из эпиграфики св. Софии в Константинополе-Стамбуле) // ВЕДС-XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010. С. 14–22.
- Артамонов Ю.А., Гиппиус А.А., Зайцев И.В.* Древнерусские надписи Константинопольской Софии: предварительные итоги исследования // 1150 лет российской государственности и культуры: мат-лы к Общему собранию РАН, посвященного Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012. С. 282–292.
- Артамонов Ю.А., Гиппиус А.А., Зайцев И.В.* Восточнославянские надписи базилики Рождества Христова в Вифлееме // РА. 2016. № 1. С. 25–36.
- Артамонов Ю.А., Зайцев И.В.* «Аще кто поидет в Константинополе». Русские люди в храме Святой Софии // Родина. 2008. № 7. С. 58–62. (а)
- Артамонов Ю.А., Зайцев И.В.* Новые источники о паломничестве русских людей в храм Св. Софии в Константинополе-Стамбуле // Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тез. докл. XVIII Всерос. науч. сессии византинистов. Москва, 20–21 октября 2008. М., 2008. С. 10–15. (б)
- Артамонов Ю.А., Зайцев И.В.* Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе // ВЭ. 2009. Вып. 3. С. 300–321. (а)
- Артамонов Ю.А., Зайцев И.В.* Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле // ВЕДС-XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 19–29. (б)

- Архипова Є.І.* *Натурні дослідження у Софії Київській: декларації та реалії* // УІЖ. 2010. № 5. С. 25–37.
- Белецкий С.В.* К атрибуции княжеского знака на граффити № 75 из Софии Киевской // *Археология*. 1997. № 3. С. 141–145.
- Бранденбург Н.Е.* *Старая Ладога*. СПб., 1896.
- Бобровский Т.А.* Бреші в корпусе (заметки о монографии В.В. Корниенко «Корпус графіті Софії Київської») // *Ruthenica*. 2010. Т. 9. С. 119–130. – Рец. на кн.: *Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської. Ч. I: Приділ св. Георгія Великомученика. Київ, 2010. (а)
- Бобровский Т.А.* Некоторые замечания о софийских граффити с «ранними датами» // *Заснування Софійського собору в Києві: Проблеми нових датувань: Матеріали Круглого столу (7 квітня 2010 р., м. Київ)*. Київ, 2010. С. 27–35. (b)
- Бобровский Т.А.* [Рец.] // *Ruthenica*. 2012. Т. 11. С. 184–200. – Рец. на кн.: *Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської. Ч. II: Приділ свв. Апостолів Петра і Павла. Київ, 2010.
- Бобровский Т.* О граффито 1150 года из Ближних пещер Киево-Печерской Лавры // *Храм і люди: збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького*. Київ, 2013. С. 54–65.
- Бобровський Т.А.* Давньоруські епітафії зі Звіринецьких печер у Києві // *Біографічна некрополістика в контексті сучасної історичної науки: Джерела та результати досліджень*. Київ, 2002. С. 58–64.
- Бобровський Т.А.* Підземні споруди Києва від найдавніших часів до середини ХІХ ст. (спелео-археологічний нарис). Київ, 2007.
- Борковский В.И.* [Рец.] // *ВЯ*. 1966. № 5. С. 121–123. – Рец. на кн.: *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966.
- Васильев Б.Г.* Рисунки-граффити церкви св. Георгия Старой Ладоги // *Ладога и Северная Европа*. СПб., 1996. С. 71–74.
- Васильев Б.Г.* Древнерусские настенные рисунки-граффити (к постановке вопроса) // *Новгород и Новгородская земля. История и археология (мат-лы науч. конф. Новгород, 28–30 января 1997 г.)*. Новгород, 1997. С. 292–304.
- Васильев Б.Г.* Рисунки-граффити из коллекции Н.Е. Бранденбурга в Эрмитаже: мат-лы конф. памяти Н.Е. Бранденбурга // *Бомбардир*. 2000. № 9. С. 21. (а)
- Васильев Б.Г.* Светская тематика в рисунках-граффити церкви св. Георгия Старой Ладоги // *Староладожский сборник*. СПб.; Старая Ладога, 2000. Вып. 3. С. 46–59. (b)
- Васильев Б.Г., Рождественская Т.В.* Надписи и граффити на фресках Георгиевской церкви // *Сарабянов В.Д.* Церковь Георгия в Старой Ладоге. История, архитектура, фрески. Монографическое издание памятника. М., 2002. С. 355–387.
- Вахтанов С.Н.* Граффити суздальского Рождественского собора XIII в. // *Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник: мат-лы исследований*. Владимир, 2006. Вып. 12. С. 103–113.

- Вахтанов С.Н.* Граффити церкви свв. Бориса и Глеба XII в. в селе Кидекше // Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник: мат-лы исследований. Владимир, 2007. Вып. 13: Научно-практическая конференция (27–28 ноября 2006 г.). С. 20–25.
- Вахтанов С.Н.* Граффити Золотых ворот в г. Владимире // Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник: мат-лы исследований. Владимир, 2010. Вып. 16. С. 75–78.
- Вахтанов С.Н.* Средневековые граффити XII – начала XV века церкви Покрова на Нерли // Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник: мат-лы исследований. Владимир, 2011. Вып. 17. С. 88–91.
- Вахтанов С.Н.* Граффити Успенского собора города Владимира // Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник: мат-лы исследований. Владимир, 2012. Вып. 18. С. 100–104.
- Вахтанов С.Н.* Средневековые рисунки-граффити белокаменных памятников владими́ро-суздальского зодчества // Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник: мат-лы исследований. Владимир, 2014. Вып. 20. С. 149–158.
- Виноградов А.Ю.* Заметки о греческих граффити в древнерусских храмах // ВЭ. 2013. Вып. 7, ч. 2. С. 89–105.
- Виноградов А.Ю., Михеев С.М.* Еще раз о нескольких надписях-граффити Софии Киевской: Разбор чтений В.В. Корниенко и Н.Н. Никитенко // Первые каменные храмы Древней Руси: мат-лы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 г. СПб., 2012. С. 326–329.
- Воронин Н.Н.* Смоленские граффити // СА. 1964. № 2. С. 171–178.
- Воронин Н.Н.* Граффити 2 февраля 1238 г. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 401–405.
- Воронин Н.Н., Ранпопорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979.
- Висоцький С.О.* Граффіти та спорудження Київської Софії // УІЖ. 1966. № 7. С. 103–106. (а)
- Висоцький С.О.* Літопис на стінах Київської Софії // Наука і суспільство. 1966. № 2. С. 41–42. (b)
- Висоцький С.О.* Київській Софії 930 років // УІЖ. 1967. № 9. С. 133–137.
- Висоцький С.О.* Давньоруські написи Софії Київської XI–XIV ст.: доповіді радянської делегації на VI Міжнародному з'їзді славістів (Прага, серпень 1968 р.). Київ, 1968. (а)
- Висоцький С.О.* Нові знахідки давньоруських граффіті // УІЖ. 1968. № 5. С. 103–108. (b)
- Висоцький С.О.* Знахідка в Софійському соборі, або нові дані про походження слов'янської писемності // Наука і суспільство. 1970. № 10. С. 22–24.
- Висоцький С.О.* Дві епіграфічні знахідки в Софії Київській // Матеріали XIII конф. Інституту археології АН УРСР (Київ, 1968). Київ, 1972. С. 325–327. (а)
- Висоцький С.О.* Розчистка графіті в Київській Софії // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. 4. С. 283–286. (b)

- Висоцький С.О.* Ще раз про тлумачення напису XI ст. з Київської Софії // УІЖ. 1972. № 7. С. 159–160. (с)
- Висоцький С.О.* Деякі питання історичної інтерпретації софійських графіті // Археологія. 1974. Вип. 14. С. 3–14.
- Висоцький С.О.* Графіті та час побудови Софійського собору в Києві // Стародавній Київ. Київ, 1975. С. 171–181. (а)
- Висоцький С.О.* Писемність давньої Русі за археологічними пам'ятками // Археологія Української РСР. Київ, 1975. Т. 3: Ранньослов'янський та давньоруський періоди. С. 381–392. (b)
- Висоцький С.О.* Азбука з Софійського собору в Києві та деякі питання походження кирилиці // Мовознавство. 1976. № 4. С. 74–83.
- Висоцький С.О.* Про що розповіли давні стіни: [Софійський собор]. Київ, 1978.
- Висоцький С.О.* Епіграфічна знахідка з Чернігова // Археологія. 1984. № 48. С. 92–96.
- Висоцький С.О.* Декілька зауважень до «Нотаток про давні київські графіті» // Археологія. 1998. № 32. С. 130–135.
- Высоцкий С.А.* Граффито XI в. в Софии Киевской // СА. 1959. № 1. С. 273–275. (а)
- Высоцкий С.А.* Датированные граффиты XI в. Софии Киевской // СА. 1959. № 4. С. 243–245. (b)
- Высоцкий С.А.* Надписи в Софии Киевской времени княжения Святополка Изяславича // История СССР. 1960. № 6. С. 139–146.
- Высоцкий С.А.* Древнерусские граффиты Софии Киевской // Нумизматика и эпиграфика. М., 1962. Т. 3. С. 147–182.
- Высоцкий С.А.* Запись о саркофаге Всеволода Ярославича // СА. 1963. № 4. С. 228–232.
- Высоцкий С.А.* Надпись о Бояновой земле в Софии Киевской // История СССР. 1964. № 3. С. 112–117.
- Высоцкий С.А.* Граффиты Софии Киевской // Неделя. 1966. № 18. С. 8. (а)
- Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. (b)
- Высоцкий С.А.* Граффиты Золотых ворот в Киеве // СА. 1967. № 1. С. 274–281.
- Высоцкий С.А.* Древнерусская азбука из Софии Киевской // СА. 1970. № 4. С. 128–140.
- Высоцкий С.А.* Граффито Ивана отрока Добрынича // София Киевская: материалы исследований. Киев, 1973. С. 68–71.
- Высоцкий С.А.* Автограф художника из Софийского собора в Киеве // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 122–126.
- Высоцкий С.А.* Летопись на древних стенах: [Граффиты Софийского собора] // Русская речь. 1975. № 1. С. 104–109. (а)
- Высоцкий С.А.* Эпиграфические исследования в Киеве // Новейшие открытия советских археологов: тез. докл. конф. (Киев, апрель 1975 г.). Киев, 1975. С. 83–85. (b)

- Высоцкий С.А.* Надпись с именами героев «Слова о полку Игореве» в Киевской Софии // ТОДРЛ. 1976. Т. 31. С. 327–333. (а)
- Высоцкий С.А.* Надпись XI в. на стене церкви Михаила Выдубицкого монастыря в Киеве // Средневековая Русь. М., 1976. С. 41–47. (b)
- Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976. (с)
- Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985. (а)
- Высоцкий С.А.* Киевские граффити и «Слово о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 200–217. (b)
- Высоцкий С.А.* Эпиграфический корпус средневековых надписей архитектурных памятников древнего Киева // Археологические исследования Киева 1978–83 гг. Киев, 1985. С. 19–37. (с)
- Высоцкий С.А., Мовчан И.И.* Эпиграфическая находка в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры // СА. 1984. № 3. С. 191–196.
- Вуйцик В.* Графіті XII–XV ст. церкви святого Пантелеймона в Галичі // Записки Наукова товариства імені Т.Г. Шевченка. Львів, 1996. Т. 231. С. 189–194.
- Гиттис А.А.* НИНОМИСН КНМЕТ: о двух автографах мастеров Софии Новгородской // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация: мат-лы VI науч.-практ. конф., 9–11 декабря 2014 г. СПб.; В. Новгород, 2015. Вып. 6. С. 71–90.
- Гиттис А.А.* Галицкие акты XIII в. из церкви св. Пантелеймона // Письменность Галицко-Волынского княжества: Историко-филологические исследования. Оломоуц, 2016. С. 49–64. (а)
- Гиттис А.А.* Клевета на епископа Луку: эпиграфические свидетельства летописного эпизода? // ТОДРЛ. 2016. Т. 64. С. 806–817. (b)
- Гиттис А.А.* К прочтению надписи №3541 Софии Киевской // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры, Москва, 20–22 апреля 2016 г.: мат-лы конф. М., 2016. С. 79–80. (с)
- Гиттис А.А.* «Зло видучи, а добра не видучи»: поэтика и грамматика древнейшего русского покаянного стиха // RL. 2017. Т. 41. С. 261–282. (а)
- Гиттис А.А.* Къто, кето и кеть: к морфологии неличных местоимений в древненовгородском диалекте // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С.М. Глускиной и 50-летию выхода 1-го выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»). Псков, 2017. Ч. 1. С. 89–97. (b)
- Гиттис А.А., Артамонов Ю.А., Зайцев И.В.* «И с отцем и с матерью и со всюю братьею»: Два древнерусских граффито из базилики Рождества в Вифлееме // ДРВМ. 2013. № 2 (52). С. 86–91.
- Гиттис А.А., Зализняк А.А.* Надписи-граффити в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря // Лифшиц Л.И., Сарабьянов В.Д., Царевская Т.Ю. Монументальная живопись великого Новгорода конца XI – первой четверти XII века. М., 2004. С. 774–777.

- Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. III // ДРВМ. 2011. № 2 (44). С. 37–57.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Две древнерусские загадки XII–XIII веков из Новгорода и Новогрудка // Храм і люди: збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ, 2013. С. 81–89. (а)
- Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Надписи-граффити смоленского Собора на Протоке из фондов Новгородского музея // ВЭ. 2013. Вып. 7, ч. 2. С. 175–183. (b)
- Гиппиус А.А., Михеев С.М.* О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Междунар. съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г.: докл. российской делегации. М., 2013. С. 152–179. (c)
- Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском // ДРВМ. 2017. № 3 (69). С. 31–32.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: Предварительный обзор // Церковь Благовещения на Городище: исторический и культурный контекст: сб. мат-лов конф., проведенной в феврале 2018 г. в Институте археологии РАН. (в печати) (а)
- Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря. Древние надписи на стенах // Собор Рождества Богородицы новгородского Антониева монастыря. В. Новгород. (в печати) (b)
- Гиппиус А.А., Седов Вл.В.* Надпись-граффито 1198 г. из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 478–490. (а)
- Гиппиус А.А., Седов Вл.В.* Надпись-граффито на стене Николо-Дворищенского собора // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 195–202. (b)
- Гиппиус А.А., Седов Вл.В.* Находки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря: новые фрески и новые надписи // Тр. Отделения историко-филологических наук РАН. 2015. М., 2016. С. 190–208.
- Гордин А.М.* Заметки о паломнических граффити аббатства Сен-Жиль // В камне и в бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб., 2017. С. 95–103.
- Гордин А.М., Рождественская Т.В.* «Идя ко святому Иакову»: древнерусское граффито XII в. в Аквитании // Slověne = Slovĕne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies. 2016. № 1. С. 126–147.
- Гуревич Ф.Д.* О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. 1986. Вып. 187: Славяно-русские древности. С. 36–40.
- Гусак А.* Епіграфічний «могорич» на межі XII/XIII століть // Збруч. 2018 (<<https://zbruc.eu/node/76127>> [18.11.2018]).
- Дел'Агата Д.* Стари кирилски надписи в катедралата «Сан Мартино» в град Лукка // Славянские культуры и Балканы. София, 1978. Т. 1: IX–XVII вв. С. 62–65.

- Древнерусские письменные источники X–XIII вв. / под ред. Я.Н. Щапова. М., 1991.
- Евдокимова А.А. Корпус греческих граффити Софии Киевской на фресках первого этажа // ДГ, 2005 г.: Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 465–518.
- Евдокимова А.А. О некоторых граффити Софии Киевской // Заснування Софійського собору в Києві: Проблеми нових датувань: матеріали Круглого столу (7 квітня 2010 р., м. Київ). Київ, 2010. С. 23–25.
- Жарких М.І. Що можна і чого не можна дізнатись про Київську Русь // Заснування Софійського собору в Києві: Проблеми нових датувань: матеріали Круглого столу (7 квітня 2010 р., м. Київ). Київ, 2010. С. 67–70.
- Закревский Н. Описание Киева. М., 1868. Т. 2.
- Зализняк А.А. Запись дружинника Дмитра // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 755–763.
- Зализняк А.А. К изучению древнерусских надписей // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. 11. С. 233–287.
- Зализняк А.А. Заклинание против беса на стене новгородской Софии // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой. М., 2005. С. 711–719.
- Зализняк А.А. Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии // Вереница литер: к 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 20–42.
- Залилов И.З. Граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке XII–XVII вв. Полоцк, 2014.
- Зиборов В.К. Киевские граффити и дата смерти Ярослава Мудрого // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города. Л., 1988. С. 80–94.
- Зиборов В.К. О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995.
- Иванова Т.А. Об азбуке на стене Софийского собора в Киеве // ВЯ. 1972. № 3. С. 119–122.
- Иванова Т.А., Рождественская Т.В. Новое исследование о граффити Киевской Софии // Вестн. Ленингр. ун-та. 1979. № 8. Сер.: История, язык, литература, вып. 2. С. 116–118.
- Иоаннисян О.М., Рождественская Т.В. Надпись из церкви св. Пантелеймона в Галиче Южном в контексте политических событий конца XII в. // ВЕДС-ХІХ: Политические институты и верховная власть. М., 2007. С. 93–98.
- Иоаннисян О.М., Рождественская Т.В. Надпись с именами Мстислава и Игната на стене церкви св. Пантелеймона в Галиче в контексте политических событий конца XII в. // Архитектура и археология Древней Руси: мат-лы науч. конф. к 100-летию со дня рождения М.К. Каргера (1903–1976), 26–28 ноября 2003 года, и научного заседания, посв. 90-летию учебного 27 мая 1993 г. СПб., 2009. (Тр. Гос. Эрмитажа; 46). С. 198–218.

- Калечиц И.Л.* Поминальные алтарные граффити Спасо-Преображенской церкви г. Полоцка: классификация и содержание // ДРВМ. 2011. № 3 (45). С. 55–56.
- Калечиц И.Л.* Запись о наказании попа и другие граффити Спасо-Преображенской церкви г. Полоцка // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навуковы зборнік. Мінск, 2012. Вып. 7. С. 134–140.
- Калечиц И.Л.* Запись о смерти Ульяны Тверской в граффито полоцкой Спасо-Преображенской церкви // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 60–61. (а)
- Калечиц И.Л.* Исторические личности в граффити полоцкой Спасо-Преображенской церкви // История и археология Полоцка и Полоцкой земли: мат-лы VI междунар. науч. конф. (1–3 ноября 2012 г.). [Полоцк], 2013. Ч. II: Спасо-Преображенская церковь в Полоцке: История. Архитектура. Живопись. С. 30–35. (b)
- Калечиц И.Л.* Отражение книжной традиции в граффити Спасо-Преображенской церкви (Полоцк) // Матэрыялы XIX Міжнародных Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытаньняў, прысвечаных Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 22–24 мая 2013 г.). Мінск, 2013. Ч. 2. С. 120–122. (c)
- Калечиц И.Л.* Граффити жертвенника Спасо-Преображенской церкви г. Полоцка // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Київ, 2014. Вип. 4: збірка наукових праць, присвячена 170-літтю з дня народження Никодима Павловича Кондакова (1844–1925). С. 343–365. (а)
- Калечиц И.Л.* Духовные лица в граффити Спасо-Преображенской церкви г. Полоцка // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2014. № 29. С. 85–90. (b)
- Калечиц И.Л.* Методика исследования граффити Полоцкой Спасо-Преображенской церкви // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. 2014. Вып. 9. С. 190–198. (c)
- Калечиц И.Л.* Древнейшие граффити Борисо-Глебской Коложской церкви в г. Гродно // Беларуская даўніна. 2015. № 2. С. 74–85. (а)
- Калечиц И.Л.* Одноименные поминальные граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке // ВЭ. 2015. Вып. 8. С. 179–192. (b)
- Калечиц И.Л.* Эклезионим «Святой Спас» в граффити Полоцкой Спасо-Преображенской церкви // ВЭ. 2016. Вып. 9. С. 445–454.
- Калечиц И.Л.* Граффити полоцкой Спасо-Преображенской церкви как отражение исторических процессов на территории Беларуси // Белорусская государственность: истоки, становление, развитие (IX–XXI вв.): мат-лы респ. науч.-теорет. конф., Минск, 29 июля 2017 г. Минск, 2017. С. 12–14.
- Калечиц И.Л.* Эпіграфічныя помнікі X – першай паловы XIV ст. як адлюстраванне сацыяльна-эканамічных, палітычных і культурных працэсаў на тэрыторыі Беларусі // Весці Беларус. дзярж. пед. ўн-та. 2006. № 3. С. 41–43.
- Калечиц И.Л.* Алтарныя помінальныя графіці XII–XIV стст. полацкай Спасо-Праабражэнскай царквы // Весці Беларус. дзярж. пед. ўн-та. 2011. № 4. С. 42–47. (а)
- Калечиц И.Л.* Эпіграфіка Беларусі X–XIV вв. Мінск, 2011. (b)

- Калечыц І.Л.* Графіці на слупах Полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 5. С. 32–37.
- Калечыц І.Л.* Графіці выхаду на паўднёвую галерэю ў Полацкай Спаса-Праабражэнскай царкве // Беларускі гістарычны часопіс. 2016. № 7. С. 17–22. (а)
- Калечыц І.Л.* Фрагменти абеток у графіці полоцькоў Спаса-Преображенскай царквы // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Київ, 2016. Вип. 5: збірка навуковых праць, прысьвячана 170-літтю з дня народжэння акад. Федора Івановіча Успенскага (1845–1928). С. 275–281. (b)
- Каманин И.* Зверинецкие пещеры в Киеве. Киев, 1914.
- Колесов В.В.* [Рец.] // ВЯ. 1978. № 1. С. 149–151. – Рец. на кн.: *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976.
- Корниенко В.В.* Граффити-молитвы к Сорока святым мученикам в крещальне Софийского собора: к проблеме изучения культов святых в Киевской Руси // Пам’ятки Національного заповідника «Софія Київська»: культурний діалог поколінь. Матеріали IV міжнародної наукової конференції «Софійські читання». Київ, 25–26 жовтня 2007 р. Київ, 2009. С. 218–242. (а)
- Корниенко В.В.* Памятники эпиграфики юго-восточного фасада северной лестничной башни Софии Киевской в контексте ее сооружения // АН. 2009. Вып. 50. С. 102–106. (b)
- Корниенко В.В.* К вопросу о времени создания, перестроек и реконструкции первоначального вида декора нижнего яруса главного алтаря Софии Киевской в свете новых эпиграфических исследований // АН. 2010. Вып. 53. С. 5–24. (а)
- Корниенко В.В.* «Малая эсхатология» Древней Руси в свете эпиграфических исследований в Софии Киевской // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. 4. С. 412–419. (b)
- Корниенко В.В.* Граффити и дата постройки церкви Спаса на Берестове в Киеве // АН. 2012. Вып. 56. С. 30–37. (а)
- Корниенко В.В.* Детские граффити в Софии Киевской // Детство в христианской традиции и современной культуре / сост. К.Б. Сигов. Київ, 2012. С. 396–405. (b)
- Корниенко В.В.* «Малая эсхатология» Древней Руси в контексте новых эпиграфических открытий в Софии Киевской // Дріновський збірник. Харків; Софія, 2012. Т. 5. С. 297–304. (c)
- Корниенко В.В.* Новое свидетельство русско-финских контактов XI в. // Проблемы истории и археологии Украины: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. (Харьков, 9–10 ноября 2012 г.). Харьков, 2012. С. 69. (d)
- Корниенко В.В., Никитенко Н.Н.* Древнейшие датированные граффити Софии Киевской // АН. 2009. Вып. 51. С. 5–13.
- Корниенко В.В., Никитенко Н.Н.* Древнейшие граффити Софийского собора в Киеве и его датировка // *Byzantinoslavica: Revue internationale des études byzantines.* Prague, 2010. Т. 68, no. 1–2. P. 205–240.

- Корниенко В.В., Остапчук А.Н., Колодницький Л.Б.* История реставрации, перестроек и изменений функционального назначения восточной части южной внутренней галереи Софии Киевской // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Київ, 2012. Вип. 2: збірка наукових праць, присвячена 150-літтю з дня народження Д.В. Айналлова (1862–1939 рр.). С. 208–235.
- Корнієнко В.В.* Графіті Георгіївського приділу Софії Київської із записом про смерть Ростислава Всеволодовича в світлі нових досліджень // Лаврський альманах: Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури. Київ, 2008. Вип. 22. С. 36–41. (а)
- Корнієнко В.В.* Датовані графіті 30-х рр. XI ст. із Софії Київської в контексті давньоруської есхатології // 1020-ліття хрещення Русі-України – із Києва по всій Русі: збірник матеріалів науково-практичної конференції (Київ, 21 жовтня 2008 р.). Київ, 2008. С. 208–216. (б)
- Корнієнко В.В.* Дослідження графіті на фресці «Святий Анфім» в хрещальні Софії Київської // Чернігівські старожитності. Науковий збірник. За матеріалами VII наукової конференції «Старожитності Чернігово-Сіверської землі в загальноєвропейській культурній спадщині». Чернігів, 2008. С. 148–156. (с)
- Корнієнко В.В.* Найдавніші графіті Софії Київської та її датування // Просемінарії: Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. Київ, 2008. Вип. 7. С. 365–399. (д)
- Корнієнко В.В.* «Господи, допоможи, Боже, Йосифові, бо він обмовив Варлаама даремно»: графіті № 362 й дата спорудження церкви Спаса на Берестові // Лаврський альманах: Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури. Київ, 2009. Вип. 24. С. 5–9. (а)
- Корнієнко В.В.* Графіті в арках другого ярусу центральної апсиди Софії Київської: деякі підсумки дослідження // Софійські Читання: матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Пам'ятки Національного заповідника “Софія Київська”: культурний діалог поколінь» (м. Київ, 25–26 жовтня 2007 р.). Присвячено 990-річчю першої літописної згадки про Софію Київську (1017–2007 р.). Київ, 2009. С. 387–396. (б)
- Корнієнко В.В.* Графіті – записи лічби з Софії Київської: нове джерело для дослідження розвитку ідей «малої есхатології» Давньої Русі // Філософські ідеї в культурі Київської Русі: збірник наукових праць за матеріалами II давньоруських історико-філософських читань «Філософські ідеї в культурі Київської Русі» (Полтава, 10 червня 2009 р.). Полтава, 2009. С. 93–104. (с)
- Корнієнко В.В.* Графіті – малюнки вояків як зразки середньовічної пародії (за матеріалами епіграфіки Софії Київської та церкви Спаса на Берестовім) // Історія релігій в Україні: науковий щорічник. Львів, 2009. Кн. 2. С. 515–520. (д)
- Корнієнко В.В.* Найдавніше датоване кириличне графіті Софії Київської: нова знахідка // Софійські Читання. Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Пам'ятки Національного заповідника “Софія

- Київська”: культурний діалог поколінь» (м. Київ, 25–26 жовтня 2007 р.). Присвячено 990-річчю першої літописної згадки про Софію Київську (1017–2007 р.). Київ, 2009. С. 444–445. (e)
- Корнієнко В.В.* Графіті зі згадкою Всеволода Ярославича в світлі нових епіграфічних досліджень в Софії Київській // Видубицький Михайлівський монастир – погляд крізь віки: збірник матеріалів наукової конференції, присвяченої 940-літтю Свято-Михайлівського Видубицького монастиря (Київ, 17 вересня 2010 р.). Київ, 2010. С. 364–371. (a)
- Корнієнко В.В.* «Дворір’я» дяків церкви Спаса на Берестові: до проблеми прочитання й інтерпретації запису на стародавньому фасаді храму // Несторівські студії: Святість та святині Давньої Русі. Київ, 2010. С. 102–107. (b)
- Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Київ, 2010. Ч. 1: Приділ св. Георгія Великомученика. (c)
- Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Київ, 2010. Ч. 2: Приділ свв. Апостолів Петра і Павла. (d)
- Корнієнко В.В.* Молитовний напис Брячислава Святополковича з Софії Київської // Праці Центру пам’яткознавства: збірник наукових праць. Київ, 2010. Вип. 18. С. 211–217. (e)
- Корнієнко В.В.* Фрагменти «Літопису Софійського собору»: три графіті у приділі свв. апостолів Петра і Павла зі згадками митрополитів XI–XII ст. // Наукові записки: збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 2010. Т. 20. С. 29–40. (f)
- Корнієнко В.В.* Графіті на уламках фрескового тиньку з розкопок 2002 року на подвір’ї Софії Київської // Переяславіка: наукові записки Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав». Переяслав-Хмельницький, 2011. Вип. 5 (7). С. 355–361. (a)
- Корнієнко В.В.* Графіті про крадія Кузьму в західній внутрішній галереї Софії Київської: молитва-покаяння, іронічний напис чи прокляття? // Наукові записки: збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 2011. Т. 23. С. 18–24. (b)
- Корнієнко В.В.* До питання про інституційний характер, час та форми діяльності церковної цензури (з результатами епіграфічних досліджень у Софії Київській та церкві Спаса на Берестові) // Церква – наука – суспільство: питання взаємодії: матеріали Дев’ятої Міжнародної наукової конференції (25–27 травня 2011 р.). Київ, 2011. С. 102. (c)
- Корнієнко В.В.* Київський священик XII ст. Мартін та його автографи-графіті в Софійському соборі та Кирилівській церкві // Історія релігій в Україні: науковий щорічник. Львів, 2011. С. 28–37. (d)
- Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Київ, 2011. Ч. 3: Центральна нава. (e)
- Корнієнко В.В.* Нова знахідка графіті 1022 р. на південних хорах Софії Київської // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна: збірка статей на пошану д-ра іст. наук, проф. Н.М. Нікітенко. Київ, 2011. С. 57–62. (f)

- Корнієнко В.В.* Нова знахідка графіті зі згадкою Всеволода Ярославича у Софії Київській // Праці Центру пам'яткознавства: збірник наукових праць. Київ, 2011. Вип. 20. С. 330–334. (g)
- Корнієнко В.В.* Об'єктивна критика чи химери кривого дзеркала? (з приводу «епіграфічних нотаток» Т. Бобровського) // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: збірка наукових праць. Київ, 2011. Ч. 19. С. 280–299. (h)
- Корнієнко В.В.* Родина київського священика XII ст. за матеріалами епіграфіки // Несторівські студії: Єфросинія Полоцька в історії Православ'я: доповіді науковців VIII Несторівських студій. Київ, 2011. С. 64–70. (i)
- Корнієнко В.В.* До історії давньоруського пасхального інструментарію: «рука Іоанна Богослова» в графіті Софії Київської // Праці Центру пам'яткознавства: збірник наукових праць. Київ, 2012. Вип. 21. С. 267–273. (a)
- Корнієнко В.В.* До питання атрибуції княжого знаку з приділа свв. Іоакима та Анни Софії Київської // Праці Центру пам'яткознавства: збірник наукових праць. Київ, 2012. Вип. 22. С. 236–240. (b)
- Корнієнко В.В.* Ще раз про дату поставлення Іларіона митрополитом в світлі даних софійської епіграфіки // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Київ, 2012. Вип. 2: збірка наукових праць, присвячена 150-літтю з дня народження Д.В. Айналова (1862–1939 рр.). С. 236–248. (c)
- Корнієнко В.В.* Корпус графіті церкви Спаса на Берестові (остання третина XI – перша третина XVIII ст.). Київ, 2013. (a)
- Корнієнко В.В.* Нове свідчення русько-кіпрських торгівельних контактів XIII–XIV ст. // Древнее Причерноморье. Одесса, 2013. Вип. 10. С. 333–339. (b)
- Корнієнко В.В.* Рунічний напис-графіті на «саркофазі Володимира Мономаха» з Софії Київської // Праці центру пам'яткознавства: збірник наукових праць. Київ, 2013. Вип. 24. С. 279–284. (c)
- Корнієнко В.В.* Софійське графіті XI ст. зі згадкою князя Бориса В'ячеславича // Наукові записки: Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 2013. Т. 26. С. 7–13. (d)
- Корнієнко В.В.* Топоніми у графіті Софії Київської XI–XVII століть // Український археографічний щорічник. Київ, 2013. Вип. 14. С. 155–168. (e)
- Корнієнко В.В.* Фреска св. Харлампії у Софії Київській: питання атрибуції образу // Церква – наука – суспільство: питання взаємодії: матеріали Одинадцятої Міжнародної наукової конференції (29–31 травня 2013 р.). Київ, 2013. С. 99–100. (f)
- Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Київ, 2014. Ч. 4: Приділ свв. Іоакима та Анни (північна сторона). (a)
- Корнієнко В.* Напис-графіті XII ст. з Софії Київської: нова знахідка // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Київ, 2014. Вип. 4: збірка наукових праць, присвячена 170-літтю з дня народження Никодима Павловича Кондакова (1844–1925). С. 371–376. (b)

- Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Київ, 2015. Ч. 5: Придід свв. Іоакима та Анни (південна сторона). (a)
- Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Київ, 2015. Ч. 6: Придід архангела Михаїла. (b)
- Корнієнко В.В.* Нововиявлений фресковий образ св. цілителя Козми в західній внутрішній галереї Софії Київської // Славистична збірка. Київ, 2016. Вип. 2: збірка статей за матеріалами Других Міжнародних наукових Соханівських читань (м. Київ, 18 листопада 2015 р.). С. 259–261. (a)
- Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Київ, 2016. Ч. 7, т. 1: Західна зовнішня галерея. (b)
- Корнієнко В.В.* Св. Никандр, св. Стратонік чи св. Ієрон? (до проблеми атрибуції фрескового образу в південній внутрішній галереї Софії Київської) // Сіверщина в історії України. Київ, 2016. Вип. 9. С. 163–166. (c)
- Корнієнко В.В.* Фреска із зображенням св. Єфрема Сирина у київській Кирилівській церкві (за результатами епіграфічних досліджень) // Сугдейський збірник. Киев, 2016. Вип. 6: мат-лы VI Судакской международной науч. конф. «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре» (г. Судак, 19–22 сентября 2012 г.). С. 287–290. (d)
- Корнієнко В.* Документи канцелярії галицького князя Мстислава Мстиславовича на стінах церкви Святого Пантелеймона // Галич: Збірник наукових праць. Івано-Франківськ, 2017. Вип. 2. С. 86–104. (a)
- Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Київ, 2017. Ч. 7, т. 2: Західна внутрішня галерея. (b)
- Корнієнко В.* Епіграфіка сакральних пам'яток Галича (XII–XIX ст.). Івано-Франківськ, 2018.
- Корнієнко В.В., Нікітенко Н.М.* Графіті «групи Олісави» на північних хорах Софії Київської // Пам'ятки України: історія та культура. 2008. № 1 (158). С. 19–29.
- Корнієнко В.В., Нікітенко Н.М.* Есхатологічні дати в графіті Софії Київської на фресках Софії Київської як історичне джерело // Архіви України. 2009. Вип. 6 (266). С. 43–63.
- Корнієнко В.В., Нікітенко Н.М.* Анна Ярославна та її автографи на стіні Софії Київської // Сіверщина в контексті історії України: збірник наукових праць. Київ; Глухів, 2010. Вип. 3. С. 93–98.
- Корнієнко В.В., Нікітенко Н.М.* Ще про натурні дослідження Софії Київської // Український археографічний щорічник. Нова серія. 2012. Вип. 16–17. С. 129–150.
- Крысько В.Б.* [Рец.] // ВЯ. 1994. № 4. С. 148–152. – Рец. на кн.: *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.
- Куза А.В., Мединцева А.А.* Запись Николы из Новгородского Софийского собора // СА. 1976. № 1. С. 135–145.

- Маврін О.* Епоха Володимира – Ярослава у світлі даних графіті Софії Київської [Рец.] // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Київ, 2012. Вип. 2: збірка наукових праць, присвячена 150-літтю з дня народження Дмитра Власовича Айналова (1862–1939 рр.). С. 448–458. – Рец. на кн.: *Никитенко Н., Корниенко В.* Древнейшие граффити Софии Киевской и время ее создания. Київ, 2012.
- Макарий (Миролюбов), архим.* Из письма к редактору Известий // ИПОРЯС. 1857. Т. 6, вып. 5. Стб. 376–381.
- Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1: [Древние церкви в Новгороде и его окрестностях].
- Марголина И.Е., Корниенко В.В.* Датировка Киевской Кирилловской церкви в свете современных исследований ее монументальной живописи и граффити // АН. 2012. Вып. 57. С. 33–44.
- Марголина І., Корнієнко В.* Датування київської Кирилівської церкви у світлі сучасних досліджень її монументального живопису та графіті // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Київ, 2012. Вип. 2: збірка наукових праць, присвячена 150-літтю з дня народження Д.В. Айналова (1862–1939 рр.). С. 257–275.
- Махновець Л.Є.* Невірно витлумачена дата // УІЖ. 1971. № 11. С. 156–157.
- Медынцева А.А.* Глаголические надписи из Софии Новгородской // СА. 1969. № 1. С. 199–210.
- Медынцева А.А.* Надписи с именем художника Стефана из Софии Новгородской // СА. 1970. № 4. С. 141–152.
- Медынцева А.А.* Новгородские надписи-граффити // Памятники русского языка. М., 1974. С. 3–28. (а)
- Медынцева А.А.* Палеография граффити Новгородского Софийского собора // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 54–71. (б)
- Медынцева А.А.* Автографы художников из Софийского собора в Новгороде // Тезисы докладов советской делегации на III международном конгрессе славянской археологии, Братислава, сентябрь 1975 г. М., 1975. С. 69–70.
- Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978.
- Медынцева А.А.* Надпись-граффити из псковской церкви Покрова // СА. 1981. № 3. С. 233–241.
- Медынцева А.А.* Грамотность женщин на Руси XI–XIII вв. по данным эпиграфики // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 218–240. (а)
- Медынцева А.А.* Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде // Славяне и Русь. М., 1985. С. 440–450. (б)
- Медынцева А.А.* Эпиграфические находки из старой Рязани // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 247–256.
- Медынцева А.А.* Эпиграфика, писала (стили) и церы // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 140–152.

- Медынцева А.А.* Религиозно-философские течения в древнерусском христианстве XI в. и ересь богомилов (по материалам новгородских граффити) // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: мат-лы конф. Москва, 19–21 ноября 1997 г. М., 1999. С. 106–116.
- Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси (по памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). М., 2000.
- Медынцева А.А.* «Идол железный» или колокол? (по поводу прочтения надписи №199 из Софии Новгородской) // Христианизация Руси – России. М., 2006. С. 38–52.
- Медынцева А.А.* Автограф мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // Тр. II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2. С. 357–359. (а)
- Медынцева А.А.* Граффити Золотых ворот во Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли. М., 2008. Вып. 2. С. 155–170. (б)
- Медынцева А.А.* Граффити белокаменной архитектуры Владимиро-Суздальской Руси // ВЕДС-XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010. С. 187–193. (а)
- Медынцева А.А.* К методике чтения древних граффити // Матеріали Круглого столу «Заснування Софійського собору в Києві: Проблеми нових датувань» (7 квітня 2010 р., м. Київ). Київ, 2010. С. 25–26. (б)
- Медынцева А.А.* Надписи-граффити Успенского собора во Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли. М.; СПб., 2011. Вып. 3. С. 171–180. (а)
- Медынцева А.А.* Надписи и рисунки на стенах лестничной башни собора Рождества Богородицы Антониева монастыря (Новгород) // РА. 2011. № 3. С. 130–140. (б)
- Медынцева А.А.* Имя мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // РА. 2012. № 2. С. 149–155.
- Медынцева А.А.* Датированные надписи мастеров из Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // КСИА. М., 2013. Вып. 229. С. 202–207.
- Медынцева А.А.* Комплекс надписей художников из храма Софии Новгородской (по материалам надписей-граффити XI – начала XII в.) // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 198–205. (а)
- Медынцева А.А.* Надписи-граффити храма свв. Бориса и Глеба в с. Кидекша (Суздаль) // Средневековый человек и неговият свят: сб. в чест 70-та годишнина на проф. д.и.н. Казимир Попконстантинов. Велико-Търново, 2014. С. 751–759. (б)
- Медынцева А.А.* Автографы писцов посадника Остромира из Новгородской Софии // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 215–222. (а)
- Медынцева А.А.* Граффити храма Покрова Богородицы на Нерли // РА. 2015. № 4. С. 141–147. (б)
- Медынцева А.А.* Средневековые надписи-граффити Владимиро-Суздальской Руси (XII–XV вв.) // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. М.; Вологда, 2015. С. 491–499. (с)

- Медынцева А.А.* Автографы писцов-каллиграфов из новгородской Софии (рубеж XI–XII вв.) // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 408–424.
- Медынцева А.А., Мельникова Е.А., Артамонов Ю.А.* Граффити // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / под общ. ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М., 2014. С. 205–209.
- Михеев С.М.* «Глоде железне»: к чтению граффито № 199 новгородского Софийского собора // ДРВМ. 2006. № 3 (25). С. 91–105.
- Михеев С.М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. I // ДРВМ. 2010. № 2 (40). С. 91–102. (a)
- Михеев С.М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. II // ДРВМ. 2010. № 3 (41). С. 74–84. (b)
- Михеев С.М.* О датировке Софии Киевской // Археология. 2011. № 3. С. 53–57.
- Михеев С.М.* Древнерусские глаголические надписи: 11 новых находок из Новгорода // Hrvatsko glagoljštvo u europskom okružju: Međunarodni znanstveni skup povodom 110. obljetnice Staroslavenske akademije i 60. obljetnice Staroslavenskoga instituta. Krk, 5. i 6. listopada 2012: Program i sažetci izlaganja. Zagreb, 2012. S. 32. (a)
- Михеев С.М.* 22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода // Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. Zagreb, 2012. 62. S. 63–99. (b)
- Михеев С.М.* Когда был построен Софийский собор в Киеве? // Именослов. История языка. История культуры. М., 2012. С. 231–243. (c)
- Михеев С.М.* Два кратких глаголических граффити в монастыре св. Наума под Охридом и в св. Софии в Стамбуле // Slovĕne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies. 2013. Vol. 2, № 2. С. 52–63.
- Михеев С.М.* Древние надписи-граффити в монастыре св. Наума под Охридом: Предварительные наблюдения // Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир Кирилметодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски (организиран по повод 1150 години од Моравската мисија и од словенската писменост). Охрид, 3–4 октомври 2013 (Конгресен центар на УКИМ, Охрид). Скопје, 2014. С. 205–208.
- Михеев С.М.* Древнерусские глаголические надписи XI–XII веков из Новгорода: №№ 23–28 // Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. Zagreb, 2015. 65. S. 65–85.
- Михеев С.М.* Вълкоша и Николаосъ: о двух трудночитаемых надписях из Софии Новгородской // Тр. Института русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2016. Т. 9: История русского языка и культуры. Памяти В.М. Живова. С. 171–178. (a)
- Михеев С.М.* «Яропльчя дружина 7 псали»: автографы воинов Ярополка Изяславича на стене Софии Новгородской // ДРВМ. 2016. № 2 (64). С. 23–27. (b)
- Михеев С.М.* Кто писал по сырой штукатурке в лестничной башне Софии Новгородской? // ВЕДС-XXIX: Античные и средневековые общности. М., 2017. С. 164–166.

- Михеев С.М.* Автографы трех новгородцев XII века: о надписях Угринца–Федора, Домашки Мыслятинича и Путьки Твердятинича // ЛИИРЯ, 2016–2017. М., 2018. Вып. 16. С. 174–192.
- Михеев С.М.* Фармань и Поромонь дворь: Действительный и ложный скандинавизмы в новгородской ономастике // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. К 70-летию А.В. Назаренко. М., 2019 (в печати).
- Михеев С.М., Виноградов А.Ю.* Эпиграфические открытия и время строительства киевского Софийского собора // Заснування Софійського собору в Києві: Проблеми нових датувань: матеріали Круглого столу (7 квітня 2010 р., м. Київ). Київ, 2010. С. 17–22.
- Німчук В.В.* [Рец.] // Мовознавство. 1967. № 2. С. 86–91. – Рец. на кн.: *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966.
- Німчук В.В.* Початки літературних мов Київської Русі // Мовознавство. 1982. № 2 (92). С. 21–31.
- Никитенко Н.Н., Корниенко В.В.* Новые данные по генеалогии Рюриковичей в свете современных исследований эпиграфики Софии Киевской // Изборск и его округа: мат-лы междунар. научно-практ. конф. 2007–2008 гг. Изборск, 2009. С. 84–85.
- Никитенко Н.Н., Корниенко В.В.* Эсхатологический календарь в граффити на фресках Софии Киевской // Тр. Гос. Эрмитажа. СПб., 2010. [Т.] 51: Византия в контексте мировой культуры: мат-лы конференции, посвященной памяти А.В. Банк (1906–1984). С. 18–34. (а)
- Никитенко Н.Н., Корниенко В.В.* Эсхатологический календарь в граффити на фресках Софии Киевской // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. 4. С. 173–191. (b)
- Никитенко Н.Н., Корниенко В.В.* Святая Варвара в стенописи Софии Киевской: новые исследования граффити, атрибуция и святокультурный статус образа // Российское византиноведение: традиции и перспективы: тезисы докл. XIX Всерос. науч. сессии византинистов. М., 2011. С. 167–170.
- Никитенко Н.Н., Корниенко В.В.* Древнейшие граффити Софии Киевской и время ее создания. Киев, 2012.
- Никитенко Н.Н., Корниенко В.В.* Собор святых Софии Киевской. Київ, 2014.
- Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В.* Найдавніші датовані графіті Софії Київської // Праці Центру пам'яткознавства. Київ, 2007. Вип. 12. С. 244–260.
- Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В.* Найдавніші графіті Софії Київської та датування собору // Софійські Читання: матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Пам'ятки Національного заповідника “Софія Київська”»: культурний діалог поколінь» (м. Київ, 25–26 жовтня 2007 р.). Присвячено 990-річчю першої літописної згадки про Софію Київську (1017–2007 р.). Київ, 2009. С. 417–443.
- Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В.* Щодо матеріалів круглого столу «Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань (7 квітня 2010 р.,

- м. Київ)»: Відповіді на критичні виступи учасників круглого столу // Час заснування Софії Київської. Пристрасті довкола мілленіума. Київ, 2010. С. 39–118.
- Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В.* Атрибуція княжого знаку-графіті в північній внутрішній галереї Софії Київської // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: збірка наукових праць. Київ, 2011. Ч. 19. С. 136–145. (a)
- Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В.* Нововиявлені ранні датовані графіті на фресках Софії Київської та їхній історичний контекст (записи № 1684, № 2126 та № 2204) // Студії з архівної справи та документознавства. Київ, 2011. Т. 19, кн. 1. С. 90–99. (b)
- Нікітенко Н.М., Корнієнко В.В.* Міні-програма розпису однієї з арок південної галереї Софії Київської // Сіверщина в історії України: Київ, 2016. Вип. 9. С. 158–163.
- Никитина Ю.И.* Рисунки-граффити из Софии Новгородской // СА. 1990. № 3. С. 220–232.
- Овчаров Н.* Средневековните скриптории в Новгород Велики според новооткрытите рисунки-граффити // Палеобалканистика и старобългаристика. Първи есенни национални четения «Професор Иван Гълъбов». Велико Търново, 1995. С. 179–185.
- Овчаров Н.* Рисунки-граффити из Новгорода (XII–XV вв.) // *Slavia Antiqua: Rocznik poświęcony starożytnościom słowiańskim.* Poznań, 1996. Т. 37. С. 181–201.
- Орел В.Э.* Гости новгородские. Новгородские граффити в Софии Киевской // ДГ, 1995 г. М., 1997. С. 234–240.
- Орел В., Кулик А.* Заметки о древних киевских граффити // Археологія. 1995. № 1. С. 124–132.
- Орлов А.С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1936.
- Орлов А.С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. 2-е изд. М., 1952.
- [*Павлов П.В.*] Открытие пещеры (из дневника Киевского жителя) // Киевские губернские ведомости. 1853. 20 июня. С. 17–19.
- Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с высочайшего соизволения П.Н. Батюшковым: [Альбом]. СПб., 1868. Вып. 1.
- Подлевський С.* Епіграфічні знахідки в Михайлівській церкві з Остра // Сіверянський літопис. 2017. № 1–2. С. 72–78.
- Подлевський С.* Графіті Чернігова у соціокультурному просторі X–XVII ст. Чернігів, 2018.
- Покровский Н.В.* Очерки памятников христианской иконографии и искусства. 2-е изд., доп. СПб., 1900.
- Поппе А.* Граффіті і дата спорудження Софії Київської // УІЖ. 1968. № 9. С. 93–97.
- Поппэ А.В.* К дискуссии о времени постройки Софии Киевской (Граффити № 2) // Проблемы изучения древнерусского зодчества (по материалам ар-

- хитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П.А. Раппопорта, 15–19 января 1990 г.). СПб., 1996. С. 21–24.
- Прахов А.В.* Открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII века, исполненное в 1881 и 1882 гг. СПб., 1883.
- Прахов А.В.* Киевские памятники византийско-русского искусства: докл. в Имп. Московском археологическом обществе 19 и 20 декабря 1885 г. // Древности. Тр. Имп. Московского археологического общества. М., 1887. Т. 11, вып. 3. С. 1–31.
- Прицак О.И.* Тюрко-славянское двуязычное граффити XI столетия из собора Св. Софии в Киеве // ВЯ. 1988. № 2. С. 49–61.
- Пуцко В.Г.* [Рец.] // ВИ. 1978. № 4. С. 140–143. – Рец. на кн.: *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.
- Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи-граффити из Старой Ладogi в Государственном Эрмитаже // Проблемы комплексного исследования Северо-Запада РСФСР. Л., 1972. С. 15. (а)
- Рождественская Т.В.* Значение граффити XI–XIV вв. для изучения истории русского языка старшего периода // ВЯ. 1972. № 3. С. 110–117. (b)
- Рождественская Т.В.* Об особенностях палеографии новгородских надписей-граффити XI–XIV вв. // Лингвистические исследования. 1972 г. М., 1973. С. 90–105.
- Рождественская Т.В.* Надписи-граффити из Старой Ладogi в собрании Государственного Эрмитажа // Памятники культуры. Новые открытия, 1974. М., 1975. С. 9–13.
- Рождественская Т.В.* Надписи-граффити из церкви Спаса Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке // Вестн. Ленинг. ун-та. Сер. 2. 1983. Вып. 3. С. 67–71.
- Рождественская Т.В.* О некоторых графико-палеографических особенностях новгородских надписей-граффити // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 116–119.
- Рождественская Т.В.* О раннем варианте кириллического алфавита на Руси (по материалам «одноеровых» памятников письменности) // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 348–352.
- Рождественская Т.В.* Эпиграфика и книжная культура древнего Новгорода // История и культура древнего города. М., 1989. С. 128–133.
- Рождественская Т.В.* Древнеболгарская эпиграфическая традиция и новгородская эпиграфика XI–XIV вв. // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 1990. Т. 14, № 2. С. 51–58.
- Рождественская Т.В.* Древнерусская эпиграфика X–XV вв. Л., 1991. (а)
- Рождественская Т.В.* К проблеме исследований по древнерусской эпиграфике // Древнерусский язык домонгольской поры: межвуз. сб. Л., 1991. С. 201–205. (b)
- Рождественская Т.В.* Развитие грамотности и книжной культуры в Новгороде по данным эпиграфики // Книжные центры Древней Руси. Л., 1991. С. 17–28. (с)

- Рождественская Т.В.* София Киевская как памятник письменности // Отечественная философская мысль XI–XVII вв. и греческая культура: сборник научных трудов. Киев, 1991. С. 37–44. (d)
- Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.
- Рождественская Т.В.* Древнерусская эпиграфика X–XIII вв.: текст и норма // RL. 1993. Vol. 17, no. 1. С. 157–179.
- Рождественская Т.В.* Надписи-граффити XII–XIII вв. в памятниках зодчества Волыни и Галича // Проблема изучения древнерусского зодчества (по материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П.А. Раппопорта 15–19 января 1990 г.). СПб., 1996. С. 90–91.
- Рождественская Т.В.* Об одной древнерусской надписи XIII в. из Софийского собора в Новгороде // Русь и южные славяне: сб. ст. к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 234–239.
- Рождественская Т.В.* Богослужбные тексты в не Книжной письменности средневекового Новгорода: перспективы изучения // Великий Новгород в истории средневековой Европы (к 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина). М., 1999. С. 338–344.
- Рождественская Т.В.* Глаголическая эпиграфика XI–XII веков в Древней Руси // Палеославистика. Лексикология. Лексикография: тез. междунар. науч. конф., посвященной памяти Р.М. Цейтлин, 27–29 ноября 2002 г. М., 2002. С. 54–57.
- Рождественская Т.В.* Надписи с глаголическими буквами из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // Slavia Orthodoxa: Език и култура: сборник в чест на проф. Румяна Павлова. София, 2003. С. 338–345. (a)
- Рождественская Т.В.* Славянские библейские тексты в храмах Древней Руси // Славянское языкознание: XIII Междунар. съезд славистов, Люблина, 2003 г.: докл. рос. делегации. М., 2003. С. 514–523. (b)
- Рождественская Т.В.* Новонайденные древнерусские надписи-граффити Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора // ТОДРЛ. 2004. Т. 55. С. 536–548.
- Рождественская Т.В.* Граффити // ПЭ. 2006. Т. 12. С. 293–301. (a)
- Рождественская Т.В.* Новонайденные надписи-граффити и рисунки из церкви Успения на Волоотовом поле // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 45–55. (b)
- Рождественская Т.В.* Надписи-граффити // Великий Новгород. История и культура IX–XVII вв.: энциклопедический словарь / отв. ред. В.Л. Янин. СПб., 2007. С. 345–347. (a)
- Рождественская Т.В.* Надписи и рисунки в церкви Федора Стратилата на Ручью // Царевская Т.Ю. Роспись Церкви Федора Стратилата на Ручью в Новгороде. М., 2007. С. 339–382. (b)
- Рождественская Т.В.* «О, тому умети грамоте!..» (Надписи с именем «Путила» в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря) // ТОДРЛ. 2008. Т. 58. С. 780–788. (a)

- Рождественская Т.В.* Язык и письменность средневекового Новгорода: богослужебные надписи и берестяные грамоты XI–XV вв.: учеб. пособие. СПб., 2008. (b)
- Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи-граффити с именами новгородских иерархов в церкви Николая на Липне в Новгороде // Великий Новгород и Средневековая Русь: сб. ст. к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009. С. 151–160. (a)
- Рождественская Т.В.* Литургические и литературные тексты на стенах Софии Киевской // Софійські Читання: Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Пам'ятки Національного заповідника “Софія Київська”»: Культурний діалог поколінь» (м. Київ, 25–26 жовтня 2007 р.). Присвячено 990-річчю першої літописної згадки про Софію Київську (1017–2007 р.). Київ, 2009. С. 320–327. (b)
- Рождественская Т.В.* Кириллица и начало письменности на Руси (по данным эпиграфики) // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 186–190. (a)
- Рождественская Т.В.* О сомнительных реконструкциях при чтении софийских граффити // Заснування Софійського собору в Києві: Проблеми нових датвань: матеріали Круглого столу (7 квітня 2010 р., м. Київ). Київ, 2010. С. 26–27. (b)
- Рождественская Т.В.* Из эпиграфики древнего Новгорода: три граффити из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Библистика. Русистика. Славистика: сб. науч. ст. к 70-летию А.А. Алексева. СПб., 2011. С. 256–266.
- Рождественская Т.В.* К вопросу о богослужебных текстах на стенах древнерусских храмов // Тр. Гос. Эрмитажа. СПб., 2012. Т. 65: Первые каменные храмы Древней Руси: материалы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 г. С. 317–325. (a)
- Рождественская Т.В.* Эпиграфические памятники на Руси в эпоху становления государственности // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Т. 3. Вып. 5 (13) (<<http://history.jes.su/s207987840000430-2-1>> [14.08.2018]). (b)
- Рождественская Т.В.* Эпиграфические памятники на Руси в эпоху становления государственности // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 489–513. (c)
- Рождественская Т.В.* О новгородской эпиграфической традиции (из материалов к Своду древнерусских надписей-граффити средневекового Новгорода) // ДРВМ. 2013. № 3 (53). С. 116–117. (a)
- Рождественская Т.В.* Средневековые надписи-граффити из новгородской церкви Николая на Липне (из мат-лов по новгородской эпиграфике) // Храм і люди: збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ, 2013. С. 160–171. (b)
- Рождественская Т.В.* Об одной надписи-граффити из раскопок храма на Протоке в Смоленска // Средневековият човек и неговият свят: сб. в чест

- 70-та годишнина на проф. д.и.н. Казимир Попконстантинов. Велико-Търново, 2014. С. 329–335.
- Рождественская Т.В.* Два средневековых граффита на стенах лестницы в церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде // ДРВМ. 2015. № 4 (62). С. 89–92. (а)
- Рождественская Т.В.* Из материалов к Своду древнерусских граффити Новгорода Великого: 13 граффити на юго-восточном столбе церкви Спаса на Нередице // Осем десать: сб. науч. ст. к юбилею И.С. Улуханова. М., 2015. С. 506–524. (б)
- Рождественская Т.В.* Граффити в церкви Спаса на Нередице в Новгороде (мат-лы к Своду древнерусских надписей-граффити Новгорода Великого) // Тр. Института русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2016. Вып. 9: История русского языка и культуры. Памяти В.М. Живова. С. 148–170. (а)
- Рождественская Т.В.* Древнерусские граффити из церкви Николы на Липне в Новгороде (материалы к Своду средневековых граффити Новгорода Великого) // ТОДРЛ. 2016. Т. 64. С. 818–831. (б)
- Рождественская Т.В.* Новонайденное древнерусское кириллическое граффито из Франции // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. № 2. С. 907–909. (с)
- Рождественская Т.В.* Об эпитафическом комплексе XV в. в церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 253–256. (д)
- Рыбаков Б.А.* Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія. 1947. Вип. 1. С. 53–64.
- Рыбаков Б.А.* К библиографии русских надписей XI–XV вв. // ИЗ. М., 1938. Т. 4. С. 250–257.
- Рыбаков Б.А.* Запись о смерти Ярослава Мудрого // СА. 1959. № 4. С. 245–249.
- Рыбаков Б.А.* Русская эпитафика X–XIV вв. // История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963. С. 34–72.
- Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964. (а)
- Рыбаков Б.А.* Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах» // СА. 1964. № 2. С. 179–187. (б)
- Седова М.В.* Эпитафические находки из Суздаля // КСИА. 1987. Т. 190. С. 7–13.
- Сементовский Н.М.* Киев, его святыни, древности, достопамятности и сведения, необходимые для его почитателей и путешественников. Киев, 1864.
- Слободян В.М., Гусак А.М.* Образок життя на зламі XII–XIII ст. зі стін храму Св. Пантелеймона поблизу Галича // Галич: збірник наукових праць. Івано-Франківськ, 2017. Вип. 2. С. 105–114.
- Срезневский И.И.* Пещера Ивана Грешного и Феофила // Изв. Российского археологического общества. СПб., 1859. Т. 2, вып. Стб. 1–7.
- Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). 1-е изд. СПб., 1863.

- Срезневский И.И.* Славяно-русская палеография: лекции, читанные в Императорском С.-Петербургском университете в 1865–1880 гг. СПб., 1885.
- Страхов А.Б.* Палеографические догадки // *Palaeoslavica*. 1995. Vol. 3. P. 291–296.
- Сукнина Л.Б.* Граффито с поминанием князя Андрея Боголюбского на абсиде Спасо-Преображенского собора в Переяславле-Залесском: проблемы интерпретации происхождения, смысла и назначения текста // *Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. История*. 2018. № 3. С. 49–56.
- Толочко А.П.* Два кириллических граффити Константинопольской Софии // *Ruthenica*. 2008. Т. 7. С. 209–214.
- Толочко А.П.* Софийские граффити и дата поставления митрополита Илариона // *Археологія і давня історія України*. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Київ, 2010. С. 513–516.
- Толочко А.П.* Дьяк Давыдов // *Храм і люди: збірка статей до 90-річчя з дня народження С.О. Висоцького*. Київ, 2013. С. 217–220.
- Тоцька І.Ф.* «4 лета княжил Святослав» // *Храм і люди: збірка статей до 90-річчя з дня народження С.О. Висоцького*. Київ, 2013. С. 221–228.
- Турилов А.А.* Заметки о киевских граффити // *ЛИИРЯ*, 2000. М., 2000. С. 26–58.
- Фёдорова Е.В.* Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982.
- Чернов А.Ю.* Автограф Бояна? Экспедиция вторая: Новгород // *Чернов А.Ю.* Хроники изначного времени: «Слово о полку Игореве»: Текст и его окрестности. СПб., 2006. С. 295–320.
- Шляпкин И.А.* Современные задачи изучения древнерусской вещевой и книжной письменности. 2-е изд.: конспекты лекций, по истории и древностям Великого Новгорода, читанных в 1909 году в Новгородском Обществе Любителей Древности гг. лекторами Императорского Археологического Института. Новгород, 1916.
- Щавелев А.С.* Граффити о съезде князей на реке Желяни: вопрос датировки // *Ломоносов–2001: труды научной конференции студентов и аспирантов*. История. М., 2001. С. 3–5.
- Щепкин В.Н.* Новгородские надписи graffiti // *Древности*. Тр. Имп. Московского археологического общества. М., 1902. Т. 19, вып. 3. С. 26–46.
- Эртель А.Д.* Древние пещеры на Зверинце в Киеве. Киев, 1913.
- Яйленко В.П.* [Рец.] // *СА*. 1983. № 4. С. 226–232. – Рец. на кн.: *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV вв. М., 1978.
- Яйленко В.П.* Древнерусские граффити Нередицы как источник бытовой истории Новгорода XIII–XVII вв. // *Международный конгресс славянской археологии*. V Труды. М., 1987. Т. 3, вып. 26. С. 153–163. (a)
- Яйленко В.П.* Надписи-граффити Софии Новгородской и Нередицы как источник по истории их монументальной росписи // *Комплексные методы в исторических исследованиях: тезисы докладов*. М., 1987. С. 172–174. (b)
- Янин В.Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // *Нумизматика и эпиграфика*. М., 1963. Т. 4. С. 142–164.

- Янин В.Л. Эпиграфические заметки // ВЯ. 1992. № 2. С. 21–36.
- Brun A.-S., Hartmann-Virnich A., Ingrand-Varenne E., Mikheev S.M. Old Russian Graffito Inscription in the Abbey of Saint-Gilles, South of France // *Slovène = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2014. № 2, Vol. 3. P. 110–129.
- Gippius A.A., Gzella H., Mikheev S.M., Schaeken J. The Oldest Traces of Semitic (Hebrew and Syriac) in Early Rus': Two Inscriptions in the St. Sophia Cathedral in Novgorod // *RL*. 2012. Vol. 36, no. 3. P. 271–284.
- Gippius A. An Eleventh-Century Poetic Divination from St. Sophia's, Novgorod // *The Russian Review*. 2018. Vol. 77. P. 183–199.
- Dell'Agata G. Antiche iscrizioni cirilliche del Duomo di Lucca // *Ricerche slavistiche*, 1973–1974. Vol. 20–21. P. 5–14.
- Le Feuvre C. Un nouvel adjectif dans un document kiévian (L'inscription № 67 de la cathédrale Sainte-Sophie) // *Revue des études slaves*. 1997. T. 3. P. 327–336.
- Horbatsch O. Einige slavische Pilgerinschriften in der Hagia Sophia-Kathedrale in Konstantinopel // *Die Welt der Slaven*. 1977. Bd. 22. S. 86–88.
- Kalavrezou-Maxeiner I., Obolensky D. A Church Slavonic Graffito in Hagia Sophia, Constantinople // *HUS*. 1981. Vol. 5, no. 1. P. 5–10.
- Kornienko V.V. The Latest Studies of Graffiti of St. Sophia of Kyiv // *Proceeding of the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22–27 August 2011)*. Sofia, 2011. Vol. 3. P. 404.
- Mango C. A Russian Graffito in St. Sophia, Constantinople // *Slavic Word*. 1954. Vol. 10. P. 436–438 (reprint: *Mango C. Studies on Constantinople*. Aldershot, 1993. XIX).
- Orel V. Old Slavic Graffiti of Kyiv: Problems of Linguistic History // *HUS*. 1993. Vol. 17, no. 3/4. P. 209–218.
- Orel V. Ancient Kievan Graffiti: Linguistic and Historical Sources // *Palaeoslavica*. 1995. Vol. 3. P. 281–290.
- Orel V. «Unofficial» Old Russian Graffiti in Kiev // *Zeitschrift für Slawistik*. 1996. Bd. 41, heft 2. P. 166–170.
- Peleński J. Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej na podstawie badań archeologicznych i źródeł archiwalnych. Kraków, 1914.
- Pritsak O. An Eleventh-Century Turkic Bilingual (Turko-Slavic) Graffito from the St. Sophia Cathedral in Kiev // *HUS*. 1982. Vol. 5–6, no. 2. P. 152–166.
- Rozhdestvenskaja T. Written Culture of Medieval Novgorod in the Light of Epigraphy // *Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North*. Turnhout, 2012. P. 251–272.

THE HISTORIOGRAPHY OF OLD RUS WALL GRAFFITI (THE 11TH–14TH CENTURIES)

This article is an attempt to systematically follow the historiography of Old Rus inscriptions scratched on the walls of architectural structures. For this purpose, the author studied the academic works published since the early 19th century, starting with *A History of the Russian hierarchy* by Amvrosy (Ornatsky), and *An Archaeological Description of Church Antiquities in Novgorod and its Environs* by Makary (Miroljubov), and up to 2018.

At the beginning, medieval graffiti played only supplementary role for historians: the best legible examples were used for dating early layers of frescos or the buildings themselves. Around 1900 scholars started to realize that Old Rus inscriptions deserve attention as such. The first studies which paid special attention to graffiti belong to Vyacheslav Shchepkin (1902), Ilya Shlyapkin (1916), and Józef Peleński (1914). In early Soviet time epigraphic studies did not develop, but in 1936 the *Bibliography of Rus Inscriptions* by Alexander Orlov appeared which stimulated scholarly interest to graffiti. At the same time restoration works started in St Sophia Cathedral of Kiev, where graffiti were specially looked for. Already after the Second World War, in 1947, Boris Rybakov published some graffiti discovered there. Later they started to be published more systematically by Sergey Vysotsky, who issued a three-volume corpus of graffiti of St Sophia of Kiev (1966, 1976, 1985). As photography developed, Vysotsky was able to leave aside the method of making clay casts, and to take photos which he published together with drawings. The structure of Vysotsky's editions defined that of other publications of graffiti for years: in the first part of the volume texts of inscriptions were published together with the discussion of their content and date, the second part being reserved for photos and drawings.

The achievements of Vysotsky, as well as the discovery of birchbark documents, which stimulated scholarly interest to informal writing, led to the development of graffiti studies. Albina Medyntseva published in 1978 a corpus of graffiti of St Sophia of Novgorod. Inscriptions were discovered in Chernigov, Polotsk, Smolensk, and many other Old Rus sites, as well as in St Sophia of Constantinople, and in Lucca (Italy). Some generalizing studies appeared in the 1980s, as well as studies in which previously published readings (by Vysotsky etc.) started to be revized.

The last 10–15 years saw an unprecedented increase of scholarly interest to graffiti in Russia, Ukraine, and Belarus. This was caused, firstly, by the development of digital photography and computers. Secondly, restoration and archeological works in many Old Rus churches led to the discovery of new inscriptions (both on walls under removed layers of plaster, and on fragments of old plaster excavated under the floor). Thirdly, graffiti studies were stimulated by the achievements in the study of birchbark documents and other inscriptions. The author concludes that a new corpus of Old Rus graffiti with linguistic and historical commentary is a needed although not an easy task.

Key words: epigraphy, graffiti, inscriptions, Old Rus, historiography.

С.М. Каштанов, Л.В. Столярова

МСТИСЛАВОВА ГРАМОТА: ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Статья посвящена палеографическому и дипломатическому изучению древнейшего иммунитетного акта Руси, сохранившегося в пергаменном подлиннике, – жалованной данной грамоты киевского в. кн. Мстислава Владимировича и его сына кн. Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. Устанавливается книжное, а не канцелярское происхождение текста данного акта. Мстиславова грамота рассматривается в контексте памятников древнерусской хрисографии XI–XIII вв., изучается как структура ее дипломатического формуляра и содержание в контексте складывания земельной собственности монастырей, так и внешние признаки формы. На основе анализа разлиновки и структуры расположения текста предлагается реконструкция первоначального вида листа с Мстиславовой грамотой.

Ключевые слова: Древняя Русь, письменность, Мстиславова грамота, источниковедение, палеография, кодикология, дипломатика, феодальный иммунитет

Как известно, наиболее ранние случаи предоставления иммунитетных привилегий монастырям в Древней Руси относятся к XII в. Об иммунитете на Руси до XII в. никаких определенных данных нет (Каштанов 1996. С. 69; 1999. С. 21–45; 2014. С. 80–81). Первые жалованные акты касаются Новгородской земли, в которой в XI–XII вв. шел процесс формирования крупного землевладения (Янин 1981. С. 272), сопровождавшийся возникновением зачаточной юрисдикции вотчинников. От первой половины и середины XII в. дошли четыре жалованные грамоты, выданные князьями двум новгородским монастырям (Юрьеву и Пантелеймонову). Все они предоставляют прежде всего землю. В одной грамоте в числе отчуждаемых объектов фигурируют также люди и кони, в другой – смерды, в третьей – серебряное блюдо. В двух грамотах (Мстислава и Изяслава) содержится к тому же освобождение от пошлин. Наиболее ранним княжеским актом, фиксирующим передачу земельных владений духовной корпорации, является сохранившаяся в подлиннике пергаменная жалованная данная грамота киевского в. кн. Мстислава Владимировича и его сына

кн. Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю на Буицы, с вирами, данями и продажами и осенним полюдьем, а также на серебряное блюдо¹. Сын Мстислава Всеволод по грамоте является юридическим соавтором своего отца. От его лица сформулирована единственная статья – о пожаловании серебряного блюда. Таким образом, киевский великий князь жаловал землю, иммунитет и бан, а новгородский – лишь движимое имущество. В грамоте упоминается игумен Исая – второй в списке юрьевских настоятелей после Кириака, при котором в 1119 г. Юрьев монастырь был основан (ПСРЛ. Т. 3. С. 21, 205; Янин 1991. С. 135, № 62). В 1128 г. Кириак скончался (ПСРЛ. Т. 3. С. 22, 206). Исая как игумен Юрьева монастыря впервые упомянут летописью только под 1134 г. (Там же. С. 23, 208), однако его настоятельство, скорее всего, началось шестью годами раньше, со смертью Кириака в 1128 г. (Янин 1991. С. 135, № 62).

О наделении иммунитетными привилегиями другого новгородского монастыря – Пантелеймонова – говорится в грамоте кн. Изяслава Мстиславича. Две грамоты кн. Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю содержат только земельные пожалования (ГВНП. С. 140–141, № 81; С. 141, № 82; С. 139–140, № 79–80). В подлиннике сохранилась только Мстиславова грамота. Текст остальных трех жалованных грамот XII в. дошел в списках (ГВНП. № 79, 80, 82; Корецкий 1955. С. 204–207; Семенов 1959. С. 247).

Исключительное значение сохранившихся подлинников древнерусских актов XII–XIV вв. для дипломатических, палеографических и лингвистических исследований очевидно. Для дипломатиста и палеографа они являют бесценный материал по истории складывания норм актовой документации в средневековой Руси (Каштанов 2014. С. 6–12). Подлинники актов, демонстрирующие образцы раннего документирования XII–XIV вв., позволяют сделать наблюдения над порядком удостоверения актов, способами прикрепления печатей, принципами расположения текста на листе, последовательностью работы писца и пр. Не будучи ограничен возможностями сугубо формулярного анализа, дипломатист, изучающий оригиналы грамот, выходит к исследованию наименее изученной в отечественной

¹ ОПИ НГМ. КП 2193. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 12. Авторы сердечно благодарят заведующего лабораторией НГМ Е.В. Гордюшенкова, изготовившего для нас фотокопии Мстиславовой грамоты с обеих сторон в размере оригинала, и старшего научного сотрудника ОПИ НГМ Г.К. Маркину, сделавшую по нашей просьбе ряд уточнений палеографического характера по подлиннику.

СЕАЗЪАВЪГЪНЛАВЪВОЛЪВЪМАНЪВЪСНАДЪРЪЖЪСЪ
 СЪСЪСЪУЪЕЛАМЪЕЛЪСЪОЖЪКЪМЪЖЪМЪИЪКЪЛЪВЪСЪЛЪВЪИЪ
 СЪЛЪСЪИЪОУЪВЪОЖЪЛЪОУЪВЪСЪВЪОУЪСЪАДЪТЪМЪОУЪ
 МЪСЪТЪЛЪОУЪГЪСЪОУЪГЪСЪИЪСЪВЪДЪМЪИЪНЪСЪВЪИЪВЪЛЪВЪИЪСЪ
 ПЪРЪДЪАЖЪАМЪНАДЪЖЪКЪСЪТЪОУЪИЪКЪНАЪЗЪАПЪОЛЪОЖЪАЛЪВЪНА
 ЖЪМЪИЪИЪОУЪАМЪГЪАХЪОУЪТЪГЪИЪОУЪАТЪНЪОУЪСЪТЪОУЪОУЪОУЪИЪ
 АЪЖЪТЪВЪОУЪАМЪЗЪАТЪЖЪАМЪИЪСЪТАЖЪКЪНАТЪАТЪТЪИЪГЪСЪО
 ОУЪИЪКЪОУЪИЪСЪТЪОУЪИЪАМЪСЪТЪИЪНЪТЪИЪГЪОУЪАМЪСЪ
 ИЪВЪИЪВЪАТЪИЪАДЪИЪМЪАЪЖЪСЪАМЪНОЪСЪВЪСЪТЪИЪТЪ
 АЛЪАТЪСЪЕАЗЪАМЪАМЪЗЪАЛЪОУЪАТЪИЪКЪТЪОУЪСЪАМЪЗЪОУЪСЪА
 ОУЪТЪВЪАМЪАМЪСЪТЪИЪИЪТЪОУЪИЪТЪАМЪВЪАЖЪАМЪИЪ
 СЪТЪАМЪАМЪИЪГЪАМЪАМЪКЪАМЪПЪОЖЪИЪКЪОУЪТЪИЪИЪСЪАМЪ
 ОУЪИЪАМЪЗЪАДЪАЛЪОУЪКЪОУЪВЪОЖЪИЪОУЪСЪМЪИЪИЪИЪ
 АМЪАМЪИЪАДЪОУЪСЪИЪИЪОУЪАТЪОУЪТЪИЪАДЪСЪАТЪСЪАМЪ
 КЪИЪАТЪСЪАМЪЖЪСЪОУЪОУЪИЪИЪИЪАЪСЪАВЪСЪОУЪОУЪА
 АМЪСЪАМЪАМЪОУЪСЪАМЪАМЪИЪИЪИЪАЪСЪАВЪСЪОУЪА
 СЪТАМЪОУЪЖЪСЪОУЪИЪСЪИЪИЪИЪАМЪАМЪАМЪАМЪИЪИЪИЪ
 ИЪИЪАМЪСЪАМЪАМЪКЪОУЪИЪИЪСЪАМЪИЪИЪЖЪОУЪАМЪСЪА
 АМЪАМЪИЪТЪАМЪАМЪАМЪИЪИЪИЪИЪИЪИЪИЪИЪИЪИЪИЪИЪИЪ
 АМЪАМЪАМЪАМЪАМЪАМЪАМЪАМЪАМЪАМЪАМЪАМЪАМЪАМЪАМЪАМЪ

Рис. 1. Мстиславова грамота (фото)

историографии проблематики, связанной с реконструкцией процесса документирования в рамках древнейших протоканцелярий. Иными словами, изучая раннюю историю делопроизводства, исследователь обращается к вопросу о зарождении и становлении государственного аппарата управления. Всё это делает возможным постановку вопроса о роли документирования в Древней Руси XII–XIV вв. как управленческого и культурного феномена².

Иммунитетная политика началась на Руси в XII в., во Франкском государстве – в VII в., на пять веков раньше. Первые иммунитетные дипломы, признаваемые в литературе подлинными, были выданы в 635 г. королем Дагобертом I (Dagobert I). Они касались аббатства Сен-Дени (abbaye de St. Denis) и монастыря Ребе (monastère de Rebais) (Kroell 1910. P. 101, note 2, 3). Несмотря на большой хронологический разрыв, видны общие черты начальной стадии иммунитетной политики на Руси и во Франкском государстве. Первыми получателями иммунитетных грамот и тут и там были крупные монастыри. В историографии подчеркивается, что происхождение франкского иммунитета связано с судебной-финансовой изолированностью земель фиска, т.е. королевской вотчины, хотя первый пожалованный диплом (монастырю Ребе) не касался бывшей земли фиска (Ganshof 1958. P. 187; Magnou-Nortier 1984. P. 466; Kroell 1910. P. 64). На Руси в XII в. иммунитет устанавливался великими князьями на землях, которые они жалуют монастырям, по-видимому, из состава своих владений.

По справедливому замечанию М. Крёля, иммунитет во Франкском государстве появился вследствие того, что тут еще в VI в. у крупных землевладельцев, как светских, так и духовных, на

² Отечественная и зарубежная медиевистика до сих пор не знала примеров фундаментальных изданий, факсимильно воспроизводящих сохранившиеся подлинники древнерусских актов. Поэтому особую актуальность приобретает задача подготовки и выпуска в свет первого в историографии факсимильного издания оригиналов древнейших русских грамот XII–XIV вв., выполненного с учетом современного отечественного и зарубежного опыта дипломатической археографии. Издание предполагает систематизацию знаний о составе, дипломатических и палеографических особенностях древнейших русских актов XII–XIV вв. и планируется в рамках международной серии «*Monumenta palaeographica medii aevi*» (MPMA. *Seria Rossica*. Т. 1). Издание готовится международным авторским коллективом – К.В. Баранов, С.М. Каштанов, Н.А. Комочев, С.Ю. Королёва, Л.В. Столярова (Россия, Москва), П. Гонно (Франция, Париж), А.С. Иванов и А.М. Кузнецов (Латвия, Даугавпилс) – под руководством чл.-корр. РАН С.М. Каштанова и проф. П. Гонно. Подготовка русского тома MPMA была инициирована членом-корреспондентом французской Академии Ж. Везеном и ныне покойным проф. Х. Ацма. Данная статья написана в процессе подготовки текста Мстиславовой грамоты для первого тома «русской» серии MPMA.

практике возникала «частная юрисдикция» (*justice privée*) в отношении обитателей их имений и свободных крестьян, становившихся под их патронат. Такой неоформленной и первичной юрисдикцией (*la juridiction inorganique et rudimentaire*) обладали уже богатые землевладельцы позднеримского периода. По мнению Крёля, «сильные люди» (*potentes*) франкской эпохи унаследовали власть некоторых низших судебных инстанций (*mediocres iudices*) позднеримской империи – мировых судей (*assertores pacis*, фр. *Juges de paix*) и адвокатов (*defensores*, фр. *avoués*) (Kroell 1910. P. 33–34). Автор совершенно прав, утверждая, что наличие этой юрисдикции нельзя объяснить дипломами, поскольку она предшествует им, будучи засвидетельствована Анжерскими формулами (*les formules d'Angers*), из которых наиболее ранние относятся к 514–515 гг. (Kroell 1910. P. 34–35).

Необходимой предпосылкой пожалования иммунитета является формирование судебно-административной власти вотчинников по отношению к населению владений. В XI–XII вв. в Новгородской земле шел процесс складывания крупной земельной собственности, который, как и во Франкском государстве VI в., сопровождался возникновением зачаточной юрисдикции вотчинников. Такова общая закономерность, для которой наличие или отсутствие римского наследия – частный случай, хотя и существенно влияющий на время возникновения и правовые особенности иммунитета. Русский иммунитет появился много позднее франкского, поскольку процесс образования класса крупных землевладельцев начался здесь не раньше XI в., да и то сначала лишь в Новгородской земле (Каштанов 1970в. С. 155–157, 190–199; 1999. С. 33).

О судьбах иммунитета новгородских монастырей в XIII в. судить трудно, т.к. от этого времени ни одной жалованной грамоты русским монастырям не сохранилось. После грамот Мстислава и Изяслава наступила длительная остановка в иммунитетной политике русских князей. Только с XIV в. выдача жалованных грамот с иммунитетными привилегиями монастырям и другим землевладельцам становится постоянным элементом внутренней политики – то, что во Франкском государстве произошло в VII в. Вообще, по темпам выдачи грамот и по охвату монастырей русские акты XIV в. имеют много общего с меровингскими дипломами VII в., хотя, надо сказать, что иммунитетная политика меровингских королей, особенно во второй половине VII в., была более активной, чем политика князей Северо-Восточной Руси в XIV в. Из 23 иммунитетных дипломов 635–700 гг., указанных в перечне М. Крёля, к аббатствам

и монастырям относятся 18, к епископствам – 5. Вниманием правительства пользовались в это время аббатства Сен-Дени (*l'abbaye de Saint-Denis*), Сен-Бертен (*l'abbaye de Saint-Bertin*), Монтъеранде (*l'abbaye de Montiérande*), Тюссонваль (*l'abbaye de Tussonval*), монастыри Ребе (*de Rebaix*), Куньон (*de Cougnon*), Сенон (*de Senones*), Корби (*de Corbie*), Ставело-и-Мальмеди (*de Stavelot et Malmedy*), Кале (*de Calais*), Аржантей (*d'Argenteuil*), Сен-Мор-де-Фоссе (*Saint Maur des Fossés*)³. К текстам меровингских дипломов следует относиться с большой осторожностью, учитывая наличие среди них многих подложных и частично фальсифицированных актов⁴.

Что касается русских жалованных грамот с иммунитетными привилегиями, то в XIV в. их получили монастыри ярославский Спасский, новгородский Юрьев, тверской Отроч, рязанский Ольгов, московский Чудов, Спасо-Преображенский у Медвежьих озер, Нижегородский Спасо-Благовещенский (ГВНП. С. 143, № 86; АСЭИ. Т. 2. С. 338–339, № 340; Т. 3. С. 52–53, 152–153, 204–205, 321, 350–352, № 29, 116, 190, 294, 322). Вероятно, в конце XIV в. иммунитетные грамоты были выданы рязанскому Солотчинскому монастырю (датируются примерно 1390–1425 гг.), суздальскому Спасо-Евфимьеву и Кирилло-Белозерскому (1397–1427 гг.). Таким образом, грамот, выданных в XIV в., тексты которых сохранились, всего семь. Из них только три дошли в подлиннике. Восемь сохранившихся древнерусских иммунитетных актов условно датируются концом XIV – началом XV в. (Каштанов 2014. С. 97). Имеются данные об утраченных жалованных грамотах (например, «старые грамоты великих князии» упоминаются в грамоте митрополита Киприана владимирскому Рождественскому монастырю 1399 г.), точное число которых не может быть установлено. По подсчетам С.М. Каштанова, от трех первых четвертей XIV в. известно 12 жалованных актов, включая упоминания и позднейшие изложения (Каштанов 1996. С. 72). Обращает на себя внимание, что до 1380 г. совершенно отсутствуют жалованные акты на землю в пределах центральной части Московского княжества. Грамоты московских великих князей Ивана Даниловича Калиты и Дмитрия Ивановича

³ Kroell 1910. P. 333–336. Современные французские исследователи считают, что дошедшие документы составляют незначительную часть актов, которые были составлены от имени французских королей, и поэтому они мало репрезентативны (Atsma, Vezin 1998. S. 9). В отечественной историографии можно встретить схожую точку зрения в отношении русских грамот XIV–XVI вв. – см., например: Носов 1962. С. 261–348; ср.: Кобрин 1973. С. 171–186; Каштанов 1988а. С. 111–112, 133–134.

⁴ Библиографию вопроса см.: Каштанов 1999. С. 34, 44, примеч. 61.

Донского относятся к новгородским пределам (Печора) и к спорным территориям на границах Новгородской республики, Тверского и Московского княжеств (районы Волока, Торжка, Костромы) (ГВНП. № 84, 86; АСЭИ. Т. 3. № 2, 178, 238). Остальные акты касаются территории Рязанского, Тверского, Ярославского княжеств, Новгородской и Псковской республик (Кузьмин 1967. С. 112; Сборник 1971. Ч. 2. С. 16; АСЭИ. Т. 3. № 116, 190, 311, 314–316; ГВНП. № 85, 333; см. также: Каштанов 1996. С. 72). Грамоты с иммунитетными привилегиями выдавали в XIV в, главным образом, великие князья, но не киевские, как в XII в., а московские, тверские, рязанские.

Из княжеских жалованных грамот монастырям XIV в. в пергаменном подлиннике дошла грамота в. кн. Олега Рязанского Ольгову монастырю (АСЭИ. Т. 3. С. 350–352, № 322). В XIX в. существовал впоследствии утраченный пергаменный подлинник жалованной грамоты тверских князей тверскому Отрочу монастырю, известный по публикации 1836 г. (ААЭ. Т. 1. С. 2–3, № 5). Оригиналом, написанным на бумаге, является грамота митрополита Киприана 1399 г. владимирскому Рождественскому монастырю (АСЭИ. Т. 3. С. 117–118, № 86). Все остальные русские иммунитетные грамоты сохранились в списках. Поэтому, изучая монастырский иммунитет на Руси в XII–XIV вв., мы не можем полностью следовать принципу Ф.-Л. Гансхофа (1958, 1988) – опираться исключительно на оригиналы или современные оригиналу копии. Тем важнее наблюдения палеографического характера над сохранившимися подлинниками древнейших русских жалованных актов, среди которых хронологически наиболее ранним является Мстиславова грамота.

Как и три другие грамоты, датируемые XII в. (грамота кн. Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю и две грамоты кн. Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю), Мстиславова грамота не имеет в своем тексте даты. Датировка этих актов определяется как общеисторическими соображениями, так и палеографически. Наиболее узкая датировка – 1130 г. – в литературе закрепила за Мстиславова грамотой. С ней соглашался и новейший исследователь новгородских актов XII–XV вв. В.Л. Янин (1991). Основанием для датировки грамоты 1130 г. является упоминание Новгородской I летописью (Н1) под 6638 г. поездки новгородского кн. Всеволода Мстиславича к отцу, в. кн. Мстиславу Владимировичу в Киев: «...ходи Киеву къ отцю» (ПСРЛ. Т. 3. С. 22).

Т.В. Рождественская (1992; 1994) датировала грамоту Мстислава Владимировича 1128 г. Вслед за И.А. Шляпкиным Рождественская

отождествила кн. Мстислава, упомянутого в надписи на стене Георгиевского собора Юрьева монастыря, с великим князем Мстиславом Владимировичем, хотя в Новгороде в XII – начале XIII в. правили и другие князья, носившие имя Мстислав, а в крещении Федор. Исследовательница предположила, что Мстислав Владимирович приезжал в Новгород в связи с поставлением нового юрьевского игумена Исайи, которому была дана грамота. Однако никаких сведений о приезде Мстислава в Новгород в 1128 г. летописи не содержат (Каштанов 1996. С. 69, примеч. 6).

К палеографии Мстиславовой грамоты

Мстиславова грамота является одним из наиболее ранних памятников древнерусской хрисографии и, безусловно, самым ранним древнерусским актом, написанным золотом. Среди древнейших восточнославянских рукописей XI–XII вв., фрагменты текста которых написаны золотом, следует указать еще Остромирово евангелие 1056–1057 гг.⁵, Изборник Святослава 1073 г.⁶, Куприяновские (Новгородские) листки XI в.⁷, Мстиславово евангелие ок. 1117 г.⁸ Однако древнерусская кодикология не знает ни одной рукописной книги, целиком написанной золотом. Не известны и славянские «пурпурные кодексы», как нет и текстов, сделанных серебром⁹. Тем более письмо золотом не типично для древнерусского акта, хотя характерно для канцелярской практики Священной Римской империи X–XI вв. (см. ниже).

История «золотых манускриптов» (чаще их называют «пурпурными кодексами¹⁰») – рукописных книг исключительно духовного содержания (Евангелий, Септуагинт и Псалтирей), выполненных в

⁵ РНБ. Ф.п.1.5; см., например: СК. С. 33–36, № 3; Остромирово евангелие 1988.

⁶ ГИМ. Син. № 1043 (Син. № 31-д); см.: Изборник 1983; СК. С. 36–40, № 4.

⁷ РНБ. Ф.п.1.58. Л. 1, 2 об.; см.: СК. № 12. С. 53.

⁸ ГИМ. Син. № 1203; см.: Апракос 1983. С. 289 (запись златописца Жадена); СК. С. 90–92, № 51.

⁹ Черепнин 1956. С. 145. Письмо серебром отмечается в славяно-русских кодексах не ранее, чем в XVI–XVII вв. (Там же. С. 352, 422, 497).

¹⁰ В латинской и греческой палеографии «металлическими» или «пурпурными» кодексами могли быть рукописи, текст которых частично или полностью был написан золотом и/или серебром. Поскольку древнерусская книжная традиция письма серебром не знает, здесь и далее мы говорим только об искусстве хрисографии (или хризогрфии; от греч. χρῶς – золото и γράφω – пишу), т.е. о письме именно золотом или золотыми красками (чернилами).

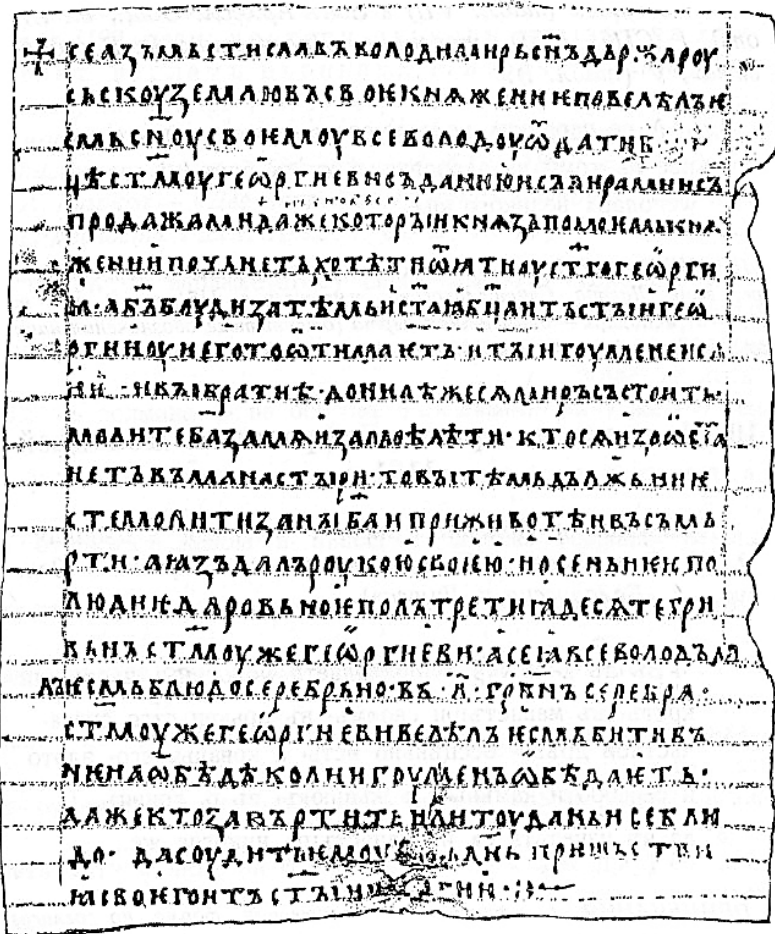

Рис. 2. Мстиславова грамота (прорись)

технике хрисографии на окрашенном пурпуром пергамене особо тонкой выделки (велене или веллуме¹¹), получила свое начало в III в. и восходит к эпохе поздней Римской империи и Византии (Добиаш-Рождественская 1987. С. 47–49). Хрисографы (особенно позднейшие)

¹¹ Веллум или велень (лат. *Vellum*, фр. *Vélin*) – отличавшийся наилучшим качеством выделки пергамен, изготовленный из телячьей, реже (поскольку годился для рукописей только небольшого формата) – овечьей шкуры. Наиболее ценился веллум, получаемый из шкуры новорожденных или абортированных ягнят и телят, бывший при выделке исключительно гладким, тонким и белым (так называемая девичья кожа).

могли быть переписаны золотом и по неокрашенному пурпуром пергамену. В ряде случаев по пурпурному фону золотом и серебром писались только миниатюры; текст делался по белому (естественному) фону пергаменного листа¹².

Первое упоминание о *Codex Purpureus* относится к 384 г. и содержится в одном из посланий Иеронима Стридонского (Needham 1979. P. 21). Бóльшая часть сохранившихся «золотых и серебряных кодексов» датируется VI в. Своим происхождением они связаны с Византией или государствами, испытывшими на себе византийское влияние. Оживление искусства хрисографии в Европе произошло в каролингскую эпоху. В X в. «металлическое письмо» из книг исчезает. В это время письмо золотом и серебром в Италии, Германии и Англии из пурпурных кодексов переключалось в дипломы. Известны золотые грамоты императоров Священной Римской империи Оттона I Великого (962 г.), Оттона II Рыжего (972 г.), Конрада II (1035 г.), Генриха IV (1079, 1095 гг.) (Добиаш-Рождественская 1987. С. 49). Возникнув на исходе этой традиции, памятники древнерусской хрисографии XI–XII вв. оказались слабым отблеском грандиозной роскоши пурпурных кодексов Византии и варварского Запада. Однако даже в виде небольших фрагментов текста и декора они поражают воображение исследователя своей красотой и величием.

Золотом написаны заголовки отдельных чтений на л. 256–38а Остромирова евангелия 1056–1057 гг.¹³ Кроме того, золотом и красками были сделаны большая заставка на л. 2 и малые заставки на л. 58а, 89а, 127а, 164а, 204в, 210г, 226г, 239г, 243а, 256а, 263г, 267г, 270г, 271г, 274б, 281г, 283б, 288в, а также инициалы старовизантийского стиля. Золото обильно использовано и в роскошных византийских миниатюрах этого кодекса (см., например: СК. С. 33–36, № 3). В Изборнике Святослава 1073 г. на л. 1 об. расположена миниатюра в красках и золоте с изображением семьи киевского в. кн. Святослава с женой и сыновьями. Над фигурами золотом сделаны пояснительные надписи: «Гълѣбъ», «Ольгъ», «Да[ви]дъ», «Рѡманъ», «Елрославъ», «кнАгыни», «С[в]я[т]ославъ». Миниатюра. На л. 2 об. внутри орнаментальной

¹² Назовем Стоггольмский Золотой кодекс ок. 750 г.; Евангелие Годескалька ок. 781–783 гт., Имперское евангелие ок. 794–800 гт., Псалтирь Дагульфа ок. 783–795 гт., Шантейское евангелие начала IX в. и др. раннесредневековые латинские пурпурные кодексы (см.: Weitzmann 1977. P. 116–124).

¹³ Для письма золотых заголовков Остромирова евангелия был привлечен особый писец (в специальной литературе он обычно обозначается как III), вероятно, считавшийся мастером хрисографии.

рамки старовизантийского стиля, написанной в красках и золоте, помещена Похвала Святославу, сделанная почерком писца и также золотом. Последние две с половиной строки Похвалы расположены на л. 2 над изображением Спаса. В красках и золоте сделаны архитектурные фронтисписы Изборника на л. 3, 3 об., 128, 128 об., а также заставки старовизантийского стиля на л. 4 и 129. Золотом написаны концовки на л. 122 об., 133 об., 266, золотом и красками – концовка на л. 263 об. Под заставками на л. 4а и 129а – два больших инициала старовизантийского типа, золотым контуром с раскраской красной, синей и зеленой красками. Остальные крупные инициалы Изборника (простого рисунка, контурные) сделаны золотом и в ряде случаев раскрашены синей краской. Малые инициалы написаны золотом или киноварью. В так называемых Куприяновских (Новгородских) листах XI в. инициалы старовизантийского стиля на л. 1, 2 об. сделаны в красках с золотом. Следы золота сохранились и в заголовках чтений. В Мстиславовом евангелии золотом написаны заголовки чтений. Золото использовано в декоре миниатюр, больших и малых заставок, а также инициалов этого кодекса (СК. С. 33–36, № 3; С. 36–40, № 4; С. 53, № 12; С. 90–92, № 51). Пурпурных фонов, как и вообще пурпурных чернил, сохранившиеся образцы книгописной древнерусской хрисографии не знают (см. ниже).

Текст Мстиславовой грамоты написан золотом по киноварной основе, уставом, в 21 строку по предварительно разлинованному пергамену с его более светлой и гладкой мясной стороны¹⁴. Киноварь со временем пожелтела (см. ниже)¹⁵. Позолота, нанесенная на киновар-

¹⁴ По отдельным вопросам палеографии Мстиславовой грамоты авторы настоящей статьи расходятся. С.М. Каштанов допускает, что измененный цвет пергаменного листа Мстиславовой грамоты (пожелтел) может свидетельствовать о том, что киноварью (или иным пигментом, имитировавшим красный цвет киновари) была покрыта вся его поверхность. Иными словами, грамота писалась по красному фону золотом. Л.В. Столярова не разделяет этого предположения и полагает, что текст Мстиславовой грамоты первоначально был написан киноварью, ныне изменившей цвет, по неокрашенному белому фону пергаменного листа. Затем по киновари текст был наведен золотом на клеевой основе, т.е. был как бы позолочен в соответствии с техникой письма твореным золотом; подробнее об этом см. ниже. Когда именно произошло это золочение, т.е. собственно технический аспект хрисографии Мстиславовой грамоты, – сразу после написания ее текста киноварью или спустя какое-то время, – не ясно. Учитывая, что золочение букв точно пришлось по киноварной основе, следует все-таки думать, что оно было произведено тем же писцом в момент составления сохранившегося экземпляра Мстиславовой грамоты, а никак не позднее.

¹⁵ Наличие киноварной прописи-основы в тексте Мстиславовой грамоты по нашей просьбе подтверждено старшим научным сотрудником ОПИ НГМ Г.К. Маркиной в ее письме от 12 марта 2013 г., хранящемся в личном архиве С.М. Каштанова.

ную основу (пропись всего текста), почти полностью утрачена. Как известно, сведений о технике письма книг и грамот в Древней Руси ранее конца XV в. нет. Наибольшее же количество источников такого рода сохранилось от XVII в., среди них имеются и руководства по письму листовым золотом. Скорее всего, технические приемы книжной хрисографии в древнейший период славяно-русской письменности мало отличались от описанных в руководствах XVII в. В соответствии с ними, листовое золото при помощи пальца растиралось с медом до получения единообразной массы («меду патоки с грецкую горошину, а золота листов с пять или шесть, а полагаги по единому листу и перстом терти, дондеже золото сравняется с медом»). После этого полученная смесь несколько раз промывалась водой и соединялась с «камедью» – клеем растительного происхождения, чаще вишневым или сливовым («...и вымыв, творити в камеди в вельми жидкой»), а затем наносилась на текст, предварительно написанный киноварью («и писати по киноварю») (подробнее см.: Черепнин 1956. С. 352). Тем же способом (т.е. с использованием техники письма твореным золотом, когда требовалось предварительное прописывание текста киноварью¹⁶), вероятно, писался текст Мстиславовой грамоты.

Цвет пергамена существенно изменен временем. С.М. Каштанов допускает, что прежде лист с текстом Мстиславовой грамоты мог быть даже тонирован красной краской, возможно, разведенной на воде киноварью (по типу тонированных пурпуром фонов «золотых» и «серебряных» манускриптов). Примеры измененного цветного фона «золотых» и «серебряных» кодексов, выгоревшего или выцветшего до охристо-желтого или почти коричневого, хорошо известны. К числу таких рукописей, без сомнения, следует отнести старолатинский унциальный «Веронский кодекс» IV или V в., а также серебряные унциальные греческие рукописи Нового завета – Синопский и Росанский кодексы VI в. и др. (см., например: Diringer 1967; Weitzmann

¹⁶ Рецепт приготовления твореного золота для письма предполагала составление густого раствора на основе рыбьего клея, желательно – осетрового («...разтвори клею осетроваго или какой ни есть»). Далее надлежало растереть листовое золото с клеем и небольшим количеством соли («...возьми злато... листа три или четыре... прибавь соли мало, и три»). Полученную массу, доведенную до консистенции густой краски («будет яко вохра белило»), промывали водой и соединяли с вишневым клеем, после чего золотые чернила становились пригодными к употреблению («...потом вымой водою чистою и, приложив камеди, пиши по чему хочещи»). Подробнее о технике письма твореным золотом см.: Черепнин 1956. С. 352; библиографию истории древнерусской хрисографии и технологии приготовления чернил и красок в Древней Руси см.: Там же. С. 144–145, примеч. 1–2; ср. также: Свод 1995. Кн. 1, 2.

1977; De Hamel 1986). Однако тонирование производилось в этих кодексах не красной краской или киноварью, а пурпуром (лат. *purpura*, греч. πορφύρα) – красителем различных оттенков от багряного и фиолетового до индиго, извлекавшимся из разных видов средиземноморских брюхоногих моллюсков-иглянок.

В древнерусской письменности пурпуровые чернила, как известно, не использовались. Примеров письма по предварительно тонированному киноварью или красной краской пергамену также нет. Однако известны западноевропейские средневековые рукописи, текст которых частично (цитаты или наиболее важные фрагменты) или даже полностью написан киноварью. Так, история латинской палеографии знает созданное на севере Франции Евангелие IX в., написанное киноварью (Киселёва 2003. С. 197)¹⁷. Письмо заголовков чтений (в том числе контура букв в заголовках) киноварью или красной краской разных оттенков, имитирующей своим цветом киноварь, практиковалось в XI–XII вв. в оформлении книг и на Руси (Архангельское евангелие 1092 г., Минея служебная на ноябрь 1097 г., Туровское евангелие XI в., Минея служебная на сентябрь рубежа XI–XII вв. и др. – СК. С. 44, № 6; С. 49, № 9; С. 50, № 10; С. 67, № 24; С. 73, № 31). В Пандектах Никона Черногорца и в Чудовской псалтири XI в. в некоторых заголовках отмечено употребление вместо киновари красителя малинового цвета (СК. С. 79, № 37).

Для традиции оформления актов в средневековой России письмо киноварью всего текста или каких-либо его фрагментов (кроме инициалов и заглавных букв) не характерно. В литературе упоминается грамота Ивана Грозного первому казанскому архиепископу Гурию от 5 апреля 1557 (7065)¹⁸ или 1559 (7067) г.¹⁹, написанная якобы киноварью, причем собственноручно Иваном Грозным²⁰. В списке В.Н. Татищева говорится: «...оное писано киноварью» (Татищев 1968. Т. 7. С. 387). В примечании к тексту грамоты в

¹⁷ Впрочем, не исключено, что в этом кодексе киноварь предназначалась в качестве основы под золотые чернила, которые так и не были применены.

¹⁸ Татищев 1968. Т. 7. С. 385–387, № 171; Продолжение 1789. Ч. 5. С. 241–244; Прибавление к Казанскому вестнику. 1829. № 26. С. 205–206; Рыбушкин 1834. Ч. 1. С. 41–43; История Татарии 1937. С. 152.

¹⁹ Гавриил 1840. С. 27–29, № 8; Баженов 1847. Ч. 2. С. 20–22, примеч. (год обозначен как «1067»); ср.: ХП-II. С. 154, № 785; Ермолаев 1980. С. 14–15, № 61.

²⁰ У В.Н. Татищева отмечено: «Письмо своеручное»; в Продолжении 1789: «Список с своеручного письма»; в «Прибавлении к Казанскому вестнику»: «Копия с своеручного письма».

издании 1829 г. сказано, что «в сем письме все курсивные слова написаны красными чернилами»²¹. Неясно, откуда взята эта информация и что такое «курсивные слова». В том же издании отмечена гибель подлинника, по которому можно было бы судить о палеографии утраченного текста: «...письмо сие в подлиннике хранилось как драгоценность в здешнем кафедральном Благовещенском соборе; но от время утрачено или от бывших неоднократно в Казани пожаров сгорело»²². В литературе не раз высказывались обоснованные сомнения в подлинности царского послания архиепископу Гурию²³. Трудно поверить, что грамота могла быть написана самим царем, да к тому же и киноварью. Это противоречит всей делопроизводственной практике середины XVI в. Язык и стиль источника, его терминология и фразеология свидетельствуют о том, что мы имеем дело с фальсификатом (Каштанов 2014. С. 285–286). Нет и случаев написания великокняжеских или царских документов киноварью в более раннее время, что могло бы свидетельствовать, например, об использовании на Руси киновари в качестве специальных царских чернил (как в Византии пурпура) (Черепнин 1956. С. 351).

И.И. Срезневский, имевший возможность подвергнуть пигменты, с помощью которых написана Мстиславова грамота, химическому анализу и исследованию под микроскопом, как будто никаких признаков тонирования пергамена не обнаружил. Срезневский ни словом не обмолвился и о первоначальной прописи текста Мстиславовой грамоты киноварью. Вероятно, описывая ее цвет, измененный в результате последующего ее соединения с золотом, камедью и особенно – под воздействием естественных факторов старения пергамена и нанесенных на него пигментов, он описал его как «коричневый». Этот «коричневый» слой под золотой (впрочем, со следами значительных утрат) краской, он принял за «растительный клей», прежде бывший «цвета вишневого». Фиксируя внешние признаки Мстиславовой грамоты, ученый писал: «...грамота писана золотым раствором, в котором золото (чистое, как оказалось при химическом анализе) соединено с растительным клеем, который теперь невооруженному

²¹ Прибавление к Казанскому вестнику. 1829. № 26. С. 206, примеч.

²² Там же. С. 205; см.: Каштанов 2014. С. 285.

²³ Иконников 1891. Т. 1, кн. 1. С. 111; Черепнин 1956. С. 351 (грамота отнесена к 1555 г. и указано, что «все письмо было исполнено киноварью»); Каштанов 1970а. С. 185–186; 2014. С. 284–286.

глазу кажется цвета коричневого, а под микроскопом лилового, и первоначально был, вероятно, цвета вишневого. Золото в этом клее представляется в виде очень мелких крупинок»²⁴. В настоящее время цвет киноварной основы под золотым текстом Мстиславовой грамоты еще более изменился, как бы выцвел, поблек и пожелтел. Как уже говорилось, сейчас он может быть определен как темноохристо-желтый, но не как коричневый, каким его находил И.И. Срезневский еще в 1860 г. (Щавинский 1935. С. 35).

Формат Мстиславовой грамоты – 155 мм (ширина по верхнему и нижнему краям) × 187 мм (высота по левому краю), 185 мм (высота по правому краю). Длина середины грамоты по горизонтали 157 мм. Колебания в размерах Мстиславовой грамоты, скорее всего, следует объяснить тем, что она обрезалась со всех четырех сторон, и первоначальный ее формат был бóльшим (основание превышало 157 мм, высота значительно превышала 187 мм).

Разлиновка

Мстиславова грамота является единственным домонгольским актом, написанным по предварительно разлинованному пергамену. Не писались по разлинованному пергамену и позднейшие акты. Исключение составляет лишь жалованная грамота в.кн. Олега Рязанского Ольгову монастырю ок. 1371–1372 гг., сохранившаяся в пергаменном подлиннике, также предварительно разлинованном, и к тому же украшенная миниатюрой (АСЭИ. Т. 3. С. 350–352, № 322). Разлиновка пергаменных листов в порядке приготовления их для письма в Древней Руси была исключительной прерогативой книжного, а не актового письма. Разлиновка Мстиславовой грамоты сделана острием какого-то твердого предмета (наподобие шила) и обозначает не только строки, отведенные под текст (21 горизонтальная линия), но и две ограничительные вертикальные линии (по одной слева и справа от текста), обозначающие начало и конец строк и таким образом – границы левого и правого поля грамоты. Ограничительные линии сделаны: одна – на расстоянии 12 мм от правого края, другая – на рас-

²⁴ Срезневский 1860. С. 6. Об изменении оттенка чернил со временем и зависимости их цвета от состава в них тех или иных красящих веществ, подробно писал еще В.А. Щавинский, специально занимавшийся технологией производства красок в Древней Руси (1935. С. 35).

стоянии 10 мм от левого края Мстиславовой грамоты. Прорези глубокие, ограничительные линии прочерчены во всю ширину и длину пергаменного листа. Обозначенные разлиновкой строки в ряде случаев пересекают левую и правую ограничительные линии, достигая прорезей (насечек). Однако не исключено, что первоначально насечки не соприкасались с горизонтальными линиями разлиновки. Вероятно, глубокие прорезы на левом и правом полях и прочерченные острым предметом строки (особенно это видно слева, в районе 6-й, 7-й, 10-й, 11-й, 13-й, 14-й строк снизу) еще более углубились в результате многократного сворачивания пергаменного листа в столбец, который неоднократно деформировался и сплющивался в процессе хранения. Сухой пергамен и глубокие прорезы на нём делали грамоту довольно ломкой, вследствие чего горизонтальные линии разлиновки несколько расползлись влево.

Верхнее и нижнее поля у Мстиславовой грамоты практически отсутствуют. Небольшое верхнее поле как бы соответствует ширине межстрочных интервалов в основном тексте грамоты и обозначено только верхним краем букв первой строки текста, зафиксированной первой из горизонтальных линий разлиновки. Минимальное нижнее поле вполосину меньше ширины межстрочных интервалов в основном тексте, обозначено только нижними частями букв 21-й строки и кривым обрезом нижнего края пергаменного листа. Обрез Мстиславовой грамоты снизу пришелся чуть ниже последней (21-й) горизонтальной ограничительной линии, зафиксированной разлиновкой.

Слева пергаменный лист обрезан довольно ровно, тогда как справа он не просто обрезан, а как будто грубо выделен или даже вырван из какого-то сборника (?), имевшего, вероятно, тетрадную структуру. Последнее обнаруживают два особенно глубоких и неровных обрыва правого края пергамена на $0,5 \times 2,8$ см в районе строк № 4 и 5 (первый) и на $0,5 \times 3,2$ см в районе строк № 12–15 (второй) – следы сшивки этого листа с другими пергаменными листами в рамках единой тетради. Дефектность левого и правого полей подчеркивается наличием глубоких наколов или дополнительных прорезей, которые служили предварительной разметкой для горизонтальной разлиновки строк грамоты. Слева и справа от каждой из строк текста насчитывается по 21-й прорези. Всего прорезей 42. По первой прорези слева нарисован четырехконечный крест (символическая invocatio?). Прорези кажутся едва уместившимися на

узких полях рукописи. Размер строк с текстом составляет 13,5–13,7 см. Размер промежутков между горизонтальными линиями – 0,8–0,9 см. Теперешний размер грамоты определен обрезкой листа со всех его четырех сторон, существенно изменившей и деформировавшей первоначальный вид пергаменного листа с текстом Мстиславовой грамоты.

Сплошные прорезы от левого до правого поля при разлиновке средневековых рукописей не делались. Правая и левая ограничительные линии обычно были в кодексах XI–XII вв. не одинарными, а двойными. Внешний край ограничительных линий служил границей начала правого и левого поля, размеры которых были весьма значительными (см. ниже). Кроме того, поля не подвергались разлиновке, оставаясь свободными от каких бы то ни было наколов, горизонтальных и вертикальных линий и прочих разметок по всей их площади. Это прямо свидетельствует о том, что первоначально Мстиславова грамота имела большие и чистые левое и правое поля. Ныне малые по своим размерам левое и правое поля, почти совпадающие по ширине друг другом (ширина правого поля в наименее деформированных местах почти совпадает с шириной левого поля; разница между ними колеблется в пределах 1–2 мм), вероятно, были усечены по предварительно обозначенной границе. Не исключено, что этой границей послужила первая (внешняя) ограничительная линия, заданная при разлиновке листа. Такая линия типична при разлиновке пергамена под текст рукописной книги, а самый факт наличия разлиновки Мстиславовой грамоты наводит на мысль о присутствии в ее оформлении принципов не канцелярского, а именно книжного письма.

Нами были исследованы особенности разлиновки десяти произвольно отобранных древнерусских пергаменных рукописей XI–XIII вв.²⁵, написанных в домонгольский период²⁶. Как уже

²⁵ РНБ. Соф. № 202 (Путьятина минея); РГАДА. Ф. 381. № 138 (Триодь цветная); РНБ. Соф. № 1 (Пантелеймоново евангелие); РНБ. Соф. № 384 (Стихирарь минейный, нотир.); РНБ. Соф. № 188 (Минея служ, сент. – окт.), РНБ. Соф. № 206 (Минея служ., июнь); ГИМ. Син. № 161 (Минея служ. ноябрь, нотир.); РГАДА. Ф. 381. № 152 (Стихирарь минейный, сент. – февр., нотир; три варианта разлиновки соответствуют почеркам трех писцов); РНБ. Погод. № 12 (Полоцкое евангелие); РНБ. Соф. № 85 (Стихирарь постн. и цв., нотир.).

²⁶ По нашим наблюдениям, рукописи XIII в., написанные в период после монгольского завоевания и вплоть до второй половины XIV в., нередко несут в своем письме и оформлении выраженные черты опрощения. Касается это и

говорилось, в теперешнем виде лист с Мстиславовой грамотой имеет формат $18,5-18,7 \times 15,7$ см. Кадр с текстом²⁷ (т.е. внутреннее пространство писчего поля, ограниченное с четырех сторон самой верхней и самой нижней горизонтальными, а также ближайшими к тексту [внутренними] левой и правой вертикальной линиями разлиновки) составляет $17,5 \times 13,7$ см. Площадь листа грамоты $293,59$ см², а площадь текста – $239,75$ см². Таким образом, текст занимает ок. 81,7% площади пергаменного листа²⁸ – типичный признак того, что исходный размер листа, на котором написана грамота, был иным, а первоначально большие поля оказались усеченными. Понимая всю приблизительность подобных расчетов²⁹, попытаемся определить вероятную минимальную площадь листа Мстиславовой грамоты до обрезания ее полей. Учитывая, что отношение площади текста к площади листа в рукописях XI–XIII вв. в среднем составляет 2,16, получаем, что вероятная минимальная площадь листа Мстиславовой грамоты была $239,5 \times 2,16 = 517,32$ см². Этот показатель ближе всего к площади листа Минеи служебной на июнь XII в. (РНБ. Соф. № 206) – $513,76$ см²; Минеи служебной на сентябрь – октябрь (РНБ. Соф. № 188) – $526,75$ см² и Стихиаря минейного 1156–1163 гг. (РНБ. Соф. № 384) – $490,25$ см². Высота этих кодексов колеблется от 24,7 до 26,5 см, а основание – от 18,5 до 21,5 см. Иными словами, в первоизданном виде (до усечения полей при смене переплета) формат этих рукописей был $> 24,7-26,5 \times 18,5-21,5$ см. Первоначальный формат листа с Мстиславовой грамотой (до усечения полей) был, таким образом, не меньше $24,7 \times 18,5$ см³⁰ (см. ниже).

разлиновки. При этом примитивные и, вероятно, без использования специальных приспособлений типа карамсы, способы линования характерны не только для сохранившихся кодексов Северо-Восточной и Южной Руси, но и рукописей новгородско-псковского происхождения, таких как Захаринский паремейник 1271 г.: (РНБ. Q.п.I.13), Октоих изборн. 1372–1373 гг. (РГАДА. Ф. 381. № 67), Параклитик 1369 г. (ГИМ. Син. № 837) и др.

²⁷ Пользуемся терминологией С.М. Каштанова (подробнее см.: Столярова, Каштанов 2010. С. 85–86).

²⁸ Вычисления производились по максимальным величинам.

²⁹ Ни одна из древнерусских рукописных книг XI–XIII вв., в том числе подвергшиеся нашему исследованию, не сохранилась в своем «родном» переплете. Это значит, что каждый раз при обновлении переплета производилось усечение их полей. Сколько раз менялся переплет, сколько раз и насколько значительно обрезались поля этих рукописей, установить невозможно. Очевидно только то, что первоначальный формат этих кодексов был заведомо большим, чем теперешний.

³⁰ Рассчитывается по минимальным величинам.

Таблица 1

Отношение площади текста («кадра») к площади листа в рукописных книгах XI–XIII вв.

№ п/п	Наименование кодекса	Дата	Место хранения и шифр	№ по СК XI-XIII	Формат, см	Площадь листа, см ²
1	Миняя служ., май (Путьятина минея)	XI в. (ок. 1100 г.(?))	РНБ. Соф. № 202	21	25,5 × 21,5	548,25
2	Триодь цв.	Кон. XI – нач. XII в.(?) (XI/XII и XIII в. (л. 1-3))	РГАДА. Ф. 381. № 138	49	25 × 19	475
3	Евангелие апракос полн. (Пантелеймоново ев-е)	[1134-1155 г.(?)], (XII или к. XII- н. XIII в.(?))	РНБ. Соф. № 1	146	34 × 27	918
4	Стихирарь мнейн., нотир.	1156-1163	РНБ.Соф. № 384	54	26,5 × 18,5	490,25
5	Миняя служ., сент. – окт.	н. XII в.	РНБ. Соф. № 188	63	24,5 × 21,5	526,75
6	Миняя служ., июнь	XII в.	РНБ. Соф. № 206	92	24,7 × 20,8	513,76
7	Миняя служ., ноябрь, нотир.	XII в.	ГИМ. Син. № 161	81	27,5 × 21,9	602,25
8	Стихирарь минейн., сент. – ф-ль, нотир.	XII в.	РГАДА. Ф. 381. № 152	104	I писец: 18 × 15	270
					II писец: 18 × 15	270
					III писец: 18 × 15	270
9	Полоцкое евангелие	н. XIII в. (или к. XII в.?)	РНБ. Погод. № 12	195	32 × 24	768
10	Стихирарь постн. и цв., нотир.	XIII в.	РНБ. Соф. № 85	316	24 × 19	456

Примечания

- ¹ Соответствует сумме длин сторон двух столбцов с текстом.
- ² С учетом ширины правой ограничительной линии.
- ³ Соответствует сумме длин правого поля и промежутка между двумя ограничительными линиями справа.

Верхнее поле, см	Нижнее поле, см	Левое поле, см	Правое поле, см	Кадр, см	Площадь текста, см ²	Отнош-е площади текста к площади листа
3,3	4,9	2	5,5	17,2×14,6	251,12	2,18
2,5	4,2	1,7	3,5	18×13,5	243	1,9
3,3	5,0	2,4	6,3	25×8,2+25×7,8 ⁴	400	2,295
2	4,7	1,6	2,6+0,6 ² -3,3	19,4×13	252,2	1,9
1,9	3,7	2,2	5,3 ³ (4,5+0,8)	18,7×15,6	291,72	1,8
1,8	4,5	3,4 ⁴ (2,5+0,9)	3,4 ⁵ (2,5+0,9)	18,4×14,1+0,9+0,8	261,14	1,96
2,7	5	2	5,3	19,7×14	275,8	2,18
2,2	3,4	2,2	1,2	12,5×10,3	128,75	2,09
2	4,5	1,6	4,1	10,7×9,2	98,44	2,74
2,4	3,4	3,6	2	12,3×9	110,7	2,4
2,4	4,2	2	5	24,7-2,3×7,2+7,5 ⁶	360,79	2,1
2,9	4,2	3	4,6	16,6×11,3	187,58	2,43

⁴ Соответствует сумме длин левого поля и промежутка между двумя ограничительными линиями слева.

⁵ Соответствует сумме длин правого поля и промежутка между двумя ограничительными линиями справа.

⁶ Складывается из суммы длин обоих столбцов и суммы высот обоих столбцов, за вычетом расстояния между столбцами.

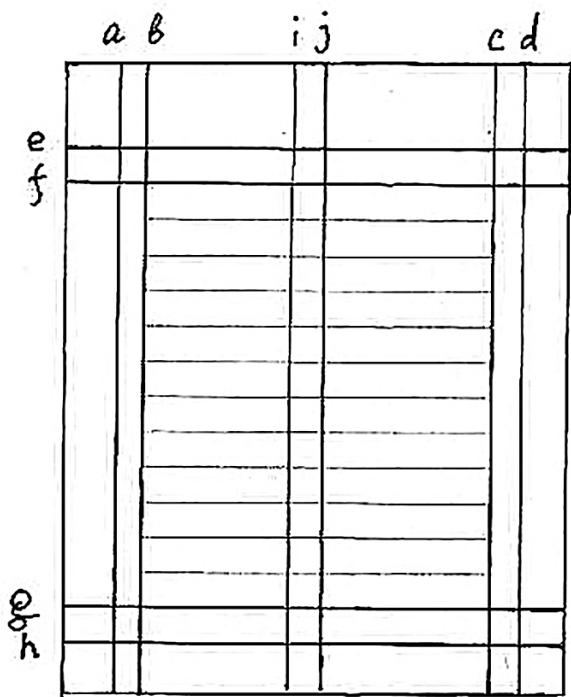

Рис. 3. Схематическое изображение ограничительных линий разлиновки пергаменного листа древнерусских рукописей XI–XIII вв. сверху, снизу, слева и справа³¹

Признаки оформления Мстиславовой грамоты (написана золотом, но не имеет ни одного дополнительного элемента декора – заставок, инициалов и мелких заглавных букв) позволяют предположить, что первоначальный формат листа с текстом Мстиславовой грамоты был еще большим, хотя и незначительно (см. ниже). Характер повреждений пергамента справа свидетельствует о грубом изъятии листа с грамотой из рукописи, а также о том, что первоначально она находилась в кодексе не с лицевой, а с оборотной стороны листа. Не исключено, что остававшаяся чистой лицевая сторона листа

³¹ Авторы вполне отдают себе отчет в том, что представленный в настоящей статье материал не исчерпывает тему, поскольку кодикология древнерусских пергаменных рукописей настоятельно нуждается в полном и систематическом изучении особенностей их разлиновки. Типология разлиновки древнерусских кодексов остается важной и пока не осуществленной задачей.

графически отделяла основной текст кодекса от его «конвоя» – актов и, может быть, записей, касавшихся Юрьева монастыря. Очень вероятно, что под Мстиславовой грамотой располагался еще какой-то ныне утраченный текст или какая-то его часть (вероятно, не очень значительная – не более 4–5 строк), продолженная на следующем листе кодекса. Иначе трудно объяснить, почему печать была помещена не на обширном нижнем поле (всегда самом большом после правого), а едва уместилась в районе последней строки грамоты, деформируя ее текст. Перед текстом грамоты на том же листе также мог помещаться какой-то несохранившийся текст (возможно, заголовок) или какой-то элемент декора (заставка?). Возможно, тексту Мстиславовой грамоты предшествовала какая-то запись, открывавшаяся небольшой заглавной буквой (малым инициалом) или каким-то иным графическим элементом. На это косвенно указывает несколько странное расположение четырехконечного креста перед текстом Мстиславовой грамоты, словно приписанного дополнительно слева, хотя и без признаков участия в письме другого почерка и других чернил³² (т.е. скорее всего синхронного основному тексту). Иными словами, крест как бы выведен за левую границу текста, графически существует несколько вне его, что весьма странно для символической инвокации как структурной части формуляра грамоты.

Символическую инвокацию в виде креста вероятнее всего было бы видеть в районе первой буквы первой строки, а не вне ее. Поэтому мы склонны предположить, что тексты, прежде окружавшие Мстиславову грамоту, открывались аналогичным знаком, написанным слева от них, между первой и второй ограничительными линиями слева. Каждый такой знак был не только частью внутренней формы актов и/или записей (инвокация), но и частью внешней формы листа с расположенными на нем текстами. Обрезание левого поля в дальнейшем производилось по первой (внешней) левой ограничительной линии. Именно слева от текста, в границах ограничительных линий помещались мелкие инициалы рукописных книг³³. Знаки креста, вынесенные

³² Точные заключения здесь невозможны вследствие ничтожно малого для исследования графического материала.

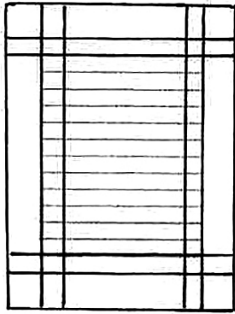
³³ Крупные и средние орнаментированные инициалы обычно располагались между левой ограничительной линией и первыми одной или двумя-тремя (реже – четырьмя-пятью) строчными буквами текста. Иными словами, для инициалов в тексте оставлялось место, что подчеркивало их с текстом графическое единство.

за левую границу текста, имеются при обозначении песен Миней и Минейных стихирарей XII–XIII вв.³⁴ Крест (символическая инвокация) древнерусских актов, сохранившихся в составе рукописных книг, также помещался несколько левее основного текста, в границах, обозначенных ограничительными линиями слева (см., например: Тихомиров, Щепкина 1952. С. 26, 30).

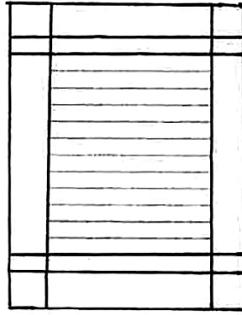
На наш взгляд, косвенным признаком того, что первоначально текст Мстиславовой грамоты находился в окружении каких-то небольших актов или записей, равно как и того, что обрезание листа производилось по внешней границе ограничительных линий слева, справа, снизу и сверху, свидетельствуют нынешние размеры левого и правого полей грамоты.

Из 10 исследованных древнерусских рукописей XI–XIII вв. четыре (таблица 1, № 5–7, 8а, 8б) представляют тип разлиновки (назовем его типом I), в котором верхнее, нижнее, левое и правое поля отграничены от «кадра» с текстом двойными разграничительными линиями (обозначим их литерами ab, cd, ef, gh) в соответствии с наколами. Линии сплошные, пересекающие сверху и снизу левое и правое поле (ef, gh), а слева и справа – верхнее и нижнее поля. Три рукописи (таблица 1, № 1, 4, 10) представляют тип разлиновки II, в котором верхнее и нижнее поля обозначены сверху и снизу двойными сплошными разграничительными линиями, проведенными по предварительно сделанным наколам (ef, gh). Левое и правое поля отделены от «кадра» одинарными сплошными вертикальными линиями (a, d). Листы двух кодексов (таблица 1, № 3, 9) разлинованы под два столбца (ai, jd) с текстом (тип разлиновки III). Тип разлиновки IV, в котором «кадр» отделен от полей сверху и снизу одинарными (eh) сплошными горизонтальными линиями, а слева и справа одинарными (ad) сплошными вертикальными линиями, представлен одной рукописью (таблица 1, № 2). Тип разлиновки V (таблица 1, № 8в) отграничивает левое и правое, верхнее и нижнее поля сплошными двойными линиями, но слева вверху и внизу линии ef, gh не пересекают двойную ограничительную вертикальную линию ab (рис. 4). Наиболее вероятно, что разлиновка рукописи с текстом Мстиславовой грамоты соответствовала типу I. Обрезание полей листа с грамотой осуществлялось по внешней границе верхней, нижней, левой и правой двойной ограничительных линий (рис. 5).

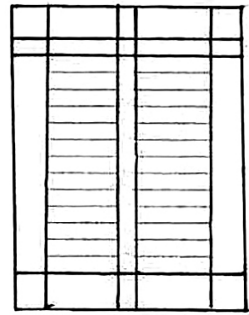
³⁴ См., например: Стихирарь минейный, нотир. 1156–1163 гг. (РНБ. Соф. № 384. Л. 112 об., знак #), Минейя праздничная на февр. – август, 1260 и 1352 гг. (ГИМ. Син. № 895. Л. 57, знак ✕) и др.

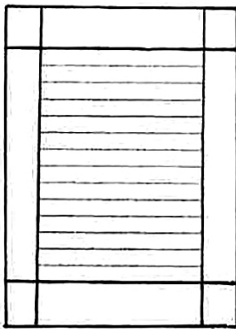
Тип I

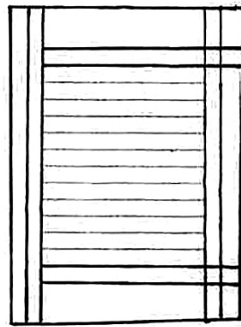
Тип II

Тип III

Тип IV

Тип V

Рис. 4. Типы (I–V) разлиновки
древнерусских пергаменных кодексов XI–XII вв.

Мы полагаем, что некоторые данные о первоначальном формате листа с Мстиславовой грамотой можно получить, анализируя интервалы между ограничительными линиями сверху и снизу, а также слева и справа, размеры которых заданы разлиновкой сохранившихся пергаменных кодексов XI–XIII вв. Для этого необходимо сопоставить их между собой и с особенностями разлиновки листа с Мстиславовой грамотой (таблица 2).

Таблица 2

**Расстояния между ограничительными линиями ab, cd, ef, gh, ij
в древнерусских рукописных кодексах XI–XIII вв. (№ 1–10)
и на листе с Мстиславовой грамотой**

	ab	cd	ef	gh	ij
№ 1	–	–	1,1	1,1	–
№ 2	–	–	–	–	–
№ 3	–	–	1,5	1,5	2,3
№ 4	–	0,6	1	1	–
№ 5	0,8	0,8	0,6	0,6	–
№ 6	0,9	0,8	0,8	0,8	–
№ 7	1	1	1,3	1,3	–
№ 8а	–	0,9	1,2	1,2	–
№ 8б	–	0,5	1,2	1,2	–
№ 8в	0,6	0,5	1,2	1,2	–
№ 9	–	–	1,4	1,4	1,1
№ 10	–	–	1,1	1,1	–
Мстиславова грамота	[1]	[1,2]	[0,8–0,9]	[0,8–0,9]	–

Наиболее близкие разлиновке Мстиславовой грамоты показатели демонстрируют промеры интервалов между ограничительными линиями Миней служебных на июнь (РНБ. Соф. № 206, см. таблицу 2, № 6) и ноябрь XII в. (ГИМ. Син. № 161, см. таблицу 2, № 7). Формат этих рукописей в их теперешнем виде – 24,7×20,8 см (№ 6) и 27,5×21,9 см (№ 7). Вероятно, схожим был и первоначальный формат листа с Мстиславовой грамотой, т.е. кодекс, частью которого он некогда был, имел высоту ок. 24,7–27,5 см и основание ок. 20,8–21,9 см. В целом это соответствует данным, выведенным нами из отношения площади текста Мстиславовой грамоты

к площади листа, на котором она написана – не меньше 24×19 см (см. выше).

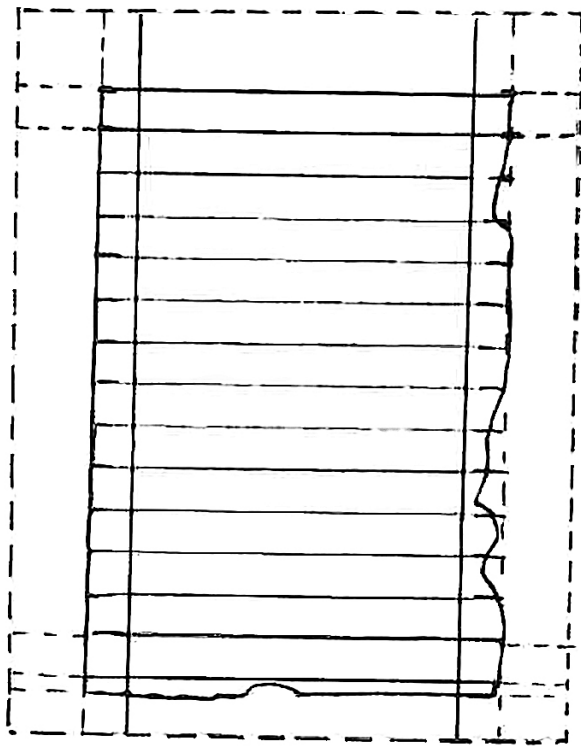

Рис. 5. Реконструкция первоначального (до обрезки) вида левого и правого поля Мстиславовой грамоты

Почерк писца Мстиславовой грамоты

Мстиславова грамота написана уставом XII в. Для написания ее текста писцу потребовались 32 буквы славянского кириллического алфавита: а, б, в, г, д, е, ю, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, х, ѿ, ц, ч, ш, ъ, ы, њ, ѣ, ю, ѿ, ѡ. Гласные е, о, ѡ в основном употребляются после согласных; ю, ѿ, ѿ – после гласных и в начале слова. Исключения: донелѣ, осеньнѣю (ю вместо е после согласной; в слове осеньнѣю о вместо ѿ в начале слова); Георгиеви (после и вместо

буквы *ю* написано *е*). Почерк писца грамоты очень стабильный, вариативность в написании одной и той же буквы незначительна. Модуль широких букв – 0,62, узких – 1. Угол наклона – 90–92°. Преимущественно над гласными в начале слога писец употребил надстрочные знаки разных видов: “ ’ е е ”. Над аббревиатурами помещено титло: . В качестве строчного знака употребляется точка. Однократно в конце текста употреблен сложносоставный знак: .

Среднее число знаков в 1–20-й строках текста Мстиславовой грамоты (включая строчной знак в виде точки) – 34. В 21-й строке строке насчитывается 21 буква, а также имеется сложносоставный строчной знак, образованный точкой, точкой с запятой, вертикальной волнистой линией с двойным изгибом и дугой спинкой вниз с точкой посередине. После этого знака – пробел на 7–8 букв.

Таблица 3

Количество графических знаков в строках текста Мстиславовой грамоты

№ строки	Кол-во графич. знаков	№ строки	Кол-во графич. знаков	№ строки	Кол-во графич. знаков
1	36	8	35	15	36
2	34	9	36	16	38
3	33	10	32	17	32
4	35	11	35	18	30
5	35	12	32	19	32
6	36	13	35	20	32
7	34	14	33	21	21+1 сложносоставн. строчн. знак

И.И. Срезневский описал следы сложения листа с текстом Мстиславовой грамоты и показал, что какое-то время грамота хранилась в виде свитка. Ученый указал, что Мстиславова грамота была «согнута по ширине листа в шесть полос так, что всё писанное оставалось внутри свертка» (Срезневский 1860. С. 7). Следы сворачивания листа по горизонтали просматриваются и сейчас под 3-й, 7-й, 11-й, 15-й и 20-й строками, что отмечал и Срезневский (Там же).

Рис. 6. Мстиславова грамота
(фото со следами сложения пергаменного листа в столбец)

Кроме того, что грамота была свернута столбцом по горизонтали, она была согнута «поперек справа налево, на две части почти пополам, и потом левый конец был подвернут на 1/3 долю, а правый пополам» (Там же). И.И. Срезневский предположил, что свернутая таким образом Мстиславова грамота могла быть вложена в футляр «менее квадратного вершка, вышиною не более 1/3 вершка» (Там же)³⁵.

Утраты и повреждения

Пергамен загрязнен, потемнел и коробится по всей площади листа. На лицевой и оборотной сторонах грамоты – пятна воска и мастики. Строка № 20 («...до да соудить кемоу Б(ог)ъ въ д(е)нь пришьстви|...») затерта и читается с трудом. В районе 15–23-й букв строки № 20 текст не только затерт, но и сильно загрязнен. Особенно серьезные повреждения приходятся на 15–17 буквы.

³⁵ 1 вершок = 4,445 см.

Строка № 21 грамоты («...|а своего и ть ст[ьи Геор]гии») испорчена тремя сквозными отверстиями (большим и малыми) в районе 15–18 букв, являющимися следами прикрепления печати при помощи шнура. Здесь же фиксируется горизонтальный разрыв (ок. 10 мм) и складки пергамента, образовавшиеся от незначительной стяжки пергамента шнуром с печатью.

Печать Мстиславовой грамоты

По крайней мере с начала XIX в., когда Мстиславова грамота была обнаружена митрополитом Евгением (Болховитиновым), вместе с нею хранится позолоченный аргировул, состоящий из двух пластинок, между которыми при скреплении плотно зажимался шнур. Такая техника прикрепления печати отлична от техники прикрепления обычных в Древней Руси свинцовых печатей (моллидовулов). Последние оттискивались на специальных болванках со сквозным каналом. При стискивании буллотирием, они зажимались на шнуре сдавливанием. Внутренние стороны погнутых и загрязненных пластинок аргировула Мстиславовой грамоты сохранились со следами мастики. Диаметр печати 3 см (30 мм), серебро 960, общая масса 3,7 г. На аверсе печати изображен Вседержитель, на реверсе – святой в единоборстве со змеем. Шнур, посредством которого была прикреплена печать, утрачен. В.Л. Янин атрибутировал печать кн. Федору-Ярославу Всеволодовичу, доказав, что она не могла принадлежать ни Мстиславу Владимировичу, ни Всеволоду Мстиславичу, буллы которых хорошо известны и несут на себе другие изображения.

Янин предположил, что к Мстиславовой грамоте «...печать была подложена в какой-то поздний момент в силу ее импозантности (аргировул, а не свинцовая булла) взамен оригинальной утраченной, тем более что Ярослав Всеволодович носил крестильное имя Феодор, как и Мстислав Владимирович (святой Феодор изображен на аргировуле)» (Янин 1956. С. 56). Янин допускал также, что печать Ярослава Всеволодовича могла быть присоединена к грамоте Мстислава Владимировича во времена Ивана Грозного, когда возникла угроза секуляризации церковно-монастырских земель (Янин 1970. Т. 2. С. 16–21). Впоследствии Янин пересмотрел это объяснение. Он выдвинул гипотезу, что так могли оформляться архивные копии, выданные владельцам взамен утраченных

оригиналов, и что в первой половине XIII в., в княжение Ярослава Всеволодовича, Мстиславова грамота была скопирована с позднее утраченного оригинала (Янин 2000. С. 159–162; 2004. С. 204). А.А. Гиппиус (2008) подверг Мстиславову грамоту развернутому лексико-орфографическому и палеографическому анализу. Развивая идею Янина о копийном характере грамоты, Гиппиус тем не менее принимает ее традиционную датировку первой половиной XII в. Гиппиус показывает, что структура текста, его орфография и диакритика позволяют говорить о том, что она была переписана с какого-то утраченного оригинала или черновика (Гиппиус 2008. С. 110–123).

Дипломатический формуляр Мстиславовой грамоты

Мстиславова грамота является первым иммунитетным актом на Руси. В этой грамоте киевский в. кн. Мстислав приказывает своему сыну новгородскому князю Всеволоду отдать Юрьеву монастырю «Буице» с данью и другими пошлинами. В самом документе ни Мстислав, ни Всеволод не называются князьями. Интитуляция грамоты Мстислава, являвшегося в момент выдачи документа киевским князем, имеет следующий вид: «Се азъ Мъстиславъ Володимиръ с(ы)нъ, държа Роу|сьскоу землю въ свое кнаженіе». Во второй части грамоты находится еще одна интитуляция: «А се ѿ, Всеволодъ». Наличие двух интитуляций объясняется тем, что пожалование земли и блюда шло от имени Мстислава, князя киевского, а пожалование блюда – от имени его сына Всеволода, князя новгородского. В Мстиславовой грамоте жалователь связывает свое имя с обозначением объекта пожалования при помощи оборота: «повелел есмь... отдати». Этот оборот обусловлен тем, что в протоколе грамоты инскрипция образуется из имени новгородского кн. Всеволода: именно ему («сыну своему Всеволоду») «повелел» отдать Юрьеву монастырю «Буице» и пошлины. В таком построении протокола обнаруживается близость Мстиславовой грамоты к западноевропейским раннесредневековым актам, составленным в форме посланий монарха местным властям (Каштанов 1996. С. 70). Административно-территориальный статус владения, названного только собственным именем – «Буице», в тексте Мстиславовой грамоты не определяется.

От имперской по своему характеру грамоты Мстислава отличаются грамоты Всеволода и Изяслава: здесь инскрипция – это название монастыря («святому Георгию», «святому Пантелеймону»). Имя настоятеля в грамотах Всеволода не фигурирует. В грамоте Мстислава есть обращение к игумену и братии (его можно рассматривать как вторую инскрипцию, стоящую вне протокола) с требованием молить Бога за самого жалователя и его детей. В грамоте Изяслава после вотчинной части говорится: «И устроил есми святому Пантелеймону монастырь и посадил есми в нем игумена Аркадия» (Корецкий 1955. С. 204; Семенов 1959. С. 247).

Неразработанность инскрипции в какой-то мере сближает жалованные грамоты с местными княжескими уставами XII в. Отсутствие персонификации в инскрипции говорит о неравноправии контрагентов: игумен – еще не такая политическая фигура, чтобы его имя ставилось рядом с именем князя. Договор, фактически возникающий на почве превращения монастыря в земельного собственника, маскируется видимостью полноты княжеской распорядительной власти, унаследованной от эпохи раннефеодального государства. Интересно, что в непротокольной части имя игумена упоминается в трех грамотах, которые предоставляли не только землю, но и иммунитет, делавший настоятеля органом политической власти.

Во всех четырех грамотах XII в. присутствует санкция. Угрожающая форма санкции (*clause comminatoire*) сводится всюду к перспективе небесной кары (суд перед Богом и св. Георгием или св. Пантелеймоном). В грамоте Мстислава две санкции такого типа, в начальной части текста и в конце: первая – от лица Мстислава, вторая – от объединенного лица Мстислава и Всеволода. В первой санкции упоминается, помимо Бога, Богородица, что, возможно, связано с киевским богородничным культом (княжеская Десятинная церковь в Киеве носила имя Богородицы). Обращает на себя внимание, что в одной грамоте Всеволода есть санкция типа *clause réservative*, утверждающая неподвижность пожалования: «...дал... во веки» (ГВНП. № 80). В грамоте Изяслава, кроме угрожающей санкции, имеется запрещение «вступатися» в пожалованные земли, что близко, но не равно *clause injunctive clause prohibitive* (ГВНП. № 82; Каштанов 1996. С. 70–71). В протоколе Мстиславовой грамоты отсутствует словесная инвокация, однако перед текстом помещена символическая инвокация – четырехконечный крест.

«Буице» Мстиславовой грамоты

Как известно, в литературе существуют расхождения по вопросу о том, к какому типу поселений принадлежало Буице в XII в. В Н1 младшего извода под 1232 г. говорится: «в Буици, селе святого Георгия» (ПСРЛ. Т. 3. С. 280; Янин 1991. С. 135, № 81). Из писцовой книги Деревской пятины 1495–1505 гг. Буице (Буец) предстает как обширная волость, в составе которой насчитывалось 96 деревень вместе «с погостом» и 10 пустых деревень (Новгородские писцовые книги 1862. Т. 2. Стб. 824). В ГВНП Буице названо «селом»³⁶ («вероятно, с опорой на сообщение Новгородской I летописи младшего извода», как предполагает В.Л. Янин [1991. С. 135, № 62]). Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» (1971. С. 68, примеч. 96) полагали, что «правильнее говорить о пожаловании не села, а волости Буйцы». В.Л. Янин также считает, что в ГВНП Буице названо селом «неправомерно... В действительности Буец – обширная волость...» (Янин 1991. С. 135, № 62; см. также: Носов 1994. С. 41–62). «Летописное село “в Буице” – несомненный центр волости, собственно погост», – пишет В.Л. Янин (1991. С. 135, № 62).

Можно согласиться с тем, что упоминаемый в писцовой книге «погост» был более или менее тождествен «селу» Буице, которое фигурирует в летописи. Однако в летописи говорится не «село “в Буице”», как интерпретирует текст В.Л. Янин, а «в Буици, селе святого Георгия», т.е. летопись отождествляет Буице с селом, а не с какой-либо другой более крупной территориальной единицей. Нельзя исключать и того, что монастырская волость Буице возникла в результате постепенного распространения прав монастыря на земли, окружавшие «село» или «погост» Буице.

В «Аграрной истории» приводятся три аргумента в пользу отождествления Буице с «волостью», а не «селом»: 1) в грамоте Мстислава Буице не называется селом; 2) по писцовой книге конца XV в. Юрьеву монастырю принадлежала целая волость Буице; 3) размер пожалованного монастырю полдюда составлял значительную сумму – 25 гривен, «а с одного села такое значительное полдюде вряд ли могло поступать» (Аграрная история 1971. С. 68, примеч. 96). Возможны следующие возражения против этих доводов: 1) в грамоте Мстислава Буице не называется селом, но

³⁶ ГВНП. С. 140, № 81; см. также: Черепнин 1951. С. 114; Каштанов 1988б. С. 6.

оно не называется и волостью; 2) Буице не фигурирует среди новгородских «волостей», перечисляемых в договорных грамотах Новгорода с князьями; 3) между выдачей грамоты и составлением писцовой книги прошло не менее 363 лет, за которые Буице из села могло превратиться в волость; 4) в хронологически более близком к грамоте Мстислава известии Н1, относящемся к 1232 г., когда прошло только 102 года с момента выдачи грамоты, Буице названо селом; 5) вопрос о том, на какую именно территорию распространялось полюдь, неясен (Каштанов 1999. С. 22–23).

«Вено во...кое» Мстиславовой грамоты

Статья о полюдь занимает в грамоте особое место и не связана прямо со статьей о пожаловании Буица. Мстислав приказывает «отдати Буице святому Георгиеви съ данию, и съ вирами, и с продажами». К этому перечню пошлин между строками 4-й и 5-й (над буквами 9–18 строки № 5) другим почерком сусальным золотом сделана вставка «и вено во...кое», приписанная к перечню пошлин, взимаемых с Буица. В настоящее время золото надписи почти полностью осыпалось, и она практически утрачена. Вероятно, дополнение «вено во...кое» было сделано уже в монастыре после получения грамоты и не может свидетельствовать о концепции составителя грамоты. Полустертое слово «во...кое» читается разными исследователями по-разному: либо как «вотское» (И.А. Ермолаев), либо как «волочкое» или «волоцкое» (И.И. Срезневский). По свидетельству В.Л. Янина, «фотосъемка документа в разных режимах не дает оснований ни предпочесть одно из этих чтений, ни предложить иное чтение» (Янин 1991. С. 135–136, № 62). Список пошлин, сбор которых переходит в руки монастыря, подкреплен в грамоте угрозой против нарушителей монастырских прав. Затем следует обращение Мстислава к игумену (Исайе) с требованием молиться за князя и его детей. И лишь после этого фиксируется право монастыря на сбор осеннего полюдя: «А язъ даль роукою своею. И осенньне полюдиє даровньне полътретиа десате гривнь с(вя)т(о)му же Георгиеви».

В литературе не придавалось значения наблюдавшейся в грамоте Мстислава отделенности дани и судебных пошлин от полюдя. Так, Л.В. Черепнин вообще не упоминает полюдь,

говоря только о получении монастырем права на сбор дани, вир, продаж и «вена вотского». Эти «судебные и податные привилегии» рассматриваются автором как иммунитет, основанный на праве земельной собственности: «Феодальная собственность на землю непосредственно влечет за собой судебные и податные привилегии...»; «собственность на землю подразумевает подсудность и подведомственность в податном отношении феодалу населения этой территории» (Черепнин 1951. С. 114, ср. с. 113).

Несколько иначе подходят к толкованию грамоты Мстислава авторы «Аграрной истории». Они ставят полюдье в один ряд с данью: «Мстислав передает Юрьеву монастырю не только часть своих доходов от дани, полюдья, вир и продаж, но и право их сбора на территории волости Буйцы. А таковой переход права сбора повинностей и суда (виры и продажи являлись судебными пошлинами) давал возможность для превращения черных земель в феодальную собственность...»; «...грамота на Буйцы представляет нечто среднее между пожалованием дани и пожалованием земли, причем мы можем заметить, как монастырь превращает первое во второе...». Авторы находят в грамоте «черты, которые связывали пожалование Буец с кормлением» (Аграрная история 1971. С. 68).

Мысль о пожаловании Юрьеву монастырю кормления кажется нам плодотворной, однако едва ли можно видеть кормление во всем комплексе прав, закрепленных за монастырем. На наш взгляд, близким к кормлению было право на сбор полюдья, причем это полюдье собиралось, по-видимому, с территории более обширной, чем погост или село Буице. Право на полюдье, полученное монастырем, точнее может быть квалифицировано как бан. *Bannus* или *bannum* – термин, довольно широко применявшийся в средневековой латыни в разных значениях (Niermeyer 1976. P. 81–84; Blaise 1975. P. 94–95). Он принят и в историографии, особенно немецкой (*der Bann*) (Sanders 1860. Bd. 1. S. 80–81; Stengel 1910. S. 556), где под ним подразумевается предоставляемое тому или иному юридическому или физическому лицу право на сбор определенного вида пошлины или пошлин с территории, не являющейся собственностью этого лица, но часто (хотя и не всегда) соседствующей с ней. Сходство бана с кормлением состоит в том, что пользователь бана, как и кормленщик, – не собственник эксплуатируемой территории. Однако бан отличается от кормления тем, что его пользователь – не слуга князя: он действует не

как звено государственного аппарата управления, а как некое формальное независимое от князя учреждение, например, церковь или монастырь.

Пожалование Юрьеву монастырю осеннего полюдя одновременно с пожалованием села Буице может пониматься в том смысле, что Буице должно было служить монастырю опорным пунктом для сбора полюдя не только и не столько с обитателей села, сколько со всего окрестного населения, которое не превращалось от этого в монастырских подданных, по крайней мере сразу. Отсутствие в грамоте указания на границы того податного округа, с которого монастырь мог собирать полюдь (если не считать им село Буице), компенсировалось фиксацией минимальной суммы сбора – 25 гривен. Эта сумма и служила косвенным обозначением примерного поля деятельности и численности населения, подведомственного монастырю в отношении уплаты осеннего полюдя. Сходного мнения придерживался Я.Н. Щапов (1989. С. 152–153; ср.: Носов 1994. С. 42, примеч. 4).

Если полюдь, равно как и серебряное блюдо, пожалованное монастырю князем Всеволодом в той же грамоте, не выступает в качестве непосредственного атрибута собственности на землю, то дань, виры и продажи передаются вместе с селом. Трудно согласиться с мнением авторов «Аграрной истории» о том, что «грамота на Буйцы представляет нечто среднее между пожалованием дани и пожалованием земли». Земля и право на дань предоставляются тут одновременно. Мы бы не стали говорить также, что «пожалование дани» превращает сделку в «передачу земли». Пожалование земли влечет за собой пожалование дани и судебных пошлин. Недаром среди объектов пожалования на первом месте в грамоте стоит земля (Буице), а на втором – дань. Но пожалование дани не было автоматическим следствием пожалования земли. Пожалование дани всегда требовало особой фиксации в грамоте. Таким образом, в грамоте Мстислава различаются, с одной стороны, податной и судебный иммунитет, непосредственно связанный с владением землей Буице (право монастыря на сбор дани, вир, продаж), а с другой стороны, бан (право на сбор осеннего полюдя – возможно, в пределах, но скорее всего, за пределами села Буице).

«Вено» известно как выкуп жениха за невесту. В качестве пошлины, идущей не родственникам невесты, а третьей стороне (в данном случае Юрьеву монастырю), вено фигурирует в грамоте Мстислава впервые. В позднейших жалованных грамотах термин

«вено» не употребляется. Свадебные пошлины, освобождение от которых начало включаться в жалованные грамоты с середины XV в., носят другие названия: «новоженное», «новоженная куница», «выводная куница», «убрусное», «свадебное», «розвинское» и т.п. (Каштанов 1959. С. 106–121; 1988б. С. 86–89; 1999. С. 25). Таким образом, упоминание вена как пошлины в Мстиславовой грамоте уникально. Не менее уникально и то, что термин «вено» соединен в грамоте с прилагательным, определяющим территорию, с населения которой взималась эта пошлина: «во...кое». В жалованных грамотах XV в. и более поздних названия свадебных пошлин не сопровождаются географическими пояснениями. Географическая характеристика вена в грамоте Мстислава служит явным признаком ошибочности интерпретации текста как группой А.И. Ермолаева – А.Н. Оленина, так и И.И. Срезневским и является показателем того, что речь идет о пошлине, взимавшейся не с села Буице, а с какой-то другой территории (Каштанов 2014. С. 85–86).

Из двух возможных чтений полустертого слова, указывающего на район взимания вена, – «вотское» и «волоцкое» – мы выбираем последнее, считая его более логичным в применении к Юрьеву монастырю и к селу Буице. Юрьев монастырь, расположенный вне Новгорода, южнее р. Волхов, к северу от которого лежала Вотская пятина, едва ли мог осуществлять в этом районе сбор вена. Позднейшая волость Буицы находилась на юго-западе Деревской пятины. Отсюда открывались пути в Северо-Восточную Русь, в том числе на Волок Ламский, который, как известно из договорных грамот XIII–XV вв., управлялся совместно Новгородом и великими князьями. В середине 1330-х гг. Юрьев монастырь получил от Ивана Калиты жалованную грамоту на владения на Волоке Ламском (ГВНП. С. 143, № 86; см. также: Каштанов 1999. С. 25). Л.В. Черепнин датировал ее 1335–1337 гг., В.Л. Янин – 1335 г. (Черепнин 1951. С. 116; Янин 1991. С. 164, № 84; см. также: Каштанов 1999. С. 25).

Когда Юрьев монастырь укрепился в районе Волока, точно неизвестно. Не установлена и более или менее точная дата приписки о вене в грамоте Мстислава. Если она была сделана не в XIV, а в XII в., это может свидетельствовать о том, что уже тогда монастырь стремился распространить свое влияние за Волок. Право сбора вена вне территории собственно Буице, т.е. вне монастырской вотчины, представляло собой

привилегию типа бана, а не разновидность иммунитета. В грамоте вено приписано к перечню судебных пошлин с земли Буице и тем самым как бы включено в состав иммунитетных прав. Мстислав «повелелъ» отдать Буице Юрьеву монастырю, не спрашивая на это ничего согласия³⁷. Вероятно, Мстислав отдал монастырю село, на которое имел определенные права собственности. С точки зрения теории права более правильным было бы поместить вено рядом с полюдьем, взимавшимся, по-видимому, тоже вне монастырской территории, но интерполяция, само собой разумеется, преследовала не научные, а практические цели, да и стилистически приписка больше подходила к перечню пошлин, чем к отдельной статье о полудье. Соединение в одной грамоте различных видов пожалования (земли, иммунитета и бана киевским великим князем и только движимого имущества – блюда – новгородским князем) показывает, что с самого начала иммунитетной политики на Руси иммунитет мог фиксироваться в актах, которые наряду с иммунитетом предоставляли и другие права и привилегии.

Разница в формулировке иммунитетных норм в грамотах Мстислава и Изяслава объясняется разницей местоположения объектов пожалования и различием политической обстановки и объема княжеских прав в отношении Новгородской земли в 1130 и 1148 гг. Село Буице находилось на южной границе Новгородской земли, в довольно пустынном районе, где, по-видимому, еще не было постоянной администрации. Поэтому монастырь приобретал вместе с иммунитетными правами роль своего рода местной власти, ведающей не только монастырскими людьми, но и в какой-то мере населением более обширной округи. Село Витославлицы, пожалованное Изяславом Пантелеймонову монастырю, напротив, было расположено поблизости от Новгорода. Его окружали земли, которые, может быть, довольно часто посещались представителями республиканской, княжеской и епископской администрации. Грамота Изяслава, кстати, является первым княжеским актом на Руси, освобождающим монастырских людей от тягловой подведомственности епископу. В дальнейшем это направление иммунитетной политики не получило сколько-нибудь заметного развития в княжеских актах. Мстислав выдавал грамоту в Киеве (куда к нему приехал сын

³⁷ Обращает на себя внимание, что в грамоте Изяслава князь «по благословению епискупа Нифонта испрошал... у Новгорода святому Пантелеймону землю село Витославлицы...» (об этом см.: Каштанов 1999. С. 28).

Всеволод), обладая значительной полнотой власти в отношении Новгорода; Изяслав выдавал грамоту в Новгороде в условиях, когда княжеские права в Новгородской земле были сильно ограничены по сравнению с временами Мстислава и Всеволода.

О происхождении сохранившегося экземпляра Мстиславовой грамоты

Как уже было сказано выше, мы полагаем, что внешние признаки грамоты Мстислава во всей их совокупности позволяют предположить, что сохранившийся ее экземпляр принадлежал Юрьеву монастырю и, вероятно, был скопирован с другого экземпляра той же грамоты, принадлежавшего либо в. кн. Мстиславу Владимировичу, либо его юридическому соавтору кн. Всеволоду Мстиславичу, т.е. является одним из подлинников этого акта. Однако Юрьевский экземпляр грамоты Мстислава был вписан в пергаменный кодекс (возможно, Евангелие), принадлежавший этому монастырю. Примеры помещения в рукописных кодексах земельных актов, а также записей летописного характера, касающихся той или иной духовной корпорации, хорошо известны³⁸. Не исключено, что в этот кодекс были вписаны (сверху и снизу от грамоты Мстислава) и другие тексты или грамоты, касавшиеся Юрьева монастыря. Это объясняет отсутствие верхнего и нижнего полей Мстиславовой грамоты к моменту изъятия ее из кодекса, притом что письмо и разлиновка выдают ее явно книжное, а не канцелярское происхождение.

Деформирующее текст прикрепление печати, не характерное для грамот, сохранившихся с буллами или без них, но со следами первоначального присутствия печати, свидетельствует о том, что позолоченного аргировула первоначально при грамоте Мстислава не только не было, но и не могло быть. То, что сохранившийся экземпляр Мстиславовой грамоты некогда был изъят из кодекса, в котором первоначально находился, подтверждают и следы обреза его со всех четырех сторон практически без оставления полей.

³⁸ ИРЛИ. Р. IV, оп. 25, № 30. Л. 1; РНБ. Ф. п.1.17. Л. 1 об., 2; РНБ. Q.п.1.2. Л. 82, 82 об.; РНБ. Погод. № 12. Л. 35 об., 128 об., Сводный каталог 2002. С. 281; ПГ. Т. 1. С. VI, VII, LX–LXI, LXIII (акты); Столярова 2000. С. 562–568; Гимон 2012. С. 291–292 (записи на книгах летописного характера); и др.

В какой момент Мстиславова грамота была выделена из кодекса и когда получила позолоченный аргировул кн. Федора-Ярослава Всеволодовича, не ясно. А.А. Гиппиус предположил, что печать появилась при грамоте одновременно с припиской «вено во...кое» в связи с событиями 1232 г. в Новгороде (Гиппиус 2008. С. 122–128). Однако нам представляется, что сворачивание листа с грамотой в свиток, прикрепление к нему аргировула и помещение свитка в футляр – события значительно более поздние, вероятно, связанные с деятельностью архивистов конца XVIII в.

Эти манипуляции были сделаны вполне в духе времени. В конце XVIII – начале XIX в. нередко производились изъятия отдельных листов и целых тетрадей из подлинных рукописей. Зачастую хищения фрагментов рукописей делались их собирателями, исследователями и публикаторами для пополнения собственных коллекций или на продажу антикварам. Подвизались на этой ниве выдающийся знаток греческих рукописей профессор Х-Ф. фон Маттеи (1744–1811), обер-прокурор Святейшего Синода и собиратель российских древностей граф А.И. Мусин-Пушкин (1744–1817) (Зимин 2006. С. 357; см. также С. 354–356), коллекционер и фальсификатор А.И. Сулакадзев (1771–1829) и др. Беззастенчивые изъятия листов из подлинных древнерусских рукописей производились и позднее. Например, они были свойственны практике даже такого выдающегося исследователя и археографа, как П.М. Строев (1796–1876) (Каштанов 1970б. С. 265–266, 338–340). Не исключено, что изъятия листов и целых тетрадей из кодексов производились не только из соображений коммерции или из тщеславия коллекционеров, но и с исследовательскими целями, ибо нравственные аспекты исторической науки в то время еще только формировались. Лист с текстом Мстиславовой грамоты был удален из содержавшего его кодекса до начала XIX в., когда Мстиславова грамоту среди бумаг Юрьева монастыря впервые увидел, а затем опубликовал митрополит Евгений (Болховитинов) (Евгений 1818. С. 202–203; также см.: Евгений 1826. С. 6–7). Знакомство Евгения с Мстиславовой грамотой произошло, вероятно, в 1804–1808 гг., когда он, будучи епископом Старорусским и викарием Новгородским, приступил к разбору архивов новгородских монастырей. К этому времени грамота уже была с печатью и хранилась, как предполагал И.И. Срезневский, в виде свитка в специальном чехле.

Полагаем, что время изъятия листа Мстиславовой грамоты из содержавшего его кодекса можно уточнить. Как известно, в последние годы своего царствования императрица Екатерина II была увлечена изучением истории и стремилась к целенаправленному выявлению остатков российских древностей в монастырских собраниях. Пик ее интереса пришелся, согласно дневнику А.В. Храповицкого, на сентябрь – ноябрь 1791 г. (Дневник 1901. С. 223; см. также: Зимин 2006. С. 352, примеч. 93). В июне – сентябре 1791 г. Екатерина занималась историей Новгорода и составляла раздел об Александре Невском для «Заметок касательно Российской истории» (Зимин 2006. С. 352; см. также: Бегунов 1965. С. 149). В том же 1791 г. Екатерина распорядилась выявить и отправить в Святейший Синод рукописи исторического содержания из разных монастырей России. Распоряжение касалось в первую очередь «летописцев». По мере обнаружения, их надлежало вносить в специальные реестры и «доставлять на рассмотрение синодальному господину обер-прокурору и кавалеру (А.И. Мусину-Пушкину. – С.К., Л.С.) и что от него приказано будет, по тому и поступать» (подробнее см.: Зимин 2006. С. 352–353). Как известно, в 1791 г. в Синод были доставлены отнюдь не одни только летописи. Так, из Андроникова монастыря поступили Дионисий Ареопagit и Цветник, «Звезда пресветлая» – из Макарьевского Желтоводского монастыря, из Синодальной конторы – «История Ветхого Завета с исчислениями» и Кормчая и пр. (Там же. С. 352). Несомненно, что над выявлением рукописей, которые следовало переправить в Синод по указу 1791 г., работали и в новгородском Юрьевом монастыре. В это время архимандричью кафедру в нём занимал Ириней Клементьевский (1788–1792 гг.), высокообразованный любитель и большой знаток российских древностей, с 1788 г. состоявший членом Святейшего Синода и бывший членом Российской Академии наук. Не исключено, что написанную золотом Мстиславову грамоту архим. Ириней готовился поднести лично увлеченной историей императрице. Именно с этой целью лист с грамотой мог быть выделен из несущего его кодекса и обрезан по границам полей, обозначенным разлиновкой. К листу с текстом Мстиславовой грамоты был привешен позолоченный аргировул кн. Ярослава Всеволодовича, что, безусловно, придало ему помпезности и добавило недостающей выразительности. Грамота была заключена в специально

изготовленный для нее чехол. С усеченными полями, свернутый в столбец, лист с Мстиславовой грамотой приобрел форму, более соответствовавшую, с точки зрения лица, проделавшего всю эту работу, его содержанию. Почему архимандрит Ириней в конечном итоге отказался от посылки Мстиславовой грамоты в Петербург и решил придержать ее в своей обители – не ясно. Возможно, до него дошли слухи о том, что часть поступивших из монастырей в Синод рукописей безвозвратно осела в библиотеке А.И. Мусина-Пушкина (Там же. С. 354). Возможно, к посылке в столицу в Юрьевом монастыре были приготовлены какие-то иные рукописи. В любом случае, признаки книжного происхождения Мстиславовой грамоты оказались нарочито сглажены приданием ей черт, свойственных актовой письменности. Именно в таком виде в бумагах Юрьева монастыря нашел Мстиславоу грамоту митрополит Евгений (Болховитинов).

Итак, мы попытались показать, что палеографические особенности Мстиславовой грамоты в том виде, в каком она дошла до нашего времени, безусловно, являясь подлинником, противоречат друг другу. Внешние признаки формы грамоты (характер письма, разлиновки, способ обрезки и даже особенности деформации пергаменного листа) свидетельствуют не о канцелярском, а о книжном ее происхождении. Почерк грамоты, техника ее письма и лексико-орфографические особенности не оставляют сомнения, что это памятник первой половины XII в., вероятно, списанный с какого-то ныне утраченного оригинала (Гиппиус 2008. С. 110–123) и являющийся внеканцелярской книжной копией его. Копия, скорее всего, специально была сделана для новгородского Юрьево монастыря в одной из принадлежавших ему книг. Самый текст грамоты (его структура и содержание) не позволяют сомневаться в том, что это, во-первых, не фальсификат и, во-вторых, продукт ранней (доканцелярской) практики документирования в Древней Руси второй четверти XII в.

При этом следует понимать, что отсутствие в России X–XVI вв. «канцелярий» в западном смысле слова – специальных государственных учреждений с определенным штатом и иерархией чинов, в котором осуществлялось документирование, обрекает историка не столько на изучение механизма работы канцелярии-учреждения, сколько на исследование особенностей внешней и внутренней формы документов, являвшихся продуктом делопроизводства «протоканцелярского» периода, а точнее – на формулярный анализ

(Каштанов 2014. С. 6–12). Отсутствие на Руси вплоть до второй половины XVI в. канцелярий европейского типа сделало возможным рождение актовой документации в скрипториях и позволяет говорить о внеканцелярской практике составления древнерусского акта по крайней мере на начальных этапах его истории. Известны еще по крайней мере четыре сохранившихся пергаменных акта, составленные книжным писцом. Имеем в виду договоры Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1264 и 1268 гг.³⁹, которые, как показал А.А. Гиппиус, были написаны Тимофеем – писцом Лобковского пролога, второй части Софийского пролога и Апокалипсиса Никольского (Гиппиус 1997. С. 8–9). Многочисленные признаки «книжного» происхождения обнаруживает и жалованная грамота в.кн. Рязанского Ольгову монастырю ок. 1371–1372 гг. (Черепнин 1951. С. 129; Сёмина 2014. С. 267–268). Таким образом, даже более чем через 240 лет после Мстиславовой грамоты, практика взаимодействия книжного и актового письма, когда составление грамоты требовало обращения в действующий скрипторий, была вполне жизнеспособна.

В заключение отметим некоторые черты сходства и различия ранних иммунитетных грамот, выданных русским монастырям, и меровингских дипломов (подробнее см.: Каштанов 1999. С. 21–45). Во-первых, и те, и другие акты выдавались от имени правящего государя (короля во Франкском государстве, великого князя на Руси). Наделение монастыря иммунитетными привилегиями предстает как prerogativa верховной власти. Во-вторых, ранние освобождения касаются и тут, и там налогов, связанных с землевладением монастырей. Пожалование таможенных привилегий начинает практиковаться в обоих регионах позже (на Руси – лишь с XIV в.). В третьих, грамоты великих князей в некоторых случаях содержат, как и западные дипломы, статьи о защите настоятеля монастыря и монастыря в целом. В отличие от западных актов русские не предоставляют монастырской братии права самостоятельного выбора настоятеля. Правда, в них нет и запрещения его выбирать. Князья стараются присвоить себе роль ктиторов, учредителей той или иной духовной корпорации, создавая этим предпосылки для вмешательства и в будущем в решение вопроса о назначении нового настоятеля.

³⁹ Два проекта договорной грамоты Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1264 г. и договорная грамота Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1268 г. – см.: Янин 1991. С. 142–146, № 67–68; С. 147–150, № 70.

[1130]. – [Киевский в. кн.] Мстислав Владимирович; его сын [кн.] Всеволод Мстиславич. [Жалованная] данная Юрьеву м-рю на Буице, с пошлинами.

+ Се азъ¹ Мьстиславъ^{1,2} Володимиръ³ с(ы)нъ⁴, държа⁵ Роу|сьскоу⁶ землю, въ своѣ⁷ княжение повелѣлъ⁸ ꙗ|смь⁹ с(ы) ноу своѣмоу Всеволодоу¹⁰ ѿдати¹¹ [Боуи]|цѣ¹² с(вя)т(о)моу Георгиеви съ данию, и съ вирами¹³, и съ продажами, [и¹⁴ вено во.кое]¹⁴. Даже которыи¹⁵ князь¹⁶ по моѣмъ кнѣ|жению¹⁷ почьнетъ¹⁸ хотѣти¹⁹ ѿтъати²⁰ оу с(вя)т(о)го²¹ Георги|[я²², а²²] Б(ог)ъ боуди²² за тѣмъ и с(вя)таѣ²³ Б(огороди)ца и тѣ с(вя)тыи Геѿ|ргии²⁴ оу него то ѿнимають. И ты, игумене²⁵ [Исаие]²⁵, и вы, братиѣ, донѣлъ²⁶ же²⁷ сѧ миръ състоитъ²⁸, молитѣ²⁹ Б(ог)а³⁰ за ма³¹ и за моѣ³² дѣти³². Кто сѧ изѿоста|нетъ³³ въ³⁴ манастири³⁴, то вы³⁵ тѣмъ³⁶ дължны³⁷ ꙗ|сте молити³⁸ за ны³⁹ Б(ог)а и при⁴⁰ животѣ⁴¹ и въ сѣмь|рти⁴². А⁴³ ѿзъ далъ роукою⁴⁴ своєю⁴⁴. И осеньнене⁴⁵ по|людие⁴⁵ даровноѣ полѣтретиѧ⁴⁶ десѧте⁴⁷ гри|внь⁴⁸ с(вя)т(о) моу⁴⁹ же⁵⁰ Георгиеви⁵¹.

А⁵² се ѧ, Всеволодъ⁵² да|лъ⁵³ ꙗ|смь⁵⁴ блюдо⁵⁵ серебряно⁵⁵ въ⁵⁶ 30⁵⁷ гри|в(е)нъ⁵⁸ серебра⁵⁹ | с(вя)т(о)моу⁶⁰ же⁶¹ Георгиеви⁶¹, велѣлъ⁶² ꙗ|смь⁶³ бити въ | нѣ на обѣдѣ⁶⁴, коли игоу[ме]⁶⁵ ѿбѣдають⁶⁶. | Да же кто запѣртитъ⁶⁷ или⁶⁸ тоу⁶⁹ дань⁶⁹ и⁷⁰ се⁷⁰ блю|до⁷¹, да соудитъ ѧмоу⁷² Б(ог)ъ въ д(е)нъ пришьстви|ѧ^{71, 72} с[воѣго и тѣ с(вя)тыи Георгии⁷³].

Подл.: ОПИ НГМ. КП 2193. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 12.

Печатъ: Д 30 мм, серебро 960, общая масса 3,7 гр. По нижнему краю пергаменного листа в центре три сквозных отверстия от шнура, горизонтальный разрыв (10 мм) и складки (следы прикрепления печати). Металл, из которого изготовлены пластины печати, потерт, погнут, потемнел, с оборотной стороны – следы мастики. Шнур утрачен.

Публ. текста: Евгений 1818. С. 202–203; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археграфической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. № 2; Евгений 1826. С. 6–7; Срезневский 1859–1860. Т. 8. С. 338; Макарий 1861. С. 8; Срезневский 1861–1863. Т. 10. С. 498; Срезневский 1863. С. 28; Маркс 1914. С. 4; Сахаров 1891. № 1; Иванов 1844. С. 1, табл. 1; ГВНП. С. 140–141, № 81; Ильинский 2000. С. 341–343; Гипшиус 2008. С. 126.

Публ. печати: Лихачёв 1928. Вып. 1. С. 16; Янин 1956. С. 42–48; 1970. Т. 2. С. 16–21.

Примечания: ¹⁻¹ Правая сторона з и ъ и последующая буква м под небольшим неярким пятном бурого цвета. ² Первая с повреждена пятном сероголубого цвета. ³ Ими слегка затерто. ⁴ Перекладина и правая сторона н повреждены пятном сероголубого цвета. ⁵ Жа затерто. ⁶ Със и левая сторона к затерты; низ о поврежден небольшим бурым пятном. ⁷ Левая сторона о слегка затерта. ⁸ Мачта ъ затерта и повреждена пятном сероголубого цвета. ⁹ Верх ь слегка затерт. ¹⁰ Вол затерто, читается неотчетливо. ¹¹ Верх д под сероголубым пятном. ¹² Буквы бо затерты, читаются неотчетливо; далее две буквы полностью стерты и не читаются; одна из стертых букв – у – добавлена в квадратных скобках по смыслу и предшествующим публикациям; еще одна буква испорчена большим сероватым пятном, полностью стерта и не читается. ¹³ Ми слегка затерто. ¹⁴⁻¹⁴ Написано над строкой другим почерком; в настоящее время почти полностью стерлось и не читается; в квадратных скобках добавлено по предшествующим публикациям. ¹⁵ Палка ы слегка затерта и сверху слева повреждена небольшой чернильной точкой. ¹⁶ Левая сторона к слегка затерта. ¹⁷ К внизу слегка затерта. ¹⁸ Е как будто слегка подправлена сверху теми же чернилами; т затерта. ¹⁹ Чернила на тѣти немного осыпались. ²¹ Чернила на го слегка осыпались. ²²⁻²² Буква и слегка затерта; следующие за ней буквы полностью затерты и уничтожены бурым пятном; в кв. скобках добавлено по смыслу и предшествующим публикациям. ²³ И затерта. ²⁴ Буквы гии затерты. ²⁵ Буквы не затерты; далее три буквы полностью затерты и скрыты пятном бурой жидкости; далее две буквы полностью стерты, в кв. скобках добавлено по предшествующим публикациям. ²⁶ Верх л поврежден черным чернильным пятном. ²⁷ Буква ж слегка затерта. ²⁸ Левая сторона крыши т повреждена небольшим чернильным пятном; о слегка затерта. ²⁹ Моли слегка затерто. ³⁰ Ба затерто; левая сторона верхней части а повреждена небольшим черным чернильным пятном. ³¹ Верх правой стороны м поврежден небольшим черным чернильным пятном. ³²⁻³² Буквы ъ, д и верх правой стороны и повреждены небольшим чернильным пятном. ³³ Буквы оо затерты; чернила на ста облетели; неть затерто, палка т слегка подпорчена черным чернильным пятном. ³⁴⁻³⁴ Въ манас слегка затерто. ³⁵ Правая сторона ы затерта. ³⁶ Буква т затерта. ³⁷ Буквы жьн повреждены сверху небольшими черными чернильными пятнами. ³⁸ Середина левой стороны м повреждена небольшим черным чернильным пятном. ³⁹ Верх левой стороны н поврежден небольшим черным чернильным пятном. ⁴⁰ Буква и затерта. ⁴¹ Правая сторона в затерта. ⁴² Верх правой стороны м полусмыт сероголубым пятном жидкости; буквы рти слегка затерты. ⁴³ Буква а слегка затерта. ⁴⁴⁻⁴⁴ Оуюко своєю затерто; буква с повреждена вертикальной

складкой пергамена. ⁴⁵⁻⁴⁵ Сеньниѣю полудиѣю слегка затерто. ⁴⁶ Польтр затерто; левая сторона ѣ повреждена вертикальной складкой пергамена. ⁴⁷ Буквы еса слегка затерты. ⁴⁸ Р слегка затерто; ив почти полностью смыто пятном светлобурого цвета. ⁴⁹ Стмоу затерто. ⁵⁰ Буквы же слегка затерты. ⁵¹ Георгиеви затерто. ⁵²⁻⁵² Низ букв а, с, е и низ левой стороны ꙗ затерты; буквы се, лодъ почти полностью стерлись. ⁵³ Буквы да затерты; лъ дописано на левом поле и слегка затерто. ⁵⁴ Буквы юс затерты; верх м поврежден светлобурым пятном. ⁵⁵⁻⁵⁵ Буквы ба затерты; л повреждена небольшой вертикальной складкой пергамена; буква д затерта; чернила на серебряно почти полностью осыпались. ⁵⁶ Буквы въ затерты и почти не читаются; правая сторона в повреждена вертикальной складкой пергамена. ⁵⁷ Число л и знак титла над ним почти полностью стерлись и читаются неотчетливо. ⁵⁸ Грвнъ затерто. ⁵⁹ Се затерто; правая сторона р сверху повреждена небольшим чернильным пятном. ⁶⁰ Буквы ст, о сильно затерты. ⁶¹⁻⁶¹ Же ге затерты; гиеви почти полностью стерлись и читаются неотчетливо. ⁶² Буквы елѣ почти полностью смыты и едва читаются; буква е повреждена вертикальной складкой пергамена. ⁶³ Левая верхняя сторона ю почти полностью стерлась. ⁶⁴ Буквы обѣдѣ слегка затерты; левая верхняя сторона б повреждена небольшим черным чернильным пятном. ⁶⁵ Игоу затерто; далее две буквы почти полностью смыты и не читаются; в кв. скобках добавлено по предшествующим публикациям; буквы нъ затерты. Правая сторона у повреждена вертикальной складкой пергамена. ⁶⁶ Буквы обѣд затерты; буква ь сильно затерта. ⁶⁷⁻⁶⁷ Буквы д, е, кто за сильно затерты; правая сторона п повреждена небольшим отверстием в пергамене; тить сильно затерто. ⁶⁸ Между первой и и л вертикальная складка пергамена; буквы или затерты. ⁶⁹⁻⁶⁹ Тоу данъ затерто. ⁷⁰⁻⁷⁰ И, се затерто. ⁷¹⁻⁷¹ Строка со слов до да до пришьстви затерта и читается с трудом. ⁷²⁻⁷² Текст у бѣ въ днь п сильно загрязнен и читается неотчетливо. ⁷³ Буквы Геор повреждены тремя сквозными отверстиями (одним большим и двумя малыми) – следами прикрепления печати при помощи шнура.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI вв. / рук. авторского коллектива А.Л. Шапиро. Л., 1971.
 Апракос Мстислава Великого / под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983.
 Баженов Н. Казанская история. Казань, 1847. Ч. 2.

- Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской Земли». М.; Л., 1965.
- Гавриил.* Историческое описание Казанского Успенского второклассного Зилантова монастыря. Казань, 1840.
- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Гиттиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
- Гиттиус А.А.* Загадки Мстиславовой грамоты // *Miscellanea Slavica*: сб. ст. к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008. С. 109–129.
- Дневник А.В. Храповицкого. М., 1901.
- Добиаш-Рожественская О.А.* История письма в средние века. М., 1987.
- Евгений (Болховитинов), митроп.* Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю // Вестник Европы. 1818. № 15–16. С. 202–203.
- Евгений (Болховитинов), митроп.* Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю // Тр. и зап. О-ва и истории и древностей российских, учрежденного при Московском ун-те. 1826. Ч. 3, кн. I. С. 6–7.
- Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (хронологический перечень документов). Казань, 1980.
- Зимин А.А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006.
- Иванов П.* Сб. палеографических снимков с почерков древнего и нового письма разных периодов времени, изданных для воспитанников Межевого ведомства. М., 1844.
- Изборник Святослава 1073 г. / факсимильное изд. под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983.
- Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1.
- Ильинский Г.А.* Юрьевская грамота 1130 г. // ЛИИРЯ, 2000. М., 2000. С. 321–356.
- История Татарии в документах и материалах. М., 1937.
- Каишанов С.М.* К проблемам происхождения феодального иммунитета // Науч. докл. высшей школы. Исторические науки. М., 1959. № 4. С. 106–121.
- Каишанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть вторая // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 129–200.
- Каишанов С.М.* Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в. (по актовому материалу) // Из истории Татарии. Казань, 1970. Сб. 4. (Уч. зап. Казанского гос. пед. ин-та; Вып. 80). С. 185–186. (а)
- Каишанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. (б)

- Каишанов С.М.* Феодалный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: сб. ст. М., 1970. С. 148–199. (в)
- Каишанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. (а)
- Каишанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. (б)
- Каишанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Каишанов С.М.* Жалованные акты на Руси XII–XIV вв. // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 21–45.
- Каишанов С.М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014.
- Киселёва Л.И.* Письмо и книга в Западной Европе в средние века: лекции по латинской палеографии и кодикологии. СПб., 2003.
- Кобрин В.Б.* К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV–XVI вв. // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. М., 1973. Вып. 1. С. 171–186.
- Корецкий В.И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5. С. 204–207.
- Кузьмин А.Г.* Древнейшая рязанская грамота XIV столетия // Советские архивы. 1967. № 1.
- Лихачёв Н.П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1.
- Макарий (Миролюбов), архим.* Обзорение древних рукописей и книг церковных в Новгороде и его окрестностях // ЧОИДР. 1861. Кн. 2. С. 8.
- Маркс Н.А.* Две старейших русских грамоты, из дошедших до нас в подлинниках // Древности. Тр. Московского Археологического общества. 1914. Т. 24.
- Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1862. Т. 2.
- Носов Е.Н.* Новгородская область Буйцы (Историко-археологический комментарий) // ВИД. 1994. Вып. 25. С. 41–62
- Носов Н.Е.* «Новое» направление в актовом источниковедении // ПИ. 1962. Вып. 10. С. 261–348.
- Остромирово евангелие 1056–1057 гг.: Факсимильное воспроизведение. М.; Л., 1988.
- Прибавление к Казанскому вестнику. 1829. № 26.
- Продолжение Древней российской вивлиофики. СПб., 1789. Ч. 5.
- Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.
- Рождественская Т.В.* Надпись с именем князя Мстислава из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 77–80.

- Рыбушкин М.* Краткая история г. Казани. Казань, 1834. Ч. 1.
- Сахаров [И.П.]*. Образцы древней письменности. СПб., 1891.
- Сборник документов по истории СССР / под ред. А.М. Сахарова. М., 1971. Ч. 2.
- Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV–XIX вв. / сост., вступит. ст. и примечания Ю.И. Гренберга. СПб., 1995. Кн. 1.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М., 2002. Вып. 1.
- Семенов А.И.* Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю // НИС. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 247.
- Сёмина М.В.* Грамота великого князя Олега Рязанского XIV века // ТОДРЛ. 2014. Т. 62. С. 260–268.
- Срезневский И.И.* Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю (1130 г.) // ИПОРЯС. 1859–1860. Т. 8. С. 338 [то же: *Срезневский И.И.* Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю. (1130 г.). СПб., 1860. С. 6 (репринт. изд.: М.: Книга по требованию, 2012)].
- Срезневский И.И.* Дополнения к общему повременному обозрению древних памятников русского письма и языка // ИПОРЯС. 1861–1863. Т. 10. С. 498.
- Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. СПб., 1863.
- Столярова Л.В.* Записи исторического содержания на Студийском уставе конца XII в. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 562–568.
- Столярова Л.В., Капитанов С.М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010.
- Татищев В.Н.* История российская. Л., 1968. Т. 7.
- Тихомиров М.Н., Щепкина М.В.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952.
- Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы. М., 1951. Ч. 2.
- Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956.
- Щавинский В.А.* Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.; Л., 1935.
- Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
- Янин В.Л.* Печать Мстиславовой грамоты // КСИИМК. М., 1956. Вып. 65. С. 42–48.
- Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2.
- Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.
- Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин В.Л.* К вопросу о дате древнейшего русского акта // Проблемы всемирной истории: сб. ст. в честь А.А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 159–162.

- Янин В.Л. Средневековый Новгород. М., 2004.
- Atsma H., Vezin J. Aspects matériels et graphiques des documents // Typologie der Königsurkunden. Kolloquium de Comission Internationale de Diplomatie in Olmütz 30.8.–3.9.1992 / Hrsg. von Jan Bistřický. Olomouc, 1998.
- Blaise A. Dictionnaire latin-français des auteurs du Moyen-Âge. Turnhout, 1975.
- De Hamel Ch. A History of Illuminated Manuscripts. Oxford, 1986.
- Diringer D. The Illuminated Book: its history and production. L., 1967.
- Ganshof F.-L. L'immunité dans la monarchie Franque // Le liens de vassalité et le immunités. Bruxelles, 1958.
- Kroell M. L'immunité franque. P., 1910.
- Magnou-Nortier E. Étude sur le privilège d'immunité du IVe–IXe siècle // Revue Mabillon. Études d'Histoire monastique en France. Ligugé. 1984. T. 60, № 297–298.
- Needham P. Twelve Centuries of Bookbindings, 400–1600. Oxford, 1979.
- Niermeyer J.F. Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976.
- Sanders D. Wörterbuch der Deutschen Sprache. Mit Belegen von Luther bis auf die Gegenwart. Leipzig, 1860. Bd. 1.
- Stengel E. Die Immunität in Deutschland bis zum Ende des 11. Jahrhunderts. Innsbruck, 1910.
- Weitzmann K. Late Antique and Early Christian Book Illumination. N.Y., 1977.

Sergey M. Kashtanov, Lyubov V. Stolyarova

MSTISLAV'S CHARTER: PROBLEMS OF ORIGIN

The paper is dedicated to palaeographic and diplomatic study of the earliest Rus charter extant in a parchment original: the charter of Great Prince Mstislav Vladimirovich and his son Prince Vsevolod to St George's Monastery near Novgorod dated to 1130. The authors argue that palaeographically the charter belongs to the book, not to the chancery domain of writing, and the surviving single-sheet document has probably been extracted from a liturgical book into which the charter had been originally transcribed. As a document written in gold, the charter is analyzed in the context of Rus 11th-13th-century books in which gold is used for writing. The analysis of the layout of the text helps the authors to reconstruct the original appearance of the document. The formulaic of the charter and its content are studied in the context of the development of monastic land-ownership and immunity. A hypothesis is put forward that the charter was extracted from the book in the late 18th century. As an appendix to the article, a new diplomatic edition of the charter is presented.

Ключевые слова: Old Rus, writing, Mstislav's Charter, palaeography, codicology, diplomatics, feudal immunity

В.И. Матузова

КРЕСТОНОСНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В ПРУССИИ (XIII–XIV вв.)

Статья посвящена месту крестоносной идеологии в письменных памятниках Тевтонского ордена в Пруссии (XIII–XIV вв.) – в его историографии и поэтических парафразах Ветхого Завета. Особое внимание уделено «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга (первая треть XIV в.), поэтическому переложению на немецкий язык «Книг Маккавейских» и ряда других книг Библии («Иудифь», «Есфирь», «Ездра и Неемия»). Крестоносная идеология, присутствующая в этих памятниках, служила интересам Тевтонского ордена в период завоевания им Пруссии, одновременно способствуя формированию самосознания и укреплению ордена как воинской корпорации.

Ключевые слова: идеология, крестовые походы, Тевтонский орден, Пруссия, Петр из Дусбурга, Библия

Крестоносной идеологии посвящен не один том международной историографии. Не претендуя на ее полный охват на страницах одной ограниченной листажом статьи, автор ставит своей задачей показать основные моменты крестоносной идеологии на материале письменных источников Тевтонского ордена в Пруссии, основываясь на трудах своих коллег (предшественников и современников) и на собственных наблюдениях в процессе изучения письменных памятников ордена.

Тевтонский орден был учрежден в 1190 г. в Святой земле, во время 3-го крестового похода. Однако его связь с крестовыми походами гораздо шире, она выходит за географические границы его возникновения и даже ломает хронологические рамки классических крестовых походов. Уже покинув Святую землю и пребывая в Пруссии, где на завоеванной во второй половине XIII в. территории ему удалось основать так называемое автономное (территориальное) государство, Тевтонский орден не переставал ощущать себя (как о том свидетельствует «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга) и по сути оставаться крестоносным

орденом¹. Недаром верховный магистр Герман фон Зальца (1209–1239) получил для своего ордена в 1221 г. от папы Римского Гонория III (1216–1227) равные привилегии с тамплиерами и госпитальерами: Петр из Дусбурга отметил в своей хронике, что магистр «просил и **получил крест**, чтобы проповедовать от имени Апостольского Престола (взявшего Пруссию под свою защиту. – *В.М.*) в королевствах и провинциях, назначенных тогда в помощь земле Прусской» (ПД. II. 13), что было, по сути, главным основанием для осуществления крестового похода, действие которого фактически переносилось из Святой земли в Пруссию. Пруссия явно приравнивалась к Святой земле, о чем свидетельствует тот факт, что в 1245 г. папа Иннокентий IV (1243–1254) подтвердил данные Гонорием III привилегии и индульгенции направлявшимся в Пруссию пилигримам, «как давались они идущим в Иерусалим» (Там же).

Таковы основополагающие моменты. А по сути все нарративные письменные сочинения Тевтонского ордена, т.е. его историография и поэтическая литература, равно как и его иконография², так или иначе являются выражением крестоносной идеологии, ее богословского содержания и жизненной практики, будь то литургия, миссия или военное дело, – всё, что в конечном счете формировало не только упоминаемые Петром из Дусбурга «столпы» (в довольно широком аллегорическом смысле), поддерживавшие орден, но и менталитет рыцарей-монахов (поскольку рождению крестоносной идеологии послужили не только социально-политические условия, но и в известной мере духовность, менталитет и психология [Rousset 1945. P. 11]), воистину ставший гарантом его многовекового существования.

Памятником крестоносного коллективного сознания ордена является «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга, не просто создавшего апологию Тевтонского ордена и завоевания им Пруссии, но использовавшего для этого красноречивые факты, совокупность которых недвусмысленно свидетельствует: завоевание

¹ Идеал крестового похода сохранялся в XIII–XIV вв., когда полным ходом шла колонизация Пруссии, и этот «кажущийся анахронизм (*scheinbare Verspätung*) служил вполне актуальным интересам (*dient durchaus aktuellen Interessen*)» (Wenzel 1980. S. 28).

² К ней относятся иллюминированные списки «Апокалипсиса» Генриха фон Геслера (Торунь (Польша), Университетская библиотека, Ms. 44, 64). В одной из рукописей (Ms. 64) имеется вставной фрагмент, отражающий крестоносную идеологию; в другой ту же задачу выполняют миниатюры (Karłowska-Kamzowa 1991. S. 126–134).

Пруссии – это праведная, священная война, которую братья-рыцари ордена ведут во имя христианской веры. Время св. Адальберта Пражского (Войцеха) (955–997), Бруно Кверфуртского (970/74–1009) и епископа Христиана (ум. 1245) прошло. Мирная миссия во всех случаях закончилась гибелью проповедников. Как пишет Петр из Дусбурга, «семя слова Божьего... упало на скудную почву <и> не принесло никакого плода» (ПД. II. 1). Настало время крестового похода, задачей которого была не только война за христианскую веру, но и типичная для войн всех времен экспансионистская задача завоевания новой территории. Тевтонский орден, возникший в Святой земле как госпиталь и вскоре (в 1198 г.) получивший статус духовно-рыцарского ордена, в Пруссии на практике превратился в военный, рыцарский орден.

Поле сражения переместилось с Ближнего Востока в прибалтийские земли, в Пруссию и Ливонию, но, поскольку эти земли были приравнены к Святой земле, то и тевтонские рыцари в своем сознании и в глазах современников оставались крестоносцами. Напоминанием этого служат 78–80 главы IV части хроники («О событиях»), в которых нашли отражение обстоятельства и причины 1-го крестового похода, а затем (кратко) – причины упадка крестовых походов и, словно кульминация, «Плач о запустении Святой земли» и «Призыв Святой земли к христианам во спасение свое», с затаенной надеждой на несбыточное: возрождение крестовых походов в Святую землю и ее отвоевание. Спустя триста лет такую же, но не высказываемую откровенно надежду на возвращение уже навсегда потерянной Пруссии будут питать орденские рыцари.

Крестоносцы появились в Пруссии в начале 30-х гг. XIII в. по приглашению мазовецкого князя Конрада, обратившегося к Тевтонскому ордену с просьбой помочь в отражении разорительных набегов пруссов. Именно в Пруссии появились письменные памятники ордена, прежде всего – его историография и важнейшее среди исторических сочинений «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга. Завершенная в 1326 г., она отражала историю завоевания орденом Пруссии ретроспективно (хронист предупреждает читателей о том, что хронология описываемых событий зачастую нарушена, а многие события уже забыты). Однако, безошибочно следуя правилам жанра крестоносной хроники, Петр создает, можно сказать, «программное» сочинение ордена, являющееся одновременно его апологией и своеобразной «энциклопедией».

В отличие от Святой земли, на отвоевание которой от инаковерующих мусульман отправлялись христианские крестоносцы, Пруссия была последним островком язычества в Европе, и пруссов скорее можно было бы назвать «неверными» или «неверующими», хотя пруссы обожествляли природу, о чем было известно и Петру из Дусбурга (ПД. III. 5); всё же подобный пантеизм не означал для хрониста подлинную религию, и он, называя пруссов идолопоклонниками, пишет, что «пруссы не имели понятия о Боге». Именно поэтому пруссы – не только грешники, не раз называемые на страницах хроники «детьми Велиала», но и злейшие враги христиан, несущие ущерб и гибель христианскому миру, а главное – католической церкви: в Риме их называли «сарацинами Севера» (Düsterwald 1973. S. 17). Едва начав повествование о вторжении крестоносцев в Пруссию, Петр из Дусбурга перечисляет злодеяния пруссов: «...250 приходских церквей, не считая... часовен, мужских и женских монастырей, предали они огню. Убивая священников и прочих клириков... одних за пределами церкви, других – внутри, многих в алтаре, когда они служили телу и крови Господа нашего Иисуса Христа, сами святыни в знак презрения Бога непочтительно бросив на землю, попирали ногами. Унеся чаши, амфоры и прочие церковные сосуды и облачение, предназначенное для богослужения, они обращались с ними кощунственным образом; девушек, посвященных Богу, бесстыдно использовали для своей похоти... не хватит слов, чтобы вполне описать, сколько зла и мерзости содеяли они вере и христианам» (ПД. II. 2). В дальнейшем хронист не раз пишет о том, что «церкви, часовни и молельни Божии они сжигали, с церковными святынями кощунственно обращались, церковное облачение и сосуды использовали непозволительным образом, священников и прочих служителей церкви беспощадно убивали» (ПД. III. 90). Во время восстаний (их Петр из Дусбурга насчитывает пять) пруссы нанесли «большой ущерб образам святых, церковному облачению и прочему, предназначенному к служению Богу, и церковным святыням» (ПД. III. 148). Подобным обвинениям на страницах, повествующих о литовской войне, подвергаются и литвины, вторгшиеся во главе с кастеляном Гарты Давидом в Ревель, землю короля Дании, и убившие там «многих священников, приходских и монастырских», оскверняя при этом «святыни, церкви, облачение и алтарные сосуды и всё, относящееся к богослужению» (ПД. III. 243); великий князь литовский Витень (1293/95–1316) привел в

Польшу воинов, и они убили собравшихся на службу в церкви людей, а саму церковь сожгли дотла (ПД. III. 250). В другом походе войско Давида вошло в Мазовию, где разгромило «огнем и мечом» «30 приходских церквей и часовен со многими молельнями, посвященными во славу Божью... Кошунственно обращаясь с церковными святынями, облачением и сосудами, священников, монастырских и приходских, и прочих людей обоого пола уничтожили они свыше 4 тысяч» (ПД. III. 357). И, словно подводя итог всему сказанному, хронист пишет: «Ни один нормальный человек не может без слез подумать о том, сколько зла и какое великое побоище народа Божьего содеяло и сколько ущерба причинило это войско <язычников> святыням церкви и ее служителям» (ПД. III. 192). Подобные описания (как бы растянутый на всю «Хронику» обвинительный акт против пруссов) легитимизируют поход крестоносцев в Пруссию, уподобляя его крестовым походам в Святую землю. Исторические сочинения Тевтонского ордена в Пруссии были разновидностью «литературы крестовых походов, а его земля (т.е. Пруссия. – В.М.) стала местом войны, колонизации и миссии» (Jungbluth 1969. S. 36).

Завоевание Пруссии получает богословское оправдание, и хронист усматривает его на высочайшем уровне, неоднократно напоминая, что «Бог на стороне братьев» (ПД. III. 21), что «Господь сражается за братьев» (Там же. III. 75), и потому крестоносцы ведут войну с пруссами, не теряя надежды, что «Господь охранит и поможет» (Там же. III. 193). Хронист создает прочную духовную основу, соединяющую Бога и крестоносцев (Trupinda 1999. S. 174). Многочисленные случаи *чудесного* спасения рыцарей ордена объясняются Петром из Дусбурга именно божественным участием; точно так же к чудесам относятся и успехи в обращении пруссов в христианство, а это, несомненно, свидетельствует, что крестоносцы ведут праведную, священную, войну.

Оправданием действий Тевтонского ордена в Пруссии служила и агиография. У ордена было три «официальных» святых покровителя: Дева Мария, исполнявшая роль посредницы между орденем и Господом; святой Георгий, служивший образцом в войнах с язычниками; святая Елизавета, известная своим служением ближнему. Они олицетворяли собою разные стороны существования ордена (Wüst 2013. S. 31).

В ордене, в само название которого входило имя Марии, несомненно имелись все предпосылки к развитию ее культа. Верховный

магистр ордена Дитрих фон Альтенбург (1335–1341) назвал Деву Марию «госпожой и защитницей (*howbtfrowe und beschirmerinne*)» ордена (Rosenberg 1967. S. 322; Arnold 1999. S. 270). Тевтонский орден в Пруссии и Ливонии, землях, объявленных принадлежавшими Деве Марии (и в этом тоже усматривают аналогию Святой земле, мыслившейся землей Иисуса Христа), стал инициатором крестовых походов в Восточной Прибалтике. «Рыцари Марии» (*Marienrittere*) вели войну с язычниками во имя своей покровительницы (Arnold 1999. S. 270–271), и нередко походы, совершавшиеся в XIV в. западноевропейской знатью на Литву, начинались в праздники, посвященные Деве Марии: Очищение (*Purificatio*), или Сретение Господне (2 февраля), Вознесение (Успение) Марии (15 августа), Рождество Марии (8 сентября). Однако в отличие от Святой земли, где культ Иисуса носил вполне религиозный характер, в Пруссии культ Девы Марии всё больше политизировался, вписываясь в систему политических взглядов руководства ордена и выражая устремления ордена как «территориального князя». Кроме того, культ Марии феодализировался и стал служить упрочению политических позиций ордена и его владычества в Пруссии, при этом Дева Мария в глазах крестоносцев превращалась в сюзерена (под ее стягом тевтонские рыцари шли в бой), госпожу завоеванных земель, а орден – в ее вассала (Dugo 1989. P. 63–64).

Особенно укрепился в Пруссии культ святого Георгия, воплощавшего собою рыцаря, выступавшего против зла и язычества, а также миссионера и мученика. В ордене, заявившем о себе как о рыцарском, как об ордене, завоевавшем Пруссию и ставшем ее хозяином, святой Георгий мыслился не только помощником в воинских подвигах, но и идеальным образцом для подражания в войне с язычниками (Wüst 2013. S. 26). Петр из Дусбурга описывает походы и победы крестоносцев, совершенные на рубеже XIII–XIV вв. в день «святого мученика Георгия» (ПД. III. 235, 238), а под 1259 г. сообщает, что на горе Святого Георгия крестоносцы построили одноименный замок (Георгенбург) (Там же. III. 83, 84). В дальнейшем в орденской Пруссии появились сотни приходских церквей; многие из них были посвящены святому Георгию или имели посвященные ему алтари (Arnold 2002).

Культ святой Елизаветы в корпорации был непосредственно связан с вступлением в орден Конрада Тюрингского, деверя ландграфини, и с его пребыванием верховным магистром Тевтонского ордена (1239–1240). Вероятно, к концу XIII в. относится

появление «Пассионала» (*Passional*), сборника поэтических житий почитавшихся в ордене святых мучеников, среди которых было и житие святой Елизаветы (*Passional* 1852. S. 618–629). Снискавшая известность своей благотворительностью, канонизированная Елизавета Тюрингская особенно подходила Тевтонскому ордену как госпитальному; и хотя в Пруссии эта его функция отошла на второй план, святая Елизавета оставалась его покровительницей – равно как и ряда орденских госпиталей на территории Священной Римской империи (Arnold 1983).

Агиографический материал является неотъемлемой составной частью крестоносной идеологии, какой она предстает на страницах «Хроники» Петра из Дусбурга. Однако хронист не ограничивается тремя упомянутыми святыми покровителями ордена; он не упускает случая представить святыми мучениками (а в Средние века мученичество служило критерием святости) рыцарей Тевтонского ордена, то распространяя это понятие на корпорацию в целом, то приравнивая к мученикам конкретных рыцарей. Примеров (*exempla*) последних в «Хронике» множество, и большинство из них приняли мученическую смерть от пруссов (ПД. III. 66, 90, 91, 145, 189, 338). Вероятно, монашеский идеал бедности, самоотречения и физических мучений сложился под влиянием францисканского благочестия (Dugo 1993. S. 168).

Обычно хронист обращается к Библии, то и дело стирая временные границы между далеким прошлым и не столь давними или даже современными ему событиями. Приобщая крестоносцев к библейским праведникам, он использует для описания испытанных рыцарями мучений фрагменты послания апостола Павла к евреям: «иные же замучены были, другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11: 35–38). В других местах хронист пишет, что «невозможно должным образом поведать, скольким тяготам, скольким опасностям и скольким трудностям постоянно подвергались магистр и братья, чтобы через них вера Христа могла бы получить должное распространение, и чтобы раздвинулись границы христианского мира» (ПД. III. 18), что «не хватит слов, чтобы досконально поведать, сколько... невыносимых лишений перенесли осажденные братья» (ПД. III. 95),

и что на месте одного из жестоких сражений появились горящие свечи в знак того, что «павшие там уже приняли терновый венец от Царя мучеников» (ПД. III. 123).

Мучения, испытываемые крестоносцами, отождествляются со страстями Иисуса Христа. Отсюда – постоянное стремление хрониста обратить внимание читателей на любовь Христа, обращенную к отдельным братьям ордена (то образ распятого Христа протягивает руки к крестоносцу как бы с намерением обнять его [ПД. III. 64]; то один из крестоносцев, находясь в походе, получает святое причастие [ПД. III. 232]; то рыцари погибают в битве, получив пять ран «наподобие пяти ран Христа» [ПД. III. 150, 206]), или на желание крестоносцев (в духе средневекового немецкого мистицизма) подражать Христу. Не случайно Петр из Дусбурга включил в свою «Хронику» эпизод, в котором образ распятого Христа (тоже в духе немецкого мистицизма) благословляет молящегося перед распятием рыцаря (ПД. III. 69). Не исключено здесь и влияние Бернарда Клервоского (Trupinda 2000. S. 199), взгляды которого, как известно, были усвоены крестоносной идеологией, особенно в том, что касается спасения души: погибшие рыцари навеки «воссоединяются со своим Господом» («...magis exsulta et gloriae, si morieris et iungeris Domino». – PL. 182. Col. 923B). В этом усматривают проявление новой христианской религиозности со свойственным ей восприятием Христа как богочеловека, говорят о типологической связи рыцарей Тевтонского ордена с Христом, превращающей их в некий образ Христа (*imago Christi*) (Dygo 1993. S. 172–173).

Крестоносную идеологию питают библейские сюжеты и библейские герои (Rousset 1983. P. 53), проводятся параллели между библейской и современной историей, между героями Библии и рыцарями ордена. Почти эпического масштаба в этом отношении достигает образ комтура Кёнигсберга Бертольда Брухаве (ПД. III. 236), который в представлении хрониста во всем превосходит библейских персонажей и оказывается «сильнее Самсона... святее Давида... мудрее Соломона» (Там же).

Ярчайший пример использования Библии – это, разумеется, глава «Об оружии плотском и духовном», в которой хронист виртуозно истолковывает библейский текст, превращая его в аллерию: «плотское» оружие (щит, меч, копьё, лук, праща, шлем и др.) становится оружием «духовным», в конечном счете – оружием спасения (ПД. II. 8.). Вот где особенно проявился тот «вкус к риторике (*le gout de la rhétorique*)», который отметил в своей

монографии об истории крестоносной идеологии П. Руссе (Rousset 1983. P. 51). Война с язычниками превращается здесь в нечто более изощренное, чем священная война; эту войну хронист называет новой (*novum bellum*): ведь теперь каждому виду оружия придается духовный смысл – «оружие Божье», оружие добродетели и правды. Образцами для подражания становятся библейские герои – царь Давид и Иуда Маккавей, носители именно такого (духовного) оружия, а вслед за тем рыцари ордена превращаются в «новое воинство» (*nova militia*), в духе «терминологии» Бернарда Клервоского.

В XIV в. Тевтонский орден превратился в институт, старавшийся донести до своих рыцарей содержание Библии («eine Institution, die sich... während des gesamten 14. Jhs. darum bemühte, ihren Mitgliedern die Bibel zu vermitteln». – Löser 1998. S. 37). Книги Ветхого Завета предоставляли место не только для аллегорического переосмысления, но и для воспоминаний о пережитом. Например, в «Книге Ездры и Неемии» один из эпизодов происходит в Святой земле, где идет восстановление стен Иерусалима; он явно относится не только (и не столько) к библейским героям, а прежде всего подразумевает испытанное самими крестоносцами:

Wir kerten alle wider hin
Ieclicher zu dem werke sin,
Ein teil der iungen zu arbeit,
Die andren waren zv strite bereit
Mit spere schilde vnd halsperc.
Die eine hant treib vf das werc,
Die andre steteclich daz swert
Zv strite hielt gar vnervert... (v. 1622–1629).

(Это поэтический парафраз библейского текста: «...и все мы возвратились к стене, каждый на свою работу... половина молодых людей у меня занималась работою, а другая половина их держала копья, щиты, и луки, и латы... Строящие стену... одною рукою производили работу, а другою держали копье». – Неем. 4: 15–17). Этот же фрагмент Библии предоставляет Петру из Дусбурга возможность отнести его к орденским рыцарям в Пруссии: «Воистину, воплотилось в них то, что говорится об иудеях, желавших восстановить святой град Иерусалим, противостоя сопротивлению язычников, что половина их занималась работою, а другая держала

копья от восхода зари до появления звезд; одною рукою производили работу, а другою держали меч» (ПД. III. 172). В крестовых походах на Ближний Восток тевтонские рыцари воочию увидели землю, где происходили описанные в книгах «Ездры» и «Неемия» события. В поэтическом парафразе «Ездра и Неемия» имеются и другие фрагменты, напоминающие эпизоды «Хроники» Петра из Дусбурга и, видимо, ставшие для него образцом: «Wir riefen gotes helfe an / Vnd satzen vnser hutesman / Der muren tac vnd ouch die nacht / Daz vnser arbeit wurde volbracht». – v. 1594–1597) («Мы воззвали к помощи Божьей и разместили наших стражей, денно и ночью охранявших стены, ради исполнения нашего труда»); или же содержащие мольбу к Господу о спасении: «Dv bist gerecht got israhel, / Wir sint verslan. gib vns din heil». – v. 1200–1201) («Ты справедливый Бог Израиля, Мы убиты. Даруй нам спасение»).

Особое место в идеологии ордена среди памятников орденской литературы занимали «Книги Маккавейские», «замковый (краеугольный) камень переложения Ветхого Завета на немецкий язык» («Das “Buch der Maccabäer” soll den Schlußstein zu der Verdeutschung des Alten Testaments bilden...». – Jungbluth 1969. S. 40). Маккавеев считали ранними христианами, а «Книги Маккавейские» привлекли к себе внимание в конце XII в., на волне 3-го крестового похода, поскольку в них содержался образец рыцарства, рыцаря-крестоносца (*miles Dei*), слуги Божьего. В немецком парафразе Иуда Маккавей – «вождь рыцарства» («vurste... der ritterschaft». – v. 1997), сражающийся с язычниками (*die heiden*). Библейский сюжет вполне вписывается в мир реалий немецкого крестоносца. Маккавеи стали прообразом Тевтонского ордена в Пруссии – с той лишь разницей, что немецкие крестоносцы не только защищали свою веру, но и обращали в нее прусские племена, выступая при этом словно бы наследниками маккавейских войн. Поэтический парафраз «Книг Маккавейских» появился в ордене в XIV в. Его автор (возможно, им был верховный магистр Лютер Брауншвейгский [1331–1335]) искусно соединяет исторический и аллегорический смысл («nach sinnen der historien / und ouch der allegorien». – v. 107–108). Впрочем, аллегория преобладает настолько, что исторические границы стираются, и Маккавеи превращаются в прообраз тевтонских рыцарей в той же мере, в какой тевтонские рыцари – в их преемников, воплощая собою «новых Маккавеев» («novi sub tempore gratie Maccabei»), как назвал их в булле от 16 января 1221 г. папа Гонорий III. Иными словами, они

ведут войну и как ветхозаветные, и как «новые» Маккавеи (Wüst 2013. S. 161). И Маккавеи, и рыцари ордена объединены общим понятием – «рыцарство» (*ritterschaft*), с которым контрастирует понятие «язычество» (*heidenschaft*). В Прологе к Статутам Тевтонского ордена Маккавеи тоже названы предтечами крестоносцев и крестовых походов (Die Statuten 1890. S. 25, с. 3.). «Книги Маккавейские», позволяющие усмотреть аналогию между подвигами Маккавеев и историей христианства, прочно вписались в круг сочинений, образывавших основу орденской идеологии, как об этом свидетельствует не только «Хроника» Петра из Дусбурга, но и хроники Генриха Латвийского и Николая фон Ерошина. Основное содержание «Книг Маккавейских» – войны между христианами и язычниками, пусть даже праведниками мыслятся то греки, ведомые Александром Македонским против язычников – персов, то израильтяне, живущие в языческом окружении в царстве Давида. Иудеи побеждают язычников силою веры («Die Juden striten mit der hant / ir herze was an got gewant». – v. 11193–11194), что вновь заставляет вспомнить «духовное оружие», проповедуемое Петром из Дусбурга.

Для рыцарей Тевтонского ордена «Книги Маккавейские» превращаются в апологию войны, которую вели «слуги Божьи» в Пруссии, вкладывая в нее всю свою веру и ожидая от Бога непременно вознаграждения их по смерти за мученичество, и даже в «маккавейскую идеологию» ордена (Jencks 1989. P. 187). Цитатами из «Книг Маккавейских» полнится «Хроника» Петра из Дусбурга. Здесь и призыв: «отмщайте за обиды народа вашего и воздайте воздаяние язычникам» (ПД. II. 6), и отчаяние: «Горе нам! Для чего родились мы видеть разорение народа нашего и разорение земли нашей и оставаться здесь, когда она предана в руки врагов? Убиты старики его, юноши его пали от меча врага. Та, что раньше была свободной, сделалась рабой. Вот святыни наши, и благолепие наше, и слава наша опустели, и язычники осквернили их. Для чего нам еще жить?» И они разодрали одежды свои, и облеклись во вретича, и с ними весь присутствовавший народ, исполненный великим страхом, горько плакал» (ПД. III. 40), и утешение «Тех, кому случится читать эту книгу, прошу не страшиться напастей и уразуметь, что эти страдания служат не к погублению, а к вразумлению рода нашего... Он [Господь] никогда не удаляет от нас Своей благодати и, наказывая несчастиями, не оставляет Своего народа» (Там же. III. 172). Не удивительно, что «Книги Маккавейские» были выбраны для

перевода на народный язык. Маккавеи превращаются в основную ветхозаветную модель для исторического и богословского обоснования «новых» войн в Пруссии и ее завоевания (Fischer 2001. P. 270).

Героини библейских книг Иудифь (поэтический парафраз «Книги Иудифь» появился одним из первых, в 1254 г.) и Есфирь, отдававшие себя на благо своему народу, служили орденским рыцарям идеальным примером для подражания. Кроме того, будучи послушными исполнительницами промысла Божьего, в литургической традиции ордена они считались прототипами Девы Марии (Trupinda 1999. S. 175). Вероятно, в образе Иудифи тевтонские рыцари-монахи узнавали (или хотели видеть) себя, ожидая, что Бог поможет и им одолеть врагов оружием веры и добродетели; к тому же пример Иудифи позволял им оправдать насильственные действия против язычников, «обращаемых в истинную веру», – ведь, будучи крестоносцами, они отстаивали ее с оружием в руках, а парафраз «Книги Иудифь» внушал рыцарям, что они ведут «духовную» войну.

В «Книге Есфирь» (полагают, что ее парафраз возник между 1254 и 1260 гг.) положение пленных иудеев в Персии царя Артаксеркса виделось аналогией положению рыцарей Тевтонского ордена в языческом окружении. Крестоносцы, подобно иудеям, тоже нуждались в заступничестве перед Богом. Отсюда интерес к этому библейскому повествованию и его появление на немецком языке. Типология образов в эпилоге соответствует христианской традиции, но понятно, что для орденских рыцарей образ Девы Марии был наполнен особым смыслом. Эпилог парафраза – вознесение хвалы Есфири, посреднице между Мардохеем и царем Артаксерксом, которая словно бы превращается в прообраз Девы Марии, выступающей заступницей рыцарей перед Иисусом: «...unse hester anschrien, / ich meine di lieben marien, / daz sie den kunic assuerum, / den edelen iesum christum, / vor uns getruwelichen bite / daz uns sine helfe wone mite». – v. 1951–1956). Образы Есфири и Девы Марии переплетаются, хотя, несомненно, такие формулировки, как «мать всей правды» («muter aller truwe». – v. 1971) и не раз повторяемые «мать милосердия» («muter der barmherzekeit». – v. 1974, 2003, 2009) и «заступница» («ein vorsprecherinne». – v. 1998), относятся именно к Деве Марии. Лексика родственна текстам средневековых немецких мистиков: *minne* (любовь), *minnecliche* (любимый). И, разумеется, к Деве Марии обращается автор как к «невесте Господа» («du minnecliche gotes brut». – v. 1992) (Матузова 2019).

Современный немецкий исследователь М. Калибе справедливо усматривает типологическое соответствие между образами Есфири и Артаксеркса и Девой Марией и Иисусом. Есфирь, заступница Мардохея перед царем Артаксерксом, становится прообразом Девы Марии, заступницы христиан, в данном случае – рыцарей Тевтонского ордена, перед Христом (Caliebe 2000. S. 472; текст см.: Hester 1985. S. 268–269). Благоговейное отношение к Есфири (*unse Hester*) напоминает то, с каким пиететом относились рыцари ордена к Деве Марии, молитвой к которой вполне естественно завершается немецкий парафраз. В ней звучит просьба автора вечно молиться за своих собратьев:

...vrowe, durch dine groze mildekeit
tu so wol und verebene uns
in die vruntschaft dines suns
mit diner bete, also daz wir
mit allen heiligen bi dir
nach sinem willen in loben da
per infinita secula.
AMEN (vv. 2010–2017).

В библейских поэтических парафразах, как и в орденском историческом описании, традиционно сохраняется противопоставление «праведных» (будь то христиане или иудеи) и «язычников», война с которыми легитимизируется, как говорилось выше, благодаря созданной в Тевтонском ордене общими усилиями богословов и поэтов прочной духовной основе, объединяющей крестоносцев с высшими божественными силами.

Крестоносная идеология, возникшая в Средние века на волне такого исторического события «большой длительности» (выражаясь языком современной французской исторической науки), как крестовые походы, вектор которых протянулся на многие столетия, сохранялась в Тевтонском ордена в XIII–XIV вв. Она служила его интересам в завоевании Пруссии, когда основной задачей ордена было покорение и обращение в христианство языческих прусских племен, живших у восточных границ Священной Римской империи, равно как и формированию самоидентификации и самосознания орденских рыцарей, их воспитанию, что способствовало укреплению ордена как воинской корпорации.

- Матузова В.И.* Литература Тевтонского ордена в Пруссии: поэтические парафразы книг Библии (конец XIII – XIV вв.) // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: юбилейный сб. в честь А.В. Назаренко. М., 2019. С. 313–326 (в печати).
- Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / изд. подг. В.И. Матузова. М., 1997.
- Arnold U.* Elisabeth und Georg als Pfarrpatrone im Deutschordensland Preußen: Zum Selbstverständnis des Deutschen Ordens // Elisabeth, der Deutsche Orden und ihre Kirche: Festschrift zur 700jährigen Wiederkehr der Weihe der Elisabethkirche Marburg 1983 / Hrsg. U. Arnold, H. Liebing. Marburg, 1983. S. 163–185. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 18).
- Arnold U.* Die Frau im Deutschen Orden // Stationen einer Hochschullaufbahn: Festschrift für Annente Kuhn zum 65. Geburtstag / Hrsg. U. Arnold, P. Meyers, U.C. Schmidt. Dortmund, 1999. S. 261–276.
- Arnold U.* Georg im Deutschen Orden bis zur Regelreform im 17. Jahrhundert // Sankt Georg und sein Bilderzyklus in Neuhaus/Böhmen (Jindřichův Hradec): Historische, kunsthistorische und theologische Beiträge / Hrsg. E. Volgger. Marburg, 2002. S. 161–171. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 57).
- S. Bernardi abbatis De laude novae militiae. C. 1 // PL. T. 182. Col. 921–940. Das Buch der Maccabäer in mittelalterlichen Bearbeitung / Hrsg. K. Helm. Tübingen, 1904.
- Caliebe M.* Neue Beiträge zur literarhistorischen Einordnung des Deutsch-Ordens-Hester und zur Geschichte des Estherstoffes // Das Preußenland als Forschungsaufgabe: Festschrift für Udo Arnold zum 60. Geburtstag / Hrsg. B. Jähnig, G. Michels. Lüneburg, 2000. S. 471–478.
- Düsterwald E.* Studien zur politischen Geschichte des Deutschen Ritterordens. Sankt Augustin, 1973.
- Dygo M.* The Political Role of the Cult of the Virgin Mary in Teutonic Prussia in the Fourteenth and Fifteenth Centuries // Journal of Medieval History. Amsterdam, 1989. Vol. 15, no. 1. P. 63–80.
- Dygo M.* Die heiligen Deutschordensritter. Didaktik und Herrschaftsideologie im Deutschen Orden in Preussen um 1300 // Die Spiritualität der Ritterorden im Mittelalter / Hrsg. Z.H. Nowak. Toruń, 1993. S. 165–176.
- Esdras und Neemyas: Eine Deutschordensdichtung aus dem 14. Jahrhundert / Hrsg. S.D. Stirk. Breslau, 1938.
- Fischer M.* Biblical Heroes and the Uses of Literature: The Teutonic Order in the Late Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1150–1500 / Ed. A.V. Murray. Aldershot etc., 2001. P. 261–275.

- Hester. Eine poetische Paraphrase des Buches Esther aus dem Ordensland Preussen / Hrsg. M. Caliebe. Marburg, 1985. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 21).
- Jencks A. Maccabees on the Baltic: The Biblical Apologia of the Teutonic Order: Diss. phil. Seattle, 1989.
- Judith / Hrsg. H.-G. Richert. Tübingen, 1969.
- Jungbluth G. Literarisches Leben im Deutschen Ritterorden // Zur Geschichte des Deutschen Ordens: Zwei Studien. Köln; Wien, 1969. S. 27–51. (Studien zum Deutschtum in Osten; Heft 5).
- Karłowska-Kamzowa A. Ilustrowane Apokalipsy krzyżackie z XIV w. // Studia o działalności i zbiorach biblioteki Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. Toruń, 1991. T. 6. S. 79–135.
- Löser F. Übersetzungen zum Begriff des Deutschordensliteratur und zur Bibelübersetzung // Studien zu Forschungsproblemen der deutschen Literatur in Mittel- und Osteuropa / Hrsg. C.L. Gottmann, P. Hörner. Frankfurt/M, 1998. S. 7–37.
- Das Passional: Eine Legenden-Sammlung des 13. Jhs. / Hrsg. K. Köpke. Quedlinburg; Leipzig, 1852.
- Rousset P. Les origines et les caractères de la première croisade. Neuchâtel, 1945.
- Rousset P. Histoire d'une idéologie: *La Croisade*. Lausanne, 1983.
- Rosenberg B.-M. Marienlob im Deutschordenslande Preussen: Beiträge zur Geschichte der Marienverehrung im DO bis zum Jahre 1525 // Acht Jahrhunderte Deutschen Orden in Einzeldarstellungen / Hrsg. P.K. Wieser O.T. Bad Godesberg, 1967. S. 321–337.
- Die Statuten des Deutschen Ordens nach den ältesten Handschriften / Hrsg. M. Perlbach. Halle, 1890.
- Trupinda J. Biblijne i literackie zapożyczenia w kronice Piotra z Dusburga: Próba częściowej rekonstrukcji warsztatu pisarskiego // Szlachta, starostowie, zaciężni / Pod red. B. Śliwińskiego. Gdańsk, 1998. S. 343–374. (Gdańskie Studia z Dziejów Średniowiecza; № 5).
- Trupinda J. Ideologia krucjatowa w Kronice Piotra z Dusburga. Gdańsk, 1999.
- Trupinda J. Krucjatowe poglądy świętego Bernarda z Clairvaux a ideologia zakonu krzyżackiego zawarta w Kronice Piotra z Dusburga // Cystersi w społeczeństwie Europy Środkowej / Red. M. Wyrwa, J. Dobosz. Poznań, 2000. S. 190–204. (Materiały z konferencji naukowej).
- Wenzel H. Höfische Geschichte. Bern, 1980.
- Wüst M. Studien zum Selbstverständnis des Deutschen Ordens im Mittelalter. Weimar, 2013. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 73).

CRUSADING IDEOLOGY IN THE WRITINGS OF THE TEUTONIC ORDER IN PRUSSIA IN THE 13TH AND 14TH CENTURIES

The article gives a general outline of crusading ideology in the writings (historiography and German poetical paraphrases of the books of Old Testament) of the Teutonic Order in Prussia (the thirteenth and fourteenth centuries). The Teutonic Order was established in the Holy Land in 1190, during the Third Crusade. However, in the thirteenth century its wars in Prussia were equated (and approved by the papacy) with the crusades to the Holy Land. The chief work of the Order's historiography is the *Chronicon terrae Prussiae* by Peter of Dusburg who wrote, so to say, the "programme" work of the Order, which expressed its crusading ideas and at the same time served as its apologia and its "encyclopedia" *sui generis*. The author describes the Prussians as the worst enemies of the Christians, and theologically legitimizes the Order's wars in Prussia as a holy war (i.e. a crusade), the more so as God takes the side of the crusaders. Hagiography, being the inherent part of crusading ideology, serves the same task. Virgin Mary, Saint George and Saint Elisabeth were regarded as "official" patrons of the Order representing each a particular aspect of its existence. However, Peter of Dusburg used every chance to show the Teutonic knights as saint martyrs. Generally, the author, time and again, uses the Bible to erase boundaries between the distant past and the contemporaneity, and shows the links between the Teutonic Order and Christ with the support of the new Christian piety. The knights are *militia Christi*. The author not only uses the concepts of Bernard of Clairvaux, but also develops them. The striking example is the allegory of bodily and spiritual arms. In this part of his *Chronicle* Peter of Dusburg interprets every weapon in his text as a spiritual one, ultimately as the weapon of salvation, while *novum bellum* comes to take the place of the holy war. The heroes of the Bible are identified with the Teutonic knights in Prussia. The special place belongs to the Maccabees, who became the proto-type of the Teutonic Order in Prussia, while the Teutonic knights are their successors. Judith and Hester, the two biblical pious and self-sacrificing heroines, also, serve good examples to the Teutonic crusaders. The books of Ezra and Nehemiah of the Old Testament are to remind of the crusading past of the Order in the Holy Land. Christians in the poetical paraphrases of the Bible traditionally contrast with pagans in order to legitimize the wars against the Prussians. Crusading ideology served interests of the Teutonic Order in Prussia in its wars and in its task to subjugate and convert the Prussian tribes, as well as to form the self-identity of the Teutonic Order and the self-consciousness of its knights as well as to tighten discipline of the military corporation.

Key words: crusades, crusading ideology, the Teutonic Order, Prussia, Peter of Dusburg, *Chronicon terrae Prussiae*, the Bible

А.И. Груша

ПРАВОСУДИЕ ДЛЯ ВЛАСТИТЕЛЯ:
ПРОЦЕСС 1467 г. В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

В статье рассмотрен пример конституирования новых способов рассуждения, выработки нестандартных решений, преодолевающих силу традиционных установлений, в ходе разрешения конфликтов судебным порядком в Великом княжестве Литовском во второй половине XV в. Исследуется процесс 1467 г. между панами Олехной Судимонтовичем и Юрьем Зеновьевичем по делу о земле за речкой Оленец. Этот процесс проливает свет на сложные мотивы каждой из судебных сторон, возможности всех участников процесса в отстаивании своих интересов и прав, явные и скрытые намерения, отношение к социальным нормам и традиционным процедурам этих участников, их стратегии, репертуар ходов и манёвров, мыслительные и эмоциональные реакции в меняющихся обстоятельствах, возникающих вызовах и открывающихся при этом перспективах. Показано, в каких условиях, обстоятельствах и на каком социокультурном фоне могли появляться новые механизмы легитимации.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, суд, право, традиция, новация, судебные показания, судебные процедуры, доказательство, документ, рациональность, критическое мышление, неформальный способ рассуждения

Данная статья является попыткой более внимательно отнестись к одной из тем, затронутых нами в монографии о происхождении документа в Великом княжестве Литовском (далее: ВКЛ) (Груша 2015). Эту тему мы с определенной долей условности определяем как модернизация общества ВКЛ в конце XIV – XV в. Данная модернизация проявила себя во всё прирастающих в числе новациях, в частности в области осуществления власти, управления и суда на разных их уровнях. Документ являлся одной из таких новаций.

В данной же работе мы планируем рассмотреть лишь отдельный пример появления этой новации. Этот пример не показывает изменения, возникшие исподволь, незаметно для общества;

не характеризует трансформации, появившиеся в результате принудительного волеизъявления властей; он не относится к числу тех, что отражают последствия прецедентов. Данный пример иллюстрирует конституирование новых способов рассуждения, выработку нестандартных решений, преодолевающих силу традиционных установлений, в ходе разрешения конфликтов судебным порядком. Это частный, но значимый случай, проливающий свет на сложные мотивы каждой из судебных сторон, возможности всех участников процесса в отстаивании своих интересов и прав, но главное – на явные и скрытые намерения, отношение к социальным нормам и традиционным процедурам этих участников, их стратегии, репертуар ходов и манёвров, а также на мыслительные и эмоциональные реакции в условиях меняющихся обстоятельств, возникающих вызовов и открывающихся при этом перспектив. Используя именно эти важные преимущества данного случая, попытаемся показать, в каких условиях, обстоятельствах и на каком социокультурном фоне могли появляться новые механизмы легитимации.

В центре нашего внимания – судебный процесс, который состоялся в 1467 г. по делу между полоцким наместником паном Олехном Судимонтовичем и паном Юрьем Зеновьевичем о земле за речкой Оленец (Груша 2010. С. 135–137; 2015. С. 39–40). Почти всё, что мы знаем об этом процессе, восходит к судовому листу (самоназвание письменных приговоров суда), изданному в связи с этим процессом. Сам же лист дошел до нас не в подлиннике, а в списке – в составе одной из книг Метрики ВКЛ (LM-25. Р. 268–270).

Представим главных действующих лиц процесса. Истец – Олехно Судимонтович, впервые упоминается в источниках в 1446 г. В разное время он занимал должности господарского подчашого (1448–1477), подкоморого (1449–1453), городенского (1458–1459), полоцкого наместника (1463–1476), виленского воеводы (с 1477), канцлера (с 1477). Умер Олехно в 1490 или 1491 г. Исследователи характеризуют его как, пожалуй, самого влиятельного представителя знати ВКЛ в конце правления польского короля и великого князя литовского Казимира IV Ягайловича (1440–1492) (Petrauskas 2003. Р. 297–298; Пятраўскас 2014. С. 305–306). Ответчик – Юрей Иванович Зеновьевич, хоть и происходил из знатного и богатого рода, никогда не занимал высокого положения при дворе правителя. Его служебная карьера была менее целенаправленной

и более скромной: браславский (1488–1500), смоленский (1507–1508), дорсунишский наместник (в период до конца 1514 г.), могилёвский наместник (с 1514 г.), маршалок (1516). Умер Юрей, вероятно, в 1516 г. (UWKL. Т. 4. S. 51; LM-9. P 168, 295). По всем данным Олехно был старше Юрья.

В качестве судей выступили менский наместник князь Иван Юрьевич (в источнике ошибочно – Иванович) Жеславский (занимал эту должность примерно до 1484 г., впоследствии являлся витебским наместником, ок. 1484–1485) и марковский наместник Михайло Корсакович. О деятельности последнего известно лишь то, что он ранее выступил одним из судей еще в одном деле, имевшем место приблизительно в это же время (Груша 2015. С. 37). В данном процессе Иван Жеславский и Михайло Корсакович выступали как полюбовные судьи (в качестве таковых эти судьи были избраны судебными сторонами: Михайло Корсакович – истцом; Жеславский – ответчиком. – LM-25. P. 270); этот состав судей был утвержден и уполномочен «приказаньем» правителя – великого князя литовского Казимира).

Теперь об объекте тяжбы. Им стала земля за речкой Оленец (левый приток р. Вилия, бассейн Немана, ныне – территория Сморгонского района Гродненской области Республики Беларусь), заселенная крестьянами Лялевичами, сравнительно небольшое земельное владение, не превосходящее по своей площади 4 км² (как можно предположить по предварительным результатам подсчета).

Суть дела заключалась в следующем. Олехно Судимонтович оспорил право Юрья Зеновьевича на землю за речкой Оленец на том основании, что этой землей владел отец Олехны. Юрей не признал это основание, поскольку, с его слов, Судимонт получил указанную землю в результате оговора дяди Юрья – Василья, перед великим князем литовским Жигимонтом (Сигизмундом) Кейстутовичем (1432–1440). К следствию были привлечены показания свидетелей из числа местных бояр и крестьян. Несмотря на то, что свидетели дали эти показания в пользу Олехны, они отказались подтвердить свои слова под присягой. Дело выиграл Юрей Зеновьевич.

Данный документ – один из очень редких источников, позволяющих определить фактические обстоятельства дела, включая законность притязаний каждой из сторон. Следует признать достоверными и точными следующие факты. Суд

с большой ответственностью отнесся к ведению следствия. Выражаясь современным юридическим языком, он обеспечил каждую из сторон равными процессуальными правами в отстаивании их интересов, а также состязательность процесса. По всем данным, судейская коллегия соблюла все необходимые правила и процедуры. Судовый лист был составлен тщательно, со всей старательностью. В нём нет второстепенной, малозначимой информации. Всё в нём представлено по существу дела и сделано это ясно, четко, емко, последовательно и логично. Составители документа акцентировали внимание на всех важных нюансах тяжбы. Безусловно, они позаботились о том, чтобы представить на бумаге (очевидно, подлинник в прямом смысле этого слова был подготовлен на бумаге) действия и решения судей в безупречном виде. Подготовка судебного листа – отдельная задача в оформлении вынесенного вердикта. Но ее выполнение вовсе не было нацелено на то, чтобы сокрыть или закамуфлировать нарушения в ведении дела, отдельные его изъяны. О достоверности и точности фактов, изложенных в источнике, может говорить и то, что проект документа явно был зачитан вслух в присутствии сторон и свидетелей процесса (они отмечены в тексте документа) и оценен аудиторией на предмет указанных характеристик. Приговор суда не был опротестован стороной, проигравшей дело. Он не был подтвержден правителем, но такое подтверждение было не обязательным, и потому данный приговор сохранил свою законную силу.

Столь подробная оценка сведений, отраженных в документе, нам понадобилась главным образом для того, чтобы удостовериться в подлинности вот какой информации. Истец Олехно Судимонтович оказал давление на свидетелей и склонил их к даче ложных показаний, притом что эти последние давались с использованием религиозной процедуры – «сознания» Божьей правды (Груша 2015. С. 37–38). У составителей документа было два повода сообщить об этих показаниях. В первый раз – при описании следствия, цитируя версию одной из сторон. Во второй раз – при описании итогов процесса, приводя признание свидетелей. Выслушав заявление истца о том, что он «держит» свидетелей, «добрые мужи и бояре, которые того гораздо сведоми, што то моихъ людеи земля», судьи спросили у ответчика: «Пане Юри, твоя м(и)л(о)сть, слышишь, ото пань Олехно маеть светъки добрые на то, што есть земля его людеи, а твоя м(и)л(о)сть, пане Юри, чы маеш ли на тое светъки, ижъбы то была земля твоихъ людеи». Юрей ответил, что

всей «околице» известно о принадлежности земли за речкой Оленец его людям, но никто не смеет «светьчити» на Олехна. Приняв предложение Юрья «завести» спорную землю, т.е. провести по границам и ознакомить с составом владений (ГСБМ. Вып. 10. С. 116), и присягнуть, свидетели спустя некоторое время отказались от этого намерения, объяснив свой отказ следующим образом: *«Воленъ его м(и)л(о)сть панъ Олехно над нами, мы на томъ не присягаемъ и греху собе не приимаемъ»* (тут и далее выделено нами. – А.Г.).

Процесс замечателен тремя особенностями. Первая особенность – его ход и резкий поворот на одном из этапов. Истец – первоначально фаворит процесса, имевший психологическое преимущество и уверенно влиявший на следствие, на последнем его этапе потерял это влияние и в результате проиграл дело. Это было серьезное поражение истца, поскольку он не только не добился своего, но и был публично изобличен в судебных махинациях. Вторая особенность заключается в характере этих махинаций. Истец – уже на тот момент крупный, уважаемый и влиятельный сановник, облеченный большим доверием господаря, достигший в конце жизни вершин светской власти, человек рассудительный, известный своими апелляциями к житейской мудрости и христианским ценностям (ПГ. Т. 1. С. 270–272, 274–275, 295–297), принудил свидетелей из числа бояр и крестьян к неугодному для Бога поступку, угрожавшему им бедой. И наконец, третья особенность процесса – «находчивость» ответчика, который сумел предоставить довод, резко изменивший ход процесса и решивший его исход. Всё это те особенности, которые выделяются при первом приближении к данным источника.

Приступим к более тщательному анализу его сведений. Судовый лист запечатлел факты замешательства, колебания и сомнений судей и свидетелей, даже некоторого их смятения, указывающие на то, что в процессе что-то пошло совсем не так, как предполагалось. Эти факты почти теряются в четком, уверенном и последовательном описании судебного процесса. Первое такое замешательство возникло у судей, когда ответчик предложил свидетелям «завести» спорное владение, а «заведши» – присягнуть. В этом случае вершителям правосудия пришлось «помыслить» (подумать). Второе замешательство испытали свидетели. Судьи поинтересовались у свидетелей, могут ли они выполнить то, что предложил ответчик. Свидетели ответили: «В(а)ша м(и)л(о)сть,

нас к тому *не припирайте, нехай межи собою помыслимъ* и, какъ помысливъши, в(а)шои м(и)л(о)сти отъкажемъ».

Попытаемся объяснить причины этих замешательств, колебаний и сомнений. Данное объяснение будет иметь характер вероятного предположения, которое косвенно подтверждается изменениями, происходившими в это время в области правосудия ВКЛ. Последнее искало такие принципы функционирования, соблюдение которых обеспечивало бы доверие к следствию, процессу и судебным вердиктам. И этому принципу, в частности, отвечала набиравшая силу практика подготовки судебных листов (Груша 2015. С. 203–205). Последние, имевшие характер отчетов, давали возможность агентам высшей судебной инстанции, авторитетным знатокам права оценить тщательность проведенного следствия, соблюдения процедуры, изыскания оснований, необходимых для вынесения обоснованного приговора суда, в конце концов, компетентность судей. То, что мы знаем о рассматриваемом процессе, почти всецело восходит к одному из таких листов.

Как мы считаем, Олехно Судимонтович твердо рассчитывал на определенный сценарий процесса – клишированный, предполагавший выполнение стандартной программы действий. В основе его «стратегического планирования» лежало предположение, что судьи примут решение на основании лишь информации свидетелей, не прибегая к присяге. Олехно как истец, согласно действовавшим нормам судебного права, обладал первоочередным правом предоставления свидетелей, показания которых, даже не подтвержденные присягой, имели решающее значение (на наш взгляд, именно большая вероятность избежать присяги сделала крестьян и бояр, которых Олехно принуждал к ложному свидетельству, более уступчивыми и сговорчивыми). Причиной замешательства судей послужило то, что ответчик неожиданно предложил свидетелям истца совершить такое действие, которое отсутствовало в арсенале суда. Согласие судей с этим предложением вызвало и замешательство свидетелей. Характерно, что свидетелям понадобилось время для раздумий – оценки ситуации и поиска вариантов решения. Но попытки найти эти варианты оказались тщетными. Возможно, Олехно, которому определенно принадлежал план общих со свидетелями действий, был слишком уверен в том, что процесс пойдет по предполагаемому сценарию. В силу этого он не продумал запасных вариантов. В рамках существовавших правил в разыгранной

Олехной партии его свидетели оказались лишенными каких-либо ходов и манёвров.

Если наше предположение верно, то в первую очередь возникают следующие вопросы. Какие силы вторглись в процесс и нарушили его планируемые легкость, ход и результат? Это было стечение случайных, особых обстоятельств, казус, возникший в рамках традиционных практик и решений? Или это были обстоятельства, подготовленные в результате неизбежных, закономерных и необратимых изменений, вызревших внутри общества? Мы склоняемся к последнему мнению. И к нему нас подводят факты, содержащиеся в анализируемом источнике. Рассмотрим данные факты и попытаемся объяснить их.

Напомним, что Олехно Судимонтович оказал давление на свидетелей и склонил их к даче ложных показаний, притом что последние давались с использованием процедуры «сознания» Божьей правды. Таким образом, эта религиозная процедура стала утрачивать фактическую силу. Свидетелей, призываемых к этой правде, стало возможным склонять к нарушению Божьих установлений и моральных норм. Это первый известный нам случай ложных показаний свидетелей. Для того, чтобы показать, какую доказательную силу имела ранее и отчасти еще сохраняла процедура свидетельства Божьей правды, приведем один, но многозначительный пример. Приблизительно в это же время – в 60-х гг. XV в., но чуть раньше нашего процесса, разбиралось дело между двумя молодыми, но знатными и богатыми панями Яном Юшкевичем и Яном Петрашевичем об избиении и грабеже бобровников и отнятии бобров. Решающим доказательством в этом деле послужило «сознание» Божьей правды *личных подданных* Яна Юшкевича, которые дали показание *не в пользу своего пана* (Груша 2015. С. 37–38). Заметим при этом, что Ян Юшкевич, больше известный по источникам и литературе как Ян Юрьевич Заберезинский, если судить по его карьерным устремлениям, а также по его жесткому противоборству с Михайлом Львовичем Глинским (закончившемуся гибелью Заберезинского от рук последнего в 1508 г.), не отличался, во всяком случае в зрелом возрасте, большой сдержанностью и уступчивостью в том, что касалось власти. Утрата фактической силы свидетельства Божьей правды в судебном процессе между Олехной и Юрьем является достаточным основанием, чтобы говорить об упадке прежних форм религиозности и морали.

Подчеркнем, что в нашем случае речь идет не о сговоре со свидетелями, их подкупе, т.е. о некоем более или менее «равноправном» и «взаимовыгодном» договоре, а о давлении на них. Силу влияния Олехны Судимонтовича в нашем деле позволяют оценить следующие факты. Во-первых, население, которое, со слов Юрья, «не смеют светить на пана Олехна», являлось довольно многочисленным – вся «околица». Под «околицей» тут надо понимать окрестности главного двора Олехны – Хожовая. Эти окрестности включали, помимо прочего, сёла Жасковичи и Готковичи Марковского повета (жители которых и давали показания в пользу Олехны; ныне все эти населенные пункты находятся на территории Молодеченского района Минской области Республики Беларусь). Указанные сёла располагались в 23 км от главной резиденции Олехны. Радиус заселенной территории, превышавший 20 км, очерчивает условную зону влияния Олехны. Разумеется, в данном случае речь идет не о влиянии на подданных, принадлежавших крупным панам (ясно и то, что данное влияние не распространялось на бояр и крестьян Юрья Зеновьевича, которые, как следует из источника, были готовы защищать интересы своего пана и признанием, и присягой). Во-вторых, среди этих подданных были не только крестьяне, но и бояре, положение и статус которых давали им возможность сопротивляться влиянию «сильных» людей. В-третьих, неформальная власть Олехны превышала авторитет местной официальной власти, *перед лицом которой* – перед марковским наместником Михайлой Корсаковичем, являвшимся одним из судей в данном процессе, бояре и крестьяне подведомственного ему округа *единогласно* («у в одно слово») давали заведомо ложную информацию. Данные факты показывают, какой степенью влияния мог обладать сановник, занимавший далеко не самую высокую должность, но входивший в состав панов рад, к тому же, как видно, наделенный, в том числе в силу своего властного положения, неукротимым характером. Такого влияния на местное население не имел более молодой по возрасту и не занимавший никаких постов Юрей Зеновьевич.

Личность Олехны Судимонтовича, вызывавшая страх и трепет у местного населения, интересна и вот в каком аспекте. Как уже неоднократно указывалось, он обязал господарских подданных дать ложную информацию при «сознании» Божьей правды. Этот поступок свидетелей вел к «образу» (вреде) их душам и «напасте» (беде) (Срезневский 2003. С. 6; ГСБМ. Вып. 19. С. 171–172;

Вып. 21. С. 250). В социальном плане разоблачение в даче этих показаний угрожало лжесвидетелям утратой репутации, изоляцией и, как результат, нарушением базовых социальных принципов – групповой солидарности и соседского согласия. Но, даже не будучи разоблаченными, они должны были испытывать сильнейший страх и потрясение, опасаясь Божьего наказания. Олехно, толкая подданных к религиозному проступку, обрекая их на страдания в этом и ином мире, был лишен сочувствия к ним. Он не находил эти страх, потрясение и страдания достойными сожаления. И это, помимо всего прочего, являлось важным признаком социальной дискриминации. Гибнущие души подданных не обладали для него высокой ценностью и уважением. И это притом, что, напомним, среди подданных были не только крестьяне, но и представители военно-служилого класса – бояре.

Такой правовой акт, как религиозная присяга, у низовых слоев населения сохранял сильные позиции. Если она должна была подтвердить ложное свидетельство, ее приближение внушало ужас, граничивший с глубинными психологическими переживаниями. Источник дает возможность догадываться, как нарастала эмоциональная напряженность свидетелей по мере приближения срока сложения присяги. В нашем случае это священное действие должно было состояться на спорной земле. Но, не дойдя до нее, свидетели отказались от принесения присяги. Мы можем определить степень упадка прежних форм религиозности и морали на ее условной шкале. Подданные были готовы подвергнуться «образу» души и «напасте». Но они всё же отказались дать признания под присягой, объяснив это нежеланием стать на путь греха.

Число людей разного социального статуса, на которых оказал давление Олехно, может указывать на то, что в судебной практике случаи принуждения к лжесвидетельству были не новы, а у отдельных лиц имелся опыт такого принуждения. Эти случаи не являлись сверхординарными, но еще и не были регулярными в той мере, чтобы основательно угрожать правопорядку. Поэтому в праве отсутствовал такой субъект, как лжесвидетели, равно как и нормы, предусматривавшие отстранение от участия в суде лиц, подозреваемых в даче ложных показаний, привлечение их к судебной ответственности. Вот почему, несмотря на предупреждение Юрья Зеновьевича о том, что потенциальные свидетели не способны предоставить правдивую информацию, они всё же были привлечены к участию в процедуре «сознания»

Божьей правды. С фактом отсутствия этих норм коррелирует другой факт: сохранение юридической силы за свидетельством Божьей правды. Но приметы кризиса данной процедуры уже проявляли себя. Она, как показывает рассматриваемый источник, стала давать сбои в судебных делах с участием представителей социальной элиты. Вскоре эта процедура исчезнет навсегда. Упоминание о ней в нашем источнике – одно из последних из числа известных (Груша 2015. С. 37–40; Мікульскі 2016. С. 155). Ее исчезновение совпало по времени с появлением правовых решений, мер и норм, исключавших или ограничивавших возможность дачи ложных показаний, в том числе, кстати, и под присягой (Груша 2015. С. 151–155).

Эти и другие сведения позволяют оценить возможности и соотношение сил всех участников процесса к его началу. Сильный и влиятельный Олехно, бесспорно искушенный в судебных делах, сам опытный судья (судебные функции ему вменялись как городенскому старосте и полоцкому воеводе), вступал в процесс, вооружившись решающим с позиций судопроизводства доводом – показаниями свидетелей. Правда, эти показания вызывали подозрение. О возможностях второй стороны – Юрья лучше всего выразился он сам: «Сведомо всеи околицы, што то есть земля моихъ людеи, але не смеють светъчити на пана Олехъна». Судьи были стеснены необходимостью использовать традиционные приемы ведения процесса и дали возможность истцу действовать по разработанному им плану. Правовое преимущество Олехны заключалось в том, что подозрение в лжесвидетельстве не являлось «юридическим случаем» и могло быть проигнорировано судьями.

А теперь посмотрим, как развивался процесс. Выяснив у Юрья, каким образом спорная земля перешла Судимонту, суд обратился к Олехне с вопросом: «Чимъ, твоя м(и)л(о)сть, доведешъ, ижъ-бы тая земля была тыхъ твоихъ людеи Лялевичъ». Истец ответил, что у него есть добрые мужи и бояре, которым хорошо известно – эта земля принадлежит ему. Тот же вопрос был задан и Юрью. Отвечая именно на него, Юрей обратил внимание на то, что предполагаемые свидетели «не смеють светъчити на пана Олехъна». Ответчик выразил следующее желание: «Хочу слышати и видети тыхъ светъковъ всихъ пана Олехъновыхъ, а вслышу ихъ сведецтва, какъ они будутъ перед в(а)шею м(и)л(о)стью светчити, тогда в(а)шей м(и)л(о)сти отъкажу». Судьи приказали Олехне поставить свидетелей. Последние были поставлены, а их

имена переписаны. Все они оказались королевскими крестьянами и боярами Марковского повета. Опрос свидетелей производился тремя отдельными группами. Судьи обратились к ним со следующим требованием: «Вы, светьки, поведате намъ *по правьде, такъ какъ ся Б(о)га боячи*, чия то есть земля, которое пань Оলেখно ищет». Все свидетели единогласно сообщили, что земля принадлежит людям Оলেখны.

У суда с формальной точки зрения имелись все основания завершить процесс, признав правым Оলেখну. Но процесс не был завершен. Следовательно, судьи не проигнорировали подозрения в лжесвидетельстве. Более того, они явно придали значение этим подозрениям и посчитали необходимым их проверить. Способом проверки могла служить процедура опроса свидетелей «порозну», т.е. отдельными группами (чтобы лишить психологической поддержки в большой группе и тем самым повысить их уровень ответственности и честности, а также выявить противоречия в показаниях). В распоряжении судей, похоже, имелись и иные методы проверки: анализ невербального поведения – психофизиологических реакций (взгляд, частота миганий, ритм дыхания, цвет кожных покровов, потоотделение, тон голоса, темп речи и др.) – и содержания речи (правда, тут судьи не выявили никаких проявлений лжи: свидетели дали показания «у в одно слово»). Возможно, результаты этой проверки дали основания всерьез усомниться в правдивости информации свидетелей.

После получения показаний от свидетелей Оলেখны, судьи спросили у Юрья, какое доказательство он может противопоставить этим показаниям. Юрей выразил намерение поставить в качестве свидетелей всех его собственных бояр и крестьян, которые были готовы подкрепить свою информацию присягой. Судьи отказали ему в данном намерении, сославшись на принятый в судопроизводстве порядок. Но показательно, что при этом они дали Юрию еще один шанс возразить истцу. Воспользовавшись им, ответчик произнес реплику, исполненную драматизма, которая и изменила ход процесса: «Могу на томъ утерьпети, коли тые светьки вси такъ светьчать, што то есть не моя отчизна, а будеть ли то пана Оলেখновыхъ люди по тотъ рубеж верху писаныи, нехаи тые светьки вси пана Оলেখновы, какъ ведають, такъ и заведуть, а заведши нехаи присягнут, *и я на томъ пану Оলেখну поклонивъши ся и заплакавши з людьми своими из отъчизны своею хочу вонъ выступити*».

Эта реплика – повод остановиться на вопросе о факторе эмоций в стимулировании судей к установлению истины в данном деле. Каждая из сторон имела твердые намерения и решимость отстаивать свои права. Со слов судей: «И пань Оলেখно с паномь Юремь *много мовили* перед нами о тую землю...». Эти намерения не являлись попыткой испытать удачу, сыграв на неопределенности правовых норм в этом сложном процессе. Стороны относились к спору очень ответственно. Этот спор был ожесточенным. В нём каждая из сторон проявляла недюжий напор и не сдавалась под противодействием другой стороны. Это было обусловлено и тем, что и для Юрья, и для Оলেখны земля за речкой Оленец была наследственным владением. Она принадлежала дяде Юрья – Василью. Для Оলেখны же она являлась отчиной. Не важно, как и когда эта земля была приобретена отцом Оলেখны. Главным было то, что Оলেখне она досталась от отца. Следует понимать, что представляла собой земельная отчина для ее владельца. Отношение к ней не было сугубо прагматичным. Отчина являлась своего рода «местом памяти» рода. Связанная с воспоминанием об отце, памятью о его заслугах и положении, она формировала сильные и сложные эмоциональные образы. В этом плане размер земельной отчины, как в нашем случае, не имел большого значения. Об остроте противоборства говорит тот факт, что стремление Оলেখны отсудить землю привело его к судебным махинациям. Оলেখно сознательно и прямо обязал свидетелей прибегнуть к ложным показаниям.

Мы склонны считать, что рассматриваемый спор являлся одним из эпизодов давнего и затянувшегося междоусобного конфликта. Спорное владение некогда являлось частью общего «именья» Ивана Зеновьевича – отца Юрья, и брата Ивана – Василья, доставшегося братьям от их отца – Зеновья Братошича (Petrauskas 2003. P. 218; Пятраўскас 2014. С. 217–218) (Юрей называл эту землю «отчизной и *дедизной*»). Братья разделили это владение «наполю». В результате раздела Ивану достались люди Бороброновичи с их землей, а Василью – люди Лялевичи с землей – это и была та самая земля, из-за которой судились Оলেখно Судимонтович и Юрей Зеновьевич. Во время войны великого князя литовского Жигимонта Кейстутовича и Швитригайлы (Свидригайлы) Ольгердовича в 30-х гг. XV в. (о ней см.: Полехов 2015) Василей Зеновьевич был оклеветан Судимонтом – Василья обвинили в том, что он якобы перешел на сторону Швитригайлы. Разгневанный

правитель отнял у Василья его «дельницу» и передал ее Судимонту (это произошло в конце 1432 – начале 1433 г.; см.: Полевых 2015. С. 312–313).

Как уже отмечалось, на суде Олехно и Юрей «много мовили» об этой земле. Чтó являлось предметом прений, не сообщается. Не подлежит, однако, сомнению, что они касались вопроса о сроке давности владения землей. Ибо если лицо, претендовавшее на землю, на протяжении продолжительного времени официально не напоминало о своих претензиях, то эта земля навсегда оставалась в руках ее фактического владельца (Груша 2015. С. 49–51). На момент подачи иска Олехной, землей за речкой Оленец фактически владел Юрей Зеновьевич, а не ее правообладатель по отцу – Олехно. Но какое время он ей владел, мы не знаем. Поэтому нам трудно сказать, мог ли Юрей воспользоваться доводами, связанными с правом давности. Вообще же источник ничего не сообщает о подобных доводах. Полагаем, что аргументы сторон по этому вопросу были настолько непригодными, неприемлемыми и незначительными для судей, что последние не посчитали нужными приобщить их к следствию, сообщив о прениях лишь в самой общей форме («много мовили»).

Как бы то ни было, причиной длительного межродового конфликта вполне могла стать клевета отца Олехны на дядю Юрья, приведшая Зеновьевичей к утрате отчинного владения, материальному ущербу и «репутационным потерям». Противостояние между родами могло продолжиться и в следующем поколении: между сыном Судимонта – Олехной, и племянникам Василья – Юрьем Зеновьевичем. В результате в руках Юрья Зеновьевича и оказалась та земля, из-за которой он был привлечен к суду Олехной. Межродовой характер конфликта делал стороны более непримиримыми, а данный процесс – эмоционально напряженным.

Напряженность процесса возлагала на судей дополнительную ответственность. Суд должен был найти такие веские основания, принять такое выверенное решение, которые были бы убедительными для обеих сторон, даже несмотря на их враждебность друг другу.

Именно после эмоциональной реплики Юрья судьи и пришли к замешательству. На судей явно подействовало возвание ответчика к их чувствам. Но главной причиной этого замешательства явилось то, что Юрей, как мы предположили выше, неожиданно предложил свидетелям истца совершить такое действие, которое

отсутствовало в арсенале суда. После раздумий суд принял предложение ответчика. Источник характеризует это решение как принципиальное, непреложное, основанное на полной убежденности судей в его правомерности: они «о томъ помысливши и тому порозумели, *што без того не можетъ быти*, а наболеи о земленомъ деле». Но поскольку этому решению судей предшествовало их замешательство и раздумья, ясно, что к выводу о состоятельности предложения ответчика они пришли не сразу – через сомнения. И лишь анализ данного предложения позволил им побороть сомнения и должным образом оценить целесообразность и обоснованность того, что было предложено ответчиком. Слова судей, что «без того не можетъ быти», выражают и полное отсутствие у них сомнений в связи с ранее принятым решением о проверке подозрений или же полное исчезновение этих сомнений после произведенного анализа и оценки предложения ответчика.

В чем заключалась «лазейка» для ответчика, позволившая ему повернуть ход процесса? Мы склоняемся к следующей версии. Юрей предложил свидетелям истца подтвердить, строго говоря, не факт принадлежности владений, а их границы. Формально это предложение не соответствовало направленности спора; оно не отвечало процедуре, принятой в этих делах. Но это был *аргумент логического характера*. Ведь если свидетели обладали информацией о принадлежности земли, следовательно, они должны были знать и ее границы (как надо понимать, во всяком случае, отдельные участки границы спорной земли и земель свидетелей были общими). Предложенный Юрьем довод представлял самый короткий путь от сложного узла вопросов к их разрешению. Правда, эта версия вступает в противоречие с некоторыми фактами и интерпретациями, представленными нами выше. Неужели Олехно Судимонтович, имевший опыт в судебных делах, не смог предвидеть выдвижения подобного аргумента? Возникают также и следующие вопросы. Почему этот «логический аргумент», имевший, на первый взгляд, бесспорную доказательную силу, отсутствовал среди процедур суда? В чем заключались сомнения и анализ судей? В конце концов, каким образом сработала «лазейка» ответчика?

Дело в том, что этот аргумент сам по себе не имел никакого веса. Он не был подкреплён традицией. Поэтому Олехно, разрабатывая свой «стратегический план», не смог предвидеть его выдвижения. Этот факт – красноречивый. Олехно, вероятней всего,

ни разу не сталкивался с подобным аргументом в своей судебной практике. Чтобы он возымел силу, его надо было «подвести» к существовавшим судебнo-процессуальным нормам, «текущий контроль» за соблюдением которых вели знатоки права из числа местных авторитетных жителей и ближайшего окружения судей в данном процессе – его свидетели (перечень данных свидетелей приведен в конце судебного листа; их роль в качестве экспертов права, так же как и аналогичная роль свидетелей иных судебных процессов, достойна отдельного исследования). Вопрос о том, *в какой мере* данный аргумент можно было «подвести» к указанным нормам, являлся предметом сомнений судей. Вопрос – *как* можно было это сделать, составлял предмет их анализа. Приняв указанный аргумент, судьи всё же смогли представить и «провести» его так, чтобы он был в конечном счете одобрен в качестве обоснованного, целесообразного и справедливого. Одно понятие, использованное в формулировке решения судей, позволяет догадываться, какой прием они при этом применили. Это понятие – «земленое дело», т.е. дело о земельном владении, отождествляемое в поздних судебных листах с выездом судей или их представителей – «ездоков», на спорную землю для проведения следствия на месте (ЛМ-228. С. 152, 256, 314, 320), а иногда и одновременно с таким способом обоснования прав на землю, как присяга (РИБ. Т. 20. Стб. 724–725, 760–761, 908). Указанный прием, как мы считаем, заключался в следующем. Данный логический аргумент был представлен в компромиссном виде. Судьи, *в целом* приняв традиционные принципы, предусмотренные процедурой «земленого дела», тем самым утвердив свои позиции как знающих и справедливых вершителей правосудия, приверженных традиции, закамouflировали отступление от традиции *в решении отдельного вопроса*. И это отступление, очевидно, нашло сочувствие среди «добрых людей», свидетелей процесса – представителей местного населения, формировавших общественное мнение об этих и других поступках и посягательствах Олехны.

Как показывает дальнейший ход процесса, ответчик и судьи не ошиблись, избрав «завод» земли и присягу в качестве доказательства прав на землю за речкой Оленец. Как уже отмечалось, предложение судей «завести» землю и присягнуть повергло свидетелей в смятение. Они попросили не «припирать», т.е. заставлять их, и дать возможность «межи собою помыслить всим», т.е. подумать и обсудить между собой. Не найдя убедительных вариантов

возражения, свидетели согласились с предложением судей. Судьи признали «завод» и присягу свидетелей окончательным доказательством, призванным положить конец спору. Со слов судей: «И мы, суди, суд свои завезали на конецъ: естъли тые светъки вси тую землю заведуть и на томъ присягнут, тогда пана Олехновымъ людямъ тая земля, а естъли тые светъки не присягнутъ, тогда пана Юревымъ людемъ тая земля». Участники процесса двинулись на спорную землю. Но на пути туда свидетели *«все в одно слово»* признались, что в этом процессе они были подневольны Олехне. Таким образом, намерение привлечь свидетелей к присяге подтвердило утверждение Юрья и подозрения судей в лживости показаний тех, кто должен был доказать правоту Олехны, вскрыло настоящие мотивы поступка этих свидетелей. Поскольку решение судей о «заводе» спорного владения свидетелями и их присяге было окончательным, а свидетели не выполнили данное решение, судьи признали правым в этом процессе Юрья Зеновевича.

Подведем некоторые итоги. Мы видим, что судьи не были зациклены на процедуре и строгом следовании традиционным канонам. Нацеленные на установление истины, проявив твердость в преодолении как минимум психологического давления со стороны Олехны, собственных колебаний и сомнений, они приняли нестандартное, скорее всего, беспрецедентное решение, отдав предпочтение логическим, а не традиционным доказательствам. Могущественный Олехно, полагавший свое право на власть, силу и влияние, рассчитывавший на возможность ввести следствие в заблуждение, действовавший при этом последовательно и закономерно, недооценил верность правосудию, волю, подготовленность и зрелость судей.

Стоит отметить также, что процесс был почти полностью лишен признаков игры, спектакля, перфоманса, в которых главным методом судебных сторон было воздействие друг на друга, на судей, манипулирование, провоцировавшее их на те или иные слова и действия, с использованием лингвистических, риторических, эмоционально-психологических и других техник (см. о таких процессах: Pieniądz 2016).

Серьезные изменения в обществе проявились в упадке прежних форм религиозности, в частности в исчезновении строгих и действенных санкций за нарушение религиозных и моральных норм. В прямом смысле крестьяне и бояре стали больше бояться панов, их расправы за неподчинение и непослушание, нежели

Бога и его наказания за нарушение установленных им порядков. Этот упадок нарушал баланс социальных сил, расширял каналы насилия, превратив угрозы и ложь в инструмент воздействия на индивидов и группы в партикулярных интересах влиятельных персон. Возможность этого воздействия раззадоривала мирских владетелей, упоенных властью, лишала их эмпатии в отношении менее защищенных социальных групп, искушала к подавлению их воли, принуждая их к порочащим и компрометирующим поступкам, которые к тому же наносили вред их душам и сулили беду и несчастье. Возникшие условия сами по себе готовили питательную почву для конфликтов. Но когда конфликты доходили до суда, то выяснялось, что существовавшие принципы и методы правосудия не приносили ожидаемых результатов – они сами превратились в средство незаконных притязаний и судебных махинаций. Сложность ситуации заключалась в том, что в значительной степени именно на этих принципах и методах зиждился авторитет суда. Судьи оказывались в новых, неизвестных им до этого, уникальных, нестандартных обстоятельствах, когда отсутствовали заранее готовые решения, унаследованные традицией. В этих обстоятельствах у них не было иных возможностей, как только пытаться искать выверенные и взвешенные решения вне традиции, апеллируя к своему разуму и разуму тех, кто оценивал их решения, применяя, как бы мы сказали сегодня, критическое мышление. Использование последнего в случае нашего процесса требовало учета и анализа, кроме всего остального, субъективного, личностного фактора, обращения к неформальному способу расуждения, поиску и выдвижению новых фактов.

Применение этого мышления стимулировалось психологическим накалом процесса. В этом накале преломлялось не только напряжение, вызванное фронтальной встречей двух решительных противоборствовавших сторон, но также и различные страхи и риски всех участников процесса: страхи и риски истца – утратить отцовское владение, несмотря на все предпринятые ухищрения, которые к тому же в определенной степени манифестировали его неформальную власть; ответчика – не добиться правды из-за этих ухищрений; свидетелей – быть наказанными или Богом за нарушение его установлений, или могущественным соседом за невыполнение его требований; судей – потерять управление процедурой, климатом процесса, а в результате – авторитет и репутацию как творцов правосудия и доверие правителя. Этот накал усиливался

из-за явного психологического давления истца на вторую сторону и судей. В условиях данного накала поиск и выдвижение новых фактов, принятие решений происходило через замешательства, колебания, сомнения судей. Но данные решения являлись не демонстрацией нового мышления, наоборот, они выдавались за традицию.

В этих условиях – изменения форм религиозности, упадка моральных норм, нарушения баланса социальных сил, несостоятельности традиционных процедур и психологического накала, происходило утверждение документальных практик. Документ наследовал традицию, замещая ее там, где она рутинизировалась и исчерпала ресурсы религиозного императива. Он заменил показания свидетелей, утративших страх Божий, нестойких в свидетельстве правды под натиском сильных и властных соседей. Когда судебный процесс вышел за рамки традиции и перестал быть клишированным, предполагавшим выполнение стандартной программы действий, а судьи оказывались в непривычных обстоятельствах, документ был призван подтвердить правильность проведенного процесса и обоснованность приговора суда.

Один из документов зафиксировал и удостоверил решение по данному процессу. Это один из ранних судебных листов в ВКЛ. Для своего времени это тоже была новация, подобно тому решению, которое приняли судьи. Как мы видим, именно судьи являлись генераторами разных рациональных решений.

Спустя более чем 50 лет, в 1522 г., возник новый спор о земле за речкой Оленец – на этот раз между сыном Юрья Зеновевича – также Юрьем, и крестьянами из сёл Жасковичи и Готковичи – сыновьями и внуками тех, кто давал ложные показания под давлением Олехны. И, хотя существование письменного приговора суда за 1467 г. не усмирило пыл второй стороны, именно этот лист и еще один документ, а не «сознание» Божьей правды и даже не присяга, стали основанием для решения суда (в пользу Юрья Юрьевича Зеновевича) (LM-25. Р. 266–268).

Древнейшие из известных судебных листов в ВКЛ относятся ко времени правления великого князя Витовта (1392–1430). С 40-х гг. XV в. можно наблюдать более или менее регулярное составление подобных документов (Груша 2015. С. 126, 183, 186, 196, 294–205). Динамика внедрения документа в судебный процесс в определенной мере отражает динамику общественных

изменений, приведших к рутинизации и упадку традиции. Однако к 60-м гг. XV в. судебный лист еще не стал неотъемлемой частью этого процесса.

Как иные рациональные новации документ носил в себе приметы традиции. В основе формуляра рассматриваемого документа – не лаконичные, беспристрастные канцелярские формулы, а развитие повествования, сочетающее в себе детальные указания производимых действий и развернутые диалоги судей и сторон, как будто точно зафиксировавшие то, что произносилось. Эта точность проявляется не только в сохранении приема рассказа от первого лица, но и в использовании обращений, образных выражений и других особенностей, присущих устной речи. Этот судебный лист походит на пьесу, написанную в жанре драмы. Все эти особенности не уникальны – они являются типичными для документов данной разновидности, созданных в ВКЛ в 40–90-х гг. XV в. Такой способ изложения оживлял у читающих документ образы и ход процесса, лучше сохраняя их в памяти (Груша 2015. С. 223–225).

Традиции и рациональные новации перемежались. Выше мы отметили такие рациональные черты содержания документа и изложение текста, как представление дела по существу, ясно, четко, емко, последовательно и логично. Но полнота описания процесса в документе, очевидно, страдает. Документ явно умалчивает, например, о давлении Олехны на судей, на Юрья Зеновевича, возможно, о других нелицеприятных действиях и словах Олехны. И данное умолчание также было «рациональным». Это было не дело судей публично оглашать то, что не касалось судебных процедур и могло испортить репутацию Олехны, хоть провинившегося подданного, но всё же верного господарю.

ЛИТЕРАТУРА

- Груша А.И. Недоверие – не из-за него ли появился письменный акт? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 1. С. 131–156.
- Груша А.И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Минск, 2015.
- Мікульскі Ю.М. Беларуска граматы 1460–1544 г. са сховішчаў Вільні і Варшавы // *Беларуская даўніна: Studia et fontes* / Рэд. Ю.М. Мікульскі. Мінск, 2016. Вып. 3, № 2. С. 131–184.

- Полехов С.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.
- Пятраўскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV–XVст.: склад, структура, улада / пер. з літ. мовы А. Мікус. Смаленск, 2014.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. М., 2003. Т. 2: Л–П.
- Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a. Sudėtis. Struktūra. Valdžia. Vilnius, 2003.
- Pieniędz A.* Literacy and the legal culture of the early middle ages. Old research – new questions // *Právni kultura středověku*. Praha, 2016. (Colloquia mediaevalia Pragensia; 17). S. 13–25.

Aleksandr I. Hruša

JUSTICE FOR THE LORD: THE PROCESS OF 1467 IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL CHANGES IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE SECOND HALF OF THE 15TH CENTURY

The paper follows an example of establishing new ways of reasoning, taking nonstandard decisions, and overcoming of the power of traditional norms, in the practice of justice in the Great Duchy of Lithuania in the second half of the 15th century. The lawsuit of 1467, between Olekhna Sudimontovich and Yurey Zenovyevich, concerning a land property over River Olenets, is analyzed. The surviving record of the lawsuit allows us to analyze the motives of both parties, the opportunities they had as to defend their interests, their explicit and implicit claims, their attitudes towards social norms and traditional procedures, the repertory of their steps, manoeuvres, strategies, their mental and emotional reactions in changing circumstances, in response to new challenges and new perspectives. It is shown in which conditions, circumstances, and socio-cultural environment new forms of legitimization appeared. The lawsuit analyzed almost entirely lacked elements of game or performance, in which the main method of the parties would have been to influence each other and the judges, to manipulate them, to provoke certain sayings or actions using linguistic, rhetoric, or psychological techniques. The judges were not dogmatic in their following of traditional canons. Purporting at finding out of the truth, overcoming psychological pressure from of the parties of the lawsuit as well as their own hesitations and doubts, the judges took a non-standard, unprecedented decision. They chose logical proofs instead of traditional ones.

One can conclude that social changes of the 15th century led to a decline of old forms of piety, including the disappearance of severe and effective sanctions for breaking religious and moral norms. This decline broke the balance of social forces, increased violence, made intimidating and lie instruments in the hands of

certain powerful persons advocating their private interests. Traditional principles and methods of justice became a mean of illegal claims and manipulations. The judges found themselves in new, nonstandard circumstances, where there were no ready decisions inherited from the tradition. In those circumstances they tried to find out verified and balanced decisions relying not upon the tradition but upon their own reasoning and upon the reasoning of those who assessed their decisions. The judges, thus, turned to critical thinking. The latter implied that they had to consider and to analyze, among other things, the subjective, personal factor, to turn to an informal way of thinking, to search and consider new facts.

In those conditions of the changing forms of piety, the decline of moral norms, the breaking of social balance, the inability of legal procedures, and the psychological tension, documental practices emerged. Document was a heir of the tradition. It replaced the tradition where the latter became routine and could not play the role of religious imperative any more. Document replaced oral testimony. When trial overcame the frames of the tradition and stopped to be uniform, presupposing a standard sequence of steps, and when the judges faced unusual circumstances, that was the document which helped to justify the strictness of the course of the trial and the validity of the decision taken.

Key words: the Great Duchy of Lithuania, lawsuit, law, tradition, innovation, testimony, court procedures, proof, document, rationality, critical thinking, informal way of thinking

Д.Е. Мишин

СРЕДНЕПЕРСИДСКИЙ ТЕКСТ «О ТОМ, КАК ПИСАТЬ ПИСЬМА»

Публикация содержит первый русский перевод среднеперсидского текста «О том, как писать письма». По всей видимости, этот текст был составлен разными людьми во времена Сасанидов и являлся своего рода базой данных, которая содержала образцы формулировок и использовалась писцами, составлявшими письма для клиентов, не принадлежавших к элите. Некоторые формулировки, встречающиеся в этом тексте, близки к тем, что обнаруживаются в сохранившихся письмах на среднеперсидском языке.

Ключевые слова: Персия, Сасаниды, среднеперсидская литература, письма

Настоящая работа имеет своей целью представить читателю опыт русского перевода среднеперсидского текста «О том, как писать письма» (*Abar ēwēnag-i-nāmag-nibēsišnīh*). Это произведение входит в состав второго тома собрания среднеперсидских текстов, который был издан в 1913 г. (*The Pahlavi Texts 1913. P. 132–140*). Автор текста неизвестен; строго говоря, нельзя утверждать, что он был один. Текст представляет собой собрание клише, которые употреблялись при составлении писем и могли быть изначально созданы разными людьми. В пользу этого предположения говорит то, что для обозначения телесного здоровья, т.е. одного и того же понятия, в некоторых фрагментах (2, 14, 30, 35) в сочетании с *tan* (тело) используются слова **TFi** / **DETFi** (*društ / društīh*), в других (33, 42) – близкие по начертанию **TFi** / **DETFi** (*drōdišt / drōdištīh*). Будь автор один, мы ожидали бы от него, скорее, последовательного употребления одного и того же выражения.

Время создания текста неизвестно, но кажется вероятным, что он восходит к доисламским временам. В нем нет ничего арабского или исламского; кроме того, такие выражения, как «и всем добродетельным (зороастрийцам. – *Д.М.*) надежду дающий» (фрагмент 6) или «покровитель зороастрийцев» (фрагмент 8) кажутся

более уместными при обращении к представителю сасанидских, а не мусульманских властей. Однако едва ли приходится сомневаться в том, что собранные в тексте клише могли использоваться и после арабского завоевания Ирана.

Тематика клише очень разная: одни были предназначены для частных писем, другие – для обращения к власти имущим. В настоящее время известно достаточно много писем и фрагментов писем на среднеперсидском языке; многие из них написаны на папирусах и так или иначе связаны с оккупацией Египта войсками Сасанидов (619–629) во время их войны против Византии. К сожалению, основополагающие издания этих документов (О. Хансен, Д. Вебер) на момент написания данной статьи недоступны автору этих строк. По имеющимся в моем распоряжении работам, прежде всего обзорной статье Д. Вебера о среднеперсидских письмах из Египта, я могу судить, что рассматриваемый текст по крайней мере в двух отношениях близок к дошедшим до нас папирусам. По наблюдениям Д. Вебера, письмо обычно состояло из трех элементов – обращения с выражениями приветствия, сообщения (содержательной части) и указания отправителя (с повторением приветствий, часто в сокращенном виде) (Weber 2008. S. 805). Основную часть рассматриваемого текста составляют именно клише приветствий для начала и окончания письма, причем концевые фрагменты действительно выглядят сокращенными по сравнению с начальными. Кроме того, в папирусах встречаются те же слова и обороты, что и в тексте, например, *namāz* (приветствие, ср. фрагмент 27), *hazār anōš-ayād* (тысячу раз незабвенный, ср. фрагмент 1)¹. Вместе с тем в приводимых в литературе отрывках из писем нигде не видно пожеланий адресату, которых много в рассматриваемом тексте. Повторюсь, недостаток материалов не дает мне возможности делать однозначные выводы, но кажется, что цветистые пожелания были признаком особого изящества, которое не каждый раз могло встретиться в посланиях военного времени в недавно оккупированной области². Искусство, которым обладает не каждый, обычно является

¹ Образцы приветствий в среднеперсидских письмах приведены Д. Вебером в указанной выше работе (Weber 2008. S. 805–807). Некоторые другие примеры см.: Периханян 1961; Weber 2007. S. 736; Бахтийарӣ 2012. С. 80, 85–86.

² Ф. Жинью, который наряду с документами, изданными О. Хансеном и Д. Вебером, исследовал еще одно собрание среднеперсидских писем, находящееся в США, по итогам своей работы отметил, что обращение к адресату могло быть очень

признаком профессионализма. Напрашивается догадка, что рассматриваемый текст был своего рода базой данных для одного или нескольких профессиональных писцов, составлявших послания за плату. Это соответствует следующему наблюдению. Среди формул, которые мы видим в тексте, нет ни одного обращения к царю или мобедам. Совершенно не отражается в тексте иерархия сасанидской знати и сановников; власть имущие обозначаются общими названиями *hwadāyīg* (буквально – являющийся господином или относящийся к нему), *pādiḥṣāyīg* (являющийся правителем или относящийся к нему), *kardār* (вершащий какое-либо дело или управляющий чем-либо [по поручению вышестоящего]). Хирбед упомянут только в одном фрагменте (41), в самом конце. Создается впечатление, что составителю (или составителям) текста не приходилось писать ни царю, ни высшим сановникам державы, ни даже мобедам; их клише были приготовлены главным образом для тех, кто обращался к местным правителям или разного рода функционерам (чиновникам, заместителям, порученцам). Видимо, клиенты писцов, о которых идет речь, не принадлежали к высшим слоям общества, не обладали той образованностью, которая требовалась для сочинения изящных посланий, и не держали на службе людей, бывших в состоянии их составлять. В случае необходимости составить послание они обращались к писцам, которые выполняли эту работу для них.

Приведенными соображениями ограничивается, как представляется, то, что на данном этапе можно сказать о рассматриваемом тексте. Что касается перевода, автор этих строк постарался сделать его как можно более близким к тексту источника. При выполнении этой работы были учтены ранее сделанные переводы Р.Ч. Зенера (Zaehner 1937. P. 97–100) и С. ‘Орийāна (Мотун-и-пахлавй 1992. С. 166–172), а также предложения О.М. Чунаковой (2005), которые представляются мне обоснованными. В целях экономии места я позволил себе не разбирать каждый фрагмент ранее сделанных переводов, полагая, что читатель может при необходимости сделать это самостоятельно. Интерпретация двух авестийских фрагментов, встречающаяся в тексте, основана на ранее сделанных переводах. В части транслитерации я в основном следую словарю Д.Н. МакКензи.

простым и в отдельных случаях даже не содержать приветствий (Gignoux 2008. S. 830–831). Приведенные им примеры подтверждают этот тезис (Ibid. S. 834, 836).

Pad nām-i-yazdān

Nun nibēšēhēd pad sfd̄n nibišt̄ nāmag

i ō kas kas h̄wadāyīgān ō pādih̄šāyīgān ud
mehān ud abarmānīgān ham i pērōzgar

ō kardārān hamāg-farroḥtar

ō ōyān kē pad har āfrīn arzānīg hēnd yazdān
pānag⁴ ud šahr-ayār

ō aziškehān anōš ayād hazār anōš

ō bandagān ud aziškehān hazār anōš ayād az⁵
anōšag ayād
andak frāz dāšt estēd
azarmīgtōm garāmīgtōm

ō pidar ayāb brādārān ayāb frazandān
ayāb ō ōyān kē hāwand i pidar ud brādar ud
frazand hēnd.

kē-tān az afzūnīg ganḡ-i-yazdān

dēr-zīwišnīh-i-drust-tanīhā
ābādīh-i-hangad-burzišnīgīhā
farroḥtīh
ḡāwēdān paywandišnīgīhā
šnumōmandīh-i-pattāyīšnīgīhā
ud rāmišn-i-a-widērišnīgīhā
ud a-kanārag āfrīn
tēz-rasišnīgīhā
ud wuzurg nām-i-dūr brāzišnīgīhā

ud pāhloḡ ahlayīh-i-rūwān-bōḥtišnīgīhā
abartōm burzišn-i-h̄wēš a-pasēmānīhā
pad ēd farroḥ tan ud anōšag gān

Во имя божеств!

1

Ныне в ясно (верно. – Д.М.) написанном
письме пишется:

каждому из тех, кто является господами, пра-
вителям³, вельможам и людям знатым – [о]
всепобеждающий,

служилым людям – [о] счастливейший из
всех,

тем, кто достоин всяческой похвалы – по-
кровительство божеств [да будет вам] и [о]
защитник страны,

тем, кто ниже их (упомянутых выше. –
Д. М.) – [о] незабвенный, тысячу раз незаб-
венный,

а слугам и подчиненным – [о] тысячу раз
незабвенный, вечно памятный;

[это] ставится несколько выше [остального],

[а слова] наиболее уважаемому, самому лю-
бимому

[пишут] отцу или брату или детям

или тем, кто как отец, брат или дети.

2

да будут вам из обильной сокровищницы
божеств

долголетие крепкого тела,

обустроенность славного богатства,

процветание,

вечное продолжение рода,

крепость прочности,

радость от нескончаемости [жизни],

нескончаемая хвала,

быстрота в достижении [цели],

великое имя, сияние которого распростра-
няется далеко,

наилучшая праведность спасения души,

наивысшая слава достойных деяний ваших

в этих процветающем теле и бессмертной
душе

³ О значении слов *h̄wadāyīg*, *pādih̄šāyīg* и *kardār* см. выше.

⁴ Так в издании, однако контекст указывает, что здесь должно быть не пожелание, а похвальный эпитет. В связи с этим можно предложить конъектуру **yḡE** (*dahi*, страна, область) вместо **vḡE** (*yazdān*, божества) текста. Эпитет *dahi-pānag* (защитник, покровитель страны) намного лучше сочетается с последующим *šahr-ayār* (защитник страны), чем вариант, приведенный в тексте издания.

⁵ Возможно, не **h** (*az*, из), как в тексте, а **h̄** (*kē*, который, здесь – и).

bowandagihā bawānd
frazaft pad šnum.

Yazdān ašmā hamwār
andar
afzūn wisp-burzišn raē
ud ḥwarrah i wisp afzūd ud asāg

ud urwāhm-i-wisp-frārōnih bowandag ḥrad
kāmag-hangām
dārēnd.

Kē-tān rasād az abargarān
burzišn-i-ḥwēš-kāmagihā
ud raē
ud dām i dām-abrangihā
ud bālistān zōr
ud padēḥwandihā
ud asāg čīhr
ud brēh i baḡān-homānāgihā
ud abrangīg stāyišn-i-āzād gōhrīhā abēzag kard
i ōspūr bahrihā

ud wuzurg kardārīh-i-wehān windišnihā
pad ēd ōst tan
bowandagihā
pad kāmag bawād.

Wuzurg-ummēd abahšāyišngar
wasān kas frayādišnīg
az har ḡuttarīh abēzārēnīdār⁶
dūr ud pad pahrēz
dārēnd
hamē pētōzgar
wāhmān i wāhmānān.

полною мерою!
Свершилось (т.е. было сказано. – Д. М.)
крепко.

3

Да будете вы у божеств всегда
в
обильном, всеславном сиянии
и благодати (*ḥwarr-e*), всем обильной и неис-
числимой,
радости всеобъемлющей праведности совер-
шенного разума,
такими, что осуществляют желания свои.

4

Да снизойдут на вас от божеств
достославные устремления,
а сияния,
творения, то есть великолепия творения,
наивысшей силы,
процветания,
неисчислимого потомства,
великолепия, которое есть подобие боже-
ствам,
прекрасной хвалы благородным качествам,
которые сделаны безупречными и являются
совершенным делом,
доходов от того, что вы служите большую
службу великим,
на крепкое тело это (т.е. ваше. – Д. М.)
полною мерою,
да будет сколько пожелаете!

5

Милостивыми к большим надеждам,
многим людям помогающими,
от всяких тягот избавляющими,
удаленными и защищенными
да будете вы у [божеств],
[о] постоянно побеждающий
такой-то, сын такого-то!

⁶ Так в тексте издания, однако контекст указывает, что здесь должно быть причастие страдательного залога (*abēzārēnīd*, избавленный), а не действительного (*abēzārēnīdār*, избавляющий). Тем самым данный фрагмент должен читаться *az har ḡuttarīh abēzārēnīd dūr ud pad pahrēz* (от всяких тягот избавленными, удаленными и защищенными), что кажется более логичным и правильным, чем вариант, приведенный в тексте.

Wuzurg kardār
kēšwar-rāyēnīdār
frārōnīh-warzīdār
ud driyōšān ayārīh dādār
ud ham dahmān ummēdēnīdār

wāhmān i wāhmānān.

Gēhān payrāyag
kēšwar abrang
ud awestām magīnd
wāhmān i wāhmānān.

Yazdān zēn
ud hunarāwandān zōr
i ērān pušt
ud māzdēšnān pānag
wāhmān i wāhmānān.

Hamēg andar afrāz
i har farroḥīh afzūn
i wisp burzišnīg
ud urwāhm-i-har dō aḥwān
kāmag-hangām
dārēnd

Āzādag pad tōḥmag
ud āfrīn pad hunar
ud abēzag pad kunišn
ud bowandag pad ḥrad
ud nāmīg pad har wehīh
wāhmān i wāhmānān.

Frāztōm pad dānāgīh
ud stūdag pad čīhr
ud brēh brāzišnīg andar āwām
ud frayādišnīg andar har dō aḥwān
wāhmān i wāhmānān.

Dōst pad gōhr
wirāstag pad ḥēm
abaḥšāyišngar andar pādīḥšahīh
ud ḥūb-warz andar frārōnīh

6

[O] великий наместник,
устроитель страны,
праведно действующий,
бедным помогающий
и всем добродетельным (зороастрийцам. –
Д. М.) надежду дающий
такой-то, сын такого-то!

7

[O] украшение вселенной,
великолепие страны,
защита области,
такой-то, сын такого-то!

8

[O] оружие божеств,
сила добродетельных,
защитник благородных мужей,
покровитель зороастрийцев,
такой-то, сын такого-то!

9

Постоянно пребывающими на высоте,
обильными всяческим процветанием,
достойными всяческого восхваления,
радостными в обоих мирах
такими, что осуществляют желания свои,
да будете вы [у божеств].

10

Благородному по роду,
славному достоинствами,
непорочному в действиях,
совершенному разумом,
известному всякою добродетелью
такому-то, сыну такого-то.

11

Высочайшему в мудрости,
достопавному родом,
сияющему великолепием в [свое] время,
помогающему в обоих мирах
такому-то, сыну такого-то.

12

Любезному по природе [своей],
прекрасному нравом,
милостивому в правлении,
делающему добро в праведности,

ud ayār ō har wehān
wāhmān i wāhmānān.

Kē-tān
az abargarān
abar baḥšāyīšnīh
wisp raē
ud ḥwarrah / dast⁷
ud har farroḥīh
ud burzišn padīh
mehmān pattāyīšnīg
bād.

Kē-tān dārēnd
dēr-pattāyīhā
drust tan
ud burzāwandīhā
ud ābād ḥīr
ud hangad burzišnīgīhā
purr dast
ud ḡāwēdān paywandišnīgīhā
ahlāyīh afzūn
az har ḡuttarīh abēzār bōḥtag
dārēnd.

Hamēg burzišn
afzūnīg ahlāyīh
ud rawāg kāmag
ud mihr-āzād
ud frašgirdīg paywand
bawēt.

Hamēg burzišn
ud afzūnīg ahlāyīh
ud rawāg kāmag
pad wisp mēnōyīg ud gētīgīg burzišn
ud farroḥīh
ud spurr bahrīhā
ud kāmag-hanḡāmīh

благодетелю всех лучших людей
такому-то, сыну такого-то.

13

Да будут вам
от божеств
наивысшая милость,
всяческое сияние,
благодать (*ḥwarrah*) / могущество,
всяческое процветание,
славное и высокое положение,
приятные и прочные!

14

Да будет вам [от божеств]
долговременное прочное положение,
телесное здоровье,
слава,
благополучие,
славное богатство,
могущество полной [мерой],
вечное продолжение [рода],
большая праведность,
и [да будете вы у божеств] избавленными от
любых тягот!

15

Да будут [вам] непрерывная слава,
обильная праведность,
осуществление воли [вашей],
верный друг
и потомство, [которое не прервется] до вос-
крешения!

16

Непрерывная слава,
обильная праведность,
осуществление воли [вашей]
во всякой духовной и мирской славе,
процветание,
изобилие,
исполнение воли,
[да будет вам] у божеств,

⁷ В тексте – **ḥE**, что допускает оба варианта прочтения (*ḥwarrah*, *dast*). Контекст не говорит определенно в пользу одного из них.

ud az har ġuttarīh abēzār
dārēnd.

Kē-tān
abēzag
wehīh ud frārōnīh afzāyēnīdārīhā passāzag

andar har dō aḥwān

wisp burzišn
ud farroḥ ābādīh
ud ḥanīd ahlāyīh
dārēnd.

Nāmag pad bēš pursiśnīg ḥursandīh dādan i ō
mehān ud abarmānīgān.

Hamāg-pērōzgar wāhmān i wāhmānān
hamē spōzād bēš
ud gugānād zarīg
dūr bawād har petyārag
burziśnīg bawēd pad wisp mēnōyīg ud gētīgīg
farroḥīh.

Ka-mān agāhīh-i-anōšag-rūwān wāhmān i awiš
mad garān pīm i az marg ayāft

bē az ān amā čār-i-gētīgān
pad bōḥtan i az marg ud wīdarag-i-ḥwarišn-
ḥwardārān mardōm

nē pad dast-i-purrdastān
ud nē pad hunar-i-hunarāwandān
ud nē dānāgān ud frazānagān
ud nē-č i stahmagān ud wināhkārān
ud nē-č wuzurg-kunišnān ud kirbag-warzīdārān

har kas rasišn i marg
ud rūz i amār
widārdan i Čīnwad puhl awiš madan payrāst
estēd.

Ōy-č anōšag-rūwān
hu-kunišn ud wuzurg nām ud wuzurg sūd būd

и избавленными от всех тягот
да будете вы [у божеств].

17

Да будете вы у [божеств]
непорочными,
наделенными в избылии достоинствами и
праведностью
в обоих мирах,
[и да будут вам у божеств]
всяческая слава,
изобилие и обустроенность,
а также знаменитая праведность!

18

Письмо, которое пишут вельможам и знат-
ным людям, чтобы осведомиться о горе и
дать утешение.

19

[O] всепобеждающий такой-то, сын такого-то!
Да минует [вас] всегда горе!
Да обратится в ничто печаль!
Да будет всякая опасность далеко!
Будьте славны, в избылии духовном и мир-
ском!

20

Когда к нам поступило известие о покойном,
мы испытали тяжкие страдания от [его]
смерти,
но от этого нет у нас земного средства,
которое избавляло бы от смерти и того пути
[на мост Чинвад], который [проходят] едящие
[земную] пишу люди
ни в мощи могущественных,
ни в искусстве людей искусных,
ни у мудрецов и людей умных,
ни у тех, кто чинит произвол и злодеяния,
ни у тех, кто совершает великие или добрые
дела.
Смерть должна прийти к каждому человеку,
и в день подсчета [добрых и дурных дел]
уготовано ему явиться к мосту Чинвад и
пройти по нему.

21

Покойный
совершал добрые дела, имел великое имя
(т.е. был широко известен) и был очень по-
лезен [другим];

ud wahišt bahr ud Garōdmān
pādāšn bād.

Ašmā dēr zīwēd
ud drust zīwēd
padīrēndēh ḥursandīh
ud wīdwarēnīd mēnišn
ud waḥšenīd ḥwēš rūwān
ud škast ud gugān ud wānīd kunēndēh

ganāg mēnōy ud dēwān
pad padīrišn ḥursandīh šnāyēnīd rūwān-i-ōy
anōšag-rūwān arzānīg

passāzagīhā
pad yazīšn azbāyišn ayādēnišn āfrīnišn -i-
dahmān.

U-tān dēr zamānīhā pāyēnd az har ēwgađ

ud afzāyēnēnd abartōm rāmišn ud nekīh
ud hu-afzāyišnīg bawād ēd farroḥ tan

tāg frašgird zamān.

U-tān hamē pad abēzārīh i az har ḡuttarīh
anōšīhād abartōm farroḥīh.

Abāg asāg drōd yazdān abestānīgīhā
wāhmān i wāhmānān nibišt.

Az wāhman pus wāhmān
drōd i was pad wihārān abr bawēd čē nāmag
pad oštāb.

Namāz ō Zardūšt i Spītāmān i ahlay-frawahr.

ud ō tan afrīdag
pad zānišn burzišnīg
pad dahišn abēzag
pad gōhr padīraftag

пусть часть рая и Гародман
станут вознаграждением [ему].

22

Вы же живите долго,
живите благополучно,
и да будут обретены [вами] удовлетворение,
утешение сознания
и укрепление души,
и пусть будут [вами] разбиты, обращены в
ничто и истреблены
злой дух и бесы
посредством того, что достойная похвалы
душа этого достойного человека получает
удовлетворение,
как подобает,
посредством того, что добродетельные (зоро-
астрийцы. – Д.М.⁸) совершают поклонение,
моление, поминовение и восхваление.

23

Пусть [божества] долгое время охраняют вас
от всякого разорителя и
увеличивают высшую радость и красоту.
А это благословенное тело пусть пребывает в
благостном изобилии
до времени воскресения.

24

Вам же пусть будет всегда наибольшее про-
цветание в защищенности от любых тягот!

25

При бесконечной крепости помощи божеств
написал такой-то.

26

От такого-то, сына такого-то:
Весной туча – большое благо, такое, как
письмо, когда [его получатель] в трудном
положении.

27

Приветствие Заратуштре Спитаману, у кото-
рого праведный *фравахар*,

28

и человеку, похвалы достойному,
по рождению – славному,
по сотворению – непорочному,
по нраву – приятному,

⁸ Судя по смыслу фрагмента, к «добродетельным», о которых идет речь, должен относиться и адресат письма.

andar yazdān wābarīgān
 andar ḥwadāyān-wiḥšayišn tund
 andar āwām abāyišnīg
 pad čīhr brēh ud ḥwarrah bowandag

 pad mehān rāst bōḥtag

 pad gōwišn wuzurg-nām pērōzgar
 ud pad framān-i-ḥwābar ud pad hu-pādiḥšāhīh
 dānāg
 ud pad rāyēnidārīh hu-abahšišnīg a-nang

 ud pad mardōm-dūstīh kēšwar ummēd wehān
 payrāyag
 hamēg pērōzgar ḥwadāyīgān

 wāhmān i wāhmānān

 Yazdān ašmā hamwār
 pad hamēg šnum
 abar baḥšišnīh
 dēr zīwišn
 ud pad farroḥīh drust ēstišn
 ud pad harwisp āfrīn payrāyišnīg kāmāg-haṅgām

 dārēnd
 dēr-zīwišnīh
 aš drustīh-i-tan
 ud ābādīh-i-ḥīr
 abāg rāmišn-i-mēnišn
 kadār-iz-ē nekīh
 burzišn
 abāg ahlāyīh-i-rūwān
 hamē pad ašmā pāyišn
 hamēg afzāyišnīg ēdōn bawād
 čiyōn
 farroḥ šādtōm amā
 ḥwāstan-i-agāhīh arzōgōmand
 ayārīh ud tan-drustīh-i-ašmā
 ēn nāmag azadartar kard.

Nun nibēsem
 ku tāg rūz i wāhmān ud māh wāhmān
 ka-mān ēn nāmag nibišt
 drōdist ud drōdōmand ud purr-arzōg būd hēm
 ud nāmag-i-ašmā [i] mad dīd

перед божествами – верному,
 в смиренности перед господами – не медлящему,
 в обыденности – порядочному,
 великолепием рода и благодатью (*хварр*-ом) –
 совершенному,
 среди людей великих – праведному и обрет-
 шему спасение,
 в речах – знаменитому, непобедимому,
 в несущем добро веления и хорошем правле-
 нии – мудрому,
 в устроении [бытия] – милостивому, свобод-
 ному от бесчестия,
 в любви к людям – [являющемуся] надеждой
 для страны, украшением среди лучших,
 из тех, кто является господами – неизменно
 победоносному.
 такому-то, сыну такого-то.

30

Да будете вы всегда у божеств
 в непрестанной крепости,
 наивысшей милости,
 долголетию,
 изобилию и хорошем положении,
 вершащими волю [свою] достойно, под вся-
 ческие похвалы!

А долголетие,
 крепкое телесное здоровье,
 благополучие,
 душевное спокойствие,
 всяческое благо
 славу,
 а также праведность души
 да сохраняются в вас всё время,
 и пусть всегда [это] умножается и будет так,
 как
 мы, счастливые и радостнейшие,
 желая спросить
 о силе вашей и телесном здоровье,
 написали в этом письме ниже.

31

Теперь же я пишу,
 что до дня такого-то месяца такого-то,
 когда мы написали это письмо,
 были мы в благополучии, полны надежд;
 тогда увидели мы пришедшее письмо ваше

ĉē nibišt-wizīdār dānist

ud az drōdistīh-i-ašmā
rāmišnīg ud andar yazdān spāsdār būd hēm.

Pad nekīh ud hūbīh
agāh framāyēd būdan
ka ēdar nek hūb āwām ud zamānag i nek hast

wehān rāy
weh ēstād
wehān rāy
nek pad kāmāg hast.

Kē-tān hamāg
tan drōdist
ud gān anōšag
ud nām burzišnīg
gahišn abrangīg
ud dast waḥšišnīg
hūr pattāyišnīg
ud dēn frašgirdīg
paywand pattāyišnīg
ud rūwān garōdmānīg
dārēnd.

Ō kē
āzādtōm pad gōhr
burzišnīgōm pad nām
ud ōstīgāntōm pad frārōnīh
ud ašnāgtōm pad wehīh
purr-brāzišagtōm pad mihr
nāmīgōm pad rādīh
kardārtōm pad šnāyēnišn-i-yazdān
burd-ranġōm pad dēn-i-māzdēsnān

ayārēnidārtōm pad kadār-iz-ē hūrān-i-āwāmān

ud čiyōnīh-i-āfrīn hamāg bālistānīg
ud hwarrah
i wāhmān wāhmānān.

Hamēgīh

которое прочел тот, кто разбирается в письме,
и от того, что вы в благополучии,
обрадовались и благодарили божеств.

32

В красоте и добротe
извольте принять к сведению [эти слова]:
[ныне,] когда здесь – хорошее время и прекрасная пора,
для лучших [из людей],
да будет оно [еще] лучше;
лучшим [из людей] –
хорошие пожелания.

33

Да будете вы все у них (божеств. – Д.М.)
со здоровым телом,
бессмертной душой,
славным именем,
великолепным счастьем,
возрастающим могуществом,
прочным благополучием,
вероучением о воскрешении,
прочными семейными узами,
достойной Гародмана душой!

34

Благороднейшему [своей] природой,
славнейшему именем,
крепчайшему в праведности,
известнейшему [своими] достоинствами,
блистательнейшему в дружбе и верности,
знаменнейшему [своей] щедростью,
деятельнейшему в восхвалении божеств,
терпеливейшим образом претерпевавшему
страдания [и действующему при этом] в соответствии с маздеистским вероучением,
полезнейшему [помощью] во всех преходящих (т.е. мирских. – Д. М.) делах,
первейшему среди всех в славе
и благодати (*хварр-е*)
такому-то, сыну такого-то.

35

Да будете вы у [божеств] заслуживающими вечности

andar tan-drustīh
ud tan purr-pāsbānīh
i az bēšēdārān bēš hast
purr hambārīhā
husrawīh
padīh
arzānīg dārēnd.

Kē-tān
az āzādān-spurrānīh
ganǵ i hamēšag-waḥš ḥwab

ud purr bahr
ud kāmag-rasišn
ud az wisp ḡttarīh abēzār

bōḥtag
dārēnd.

Andar bun-i-nāmag
u-tān yazdān
pad ān i abrangīgtōm gāh
ēstišnīg wēnārišnīg ud pattāyišnīg
dārēnd

hamē
pērōzgar
burzišnīgtar
pāhlomīhā
wāhmān i wāhmānān

Yazdān
ašmā
dēr zīwišn
ud drōdist
ud farroḥīhā
ud abēbīm
ud pērōzgar
ud rawāg framān
dārēnd.

Andar bun-i-nāmag
u-tān hamēšag farroḥīh ud pērōzīh afzāyād
wāhmān i wāhmānān drōd.

в телесном здравии,
полной защищенности тела
от злодеяний злодеев,
полных хранилищ,
славы
и превосходства!

36

Да будет у [божеств] для вас
из совершенства благородных
доброе и непрестанно возрастающее
богатство,
полная доля [хорошего],
исполнение желаний,
[и да будете вы у божеств] от любых тягот
ограждены
и избавлены!

37

Внизу письма:
Да будете вы у божеств
на самом великопном месте
находиться и стоять прочно,

38

[о] всегда
победоносный,
славный,
наилучшим образом,
такой-то, сын такого-то!

39

У божеств
да будете вы
долго живущими,
крепкими,
зажиточными,
ничего не боящимися,
победоносными
и такими, чья воля осуществляется!

40

Внизу письма:
Да умножаются постоянно благополучие и
победы ваши,
[о] такой-то, сын такого-то! Благополучия!

Yazdān
hērbad h̄wadāy
pad raēšča h̄arenayča
pad ēstišn i tanyao drwatātem
andar har dō aḥwān
ēstišnīg ud pattāyišnīg ud wēnārišnīg
dārēnd.

Andar bun i nāmag
u-tān yazdān
nōk nōk
pad bōḥtār bawēnd
raē ud h̄warrah

ud h̄wēškārīh
tan-drōdistīh
ud dēr-zīwišnīh
ud pad wisp nēkīh windād kāmag

dārēnd.

Hamēīg pērōzgar
wāhmān i wāhmānān
yazdān
ašmā hamēīgīhā baḥšēnd
ān i meh bōzišn
abartōm burzišn
ud a-kanārag rāmišn
ud hamē
āzād
ahlaw
ud pērōzgar
dārēnd.

Andar bun-i-nāmag
u-tān
hamē
drōd ud rāmišn ud ahlāyīh

41
Да будет у божеств
господин хирбед
в величии и великолепии⁹,
в телесном здоровье¹⁰
в обоих мирах,
пребывающим и стоящим прочно!

42
Внизу письма:
Да будут вам божества
снова и снова
спасителями
и да будут у них [для вас] сияние и благо-
дать (*хварр*)
праведность,
телесное здоровье,
долголетие,
претворение в жизнь желаний во всяческой
красоте!

43
Вечному, победоносному
такому-то, сыну такого-то:
божества
да пожалуют вам навеки
наилучшее спасение,
наивысшую славу,
бесконечную радость,
и [да будете вы у божеств] всегда
благородными
праведными
и победоносными!

44
Внизу письма:
Пусть у вас
всегда
благополучия, веселья и праведности

⁹ Cp. *Reichtum und Glanz* (Spiegel 1863. S. 96), *kingdom and brightness* (Bleek 1864. P. 69), *magnificence et gloire* (Darmsteter 1892. P. 470), *la richesse et l'éclat* (de Harlez 1881. P. 462).

¹⁰ Cp. *Gesundheit des Körpers* (Spiegel 1863. S. 96), *soundness of body* (Bleek 1864. P. 69), *santé du corps* (Darmsteter 1892. P. 470; de Harlez 1881. P. 462).

afzāyād
wāhmān i wāhmānān
fristēd.

Frazaft
pad šnum
bun-i-dēn dānišn
ud wurōyišn
ud mehān hrad
mihr
ud sar bowandag-mēnišnīh
ud hu-čašmīh
pad šnum
šādīh
rāmišn.

будет всё больше!
Такой-то, сын такого-то
шлет [вам это письмо].

Окончание

Свершилось
с крепостью,
знанием основы вероучения
верою,
разумом лучших людей,
любовью,
вершиной совершенного мышления,
доброжелательностью.
С крепостью,
всесельем
и радостью.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бахтуйārī P.* Пāпирӯсхā-и-пахлавī: шенāхт ва пожӯхеш [Пехлевийские папирусы: познание и исследование] // *Зābānхā ва гӯйешхā-и-йрānī*. 2012. № 1. С. 75–88.
- Мотӯн-и-пахлавī [Пехлевийские тексты] / Гозārш: С. ‘Орийāн. Тегеран, 1992.
- Периханян А.Г.* Пехлевийские папирусы собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина // *ВДИ*. 1961. № 3 (77). С. 78–93.
- Чунакова О.М.* Пехлевийские эпистолярные формулы // *Письменные памятники Востока*. 2002. № 1 (2). С. 89–92.
- Bleek A.H.* *Avesta: The Religious Books Of The Parsees*. Hertford, 1864. Vol. 3.
- Darmsteter J.* *Le Zend-Avesta*. P., 1892. Vol. 2.
- Gignoux Ph.* *Lettres privées et lettres d'affaires dans l'Iran du 7ème siècle* // *Asiatische Studien = Études asiatiques*. 2008. Bd. 62. S. 827–842.
- de Harlez C.* *Avesta. Livre sacré du zoroastrisme*. P., 1881.
- The Pahlavi Texts* / Ed. J.M. Jamasp-Asana. Bombay, 1913. Vol. 2.
- Spiegel F.* *Avesta. Die heiligen Schriften der Parsen*. Leipzig, 1863. Bd. 3.
- Weber D.* *Sassanidische Briefe aus Ägypten* // *Asiatische Studien = Études asiatiques*. 2008. Bd. 62. S. 803–826.
- Weber D.* *The Vienna Collection of Pahlavi Papyri* // *Akten des 23. Internationalen Papyrologen-kongresses (Wien, 22.–28. Juli 2001)*. Wien, 2007. S. 725–738.
- Zaehner R.Ch.* *Nāmak-nipēsišnīh* // *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London*. 1937. Vol. 9, no. 1. P. 93–109.

Dmitry E. Mishin

THE MIDDLE PERSIAN TEXT *ABAR ĒWĒNAG-I-NĀMAG-NIBĒSIŠNĪH*
(*HOW TO WRITE LETTERS*)

The author presents a Russian translation of the Middle Persian text entitled *Abar ēwēnag-i-nāmag-nibēsišnīh* (*How To Write Letters*). The text in question appears to have been initially compiled by more than one person in Sasanid times, as a database of formulae for private scribes who wrote letters for customers probably not belonging to the elite. Some formulae occurring in the text are close to those found in extant Pahlavi letters.

Key words: Persia, Sasanids, Middle Persian (Pahlavi) literature, letters

Т.М. Калинина

«ФИХРИСТ» ИБН АН-НАДИМА (X в.) О ПИСЬМЕ
И ПИСЬМЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ВОСТОЧНО-
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ¹

В статье анализируется один из фрагментов книги автора X в. Ибн ан-Надима «Фихрист». Этот труд написан в нечастом в арабской литературе жанре биобиблиографии. Кроме уникальных сведений об арабской письменности, арабских литературных, научных деятелях, отраслях наук, он содержит информацию о письме и письменности неарабских народов, с примерами их алфавитов и материалами исторического содержания, призванными показать применение письма или надписей, о которых рассказал автор. Для исследования в статье выбран фрагмент о письме тюрков, волжских болгар, хазар, русов, франков, попутно – алан и тибетцев.

Ключевые слова: арабская литература, Ибн ан-Надим, письменность, Восточная Европа, Западная Европа, тюрки, волжские болгары, русы, франки, аланы

Автор этой книги имеет несколько вариантов имен. Его полное генеалогическое имя – Мухаммад б. Исхак б. Мухаммад б. Исхак ан-Надим. Его обиходное имя – Абу-л-Фарадж б. Аби Йа‘куб ал-Варрак. Краткие формы – Ибн ан-Надим или ан-Надим – позднего, книжного происхождения (Полосин 1989. С. 69). Еще один вариант: Абу-л-Фарадж Мухаммад ибн аби Йа‘куб Исхак ал-Надим, или, иначе, Ибн ан-Надим (Wellisch 1986. P. 7; Сериков 2016. С. 42, с неточными ссылками в примеч. 1; Sellheim, Zakeri 2018. P. 475). Есть и такие версии: Абу-л-Фарадж Мухаммад б. Аби Йа‘куб Исхак ал-Варрак ал-Багдади Ибн ан-Надим (Fück 1986. P. 895); Абу-л-Фарадж Мухаммад ибн Исхак ибн Абу

¹ Я выражаю глубокую благодарность тюркологам П. Голдену, Ф. Асадову, И.Л. Кызласову за консультации по вопросам тюркской истории и письма; встречающиеся в примечаниях и переводах имена этих ученых без ссылок на их труды объясняются частной перепиской. Я благодарю также коллегу В.В. Тишина за присланный мне список интересных трудов по теме.

Йа'куб ибн ан-Надим ал-Варрак ал-Багдади (Арабские источники 1965. С. 81); Абу-л-Фарадж Мухаммад ибн Исхак ибн Мухаммад ибн Исхак (The Fihrist 1970. P. 15). Варианты имени зависят от различного написания в рукописях и трудах средневековых арабских литераторов, упоминавших его произведение (Полосин 1989. С. 69–76; Сериков 2014. С. 456. Примеч. 4). Сведений о нём немного; дата рождения – 935 г. (The Fihrist 1970. P. 15; Fück 1986. P. 895) или не ранее 937/38 г. (Арабские источники 1965. С. 81; Wellisch 1986. P. 6); умер в 990 г. (Wellisch 1968. P. 10; Полосин 1989. С. 66–67; Sellheim, Zakeri 2018. P. 477).

Ибн ан-Надим был переписчиком книг и книготорговцем (*ал-варрак*), как и его отец; жил он главным образом в Багдаде, некоторое время был в Мосуле; полагают, что он был шиитом (Goldzier 1882. S. 285–286; Крачковский 1957. С. 238–239; Wellisch 1968. P. 14; The Fihrist 1970; Fück 1986. P. 895; Sellheim, Zakeri 2018. P. 477).

Арабская культура Средневековья поначалу зиждилась на устной передаче поэтических текстов; затем, особенно в связи с возникновением ислама, важную роль стала играть письменная передача информации о пророке Мухаммаде и его изречениях в Коране (Brockelmann 1909. S. 1–58; Гибб 1960; Фильштинский 1977; Шидфар 2011). Особенностью арабских трудов периода ислама являются многочисленные ссылки на очевидца, рассказчика, слушателя, другого информанта, что должно было придать особый вес передаваемым свидетельствам и убедить в достоверности известий о Мухаммаде (*хадисы*). Перечисления лиц, которые передавали друг другу тексты о речениях и поступках Мухаммада, а позднее о походах, о халифах и военачальниках, назывались *иснадами* (Robson 1997. P. 207; Али-Заде 2007. С. 163; Кузнецов 2007. С. 60–62). При этом проверить, действительно ли существовали личности, на которых ссылается автор того или иного произведения, удается далеко не всегда (Халидов 1985. С. 98–121).

Плеяда ремесленников занималась распространением и размножением трудов по богословию, литературе, философии, наукам. Переписчик (*варрак*) копировал рукописи, следил за качеством письма и почерком, изготовлением переплетов, продажей писчих принадлежностей, бумаги. В Багдаде, Каире, Дамаске, Кордове и других крупных городах существовали целые ряды и лавки мастерских *варраков*. К ним обращались поэты, писатели,

ученые, богословы и все те, кому необходимо было переписать или приобрести рукопись или канцелярские принадлежности (Мец 1966. С. 149–150; Халидов 1985. С. 123–140; Полосин 1989. С. 79–83). Иной раз копированием своей книги занимались и сами литераторы, не гнушаясь рукописной работой (Халидов 1985. С. 123–140).

Слово «фихрист» по-персидски означает «каталог» (Brockelmann 1909. S. 111); «оглавление», «указатель» (Бартольд 1966б. С. 255; Полосин 1989. С. 52); «опись», «индекс» (Сериков 2016. С. 42). В одной из рукописей Университета Лейдена название приведено таким образом: «Список сведений о древних и новых писателях и названия их сочинений всех наук». Книга Ибн ан-Надима относится к жанру библиографии, нечасто в арабской средневековой литературе (Сериков 2016. С. 47).

Труд Ибн ан-Надима содержит множество имен и названий трудов арабских географов. Они упоминаются в разделах о математиках, историках, литераторах и пр. Специальный раздел для географической литературы не был выделен, поскольку Ибн ан-Надиму не был присущ интерес к этой дисциплине, что характерно и для общего развития науки того времени. Если математико-астрономическая география уже выделилась в самостоятельную отрасль, то описательная география входила как часть в труды самых разных жанров – «Книги путей и стран» (как у Ибн Хордадбега), сочинения типа *адаба*, т.е. развлекательную литературу (как у Ибн ал-Факиха), энциклопедии (как у Ибн Руста или ал-Мас‘уди; впрочем, оба автора включали и *адаб* в свои книги); как полагают современные историки, ал-Истахри, Ибн Хаукал и ал-Мукаддаси были уже географами и картографами, по первоначальному замыслу интересовавшимися лишь странами ислама, хотя выходящими за эти рамки. Но труды всех указанных жанров включали данные об административном делении, экономике и налогах, культуре и религии, т.е. описательная география еще не стала отдельным направлением науки, по крайней мере в глазах Ибн ан-Надима (Sturm 1986. S. 23; Durak 2010. P. 289). Ибн ан-Надим вводил сведения исторического и географического характера в тех случаях, когда ему надо было подчеркнуть связь информации с письмом или письменностью того или иного народа. Такими сведениями были, например, свидетельства монаха из Наджрана о Китае, поездка Абу Дулафа в X в. к токузогузам и в Китай,

данные ар-Рази о Китае; рассказы ал-Кинди об Индии, Будде, храмах в Балхаре и Мултане и др. (The Fihrist 1971. S. 16–17, 345–350; Ferrand 1913. P. 118–136; Крачковский 1957. С. 239). Упоминания тюрков, волжских булгар, хазар, алан, русов могли быть связаны с информацией авторов трудов по описательной географии, которых называл Ибн ан-Надим, – Ибн Хордадбе-ха, ал-Мас‘уди, ал-Балхи и др.; часть произведений, упомяну-тая Ибн ан-Надимом, не сохранилась или дошла до нас в не-законченном виде (Sturm 1986. S. 24–31). Перечисление имен и заглавий сочинений географов, однако, не означает, что сам Ибн ан-Надим имел соответствующие географические позна-ния – он лишь передавал встреченные им примеры сведений, которыми обладали упоминаемые им ученые.

На основе довольно большого количества известных в XIX в. рукописей и фрагментов труда Ибн ан-Надима немец-ким востоковедом Г. Флюгелем было подготовлено издание критического текста, которое было осуществлено уже после его кончины ориенталистами Й. Рёдигером и А. Мюллером (Kitab al-Fihrist 1871–1872). Позже в Стамбуле были найдены еще три рукописи; в хранилищах Индии обнаружались новые списки сочинения. Перед учеными встал вопрос, какие из них должны стать основой полной публикации труда, и проблема эта затруднила появление нового критического издания (Крач-ковский 1957. С. 238; Полосин 1989. С. 24–28). В 1965 г. по-явился перевод памятника на персидский язык Р. Таджуддина, основанный на вновь открытых рукописях, но выбор их чте-ний при переводе был субъективным, а также отсутствовал на-учный аппарат, что снизило ценность данного издания (Поло-син 1989. С. 29). Позднее тем же издателем был опубликован арабский текст произведения Ибн ан-Надима, в основу которо-го было положено издание Г. Флюгеля, но присутствовали по-правки и были учтены материалы ряда новых рукописей. Тем не менее текстологическая работа была недостаточной, равно как и научно-критический инструментарий (см.: Там же).

Американский востоковед Б. Додж в 1970 г. предпринял пе-ревод произведения Ибн ан-Надима на английский язык. Ав-тор основывался на издании Г. Флюгеля, включив поправки, материалы рукописей, открытых со времени указанного изда-ния, и снабдив книгу предисловием, указателями и библиогра-фией (The Fihrist 1970). Однако и здесь не оказалось строго

научного обоснования некоторых правок, а комментарии зачастую мало обоснованы. В целом недостаточная текстологическая работа, предшествовавшая всем существующим изданиям и переводам, требует новой критической публикации «Фихриста».

«Фихрист» Ибн ан-Надима является источником важнейших сведений об арабских авторах и их сочинениях, а в целом – об истории арабской средневековой литературы первых четырех веков ислама (Бартольд 1966б. С. 255; Полосин 1989. С. 3). Помимо такой ценности труда, в нём имеются важнейшие уникальные данные о письме и письменности самых разных народов, не относящихся к арабам, которые сопровождалась краткими, впрочем, не всегда ясными, пояснениями использования того или иного письма и в ряде случаев – примерами алфавита, иной раз в искаженном виде.

В монографии о «Фихристе» Ибн ан-Надима ее автор Вал.В. Полосин отметил, что он придерживается следующей терминологии: «письменность» – это совокупность литературных, общественно-политических, научных письменных произведений; «письмо» – это процесс записи, технические и графические способы записи (Полосин 1989. С. 100, примеч. 4). В данной публикации я стараюсь придерживаться этой же терминологии.

Произведение Ибн ан-Надима начинается с введения – восхваления Аллаха, испрашивания Его милости и помощи в работе. Автор пишет о своем труде, что «это перечень книг всех народов, арабов и неарабов, тех из них, что существуют [написанными] на арабском языке и арабским письмом по разным наукам; а также известия об их сочинителях, о разрядах их составителей, об их родословных, годах рождения, продолжительности жизни, времени смерти, местах их жизни и об их достойных и порицаемых качествах – от начала каждой науки и до нашего времени, а именно до 377 года по хиджре» (987/88 г. н.э.) (Kitab al-Fihrist 1871. P. 2; Крачковский 1957. С. 238; Полосин 1989. С. 7). Во вводной главе книги Ибн ан-Надима рассказано о системах письма разных племен и народностей, религиозных сообществах, о священных писаниях некоторых из них. В первой главе (*макала*), первом параграфе (*фанн*), сообщается об арабском письме в доисламскую и мусульманскую эпоху. Далее автор освещает, иногда кратко,

иногда детально, системы неарабских языков и письменностей: сирийского, набатейского, персидского, еврейского, греческого, лангобардского, саксонского, китайского, манихейского, согдийского, синдского, эфиопского, показывая примеры алфавитов. Отмечено отсутствие письма у африканских народов, хотя указано, что некоторые из них, тем не менее, употребляли в религиозных целях сирийское, греческое и коптское письмо. Наконец, кратко рассказано о системах письма или письменности ряда восточно- и западноевропейских народов.

В этом фрагменте Ибн ан-Надим приводит один пример надписи, а также исторические материалы для пояснения информации о письме или письменности, что придает сведениям автора особую важность. Перевод этого фрагмента приводится ниже. Перевод выполнен по изданию Г. Флюгеля с учетом рукописи из собрания Кёпрёлю в Стамбуле¹.

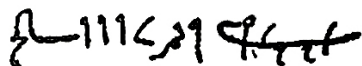
Речь об *ат-Турк*² и [о тех, кто] подобен им.

Что касается *ат-турк*, *ал-б.л.г.р*, *ал-булгā*, *ал-бургаз*³, *ал-хазар*, *ал-лан*⁴, [с] маленькими глазами⁵ и слишком белых (белокожих? – *Т.К.*)⁶, то об их письме неизвестно⁷, кроме *ал-булгар* и *ат-туббат*⁸, которые пишут по-китайски и по-манихейски⁹ (*би-с-синийа ва-л-мананийа*). А *ал-хазар* пишут по-еврейски (*би-л-‘ибранийа*)¹⁰. Дошло до меня знание об *ат-турк*, о чем мне рассказал Абу-л-Хасан Мухаммад бин ал-Хасан ибн Аш[и]нас¹¹. Сказал: он поведал мне, что Хаммуд, тюркский вольноотпущенник¹² [Ибн] ал-Мукли¹³, а был он из ат-Тузунийя¹⁴, который покинул свою страну из-за высокомерия и надменности¹⁵, сказал мне, что великий тюркский правитель (*малик*), если он хотел написать меньшему правителю (*малик*), вызывал своего везира и приказывал расщепить стрелу. А везир чертил на ней (половинке стрелы. – *Т.К.*) знаки, понятные знатнейшим из *ат-турк*, и передавал смысл, намеченный правителем и постигаемый человеком, которому он был послан¹⁶. Он¹⁷ полагал, что этот короткий рисунок передает большой смысл. Они использовались и

во время перемирия, и мира, а также во время их войн. Он упомянул, что они тщательно охраняют стрелы, написанные таким образом, и возвращаются за ними¹⁸. Но Аллах знает лучше.

*ар-Русийа*¹⁹

Мне рассказывал один [человек], на правдивость которого я полагаюсь, что один из правителей (*мулук*) горы *ал-Кабк*²⁰ послал его к правителю (*малик*) *ар-русийа*²¹; он утверждал, что они имеют письмена, вырезываемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева²², на котором были изображения, не знаю, были ли это слова или отдельные буквы, подобно этому ²³

*ал-Фиранджа*²⁴

Их письмена похожи на греческую письменность, только они более ровные. Мы могли видеть их на франкских мечах²⁵. Королева франков написала к ал-Муктафи²⁶ письмо на белом шелке²⁷ и послала со слугой, оказавшимся в ее стране из района Магриба, [чтобы] посвататься с приданым к ал-Муктафи, она хотела выйти за него замуж. Слугу звали 'Алба (? 'Алиб(а)). Он был одним из евнухов Ибн ал-Аглаба²⁸. Вот пример их письма²⁹.

- ¹ Kitab al-Fihrist 1871. S. 20; Зайцев, Морозов 2007. С. 114. В переводе фрагмента о тюрках учтен вариант Ф. Асадова.
- ² *Ат-турк* – тюрки, без конкретного обозначения многочисленных групп и племен, которые были известны арабским ученым IX–XII вв. (Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, ал-Мас‘уди, Гардизи, Махмуд Кашгарский, ал-Марвази и др.). Указание на болгар, хазар и алан как на соседей тюрков означает, что Ибн ан-Надим (или его источник) отразил общее знание западного региона обитания тюрков. К X в. эта часть тюрков использовала евроазиатское руническое письмо (кубанский, донской, ачикташский алфавиты), принадлежавшее болгаро-хазарскому ареалу (Щербак 2001. С. 22–29; Кызласов 2016. С. 252–253).
- ³ В издании Флогеля первым значится написание: *ал-булгар* (*б.л.г.р*) вместо *булгър*. Это написание трактовалось как искаженное *т.г.з.з.з.* (т.е. токузогузы) (Togan Zeki Validi 1939. S. 94, Anm. 1) или как *уйгур*, поскольку последние пользовались манихейским письмом (Zimonyi 1990. P. 90). Однако Вал.В. Полосин показал, что такое написание этнонима отражает особенность ранней арабской палеографии, когда согласная буква *алиф* в слове *б.л.г.р* еще не употреблялась для передачи долгого *ā*. (Полосин 1971. С. 27), что и показывает деформированное написание, вследствие чего один и тот же народ *булгър* был воспринят Ибн ан-Надимом как два разных (Там же. С. 28).

Далее следует форма *б.л.гā* с долгим *ā* без *p* на конце (Kitab al-Fihrist 1871. S. 20), вместо обычного *булгър*. В примечаниях А. Мюллера к изданию Г. Флогеля отмечено, что все известные кодексы дают это ошибочное написание: *б.л.гā* (Kitab al-Fihrist 1872. S. 11, Anm. 3); в рукописи из библиотеки Кёпрёлю в Стамбуле – такая же форма (Зайцев, Морозов 2005. С. 114). Она (форма *б.л.гā*) была принята Б. Доджем и прокомментирована им как этноним *Blaghā’ – Vlachs* или *Blakia* – Валахия (The Fihrist 1970. P. 37. Note 83). Это допущение произвольно; оно основано, по-видимому, на звуковом сходстве названий. Р. Спинеи, тем не менее, полностью принял вариант Б. Доджа и полагал, что имя *б.л.гā* относится к валахам-румьнам (Spinei 2009. P. 83–84). Однако название народа *валадж* встречается в X в. только у одного арабского автора, Мутаххара ибн Тахира ал-Макдиси в «Книге творения и истории». Оно относится к волохам-влахам (с конъектурой *валах* вместо *валадж*), граничившим с тюрками-печенегами – возможно, к паннонским романцам на Дунае (Бейлис 1969. С. 308–310). Этот вариант написания совершенно отличен от встреченного в книге Ибн ан-Надима (т.е. *б.л.гā*). Другой этноним для обозначения народа влахов в арабских источниках имеет позднее происхождение (рубеж XIII–XIV вв.) и имеет форму *авлак* (Mishin 1997. P. 37–56), также не схожую с вариантом Ибн ан-Надима.

Как верно подметил Ф. Асадов, Ибн ан-Надим не был «знатоком географии, истории и этнографических реалий. Вероятнее всего, в этом фрагменте он собрал различные книжные варианты написания имени болгар, название которых в различных источниках могло иметь различные модификации написания». Это замечание, безусловно, верно; так же полагает И. Зимони (Zimonyi 1990. P. 90). Тем не менее формы *б.л.гā* по отношению к болгарам в источниках нет. Вероятно, ошибочное написание было в протографе и перешло к переписчикам.

А.П. Ковалевский отмечал следующие варианты написания этнонима *болгар* в арабских источниках: *булгār* у Ибн Фадлана (волжские болгары), *булкār* у Ибн Руста (волжские болгары), *бургāз* (где, как полагал А.П. Ковалевский, конечное *з* вместо *р* указывает на влияние произношения тюркских языков *з*-группы) у ал-Мас'уди (волжские и приазовские болгары), *бурджāн* у него же (дунайские болгары) (Ковалевский 1954. С. 34–35). Приведенные формы отражают, по мнению А.П. Ковалевского, разницу местных диалектов, причем признаками диалектов названы чередование звонкого *г* с глухим *к* в формах *болгар* и *булгар*; перенесение ударения с последнего слога на первый и замена звуков *л* и *р* в племенном названии *болгар* соответственно на *р* и *з* в форме *бургаз* (Там же). Вал.В. Полосин не согласился с предположением А.П. Ковалевского относительно диалектных различий в указанных этнонимах. Такое различие, как указал Полосин, можно видеть только в этнониме *бургаз*. Формы *болгар* и *бургаз* восходят к названию кочевого народа *бургар*, который был упомянут в церковной истории Захарии Ритора (ок. 555 г.) (Полосин 1971. С. 28–29; см. также: Пигулевская 2000. С. 568). Форма *бургар* встречается также в трудах ал-Мас'уди (Maçoudi 1863. P. 14, 15; 1873. P. 133–134; BGA VIII. P. 67, 181, 183). Восприятие Б. Доджем имени *бургаз* как части Болгарии Дунайской (The Fihrist 1970. P. 37, note 82) может иметь формальное обоснование, поскольку в Болгарии, действительно, существует город Бургаз, а в Турции в Мраморном море есть и остров с таким названием. Но этноним *б.р.г.з* у арабских географов скорее показывает вариант имени болгар (*бургар*).

Таким образом, вероятнее всего, Ибн ан-Надим привел встретившиеся ему в разных источниках различные формы этнонима *болгар*, которые относились к волжским болгарам (с чем согласен Ф. Асадов; см. также: Zimonyi 1990. P. 89–95), тем более что далее упоминаются народы *хазар* и *алан* как соседи последних.

⁴ (*А*)*л-лан* – аланы, упомянуты Ибн ан-Надимом после тюрков, волжских болгар и хазар как один из народов, письменность которых не известна. Речь идет о восточноевропейских аланах (донских, приазовских или северокавказских). Исследователи выяснили, что у алан имелось письмо на основе греческого, о чем свидетельствуют Зеленчукская надпись (Северный Кавказ), аланские фразы в «Теогонии» византийского писателя

Иоанна Цеца (XII в.), греческий литургический манускрипт (Памятники 2016). Есть теория, основанная на расшифровке надписей на камнях, посуде, стрелах, что аланы еще в глубокой древности использовали письмо арамейского дукта, в Средние века же – салтово-маяцкого и «сиро-несторианского» дукта (Турчанинов 1990. С. 12–129). Однако была высказана обоснованная профессиональная критика этой теории (Перевалов 2011. С. 2–4).

- ⁵ Упоминание о «маленьких глазах» относится к народу тюрков (но не болгар, хазар и алан), они встречаются в других арабских источниках: так, об этой особенности говорят хадисы, упоминал Ибн ал-Факих (писал в 903 г.) (примеры см.: Асадов 1993. С. 13, 22); о маленьких глазах тюрков говорил ал-Мас‘уди (хотя цвет их кожи он считал красным) (BGA VIII. P. 24); он же характеризовал тюрков-огузов как народ с маленькими глазками (Maçoudi 1861. P. 212); есть такие данные и у более поздних авторов.
- ⁶ Указание на то, что часть тюрков белокожа, встречается в книге персидского литератора Гардизи (XI в.). Он рассказал легенду о том, что турки-киргизы стали такими вследствие смешения со славянами (Бартольд 1973. С. 46–47). Возможно, эта легенда имеет старинное происхождение, но едва ли как-то соотносится с реальностью; источник не известен.
- ⁷ Перевод Ф. Асадова: «мы не знаем об их письменности». Перевод Б. Доджа: «у них нет письменности» (“...have no script”) (The Fihrist 1972. P. 36–37). По изданию Г. Флюгеля: “فلا قلم لهم يعرف” (Kitab al-Fihrist 1871. P. 20). Я считаю более точным свой перевод: «об их письме неизвестно».

Несмотря на такое утверждение Ибн ан-Надима, западная ветвь тюрков пользовалась руническим письмом, оставшимся на каменных стенах. Ныне они дешифрованы: это погребальные надписи, восхваление правителей и т.д. (орхонский, енисейский, таласский алфавиты) (Кызласов 1994. С. 182; Кляшторный 2010. С. 8–101). Помимо рунического письма, о других видах письменности тюрков сообщил персидский автор Фахр ад-дин Мубаракшах (нач. XIII в.), опираясь на информацию ученых X в. Он называл две их разновидности: согдийскую и тугузгускую (т.е. уйгурскую), а также писал о существовании книг, стихотворений. Этот автор показал также буквы согдийского алфавита (Умняков 1938. С. 114; Ross 1927. P. 46). Судя по этой информации, здесь речь идет о развитой письменности восточной ветви тюрков.

- ⁸ Ат-Туббат – Тибет. В VII в. была создана тибетская письменность, основой которой явилось древнеиндийское слоговое письмо (Рерих 2001. С. 19; Парфионович 2007. С. 10–11). Сообщение Ибн ан-Надима об использовании населением Тибета китайской и манихейской письменностей, следовательно, ошибочно, хотя автор этого утверждения мог спутать незнакомые ему алфавиты.

Волжские болгары также не прибегали к китайской и манихейской письменностям. Есть предположение, что Ибн-ан-Надим (или его источник) имел в виду руническое письмо, которое было принято за китайскую и манихейскую письменности, поскольку знаки внешне могли казаться схожими (Давлетшин 1990. С. 114). Волжские болгары использовали болгаро-хазарское или тюркское руническое письмо северокавказского варианта, о чем свидетельствуют археологические находки (Давлетшин 2006. С. 557–558; Кызласов 2006. С. 253). Хотя оно было распространено в Волжской Булгарии, со временем насущной необходимостью стала государственная письменность. Арабским вариантом ее, видимо, пользовался царь болгар Алмуш в переписке с халифом ал-Муктадиром (895–932) о введении ислама. Ибн ан-Надим в одной из глав упоминал о том, что в библиотеке халифа ал-Ма'муна (913–933) была книга вопросов царя болгар (*бургар*) к ал-Ма'муну об исламе и единобожии (*Kitab al-Fihrist* 1871. P. 116). Официально ислам был принят Алмушем в 20-х гг. X в., по сведениям Ибн Фадлана. Впрочем, арабские географы утверждали, что часть болгар исповедовала ислам и до этого времени: Ибн Руста (начало X в.), ал-Истахри (30-е гг. X в.), ал-Мас'уди (первая половина X в.) писали, что болгары уже были мусульманами, у них были мечети и школы с муэдзинами и имамами (BGA I. P. 220; BGA VII. P. 141), что предполагает использование арабской письменности (Гагин 2011. С. 159).

⁹ Манихеи – последователи религии, основанной Мани в III в. н.э. в государстве Сасанидов. Письменность также изобрел сам Мани. Позднее она была распространена в Древнеуйгурском, Древнехакасском государствах, в районах Центральной и Средней Азии (Бартольд 1963. С. 216–219; Кызласов 1988. С. 8–35; Виденгрэн 1993; Sundermann 1993. S. 39–45). Ибн ан-Надим в отдельной главе уделил специальное внимание манихейской письменности, полагая, что она произошла от сирийского и иранского письма. О культе Мани им было отмечено, что он был распространен в Мавераннахре и Согде (*Kitab al-Fihrist* 1871. P. 18–17; *The Fihrist* 1970. P. 32–33).

¹⁰ О том, что хазары, принявшие иудаизм, использовали древнееврейские письменность и язык, известно из сохранившихся памятников на этом языке: переписки хазарского царя Иосифа с испанским сановником Хасдаем ибн Шапрутом, Кембриджского документа, письма из еврейской общины Киева и др. (Коковцов 1932; Голб, Прицак 1997/5757). Ибн ан-Надим посвятил отдельную главу древнееврейской письменности, приведя в ней алфавит с арабскими эквивалентами (*Kitab al-Fihrist* 1871. P. 15–14; *The Fihrist* 1970. P. 27–28) и показав тем самым связь между этими семитскими языками. В этой главе, однако, не упомянуты хазары.

Данные о хазарском письме имеются в труде персидского историка Фахр ад-дина Мубаракшаха Мерверруди (начало XIII в.), но его сведения не похожи на материалы Ибн ан-Надима: «У хазар тоже есть письмо, которое происходит от русского; ветвь народа румийцев (греков), живущая

около них, употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собой. Букв всего 22; <больше букв нет>; большая часть этих хазар, которые употребляют это письмо – иудеи» (пер.: Бартольд 1968. С. 466). В.В. Бартольд полагал, что «русское происхождение приписывается хазарскому алфавиту, вероятно, по недоразумению» (Там же). Происхождение алфавита, показанного Мубаракшахом Мерверруди, связывалось с русским докириллическим письмом или глаголицей (Там же; Умняков 1938. С. 113; Заходер 1967. С. 152–153, примеч. 87; Высоцкий 1985. С. 119–120). Была также высказана не поддержанная историками теория о связи этого алфавита с неким изводом аланского письма (Турчанинов 1990. С. 173). Все вышеуказанные предположения являются недоказанными.

На территории Хазарии и близлежащих районов использовалось также руническое письмо, которое не дешифровано. Попытки понять его с помощью тюркских языков, в том числе их болгаро-чувашской ветви, не привели к положительному результату (Эрдаль 2005. С. 127–137). Недавно возникла гипотеза о близости хазарского рунического письма к дигорской норме осетинского языка – варианту праосетинского, частично же – к нахским языкам (Мудрак 2016. С. 195; 2017. С. 384–385). Однако она также вызвала критику (Пейрос 2017. С. 417–418; Тишин 2017. С. 456–457). Таким образом, хазарские руны по-прежнему нельзя считать дешифрованными.

Помимо прочего, на территории салтово-маяцкой археологической культуры, связываемой археологами с Хазарией, как и в более широком ареале, были найдены знаки и метки на строительных материалах, граффити на тарной керамике, иной раз в виде букв греческого и кириллического алфавита, однако большая часть знаков не соответствуют символам какой-либо письменности, а имеет собственную специфику (Флёрова 1997; 2005. С. 153–167).

- ¹¹ По предположению П. Голдена, Абу-л-Хасан Мухаммад ибн ал-Хасан ибн Ашнас, возможно, был сыном (по мнению Ф. Асадова, внуком по имени Ибн АшИнас), тюркского военачальника Ашнаса ат-Тюрки (АшИнаса?), занимавшего высокие государственные должности при халифах ал-Му‘тасиме (правил в 834–842 гг.) и ал-Васике (правил в 842–847 гг.). В данном случае я не касаюсь проблемы имени, происхождения и истории тюркского рода Ашина, который возглавлял государство хазар.
- ¹² Хаммуд ал-Хирар: Хаммуд – имя; ал-Хирар – в примечаниях к изданию Флюгеля есть несколько вариантов перевода (Kitab al-Fihrist, 1872. S. 11, nota 3), близких к предположениям П. Голдена (производные от корня *x.p.r* или *x.z.z* – «ткач шелком», «сапожник», или «жаркий», «горячий»), однако определенности в понимании не было. Ф. Асадов предложил принятый мной перевод: «тюркский вольноотпущенник», поскольку одно из значений производного от этого глагола – «свободный».

¹³ *Ат-турки ал-мукли* – П. Голден предположил, что слово *ал-мукли* надо читать: *ал-малки*, т.е., возможно, «тюркский царский или даже царь». По предположению же Ф. Асадова, под именем *ал-Мукли* имеется в виду Абу Али ибн Мукла, трижды бывший везиром при халифах ал-Муктадире (895–932), ал-Кахире (895–950) и ар-Ради (934–940). Умер в 937/38 г.

¹⁴ *Ат-Тузунийя* – происхождение или принадлежность к племени или группе – *ат-Турунийя* (по изданию Флюгеля), *ат-Тузунийя* (по переводу Б. Доджа), *ал-Йарунийя* (по рукописи собрания Кёпрёлю). Б. Додж предполагал, что речь может идти о низовьях Двины в России под античным названием *Turunt*, возможно, слово происходит от *Tawwaz* (? – *Т.К.*) (The Fihrist 1970. P. 37. Note 83). Это предположение маловероятно, поскольку Ибн ан-Надим не выказывал особенного интереса к географии восточных областей Европы, хотя и называл имена и названия книг географов, математиков и астрологов IX–X вв., уделяя внимание некоторым географическим сведениям – рассказам путешественника X в. Абу Дулафа, монаха из Наджрана, о Китае и др. (см. выше, а также: Крачковский 1957. С. 239; Sturm 1986. S. 23–31).

В примечании к изданию Флюгеля (Kitab al-Fihrist 1872. S. 11, Anm. 4) имеется предположение, что указанный выше вольноотпущенник Хаммуд был членом группы или отряда «тюркского военачальника Тузуна, который занимал высший военный пост при халифе в середине 40-х гг. X в. Тузун со своими людьми оставил службу Мардавиджу б. Зийара (из династии гилянских Зиридов) где-то в 935 г. и перешел на службу к Аббасидам. В Багдаде сделал карьеру, ловко маневрируя между различными притязаниями на власть в халифате. Скончался в 945 г.» (примечание принадлежит Ф. Асадову).

¹⁵ «Высокомерие и надменность», как полагает Ф. Асадов, относятся к Мардавиджу б. Зийару (см. выше, примеч. 14), у которого служил Тузун и который был убит в 935 г. Ф. Асадов пишет: «Таким образом, Тузун покинул Гилян и поступил на службу в Ирак, сначала к Ибн Раику в Васите, а затем судьба его привела в Багдад на самую вершину аббасидской военной иерархии».

¹⁶ Доставка письменной информации посредством надписей на половинке деревянной стрелы имеет сходство, хотя и не аналогию, с архаическими письменными документами на дереве. В Азии – это руны на деревянных палочках, пластинках, бирках (таласская палочка с руноподобными резами, длинные круглые расщепленные палки в согдийских архивах, деревянные бирки с енисейским письмом); бытовали надписи на дереве и расщепленных палочках и в Европе (Новгород, Старая Ладога, Берген) (Истрин 1965. С. 92; Кызласов 1998. С. 75–76). Хотя и не близкие, аналоги подтверждают достоверность данных Ибн ан-Надима. Ф. Асадов полагает, что в этом известии речь идет о некоей тайнописи, что не противоречит вышеуказанным сведениям.

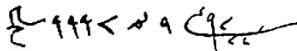
- ¹⁷ По предположению Ф. Асадова, вероятно, первоисточник сообщения о стрелах и надписях – Хаммуд ал-Мукли.
- ¹⁸ Примечание Ф. Асадова: «В тексте: *يفون*. Это, вероятно, глагол *فأ* в настоящем времени, 3 л., мн.ч., т.е. в такой же форме, что и однородный с ним глагол “ихтафаза” (бережно хранить). Спряжение таких глаголов со слабой коренной в середине (пустой глагол) и последней коренной хамзой составляло сложность для написания и прочтения. Я думаю, здесь грамматическая ошибка автора или переписчика, а может, и принятый закономерный переход от *يفأون* к *يفون*. Разломанные концы стрел при совмещении могли составлять полный текст, или же просто доказывали аутентичность надписи на отправленной половинке стрелы. Отправителю имело смысл востребовать стрелу обратно и для контроля, и для исключения ее повторного использования с обманной целью».
- ¹⁹ *Ар-русийа* – прилагат. от *ар-рус*. – «русы, русские». Такое обозначение народа русов часто встречается в арабских источниках: у Ибн Руста, Ибн Мискавайха, Гардизи, анонимного автора «Границы мира» и др. Перевод фрагмента на русский язык имеется в сборнике А.Я. Гаркави (Сказания 1870. С. 244).
- ²⁰ Гора *ал-Кабк* – Кавказ.
- ²¹ Еще А.Я. Гаркави, комментируя сюжет, писал: «факт отправления одним кавказским властителем посольства к русскому князю до 987 года не подает ни малейшего повода к сомнению. Из показаний Масуди, Ибн-Хаукаля, Якута, Ибн-аль-Атира и других арабских писателей нам известно о трех походах Русских на юг к Кавказу и на Закавказье в продолжение X века. Из летописи Несторовой узнаем, что Святослав покорил кавказских Ясов и Касогов. В X же веке Тмутараканское княжество, соседнее с Кавказом, подчинилось русской власти. Имеются у нас также многочисленные известия о торговле Русских с югом. Что же после этого удивительного, что кавказские владельцы имели сношения и посылали посольства к Русским?» (Сказания 1870. С. 243–244). За прошедшие 150 лет источники, рассказывающие или только затрагивающие проблемы политических и военных связей Руси с горцами Кавказа, были подробно исследованы учеными. Не увеличивая список литературы, приведу далеко не полный перечень имен только российских историков, занимавшихся этим сюжетом в разных аспектах: Х. Френ, Б. Дорн, В.В. Бартольд, В.Ф. Минорский, М. Тебеньков, А.В. Гадло, Б.А. Рыбаков, А.Ю. Якубовский, М.И. Артамонов, А.П. Новосельцев, А.Н. Сахаров, О. Прицак, В.Я. Петрухин, И.Г. Коновалова, Т.М. Калинина, И.Г. Семенов; список можно продолжать до бесконечности, особенно если добавить имена западноевропейских ученых. Множественность исследований свидетельствует о том, что источник Ибн ан-Надима не ошибся, когда сообщил о политических связях властителей Руси и Кавказа.

²² Белое дерево – это, вероятнее всего, береста, надписи на которой известны и изучены ныне, а численность их перевалила за 1200. Большинство берестяных грамот найдено в Новгороде, но имеются они и в других городах Древней Руси (Вологде, Смоленске, Твери, Москве и др.) (Черепнин 1968; Янин 1998; Янин, Зализняк, Гиппиус 2015).

²³ Этот фрагмент впервые появился в русской научной литературе, когда Г. Флюгель, готовивший к изданию труд Ибн ан-Надима, переслал его (по рукописи начала XIII в.) известному востоковеду, работавшему в России, Х.М. Френу. Х. Френ опубликовал и перевел его на немецкий язык (Fraehn 1836. S. 513); он же опубликовал этот материал по-русски (Френ 1836. С. 50–59).

Русский перевод был опубликован в 1870 г. в известном сборнике А.Я. Гаркави (Сказания 1870. С. 240). Приведенный здесь мой вариант перевода почти не отличается от представленного А.Я. Гаркави, кроме нескольких слов, измененных для лучшего восприятия в наши дни, и выделения мною курсивом арабских вариантов некоторых названий для пояснения.

Вал.В. Полосин писал, что рукопись начала XI в. была временно утрачена, но рукопись начала XIII в. и копии с фрагментом надписи русов сохранились в библиотеке Кёпрёлю в Стамбуле, что впоследствии подтвердилось (Полосин 1989. С. 20–25; Зайцев, Морозов 2007. С. 113–115). И.В. Зайцев и Д.А. Морозов показали вариант надписи из рукописи, которую авторы исследовали в Стамбуле. Он не совсем аналогичен приведенному Х.М. Френом, как и показанному в издании Г. Флюгеля (см. выше) (Зайцев, Морозов 2005. С. 114):

Поскольку рисовал буквы арабский писец, некоторые из них напоминают арабский шрифт, несколько знаков схожи с арабским написанием числа 9; знаки в конце фразы напоминают арабское “الغ”: «и так далее», что, как писал Х. Френ, может означать или добавление автора, или решение переписчика завершить на этом месте перерисовывать непонятные для него знаки (Fraehn 1836. S. 517, Anm. 26, 519; Френ 1836. С. 51, 54, примеч. 59). Буквы, перерисованные копиистами, имеют характерный для XII–XIII вв. круглый почерк, прорисовки же рукописи XI в. отмечены угловатостью. Элементы надписи в процессе переписывания, вероятно, заменялись более привычными арабам буквами, близкими к арабскому шрифту (Зайцев, Морозов 2005. С. 115).

С момента введения этого текста в научный оборот историки, филологи, равно как и люди, далекие от гуманитарных наук, но считающие себя вправе толковать надпись, старались ее расшифровать. А.Я. Гаркави указывал на попытки исследователей сблизить ее с синайскими

надписями, скандинавскими рунами, а также сообщал о том, что ряд историков объявлял буквы необъяснимыми или вымышленными (Сказание 1870. С. 243). В дальнейшем было множество попыток толкования. Среди наиболее популярных – предположение, что надпись является докириллическим письмом типа «черт» и «резов», о которых писал в конце IX – начале X в. черноризец Храбр (Истрин 1965. С. 445). Буквы не сравнимы ни с греческими, ни с латинскими, ни с кириллическими, ни с глаголическими (Там же). Наиболее известные попытки дешифровки подвергнуты обоснованной профессиональной критике (Полиниченко 2013). Окончательного ответа пока нет.

²⁴ *Ал-Фиранджа* – франки. В X в. ал-Мас‘уди писал: «Румийа (здесь: Рим. – Т.К.) – это столица величайшего царства франков в древности и новое время»; «правителю Рима покорны прочие виды франков из числа галисийцев, гасконцев, басков, германцев (? *арманджас*), большая часть славян (*ас-сакалиба*), болгар (*бургар*) и других, и тех народов, которые исповедуют христианство» (BGA VIII. P. 181–182). В трудах ал-Мас‘уди и Ибн ан-Надима отразилось представление арабских ученых о Риме как центре западноевропейских христианских народов, в ареал которого входили франки. О других сведениях ал-Мас‘уди о франках см.: Крюков 1987.

²⁵ Имеется в виду латиница. Именно латиницей сделаны надписи на франкских мечах, массовое изготовление которых в мастерских на среднем Рейне восходит ко времени Карла Великого, производились они и в IX–XII вв. (Кирпичников 1997. С. 117). Мечи такого типа с выполненными латинским маюскулом надписями выковывались в разных странах Европы (Кирпичников 1966. С. 12, 21, 25, 37).

В.В. Бартольд отметил, что мусульманский мир не был знаком с латинским языком; едва ли сам Ибн ан-Надим мог читать упомянутое им письмо (Бартольд 1966в. С. 607). В связи с этим интересен рассказ из сочинения врача Ибн Аби Усайби‘и (ум. 1270) о присланной в 949 г. византийским императором Романом II (938–963) ко двору правителя Испании ‘Абд ар-Рахмана ибн ан-Насира III (929–961) книги Диоскорида (I в.) о растениях и лекарственных средствах на греческом языке и одного из трудов Орозия (V в.) на латыни. ‘Абд ар-Рахману пришлось просить Романа прислать к его двору переводчиков, поскольку у него не было знатоков ни греческого, ни латинского языков. Среди них оказались монах Николу и Хасдай ибн Шапруг ал-Исра‘или, известный своей перепиской с царем Хазарии Иосифом (Васильев 1902. Прил. С. 141).

Таким образом, едва ли могут быть сомнения в том, что известие Ибн ан-Надима о «франкской письменности» относится к латинице.

²⁶ Ал-Муктафи был халифом в 902–908 гг. «Королевой франков», как показал востоковед К.А. Иностранцев, была патрицианка Феодора, жена консула и сенатора Рима Феофилакта, фактическая правительница Рима

с 904 г., пославшая в 905/06 г. халифу ал-Муктафи послание и ценные подарки. Иностранцев нашел такие данные в антологии Ала ад-дина ал-Бехаи ал-Гузули ад-Димашки (ум. 1412/13 г.). Перевод с французского языка, на который был переведен К.А. Иностранцевым этот фрагмент с арабского, выглядит так: «Королева франков сделала подарок в 293 г. (905–906 гг.) халифу аль-Муктафи Биллаху в виде пятидесяти шпаг; пятидесяти копий; пятидесяти лошадей; двадцати позолоченных плащей; двадцати красивых сицилийских рабов; десяти больших собак, равных по силе львам; шести соколов; семи кречетов; шелкового шатра с двадцатью тремя фракками из шерсти, сотканного из морских ракушек с переливающимися волшебными оттенками всех цветов радуги; трех птиц из земли франков, которые при виде отравленной пищи издавали предупреждающие крики и хлопали крыльями, чтобы присутствующие это заметили; жемчужин для безболезненного извлечения острых предметов (стрел, копий и шпаг) из ран. Посол представил ему (халифу. – К.И.) ее письмо и ее подарки. В письме говорилось: “Я знаю, что ты являешься союзником императора Константинополя, но я могущественнее его, у меня больше войска, я сильнее в войне; в моем подчинении находятся двадцать четыре королевства, язык которых не похож ни на какой другой; вся Западная Римская империя (*Великая Румия* – В.Б.) слушается меня и подчиняется мне”» (Inostrancev 1911–1912. P. 82). Перевод К.А.Иностранцева привлек внимание В.В. Бартольда, который тоже опубликовал фрагмент, но не весь, а лишь письмо «королевы франков» (Бартольд 1966а. С. 442). В.В. Бартольд позднее обратил внимание на приведенные выше сведения Ибн ан-Надима, в которых тоже, хотя вкратце, упоминается об этом посольстве, и тоже перевел их (Бартольд 1966в. С. 605). У Ибн ан-Надима имеются сведения о желании «королевы франков» выйти замуж за халифа, чего нет у ал-Гузули, а у ал-Гузули – обширный перечень подарков для халифа, чего нет у Ибн ан-Надима. В.В. Бартольд полагал, что известие ал-Гузули не восходит к материалам Ибн ан-Надима; оба автора опирались на некий более ранний источник (Там же). Целью посольства могло быть желание привлечь военные силы арабов. Оба исследователя полагали, что могущество Феодоры было сильно преувеличено (Inostrancev 1911–1912. P. 84; Бартольд 1966в. С. 604–608; 1966а. С. 442). Станным также кажется предложение замужества со стороны Феодоры, которая уже была замужем. Таким образом, возникает вопрос о подлинности известия (Бартольд 1966а. С. 442), хотя К.А. Иностранцев полагал, что рассказ ал-Гузули отражает некие реалии.

²⁷ О надписи на белом шелке В.В. Бартольд отметил: «Насколько мне известно, других известий о грамотах, написанных на шелке, для того времени нет» (Бартольд 1966в. С. 607, примеч. 20). Однако Ибн ан-Надим в другом фрагменте писал: «Греки (*ар-Рум*) пишут на белом шелке,

пергамене и других [предметах], а также на египетских свитках и *ал-фулхан*, а это кожа диких ослов» (Kitab al-Fihrist 1871. P. 21; The Fihrist 1970. P. 39). В современной литературе встречаются данные об использовании шелка в дипломатической и договорной практике в Византии: «Завещания, описи имущества, личная переписка, а также брачные и деловые договоры показывают всё многообразие возможностей использования шелка помимо изготовления одежды» (Якоби 2014. С. 428). Судя по рассказу Ибн ан-Надима об использовании белого шелка для письма, такая практика была распространена не только при византийском, но и при итальянских дворах.

²⁸ Ибн Аглаб (Зийадеталлах III, 903–909) был последним представителем династии Аглабидов (Бартольд 1966в. С. 605, примеч. 8; The Fihrist 1970. P. 15, note 34).

²⁹ К сожалению, Ибн ан-Надим или переписчик его труда не привели образца «франкской» письменности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М., 2007.

Арабские источники X–XIII вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары / подгот. тестов и переводы В.В. Матвеева и Л.Е. Куббеля. М.; Л., 1965. С. 81–85.

Асадов Ф. Арабские известия о тюрках. Баку, 1993.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 218–219.

Бартольд В.В. К вопросу о франко-мусульманских отношениях // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1966. Т. 6. С. 432–461. (а)

Бартольд В.В. Мусульманский мир // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1966. Т. 6. С. 207–297. (б)

Бартольд В.В. Посольство из Рима в Багдад в начале X века // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1966. Т. 6. С. 604–608. (в)

Бартольд В.В. О письменности у хазар // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1968. Т. 5. С. 466–467.

Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»: Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894» // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1973. Т. 8. С. 23–62.

Бейлис В.М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. 2. С. 304–311.

Васильев А.А. Византия и арабы за время Македонской династии. СПб., 1902. Ч. 2. Приложения; Ч. 3.

Виденгрэн Г. Мани и манихейство / пер. С.В. Иванов. М., 2001.

- Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985.
- Гагин И.А.* Система образования в домонгольской Волжской Булгарии // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2011. № 1 (5). С. 158–161.
- Гибб Х.А.Р.* Арабская литература. Классический период. М., 1960.
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997/5757.
- Давлетшин Г.М.* Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период, X – начала XIII вв. Казань, 1990.
- Давлетшин Г.М.* Письменность и просвещение в Булгарии // История татар с древнейших времен. Казань, 2006. Т. 2. С. 557–562.
- Зайцев И.В., Морозов Д.А.* Неизвестный и более ранний вариант древнерусской докириллической надписи у Ибн ан-Надима // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 112–115.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне.
- Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1: Мечи и сабли. IX–XIII вв.
- Кирпичников А.Н.* Мечи с надписью ULFBERHT в Северной Европе // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 1997. № 6. С. 116–122.
- Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.
- Ковалевский А.П.* Чуваша и булгары по данным Ахмеда Ибн Фадлана. Чебоксары, 1954.
- Кокорцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Крачковский И.Ю.* Арабские географические сочинения // Крачковский И.Ю. Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. 4.
- Крюков В.И.* Сведения ал-Мас‘уди о народе ал-Ифранджа // Письменные памятники Востока, 1978–1979. М., 1987. С. 64–81.
- Кузнецов В.А.* Написать мир: структуризация прошлого в ранней арабо-мусульманской историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 21. С. 52–87.
- Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // СА 1998. № 2. С. 68–85.
- Кызласов И.Л.* Вопросы хазароведения // Степи Восточной Европы в средние века: сб. памяти С.А. Плетнёвой. М., 2016. С. 249–257.
- Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 8: История. 1988. № 3. С. 8–35.
- Мец А.* Мусульманский ренессанс. М., 1966.

- Мудрак О.А.* Легенды «Хазарских дирхемов», написанные восточноевропейской руникой // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 195–201.
- Мудрак О.А.* Основной корпус восточноевропейской руники // Хазарский альманах. М., 2017. Т. 15. С. 296–416.
- Памятники аланского языка и письма / под ред. Ю.А. Дзицойты. М., 2016.
- Парфионович Ю.М.* Тибетский письменный язык. 4-е изд., стереотип. М., 2007.
- Пейрос И.И.* О дешифровке «хазарской» руники // Хазарский альманах. М., 2017. Т. 15. С. 417–418.
- Перевалов С.М.* Аланская эпиграфика. I. Каталог греческих надписей // Вестн. Владикавказского научного центра. 2011. № 1. С. 2–10.
- Полиниченко Д.Ю.* Раннесредневековые восточноевропейские надписи в российской любительской лингвистике // Jazyk a kultúra. 2013. Číslo 13 (<polinichenko.pdf:Internetový časopis Lingvokulturologického a prekladateľsko-tlmočnického centra excelentnosti pri Filozofickej fakulte Prešovskej univerzity v Prešove>).
- Полосин Вал.В.* Этноним «булгары» в арабских источниках // VII годичная сессия Ин-та востоковедения ЛО ИВАН: кратк. сообщ. Л., 1971. С. 26–29.
- Полосин Вал.В.* «Фихрист» Ибн ан-Надима как историко-культурный памятник X века. М., 1989.
- Рерих Ю.Н.* Тибетский язык. М., 2001.
- Сериков Н.И.* Почему Ибн ан-Надим взялся за составление Китаб ал-Фихрист? // Исследования по Аравии и исламу: Сб. статей в честь 70-летия Михаила Борисовича Пиотровского. М., 2014. С. 456–473.
- Сериков Н.И.* Что означает заглавие сочинения Ибн ан-Надима Китаб ал-Фихрист? Об одной неизвестной греческо-арабской параллели // Подарок ученым и утешение просвещенным: сб. статей, посвященный 90-летию проф. А.А. Долининой. СПб., 2016. С. 29–40.
- Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII в. до конца X века по Р. Х.) / собр., пер. и объясн. А.Я. Гаркави. СПб., 1870.
- Тишин В.В.* К методике прочтения памятников рунической письменности восточноевропейского ареала // Хазарский альманах. М., 2017. Т. 15. С. 419–465.
- Турчанинов Г.Ф.* Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990.
- Умняков И.* «История» Фахрэддина Мубаракшаха. [Рец.:] Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubārākshāh being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd Din Mubārākshāh Marvar-rūdi compeled in a.d. 1206 / Edited from a unique Manuscript by E. Denison Ross, Director of the School of the Oriental Studies. London, 1927. XX+84 pp. («James G. Forlong Fund» Series,

- №4) // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 108–115.
- Фильштинский И.М.* Арабская литература в средние века: Словесное искусство арабов в древности и раннем средневековье. М., 1977.
- Флёрова В.Е.* Граффити Хазарии. М., 1997.
- Флёрова В.Е.* Сюжеты хазарской графики // Хазары. Иерусалим; М., 2005. (Евреи и славяне; Т. 16). С. 153–172.
- Френ Х.* Письмена древних Руссов // Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1836. Т. 15, отд. 3. С. 50–59.
- Черепнин Л.В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
- Шидфар Б.Я.* Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М., 2011.
- Щербак А.М.* Тюркская руника. Происхождение древней письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб., 2001.
- Эрдаль М.* Хазарский язык // Хазары. Иерусалим; М., 2005. (Евреи и славяне. Том 16).
- Якоби Д.* Производство шелка // Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Харьков, 2014. Т. 3: Оксфордское руководство по византинистике, вып. 1 / ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак; пер. с англ. В.В. Швеиц; гл. ред. С.Б. Сорочан. С. 425–432.
- Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... 3-е изд., доп. М., 1998.
- Янин В.Л., Зализняк А.А., Гинпиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. Т. 12.
- Brockelmann C.* Geschichte der arabischen Litteratur. Leipzig, 1909. Bd. 2.
- Durak K.* Who are the Romans? The Definition the Bilad ar-Rum (Land of the Romans) in Medieval Islamic Geographies // Journal of Intercultural Studies. 2010. Vol. 31, no. 3. P. 285–298.
- The Fihrist of al-Nadim. In 2 vol. A tenth-century Survey of Muslim Culture / Ed. and transl. B. Dodge. N.Y.; L., 1970. Vol. 1.
- Fraehn Ch.M.* Ibn-abi-Jakub el-Nedim's Nachricht von der Schrift der Russen im 10. Jh. n. Ch., kritisch beleuchtet von Ch. M. Fraehn // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Sciences Politique, Histoire, Philologie. 6e série. St.-Petersbourg, 1836. T. 3. P. 507–530.
- Fück J.* Neue Materialien zum Fihrist // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1936. Bd. 90. S. 298–321.
- Fück J.* Ibn an-Nadim // The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden; L., 1986. Vol. 3. P. 895–896.
- Inostrancev C.* Notes sur les rapports de Rome et du Califat Abbaside au commencement du Xe siècle // Rivista degli Studi Orientali. Roma, 1911–1912. Vol. 4. P. 81–86.
- Goldziher I.* Beiträge zur Erklärung des Kitab al-Fihrist // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1882. Bd. 36. S. 278–284.

- Kitab al-Fihrist / Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel, nach dessen Tode besorgt von J. Roediger und A. Müller. Leipzig, 1871–1872. Bd. 1: Den Text enthaltend von J. Roediger; Bd. 2: Die Anmerkungen und Indices enthaltend von A. Müller.
- Maçoudi*. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1861. T. 1; 1873. T. 7.
- Mishin D.* Information on the Vlachs in Medieval Islamic Literature (Arabic and Persian) // Romanian Civilisation. 1997. T. 6, no. 2. P. 37–56.
- Robson J.* Isnād // The Encyclopaedia of Islam. New ed. / E. van Donzel, B. Lewis and Ch. Pella. Leiden, 1997. Vol. 4. P. 207.
- Ross E.D.* Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubārākshāh being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubārākshāh Marvarrūdi compiled in A. D. 1206. L., 1927.
- Sellheim R., Zakeri M.* Fehrest // Encyclopaedia Iranica / E. Yarshater. Columbia University, 2018. Vol. 9, fasc. 5. P. 475–483 (<www.iranicaonline.org/articles/fehrest>).
- Spinei V.* The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2009.
- Sturm D.* Die arabische geographische Literatur im historikerkapitartickes/fehrestel des Kitāb al-Fihrist von Ibn an-Nadīm // Hallesche Beiträge zur Orientwissenschaft. Halle (Saale), 1986. Heft 10. S. 23–36.
- Sundermann W.* The Manichaeic Texts in Languages and Scripts of Central Asia // Languages and Scripts of Central Asia / Ed. S. Akiner and N. Sims-Williams. L., 1993. P. 39–45.
- Togan Zeki Validi A.* Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939.
- Wellisch H.H.* The First Arab Bibliography: *Fihrist al-'Ulum*. [Occasional Papers]. University of Illinois, 1986.
- Zimonyi I.* The Origins of the Volga Bulgars // Studia Uralo-Altaica. Szeged, 1990. № 32.

Tatiana M. Kalinina

IBN AL-NADIM'S *FIHRIST* (THE 10TH CENTURY) ON WRITING AND SCRIPT OF SOME PEOPLES OF EASTERN AND WESTERN EUROPE

The paper contains a translation (with comments) and analysis of one the fragments of Ibn al-Nadim's *Fihrist* (the 10th century). This work is a rare example of Arabic bio-bibliography. Apart from unique information on Arabic writing and writers, sciences and scholars, the work contains some data on writing and script of non-Arabic peoples, with samples of their scripts and historical examples which show the usage of scripts and inscriptions mentioned by the author. Here the fragment dedicated to the writing of the Turks, the

Volga Bulgars, the Khazars, the Rus, the Franks, as well as the Alans and the people of Tibet, is translated and commented.

Ibn al-Nadim stated that he knew nothing of the writing of the Turks, but later said that the Turks inscribed halves of splintered wooden arrows and used them as messages. Probably, the author speaks of Turkic runes. As the author names the Bulgars, the Khazars, and the Alans neighbors of the Turks, he probably speaks of the Western part of the wide Turkic oecumene. According to historian Mubarakshah Marvarrudi, who used, in turn, some 10th-century works, Eastern Turks had by that time books and poetry, as it was the case in the Uighur and the Khakass states.

Ibn al-Nadim uses various spellings of the ethnic name of the Bulgars. This can be explained in terms of the variety of his sources. In all cases he speaks of the Volga Bulgars. He mentions that they used the Manichaeian and the Chinese scripts, and this is certainly not true. Perhaps, the author considered those signs similar to Turkic runes which in fact were used by the Volga Bulgars.

Ibn al-Nadim's statement that the Khazars used the Jewish script is confirmed by other 10th-century evidence. Jewish script and Hebrew language were used at the Khaqan's court as well as by the tradesmen who lived in the Khaganate. However, a variant of runic script, not yet deciphered, also was in use in Khazaria.

The author's mention of 'white wood', inscribed by the Rus, probably points at the usage of birchbark well known from the 11th century. Ibn al-Nadim even copied a Rus inscription but it is not yet deciphered, perhaps as a result of its corruption by Arabic copyists.

Unfortunately, Ibn al-Nadim promised to show the script of the Franks as well but did not do that. Nevertheless, it is clear from the text that the author speaks of the Latin script. Ibn al-Nadim cites a Latin message sent by 10th-century ruler of Rome Theodora to the caliph of the Abbasid's State al-Muktafi (although the trustworthiness of the information on the very event is doubtful).

Key words: Arabic literature, Ibn al-Nadim, writing, Eastern Europe, Western Europe, the Turks, the Volga Bulgarians, the Rus, the Franks, the Alans

О.А. Макушников, Е.А. Мельникова

ПЕРСТЕНЬ С РУНИЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ
СО СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАРАВЫШЕНЬ
В ГОМЕЛЬСКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ¹

В подъемном материале, собранном на распаханном поле у пос. Каравышень Прибытковского с/с Гомельского р-на Гомельской обл. Беларуси, среди других находок (фрагментов керамики, украшений, предметов вооружения, обломков стеклянных изделий и др.) обнаружен узкопластинчатый овалнощитковый перстень из оловянисто-свинцовой бронзы, типологически датируемый началом XI – серединой XV в. На щитке перстня вырезаны три знака, соответствующие скандинавским рунам **ruþr**. Надпись может представлять собой личное имя (*H)róðr* (от сущ. др.-исл. *hróðr*, м.р., «слава, хвала») или прозвище *ruðr* (вар. к *rjóðr*) Красный, Рыжий. Наиболее вероятная датировка перстня по палеографическим соображениям – конец XI – XII в.

Ключевые слова: Каравышень, Беларусь, перстень, скандинавская руническая надпись, Средние века, археология

В 2015 г. в Археологический музей-лабораторию кафедры истории славян и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины поступила коллекция артефактов, собранных в 1999–2014 гг. краеведом М.С. Романюком на поле у пос. Каравышень Прибытковского с/с Гомельского р-на Гомельской обл. Беларуси. Обследованием О.А. Макушниковой 2015 г. установлено, что в 8 км на юг-юго-восток от Гомеля, в 0,6 км на юг от пос. Каравышень и в 0,3 км на юго-запад от д. Климовка на правом берегу р. Уть (левого притока Сожа) расположены остатки разновременных поселений (рис. 1).

¹ Описание рунической надписи на кольце сделано в ходе работы над проектом, поддержанным РФФИ № 18-09-00433/18. Е.А. Мельникова благодарит М. Челстрёма (Magnus Källström, Swedish National Heritage Board, Kulturvårdsavdelningen, Runverket Department) и М. Лерке Нильсена (Michael Lerche Nielsen, Institut for Nordiske Studier og Sprogvidenskab, University of Copenhagen) за консультации при подготовке публикации кольца.

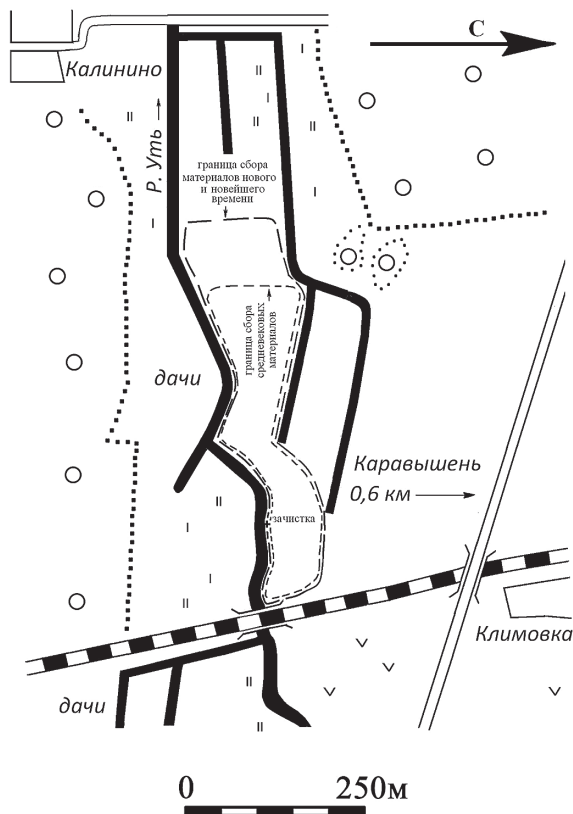

Рис. 1. Каравышень. План памятника

В ходе сбора подъемного материала и при зачистке берегового обнажения отмечены находки предметов из металлов, стекла, камня и глины.

Территория памятника представляет собой распахиваемый участок надпойменной террасы Ути высотой 3,5–4,0 м над урезом воды. С юга площадка ограничена руслом реки, с севера – мелиоративными каналами, с востока – железной дорогой. Материал собран на участке протяженностью с востока на запад на 530 м

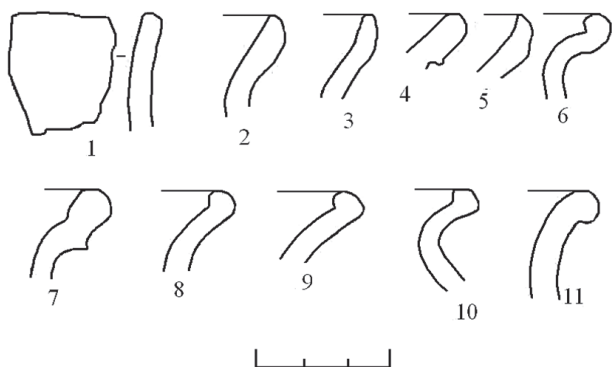

Рис. 2. Каравышень. 1–11 – керамика

при ширине 70–150 м, т.е. на площади около 5,5 га. Артефакты относятся к периодам неолита, Средневековья, Нового и Новейшего времени. По-видимому, обследованию подвергнут только центр памятника, его территория могла быть большей и в западном, и в восточном направлениях. Далее суммарно описаны находки М.С. Романюка, подъемный материал и результаты зачистки 2015 г. В публикации рассматриваются только средневековые материалы.

В зачистке обрыва к р. Уть прослежены распаханые и перемещенные культурные отложения мощностью до 0,6 м с материалами древнерусского, Нового и Новейшего времени. К XII–XIII вв. отнесено несколько обломков круговой посуды, в том числе венчик горшка (рис. 2: 10).

Основные сборы проведены на поверхности пашни. Самый ранний материал может быть датирован третьей четвертью I тыс. н.э. и связан с памятником колочинского культурного круга. Это – стенки и венчик лепных горшков (рис. 2: 1). Фактура черепков грубая, в глине имеется обильная примесь дресвы. Редкой находкой является бронзовая умбовидная подвеска из листового металла. Она обломана, ее реконструируемый диаметр составляет 3,6–3,7 см (рис. 5: 8). Прямые аналогии подвеске известны на памятниках Среднего Поднепровья и Подесенья:

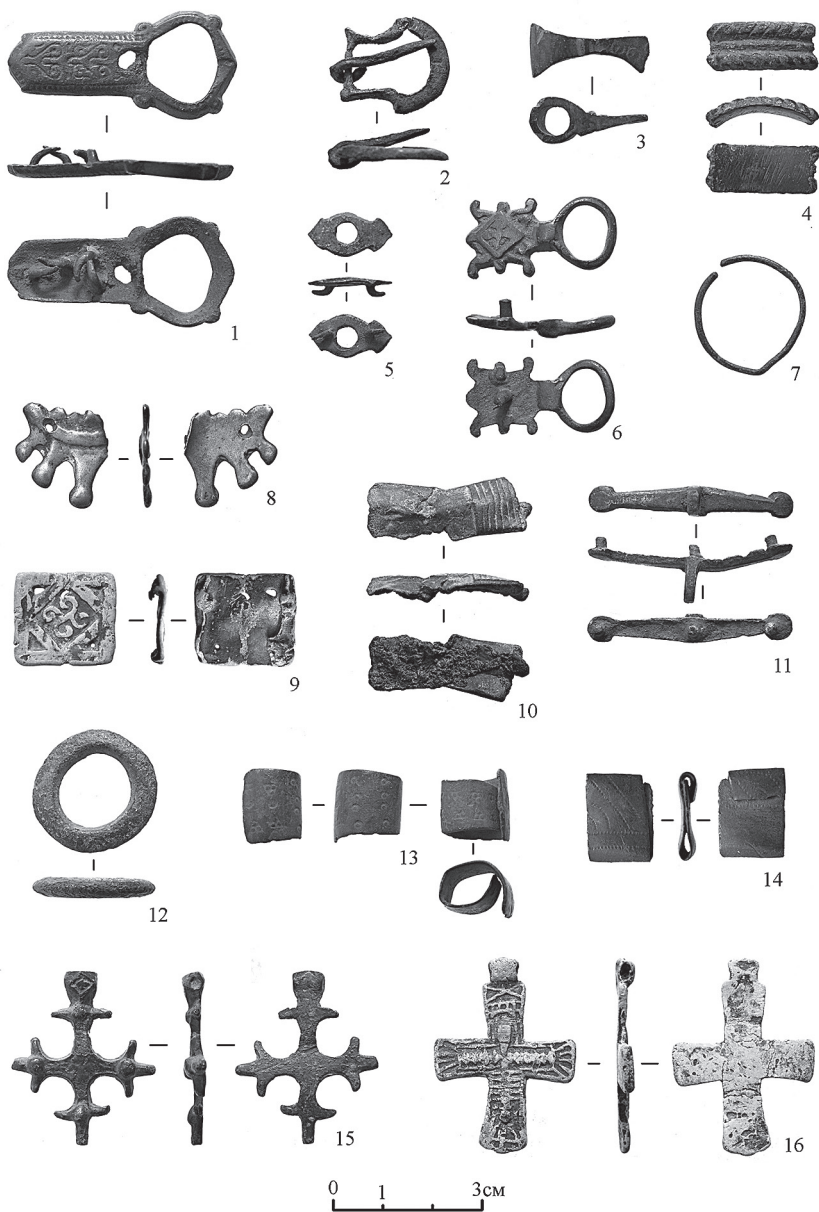

Рис. 3. Каравышень.
 1-16 – цветной металл

колочинское селище Каменное-2, Козиевский и Гапоновский клады конца VII в. (Щеглова 1990. Рис. 7: 9; Гавритухин, Обломский 1996. С. 11–12, рис. 20: 1–7, 21: 1–7).

Древнерусская круговая керамика может быть отнесена ко второй половине X – первой половине XI в. (рис. 2: 2–3) и к XI–XIII вв. (рис. 2: 4–9). XIV–XVI вв. может быть датирован венчик горшка, в глине которого присутствует примесь мелкого и крупного песка (рис. 2: 11).

Материал, из которого изготовлены предметы из цветного металла, за исключением перстня с рунической надписью, определен визуально и предварительно.

Височные кольца. 1) Бронзовое перстнеобразное круглопроволочное разомкнутое. Оно деформировано, имеет диаметр 2,4–2,5 см, сечение 0,2 см (рис. 3: 7). 2) Часть щитка семилучевого кольца из белого металла с отверстием (рис. 3: 8). По классификации Е.А. Шинакова, кольцо относится к группе III, типу Д изделий подобного рода, которые отличаются гладким рельефным продолжением дужки на щитке. Исследователь учел 5 находок колец данного типа в ареале радимичей, 2 – в бассейне Десны (Воронеж) и на Ворскле (Полтава). Е.А. Шинаков датирует такие кольца концом X – началом XII в. (Шинаков 1980. С. 120, рис. 2, 3). По классификации В.В. Богомольникова, каравышенская находка относится к категории треугольнотупцовых с валиком на щитке и является ранней разновидностью радимичских височных колец (конец IX – начало XI в.) (Богомольников 2004. С. 54–56, рис. 6:1, 7).

Браслет. Обломок бронзового пластинчатого изделия с плетеным рельефным орнаментом (рис. 3: 4), которое находит многочисленные соответствия в коллекциях древнерусских браслетов, в том числе и по орнаментации (Седова 1981. Рис. 42: 15, 43: 14).

Бронзовые пластинчатые широкосрединные перстни. 1) Замкнутый с орнаментом в виде 14-ти круглых ямок. Диаметр 2,1 см, сечение 0,3–0,8×0,1 см (рис. 4: 1). 2) Замкнутый с орнаментом в виде растительных завитков, деформированный. Размер 2,4×1,7 см, сечение 0,3–0,9×0,1 см (рис. 4: 2). 3) Замкнутый гладкий. Диаметр 1,9–2,1 см, сечение 0,2–0,7×0,1 см (рис. 4: 3). 4) Незамкнутый с орнаментом в виде двух кругов со вписанной звездообразной фигурой и подчеканкой. Диаметр 2,1 см, сечение 0,3–0,9×0,2 см (рис. 4: 4).

Пластинчатые щитковосрединные перстни. 1) Сломанный круглощитковый с орнаментом в виде круга со вписанными

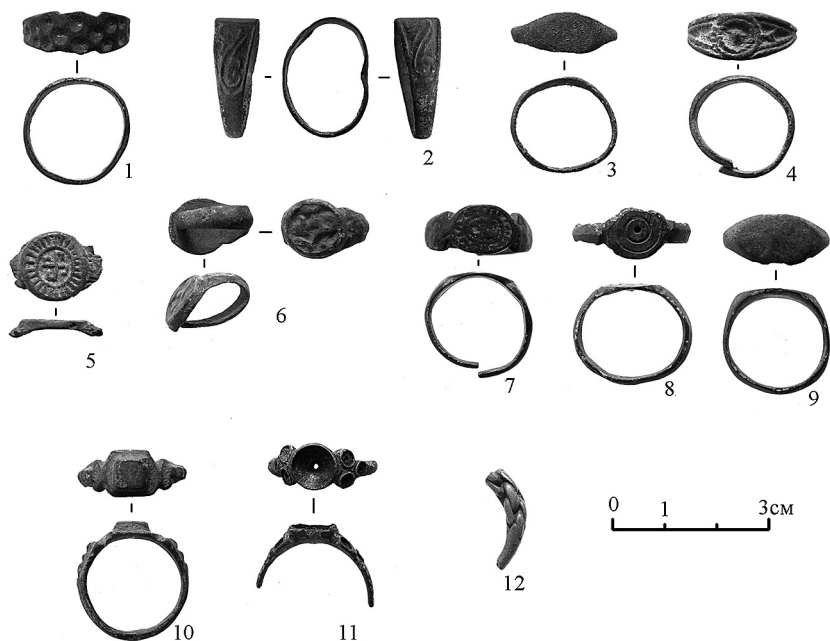

Рис. 4. Каравышень.
1–12 – цветной металл

знаками. Размер $1,1 \times 0,3 \times 0,2$ см (рис. 4: 6). 2) Щитковый незамкнутый с орнаментом на овальном щитке со следами вписанного изображения и отходящими лучами, а также цветков по сторонам щитка. Диаметр 2,1 см, сечение $0,3-0,9 \times 9,2$ см (рис. 4: 7). 3) Овальнощитковый замкнутый с орнаментом в виде двух окружностей с точкой. Диаметр 2,3 см, сечение $0,3-0,4 \times 0,2$ см (рис. 4: 8). 4) Овальнощитковый замкнутый гладкий. Диаметр 2,1 см, сечение $0,4-0,5 \times 0,2$ см (рис. 4: 9).

Описанные выше перстни – бронзовые. Кроме того, обнаружен круглый щиток оловянисто-свинцового перстня с орнаментом в виде свастики, вписанной в круг с отходящими лучами. Размер $1,7 \times 1,3 \times 0,2$ см (рис. 4: 5).

Каравышенские пластинчатые перстни имеют широкий круг соответствий на памятниках Древней Руси X–XV вв. Согласно новгородской хронологической шкале, аналогии широкосрединным замкнутым перстням датируются серединой XI – началом XIV в.

(Седова 1981. С. 130–131, рис. 47: 1, 2, 4–7, 49: 1–2), широкосрединному незамкнутому – серединой X – XIII в. (Там же. С. 129, рис. 45: 5, 18–22, 46: 1–4, 6–10), щитковосрединным – XI – началом XIV в. (Там же. С. 132–137, рис. 49: 5, 7–14, 16–18, 20, 50: 1–8, 10, 14, 17–18, 51: 1, 3, 6–18, 20–22).

Перстни иных разновидностей в Каравышени единичны. 1) Бронзовый печатный с квадратным щитком и с тремя квадратами по каждой стороне от него. Диаметр 2,2 см, сечение 0,3–0,5×0,2 см (рис. 4: 10). Печатные перстни в Новгороде Великом распространены с первой половины X по середину XV в. (Седова 1981. С. 137–139, рис. 47: 22–23, 27, 29, 49: 19, 21–29, 50: 9, 11–12, 13, 15–16, 19–20, 52: 1–4, 53). 2) Бронзовый с ячейкой для круглой вставки по центру и по три ячейки для вставок в стороны от центральной. Размер 2,3×1,0×0,2 см (рис. 4: 11). 3) Обломок серебряного (?) ложноплетеного. Размер 1,9×0,5×0,2 см (рис. 4: 12).

Бронзовые пряжки и поясное кольцо. Первая пряжка – щитковая цельная с растительным (лепестковые цветки) и геометрическим орнаментами по щитку и геометрическим – по рамке, круглым отверстием в щитке и четырьмя загнутыми штифтами, со следами коррозии черного металла от язычка. Длина изделия составляет 3,1 см, ширина щитка 1,4 см, ширина рамки 2,3 см (рис. 3: 1). Вторая пряжка – лировидная с язычком, надломанная, размером 2,2×2,2 см (рис. 3: 2). Пряжки, аналогичные рассматриваемой, широко распространены на памятниках Восточной Европы и за ее пределами. Они характерны для древнерусских курганных комплексов X–XIII вв., в том числе радимичских (Богомольников 2004. С. 84–85, рис. 18: 18). В Новгороде Великом они встречены в ярусах первой четверти XI – конца XII в. (Седова 1981. С. 144, рис. 56: 5). Поясное кольцо имеет овальное сечение. Размер 2,6×0,4–0,6 см (рис. 3: 12).

Бляшки. 1) Бронзовая с круглым отверстием и двумя загнутыми штифтами размером 1,7×0,9×0,1 см (рис. 3: 5). 2) Свинцовая подквадратная с орнаментом в виде ромба со вписанной свастикой и четырьмя обломанными штифтами. Размер 1,9×2,1×0,1 см (рис. 3: 9).

Бронзовый бубенчик. Изделие шаровидное с линейной прорезью и шариком внутри, смятое. Диаметр 2,0 см, высота 2,6 см (рис. 5: 4). По данным великоновгородской стратиграфии бубенчик относится к XI–XIV вв. (Седова 1981. С. 156, рис. 62: 9–11, 15–17, 63: 10).

Предметы языческого и христианского культа. 1) Амулет бронзовый в виде топорика с двухсторонними изображениями

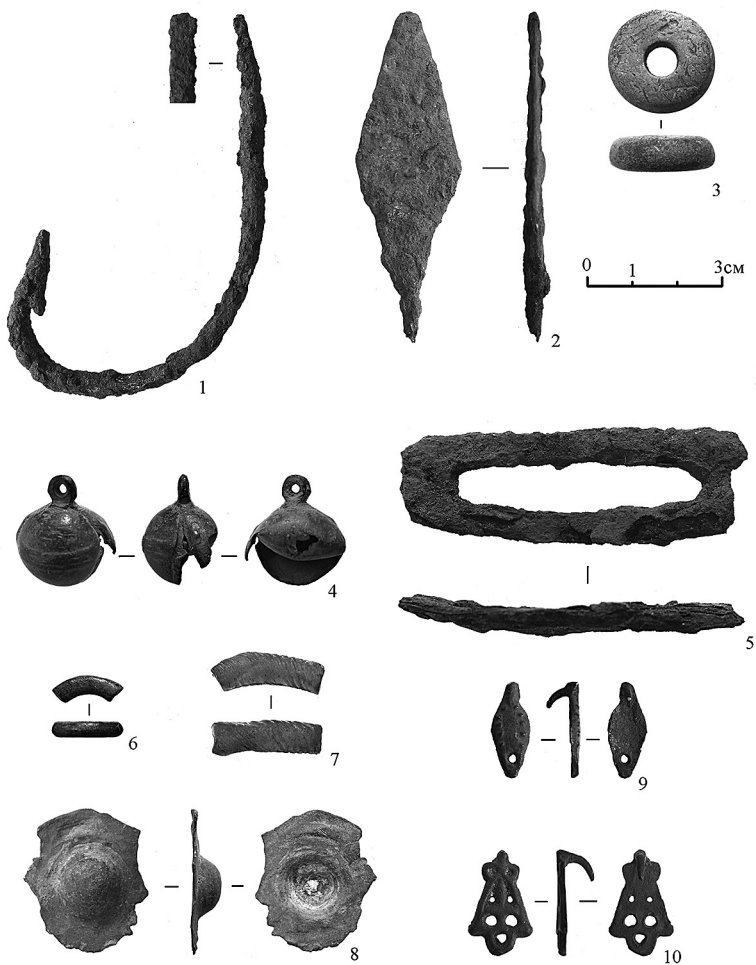

Рис. 5. Каравышень. 1-2, 5 – черный металл;
3 – камень; 4, 8-10 – цветной металл; 6, 7 – стекло

кругов с точками, обломанный. Размер $2,5 \times 1,1 \times 1,0$ см (рис. 3: 3). Этот амулет, имитирующий образец боевого оружия, датируется по аналогиям XI–XII вв. (Макаров 1992. С. 43, рис. 1: 41–56). Такие предметы широко распространены в Восточной Европе, встречены в древнерусских отложениях Гомеля (Макушников 2009. С. 134) и Вицинского городища под Рогачевом на

Гомельщине (Загорульский 2004. Рис. 8: 7). 2) Крест-тельник бронзовый с криновидными концами, четырьмя рельефными шариками на концах и ромбиком со вписанной крестовидной фигурой на верхнем конце. Размер $3,7 \times 3,0 \times 9,5$ см (рис. 3: 15). 3). Крест-тельник свинцовый с расширяющимися концами и изображением распятия. Размер $4,2 \times 3,0 \times 0,2-0,3$ см (рис. 3: 16). Оба креста-тельника имеют многочисленные аналогии в древнерусском материале. Первый крест по форме соответствует ряду изображений в византийском искусстве XI–XII вв., его восточноевропейские аналоги отнесены А.А. Спицыным к XIV в.; в Новгороде Великом такие изделия встречены в ярусах начала XIV – начала XV в. (Седова 1981. С. 54, рис. 16: 8, 10). Второй крест относится к категории тельников с «грубым» изображением распятия Христа, известным в Центральной и Северной Европе. На территории Древней Руси А.Е. Мусиным учтено 46 экз. таких крестов. Они датируются концом X – началом XII в., но более всего распространены в XI в. (Мусин 2002. С. 152–177, рис. 62–63).

В Каравышени обнаружены две *бронзовые пластинчатые обоймицы*, вероятно, из одного набора. Первая украшена орнаментами циркульным и «волчий зуб», деформирована, имеет размер $1,4 \times 1,4 \times 0,3$ см (рис. 3: 13). Вторая обоймица с зубчатым геометрическим орнаментом, смятая. Размер $1,4 \times 1,2 \times 0,1$ см (рис. 3: 14).

В коллекции представлены две *бронзовые блесны* с крючками. Первое изделие в форме рыбки с имитацией чешуи и отверстием. Размер $2,1 \times 0,9 \times 0,1-0,2$ см (рис. 5: 9). Вторая блесна ажурная с 5 круглыми отверстиями. Размер $2,2 \times 1,3 \times 0,1-0,2$ см (рис. 5: 10).

Редкой для сельских поселений является *застежка бронзовая книжная ажурная* с орнаментом по щитку в виде ромба со вписанной крестовидной фигурой и штифтом. Размер $3,1 \times 1,4 \times 0,6$ см (рис. 3: 6).

Прочие бронзовые предметы следующие. 1) Обломок оплавленного и деформированного пластинчатого изделия с геометрическим орнаментом (рис. 3: 10). 2) Изделие в виде коромысла на петельчатом держателе с тремя штифтами (рис. 3: 11).

Предметы из черного металла. 1) Крючок рыболовный с бородком (рис. 5: 1). 2) Наконечник стрелы плоский черешковый с упором и расширением в нижней трети пера; черешок

обломан. Длина 7,7 см, размеры пера 6,3×2,4 см (рис. 5: 2). По классификации А.Ф. Медведева, наконечник относится к типу 40 – широко распространенной в Восточной Европе разновидности данной категории вооружения X–XIV вв. (Медведев 1966. С. 64–65, табл. 30Б: 36). 3) Кресало овальное. Размер 8,0×2,7 см (рис. 5: 5). Изделие характерно для древнерусской и более поздней культуры. Такие приспособления бытовали в Новгороде Великом в начале XIII – начале XV в. (Колчин 1982. С. 156–177, рис. 3), но первые их образцы появились после 1116 г. (Лесман 1984. С. 118–153, табл. 1: 63).

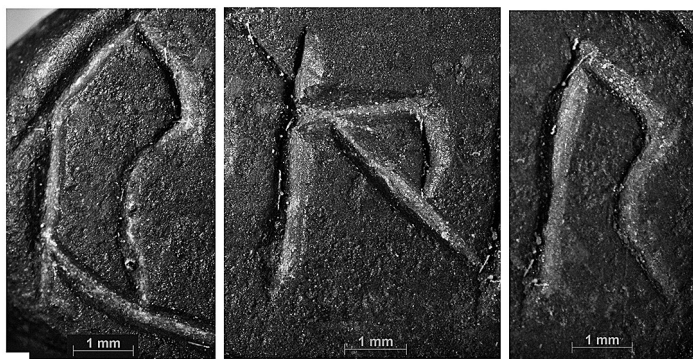
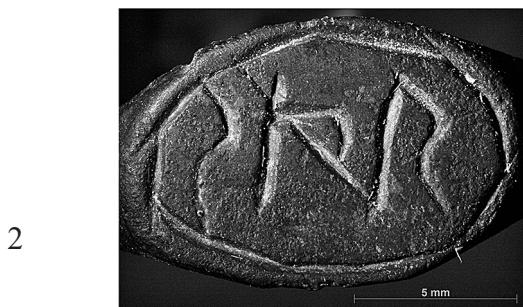
Предметы из камня и стекла относятся к древнерусскому периоду. 1) Пряслице трапециевидное розовошиферное. Диаметр 2,4 см, диаметр отверстия 0,7 см, высота 0,8 см (рис. 5: 3). 2) Обломок стеклянного круглого непрозрачного перстня (рис. 5: 6). 3). Обломок стеклянного синего крученого браслета (рис. 5: 7).

В ходе обследования памятника в 2018 г. собрана представительная коллекция обломков керамической посуды, в составе которой преобладают обломки горшков XII–XIII вв. Найдены фрагменты стеклянных браслетов, осколок доски жернова из овручского сланца и другие предметы, характерные для древнерусской культуры. Коллекция 2018 г. изучается.

* * *

Уникальной находкой среди предметов, обнаруженных у пос. Каравышень, является перстень из оловянисто-свинцовой бронзы узкопластинчатый овальнощитковый, на щитке которого прорезаны три знака, которые могут быть отождествлены со скандинавскими рунами (рис. 6). Перстень, включая углубления, оставленные режущим предметом (ножом?), покрыт благородной патиной темно-зеленого цвета. Диаметр изделия составляет 2,0–2,2 см, сечение – 0,3–0,4×0,2 см (рис. 6: 1–2). В Новгороде Великом перстни с овальными щитками встречены в слоях конца XII – середины XV в. (Седова 1981. С. 135–136, рис. 49: 8–11, 14, 50: 17, 51: 9–18, 20–22). По материалам сельских поселений Н.Г. Недошивина датирует овальнощитковые кольца началом XI–XIII в. (Недошивина 1967. С. 257, 273–274).

Знаки нанесены на щиток, по контуру которого вырезан овал, окаймляющий центральную часть щитка. Он выполнен небрежно, и в левой части не закрыт. Похожее оформле-

3

Рис. 6. Кольцо с рунической надписью: 1 – общий вид; 2 – надпись целиком; 3 – увеличенное изображение отдельных рун. Фотографии С.Ю. Каинова.

ние края щитка сделано на одном из овальнощитковых колец, опубликованном М.В. Седовой (Седова 1981. С. 134, рис. 51: 13). На обруче с каждой стороны от щитка нанесены три резы.

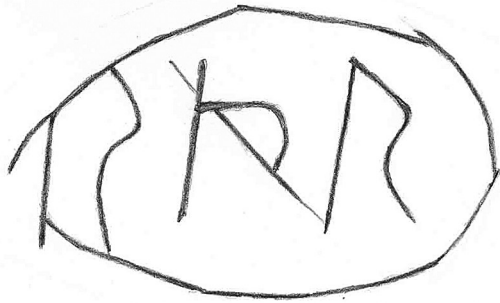

Рис. 7. Прорись рунической надписи.

Надпись состоит из трех знаков, неравномерно расположенных на щитке. Левый замыкает овал, и верхняя часть вертикальной резы образована концом овала. Характерная правая часть знака дает основание видеть в нем скандинавскую руну *r*. Не вызывает сомнений чтение третьего знака, также представляющего собой руну *r*. Более сложный характер имеет второй знак, состоящий из трех частей. Исследование надписи показало, что первоначально была нанесена косая реза, причем верхняя ее часть, выходящая за пределы вертикальной резы значительно тоньше и менее глубока, нежели ее продолжение после пересечения с вертикальной резой. Второй была нанесена вертикальная глубокая реза, после чего к косой линии была добавлена округлая петля (рис. 6: 3а). Порядок нанесения рез позволяет рассматривать знак 2 как лигатуру рун *ur*. Соединение рун *u* и *r* в один знак не редкость для рунического письма, особенно в XII в. и позже, когда особенно широко распространилась практика объединения рун вплоть до сложных, состоящих из трех-четырех знаков, монограмм (например, написанные как один знак слова *aten*, *maðr* и др.) (MacLeod 2002. P. 222–223). Лигатура *ur* с петлей *p* на ветви руны *u* представлена в надписях с о. Готланд (G 100 и G 99, где лигатура состоит из трех рун *ouþ*; обе надписи сделаны на надгробиях и датируются 1449 г.) и из Дании (DR 175, 1200–1250 гг., и DR EM85; 516F – лигатура из трех рун *gup*; графито на штукатурке), хотя чаще петля располагается на стволе руны *u* (MacLeod 2002. P. 198, 205). Во всех приведенных случаях ветвь руны *u* округлая, однако на небольшой деревянной плашке в форме рыбы, происходящей из Бергена и

археологически датируемой 1400–1425 гг. (В 666), представлена лигатура из трех рун **auþ**, где ветвь руны **u** – наклонная прямая (Knirk 1993. S. 20).

Вариант прочтения знака 2 как двух самостоятельных рун **i** и **þ** представляется маловероятным из-за последовательности нанесения рез. В этом случае первоначально должна была быть вырезана вертикальная черта – руна **i**, а затем уже ствол руны **þ** и петля на нём. Необъяснимо тогда и наклонное начертание руны **þ**: места для нее было вполне достаточно, и ствол следующей руны, **r**, прорезан вертикально.

Предпочтительным прочтением надписи, таким образом, является

r uþ r

Наиболее вероятна интерпретация надписи как личного имени – именно его было бы естественно нанести на щиток перстня. Это может быть мужское имя *Hróðr* (от сущ. др.-исл. *hróðr* «слава, хвала»), засвидетельствованное в рунических надписях в слабой форме *Hróði* (Sm 101) и особенно часто в составе двучленных имен: др.-исл. *Hróðhvatr*, *HróðlaifR*, *Hróðmarr*, *Hróðstæinn* и др.) (Pettersson 2007. S. 119–121). В шведских надписях XI в. имена с основой *Hróð-* нередко встречаются уже в древнешведской форме с отпадением начального *H-*: **roþuat** G276, **rulaifR** U678, **ruþmar** Ö118. Чередование рун **o** и **u** для передачи долгого /ó/ обычно для надписей XI в., однако в XII в. и особенно позднее звук /o/ передается отдельной руной **ǫ**. Поскольку сам тип кольца датируется XII–XIII вв., то не исключено, что надпись следует читать как *ruðr* (вар. к *rjóðr*) «красный», которое употреблялось в качестве прозвища («Рыжий») (Personnamn 1947. S. 56).

При отсутствии надежного археологического контекста датировка кольца может основываться только на типологии перстня и, в меньшей степени, на палеографических данных. Подобный тип перстней датируется, как было указано выше, началом XI–серединой XV в. Распространение лигатур в рунических надписях начинается в XII в., к этому же и более позднему времени относятся и надписи со сходной лигатурой **uþ**. Поэтому перстень с надписью можно предположительно датировать концом XI – XII в.

Рунические надписи на кольцах, найденных в Скандинавских странах, многочисленны и представлены несколькими

экземплярами. Наиболее известное из них – так называемое кольцо Абсалона с надписью **porkæir yyy** – личным именем *Þórgeirr*. Надпись нанесена на обрамление вставки. М. Сток-лунд датирует кольцо временем ок. 1200 г. (Stoklund 2003. S. 17–20). Фрагмент второго, янтарного, кольца был найден в Шлезвиге. На обруче частично сохранилась надпись: **...fgotar**. Она также является личным именем (*Alf-* или *Ulf*)*gotr*, Gen., указывающий на принадлежность кольца некоему -готу. Кольцо археологически датируется XI в. (Ibid. S. 20–22). Более позднее, средневековое, серебряное кольцо с надписью, выполненной сочетанием латинских букв и рун EIDKlnDK, происходит из Грана (Упплэнд, Норвегия, № A352) (Knirk 1999. S. 18). Кольца с надписями, в том числе руническими, известны также в Англии англо-саксонского времени: Э. Окаша насчитывает 22 (и четыре утерянных) кольца с надписями (Okasha 2003. P. 29–45), К. Джонсон – 24 (Johnson 2014. P. 56–59). Надписи на кольцах имеют разное содержание (личные имена, владельческие и молитвенные надписи и др.) и выполнены как латинским алфавитом, так и руническим письмом. Таким образом, практика нанесения надписей на кольца была известна в Скандинавских странах и широко распространена в Англо-Саксонской Англии.

ЛИТЕРАТУРА

- Богомольников В.В.* Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). Гомель, 2004.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. (Раннеславянский мир; Вып. 3).
- Загорюльский Э.М.* Вишинский замок XII–XIII вв. Минск, 2004.
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156–177.
- Лесман Ю.М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 118–153.
- Макаров Н.А.* Древнерусские амулеты-топорики // РА. 1992. С. 41–56.
- Макушников О.А.* Гомельское Поднепровье в V – середине XIII в.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель, 2009.
- Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М., 1966. (Свод археологических источников; Вып. Е 1-13).

- Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Недошвинова Н.Г.* Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Труды ГИМ. Вып. 43). М., 1967. С. 253–274.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Шинаков Е.А.* Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3. С. 110–127.
- Щеглова О.А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990. Вып. 1. С. 162–204.
- Ellis Davidson H.R.* Gods and Myths of Northern Europe. L., 1964 (reprint: 1990).
- Johnson K.E.* A Typological Assessment of Late Anglo-Saxon and Viking-Age Finger-Rings from Britain Dating from AD 600–1100. MA Diss. L., 2014.
- Knirk J.E.* Arbeidet ved Runearkivet, Oslo // Nytt om runer. 1999. № 14. S. 18.
- Knirk J.E.* Nyfunn 1992 // Nytt om runer. 1993. № 8. S. 20.
- MacLeod M.* Bind-Runes. An Investigation of Ligatures in Runic Epigraphy. Uppsala, 2002. (Runrön; 15).
- Okasha E.* Anglo-Saxon Inscribed Rings // Leeds Studies in English. N.S. 2003. Vol. 34. P. 29–45.
- Personnamn / Utg. A. Janzén. Stockholm; Oslo; København, 1947.
- Petersson L.* Runnamnslexikon. 5th udg. Uppsala, 2007.
- Stoklund M.* To fingerringe med runer og deres datering: “Absalons ring” og en ravring fra Slesvig // Arvesølvet. Studier fra Nationalmuseets tilegnet Fritze Lindahl. København, 2003. S. 17–22.

Oleg A. Makushnikov, Elena A. Melnikova

A FINGER-RING WITH A RUNIC INSCRIPTION FROM KARAVYSHEN' MEDIEVAL SETTLEMENT (GOMEL REGION, BELARUS)

Among various objects (fragments of ceramics, ornaments, pieces of weapons, fragments of glass products, etc.) collected on the tilled field near the community Karavyshen' (the Gomel District of the Gomel Region, Belarus) a narrow-plate oval-shield finger-ring made of bronze with addition of tin and lead was found. Typologically the ring can be dated to the late 11th to mid-15th century. There are three signs carved on the shield of the ring that can be identified with Scandinavian runes **ruþr**. The inscription may be a personal name (*H)róðr* (from Old Icelandic noun *hróðr*, m., ‘praise; fame, reputation’) or

a by-name *ruðr* (var. to *rijóðr*) 'Red'. According to its paleographic peculiarities, the most probable date of the ring with the inscription is the late 11th or the 12th century.

Key words: Karavyshen', Belarus, finger-ring, runic inscription, Middle Ages, archaeology

А.Д. Щеглов

«ПРОЗАИЧЕСКАЯ ХРОНИКА»:
ПАМЯТНИК ШВЕДСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Публикация представляет читателям яркий памятник шведской исторической мысли позднего Средневековья – так называемую «Прозаическую хронику». Вниманию читателей предлагается перевод указанного произведения, выполненный автором публикации.

Ключевые слова: Швеция, Средние века, письменность, историография, хроники, «Прозаическая хроника»

У многих народов существуют письменные памятники, которые интересны не только своими историческими сведениями, но и своими идеями. В Швеции к подобным памятникам относится анонимная «Прозаическая хроника», созданная около середины XV в. на среднешведском (по другой терминологии – позднем древнешведском) языке и кратко рассказывающая о правлении шведских королей и регентов с древнейших времен до эпохи, современной хронисту.

В первую очередь это памятник по истории политического мифа о величии шведского народа. Ко времени написания «Прозаической хроники» среди шведской интеллектуальной и политической элиты уже имелись сторонники теории, которую ныне принято называть гетицистской. В соответствии с ней шведы являлись потомками древних завоевателей – готов, покоровших Европу, и потому превосходили другие народы (Nordström 1975; Johannesson 1982). Самым знаменитым памятником гетицизма стала произнесенная в 1434 г. речь епископа (впоследствии архиепископа) Николауса Рагвальди на Базельском соборе. Ссылаясь на сведения о готах, почерпнутые у античных авторов, он обосновал мысль, что Швеция – прародина готов – древняя и почтенная страна.

В начале 40-х гг. XV в. гетицистская идея укрепилась в законодательстве. Теперь законы страны предварялись рассуждением

о том, что Шведское королевство было в древности образовано из земель свеев и готов (ётов), что Швеция – родина готов, что название этого народа происходит из Швеции и только там сохранилось. Таким образом, к середине XV в. гетицизм стал законодательно утвержденной идеологией.

С этого времени гетицистская идея стала звучать в исторических произведениях. Ярким памятником подобной историографии стала «Прозаическая хроника». Хронист собрал сведения о «деяниях особого народа, который именовался гетами, затем получил название гёты или готы, а ныне зовется шведами». Автор объяснил происхождение этого народа: от Иафета произошли скифы и геты (*sithe och gethe*); геты потом назывались гётами или готами, а ныне зовутся шведами. Скифов хронист отождествлял со свеями – жителями Верхней Швеции, а готов – с гётами (йетами), жителями нижнешведских областей. В связи с этим в «Прозаической хронике» упомянут «благой мудрый учитель, прозываемый епископ Ардан». Речь идет об Иордане¹; ссылаясь на него, хронист указывает, что первый король гётов звался Эрик. Он впервые заселил край, что зовется Сконе. Затем готы захватили близлежащие острова.

После смерти Эрика королем стал его сын Годерик, которого называют Теодорихом. Он завоевал Кимврию, т.е., разъясняет хронист, Ютландию, Фризию и Голштинию. Затем он покорил Германию, Италию и многие другие страны. Было это, утверждает хронист, во времена Серуха – прадеда патриарха Авраама. Сын Годерика звался Филимер Великий. Он вторгся в Скифию, сиречь в Швецию², и подчинил жителей северо-востока страны. Затем покорил «Алеманнию и все земли до Дуная», переправился через Дунай, завоевал Фракию и Мезию; перешел «через горы, что зовутся Альпы», в Македонию и завоевал эту страну, а также «Грецию, Понт, Азию и Иллирию», и 15 лет удерживал завоеванные края. Готы покорили также Армению, Скифию и еще несколько стран.

Упомянут в «Прозаической хронике» и еще один авторитет – испанский историк и выдающийся церковный деятель Родерикус Толетанус (Родриго Хименес де Рада). Ссылаясь на него, швед-

¹ В некоторых рукописях, содержащих труд Иордана «О происхождении и деяниях готов», Иордан назван епископом. В современной литературе эти сведения считаются спорными (Иордан 1997. С. 16–21).

² Здесь: выступил из Ёталанда в поход на Свеаланд.

ский хронист уверяет: доблесть готов столь велика, что невозможно восхвалить ее в полной мере. Готы обратили в бегство Дария и Ксеркса, сражались с Александром Македонским и другими властителями³. Готы завоевали Испанию, Францию, Англию, Шотландию и другие страны. Готы были столь искусны в сражениях, что, говорят, от них произошел Марс – языческий бог войны.

Цель подобных построений заключалась в том, чтобы прославить Швецию, создать красивый миф о ее происхождении, доказать ее превосходство над другими странами. Вместе с тем теория служила геополитическим интересам шведской знати. Так, сообщение о том, что король Эрик I первым «заселил» Сконе, в позднее Средневековье рассматривалось как доказательство прав Швеции на эту область, которая входила в состав Дании.

«Прозаическая хроника» интересна и как памятник, позволяющий судить о том, как в позднесредневековой Швеции интерпретировались сведения о древнейшей истории Швеции, почерпнутые у зарубежных хронистов, особенно Адама Бременского.

Согласно Адаму, уппсальское святилище было украшено золотом. Внутри находились статуи богов – Тора, Водана (Одина) и Фриккона (Фрея). Тор «управляет громами и молниями, ясной погодой и урожаями»⁴. Водан «ведет войны и дает человеку смелость перед лицом врагов». Фриккон «дарит смертным мир и наслаждение». Идол Фриккона снабжен огромным фаллосом; Водана представляют вооруженным, подобно Марсу; Тора – со скипетром, подобно Юпитеру. Возле святилища растет вечнозеленое дерево. Под ним находится источник, где язычники совершают жертвоприношения. Святилище опоясывает золотая цепь. К богам приставлены жрецы, которые приносят жертвы. Если грозит мор и голод, умоляют Тора, если война – Водана, если предстоит свадьба – Фриккона. Каждые девять лет устраивается всеобщее празднество свеев. В жертву богам приносят девять голов из живности мужского пола; кровью умоляют богов, тела развешивают в роще рядом со святилищем. Вместе с людьми там висят собаки и

³ Т.е. с царем Александром Македонским, царем Пирром и Юлием Цезарем.

⁴ На русском языке хроника Адама Бременского цитируется в переводе В.В. Рыбакова (Швеция и шведы 2007. С. 94–127).

лошади. Один христианин поведал Адаму, что видел 72 тела, висевшие вперемежку.

Первым из известных шведских исторических сочинений, где цитируется рассказ Адама Бременского об Уппсальском храме, является «Прозаическая хроника». Ее автор ссылается на «мудрого учителя по имени Адам»⁵ и в ряде случаев близко следует его повествованию. Вместе с тем в «Прозаической хронике» присутствуют отличия от хроники Адама Бременского. Пример подобного сходства и различия – сообщение «Прозаической хроники» о боге Торе. Рассказ следует описанию Адама. Но «Прозаическая хроника» добавляет и другие сведения: Тора якобы изображают голым ребенком (*nakit barn*), который сидит на повозке и держит в руке семь звезд⁶. Добавлено, что в честь Тора назван четверг – *Torsdagen*. Хронист указывает местонахождение святилища: гора Домберъет («Соборная гора»). Зато в «Прозаической хронике» нет упоминания о скипетре Тора; отсутствует уподобление Тора Юпитеру. Сообщения об Одине и Фрикконе (по «Прозаической хронике» – Фригг) близки к рассказу Адама; но добавлено, что в честь богов названы среда (*odensdagh*) и пятница (*friggedaghr*). Хронист верно следует Адаму в описании храма, роши и жертвоприношений. Место роши, в свою очередь, четко определено: «где ныне находится уппсальская Крестьянская церковь». Есть отличие в сообщении о христианине, который видел тела принесенных в жертву существ: по «Прозаической хронике» их было 77, а не 72.

К сочинению Адама Бременского восходит и приведенный в «Прозаической хронике» рассказ об ослеплении языческого жреца – что, по преданию, послужило началом проповеди христианства в Швеции. На произведении Адама основано и восхваление

⁵ SRS I. P. 240.

⁶ Сведения о «повозке», «семи звездах», а также о том, что Тора изображают юношей, возникли оттого, что было искажено сообщение Адама Бременского, согласно которому Тора представляют со скипетром, как Юпитера: «*Thor autem cum sceptro Iovem simulare videtur*». Шведский автор интерпретировал слово «*Iovem*» («Юпитеру») как «*iuvenem*» (юноше), а «*sceptro*» («скипетром») как «*Septentrio*» – «Семью звездами», т.е. семью крупными звездами созвездия Большой Медведицы (которые в представлениях многих народов отождествлялись с повозкой). Из «Прозаической хроники» искажения перешли в хроники Эрикуса Олаи и Олауса Петри (Munch 1858. S. 326; Löw 1908. S. 14; Scheglov 2014. S. 154). При этом семь звезд, несомненно, вызывали у средневековых читателей ассоциации с атрибутом божества, упомянутым в Апокалипсисе: «Он держал в деснице своей семь звезд...» (Откр. 1: 16; ср.: Откр. 1: 20; 2: 1).

Швеции как благословенной и богатой страны; в данном случае сам шведский автор ссылается на Адама.

«Прозаическая хроника» любопытна и как памятник, содержащий сведения о древних (в основном легендарных) конунгах из так называемой династии Инглингов. Источником в данном случае послужила средневековая норвежская хроника – так называемая «Historia Norwegie». Наконец, «Прозаическая хроника» примечательна как источник, где, по сути впервые в шведской историографии, приведены мысли о пользе истории. Более подробно и развернуто такие мысли изложены позднейшими хронистами – особенно Олаусом Петри. Но так или иначе, неизвестным автором «Прозаической хроники» был сделан важный почин.

* * *

Русский перевод «Прозаической хроники» выполнен по публикации в «Scriptores rerum svecicarum» (SRS I. D. I. S. 239–247). На современные языки (включая современный шведский) хроника не переводилась.

«ПРОЗАИЧЕСКАЯ ХРОНИКА»

Перевод и комментарии А.Д. Щеглова

Тот, кто возьмется изучать и перечитывать древние хроники, убедится: все великие мудрецы, которым Бог даровал мудрость и разум, чтобы они могли осознать милость, которую ниспослал Бог, подробно описали важнейшие вехи прошлого в назидание потомкам. Ведь никто не может помнить то, что было в прошлом (ибо всё по прошествии времени забывается) без древних учителей, которые сохраняют знание о прошлом в своих трудах. Поэтому я собрал воедино из древних хроник наших предков сведения о деяниях особого народа, который тогда назывался гетами, затем стал именоваться гётами или готами, а теперь зовется шведами, насколько мне была дана на то милость всемогущего Бога и Девы Марии.

Когда Бог убедился, что люди не хотят считаться с Его повелениями и исполнять их, но предались губительным порокам, прегрешая против природы, всемогущий Бог послал всему миру потоп, чтобы всё, что Он сотворил, за грехи человечества было

уничтожено. В то время на земле жил праведник по имени Ной, которого Бог, дабы человечество преумножилось, сохранил вместе с женой и тремя сыновьями – Симом, Хамом и Иафетом. Их потомки забыли о падении ангелов и о потопе, который постиг человечество; возгордившись, они начали строить башню в той местности, которая тогда называлась Сеинар, а теперь называется Вавилон. За эту гордыню Бог снова разгневался и в посрамление им покарал их, разделив языки. И поскольку у них теперь были разные наречия, и между ними началась распря, то и поныне различаются страны и обычаи. И мир был разделен на три части: Сим получил Азию, Хам – Африку, Иафет – главную часть, которая зовется Европа; и от него произошли скифы и геты, которые спустя много лет стали называться гётами или готами, а ныне называются шведами. Скифами, или свеями, стали называться те, кто расселился в Хельсингеланде⁷ и к северу от Тиведа и Кольморда⁸. А название «гёта» получили те, кто поселился к югу от упомянутых лесов вплоть до Эресунна, между Восточным и Западным морями⁹.

Мудрец по имени Адам¹⁰ пишет о них, что страны гётов и свеев являлись двумя самыми благословенными странами в северных краях: они больше, чем какие-либо другие, изобиловали зерном, были богаты скотом, рыбой, лесами, всевозможными плодами и крупными лошадьми; он пишет, что народ там велик и телом, и духом. Эти люди не нуждаются в том, чтобы приобретать что-либо в других краях и у других людей. Золото, серебро, медь, железо, шкурки зверьков, что ныне зовутся горностаями, шкурки куниц и белок и прочих диких зверей у них имеются в изобилии. То, что мы считаем драгоценностями, они ни во что не ставят. Только в женщинах они не знают меры; каждый, сообразно с возможностями, имеет двух или трех жен; а богатые люди или вожди имеют несчетное множество. И дети от таких жен считаются законными; и поэтому в те времена было бесчисленное множество знати и простого народа.

⁷ Хельсингеланд – область на северо-востоке Швеции.

⁸ Тивед и Кольморд – лесные массивы в центральной части Швеции, природная граница Верхней и Нижней Швеции (Свеаланда и Ёталанда).

⁹ Т.е. между Балтийским морем и Северным.

¹⁰ Адам Бременский.

Другой великий мудрец – епископ Ардан¹¹ – указывает, что первый король Гёталанда звался Эрик. И этот король Эрик первым занял и заселил страну, именуемую Сконе. Затем они направились на близлежащие острова и захватили землю, которая называлась Веталахед (а ныне зовется Зеландия), а также Мён, Фюн, Лолланн и Фальстер.

Король Эрик умер в Гёталанде. После него престол наследовал его сын Годерик. В других хрониках – в Риме и в иных краях – его называют Теодорих. Он завоевал Кимврию¹² (которая теперь называется Ютландия), Северную и южную Фризию, а также Голштинию. Он первым вышел с войском из пределов Гёталанда и завоевал Германию, Вальскеланд¹³ и другие страны, о чем изрядно написано в упомянутых странах. Когда он достиг преклонных лет, он вернулся в Гёталанд. Тогда жил Серух, почтенный человек, дед патриарха Авраама¹⁴.

Годерик умер в Гёталанде. Ему наследовал его сын Филимер, по прозванию Филимер Великий. Он собрал огромное войско и вторгся в Скифию, то есть в Страну свеев к северу от Тиведа и Кольморда, победил всех жителей Хельсингланда и подчинил их своей власти. После этого он повел войско в другом направлении: ушел из тех краев, покорил Германию, подчинил всю эту страну вплоть до Данубия¹⁵, который теперь по-немецки называется Дуннов; затем переправился через Данубий, покорил Фракию, Мезию; прошел через горы, что зовутся Альпы, в Македонию и захватил ее; покорил также Грецию, Пунт, Азию и Иллирию, и удерживал эти пять областей под своей властью пятнадцать лет. После этого готы завоевали Армению, Сирию, Киликию, Галатию, Писсидию, Вернию, Йокию; убили Везосуса, царя Египетской Земли, и завоевали Египетскую Землю.

¹¹ Иордан.

¹² *Завоевал Кимврию*. Перевод в данном случае основан на версии, приведенной в первом издании хроники, выполненном историком и писателем Юханнесом Мессениусом. Возможно, указанная версия была основана на рукописи, которая впоследствии была утрачена. В остальных изданиях (и в рукописях, известных в настоящее время) приведен вариант «завоевал Экспедию, которая ныне зовется Ютландией». Упомянутый вариант, по всей видимости, является бессмысленным.

¹³ Италию.

¹⁴ Серух (Серуг) – ветхозаветный патриарх, прадед Авраама (Быт. 11: 20–23).

¹⁵ Данубий – древнеримское название Дуная.

Родерикус Толетанус, испанский архиепископ¹⁶, пишет о деяниях и доблести готов, что он не может описать и восхвалить их в полной мере, как они того заслуживают: ведь Дарий и его сын Ксеркс бежали от Ацета, короля готов; они отважились сражаться с великим Александром, с царем Пором и с римским цесарем; а Тамарис, царица готов, своими руками убила властительного и могущественного царя Пирра; и всё те же готы подчинили себе Валланд¹⁷, Рим, Неаполь, Арагон, Сицилию и все области вокруг, и удерживали их 400 лет, и вблизи Рима построили крепость, которую назвали Верония, и разрушили Рим, и опустошили город за то, что римляне много раз поступали вероломно: когда готы их побеждали, римляне присягали им на верность, а затем изменяли. И готы покорили Галлию, Испанию, Францию, Англию, Шотландию, Ирландию, Фландрию, Голландию и много других стран; и они явили еще много неслыханной доблести, как описано в бесчисленном множестве книг. И мудрый астроном Дионисий сообщает, что готы первыми научились изготавливать луки с тетивами из жил; и много другого оружия они впервые ввели в употребление. И они были так доблестны в бою, что, говорят, от готов произошел сам Марс, которого языческие мужи считали и считают богом, который управляет всеми битвами. И, думаю, я достаточно здесь сказал о доблестных деяниях, которые готы совершили в чужих краях. Теперь я хочу поведать о том, что они свершили в своем собственном королевстве. Об этом и пойдет речь ниже.

В Швеции дело обстояло следующими образом: после того как могущественный король гётов Филимер Великий подчинил себе всю страну свеев и завоевал дальние страны, как сказано выше, гёты и свеи, которые теперь вместе называются шведами, единодушно избрали Инге Филимерссона королем и распорядились, чтобы его королевский престол находился в Старой Уппсале, и чтобы король проводил там большую часть времени, поскольку там находился их языческий храм; и этот храм был весь покрыт позолотой; и он стоял на Соборной горе, где теперь находится Уппсальский кафедральный собор. В этом храме поклонялись трем богам: первый находился в середине и звался

¹⁶ См. предисловие к данному переводу.

¹⁷ В древних исландских и норвежских источниках так именуется Франция. В данном памятнике термин «Валланд», судя по контексту, употреблен как вариант топонима «Вальскеланд» – «Италия» (см. примеч. 12).

Тор; его почитали величайшим из богов и верховным божеством. И ему поклонялись ради благоприятной погоды, чтобы он дал им всяческие плоды, уберег от молнии и грома, бури, града или ливней; его идол имел вид нагого юноши, сидящего на повозке; а в руке у него было 7 звезд¹⁸; его почитали в четверг (*torsdagen*), и этот день назван в его честь.

Другой звался Оден; ему поклонялись по средам, чтобы он помог в сражениях; и этот день недели назван в честь него – *odensdag*.

Их третьего бога звали Фригг. Ему поклонялись по пятницам, чтобы он возбудил плотское влечение и принес много детей; в честь Фригга названа пятница – *friggedaghr*.

Имелись посвященные жрецы; им полагалось принимать у народа жертвоприношения; затем каждый приносил жертву своему богу.

Когда их постигали болезни или неурожайный год, приносили жертву Тору. Когда готовились к сражению, приносили жертву Одину. Если собирались играть свадьбу, приносили жертвы Фриггу.

Каждый девятый год они устраивали возле упомянутого храма особое собрание, на котором полагалось присутствовать королю и всем людям из всех областей Швеции; участвовать в этом торжестве были обязаны все. Там полагалось приносить в жертву богам 9 живых существ – непременно мужского пола; их убивали, кровью старались умиловить богов, а трупы вешали в небольшой роще возле храма – там, где сейчас находится уппальская Крестьянская церковь. Каждая ветка в этой роще считалась священной. А трупы, которые там висели, были трупами людей, а также собак и прочих животных. Некий человек уверял, что видел, как там по отдельности висели трупы 77 человек: все они были принесены в жертву божествам.

И в Швеции в то время имелось три главных города; они были расположены недалеко от Уппсалы. Первый назывался Сигтуна,

¹⁸ В некоторых рукописях фраза звучит иначе: «...och satt wppå karlawagnen och Siwsternone» – «...и сидел на созвездии Большой Медведицы» (KB D8. S. 18; ср.: KB Rålamb. 22). Здесь существительное «Karlawagnen» («Повозка», «Мужицкая телега») является именем собственным и обозначает созвездие Большой Медведицы. В этом же значении употреблено слово «Siwsternone» («Семь звезд»). Таким образом, в данном случае оба термина образуют тавтологическую пару. См. также предисловие к настоящему переводу, примеч. 6.

второй – Бирка. Бирка была расположена на острове в озере Меларен; этот остров звался Бьёркё. Третий город находился в Вестергётланде и назывался Скара¹⁹.

Инге²⁰ умер в Уппсале. У него было два сына: одного звали Неарк²¹, другого Фрё. Они оба правили королевством после смерти отца, и весь народ почитал их наравне с богами. Они тоже умерли в Уппсале.

Во многих хрониках о гётах упомянуто множество королей, не перечисленных выше и не указанных ниже в данной книге²², и указывается, что они являлись королями гётов. Следует знать, что в Швеции не было никаких других правителей, кроме тех, которые в этой книге названы выше и упомянуты ниже. А остальные, о которых пишут, что они являлись королями гётов, на самом деле правили гётами в чужеземных странах и были королями тех, кто выиграл множество беспримерных сражений и завоевал много городов, стран и королевств.

У Фрё был сын по имени Урбан. Он стал королем после отца. У него было три сына. Одного звали Эстен, другого Дан, третьего Норе. Они подчинили Швеции Данию и Норвегию; Дания в то время по-прежнему называлась не Дания, а Веталахед. Урбан послал своего сына Дана на те пять островов, что назывались Веталахед, и сделал его правителем Дании – и так Дания получила название от имени Дан; подробно об этом рассказано в датских хрониках, приведенных в этой книге. А Норе он послал в Норвегию, и Норе стал там королем после смерти отца. Ранее эта страна являлась областью; у каждой области имелось свое имя, и все они платили дань уппсальскому королю. Затем страну назвали «королевство Норе»; ныне это королевство зовется Норвегией. Если кто-то желает знать, царь Израиля пророк Давид жил во времена Урбана.

¹⁹ Указанные три города – Скару, Сигтуну и Бирку (Бьёркё) в качестве главных городов древней Швеции упоминает Адам Бременский, а вслед за ним – автор «Прозаической хроники» и более поздние хронисты Эрикус Олаи и Олаус Петри.

²⁰ В исландско-норвежской традиции – Ингви. В «Истории Норвегии» упомянут как первый король Швеции.

²¹ В исландско-норвежской традиции – Ньёрд; упомянут в «Истории Норвегии» как сын Ингви.

²² Из данного замечания и нескольких последующих ремарок хрониста следует, что данная хроника играла роль своего рода предисловия к нескольким историческим сочинениям, включенным в тот же кодекс. По-видимому, в их число входили шведские рифмованные хроники XIV–XV вв.

Король Урбан умер в Уппсале. Король Эстен жил много лет и умер в Уппсале; он оставил после себя сына по имени Сэ-линг.

После смерти отца королем стал Сэлинг. Он утонул в кадке с медом; его сына звали Сверкер.

Сверкер стал королем после смерти отца. Говорят, он был силачом; ударил по скале так, что рука застряла в камне²³. Его сына звали Валандер.

Валандер стал королем после отца. Его загнала насмерть Мара²⁴. Его сына звали Висбур.

Висбур стал королем после отца. Сыновья сожгли его со всей прислугой. После него осталось множество сыновей. Одного звали Домальдер; он стал королем после отца. Шведы принесли его в жертву колдунье по имени Терес²⁵, чтобы собрать хороший урожай.

Сына Домальдера звали Аттила. Он был королем Швеции и завоевал Данию и Германию; и обложил датчан данью, после того как король Хальдан, его родич, был убит в Дании; и дал датчанам короля по имени Ракке; а после Ракке он дал датчанам в короли верзилу по имени Лэс, его именовали «король Снё»; никогда у датчан не было короля хуже. Во многих других хрониках можно найти сведения о деяниях того самого короля Аттилы, которые он совершил в Германии, Валланде и многих других странах. Атилла умер в Уппсале в преклонных летах.

Дигер, сын Аттилы, умер в Уппсале. Затем королем стал его сын Дагер.

²³ По исландским и норвежским источникам, конунг Свейгдир, идя следом за карликом, вошел в скалу и не вернулся. По шведским хроникам, конунг Сверкер (как его называли на шведский манер) ударил по камню так, что рука застряла в камне. Искажение вызвано ошибками при прочтении упоминания о Свейгдире, содержащегося в «Historia Norvegiae»: в частности, приведенное там слово «*panum*» («карлика») было интерпретировано как «*panum*» – «руку». См.: Munch 1858. S. 301.

²⁴ Мара – в германских и славянских поверьях злой дух, ведьма, которая душит спящих. Если человек умер во сне от удушья или страдал от кошмара, говорили, что Мара оседлала его и загнала. Указанный сюжет (как и многие другие сюжеты, связанные с описанием королей из династии Инглингов) заимствован средневековыми шведскими авторами из норвежского сочинения «Historia Norvegiae».

²⁵ Терес (*Theræs*) – искаженное имя богини Цереры, упомянутой в труде «Historia Norvegiae» и в ряде шведских хроник.

Дагер стал королем и был убит в битве близ Вапневада в Дании: он хотел, чтобы датчане платили ему дань, как ранее его отцу²⁶. У него было два сына.

После смерти отца королем стал Альрик. Жена повесила его на золотой цепи на острове, на котором теперь находится Стокгольм и который в то время звался Агнафит.

У Ингемара был сын по имени Ингелер. Он стал королем после отца; его убил брат.

У Ингелера был сын по имени Йерундер; он завоевал всю Данию; затем он отпустил шведское войско и доверился датчанам; и те его повесили.

Сына Йерундера звали Хакон Младший; он стал королем Швеции после отца и убил короля Дании Хильдетанда и короля Фризии Уббе в Вэрэнде, близ Скаталы, на пустоши, которая именуется Бравальд; вместе с королем тогда сражался Старкед, и он лишился пальца; датчане тогда потеряли 30 000 свободнорожденных людей, не считая прочих потерь, а шведы всего 15 000: всё это – согласно датской хронике. И шведы проявили себя столь искусными лучниками, что их стрелы пробивали любые доспехи; и дали датчанам деву, которую звали Лет...²⁷

...о чем подробно говорится в Датской хронике; и он затем стал таким старым, что его приходилось укладывать в колыбель и кормить из рожка, как младенца.

Сына Хаквина звали Эгиль по прозвищу Вендельская Ворона. У него был слуга по имени Донде. Этот слуга воевал против Эгиля – своего законного государя; выиграв 8 крупных сражений, в девятом Донде был убит, и Эгиль вновь получил полную власть²⁸. Спустя небольшое время его забодал бешеный бык.

Затем королем стал сын Эгиля Октар; его убил брат по имени Фасте.

²⁶ Так по шведской версии описываемых событий. По исландским и норвежским источникам, Дагер (Даг) выступил в поход, чтобы отомстить за смерть любимого воробья.

²⁷ Пропуск в тексте.

²⁸ *Эгиль Вендельская ворона*. В Саге об Инглингах прозвище приписывается сыну Эгиля Оттару; относительно происхождения прозвища см.: Снорри 1980. С. 26, 596. В подробностях история указанного короля изложена в «Саге об Инглингах», вкратце – в «Истории Норвегии», в «Прозаической хронике», в труде Эрикуса Олаи. В исландско-норвежской традиции Тунни (на шведский манер Тонне, Донде или Тённе) – раб короля Эгиля; в «Прозаической хронике» – служилый человек, слуга (*sven*): так, видимо, автор интерпретировал латинское *servus* («раб», «слуга»).

Сына Октара звали Адель; он стал тогда королем; собираясь совершить жертвоприношение своему языческому божеству, он упал со споткнувшейся лошади и погиб.

Эстен Адельссон затем стал королем и сгорел при пожаре вместе со всей прислугой.

Ингемар Эстенссон, которого некоторые называют Кнут, был королем Швеции и завоевал всю Данию; затем его убили в проливе Эресунн на острове, именуемом Лагундё.

Сына Ингемара звали Брентемундер; его брат Сигурд убил его в Нэрке в местности, именуемой Хёгахед.

Королем стал его сын Ингелер; он так испугался короля Дании Ивара по прозвищу Широкие Объятья, что от страха заперся и сжег себя вместе со всей прислугой.

Затем королем стал его сын – Олаф Лесоруб; он правил в Швеции долго и хорошо; он умер в почтенных летах.

У него было два сына: одного звали Хальдан Белоногий; он прибыл в Норвегию и стал там королем; большинство норвежских королей являются его потомками.

Другого сына звали Инге; он был королем Швеции и погиб в сражении.

Сын Инге – Эрик Ветряная Шапка – стал затем королем. Его звали Ветряная Шапка, потому что куда он поворачивал шапку, в ту сторону дул ветер, который ему посылали языческие боги. Он умер в Швеции.

У него был сын по имени Эрик Победоносный; его прозвали Победоносным потому, что он завоевал всю Данию и Германию. Он умер в Швеции в преклонном возрасте.

Его сын звался Стенкиль Урожайный. Он был первым королем Швеции, который принял христианскую веру. Случилось так, что один из жрецов, ежедневно приносивший в Уппсале жертвы языческому божеству, совершал торжественную службу своему богу в присутствии короля Стенкиля и ослеп. И тогда жрец понял, что ослеп, потому что разгневал Иисуса Христа – великого Бога, в которого верят христиане. Король и все присутствующие увидели, что жрец внезапно лишился зрения, и пришли в ужас. Священника отвели домой. Ночью во сне ему явилась Мария, мать Божья, и сказала: «Если пожелаешь уверовать в моего сына Иисуса Христа, Бога христиан, и оставить того идола, тогда я верну тебе зрение». Жрец с радостью согласился.

Тогда Дева Мария, Божья Матерь, сказала ему: «Знай, что этот город, где сейчас совершается столь непотребное смертоубийство, будет освящен в мою честь; и чтобы ты еще тверже в это уверовал, я исцеляю тебя и возвращаю тебе зрение во имя Иисуса Христа – моего Сына. И жрец исцелился и отправился странствовать, и повсюду возвещал о том, что с ним произошло, и призывал язычников уверовать в Бога, который вернул ему зрение.

Затем кроткий король Стенкиль направил гонцов к Святому Ансгарии (который в то время был гамбургским архиепископом), рассказав о случившемся знамении и прося прислать кого-нибудь, кто мог бы научить их, как верить в Иисуса Христа. Тогда Святой Ансгарий послал двух отважных, разумных и весьма ученых мужей к королю Стенкилю и рукоположил обоих в епископы; одного звали Адальвард, другого Стафан. Они прибыли к королю Стенкилю в Сигтуну. На первом же богослужении, которое совершал Адальвард, ему пожертвовали 70 марок серебра. И в короткие сроки они обратили в христианскую веру весь народ в Сигтуне и Бьёркё и во всех окрестностях. Затем Адальвард направился к Уппсальскому языческому храму и низверг всех идолов, а епископ Стафан отправился в Хельсингеланд, проповедовал там и обратил в христианскую веру бесчисленное множество народа, и был убит в лесу, именуемом Эдмарен, и похоронен в местной церкви, именуемой Нуральская церковь.

Люди близ Уппсалы разгневались, что их идолов низвергли, и убили епископа Адальварда; его похоронили в большом торговом городе Бьёркё, который ныне совершенно безлюден.

Затем народ отрекся от веры; так же поступил, испугавшись, и король Стенкиль; но всё равно его убили близ Уппсалы его же люди.

Сына Стенкиля звали Олаф Скотконунг. Он принял крещение от Святого Сигфрида в год 1108²⁹, 15 февраля, в источнике, который звался Биргитта, а теперь называется также «источник Сигфрида» и находится близ Хусабю. Упомянутую деревню король тотчас принес в дар епископскому престолу Святого Сигфрида, и таким образом вся Швеция обратилась в христианство. Он умер в Швеции.

²⁹ Указанная дата приведена во многих шведских письменных памятниках. Она, по-видимому, возникла вследствие ошибки: дата «1008» была принята за «1108».

Вторым христианским королем был Эдмунд Углежог. Его прозвали Углежогом потому, что он издал закон: у тех, кто совершил преступление, сжигали часть дома, размер которой зависел от тяжести содеянного. Он погиб в сражении.

Третьим был Эмунд Мерзкий; он размежевал границу между Швецией и Сконе; затем он с большим войском вторгся в Сконе; король Кнут Могучий послал против него своего зятя – англичанина Ульфа Спрокелэгга. И погиб Эмунд Мерзкий с большей частью своих людей возле моста в Сконе, именуемого Стонгапелле.

Четвертым был Хакон Рыжий. Он родился в Вестеръетланде, в Ливене, в хераде Виста. Он был королем 13 лет; похоронили его в Ливене – там же, где родился.

Пятым был Стенкиль. Он любил вестъетов больше всех людей в своем королевстве. Он приходился племянником Олафу Скотконунгу. Был он могучий воин и искусный стрелок; в Ливене поныне сохранились его деревянные цели для стрельбы – одна [находится в местности], называемой Конунгастен, другая близ Конунгалидстольпе, третья в Стандсберге. Он победил датчан в трех битвах. Вестъеты неизменно радовались, пока он жил.

Шестым был король Инге; он защищал Швецию при помощи своих служилых людей и никогда не нарушал шведские законы. Он выиграл пять сражений в Сконе и удерживал Сконе три года. Однажды ночью его убили в постели в Сконе; вестъеты отвезли его тело домой и сказали, что никогда не восполнят эту потерю.

Седьмым был Хальстен – брат Инге. Он был спокойный и добродушный; поэтому все шведы горевали, когда он умер.

Восьмым был Филпус, сын короля Хальстана. Он был справедливым и достойным и был сведущ в законах. О его смерти шведы скорбели.

Девятым был Инге, брат короля Филпуса. Его отравили во Врете в Эстеръетланде. Об этом горевали все шведы, ибо в Швеции всё обстояло благополучно, пока правили короли из упомянутого рода.

Десятым был [Рагвалд] Узколобий – самовластный и своенравный. Его избрали королем жители Эстеръетланда, и он направился в Вестеръетланд и не попросил у вестъетов заложников; за то, что он их так унизил, они убили его в Карлабю близ Скары.

Одиннадцатым был Сверкер Старший. Бонды избрали его королем в Эстерьётланде, где он родился. Он основал монастырь в Альвастре³⁰. Его убил конюх перед рождественской заутреней, когда тот собирался отправиться в церковь. Его похоронили в Альвастре.

Двенадцатым был святой король Эрик³¹. Его отца звали Йедвард; он был зажиточным бондом. Бонды избрали его королем, потому что он был женат на дочери Инге Младшего, которую звали Кристина. Его убили в Уппсале в год от Рождества Христова 1160-й; там его и похоронили. Все шведы скорбели о его кончине. Теперь Бог в честь него совершает множество знамений. Его убил сын датчанина Хенрика Скотларе и Ингрид, внучки шведского короля Рагвальда; звали убийцу Магнус Хенриксон. Его вместе со всеми его сообщниками вскоре убили хельсингландцы и прочие шведы неподалеку от Уппсалы; и там, где они были убиты, теперь стоит церковь, именуемая Данмарк.

Тринадцатым был Карл – сын Сверкера Старого; он правил Швецией дурно; его избрали королем ёты до того, как Святой Эрик был избран в Уппланде; и он являлся участником заговора, который привел к убийству Святого Эрика. Поэтому Кнут, сын Святого Эрика, убил его возле Висингсё в год от Рождества Господня 1168-й.

Четырнадцатым был Кнут, сын святого Эрика. Он захватил Швецию с оружием в руках, ибо три года находился в изгнании в Норвегии. Затем он убил короля Карла в Висингсё. И король Карл с королем...³²

...Рислеф. Он сражался во многих битвах и во всех одержал победу, и ему пришлось немало потрудиться, прежде чем он наконец смог спокойно править Швецией. Затем он стал властительным и достойным королем, и правил 23 года. Он умер в Евле и похоронен в Варнхеме в год от Рождества Господня 1192-й.

Пятнадцатым был Сверкер, сын короля Карла, – умный и отважный человек; жители королевства его любили. Его зять был из рода Фолькунгов и сражался против шведского короля в Гестельрене, и Сверкер был убит в бою, и был похоронен в Альвастре в год Господень 1210-й.

³⁰ Цистерцианский монастырь в провинции Эстерьётланд; основан в 1143 г. монахами французского монастыря Клерво.

³¹ Король Эрик Йедвардссон Святой; ум. ок. 1160 г.

³² Пропуск в тексте.

Шестнадцатым был Эрик – сын короля Кнута и внук Святого Эрика. Его изгнали из Швеции в Норвегию. Он находился там 3 года. Затем он завоевал Швецию с мечом в руках. Он правил достойно 7 лет, и пока он жил, неизменно был хороший урожай. Он умер в Висингсё и похоронен в Варнхеме³³ вместе с братьями и другими родичами.

Семнадцатым был Юхан – младший сын короля Сверкера. Он был ребенком, когда его избрали, и правил всего три года. Он умер в Висингсё и был похоронен в Альвастре в год Господень 1222-й.

Восемнадцатым был Эрик Шепелявый – внук короля Кнута. Он был спокойным, справедливым и достойным королем; он умер в год от Рождества Господня 1250-й на Мессу свечей.

Девятнадцатым был Вальдемар, сын Биргера ярла и Ингрид Ильвы³⁴. Он приходился племянником упомянутому королю Эрику. Он был миропомазан и коронован в год от Рождества Господня 1251-й в Линчёпинге. Он зачал ребенка от сестры своей жены – дочери датского короля; за это его свергли с престола.

Двадцатым был король Магнус Амбарный замок. Он отвоевал королевство у брата – вышеуказанного короля Вальдемара, и был миропомазан и коронован в год Господень 1277-й. Он умер в Висингсё в год Господень 1290-й. Затем бонды перенесли его тело в Стокгольм; там его похоронили в монастыре Серых братьев, о чем будет далее сказано в этой книге.

Двадцать первым был король Биргер – сын Магнуса Амбарного замка. Он уморил голодом своих братьев – герцога Эрика и Вальдемара в Нючёпингской башне; за это его изгнали из королевства. Он уехал в Данию, поскольку его женой была сестра датского короля, о чем будет сказано далее в этой книге; оба они умерли в Рингстаде и там похоронены.

Двадцать вторым был король Магнус, сын герцога Эрика, которого уморили голодом. Он был избран королем на камне Мура; ему было всего три года. Его избрали королем в год Господень 1319-й. Норвегия досталась ему по наследству; Сконе и Готланд он получил на безусловных началах вместе со Швецией; затем он

³³ Цистерцианский монастырь на юго-западе Швеции.

³⁴ Указанные сведения неверны. Ингрид Ильва являлась не женой, а матерью Биргера ярла. Матерью Вальдемара Биргерссона была Ингеборг, сестра короля Эрика Шепелявого.

пропил Сконе³⁵ и принес большие бедствия Готланду. За это и за многие [другие] дурные дела его захватили в плен в сражении в местности, которая именуется Гата и находится между Энчёпингом и Эстенсбру, в год 1365-й, в понедельник после воскресенья *invocavit*³⁶. Затем он находился семь лет под стражей в Стокгольмском замке и был освобожден на том условии, что его племянник Альбрехт получит в беспрепятственное владение все замки Швеции. Затем король Магнус уехал в Норвегию и остался там. В конце концов он утонул во фьорде, именуемом Бомульфьерд, на острове под название Лундхольм.

Двадцать третьим был король Альбрехт. Он являлся герцогом Мекленбургским. Шведы провозгласили его королем за то, что он был племянником короля Магнуса. Его провозгласили королем в Стокгольме, в год Господень 1363-й, в день Святого Андрея³⁷. Затем он обрел власть и получил королевство на безусловных началах. Тогда он привел немцев и раздал им все земли и замки, и хотел получить каждую десятую усадьбу от фрельсе³⁸ – как духовного, так и светского. Поэтому рыцари Швеции заручились помощью королевы Маргареты, которая тогда правила Данией и Норвегией, и захватили короля Альбрехта и его сына, герцога Эрика, со многими другими герцогами, рыцарями и свенами в битве при Фалене в Вестерьётланде, состоявшейся в год Господень 1388 в день святого апостола Матфея³⁹. Затем она держала короля Альбрехта 7 лет в тюрьме, пока не получила на безусловных началах все замки Швеции. После этого она позволила ему уехать в Мекленбург.

Двадцать четвертой была королева Маргарета. Шведы присягнули ей на верность, чтобы она помогла им прогнать короля Альбрехта; но она оказалась ничуть не лучше, а только хуже. Она раздала все замки и земли в Швеции датчанам, ненавидела и притесняла шведов, как только могла. Она умерла во Фленсбурге от чумы, в год Господень 1412, в канун дня Симона и Иуды⁴⁰, и похоронена в Роскиллском кафедральном соборе.

³⁵ Здесь образно: утратил вследствие беспечной и разгульной жизни.

³⁶ 3 марта.

³⁷ 30 ноября.

³⁸ Фрельсе (*frälse*) – в средневековой Швеции привилегированное сословие, свободное от уплаты налогов.

³⁹ 21 сентября.

⁴⁰ 27 октября.

Двадцать пятым был герцог Эрик Померанский. Его пригласила королева Маргарета, потому что он приходился ей родственником, и сделала королем над всеми этими тремя королевствами. Его провозгласили королем на камне Мура в год Господень 1396-й, в воскресенье после дня Святой Марии Магдалины⁴¹. Он был злым, правил дурно и пожаловал все земли и замки Швеции датчанам и немцам; и унижал и притеснял шведов, как только мог; и покуда правил, воевал с голштинцами и ганзейцами. Поэтому он был изгнан из королевства, как будет далее сказано в этой книге.

Двадцать шестым был Кристофер Баварский. Шведы избрали его королем, поскольку он являлся племянником вышеназванного короля Эрика. Его провозгласили королем на камне Мура в канун праздника Святого Креста⁴² и короновали в Уппсале в праздник Святого Креста в год Господень 1441-й. Он был обманщик, не выполнял то, что скрепил грамотой, и не держал слово. Он властвовал Швецией 7 лет и правил дурно; весь народ был рад, когда он умер: ведь пока он правил, в стране было так тяжко, как никогда не было за 100 лет. Много народу умерло с голоду, и все говорили: «Спасибо государю – корой накормил!» Он скончался в Хельсингборге на 12 день Рождества⁴³ в год Господень 1448-й.

Двадцать седьмым был король Карл. Он происходил из высшего рыцарства Швеции и из древнего рода шведских королей. Он был избран в Стокгольме в четверг перед днем Святого Иоанна в середине лета⁴⁴, в год Господень 1448, и был провозглашен на камне Мура в канун дня Святого Петра и Святого Павла⁴⁵, и был миропомазан и коронован в Уппсале в следующий день Святого Петра и Святого Павла в том же году. Затем норвежцы написали ему, что и они хотят, чтобы он стал их королем. Поэтому на следующий год он отправился через Верmland и Сольйэйар, и норвежцы сперва провозгласили его королем в Бископсхаммаре в день одиннадцати тысяч девственниц⁴⁶, а оттуда тотчас направился в Троннхейм, и там был миропомазан и коронован в четверг перед днем Святой Екатерины⁴⁷, в год Господень 1449-й. Затем он отправился в путь

⁴¹ 25 июля.

⁴² 13 сентября.

⁴³ 5 января.

⁴⁴ 21 июня.

⁴⁵ 28 июня.

⁴⁶ 20 октября.

⁴⁷ 20 ноября.

через Скордаль, Йемтланд и Хельсингланд, и к Рождеству прибыл в Стокгольм.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Иордан* О происхождении и деяниях гетов / вступ. статья, перевод, коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб., 1997.
- Не только саги... Ранняя история Норвегии в средневековых памятниках / ред. С.Ю. Агишев. СПб., 2017.
- Олаус Петри*. Шведская хроника / пер., послесл., коммент. А.Д. Щеглова. М., 2012.
- Снорри Стурлусон*. Круг земной / пер. А.Я. Гуревича, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкой, М.И. Стеблина-Каменского. М., 1980.
- Хроника Эрика / пер. А.Ю. Желтухина; коммент. А.Ю. Желтухина и А.А. Сванидзе. М., 1999.
- Шведы: сущность и метаморфозы идентичности. М., 2008.
- Швеция и шведы в средневековых источниках / переводы, предисловия, комментарии А.Д. Щеглова, В.В. Рыбакова, А.Ю. Кузиной. М., 2007.
- Ericus Olai*. Chronica regni Gothorum / Textkritische Ausgabe von E. Heuman und J. Öberg. Stockholm, 1993. Bd. 1–2.
- Historia Norwegie / Ed. I. Ekrem, L.B. Mortensen; Transl. P. Fisher. Copenhagen, 2003.
- Johannesson K.* Gotisk renässans: Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm, 1982.
- Johannesson K.* Adam och hednatemplet i Uppsala // Adam av Bremen, Historien om Hamburgstiftet / Övers. E. Svenberg. Stockholm, 1984.
- Löw G.* Sveriges forntid i svensk historieskrivning. Stockholm 1908.
- Monumenta Historica Norvegiae / Ed. G. Storm. Kristiania, 1880.
- Munch P.A.* Om kilderne til Sveriges historie i den førkristelige tid // Annaler for nordisk oldkyndighed og historie. København, 1858.
- Nordström J.* Johannes Magnus och den götiska romantiken. Stockholm, 1975.
- Nyrin-Heuman E.* Källkritiska, textkritiska och språkliga studier till Ericus Olais Chronica gothorum. Lund, 1944.
- Olaus Petri*. Samlade skrifter. Uppsala, 1914–1917. Bd. 1–4.
- Scheglov A.* Ericus Olai och Adam av Bremen // Historisk tidskrift. Stockholm, 2014. Bd. 133. S. 145–169.
- Scriptores rerum Svecicarum medii aevi / Ed. E.M. Fant et al. Uppsala, 1818–1871. Bd. 1–3.
- Småstycken på forn svenska / Utg. G.E. Klemming. Stockholm, 1868.

Andrey D. Scheglov

THE *PROSAIC CHRONICLE*: A MONUMENT OF SWEDISH LATE
MEDIEVAL HISTORICAL THOUGHT

The so-called *Prosaic Chronicle* is a late medieval Swedish historical work which is especially interesting due to its ideas. This chronicle was written in the middle of the 15th century by an unknown Swedish author. It tells about the reign of the Swedish kings from the primordial times to the time when the author lived.

The *Prosaic Chronicle* is a valuable monument of the so-called Gothicist theory which proclaimed that the Swedes were the descendants of the ancient Goths who conquered Europe, and that the Swedes were superior to other peoples. The *Prosaic Chronicle* claims that the Swedes are a special people, the heirs of the Goths and the Scythians. Describing the glorious deeds of the Goths, the chronicler quotes a number of celebrated authors – in particular, Jordanes and Rodrigo Jiménez de Rada.

The *Prosaic Chronicle* is also interesting as a monument which shows how the texts of the foreign historians, especially Adam of Bremen, were interpreted in late medieval Sweden. In particular, a free interpretation of Adam's description of the pagan temple of Uppsala, as well as some reading mistakes, led to the emergence of a peculiar Swedish tradition regarding the temple mentioned. According to the *Prosaic Chronicle* and some other Swedish sources, the god Thor was portrayed as a naked boy sitting in a cart and holding seven stars in his hand.

The description of the so-called *Ynglinga* kings, which the *Prosaic Chronicle* borrowed from a Norwegian source, *Historia Norwegie*, was transformed in a similar way. An extract from this source made by a late medieval scribe contained a number of mistakes, which gave birth to a peculiar Swedish narrative tradition regarding the *Ynglinga* dynasty. For instance, in one of the passages, the Latin word *nanum* ('a dwarf') was mistakenly interpreted as *manum* ('the hand'), and the story of king Sveigdir who chased a dwarf and went into a rock, was transformed into the story of king Sverker who hit a rock with such force that his hand stuck in the stone.

Even though the *Prosaic Chronicle* has attracted scholars' attention both in Sweden and abroad, it has never been translated into any modern language, including the Modern Swedish. The present publication contains a commented Russian translation of the *Prosaic Chronicle* according to the Old Swedish text published in the series *Scriptores rerum svecicarum*.

Key words: Sweden, The Middle Ages, literacy, historiography, chronicles, the *Prosaic Chronicle*

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. СПб., 1835. Т. 1–3.
АЕ	Археографический ежегодник. М.
АН	Архитектурное наследство. М.; СПб.
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М.; Л., Т. 1–3.
БСЭ	Большая советская энциклопедия.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВЕДС	Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: мат-лы конф.
ВИ	Вопросы истории. М.
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины. Л.; СПб.
ВЯ	Вопросы языкознания. М.
ВЭ	Вопросы эпиграфики. М.
ГВНП	Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
ГСБМ	Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1990. Вып. 10; 2000. Вып. 19; 2002. Вып. 21.
ДГ	Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ДРВМ	Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИЗ	Исторические записки. М.
ИПОРЯС	Известия по Отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.
КБН	Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
КЗ	<i>Снорри Стурлусон</i> . Круг Земной / изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. М.

КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
ЛИИРЯ	Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.
ЛМ-228	Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М.В. Ключко, 1533–1540 (Литовская метрика. Кн. № 228. Книга судных дел № 9) / подгот. В.А. Воронин, А.И. Груша, И.П. Старостина, А.Л. Хорошкевич; отв. ред.: А.Л. Хорошкевич, Г.Я. Голенченко. М., 2008.
МИС	<i>Граков Б.Н.</i> Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
НГБ-12	<i>Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.</i> Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. Т. 12.
НИС	Новгородский исторический сборник.
НО	Надписи Ольвии (1917–1965). Л., 1968.
НЭПХ	<i>Соломоник Э.И.</i> Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. Т. 1; Киев, 1972. Т. 2.
ОПИ НГМ	Отдел письменных источников Новгородского государственного музея
ПВЛ	«Повесть временных лет»
ПИ	Проблемы источниковедения. М.
ПГ	Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / подгот. А.Л. Хорошкевич, С.В. Полехов, В.А. Воронин, А.И. Груша и др. М., 2015. Т. 1.
ПД	<i>Петр из Дусбурга.</i> Хроника земли Прусской / изд. подг. В.И. Матузова. М., 1997.
ПП	«Память и похвала князю Владимиру» Иакова Мниха
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
Т. 1:	Лаврентьевская летопись. М., 1997.
Т. 3:	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
ПЭ	Православная энциклопедия. М.
РА	Российская археология. М.
РАН	Российская Академия наук

РИБ	Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. СПб.
Т. 20:	Литовская метрика, т. 1. 1903.
РНБ	Российская национальная библиотека. Отдел рукописей
РЯНО	Русский язык в научном освещении. М.
СА	Советская археология. М.
СК	Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984.
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Л.; СПб.
УЖ	Український історичний журнал. Київ.
ХП-П	<i>Капитанов С.М.</i> Хронологический перечень имунитетных грамот XVI в. Часть вторая // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 129–200.
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей Российских
ANF	Arkiv för nordisk filologi. Lund.
Anon. Val.	Anonymus Valesianus, pars prior
ARCHIBAB	Archives babyloniennes, XXe-XVIII siècles av. J.-C. (< www.archibab.fr >).
ARM	Archives royales de Mari. P., 1941–2009; Leuven; P.; Walpole, 2012–
BCzart.	Muzeum narodowe w Krakowie – Biblioteka książąt Czartoryskich.
BDTNS	Base de Datos de Textos Neosumerios = Database of Neo-Sumerian Texts // < http://bdtns.filol.csic.es >.
BGA I:	Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí. Leiden, 1870.
BGA VII:	Kitab al-A'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892.
BGA VIII:	Kitab at-tanbi h wa'l-ischraf auctore al-Masûdi .../ M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.
CDLI	Cuneiform Digital Library Initiative // < https://cdli.ucla.edu >.

DN	Diplomatarium Norvegicum. Oldbreve til Kundskab om Norges indre og ydre Forholde, Sprog, Slægter, Sæder, Lovgivning og Rettergang i Middelalderen / C.R. Unger et al. Christiania, 1849–1976. B. I–XXI (< https://www.dokpro.uio.no/dipl_norv/diplom_field_eng.html >).
Fara	<i>Deimel A.</i> Die Inschriften von Fara. B., 1922–1924. Bd. 1–3.
Fask	Fagrskinna. Nóre regs konunga tal / Bjarni Einarsson. Reykjavík
Fask / Finlay	Fagrskinna. A Catalogue of the Kings of Norway / A Translation with Introduction and Notes by A. Finlay. Leiden; Boston, 2004
FM	Florilegium Marianum. P., 1992–
Greg. Tur.	Gregorius Turonensis. Historia Francorum
Hák	Det Arnamagnæanske håndskrift 81a fol. (Skálholtsbók yngsta). Inneholdend e Sverris saga, Þoglunga søgur, Hákonar saga Hákonarsonar / A. Kjær og L. Holm-Olsen. Kristiania, Oslo, 1910–1987
Hkr	<i>Snorri Sturluson.</i> Heimskringla. 1–3 / Bjarni Aðalbjarnarson. 1941–1951. (ÍF; 26–28).
HUS	Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass.).
IED	<i>Cleasby R., Gudbrand Vigfusson.</i> An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957.
ÍF	Íslenzk Fornrit. Reykjavík.
IOSPE P	<i>Latyshev B.</i> Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.
Iord. Get.	Iordanes. De origine actibusque Getarum
KB	Kungliga biblioteket, Stockholm (Королевская библиотека, Стокгольм).
LM-9	Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская метрика. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9 / Par. K. Pietkiewicz. Vilnius, 2002.
LM-11	Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская метрика. Knyga Nr. 11 (1518–1523). Įrašų knyga 11 / Par. A. Dubonis. Vilnius, 1997.
LM-25	Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская метрика. Knyga Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25 / Par.: D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius, 1998.
Marc. Com.	Marcellinus Comes. Chronicon

MDP	Mémoires de la Délégation de Perse. P., 1900–
MGH AA	Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi.
MGH SM	Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum.
Msk	Morkinskinna 1–2 / Ármann Jakobsson, Þórður Ingi Guðjónsson (ÍF; 23–24). 2011.
MSVO	Materialien zu den frühen Schriftzeugnissen des Vorderen Orients. B., 1991–
MVN	Materiali per il vocabolario neosumerico. Rome, 1974–
OECT	Oxford Editions of Cuneiform Texts. Oxford, 1923–
Olymp. Fr.	Olympiodori Fragmenta
ONP	Ordbog over det norrøne prosasprog // < http://onpweb.nfi.sc.ku.dk/wordlist_d_adv.html >.
ÓTOddr	Óláfs saga Tryggvasonar eptir Oddr munk Snorrason / Ólafur Halldórsson (ÍFt; 25). 2006.
PL	Patrologiae cursus completus. Series Latina / Ed. J.P. Migne. P.
PLRE	The Prosopography of the Later Roman Empire
Prisc. Pan. Fr.	Priscus Panitus. Fragmenta
RL	Russian Linguistics.
Sidon. Carm.	Gai Sollii Apollinaris Sidonii Carmen II
SIG	Sylloge inscriptionum Graecarum.
SRS	Scriptores rerum svecicarum.
Strabo	Strabo. The Geography
TCM	Textes cunéiformes de Mari. P., 1974–
Theod	Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium // Monumenta historica Norvegi?
UWKL	Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. Warszawa.
T. 1:	Województwo Wileńskie. XIV–XVIII wiek. 2004.
T. 4:	Ziemia Smoleńska i województwo Smoleńskie XIV–XVIII wiek. 2003.
YOS	Yale Oriental Series, Babylonian Texts. New Haven; L.; Oxford, 1915–
ZDA	Zeitschrift für deutsches Altertum. B.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Арутюнова-Фиданян** Вианда Артуровна – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Архипов** Илья Сергеевич – канд. ист. наук, доцент НИУ «Высшая школа экономики», вед. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Гаврилов** Александр Петрович – директор Шиловского районного краеведческого музея (Рязанская обл.)
- Гимон** Тимофей Валентинович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН и Гос. акад. ун-та гуманитар. наук
- Груша** Александр Иванович – д-р ист. наук, доцент, директор Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (Минск)
- Джаксон** Татьяна Николаевна – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Дробышева** Мария Михайловна – преподаватель, мл. науч. сотр. Гос. акад. ун-та гуманитар. наук
- Ермолова** Ирина Евгеньевна – канд. ист. наук, доцент Рос. гос. гуманитар. ун-та
- Калинина** Татьяна Михайловна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Каштанов** Сергей Михайлович – чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Короленков** Антон Викторович – канд. ист. наук, доцент Гос. акад. ун-та гуманитар. наук
- Литовских** Елена Владимировна – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Макушников** Олег Анатольевич – д-р ист. наук, доцент, проф. Гомельского гос. ун-та им. Франциска Скорины (Беларусь)
- Матузова** Вера Ивановна – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Мельникова** Елена Александровна – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Мишин** Дмитрий Евгеньевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та востоковедения РАН
- Скржинская** Марина Владимировна – д-р ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та истории Украины Нац. акад. наук Украины (Киев)
- Столярова** Любовь Викторовна – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Суриков** Игорь Евгеньевич – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, проф. Рос. гос. гуманитар. ун-та

Тишин Владимир Владимирович – ст. науч. сотр. Ин-та монголоведения,
буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ)

Храпачевский Роман Петрович – директор Центра по изучению военной
и общей истории (Москва)

Щеглов Андрей Джолиардович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та все-
общей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>I.S. Arkhipov.</i> On the use of “check marks” in cuneiform writing	10
<i>И.Е. Суриков.</i> Государственность и письменность в античном греческом мире: Некоторые аспекты корреляции двух сфер	22
<i>М.В. Скржинская.</i> Роль письменных документов в деятельности античных государств Северного Причерноморья	41
<i>А.В. Короленков.</i> Сожжение писем врагов в Риме и <i>clementia</i> : От Республики к империи	62
<i>В.А. Арутюнова-Фиданян.</i> Армянская государственность и раннее историописание: Особенности взаимодействия	71
<i>И.Е. Ермолова.</i> Гунны и письменность	86
<i>А.П. Гаврилов.</i> Знаки на предметах археологической культуры рызано-окских могильников	95
<i>В.В. Тишин.</i> Социально-политический контекст возникновения древнетюркской рунической письменности	104
<i>Р.П. Храпачевский.</i> Монгольская письменность как государствообразующий фактор державы Чингисхана и его преемников	128
<i>Е.А. Мельникова.</i> Руническое письмо на периферии скандинавского мира. Часть 1: Острова Северной Атлантики	140
<i>Т.Н. Джаксон.</i> От устной коммуникации к письменной: Ситуация в средневековой Норвегии в освещении исландских саг	169
<i>Е.В. Литовских.</i> Мастерская Стурлы Тордарсона: Устные и письменные источники «Sturlubók»	196
<i>Т.В. Гимон.</i> Князь Владимир и письменность	216
<i>М.М. Дробышева.</i> История изучения древнерусских настенных надписей-граффити (XI–XIV вв.)	241
<i>С.М. Кашианов, Л.В. Столярова.</i> Мстиславова грамота: Проблемы происхождения	282
<i>В.И. Матузова.</i> Крестоносная идеология в письменных памятниках Тевтонского ордена в Пруссии (XIII–XIV вв.)	331
<i>А.И. Груша.</i> Правосудие для властителя: Процесс 1467 г. в контексте социокультурных изменений в Великом княжестве Литовском во второй половине XV в.	347

Публикации

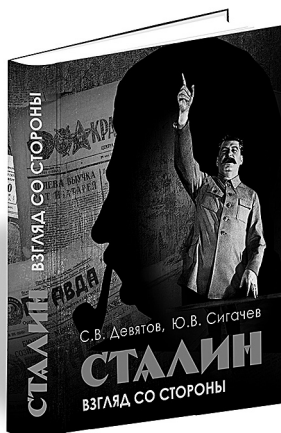
<i>Д.Е. Мишин.</i> Среднеперсидский текст «О том, как писать письма»	368
<i>Т.М. Калинина.</i> «Фихрист» Ибн ан-Надима (X в.) о письме и письменности некоторых восточно- и западноевропейских народов	383
<i>О.А. Макушиников, Е.А. Мельникова.</i> Перстень с рунической надписью со средневекового поселения Каравышень в Гомельском Поднепровье	406
<i>А.Д. Щеглов.</i> «Прозаическая хроника»: Памятник шведской исторической мысли позднего Средневековья	422
Список принятых сокращений.....	443
Сведения об авторах	448

CONTENTS

Preface	5
<i>Ilya S. Arkhipov</i> . On the use of “check marks” in cuneiform writing	10
<i>Igor E. Surikov</i> . Statehood and Writing in Ancient Greek World: Some Aspects of Correlation of the Two Spheres	22
<i>Marina V. Skrzhinskaya</i> . The Role of Written Documents in the Life of Antique States of North Black Sea Coast.....	41
<i>Anton V. Korolenkov</i> . The Burning of the Unwanted Enemies’ Letters in Rome and <i>clementia</i> : from the Republic to the Empire	62
<i>Viada A. Arutyunova-Fidanyan</i> . State and Early Historical Writing in Armenia: Aspects of Interaction	71
<i>Irina E. Ermolova</i> . The Hunns and the Writing	86
<i>Aleksandr P. Gavrilov</i> . Signs on Objects of the Culture of Ryazan-Oka Burial Sites.....	95
<i>Vladimir V. Tishin</i> . A Socio-Political Background of the Origin of Old Turkic Runic Writing.....	104
<i>Roman P. Khrapachevsky</i> . The Mongolian Writing as a State-Forming Factor for the Polity of Genghis Khan and His Successors.....	128
<i>Elena A. Melnikova</i> . Runic Writing in the Periphery of the Scandinavian World. Part 1: the Islands of the North Atlantic.....	140
<i>Tatjana N. Jackson</i> . From Oral Communication to Written: Situation in Medieval Norway in the Light of Icelandic Sagas.....	169
<i>Elena V. Litovskikh</i> . The Workshop of Sturla Þórðarson: Oral and Written Sources of <i>Sturlubók</i>	196
<i>Timofey V. Guimon</i> . Prince Vladimir and Writing	216
<i>Maria M. Drobysheva</i> . The Historiography of Old Rus Wall Graffiti (the 11 th –14 th centuries)	241
<i>Sergey M. Kashtanov, Lyubov V. Stolyarova</i> . Mstislav’s Charter: Problems of Origin	282
<i>Vera I. Matuzova</i> . Crusading Ideology in the Writings of the Teutonic Order in Prussia in the 13 th and 14 th centuries.....	331
<i>Aleksandr I. Hruša</i> . Justice for the Lord: the Process of 1467 in the Context of Socio-Cultural Changes in the Grand Duchy of Lithuania in the Second Half of the 15 th Century	347

Publications

<i>Dmitry E. Mishin. The Middle Persian Text</i> <i>Abar ēwēnag-i-nāmag-nibēsišnīh (How to Write Letters)</i>	368
<i>Tatiana M. Kalinina. Ibn al-Nadim's Fihrist (the 10th Century) on Writing</i> <i>and Script of Some Peoples of Eastern and Western Europe</i>	383
<i>Oleg A. Makushnikov, Elena A. Melnikova. A Finger-Ring with a Runic</i> <i>Inscription from Karavyshen' Medieval Settlement (Gomel Region,</i> <i>Belarus)</i>	406
<i>Andrey D. Scheglov. The Prosaic Chronicle: a Monument</i> <i>of Swedish Late Medieval Historical Thought</i>	422
List of abbreviations.....	443
Notes on contributors.....	448

В уникальном издании, посвященном Иосифу Виссарионовичу Сталину, представлены различные точки зрения на личность вождя, в том числе полностью противоположные. Эти оценки тут же можно сравнить с формулировками классического советского исторического официоза того времени — краткой биографии Сталина, одобренной и отредактированной самим вождем. В издании собраны и воспоминания современников, встречавшихся с главным героем (такое уже бывало), и выдержки из работ отечественных и зарубежных историков, исследовавших как самого лидера большевиков, так и историю Советского Союза в годы его правления. Большинство из них объединяет то, что создатели этих трудов справедливо видели ключ к пониманию личности Сталина в изучении архивных документов той эпохи. Составители издания преуспели и в этом направлении, представив в сборнике многочисленные документы, которые лишь недавно стали доступны исследователям.

По вопросам розничной и оптовой продажи
обращайтесь в издательство по адресу:
119146, Москва, Комсомольский проспект, д. 23/7, корп. 2.
Наш телефон: +7 (499) 242-37-24
E-mail: knigiudp@gmail.com
Сайт: <http://publisher.usdp.ru>

Гелий Рябов — писатель, кинорежиссер, сценарист, автор фильмов и книг о работе милиции и КГБ. В 1979 году после долгой исследовательской работы он определил место тайного захоронения последнего русского императора Николая II, его семьи и их приближенных. Вместе с А. Авдониным и Г. Васильевым он обнаружил останки Романовых. Книга рассказывает о тяжелом пути к этой скорбной находке, о непростых и неоднозначных событиях, связанных с ней, на протяжении нескольких десятилетий. В книге представлены уникальные фотографии из архива Г. Рябова.

По вопросам розничной и оптовой продажи
обращайтесь в издательство по адресу:
119146, Москва, Комсомольский проспект, д. 23/7, корп. 2.
Наш телефон: +7 (499) 242-37-24
E-mail: knigiudp@gmail.com
Сайт: <http://publisher.usdp.ru>

Научное издание

**Древнейшие государства Восточной Европы.
2017–2018 годы: Ранние формы и функции письма**

Ответственный редактор тома
Т.В. Гимон

Верстка *А.А. Васильева*
Корректор *Е.В. Субботина*

Подписано в печать 22.03.2019. Формат 60 × 90^{1/16}.
Гарнитура «Таймс».
Тираж 500 экз. Заказ №

«Русский фонд содействия образованию и науке».
Университет Дмитрия Пожарского.
1119146, Москва, Комсомольский пр-т, д. 23/7, корп. 2.
Сайт: www.publisher.usdp.ru.
Тел.: +7 (499) 242-37-24.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».
Филиал «Чеховский Печатный Двор».
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.
Сайт: www.chpd.ru,
E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499) 270-73-59.